

INSPIRIA

От автора цикла романов
«СЕМЬ СЕСТЕР»

Люсинда
Райли

Комната бабочек

INSPIRIA

Annotation

Поузи живет в старинном доме. Она провела там прекрасное детство. Но годы идут, и теперь ей предстоит принять мучительное решение – продать Адмирал-хаус и избавиться от всех связанных с ним воспоминаний.

Но Адмирал-хаус – это история семьи длиною в целый век, история драматичной любви и ее печальных последствий, память о войне и ошибках нескольких поколений.

Поузи колеблется, когда перед ней возникает самое желанное, но и опасное видение – Фредди, ее первая любовь, человек, который бросил ее с разбитым сердцем много лет назад. У него припасена для Поузи разрушительная тайна. Тайна, связанная с ее детством, которая изменит все.

Люсинда Райли родилась в Ирландии. Она прославилась как актриса театра, но ее жизнь резко изменилась после публикации дебютного романа. Это стало настоящим событием в Великобритании. На сегодняшний день книги Люсинды Райли переведены более чем на 30 языков и изданы в 45 странах. Совокупный тираж превысил 30 млн экземпляров.

Люсинда Райли живет с мужем и четырьмя детьми в Ирландии и Англии. Она вдохновляется окружающим миром – зелеными лугами, звездным небом и морскими просторами. Это мы видим в ее романах, где герои черпают силы из повседневного волшебства, что происходит вокруг нас.

-
- [Люсинда Райли](#)
 -
 -
 -
 - [Поузи](#)
 -
 - [Июнь 1943](#)
 - [Осень 1944](#)

- [Адмирал-хаус](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [Поузи](#)
 -
 - [Декабрь 1944](#)
 - [Август 1949](#)
 - [Ноябрь 1954](#)
- [Адмирал-хаус](#)
 -
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
- [Поузи](#)
 -
 - [Июнь 1955](#)
- [Адмирал-хаус](#)
 -
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Поузи](#)
 -
 - [Лето 1958](#)
- [Адмирал-хаус](#)
 -
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
- [Шесть месяцев спустя](#)
 -
 - [Глава 42](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
-

Люсинда Райли

Комната бабочек

Lucinda Riley
THE BUTTERFLY ROOM
Copyright © Lucinda Riley, 2019

Перевод с английского Маргариты Юркан
Художественное оформление Яны Паламарчук
В коллаже на обложке и суперобложке использованы фотографии:
© 1000 Words, Vladimirkarp, djgis / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Юркан М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

* * *

*Моей свекрови,
Валери, с любовью*

Поузи

*Адмирал-хаус,
Саутволд, Саффолк*

Дневная бабочка-адмирал (Vanessa atalanta, лат.)

Июнь 1943

– Помни, радость моя, что ты фея и бесшумно летаешь над землей на легчайших крылышках, готовая поймать свою добычу в шелковый сачок. Смотри! – прошептал он мне на ухо. – Вон она, прямо на кончике листочка. Ну, давай, лети!

Я послушно закрыла на несколько мгновений глаза и поднялась на цыпочки, воображая, как мои ножки отрываются от земли. Но вот я почувствовала, как папина ладонь слегка подтолкнула меня вперед. Открыв глаза, я пристально взглянула на лазурно-голубые крылышки бабочки и, стремительно сделав два шажка, накинула сачок на хрупкий длинный лист куста буддлеи, где как раз сидела голубянка арион.

Волна воздуха под опускавшимся шелком насторожила голубянку, она расправила крылышки, намереваясь взлететь. Но опоздала, ведь я, Поузи, принцесса фей, уже поймала ее. Разумеется, ей не причинят вреда, просто Лоренс, король нашей Волшебной страны – а также мой отец – изучит ее и отпустит на свободу после того, как она вдоволь насладится лучшим нектаром в большой стеклянной банке.

– Какая же умница, моя Поузи! – воскликнул папа, когда я, пройдя обратно по траве, самодовольно вручила ему сачок. Он присел и склонился ко мне так, что наши взгляды – все говорили, что у нас с ним одинаковые глаза – встретились, сияя общей восторженной гордостью.

Я внимательно следила, как он, склонив голову, разглядывал пойманную бабочку, она сидела совершенно неподвижно, уцепившись крошечными лапками за белый шелк своей тюрьмы. Свои волосы темно-каштанового цвета папа смазывал маслом, чтобы они выпрямились, и потому они блестели на солнце, как столешница нашего длинного обеденного стола, старательно отполированная Дейзи. От его волос исходил изумительный запах – уютный и домашний папин запах, ведь папа и воплощал в себе понятие «дом», и я любила его больше всех во всех моих мирах, как человеческом, так и волшебном. Маман я тоже любила, конечно, но, несмотря на то что она почти всегда находилась дома, я чувствовала, что знаю ее не так хорошо, как папу. Из-за странных мигреней она проводила много

времени в своей комнате, а когда выходила оттуда, то обычно бывала так занята делами, что не могла уделить мне ни минуты.

– Ты знаешь, милая моя девочка, что тебе попался идеальный экземпляр! – воскликнул папа, взглянув на меня. – Подлинная редкость на наших берегах, и, безусловно, благородного рода, – добавил он.

– Может, он принц королевства бабочек? – спросила я.

– Вполне возможно, – согласился папа. – Мы должны обходиться с ним с крайним почтением, как того требует его королевский статус.

– Лоренс, Поузи... обедать! – позвал нас донесшийся из-за кустов голос.

Встав с корточек, папа поднялся над кустом буддлеи и махнул рукой в сторону темневшей за лужайкой террасы Адмирал-хауса.

– Идем, милая, – крикнул он в ответ довольно громко, ведь мы находились далеко от дома. Я заметила, как заискрились улыбкой его глаза при виде жены: моя мать не ведала о своем царственном положении Королевы Волшебной страны. Мы с папой никого больше не посвящали в нашу игру.

Взявшись за руки, мы прошли по газонам, вдыхая запах свежескошенной травы, он ассоциировался у меня с веселыми праздниками в саду: с друзьями маман и папы, все с шампанским в одной руке и крокетным молотком в другой, ударяют по шарам, они проскакивают через воротца на крокетном поле, траву на котором как раз по таким случаям и скашивал сам папа...

С начала войны такие веселые дни случались редко, что делало воспоминания о них еще более драгоценными. Из-за этой войны папа стал прихрамывать, поэтому мы с ним теперь гуляли совсем медленно, хотя мне такая замедленность как раз нравилась, ведь она означала, что папа будет дольше принадлежать мне одной. Правда, ему уже стало намного лучше, чем в тот день, когда его привезли домой из госпиталя. Поначалу он передвигался в кресле на колесиках, как старичок, и его глаза тоже смотрели уныло и грустно. Но благодаря уходу маман и Дейзи и еще тому, что я старалась изо всех сил, читая ему книжки, он быстро пошел на поправку. Последние дни он уже даже не брал с собой на прогулку трость, если мы ходили только по нашему саду.

– А теперь, Поузи, беги в дом и вымой руки и лицо. Да скажи маме, что мне еще надо найти местечко для новой гостьи, – велел мне

папа, взмахнув сачком, когда мы достигли крыльца, ведущего на веранду.

– Хорошо, папуля, – ответила я, глядя, как он удаляется по газону и скрывается за высокой самшитовой живой изгородью. Он направился к нашей Башне из желтых песчаных кирпичей, к нашему прекрасному сказочному Замку для волшебного народца, где радушно принимали залетевших в гости бабочек. Папа проводил там массу времени. В уединении. Когда маман просила меня позвать папу к обеду, мне удавалось лишь украдкой заглядывать в округлое помещение, что находилось сразу за входной дверью Башни – там было очень темно и пахло какой-то плесенью.

В этом нижнем помещении хранилось «садовое оборудование», как называл его папа; теннисные ракетки теснились рядом с крокетными воротцами и испачканными землей резиновыми сапогами. Меня никогда не приглашали подняться по ступенькам винтовой лестницы, которая вела все выше и выше, под самую крышу (хотя я побывала там, тайно забравшись наверх, когда маман позвала папу домой к телефону). К моему крайнему разочарованию, я обнаружила, что папа успел запереть массивную дубовую дверь наверху. И дверь даже не шелохнулась, несмотря на то что я изо всех своих детских сил крутила ее круглую ручку. Я знала, что, в отличие от нижнего зала, в верхнем имелось много окон, поскольку видела их из сада. Наша Башня отчасти напоминала мне саутволдский маяк, только Башню увенчивали зубцы короны, а на верхнем ярусе маяка горел яркий свет.

Поднявшись по крыльцу на террасу, я радостно вздохнула, увидев красивые стены нашего большого дома из розового кирпича, с рядами высоких подъемных окон, обрамленных зелеными плетями глициний. Я заметила, что на веранде накрыт для обеда позеленевший кованый железный стол, потерявший от старости свой исходный черный цвет. На столе лежало только три салфетки, а на них стояло столько же тарелок и стаканов для воды, то есть обедать мы собирались втроем, что было на редкость необычно. «Как замечательно, – подумала я, – что мне достанется все внимание маман и папы».

Войдя в дом через широкие двери, я прошла по гостиной между обитыми шелковым дамастом диванами, стоявшими вокруг огромного мраморного камина – такого большого, что в прошлом году Санта-Клаус умудрился на Рождество спустить туда блестящий красный

велосипед, – и пробежала по лабиринту коридоров до туалетной комнаты нижнего этажа. Закрыв за собой дверь, я обеими руками открутила большой серебряный кран и тщательно вымыла руки. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы увидеть в зеркале свое отражение и проверить, не осталось ли грязи на лице. Маман очень придирчива к внешнему виду – папа говорит, что это все из-за ее французских предков, – и горе любому из нас, если мы не явимся к столу безукоризненно чистыми и опрятными.

Однако даже маман не удавалось справиться с пружинистыми завитками моих темно-русых волос, они упорно вырывались на свободу из туго заплетенных кос, вились сзади на шее и, выскальзывая спереди, окружали мой лоб пышным ореолом. Однажды вечером, когда папа укладывал меня в постель, я спросила, не может ли он одолжить мне немного своего масла для волос, вдруг оно мне поможет, но он только посмеялся, накрутив себе на палец один из моих локонов.

– Ничего подобного тебе не нужно. Мне нравятся твои кудряшки, радость моя, и будь на то моя воля, они целыми днями могли бы свободно струиться по твоим плечам.

Возвращаясь обратно по коридору, я в очередной раз сокрушенно вздохнула из-за того, что мне не достались по наследству мамины гладкие и прямые как палки, густые светлые волосы. По цвету они напоминали белый шоколад, который она подавала к кофе после ужина. Моя же шевелюра, по крайней мере, по словам маман, скорее напоминала café au lait^[1]. Я же лично определяла свой цвет волос как серо-буро-малиновый.

– Наконец-то, Пуузи, – сказала маман, когда я вышла на террасу. – А где твоя шляпа?

– Ой, должно быть, осталась в саду, где мы с папой ловили бабочек.

– Сколько раз мне еще повторять, что кожа на твоем лице может сгореть и быстро сморщиться, как сушеный чернослив, – укорила меня маман, когда я устроилась за столом. – И в сорок лет ты будешь выглядеть, как шестидесятилетняя старушка.

– Я постараюсь не терять шляпку, маман, – покладисто ответила я, на самом деле думая, что сорок лет – тоже почтенный возраст, и к тому времени вид моего лица вряд ли будет волновать меня.

– Как нравится моей старшей любимой девочке нынешний чудесный денек?

Появившись на веранде, папа заключил маман в объятия, и часть воды из графина, который она держала, выплеснулась на серые каменные плиты пола.

– Осторожнее, Лоренс! – сердито воскликнула маман и, высвободившись из его рук, поставила графин на стол.

– Разве это не славный, вселяющий надежды денек? – Папа улыбнулся, садясь за стол напротив меня. – Причем прекрасная погода, видимо, продержится до выходных, и, значит, нашим гостям тоже повезет.

– К нам приедут гости? – спросила я, когда маман села рядом с ним.

– Да-да, моя радость. Твоего отца признали достаточно здоровым для возвращения на службу, поэтому мы с маман решили повеселиться напоследок, пока есть возможность.

Сердце у меня ёкнуло, когда Дейзи, наша единственная служанка, поскольку все остальные слуги ушли на военную службу, подала на стол мясо и редис. Я терпеть не могла редиску, но на этой неделе в нашем огороде осталась только редиска, а все остальные овощи тоже отправились на военные нужды.

– И надолго ты уедешь, папа? – спросила я тихим напряженным голосом, чувствуя, как плотный комок в горле мешает мне говорить, словно в горле уже застрял кусок противной редиски. И еще я вдруг поняла, что вот-вот разревусь, как маленькая.

– О нет, солнышко, теперь, должно быть, не слишком надолго. Всем известно, что этот Варвар обречен, но ты же понимаешь, я должен помочь нанести финальный удар. Не могу же я подвести своих друзей, верно?

– Верно, папа, – удалось мне выдавить дрожащим голосом. – Но ведь у тебя больше не будет ранений, правда?

– Нет-нет, chérie, – воскликнула маман. – Твой рара^[2] способен выдержать любые удары, верно ведь, Лоренс?

Я заметила, как натянуто улыбнулась моя мать, и подумала, что она, должно быть, так же, как я, беспокоится за папу.

– Способен, любовь моя, – ответил он, накрыв ладонью ее руку и крепко сжав ее. – Конечно, способен.

* * *

– Папа, – сказала я на следующее утро за завтраком, осторожно окуная в яйцо хрустящий гренок, – сегодня так тепло, может, мы сходим к морю? Ведь мы так давно не гуляли по взморью.

Я видела, как папа глянул на маман, но она, казалось, ничего не замечая, пила café au lait, читая свои письма. Маман постоянно получала множество писем из Франции, написанных на тончайшей бумаге, даже тоньше, чем крылышко бабочки, и их тонкость вполне гармонировала с обликом маман, поскольку все в ее натуре выглядело на редкость хрупким и утонченным.

– Папуля? Взморье... – с нажимом повторила я.

– Прелесть моя, боюсь, что взморье сейчас не подходящее для прогулок местечко. Там же натянута колючая проволока, и к тому же сам берег заминирован. Помнишь, как я объяснял тебе, что случилось в Саутволде в прошлом месяце?

– Да, папуля. – Я опустила взгляд на свое яйцо и вздрогнула, вспомнив, как Дейзи тащила меня в бомбоубежище Андерсона^[3] (тогда я подумала, что его так назвали по нашей фамилии – и пришла в страшное недоумение, когда Мейбл сообщила, что у них в семье тоже есть бомбоубежище Андерсона, хотя их фамилия Прайс). Небо тогда словно ожило от грома и молний, однако папа сказал, что эту грозу наслал на нас не Господь, а Гитлер. Спрятавшись в бомбоубежище, мы все жались друг к другу, а папа сказал, что нам лучше притвориться ежиным семейством, и предложил мне свернуться клубочком, как маленькому ежику. Маман явно рассердилась, услышав, что он назвал меня ежиком, но я действительно притворилась ежонком, представив, что зарылась в норку под землю, пока над ней воевали люди. В конце концов оглушительные взрывы затихли. Папа сказал, что нам всем можно возвращаться в кровати, но я расстроилась, что мне вновь придется спать одной в своей человеческой постели, ведь в убежище нам было так хорошо всем вместе.

* * *

На следующее утро я застала Дейзи на кухне, она плакала, но не захотела говорить, что случилось. В тот день к нам не приехала тележка с молоком, и маман сообщила, что в школу я больше не пойду, потому что ее больше нет.

– Но, маман, как же ее может не быть?

– В нее попала бомба, chégie, – ответила она, выпуская сигаретный дым.

* * *

Маман курила и сейчас, и за обедом, иногда я даже беспокоилась, как бы не загорелись от сигареты ее письма, ведь, читая, она подносила их почти к самому лицу.

– А что сейчас в нашей пляжной хижине? – спросила я папу.

Я обожала наш пляжный домик – его покрасили в маслянисто-желтый цвет, и стоял он в самом конце ряда подобных домиков, поэтому если посмотреть в правильную сторону, то можно представить, что мы одни на всем побережье, хотя, оглянувшись в другую сторону, совсем неподалеку сразу увидишь и пирс, и симпатичного мороженщика рядом с ним. На берегу мы с папой обычно строили из песка разные затейливые замки с башенками, окруженные рвами с водой, достаточно глубокими для обитания в них крабиков, ежели они решатся заползти в них. Маман не любила ходить с нами на берег; она говорила, что там «слишком много песка», хотя, по-моему, это все равно что сказать, что океан слишком мокрый.

А мы, гуляя там, постоянно встречали одного старика в широкополой шляпе, он медленно бродил по берегу, тыкая в песок длинной палкой, но не такой, с какой иногда ходил на прогулку папа. Тот старик ходил с большим мешком и, то и дело останавливаясь, принимался копать.

– Пап, а что это он делает? – спросила я.

– Он живет на пляже, милая. И зарабатывает себе на пропитание продажей того, что найдет, копаясь в песке, – ракушки или какие-то чужеземные ценные вещи, упавшие с кораблей и вынесенные морскими волнами на наш остров.

– А-а, ясно, – задумчиво произнесла я, осознав, что у этого старика явно нет расчески, и, уж конечно, ему не понравился бы тот частый гребень, которым Дейзи каждое утро расчесывала мои волосы. – Ты думаешь, он хочет найти закопанные сокровища?

– Ну, если он будет упорно копать в песке, то однажды наверняка что-нибудь найдет.

С растущим интересом я наблюдала за стариком, когда он вытащил что-то из ямки и, стряхнув мокрый песок, обнаружил, что нашел всего лишь старый эмалированный чайник.

– Ах, какое разочарование, – со вздохом протянула я.

– Запомни, радость моя, то, что один человек считает хламом, другой может счесть сокровищем. Вероятно, все мы в каком-то роде искатели, – прищурившись на солнце, заметил папа. – Мы постоянно что-то ищем, надеясь найти эфемерные спрятанные сокровища, которые обогатят нашу жизнь, а если мы найдем простой чайник, а не сверкающую драгоценность, то нам надо продолжать поиски.

– Неужели, папа, ты тоже ищешь сокровища?

– Нет, моя волшебная принцесса, я уже нашел их. – Он улыбнулся, взглянув на меня, и поцеловал в макушку.

* * *

После долгого ворчания папа наконец сдался и решил отправиться со мной на речку поплавать, поэтому Дейзи помогла мне надеть купальный костюм и натянула на мои вьющиеся волосы шапочку, после чего я забралась в папину машину. Маман заявила, что она слишком занята подготовкой к завтрашнему приему, однако я только обрадовалась, поскольку тогда мы с Королем Волшебной страны сможем обогатить наш двор, наловив в реке самых разных тварей.

– А выдры там живут? – спросила я, когда мы уже ехали по проселочной дороге между холмистых зеленых полей в противоположную от моря сторону.

– Чтобы увидеть выдру, придется затаиться и сидеть очень тихо, – ответил папа. – Выдержишь ли ты, Поузи, полную неподвижность?

– Конечно!

После долгой езды я наконец увидела голубую ленту реки, ее змеящиеся извивы прятались за камышами. Припарковав машину, мы вместе направились к речному берегу, папа тащил с собой все наше научное снаряжение: фотокамеру, сачки для ловли бабочек, стеклянные банки, лимонад и сэндвичи с солониной.

Над самой водной поверхностью скользили стрекозы, но мгновенно исчезли, когда я вбежала в речку. Вода была восхитительно прохладной, но голова и лицо под шапочкой вспотели и чесались, поэтому я оставила шапочку на берегу, где папа уже тоже успел переодеться в купальный костюм.

– Если здесь и плавала только что выдра, то уже явно смоталась подальше от твоего шума и плеска, – заметил папа, войдя в реку.

Вода едва доходила ему до колен, такой он был высокий.

– Ну-ка, взгляни на эту пузырчатку, не стоит ли нам пополнить ими нашу придворную коллекцию?

Вместе пройдя к этим водным растениям, мы взяли за один из стеблей с желтыми цветочками и вытянули ее луковичное корневище. На этом растении жило множество мелких насекомых, поэтому, наполнив банку водой, мы поместили наш экземпляр внутрь для сохранности.

– А ты помнишь его латинское название, дорогуша?

– *Utri-cu-la-ria!* – гордо выговорила я, выбравшись из воды и усевшись рядом с папой на травянистый берег.

– Умница. Мне хочется, чтобы ты пообещала пополнять нашу коллекцию растений. Если увидишь интересное растение, то засуши его для гербария, как я тебе показывал. Ты же понимаешь, Поузи, что, пока я буду в отъезде, кому-то нужно продолжать помогать мне с собиранием экземпляров для будущей книги.

Открыв корзинку для пикников, папа протянул мне сэндвич, и я взяла его, пытаясь принять серьезный и научный вид. Мне хотелось дать понять папе, что он может доверить мне свою работу. До войны он изучал ботанику и, наверное, с тех пор как я появилась на свет, писал книгу. Он частенько запирался в своей Башне, говоря, что ему надо «записать кое-какие мысли». Иногда он приносил эту книгу в дом и показывал мне, какие рисунки уже сделал.

Да, его рисунки выглядели замечательно. Он объяснил мне, как все устроено в нашей среде обитания, а его книга изобиловала

красивыми иллюстрациями бабочек, насекомых и растений. Как-то раз он сказал мне, что если изменится жизнь всего одного существа, то может нарушиться все равновесие в природе.

– Посмотри, к примеру, на этих мошек. – И папа махнул рукой на комариное облачко, назойливо кружившее над нами одним теплым летним вечером. – Они крайне важны для нашей экосистемы.

– Но они же кусаются, – возразила я, ловко прихлопнув одного комара.

– Да, такова их природа, – с усмешкой согласился папа. – Но без них множество видов птиц потеряет стабильный источник пищи, и тогда их популяция резко снизится. А без птиц другие насекомые, типа кузнечиков, будут меньше поедаться и, продолжая вольготно размножаться, съедят все растения. А без растений...

– Может не хватить еды для разных травоядных животных.

– Верно, для травоядных. Поэтому, видишь ли, весь мир держится в тонком равновесии. И взмах крыльев бабочки может совершенно изменить весь наш мир^[4].

Я размышляла над его словами, пережевывая кусок сэндвича.

– У меня есть для тебя один сюрприз, – вдруг сказал папа, взяв свой рюкзак.

Он достал оттуда блестящий жестяной пенал и вручил его мне.

Открыв его, я увидела множество идеально заточенных карандашей всех цветов и оттенков радуги.

– Пока меня не будет дома, ты должна продолжать рисовать, а когда я вернусь, ты сможешь показать мне, какими искусными стали твои рисунки.

Потеряв дар речи от радости, я просто кивнула, разглядывая роскошный подарок.

– В Кембридже нас научили по-настоящему смотреть на наш большой мир, – продолжил папа. – Так много людей слепы к окружающей их красоте и магии. Но не ты, Поузи, ты уже видишь мир лучше многих. Зарисовывая природу, мы начинаем понимать ее – видеть все ее разнообразные компоненты и то, как они соединяются в единое целое. Рисую то, что видишь, и изучая зримые объекты, ты сможешь помочь другим людям понять чудеса природы.

Дома Дейзи отругала меня за то, что я намочила волосы, и засунула меня в ванную, хотя, по-моему, это вовсе не имело смысла,

ведь от этого мои подсохшие местами волосы опять стали совсем мокрыми. Едва Дейзи уложила меня спать и дверь за ней закрылась, я выскользнула из кровати и, вытащив набор моих новых цветных карандашей, потрогала их заостренные мягкие кончики. «Если я буду достаточно много заниматься рисованием, – подумала я, – то к тому времени, когда папа вернется с войны, я покажу ему, как хорошо преуспела в этом занятии, и тоже, наверное, смогу поступить в Кембридж... несмотря на то что я девочка».

На следующее утро еще из окна спальни я увидела, как по нашей подъездной аллее начали проезжать автомобили. Каждый из них был забит пассажирами; на днях я слышала, как маман объясняла, что все ее друзья объединили свои талоны на бензин, обеспечивая эту поездку из Лондона. На самом деле она называла их «émigrés», но я поняла, что она имела в виду «эмигрантов», потому что с раннего моего детства она разговаривала со мной по-французски. В словаре я вычитала, что так называют человека, переселившегося со своей родины в другую страну. По словам маман, складывалось впечатление, будто весь Париж сбежал от этой войны в Англию. Я понимала, естественно, что это преувеличение, однако на наших сборищах обычно количество французских друзей превосходило папиных английских. А мне французы даже нравились, они выглядели ужасно живописно, мужчины с яркими шарфами и в блестящих смокингах разных веселеньких расцветок, а дамы в шелковых платьях и с красной помадой на губах. И главное, они всегда привозили мне подарки, поэтому все наши приемы напоминали рождественские праздники.

Папа называл их маминой «богемой», и в словаре говорилось, что так называют творческих людей, будь то артисты, музыканты или художники. Маман когда-то пела в знаменитом ночном клубе Парижа, мне нравилось слушать ее голос, низкий и бархатисто-мягкий, как расплавленный шоколад. Правда, она не знала, что я слышала ее пение, поскольку мне уже полагалось спать, но, когда в доме гуляли гости, уснуть все равно не удавалось, поэтому я тайно выходила на лестницу и слушала их музыкальные номера и шумную болтовню. На таких вечеринках маман словно воскресала. Мне нравилось слушать ее веселый смех, ведь без гостей она смеялась не слишком часто.

Папины друзья-летчики мне тоже нравились, хотя все они одевались одинаково – в военную форму темно-синих и коричневых

цветов, поэтому все казались на одно лицо. Больше всех мне нравился мой крестный Ральф, лучший папин друг; мне он казался очень красивым, с темными волосами и большими карими глазами. На картинке в моей книжке сказок я любовалась принцем, который поцеловал Белоснежку и разбудил ее. Так вот дядя Ральф выглядел в точности как этот принц. К тому же он прекрасно играл на пианино – до войны он был концертирующим пианистом (до войны, как я узнала, буквально все наши знакомые занимались чем-то другим, за исключением Дейзи, нашей служанки). Дядя Ральф чем-то болел, поэтому не мог воевать или летать на военных самолетах. Ему пришлось заниматься тем, что взрослые называли «кабинетной работой», хотя я не представляла, чем можно заниматься в кабинете, кроме как сидеть за письменным столом, вероятно, именно так он работал. Пока папа летал на своих истребителях «Спитфайр», что означало «извергающий огонь», дядя Ральф иногда навещал нас с маман, и его визиты становились для нас настоящими праздниками. Он мог приехать в воскресенье к обеду, днем он играл на пианино для меня, а вечером – для маман. Недавно я осознала, что папа воевал четыре года из моих семи лет на нашей планете, а маман, должно быть, очень грустила, подолгу оставаясь только со мной и Дейзи.

Сидя на подоконнике, я выглянула за окно, маман встречала гостей на широких ступенях перед входной дверью, находившейся прямо под моей спальней. Маман выглядела сегодня потрясающе красивой в своем темно-синем платье, оно великолепно подчеркивало цвет ее прелестных глаз, а когда папа, тоже выйдя из дома, обнял ее за талию, я почувствовала себя по-настоящему счастливой. Дейзи пришла, чтобы помочь мне надеться в новое платье, она сшила его для меня из старых зеленых штор. Пока она причесывала мои волосы, слегка стянув их на затылке и повязав зеленой лентой, я решила, что не буду сегодня думать о завтрашнем папином отъезде, ведь после него на наш Адмирал-хаус и на нас, его обитателей, опять опустится оглушительная тишина, подобная той грозе со взрывами грома и молниями.

– Ну как, мисс Поузи, вы готовы выйти к гостям? – спросила меня Дейзи.

Я заметила, что ее лицо покраснелось и поблескивало от пота, она выглядела очень усталой, вероятно, как от жаркого утра, так и от

того, что ей пришлось одной готовить угощения для всех гостей. Я взглянула на нее, постаравшись утешить своей самой нежной улыбкой.

– Да, Дейзи, готова.

* * *

По-настоящему меня звали вовсе не Поузи; меня назвали в честь моей матери Адрианой. Однако ведь мы обе могли откликаться на это имя, поэтому, чтобы избежать путаницы, решили использовать мое второе имя, Роуз, данное мне в честь моей английской бабушки. Дейзи рассказывала мне, что, когда я была малышкой, папа начал называть меня «Роузи Поузи»^[5], и постепенно это прозвище сократилось до второй половинки. И такое прозвище мне очень понравилось, я даже думала, что оно подходит мне гораздо лучше моих настоящих имен.

Некоторые из папиных старших родственников упорно называли меня «Роуз», и я, разумеется, откликалась, поскольку меня учили, что со старшими надо вести себя вежливо, однако на сегодняшнем приеме все гости знали меня как Поузи. Друзья маман обожали миндаль в сахаре, я его, честно говоря, не особенно любила, но понимала, как трудно купить мой любимый шоколад из-за этой войны.

На террасу вынесли длинный раздвижной стол, чтобы поместились все гости, и я сидела за ним, чувствуя, как солнце припекает мою широкополую шляпу (из-за нее мне было еще жарче), прислушивалась к застольным разговорам и мечтала, чтобы в Адмирал-хаусе всегда было так весело. Маман и папа сидели рядом во главе стола, словно король и королева на дворцовом приеме, его рука обвивала ее белые плечи. И они оба выглядели такими счастливыми, что мне вдруг захотелось плакать.

– Поузи, милая, ты чем-то расстроена? – спросил сидевший рядом со мной дядя Ральф. – Нынче у нас чертовски жарко, – добавил он, вытащив из кармана пиджака безупречно чистый белый платок и промокнув им лоб.

– Да, дядя Ральф. Я просто подумала, какими счастливыми выглядят сегодня маман и папуля. И как грустно, что ему придется возвращаться на войну.

– Да уж.

Я заметила, как Ральф пристально взглянул на моих родителей, и лицо его внезапно тоже погрузнело.

– Ну, вообще-то, при благоприятном ветре, все беды скоро закончатся, – в итоге сказал он. – И мы все опять начнем привычную нам мирную жизнь.

* * *

После обеда мне разрешили поиграть в крокет, и я играла удивительно успешно, вероятно, потому, что большинство взрослых, выпив много вина, катали шары куда угодно, только не в воротца. Я слышала, как папа говорил, что ради сегодняшнего приема полностью опустошил винный погреб, и большую часть вина, похоже, гости уже выпили. Вообще-то я не понимала, почему взрослые так любили выпивать; на мой взгляд, от этого они становились только более шумными и глупыми, хотя, возможно, я пойму их, когда сама повзрослею. Направляясь по газону к теннисному корту, я заметила, что под деревом лежит мужчина, обнимая двух женщин. Все трое крепко спали. Кто-то на террасе в одиночестве играл на саксофоне, и я подумала, как же хорошо, что у нас поблизости нет соседей.

Я понимала, как мне повезло жить в Адмирал-хаусе; когда я начала ходить в местную школу, и Мейбл, моя новая подруга, пригласила меня на чай, я поразилась, обнаружив, что ее семья жила в доме, где с крыльца попадаешь прямо в гостиную. В глубине еще имелась крошечная кухня, а туалет вообще находился на улице! Она жила там вместе с четырьмя братьями и сестрами, и они спали все вместе в маленькой спальне на верхнем этаже. Именно тогда я испытала сильное потрясение, впервые осознав, что родилась в богатой семье и что не все живут в особняке с садом и парком. Когда Дейзи пришла за мной, чтобы проводить домой, я спросила ее, почему так бывает.

– Это уж, Поузи, как кости выпадут, – пояснила мне Дейзи со своим мягким саффолкским акцентом. – Одним выпадает удача, а другим ее не видать, как своих ушей.

Дейзи очень любила всякие поговорки; в половине случаев я не понимала, о чем она говорит, однако порадовалась тому, что мне, видимо, «кости» выпали удачно, и решила отныне усерднее молиться за всех тех, кому не так повезло.

Я подозревала, что наша учительница, мисс Данзарт, относится ко мне без особой симпатии. Несмотря на то что она побуждала всех нас поднимать руки, если мы знали ответы на ее вопросы, я обычно опережала остальных. Тогда она слегка закатывала глаза и, смешно округлив рот, устало говорила: «Да, Поузи».

Однажды, когда мы гуляли на игровой площадке, и я крутила один конец длинной скакалки, то услышала обрывки ее разговора с другой учительницей:

– Единственный ребенок... воспитанный в обществе взрослых... скороспелое развитие...

Придя домой, я посмотрела в словаре значение слов «скороспелое развитие». И после этого перестала поднимать руку, даже если ответ крутился у меня на языке.

* * *

Часам к шести вечера все проснулись и потянулись к дому переодеваться к ужину. Я зашла на кухню, где Дейзи показала мне мой ужин.

– Для вас, мисс Поузи, сегодня вечером хлеб с джемом. Мне еще надо разобраться с двумя лососями, что притащил мистер Ральф, а я ума не приложу, с чем их приготовить, как ни суй их в духовку, хоть хвостом вперед, хоть головой.

Дейзи рассмеялась собственной шутке, а я вдруг почувствовала жалость, что ей приходится так много работать сегодня.

– Может, я могу чем-то помочь?

– Марджори прислала из деревни двух своих барышень, чтобы помогли накрыть на стол и подавать, значит, я справлюсь. Но спасибо, что предложила, – сказала Дейзи, улыбнувшись. – Ты ведь у нас добрая девочка.

Допив чай, я тихо выскользнула из кухни, пока Дейзи не успела отправить меня наверх готовиться ко сну. Хотелось еще насладиться

прекрасным нынешним вечером. Выйдя на террасу, я увидела, что солнце уже зависло над верхушками дубов, озарив зеленый газон косыми золотистыми лучами. Птицы щебетали, как днем, и было так тепло и комфортно, что не хотелось даже накидывать кардиган. Я села на крыльцо, пригладив на коленках подол своего хлопчатобумажного платья, и принялась разглядывать бабочку-адмирала, присевшую на лист одного из цветков клумбы, тянувшейся вдоль садовой дорожки. Я всегда думала, что наш дом назвали в честь этих бабочек, так красиво летавших над кустами. И ужасно расстроилась, узнав от маман, что особняк назвали в честь моего пра-пра-пра (по-моему были три «пра», или, может, четыре) – дедушки, служившего адмиралом во флоте, что вовсе не показалось мне романтичным.

И хотя папа говорил, что такой «простой» вид бабочек распространен у нас повсеместно («простыми» маман также называла некоторых детей из моего класса в школе), я считала их самыми красивыми бабочками, любуясь прекрасными темными крылышками с красными полосками и белыми пятнышками по краям, к тому же они напоминали мне модель самолета «Спитфайр», на котором летал папа. От этой мысли мне стало грустно, я опять вспомнила, что завтра он снова отправится летать на своих военных истребителях.

– Вот где моя любимая дочурка, и что же ты тут делаешь совсем одна?

Звук его голоса заставил меня вздрогнуть, ведь я как раз думала о нем. Оглянувшись, я увидела, как он приближается ко мне по веранде, дымя сигаретой, потом он бросил ее на землю и наступил, чтобы погасить окурочек. Он знал, что мне не нравился сигаретный дым.

– Папуля, ты ведь не скажешь Дейзи, что видел меня? Иначе она сразу отправит меня в постель, – быстро протараторила я, когда папа опустился на ступеньки рядом со мной.

– Обещаю. Кроме того, разве можно спать, когда небеса послали нам такой дивный вечер. Полагаю, лучшего месяца, чем июнь, в Англии не бывает; все в природе просыпается от долгой зимней спячки, потягивается и зевает, разворачивая свои листочки и цветы на радость человеку. К августу внутренние живительные силы выгорают от жары, и природа вновь собирается погрузиться в сон.

– Так же, как мы, папа. Ведь зимой я с удовольствием ложусь спать, – заметила я.

– Именно так, милая. Никогда не забывай, что мы неразрывно связаны с природой.

– В Библии сказано, что все на Земле создал Бог, – с важным видом продолжила я, почерпнув эти знания на уроках Закона Божьего.

– Несомненно, хотя мне трудно поверить, что он уложился всего в семь дней, – с усмешкой произнес он.

– Как по волшебству, папа, верно? Точно так же Санта-Клаус умудряется доставить подарки всем детям в мире всего за одну ночь.

– Так и есть, Поузи, разумеется, по волшебству. Наш мир полон волшебства, и мы все должны считаться счастливыми, ведь нам выпало счастье жить в нем. Не забывай об этом, ладно?

– Не забуду, папа. Папа?..

– Что, Поузи?

– Во сколько ты уедешь завтра?

– Мне надо успеть на поезд после обеда.

Я упорно смотрела на свои черные лакированные туфельки.

– Я беспокоюсь, что тебя опять могут ранить.

– Не волнуйся, милая. Как говорит твоя маман, «я способен выдержать любые удары». – Он улыбнулся.

– А когда ты вернешься?

– Как только мне дадут увольнительную, то есть довольно скоро. Присматривай за мамой, пока меня не будет, ладно? Я понимаю, что в одиночестве она чувствует себя здесь несчастной.

– Я всегда стараюсь, папа. Она грустит только потому, что любит тебя и скучает, верно?

– Да, Поузи, и я тоже безумно люблю ее. Только мысли о ней – и о тебе, малышка, – помогают мне в небе. Понимаешь, до начала этой проклятой войны мы прожили вместе не так уж долго.

– Ты услышал, как она пела в парижском клубе, и влюбился в нее в ту же минуту, а потом быстренько увез ее в Англию и сразу женился, чтобы она не успела передумать, – мечтательно произнесла я.

История любви моих родителей замечательнее любой самой волшебной сказки из моей книжки.

– Верно. Именно благодаря любви, Поузи, наша жизнь становится волшебной. Даже в самый сумрачный зимний день любовь способна озарить мир ярким светом, и он становится таким же прекрасным, как сейчас.

Папа глубоко вздохнул и накрыл своей большой ладонью мою руку.

– Обещай мне, Поузи, когда ты найдешь любовь, то крепко ухватишься за нее и ни за что никуда не отпустишь.

– Обещаю, папа, – ответила я, серьезно посмотрев на него.

– Умница. А теперь мне пора пойти переодеться к ужину.

Он запечатлел поцелуй на моей кудрявой макушке, встал и удалился в дом.

Разумеется, в тот момент я не знала, что это был мой последний важный разговор с отцом.

* * *

На следующий день папа уехал и все гости тоже разъехались. Тот вечер выдался таким жарким и душным, что сам вдыхаемый воздух казался густым и тяжелым, словно из него выпарился весь кислород. Дом словно онемел – Дейзи, как обычно, отправилась в свою еженедельную поездку в гости к подруге Эдит, поэтому тишину не нарушали даже ее недовольное ворчание или пение (я предпочитала ворчание) за мытьем посуды. А грязной посуды осталось много, она все еще громоздилась на подносах около раковины, ожидая помывки. Я предложила помочь с бокалами и стаканами, но Дейзи сказала, что от моей помощи будет больше мороки, чем пользы, хотя я сочла ее слова совсем несправедливыми.

Маман удалилась в свою спальню сразу после того, как последний автомобиль с гостями свернул с подъездной аллеи и исчез за каштанами. Очевидно, у нее началась одна из ее мигреней, но Дейзи говорила, что мигренью аристократы называют похмелье, что бы оно ни значило. Я устроилась в своей комнате на подоконнике, само окно находилось над портиком фасадной стены Адмирал-хауса. Такая позиция означала, что я первой увижу любого, кто приблизится к нашему дому. Папа называл меня своим маленьким «впередсмотрящим», и с тех пор как наш дворецкий Фредерик ушел воевать, именно я обычно открывала входную дверь.

Из моего окна открывался прекрасный вид на подъездную аллею, протянувшуюся между рядами старых дубов и каштанов. Папа

рассказывал мне, что некоторые из них посадили почти три столетия тому назад, когда тот самый первый адмирал построил для себя этот дом. (Я вдруг с удивлением осознала, что эти деревья прожили на земле почти в пять раз дольше людей, ведь если «Британская энциклопедия» из нашей библиотеки права, то средняя продолжительность жизни составляет шестьдесят один год для мужчин и шестьдесят семь лет для женщин.) В ясный день над кронами деревьев, под небесной голубизной, если присмотреться, я видела узкую серовато-синюю полосу. Это было Северное море, его берег находился всего в пяти милях от Адмирал-хауса. Меня пугала мысль о том, что в один из ближайших дней папа мог улететь за море на своем маленьком самолете.

– Возвращайся домой целым и невредимым, возвращайся скорее, – прошептала я, глядя, как темно-серые тучи надвигаются на закатное солнце, словно пытаюсь выдавить сок из этого небесного апельсина (как же давно я не пила этот вкусный напиток). Воздух, казалось, замер, в мое открытое окно не проникало даже легкого ветерка. Издалека доносилось рокотание грома, и я надеялась, что Дейзи ошибалась, говоря, что так Бог сердится на нас. Я никак не могла разобраться, почему у викария Бог – добрый, а у Дейзи – сердитый. Может, Бог, как любой отец, бывает то добрым, то сердитым?

Когда упали первые капли дождя, вскоре превратившегося в ливень, и вспышки Божьего гнева прорезали небо, я с надеждой подумала, что папа успел благополучно приехать на свою базу, иначе промок бы до нитки, или, что еще страшнее, в него могла попасть молния. Подоконник стал мокрым, и я, закрыв окно, вдруг услышала, что мой животик урчит почти так же громко, как гром. Тогда я отправилась на кухню, чтобы подкрепится хлебом с джемом, оставленным Дейзи мне на ужин.

Спускаясь в тоскливых сумерках по широкой дубовой лестнице, я подумала, как разительно сегодняшняя тишина отличается от вчерашнего шумного многоголосья, словно вдруг опустел улей, наполнявшийся весело жужжащим пчелиным роєм. Надо мной, прорезав тишину, раздался очередной раскат грома, и я порадовалась тому, что мне совсем не страшно, я не боялась оставаться в одиночестве, не боялась ни темноты, ни гроз.

– Ой, Поузи, какой у вас жуткий дом, – прошептала Мейбл, когда я однажды пригласила ее в гости. – Только посмотри на картины всех этих мертвых душ в стародавних нарядах! У меня от них прямо мурашки по коже, ей-богу, – дрожащим голосом произнесла она, показывая на портреты предков, смотревших на нас со стен лестницы. – Если бы мне тут ночью захотелось в уборную, то я уж точно побоялась бы выйти из комнаты, чтобы не столкнуться с привидениями.

– Ну, они же все мои родственники и наверняка вели бы себя исключительно благожелательно, если бы вернулись приветствовать нас, – возразила я, огорчившись, что ей сразу не понравился Адмирал-хаус.

И сейчас, пройдя по холлу и длинному гулкому коридору, что вел на кухню, я вовсе ничего не боялась, несмотря на то что уже совсем стемнело, а маман, вероятно, давно спала наверху в своей спальне, и даже не услышала бы меня, если бы я начала кричать.

Я знала, что нахожусь в полной безопасности, и в этом доме с его крепкими стенами со мной никогда не может случиться ничего плохого.

Попытавшись включить свет на кухне, я обнаружила, что его нет, поэтому зажгла одну из стоявших на полке свечек. Я уже хорошо научилась зажигать свечи, ведь электричество в Адмирал-хаусе работало с перебоями, особенно с начала войны. Мне нравился мягкий, живой огонь, освещавший лишь небольшое пространство. Когда горели свечи, то даже самые противные люди почему-то выглядели симпатичными. Взяв хлеб, заранее отрезанный для меня Дейзи – мне разрешали зажигать свечи, но запрещали трогать острые ножи, – я намазала на него масло и густой слой джема. Уже с кусочком во рту, я взяла тарелку с оставшимся хлебом и свечку и вернулась в свою спальню, чтобы понаблюдать за грозой.

Я опять сидела на подоконнике, поедая хлеб с джемом и вспоминая, как Дейзи беспокоилась обо мне перед уходом. Особенно учитывая, что папа уехал.

– Неправильно оставлять маленькую девочку одну в таком большом доме, – ворчала она.

А я пыталась убедить ее, что я не одна, ведь маман тоже дома, и, кроме того, я уже не «маленькая», мне исполнилось целых семь лет и,

значит, я достаточно большая.

Выразительно хмыкнув в ответ, она сняла фартук и, повесив его на крючок с внутренней стороны кухонной двери, добавила:

– Не важно, что там у нее за мигрень, тебе следует в случае чего пойти и разбудить свою маму.

– Ладно, – как обычно, согласилась я, разумеется, понимая, что ни за что не стану будить ее, даже если бы меня, как произошло однажды, стошнило на пол и у меня опять сильно разболелся бы живот. Я понимала, что маман рассердится, если я разбужу ее, ведь ей нужно выспаться. В любом случае, я не страдала от одиночества, успев привыкнуть к нему с тех пор как папа первый раз отправился на войну. К тому же я не скучала, ведь в нашей библиотеке стояло полное собрание «Британской энциклопедии». Я уже закончила читать первые два тома, но впереди меня ожидали следующие двадцать два, и я полагала, что мне должно хватить их до тех пор, пока я не стану совсем взрослой.

Сегодня вечером, без электричества, для чтения было темновато, да и от свечки уже остался огарок, поэтому я просто смотрела в небеса, стараясь не думать об уехавшем папе, иначе слезы могли политься из моих глаз так же легко, как капли дождя, сливающиеся в струйки и стекавшие по оконному стеклу.

Пока я разглядывала эти струйки, в глаза мне вдруг бросилась какая-то красная вспышка в верхнем уголке рамы.

– Ой! Это же бабочка! Мой любимый адмирал!

Встав на подоконник, я увидела, как эта бедняжка изо всех сил старается укрыться от грозового ливня под выступом оконной рамы. Надо спасти ее, подумала я и, осторожненько открыв верхний шпингалет, высунула руку в форточку. Бабочка сидела неподвижно, но мне все-таки далеко не сразу удалось аккуратно, чтобы не повредить сложенные, совсем мокрые и скользкие хрупкие крылышки, взять ее двумя пальцами.

– Удалось, – прошептала я, осторожно втянув руку – мгновенно промокшую – обратно в комнату, и закрыла форточку сухой рукой.

– А теперь, малышка, – продолжила я шепотом, разглядывая бабочку, сидевшую у меня на ладошке, – как же мне, интересно, высушить твои крылышки?

Я задумалась о том, как бабочки обычно сушили их сами в дикой природе, ведь они, должно быть, частенько попадали под дождь.

– Нужен теплый ветерок, – сказала я и принялась тихонько дуть на нее, надеясь высушить своим дыханием.

Поначалу бабочка не двигалась, однако в конце концов, когда я уже думала, что хлопнусь в обморок, истратив на нее весь свой воздух, я заметила, как затрепетали и открылись ее крылышки. Ни разу в жизни бабочка еще не сидела вот так спокойно у меня на ладони, и я, склонив голову, во все глаза разглядывала восхитительные цвета и затейливые узоры ее крыльев.

– Да ты настоящая красotka, – сообщила я ей. – Только вот сегодня тебе не стоит улетать в сад, иначе опять промокнешь, поэтому лучше переждать вот здесь, на подоконнике, чтобы ты могла видеть своих приятельниц за окном, а завтра утром я выпущу тебя на свободу.

Нежно взяв бабочку кончиками пальцев, я посадила ее на подоконник. Наблюдая за ней, я задумалась о том, как бабочки спят – с открытыми или с закрытыми крылышками. Но и мои собственные глаза уже начали слипаться, поэтому я задернула оконные шторы, чтобы у моей крошечной гостьи не возникло искушения полетать по комнате и взлететь на потолок. Ведь если она сядет на потолок, то я уже не смогу достать ее оттуда, и со временем она может умереть там от голода или от страха.

Захватив свечку, я прошла по комнате и забралась в кровать, с удовольствием осознавая, что мне удалось спасти одну жизнь, и думая, что, возможно, это хорошее предзнаменование и мой папа на сей раз вернется без всяких ранений.

– Доброй ночи, бабочка. Спи спокойно до утра, – прошептала я и, задув свечку, быстро провалилась в сон.

* * *

Проснувшись, я увидела, что на потолке играют солнечные зайчики, проникшие в комнату через щели в шторах. Эти золотистые пятнышки означали, что солнышко уже встало. Вспомнив про бабочку, я вылезла из кровати и осторожно раздвинула шторы.

– Ой!

Я затаила дыхание, увидев, что моя бабочка лежит на боку со сложенными крылышками и поднятыми крошечными лапками. Из-за темно-бурой нижней стороны крыльев она выглядела как большая и совсем мертвая моль. Я коснулась ее для проверки, но она даже не шелохнулась, и тогда у меня из глаз брызнули слезы, и я осознала, что ее душа, должно быть, уже на небесах. Может, я виновата в ее смерти, потому что не выпустила на свободу вчера вечером? Папа обычно говорил, что надо очень быстро выпускать их на волю, и, хотя я не посадила ее в стеклянную банку, она все-таки оставалась в комнате. Или, может, промокнув до нитки, она умерла от воспаления легких или бронхита?

Я стояла возле окна, глядя на нее, и вдруг *осознала*, что это просто ужасно плохое предзнаменование.

Осень 1944

Мне нравилась пора, когда позднее лето начинало угасать, окрашиваясь приметами долгой бесплодной зимы. Верхушки деревьев гигантской паутиной окутывала туманная пелена, в воздухе пахло лесной прелью, он насыщался кисловатыми запахами брожения (это слово я узнала недавно, когда побывала во время школьной экскурсии на местной пивоварне и увидела, как хмель превращается в пиво). Маман заявила, что английская погода действует угнетающе, и ей хотелось бы жить там, где круглый год тепло и солнечно. Лично мне казалось, что как раз такое однообразие было бы смертельно скучно.

Но после отъезда папы жизнь действительно поскучнела. В доме больше не собирались компании, даже гости к нам не заходили, за исключением дяди Ральфа, он появлялся довольно часто с букетами цветов и французскими сигаретами для маман, а иногда и с шоколадом для меня. Монотонность жизни в августе наконец нарушило ежегодное путешествие к бабушке в Корнуолл. Обычно маман ездила со мной, а папа присоединялся к нам на несколько дней, если удавалось получить отпуск, но в этом году маман заявила, что я уже достаточно взрослая и могу поехать одна.

– Не меня же, а именно тебя, Поузи, она хочет увидеть. Она не любит меня, никогда не любила.

Я не сомневалась, что маман ошибается, как же можно не любить ее, ведь она так красива и у нее прекрасный голос, однако в результате в долгое путешествие я уехала одна, вернее, туда и обратно меня сопровождала вечно всем недовольная Дейзи.

Бабушка жила рядом с деревенькой под названием Блислэнд, раскинувшейся на западном склоне Бодмин-мур. Ее дом был довольно большим и богатым, однако из-за серых стен и массивной темной мебели всегда казался мне немного мрачноватым после наполненных светом комнат Адмирал-хауса. Зато радовали живописные окрестности, они изобиловали замечательными новыми растениями и насекомыми. Когда приезжал папа, мы с ним отправлялись гулять по пустошам, чтобы набрать образцы вереска и красивых диких цветов, что росли между кустами утесника.

К сожалению, на сей раз папа не смог приехать, и к тому же каждый день шли дожди, поэтому прогулки, разумеется, исключались. Долгими мокрыми днями бабушка учила меня раскладывать пасьянсы и баловала, разрешая поедать множество пирожных, но я обрадовалась, когда настала пора уезжать. Приехав домой, мы с Дейзи выбрались из двуколки, запряженной малорослой лошадкой, на которой Бенсон, наш приходящий садовник (глубокий, вероятно, столетний старик), иногда выезжал встречать людей с железнодорожной станции. Оставив Бенсона и Дейзи выгружать чемоданы, я побежала в дом искать маман. Из гостиной доносились звуки граммофона, играла пластинка с «Голубой луной»^[6], и там же я обнаружила маман с дядей Ральфом, они танцевали.

– Поузи! – высвободившись из рук Ральфа, воскликнула маман и подошла ко мне, раскрыв объятия. – Мы не слышали, как вы подъехали.

– Наверное, маман, из-за громкой музыки, – предположила я, подумав, какой красивой и счастливой она выглядит, ее щеки разругались, а длинные волосы, выпав из заколки, рассыпались по спине светлым золотом.

– Понимаешь, Поузи, мы тут кое-что праздновали, – сказал дядя Ральф. – Из Франции поступили хорошие новости. Похоже, немцы скоро капитулируют, и война наконец закончится.

– Ах, как славно! – обрадовалась я. – Значит, и папа скоро вернется домой.

– Да.

Немного помолчав, маман велела мне подняться в комнату, помыться и переодеться после долгого путешествия. Переодеваясь, я искренне надеялась, что дядя Ральф прав и папа скоро будет дома. После высадки в Нормандии^[7] радио начало регулярно передавать сводки о наших триумфальных победах, и я постоянно ждала, что со дня на день увижу его. С тех пор прошло уже больше трех месяцев, а он все еще не вернулся, хотя маман удалось встретиться с ним, когда ему дали короткую увольнительную. Если я приставала к ней с вопросами, почему же он не возвращается домой, раз мы почти выиграла войну, она грустно пожимала плечами.

– Он очень много летает, Поузи, и вернется домой, когда его отпустят.

– Но откуда вы знаете, что с ним все в порядке? Он написал вам?

– Oui, chérie^[8], написал. Потерпи еще немного. Окончание войн требует много времени.

Нехватка продовольствия стала ощущаться еще острее, и у нас остались лишь две последние курицы, им не сворачивали шеи из-за того, что они прекрасно несли яйца. Но и они, казалось, истощили свои жизненные силы, хотя я ежедневно заходила поболтать с ними, ведь Бенсон говорил, что счастливая курица несет больше яиц. Моя болтовня явно перестала помогать, потому что за последние пять дней ни Этель, ни Руби не снесли ни одного яйца.

– Где же ты, папа? – вопрошала я, глядя в небо и думая, как чудесно было бы, если бы я вдруг увидела, как из-за облаков вылетает папин «Спитфайр», снижается и приземляется на нашу большую лужайку.

Начался ноябрь, и каждый день после школы я бродила по мокрому, подмороженному подлеску в поисках хвороста для растопки камина, который мы с маман разжигали по вечерам в малой столовой рядом с кухней, она прогревалась гораздо быстрее большой гостиной.

– Знаешь, Пуузи, по-моему, нам пора подумать о Рождестве, – однажды вечером сказала маман.

– Может, к тому времени вернется папа и мы проведем его все вместе?

– Увы, он не успеет, а меня друзья пригласили на праздник в Лондон. Разумеется, тебе будет слишком скучно там среди множества взрослых, поэтому я написала твоей бабушке, и она предложила, чтобы ты приехала на Рождество к ней.

– Но мне хочется...

– Пуузи, пожалуйста, постарайся понять, что мы не можем остаться здесь. В этом доме слишком холодно, а у нас нет даже угля для каминов...

– Зато есть дрова и...

– Пуузи, нам ведь нечего положить на тарелки, у нас закончились все запасы еды! А твоя бабушка, кстати, недавно потеряла свою помощницу и хотела бы, чтобы Дейзи помогала ей, пока она не подыщет новую служанку среди местных женщин.

Я закусила губу, чувствуя, что вот-вот расплачусь.

– А что, если папа вернется и увидит, что все мы уехали?

– Я напишу ему о наших планах.

– Может, он не получит твое письмо, и, кроме того, я предпочла бы поголодать здесь, чем проводить Рождество в бабушкином доме! Я люблю ее, но она уже старенькая, и тот дом совсем не такой, как наш, он...

– Довольно! Я приняла обдуманное решение. Запомни, Поузи, мы должны сделать все возможное, чтобы выжить в последние месяцы этой жестокой войны. По крайней мере, ты будешь в тепле, здоровая и накормленная. Тебе повезло гораздо больше, чем многим другим детям по всему миру, сейчас множество людей голодает и даже умирает от голода, холода и...

Я впервые видела маман такой сердитой, и, хотя глаза мои уже обжигали скопившиеся слезы, я судорожно вздохнула и послушно кивнула:

– Да, маман.

После этого, по крайней мере, маман, казалось, воспрянула духом, хотя мы с Дейзи бродили по дому, как призрачные тени, обреченные скитаться по миру всю оставшуюся жизнь.

– Будь моя воля, никуда бы я не поехала, – ворчала Дейзи, помогая мне укладывать вещи в чемодан, – да только хозяйка говорит, что у нее нет денег, чтобы платить мне, так что же тогда прикажете делать? Не могу же я питаться святым духом, верно?

– Я уверена, что все наладится, когда закончится война и папа вернется домой, – сказала я ей, утешая заодно и себя.

– Ну, уж хуже-то и не бывает. Дела нынче приняли скверный оборот, это уж точно, – мрачно откликнулась Дейзи. – Я вот даже подумываю, уж не решила ли она убрать нас обеих с дороги, чтобы сама тут могла...

– Что могла-то? – спросила я замолчавшую Дейзи.

– Не берите в голову, юная леди, одно скажу, чем скорее ваш папа будет дома, тем лучше.

* * *

Поскольку дом собирались закрыть на целый месяц, Дейзи принялась начищать его сверху донизу.

– Зачем же вы так стараетесь, если здесь никого не будет? – спросила я ее.

– Хватит уж с меня ваших вопросов, мисс Поузи, лучше бы просто помогли мне, – проворчала она, опять повернувшись к куче белых простыней и продолжая встряхивать их, раскрывая, как белые паруса. Вместе мы накрыли ими все кровати и мебель в двадцати шести комнатах дома, и в итоге он стал похож на огромное сорище закутанных в саваны фамильных призраков.

Однажды, во время школьных каникул, я взяла свои цветные карандаши и блокнот с чистыми листами бумаги и начала зарисовывать все растения, что смогла найти в саду. Это оказалось довольно сложно, поскольку все они уже засохли. А одним холодным декабрьским днем я отправилась гулять в сад, вооружившись увеличительным стеклом. Снега еще не было, но кусты падуба искрились инеем, и я, сняв варежки, чтобы удобнее было держать лупу, принялась разглядывать их стебли. Папа научил меня, куда надо смотреть, чтобы найти куколок бабочки голубянки.

Поглощенная поисками, я вдруг увидела, как открылась дверь Башни и оттуда вышла Дейзи с охапкой чистящих средств.

– Мисс Поузи, что это вы там делаете без варежек? – сердито спросила она. – Надевайте-ка их быстро, иначе отморозите пальцы, и они отвалятся.

Отругав меня, она прошествовала к дому, а я, заметив, что дверь осталась приоткрытой, направилась к запретной Башне. Стараясь не думать о запрете, я проскользнула внутрь, и дверь за мной со стуком захлопнулась.

Мои глаза скоро привыкли к полумраку, и я разглядела очертания крикетных бит и крокетных ворот, которые папа хранил здесь, тут же стоял оружейный шкаф, но в него папа строго запретил мне заглядывать. Глянув на поднимающуюся наверх лестницу, я замерла в мучительной нерешительности. Если Дейзи оставила незапертой нижнюю дверь, то, возможно, и папин тайный кабинет тоже остался открытым. Мне так захотелось увидеть, что же там хранится, ужасно захотелось...

В результате победило любопытство, и я быстро, пока не вернулась Дейзи, взбежала по винтовой лестнице. Достигнув верхней площадки, я взялась за шаровидную ручку массивной дубовой двери и

повернула ее. Да, Дейзи точно не заперла ее, потому что дверь открылась, и вот, переступив через порог, я оказалась в папином тайном убежище.

Там витал какой-то химический запах, дневной свет освещал тянувшиеся по кругу стены, прорезанные только что вымытыми Дейзи окнами. На участке стены прямо напротив входа поблескивало за стеклом множество разных бабочек адмиралов обширного семейства нимфалид. Помещенные в застекленную позолоченную раму, они располагались там друг за другом, по четыре экземпляра в каждом ряду.

Я подошла поближе, пребывая в недоумении и удивляясь, почему эти бабочки остаются столь неподвижными и чем же они питаются в своем застекленном заточении.

Потом я разглядела головки булавок, которые прикалывали их к заднику. Оглядев всю комнату, я обнаружила, что все ее стены покрыты бабочками, которых мы ловили годами.

Вскрикнув от ужаса, я сбежала по лестнице и выскочила из Башни в сад. Заметив шедшую от дома Дейзи, я забежала за Башню и скрылась в окружавшем ее парке. Убежав достаточно далеко, я опустилась на корни огромного дуба и перевела дух.

– Они мертвы! Мертвы! Мертвы! Как же он мог обманывать меня? – рыдая и всхлипывая, вопила я.

Я долго просидела под деревьями, пока наконец не услышала призывный голос Дейзи. Мне хотелось только спросить папу, зачем он убивал их, ведь они такие красивые, и зачем развесил их на стенах, как трофеи, неужели ему хотелось видеть их лишённую жизни красоту.

Ладно, пока он воевал, и я никак не могла задать эти вопросы, однако, доверяя ему, я должна была считать, что у него имелась весьма серьёзная причина для этих убийств в нашем королевстве бабочек.

Поднявшись с корней, я медленно побрела к дому, не в силах придумать никаких объяснений. Я понимала, что ни за что в жизни не захочу больше войти в эту Башню.

Адмирал-хаус

Сентябрь 2006 года

Куст бабочек (Buddleja davidii [\[2\]](#))

Глава 1

Поузи дергала морковь в огороде, когда в недрах ее куртки зазвонил мобильный телефон. Вытащив трубку из кармана, она приняла звонок.

– Привет, мам. Надеюсь, не разбудил?

– Бог ты мой, нет, а если бы и разбудил, твой голос мне всегда приятно слышать. Как живешь, Ник?

– У меня все нормально, мам.

– Чем радуется австралийский Перт? – выпрямившись, спросила Поузи и, выйдя из огорода, направилась к дому.

– Как раз начинает прогреваться, когда у вас в Англии начинает холодать. А как у тебя дела?

– Прекрасно. Как ты понимаешь, здесь ничего особенно не меняется.

– Слушай, я ведь звоню сообщить, что в конце этого месяца собираюсь приехать домой.

– О, Ник! Какая чудесная новость. После стольких лет...

– Да, десяток лет уже пролетел, – уточнил ее сын. – Пора домой, ты не возражаешь?

– Естественно, не возражаю. Просто в восторге, дорогой! Ты же понимаешь, как я успела соскучиться.

– И я тоже, мам.

– Надолго приедешь? Может, задержишься и станешь почетным гостем на моем семидесятилетии в следующем июне?

– Посмотрим, как пойдут дела, но даже если я решу вернуться сюда, то обязательно прилечу снова на твой юбилей.

– Ладно, хочешь, чтобы я забрала тебя из аэропорта?

– Нет, не беспокойся. Я собираюсь на пару дней задержаться в Лондоне, остановлюсь у друзей, Поля и Джейн, разберусь там с делами, а потом, когда планы прояснятся, позвоню тебе и приеду в Адмирал-хаус повидаться.

– Жду не дождусь, дорогой.

– Я тоже, мам. Так давно не виделись. Мне пора отключаться, но скоро я опять свяжусь с тобой.

– Ладно. Ох, Ник... мне просто не верится, что ты приедешь домой.

Он уловил странный оттенок в ее тоне.

– Мне самому не верится. Очень люблю тебя, позвоню, как только разберусь с делами. А пока до свидания.

– Пока-пока, дорогой.

Ослабев от волнения, Поузи опустилась в старинное кожаное кресло рядом с кухонной плитой.

У Поузи было двое сыновей, но именно о детстве Ника у нее сохранились самые яркие воспоминания. Возможно, из-за того, что он родился вскоре после трагической смерти своего отца, Поузи всегда чувствовала, что Ник полностью ее дитя.

Его преждевременное рождение – почти наверняка ускоренное ужасным шоком от столь трагической потери Джонни после тринадцати лет брака – подразумевало, что Поузи, имея на руках трехлетнего Сэма и новорожденного Ника, не имела права долго предаваться скорби.

Пришлось во многом разбираться самой, принимать множество трудных решений в то время, когда она ощущала полнейший душевный упадок. Пришлось менять все планы, которые они с Джонни строили на будущее. Оставшись одна с двумя маленькими детьми – детьми, более чем когда-либо нуждавшимися в материнской любви и внимании, – Поузи осознала, что у нее не будет возможности обустроить Адмирал-хаус так, как они планировали.

«Если и можно назвать какое-то время наихудшим для потери мужа, – подумала Поузи, – то это оно и есть».

После двенадцати лет скитаний по земному шару Джонни решил уйти из армии и исполнить давнюю мечту жены: вернуться в Адмирал-хаус и дать их молодой семье – им обоим – настоящий собственный дом.

Поузи поставила чайник на плиту, вспоминая, каким жарким был тот август тридцать четыре года назад, когда Джонни вез их домой по живописным солнечным дорогам Саффолка. Поузи уже носила под сердцем Ника; волнение, смешанное с утренними недомоганиями, вынуждало их пару раз остановиться. Но вот они наконец въехали в старинные кованые железные ворота, и Поузи затаила дыхание.

Когда Адмирал-хаус появился в поле зрения, на нее нахлынули воспоминания. Дом выглядел в точности таким, каким она помнила его, может, лишь чуть постарел и обветшал, да ведь и она не помолодела. Открыв дверцу машины, Джонни помог ей выйти, и Сэм бежал рядом с ней, крепко держа ее за руку, когда они поднялись по ступеням крыльца к массивной входной двери.

– Хочешь сам открыть дом? – спросила она мальчика, положив тяжелый ключ ему на ладошку.

Сэм кивнул, и Поузи подняла его, чтобы он смог вставить ключ в замочную скважину.

Вдвоем они открыли тяжелую дверь, и солнце осветило путь во тьму закрытого ставнями особняка. По памяти Поузи нащупала на стене выключатель. Холл вдруг затопил электрический свет, и все они взглянули на великолепную люстру, висевшую над ними на высоте двадцати футов.

Вся мебель пряталась под белыми простынями, на полу лежал толстый слой пыли, взметнувшейся в воздух, когда Сэм побежал к величественной консольной лестнице. На глаза Поузи навернулись слезы, и она зажмурилась под натиском образов и запахов своего детства, маман, Дейзи, папы... а когда вновь смогла открыть глаза, то увидела, что Сэм призывно машет ей рукой с верхней площадки лестницы, поднялась к сыну, и они вместе отправились осматривать дом.

Джонни тоже понравился особняк, хотя с очевидными оговорками о необходимости ремонта и затрат на содержание.

– Он просто огромный, милая, – заметил Джонни, когда они сидели на кухне за старым дубовым столом, где перед мысленным взором Поузи тут же возник яркий образ Дейзи, раскатывавшей тесто для пирога. – И ему, очевидно, нужна некоторая модернизация.

– Естественно, ведь он пребывал в запустении более четверти века, – согласилась Поузи.

Обосновавшись в доме, они сразу начали обсуждать, как лучше использовать особняк, чтобы получить некоторый доход в дополнение к военной пенсии Джонни. Оба сошлись во мнении, что после модернизации они могут открыть в доме мини-отель с полупансионом, то есть предоставлять гостям «ночлег и завтрак».

По иронии судьбы, отслужив столько лет в вооруженных силах, Джонни прожил мирной жизнью совсем недолго, он погиб через несколько месяцев всего в двух милях от Адмирал-хауса на узком повороте дороги от металлических зубьев уборочного комбайна, ударивших его по голове. В наследство от Джонни Поузи осталась его пенсия и пара полисов страхования жизни. Она также унаследовала поместье своей бабушки, умершей на пару лет раньше, и положила в банк деньги, полученные от продажи Манор-хауса в Корнуолле. Еще она получила небольшое наследство от матери, умершей от воспаления легких (этот факт Поузи по-прежнему находила странным, ведь маман подолгу жила в Италии) всего в пятьдесят пять лет.

Она подумывала о продаже Адмирал-хауса, но приглашенный ею для оценки агент по недвижимости сообщил, что нынче мало кто может себе позволить купить поместье таких размеров. Даже если она найдет покупателя, то вырученные за дом деньги будут значительно ниже его реальной стоимости.

Кроме того, она обожала этот дом: только что вернувшись домой после стольких лет разлуки – и после ухода Джонни, Поузи остро нуждалась в этих родных и уютных стенах ее детства.

Поэтому она решила, что если будет соблюдать экономию и пользоваться своими сбережениями и вложениями для пополнения дохода, то они сумеют прожить и втроем.

Все те одинокие и мрачные дни первых месяцев без Джонни жизнерадостная и непрехотливая натура Ника давала Поузи бесконечное утешение, и она с радостью наблюдала, как ее малыш растет, превращаясь в счастливого и довольного ребенка и забавно ковыляя на еще неустойчивых ножках по огороду, Ник дарил ей надежду на будущее.

Разумеется, Нику было проще; он не тосковал по тому, кого никогда не знал. А вот Сэм уже достаточно вырос, чтобы осознать ледяной ветер смерти, пронесшийся по его жизни.

– Когда вернется папа?

Поузи помнила, как долго после смерти отца он каждый вечер задавал ей один и тот же вопрос, и ее сердце разрывалось от муки и жалости при виде смятения в больших синих глазах сына, так похожих на глаза Джонни. В конце концов Поузи, собравшись с духом,

сообщила ему, что папа больше не вернется. Что он взлетел на небеса и теперь наблюдает за ними оттуда, тогда Сэм перестал спрашивать.

Поузи стояла, прислушиваясь к шипению начинавшей закипать воды. Размешав ложку кофейных гранул с молоком, она добавила в чашку горячей воды.

Бережно держа чашку, Поузи подошла к окну и взглянула на старый конский каштан, он стоически давал поколениям детей богатые урожаи каштанов для игры^[10]. Она заметила, что шиповатые коробочки уже созрели, возвещая о конце лета и начале осени.

Мысль о каштанах напомнила и о начале учебного года – когда мальчики подрастали, Поузи с ужасом ждала этой поры, поскольку она означала покупку новых школьных форм, пришивание эмблем и меток и извлечение из кладовки дорожных чемоданов. Потом, после отъезда сыновей, дом окутывала оглушительная тишина.

Поузи долго и мучительно думала о необходимости отправки ее любимых мальчиков в школу-интернат. Несмотря на то что многие поколения детей, как в семье Джонни, так и в ее собственной, проводили школьные годы вдали от дома, в конце семидесятых годов традиции несколько изменились. Однако она знала по собственному опыту, что такое обучение дает не только образование, но и приучает к самостоятельности и дисциплине. Джонни хотел бы отправить сыновей в хорошую школу – он частенько говорил о том, что их дети будут учиться в его альма-матер. Поэтому Поузи запустила руку в свои вклады, утешая себя тем, что бабушка тоже одобрила бы ее решение, и отправила их в школу в Норфолк; не так далеко, чтобы она не могла позволить себе иногда съездить туда и посмотреть, как они играют в регби или в школьных спектаклях, но достаточно далеко, чтобы у нее не возникало искушения забрать кого-то домой в том случае, если один или другой жаловался, что соскучился по дому.

Чаще всего к ней взывал Сэм – он изо всех сил старался утвердиться и, казалось, постоянно ссорился с кем-то из своих приятелей. Когда же спустя три года Ник последовал за братом, она редко слышала от него хоть какие-то жалобы.

Первое время, овдовев, когда мальчики еще были маленькими, Поузи очень хотелось иметь возможность побыть одной, но, когда оба сына уехали в школу и она наконец получила желанное уединение, в ее

душе поселился пронизывающий ветер одиночества, пролетев сквозь эти оглохшие стены.

Впервые в жизни, вспомнила Поузи, просыпаясь по утрам, она пыталась найти повод для того, чтобы вылезти из кровати. Тогда она осознала, что из ее жизни вырвали сердце, и осталась одна пустая оболочка. Из года в год она переживала тяжелую утрату, отправляя мальчиков в школу.

Это ощущение потрясло ее – до этого момента она никогда в жизни не впадала в депрессию, видя в ней лишь признак слабости, однако в тот ужасный месяц, после первого отъезда Ника в школу, она укорила себя в том, что раньше столь легкомысленно думала о расставании с детьми. И тогда она поняла, что нуждается в каком-то проекте, способном отвлечь ее от тоски по детям.

Однажды осенним утром она пришла в отцовский кабинет и наткнулась в ящике его стола на старые планы сада. Судя по этим планам, отец задумал, очевидно, превратить парковые земли в нечто грандиозное. Благодаря тому, что пергаменты хранились в темном ящике, чернила не выцвели, а остались яркими, все очертания и пропорции четко продуманных парковых зон отец изобразил в свойственной ему основательной манере. Поузи заметила, что рядом с Башней он наметил участок для сада бабочек, перечислив богатые нектаром многолетники, которые, как она знала, во время фазы полного цветения будут изобиловать богатством красок. Аллея Глициний вела к саду с ее любимыми грушами, яблонями, сливами и даже фиговыми деревьями.

Рядом с огородом отец выделил места для большой теплицы и обнесенного оградой садика с замечанием: «Ивовая игральная галерея Поузи». Причудливые живописные дорожки соединяли разные части комплекса, и Поузи усмехнулась, заметив на его плане рядом с крокетной площадкой пруд («для охлаждения пыла разгорячившихся игроков»). На плане имелся также и розарий с надписью «Цветник Адрианы».

В общем, в тот день, выйдя из дома с мотком веревки и ивовыми кольшками, Поузи начала размечать границы нарисованных отцом участков, которым предстояло заполниться мышинными гиацинтами, черемшой и крокусами, все они не требовали особого ухода и

прекрасно привлекали пчел, когда те пробуждались после зимней спячки.

Да, Поузи помнила, как через несколько дней, погрузив руки в рыхлую землю, вдруг улыбнулась, впервые за много недель одиночества. Запах компоста, ощущение солнечного тепла на затылке и посадка луковиц, способных обеспечить по весне желанное цветение, – все это напомнило ей годы, проведенные в Кью.

В тот день началось то, что стало ее страстью на грядущие четверть века. Она разбила обширную территорию поместья на секции и каждую весну и осень трудилась над новым участком, добавляя к отцовским собственным планы, включив в них свой личный *pièce de résistance*^[11] – оригинальный партер под верандой с затейливо изгибающимися низкими оградками вокруг клумб с душистыми розами и лавандой. Поддержание сада в порядке требовало дьявольски много труда и времени, но зато какой изысканный вид открывался на него из фасадных окон.

Словом, сад этот стал ее хозяином, другом и возлюбленным, оставляя мало времени на иные мысли и заботы.

– Мам, это изумительно! – восклицал Ник, когда приезжал домой на летние каникулы и она показывала ему новые плоды своих трудов.

– Ну да, а как насчет ужина? – спрашивал Сэм, пинком сбрасывая футбольный мяч с веранды. Поузи вспомнила, как в детстве он трижды разбивал стекла в теплице.

Собрав ингредиенты для приготовления торта, который позже собиралась отвезти своим внукам, Поузи испытала знакомое чувство вины, вызванное мыслями о старшем сыне.

Разумеется, она нежно любила Сэма, но всегда считала его гораздо более трудным мальчиком, чем Ник. Возможно, просто потому, что с младшим сыном у нее обнаружилось много общих интересов. Например, пристрастие к «старью» – так называл антикварные вещи Сэм, наблюдая, как младший брат скрупулезно очищает от древоточца старый сундук. Если Сэм с жаром брался за дело, быстро вспыхивая, хотя его внимание вскоре расплывалось, то Ник действовал гораздо основательнее и спокойнее. Он понимал красоту, и Поузи нравилось думать, что такое понимание он унаследовал от нее.

«Страшная правда в том, – подумала она, замешивая яйца в тесто, – что можно любить всех своих детей, однако это еще не

означает равной любви к каждому из них».

Больше всего огорчало, что между двумя ее сыновьями не было близости. Поузи вспомнилось, как едва научившийся ходить Ник ковылял по саду за старшим братом. В детстве он, очевидно, готов был поклоняться земле, по которой ступал Сэм, но с годами она заметила, что во время школьных каникул Ник стал избегать его, предпочитая проводить время с ней на кухне или в сарае, реставрируя какую-то старую мебель.

Они, конечно, были полными противоположностями – Сэм в своей абсолютной внешней самоуверенности и Ник, вечно занимающийся самоанализом. Шелковая нить, что вилась через десятилетия с самого их детства, связывала и их взрослые жизни, однако, продолжая развиваться, она разводила их в разные стороны.

Закончив школу, Сэм завалил экзамены в университет и переехал в Лондон. Он пробовал заняться компьютерами, кулинарией и продажей недвижимости. Все эти стремления после нескольких месяцев, казалось, таяли как снег. Десять лет тому назад он вернулся в Саутволд, женился и теперь, после очередных неудачных проектов, пытается создать собственное агентство недвижимости.

Поузи всеми силами поддерживала его, когда он приходил к ней с новыми планами создания прибыльного бизнеса. Однако недавно она дала себе слово, что больше не будет ссужать его деньгами, как бы пылко Сэм ни уговаривал ее. Кроме того, большую часть вкладов съел ее любимый сад, и у нее осталось слишком мало средств. В прошлом году ей пришлось продать одну из своих драгоценных стаффордширских фигурок^[12] ради финансирования «беспроигрышного» бизнес-плана Сэма по созданию рекламных фильмов для улучшения сбыта продукции местных бизнесменов. Деньги от продажи этой фигурки растаяли безвозвратно, а его компания распалась всего через девять месяцев.

Трудности отказа в субсидиях Сэму усугублялись тем, что он умудрился найти себе ангельскую жену. Эми являла собой полнейшее милосердие и с улыбкой восприняла даже то, что недавно, уже, наверное, в сотый раз, Сэм заявил, что из-за нехватки денег им придется перебраться из одного арендованного дома в другой, более скромный.

Эми родила Сэму двух здоровых детей – Джейку уже исполнилось шесть лет, а Саре четыре – да еще умудрялась работать администратором в местном отеле, обеспечивая хотя и небольшой, но столь необходимый регулярный приток денежных средств в домашнее хозяйство, и по-прежнему стойчески поддерживала своего мужа, что и делало Эми святой в понимании Поузи.

Но при мысли о Нике сердце Поузи переполнялось радостью, вызванной тем, что ее младший сын наконец вернется в Англию. После окончания школы он, проигнорировав предложения нескольких отличных университетов, заявил, что хочет заниматься торговлей антиквариатом. Поработав немного на местном аукционе, он умудрился поступить в ученики к антиквару из Лавенема, куда и ездил ежедневно из Адмирал-хауса.

В двадцать один год Ник открыл в Саутволде собственный магазин и вскоре начал завоевывать репутацию владельца интересного и необычного антиквариата. Поузи не могла нарадоваться, что ее сын предпочел вести дела поблизости от дома. Двумя годами позже он арендовал соседнее помещение, удвоив пространство для своего процветающего бизнеса. Если он уезжал на поиски товаров, Поузи оставляла свой любимый сад и проводила день в магазине, обслуживая клиентов.

Через пару месяцев Ник сообщил, что нанял постоянную помощницу для работы в магазине на время его поездок по аукционам. Эви Ньюман не отличалась красотой в традиционном смысле – сублильная, с мелкими чертами лица, она скорее напоминала девочку, чем женщину, но прелесть ее огромных карих глаз завораживала. Когда Ник впервые представил Эви, Поузи сразу заметила, что ее сын не сводит с девушки глаз, и точно поняла, что Ник влюбился.

Правда, дальше влюбленности дело у Ника не пошло. У Эви был давний кавалер, которому она, видимо, хранила верность. Поузи столкнулась с ним однажды и удивилась, что же привлекательного могла найти Эви в этом сомнительно интеллектуальном Брайане с резкими и неприятными чертами лица. Разведенный преподаватель социологии в местном колледже, к тому же старше Эви на добрых пятнадцать лет, Брайан имел строгие принципы и высказывал их при всяком удобном случае. Поузи невлюбила его с первого же взгляда.

Ник стал проводить в поездках за товаром больше времени, а Поузи помогала Эви освоиться в магазине. Несмотря на большую разницу в возрасте, две женщины крепко подружились. Эви очень рано потеряла обоих родителей и жила с бабушкой в разросшемся викторианском особняке Саутволда. Имея только сыновей, Поузи теперь наслаждалась практически материнской любовью к этой девушке.

Иногда Эви отправлялась в поездки с Ником, и Поузи заменяла их в магазине. Ей нравилось смотреть, как после возвращения из такой поездки сияли лучистые глаза Эви, когда она, выразительно жестикулируя, словно по волшебству, своим описанием вызывала в воображении изящный шифоньер, приобретенный ими почти даром на распродаже в одном великолепном шато на юге Франции.

Несмотря на долгие годы счастливого сосуществования с Ником в Адмирал-хаусе, Поузи запрещала себе надеяться, что он будет постоянно жить с ней, и тем не менее испытала опустошительное потрясение, когда он совершенно неожиданно сообщил, что все распродал и уезжает в Австралию. Вскоре это потрясение усугубилось сообщением Эви о том, что Брайан получил хорошую работу в колледже Лестера. Очевидно, он предложил ей выйти за него замуж и она дала согласие. Им также неминуемо предстояло покинуть Саутволд.

Поузи старалась выяснить, почему ее сын надумал свернуть успешный бизнес, который создавал с завидным упорством, и перебраться на другой конец света, но Ник предпочел не откровенничать. Она подозревала, что это решение как-то связано с Эви, у них явно что-то не сложилось, ведь она тоже уезжала.

Его магазин купили очень быстро, и вскоре он уехал в Перт, погрузив на корабль изрядный запас товаров для начала нового рискованного предприятия на диаметрально противоположном конце земли. Поузи и представить не могла, какой потерянной она почувствует себя без него.

То, что Эви перед отъездом из Саутволда не зашла проститься, задело Поузи за живое, но она смирилась с тем, что была всего лишь знакомой взрослой женщиной в жизни юной девушки. И если она прониклась к Эви глубокими чувствами, то это вовсе не означало, что они были взаимны.

Едва пришла зима, Поузи почувствовала знакомое студеное одиночество. Согласно с временем года ее любимый сад погрузился в спячку, и до весны у нее и дел-то особых не было. Не желая погрязнуть в праздном забытии, она поняла, что ей необходимо срочно найти, чем заполнить эту пустоту. Поэтому она отправилась в Саутволд и сумела найти себе небольшую подработку. Три раза в неделю в первой половине дня она начала работать в картинной галерее. Пусть современная живопись редко радовала ее, но работа давала немного денег и сокращала время одиночества. Она и сейчас, по прошествии десяти лет, по-прежнему работала в галерее.

– Почти семьдесят, – пробурчала Поузи под нос, поставив торт в духовку и установив таймер на нужное время. Выйдя из кухни и направившись к главной лестнице, Поузи думала о том, что жизнь матери сродни титаническому труду. Какими бы взрослыми ни стали оба ее сына, она будет вечно беспокоиться и переживать за них. Если уж на то пошло, то теперь она переживала еще больше; в их детстве она, по крайней мере, точно знала, где они находятся и как себя чувствуют. Она руководила ими, и, разумеется, когда они выросли и вылетели из гнезда, положение изменилось.

Когда она поднималась по лестнице, легкая боль в ногах напомнила обо всем том, о чем Поузи старалась не думать. Да, она дожила до возраста, когда можно оправданно начать жаловаться на всяческие недомогания, но сама-то понимала, как ей повезло сохраниться в довольно хорошей форме.

– Однако вопрос в том, – заметила она, глянув на одного из висевших над лестницей предков, – долго ли еще форма будет соответствовать содержанию.

Зайдя в спальню, Поузи прошла к окнам и открыла тяжелые шторы. Ей никогда не хватало денег, чтобы заменить их, и исходный узор ткани давно выцвел до неузнаваемости.

Из этих окон открывался лучший вид на созданный ею сад. Даже ранней осенью, когда природа готовится ко сну, косые лучи послеполуденного солнца ласкали медленно желтеющую листву деревьев и последние розы покачивали головками, распространяя густой и сильный аромат. В огороде красовались толстые оранжевые тыквы, а ветви садовых деревьев отяжелели от румяных яблок. И цветник под ее окном выглядел просто великолепно.

Отвернувшись от природных красот, Поузи обвела взглядом огромную спальню, где спали многочисленные поколения рода Андерсонов. Ее глаза скользнули по изысканным – в китайском стиле – обоям, начавшим уже незаметно отслаиваться по углам, по тусклым пятнам потертого ковра, уже явно не восстановимого после бесчисленных чисток, и по выцветшей мебели красного дерева.

– И ведь это только одна комната, – проворчала она. – Есть еще двадцать пять других, и все они нуждаются в капитальном ремонте, не говоря уже о фактическом состоянии стен здания.

Будучи честной сама с собой, Поузи понимала, что все эти годы минимально заботилась о доме, отчасти из-за нехватки денег, но в основном потому, что все свое внимание посвящала любимому детищу – саду. И, как любой запущенный отпрыск, дом продолжал незаметно ветшать и разрушаться.

– Я живу здесь, сознавая, что мои дни сочтены. – Она вздохнула, признавшись себе, что начала относиться к этому прекрасному старинному особняку, как к ярму на своей шее. Правда, для своих шестидесяти девяти лет Поузи оставалась в приличной форме, но надолго ли еще ее хватит? Кроме того, она понимала, что сам дом начнет разваливаться, если в ближайшее время не будет проведен капитальный ремонт.

Мысль о том, чтобы сдать и переехать в какое-то более удобное и менее затратное жилье, ужасала ее, однако Поузи знала, что практически близка к такому решению. Она пока не высказывала идею продажи Адмирал-хауса ни Сэму, ни Нику, но, вероятно, ей следует поговорить об этом с Ником, раз он возвращается.

Раздеваясь, Поузи увидела в зеркале трюмо пристально смотрящее на нее отражение. Седина в волосах, морщинки вокруг глаз и плоть, потерявшая былую упругость, расстроили ее, и Поузи отвернулась. Легче не смотреть, поскольку внутренне она еще чувствовала себя молодой, полной сил женщиной, той самой Поузи, которая любила, обожала танцевать и веселиться.

– О боже, как же я соскучилась по сексу! – воскликнула она, роясь в ящике комода в поисках свежего нижнего белья.

Все эти жутко долгие тридцать четыре года ее не трогал ни один мужчина, их тела не соприкасались, никто не ласкал ее, не сливался с ней воедино в порыве страсти...

После смерти Джонни на ее пути порой попадались мужчины, проявлявшие к ней интерес, особенно в первые годы. Возможно, она отдавала все свое внимание мальчикам, а позже саду, но после пары «круглых дат», как сказали бы ее сыновья, Поузи так и не нашла в себе душевных сил для нового романа.

– А теперь уже слишком поздно, – сообщила она своему отражению, сидя за туалетным столиком и накладывая на лицо дешевый кольдкрем – единственная дань регулярному уходу за красотой.

– Не жадничай, Поузи. Большинству людей и одну-то любовь с трудом удается найти, а ты размечталась о второй.

Поднявшись с кресла, Поузи выбросила из головы как мрачные, так и сказочные мысли и сосредоточилась на позитивных размышлениях о возвращении сына из Австралии. Вернувшись на кухню, она вытащила торт из духовки, достала его из формы и оставила остывать. Выйдя из кухонной двери на задний двор, Поузи разблокировала свой старенький «вольво» и, выехав с подъездной аллеи, свернула направо, на дорогу, которая минут за десять езды приведет ее в Саутволд.

Она ехала к набережной и, несмотря на холодный сентябрьский ветер, открыла окно, чтобы вдохнуть соленый морской воздух, смешанный с запахами жареных пирожков и рыбы с картошкой во фритюре, которые продавались в киоске возле того мола, что серой лентой уходил в Северное море под туманными голубыми небесами. Вдоль набережной тянулись симпатичные белые дома ленточной застройки, витрины магазинчиков на первых этажах изобиловали морскими сувенирами и безделушками, а чайки патрулировали тротуары в поисках случайных кусочков пищи.

Со времен ее детства город едва ли изменился, хотя, к сожалению, его старомодная своеобразная архитектура вдохновила орды состоятельных людей среднего класса приобрести здесь летние дома. Это привело к резкому повышению цен на недвижимость, и, хотя экономика городка только выиграла, несомненно, изменилась сама динамичность жизни некогда сплоченного местного сообщества. Стаи дачников слетались летом в Саутволд, делая парковки ночным кошмаром, и улетали в конце августа, подобно стае стервятников, закончивших пировать на падали.

Сейчас, в сентябре, городок выглядел опустевшим и безжизненным, словно эти орды высосали и увезли с собой все его соки. Припарковавшись на главной улице, Поузи заметила на модной лавке объявление о «завершении сезонной распродажи», а от книжного магазина убрали раскладные столики, где все лето лежали потрепанные пляжные романы.

Поузи быстро шла по улице, здороваясь со знакомыми. Чувство приобщения к аборигенам по меньшей мере доставляло ей удовольствие. Зайдя в газетную лавку, Поузи забрала свой ежедневный экземпляр «Дейли Телеграф».

Выходя из лавки, она зарылась носом в газету, просматривая заголовки, и случайно столкнулась с девочкой.

– Пардон, – извинилась Поузи и, опустив взгляд, увидела перед собой кареглазую девчушку.

– Все в порядке. – Девочка пожала плечами.

– Боже мой, – помедлив, воскликнула Поузи. – Простите, что я на вас так уставилась, но вы очень похожи на одну мою давнюю знакомую.

– Надо же. – Девочка неловко переминалась с ноги на ногу. И, когда Поузи посторонилась, пропуская ее в лавку, добавила: – Ладно, до свидания.

– До свидания. – Поузи развернулась и направилась вверх по улице к галерее. И тогда увидела, как ей навстречу быстро движется знакомая фигура.

– Эви? Неужели это правда ты?

Эви резко остановилась, ее бледное лицо смущенно покраснело.

– Да. Привет, Поузи, – тихо ответила она.

– Как ты поживаешь, милая? И что, скажи на милость, ты опять делаешь в Саутволде? Решила навестить старых друзей?

– Нет. – Эви разглядывала свои туфли. – Мы переехали сюда пару недель назад. Я... мы теперь опять живем здесь.

– Неужели?

– Именно.

– О, ясно.

Поузи заметила, что Эви упорно не поднимает на нее взгляд. Она стала гораздо тоньше, чем в юности, а ее прекрасные длинные темные волосы сменила короткая стрижка.

– По-моему, я только что видела твою дочь около газетного магазинчика. Я как раз подумала, что она очень похожа на тебя. Значит, вы втроем вернулись сюда навсегда?

– Вдвоем, навсегда, – ответила Эви. – А теперь, Поузи, прошу меня извинить, я ужасно спешу.

– Разумеется, и... теперь я подрабатываю в Галерее Мейсона, это через три дома от «Суана». Если захочешь перекусить, то знай, что я всегда буду рада видеть тебя. И твою дочку. Как ты назвала ее?

– Клемми, ее зовут Клемми.

– Подозреваю, сокращенное от Клементины, как звали жену Уинстона Черчилля.

– Да.

– Прелестное имя. Что ж, до свидания, Эви, и с возвращением.

– Спасибо. Пока.

Эви направилась к газетному магазинчику на поиски своей дочери, а Поузи прошла последние несколько ярдов до картинной галереи. Глубоко обиженная на очевидную неловкость, испытываемую Эви во время их встречи, и думая о том, что же такое, черт возьми, она могла сделать, чтобы заслужить столь негативное отношение, Поузи достала из сумки ключи от галереи.

Отперев входную дверь и войдя в демонстрационный зал, она потянулась к выключателю, размышляя над сказанным Эви: может, Брайан, живший с ней эти годы, почему-то исчез из ее жизни? Интересно было бы узнать подробности, думала Поузи, хотя признавала, что вряд ли узнает. Судя по реакции Эви, она, вероятно, предпочтет перейти на другую сторону улицы, чтобы избежать очередной случайной встречи с ней.

Однако, прожив на этой земле почти семь десятков лет, Поузи отлично усвоила, что у людей бывают разные странности. «У Эви есть на то свои причины», – погрузившись в размышления, решила Поузи, зайдя в служебное помещение в глубине галереи и включив чайник, чтобы приготовить себе вторую традиционную чашку кофе.

Жаль, что она не знает, каковы они.

Глава 2

– Пожалуйста, Джейк, сейчас же иди и найди свои ботинки!

– Но, мама, я же еще не доел завтрак и...

– Меня это не волнует! Мы опаздываем. Давай живо!

Когда Джейк вышел из кухни, Эми Монтегю вытерла салфеткой ротик четырехлетней Сары и, опустившись на колени перед дочкой, надела ей туфли. Носки уже сильно истончились, а ножки Сары с трудом помещались в ставших тесными туфлях. Нос Сары сопливил, волосы еще оставались спутанными после ночного сна, а брюки, перешедшие к ней по наследству от Джейка, уже тоже стали слишком коротки, достигая лишь середины голени.

– Ты выглядишь, как цыганская оборванка, – вздохнула Эми и, найдя расческу среди беспорядочных мелочей на серванте, попыталась продрапать через кудрявую шевелюру белокурых волос Сары.

– О-о-й, мама! – оправданно запищала Сара.

– Извини, милая, но мисс Эвинг усомнится, хорошая ли у тебя мама, если ты появишься в школе такой растрепкой.

– Я пойду в школу? – Лицо Сары помрачнело. – Но, мамочка, мне там ужасно не нравится.

– Ох, солнышко, твоя учительница говорит, что у тебя все очень хорошо получается, потом, после занятий, вас с Джейком заберет к себе домой Джози. А мама зайдет за вами к ней, когда закончит работу, – заключила Эми.

– Но я не люблю твою школу, не люблю твою Джози. Мамочка, мне хочется остаться с тобой. – Лицо малышки сморщилось, и она начала плакать.

– Сара, милочка, постарайся полюбить и школу, и Джози. А мама зато принесет к чаю шоколадный торт, договорились?

– Ладно, – смирилась Сара, отчасти успокоившись.

– Джейк?! Мы уходим! – крикнула Эми, вытаскивая Сару в прихожую.

Эми надела на дочку анорак, сама накинула куртку и вытащила из сумки ключи.

Джейк с грохотом слетел с лестницы, держа в руках ботинки.

– Обувайся быстрее, Джейк.

– Но, мама, ты же можешь помочь мне. А папа еще спит?

– Да. – Эми присела рядом с сыном и обула его. – Отлично, пошли.

– Но мне хочется попрощаться с ним, – заскулил Джейк, когда Эми, взяв Сару за руку, открыла дверь.

– Не получится.

– Почему?

– Он устал и еще спит. А нам уже пора выходить.

Завезя детей в школу, Эми поехала к гаражу, чтобы оставить там машину на ремонт, поскольку пока не удалось пройти плановый техосмотр. Быстро идя домой, она прикинула, что до выхода на работу у нее остается всего лишь час; час, за который надо успеть прибраться на кухне, постирать и составить список покупок. Она толком не представляла, как сумеет обойтись без машины, увы, трудности жизни становились почти невыносимыми. Кроме того, она понятия не имела, чем они расплатятся за ремонт машины, но им придется, как обычно, найти какие-то деньги.

Эми свернула на подъездную дорожку к жалкому коттеджу, что чуть больше месяца тому назад стал их очередным домом. Он стоял на окраине городка, от берега моря его отделяла только болотистая низина и, по сути, представлял собой заброшенный пляжный домик, совершенно очаровательный, правда, когда светило солнце. На самом деле он и предназначался для летней жизни, и Эми понимала, что его тонкие дощатые стены и огромные окна вряд ли защитят их в зимнюю непогоду. В доме не было никакого нормального обогрева, за исключением капризного дровяного камина в гостиной, и когда Эми попыталась разжечь его вчера вечером, то получилось больше дыма, чем тепла. Всего две сырые спальни на втором этаже оказались такими тесными, что большинство вещей пришлось оставить в коробках в садовом сарае за домом.

И хотя она понимала, что гордость Сэма получила ужасный удар, когда из-за нехватки денег им пришлось покинуть предыдущий дом, и Эми не хотелось еще больше расстраивать мужа, говоря, как она ненавидит это новое жилье, однако на сей раз ей с трудом удавалось придерживаться своего обычного позитивного настроения. Она знала, как упорно Сэм трудится ради семьи, но его, казалось, преследовали бесконечные неудачи, рискованные предприятия прогорали одно за

другим. Как же она могла сообщить ему, что Саре нужны новые туфельки, а Джейк вырос из зимней куртки, или попросту пожаловаться, как она устала вести хозяйство и добывать пищу на ту скудную сумму, что получала, работая администратором в местной гостинице?

Сэм, натянувший лишь семейные трусы, спустился в кухню и, позевывая, включил чайник.

– Привет, милая. Извини, что я вчера вечером так припозднился. Нам с Кеном пришлось утрясти кучу проблем.

– Но встреча прошла хорошо? – Эми нервно глянула на мужа, заметив покрасневшие голубые глаза и почувствовав исходящий от него запах перегара.

Она порадовалась, что успела вчера уснуть до его возвращения.

– В высшей степени. – Сэм взглянул на жену. – Полагаю, что в ближайшее время мне удастся восстановить богатство дома Монтегю.

Обычно такого замечания было достаточно, чтобы поднять Эми настроение, однако сегодня утром она восприняла его слова как пустой звук.

– И каким же образом?

Он повернулся к ней и с гордым видом обнял ее за плечи.

– Дорогая моя, ты видишь перед собой официального управляющего акционерного строительного агентства «Монтегю».

– Да неужели?

– Именно. Хочешь чаю?

– Нет, спасибо. И сколько же ты будешь получать? – с надеждой спросила Эми.

– Ну, пока не так уж много, по-моему, однако все мои расходы, безусловно, будут покрыты.

– Но раз ты стал управляющим, то разве не можешь назначить себе приличное жалованье?

Сэм опустил в кружку чайный пакетик.

– Эми, суть в том, что мы думаем о накоплении средств. Не могу же я требовать себе зарплату, пока не оправдаю свое назначение и не заключу выгодный договор. Когда-нибудь это произойдет, и я буду получать пятьдесят процентов прибыли. А она превратится в кучу наличных.

– Но, Сэм, – с упавшим сердцем сказала Эми, – нам нужны деньги сегодня, а не через пару месяцев. Я понимаю, что это дело поможет тебе разбогатеть, но, надеюсь, ты понимаешь, что наша семья просто не сможет выжить на одну мою зарплату?

Налив в кружку кипятка, Сэм с излишней силой опустил чайник на столешницу.

– Так что же ты предлагаешь? Чтобы я устроился на бесперспективную работу в магазин или на фабрику ради того, чтобы приносить дополнительные несколько фунтов?

На самом деле Эми хотелось, чтобы именно так он и поступил.

– Почему, Сэм, ты так плохо относишься к обычной работе? – глубоко вздохнув, спросила она. – У тебя хорошее образование и большой опыт работы в разных сферах бизнеса, и я уверена, что у тебя есть все основания получить хорошо оплачиваемую работу в офисе и...

– И не дать нашей семье шанса на долгосрочную перспективу, Эми. Я должен смотреть в будущее, должен найти способ обеспечить тот уровень жизни, который мы хотим и заслуживаем. Мы оба понимаем, что я не буду пахать на чужого дядю в паршивом офисе.

– Сэм, пойми, что на данный момент меня волнует только то, как избежать уже сейчас грозящих нам нищеты и голода. Мы должны понять, что у нас есть обязанности, нам надо растить и поддерживать детей, и мы просто не можем делать деньги из воздуха.

Потягивая чай, Сэм пристально посмотрел на жену.

– То есть ты пытаешься сказать, что потеряла веру в мою способность добиться большого успеха?

– Нет... – Взглянув на мужа, она заметила опасный блеск в его глазах. – Разумеется, я верю в тебя и твои деловые способности, но разве невозможно трудиться над новым проектом в свободное время, сочетая его с подработкой, способной дать нам уже сейчас немного реальных денег?

– Господи, Эми! Ты, очевидно, понятия не имеешь, как работает бизнес. Если я собираюсь поднять эту строительную компанию, то ни о каком свободном времени не может быть и речи.

Лицо Сэма покраснело от гнева, и он крепко схватил Эми за руку, не позволив дойти до кухонной раковины.

– Я должен поднять эту компанию, потому что если я этого не сделаю, то мы с тобой и детьми застрянем в этом паршивом домишке на всю оставшуюся жизнь. Так что, вместо того чтобы критиковать меня за то, что я стараюсь вырвать нас из этой дыры, я буду признателен, если ты поддержишь меня в попытках изменить к лучшему нашу жизнь!

– Я же только... – Эми замялась, чувствуя, как его пальцы все сильнее сжимают ее руку. – Ладно, поняла.

– Вот и хорошо. – Сэм отпустил ее, забрал свою кружку и направился к выходу из кухни. – Пойду оденусь, а потом отправлюсь ковать наше будущее.

Эми опустилась на стул, растирая онемевшую руку, и слушала звуки шагов Сэма, поднимавшегося по лестнице. Потом, минут через пять, он опять спустился. Выходя, он так хлопнул дверью, что весь дом содрогнулся.

С облегчением сглотнув и пытаясь сдержать готовые пролиться слезы, Эми встала и в странном оцепенении поднялась в каморку, которую делила с Сэмом, чтобы в другой, более просторной спальне поместились две детские кровати.

Эми села на неприбранную кровать и уставилась на маячившую перед ней влажную стену.

Что же произошло с ними двумя за последние несколько лет? Когда они сбились с верного пути?

Она познакомилась с Сэмом в саутволдском баре «Суон» – тогда она училась на последнем курсе художественного колледжа и приехала из Лондона на свадьбу подруги, а он просто заскочил туда выпить субботним вечером. Его подруга опаздывала, а Эми хотелось передохнуть после тесноты и духоты свадебной вечеринки. Слово за слово, они разговорились, а потом Сэм позвонил Эми в Лондон, пригласил на выходные в свое фамильное поместье поблизости от Саутволда.

Эми вспомнила, как впервые увидела Адмирал-хаус. Он выглядел так чудесно, похожий на прелестный и изысканный кукольный домик, что ей ужасно захотелось запечатлеть его на картине. Мать Сэма, Поузи, оказалась на редкость гостеприимной, а выходные прошли так замечательно, что, вернувшись в свою квартирку в Лондоне, Эми

начала мечтать о возвращении на спокойные живописные просторы Саффолка.

Сэм только начал разворачивать свой компьютерный бизнес и с активной изобретательностью водил ее по ресторанам и угощал выпивкой. Эми очаровало его восторженное отношение к жизни, восхитительная семья и соблазнительно теплая постель.

Когда он предложил Эми выйти за него замуж и переехать в Саффолк после окончания художественного колледжа, то согласие далось ей без труда. Они сняли симпатичный домик в ряду домов ленточной застройки на одной из старинных улочек Саутволда и начали налаживать семейную жизнь. Эми ходила с мольбертом на побережье, рисовала пейзажи и продавала их в местную галерею для туристов. Однако это была сезонная подработка, и, когда компьютерный бизнес Сэма прогорел, Эми поступила на первую же предложенную ей работу администратора в «Гребне волны», комфортабельном, хотя и старомодном отеле в центре города.

Последние десять лет были чередой взлетов и падений, согласно этапам деловой деятельности Сэма. Когда дела шли хорошо, Сэм заваливал Эми цветами и подарками, водил ужинать в ресторан, и она еще помнила того любящего повеселиться парня, за которого вышла замуж. Когда же его дела шли плохо, жизнь резко менялась...

И если бы Эми была честной с собой, то признала бы, что дела шли плохо уже давно. Когда рухнул его кинобизнес, Сэм погрузился в трясину отчаяния и почти не выходил из дома.

Эми изо всех сил старалась не усложнять его и без того тяжелое положение. Хотя днем он сидел дома, она редко просила его забрать детей из школы или сходить за покупками, пока она работала. Гордость Сэма зиждилась на том, что он по-прежнему считал себя бизнесменом, и она по опыту знала, что, пока он в депрессии, его лучше не трогать.

– Но на что же мне надеяться?

Эти слова невольно слетели с языка Эми. Ей почти тридцать лет, а чего она достигла в жизни? У нее есть муж, но он перманентно пребывал без работы, они сидели без денег и докатились до жизни в арендованной летней лачуге. Да, Эми имела двух очаровательных детей и работу, но это вряд ли блестящая карьера художницы, о которой она мечтала до замужества.

А что касается его вспышек ярости... Эми знала, что его жестокость в последние дни усугубилась из-за нехватки выпивки. Ей лишь хотелось с кем-нибудь поговорить об этом, но кому она могла довериться?

Чувствуя себя ужасно эгоистичной, Эми быстро переделалась в синий рабочий костюм и припудрилась, прибавив цвета бледным щекам. Она просто устала, только и всего, и Сэм тоже старается изо всех сил. Она вышла из дома, решив купить на ужин что-нибудь вкусное. Все еще больше осложнялось, когда они ссорились, и, хотя интуиция подсказывала ей, что его новое рискованное предприятие обречено на провал, как все предыдущие, Эми понимала, что у нее нет иного выбора, кроме как довериться ему.

* * *

Поскольку сегодня была пятница, день открытия Саутволдского литературного фестиваля, в отеле «Морская волна» царил суматоха. Второй администратор приболел, поэтому Эми даже не смогла выйти на обед, чтобы закупить продукты на выходные. Ей пришлось разбираться с двойным бронированием, заблокированным туалетом, с пропавшими наручными часами, якобы украденными, но таинственным образом обнаружившимися всего через полтора часа. Глянув на собственные часы, Эми увидела, что всего через десять минут ей надо забирать детей от Джози, приходящей няни, а вечерний администратор Карен все еще не появилась.

Мистер Тодд, управляющий, тоже куда-то исчез, и, когда Эми попыталась позвонить Сэму на мобильный, чтобы выяснить, сможет ли он забрать детей, ей никто не ответил. Она порылась в сумке, ища свою телефонную книжку, но потом вспомнила, что забыла ее дома на кухонном столе. На грани слез Эми позвонила в справочную, но лишь выяснила, что в телефонной книге нет номера Джози.

– Неужели здесь совершенно невозможно получить хоть какую-то помощь?!

Стойка регистрации содрогнулась под мощным ударом кулака.

– Я уже трижды звонил вниз, чтобы кто-то удосужился разобраться в вашем водоснабжении и из моих чертовых кранов

полилась наконец горячая вода.

– Извините, сэр, я позвонила в службу ремонта, и они обещали наладить воду, как только смогут. – Эми осознала, как дрожит ее голос из-за подступившего к горлу комка слез.

– Ради всего святого, я жду уже два часа! Неужели этого недостаточно? Если вы не разберетесь с водой в течение десяти минут, то я съеду из вашего отеля.

– Да, сэр, я сию минуту опять позвоню в ремонтную службу.

Трясущейся рукой она потянулась за телефонной трубкой, слезы скопились в ее глазах, хотя она упорно пыталась загнать их обратно. Еще не успев поднять трубку, Эми увидела входящую в фойе Карен.

– Извини, Эми, я опоздала. На дороге в город перевернулся грузовик. – Шагнув за стойку администратора, Карен сбросила куртку. – У тебя все в порядке?

Эми смогла лишь пожать плечами и смахнуть слезы с глаз.

– Давай я во всем сейчас разберусь. Итак, мистер Жиро. – Карен жизнерадостно улыбнулась постояльцу. – Чем я могу помочь вам?

Эми убежала в подсобку, нашла в сумочке старую салфетку и хорошенько прочистила нос. Натянув куртку, она быстро, опустив голову, направилась к выходу из отеля. Оказавшись на улице, с удовольствием вдохнула холодный вечерний воздух, но тут ей на плечо легла чья-то большая рука.

– Послушайте, простите. Я вовсе не хотел расстраивать вас. Понятно же, что это не ваша вина.

Оглянувшись, Эми увидела мужчину, с которым только что беседовала у стойки, он взирал на нее с высоты своего значительного роста. В своем былом волнении она практически не замечала, как он выглядит, но сейчас оценила его широкие плечи, волнистые золотисто-каштановые волосы и глубоко посаженные зеленые глаза, теперь уже исполненные беспокойства.

– Нет, пожалуйста, вам не за что извиняться. На самом деле не вы расстроили меня. А сейчас извините, я ужасно опаздываю, мне надо забрать своих детей от няни.

– Понятно, – кивнул он. – Но я действительно сожалею.

– Спасибо. – Эми развернулась и поспешила вдоль по улице.

Прибыв к дому с двумя раздраженными, измученными детьми и пакетами из супермаркета, Эми чуть не расплакалась опять, увидев

около калитки свою свекровь.

– Привет, Поузи. – Эми заставила себя улыбнуться, отпирая входную дверь.

– Дорогая моя девочка, ты выглядишь жутко усталой. Ну-ка, позволь мне помочь тебе. – Прижав локтем к боку принесенную жестянку, Поузи забрала у невестки часть хозяйственных сумок. Зайдя на кухню, она усадила Сару и Джейка за стол и велела Эми поставить чайник, а сама приготовила тосты с питательной пастой и подогрела немного консервированных макарон для детей.

– Бог ты мой, как же у вас холодно. – Поузи поежилась.

– К сожалению, здесь нет отопления, – откликнулась Эми. – Дом предназначен только для летнего времени.

Поузи окинула взглядом маленькую безотрадную кухню, единственная голая лампочка, свисавшая с потолка в центре комнаты, отлично освещала все грязные пятна на стенах.

– Отнюдь не дворцовые покои...

– Верно, – вяло согласилась Эми. – Но будем надеяться, что мы не останемся здесь надолго и переберемся в другое место, как только вновь поправим наши финансовые дела.

– Ты же знаешь, я давно говорила Сэму, что вы все можете переехать и жить со мной в Адмирал-хаусе. Просто глупо, что я живу там одна, а вы ютитесь в этом курятнике.

– Вы тоже знаете, что гордость Сэма никогда не позволит ему согласиться на это.

– Увы, милая, – вздохнула Поузи, открывая жестяную банку и выкладывая на тарелку идеальный шоколадный торт. – Иногда гордыня до добра не доводит, а мне почти невыносимо думать, как вы здесь живете. – Она нарезала торт на кусочки и сообщила внукам: – Вот, лучший бабушкин торт, и вы получите его, доев тосты и макароны. А ты, Эми, хочешь кусочек?

– Нет, спасибо. – Эми опасалась, что сейчас ей в горло кусок не полезет.

Поузи пригляделась к невестке. Она еще не растеряла красоту, однако юбка болталась на ее бедрах, а на бледном лице выделялись огромные голубые глаза. Пряди ее обычно безупречно чистых белокурых волос пытались вырваться из небрежно собранного

«конского хвоста», и выглядели так, словно давно нуждались в хорошенькой головнойке.

– Дорогуша, ты что-то исхудала. Поешь-то успеваешь?

– Конечно, Поузи. У меня все в порядке, правда. – Эми вытерла салфеткой рот Сары. – Надеюсь, вы извините меня, но я должна искупать детей и уложить их спать.

– Разумеется. Могу я помочь?

Подумав, как Поузи воспримет грязную маленькую ванну под лестницей, Эми вяло пожалала плечами. Разве это имело значение?

– Если хотите.

Пока они вдвоем купали детей, Поузи не вымолвила ни слова. После того как их вытерли и одели в пижамы, она сказала, что разожжет камин в гостиной, пока Эми будет читать им сказку перед сном.

Когда дети наконец уснули, Эми спустилась в гостиную и с удовольствием опустилась в замусоленное кресло. Поузи принесла с кухни бокалы вина.

– Надеюсь, ты не против, что я открыла бутылочку, мне показалось, что тебе не мешало бы выпить.

Эми собиралась позже угостить этим вином Сэма, но с благодарностью взяла бокал.

– А где, кстати, Сэм? – спросила Поузи, устроившись на старом кожаном диване.

– Не знаю. – Эми пожалала плечами. – Но замышляется какой-то бизнес, поэтому, вероятно, он на деловой встрече.

– В половине восьмого в пятницу? – Поузи удивленно приподняла брови. – Что-то я сомневаюсь.

– В любом случае я уверена, что он скоро явится.

– А он помогает тебе с детьми?

– В будни не получается, но он отлично занимается с ними в выходные, – ответила Эми, как верная жена.

– Эми, милая, Сэм же мой сын, и, хотя я очень люблю его, я отлично знаю его натуру. Дай ему палец, так он всю руку отхватит.

– Он старается изо всех сил, правда, Поузи.

– Ты имеешь в виду, как сегодня вечером? Если Сэм сейчас не занят работой, то разве он не должен помогать тебе по дому? По

меньшей мере он мог бы забирать детей вместо тебя или ходить по магазинам. Ты выглядишь, милочка моя, совершенно замученной.

– Мне просто нужно нормально выспаться, только и всего. У нас все нормально, честно. – Эми признавала, что сейчас лекция о недостатках ее заблудшего мужа, даже если они действительно имелись, могла стать для чаши ее терпения последней каплей. – Расскажите лучше, как у вас дела?

– Я получила изумительную новость! – Поузи всплеснула руками. – Пару дней назад мне позвонил Ник и сообщил, что приедет домой!

– После стольких лет. – Эми задумчиво улыбнулась. – Вы, должно быть, в восторге.

– Точно. И по иронии судьбы, в тот самый день в городе я встретила Эви Ньюман. Она тоже вернулась в Саутволд вместе со своей маленькой дочкой.

– Не эта ли Эви когда-то помогала Нику в антикварном магазине?

– Она. – Поузи сделала глоток вина. – Не могу вспомнить... ты с ней знакома?

– Да, но к тому времени, когда мы с Сэмом поженились и я окончательно переехала сюда, она уже покинула Саутволд.

– Это, наверное, совпадение, что Ник и Эви возвращаются сюда с разницей в несколько недель, – задумчиво произнесла Поузи.

– Наверное. А вы не знаете, надолго ли приезжает Ник?

– Нет, и, честно говоря, побоялась спросить. Я буду рада любому времени, которое он сможет прожить со мной, и его приезд будет очень кстати для экспертной оценки раритетов в Адмирал-хаусе. Как раз на этой неделе мне подумалось, что пришла пора оценить его содержимое.

– Неужели? Вы собираетесь что-то продавать?

– Возможно. А может быть, к тому же решусь продать сам дом.

– Ох, Поузи, надеюсь, вы шутите?! – ужаснулась Эми. – Ведь этот дом принадлежал вашей семье много лет. Мне он кажется... совершенно великолепным! Невозможно...

– Знаю-знаю, милая, однако прежние поколения имели капиталы – и штат прислуги, смею добавить, – чтобы поддерживать его в нормальном состоянии. – Поузи вздохнула. – И вообще, хватит уже обо мне. Как у тебя дела на работе?

– Суматошно, как обычно во время нашего Литературного фестиваля. Отель полностью забронирован.

– Как же приятно, когда у нас собирается множество интересных авторов. Завтра я собираюсь послушать, что будет говорить о своей новой книге Себастиан Жиро. Он производит весьма интересное впечатление.

– Себастиан Жиро? – потрясенно повторила Эми.

– Да. В этом году его роман включили в список на Букеровскую премию, и его продажи значительно превзошли даже избранного победителя. Да ты, Эми, наверняка слышала о нем.

Последнее время она считала достижением, если ей удавалось без помех прочитать хотя бы заголовки в газете, какое уж там прочесть целую книгу от начала до конца.

– Нет, то есть я не слышала о нем до сегодняшнего дня. На самом деле я познакомилась с ним сегодня. Он остановился в нашем отеле.

– Да, неужели? Как тебе повезло. Ну, и как он, привлекательный мужчина? Такой высокий и мужественный... – Поузи улыбнулась.

– Честно говоря, я не заметила. Он кричал на меня из-за отсутствия в его номере горячей воды.

– Ах, милая, как досадно. Я-то надеялась, что он окажется таким же обаятельным, каким показался мне в одной радиопередаче. Но не бери в голову, у него трудная жизнь. Несколько лет назад его жена умерла во время родов и младенца унесла с собой. И все-таки это еще не повод вести себя грубо с окружающими. В том-то, видимо, и проблема со всеми этими знаменитостями... Познав славу, люди порой меняются не в лучшую сторону. – Взглянув на Эми, Поузи вдруг хлопнула в ладоши. – Слушай, дорогая, а почему тебе не пойти со мной завтра? Мы могли бы зайти на ленч в «Суон», а потом отправиться на его встречу с читателями.

– Не смогу, Поузи. С кем я оставлю детей?

– Разве Сэм не сможет посидеть с ними несколько часов? В конце концов, завтра же суббота.

– Даже не... – Не договорив, Эми услышала, как открылась входная дверь и вошел Сэм.

– Дорогой мой, – Поузи встала и поцеловала сына в обе щеки, – где ты пропадал?

– Ходил на встречу.

– В паб? – уточнила Поузи, уловив пивной запах.

– О, ради бога, не начинай, мам.

– Не буду, но у твоей бедной жены нынче выдался ужасно трудный день, и я как раз говорила, что ей непременно нужно немного отдохнуть. Поэтому я забираю ее завтра на ленч, а потом мы ходим на одно мероприятие литературного фестиваля. Сэм, ты ведь сумеешь занять детей днем, верно? А сейчас мне пора уходить, оставляю вас двоих, чтобы вы могли спокойно поужинать. Значит, Эми, я заеду за тобой завтра в половину первого. Пока, мои дорогие.

– Пока, Поузи, – откликнулась Эми, покраснев от смущения.

Входная дверь закрылась, и Эми с тревогой глянула на мужа, пытаясь оценить его настроение.

– Извини, Сэм. Но ты же знаешь, уж если твоя мать села на своего конька, то пиши пропало. Я позвоню ей завтра утром и скажу, что не смогу пойти с ней.

– Нет, мама права, тебе действительно нужна передышка. Завтра днем я отлично справлюсь с малышами. И, послушай, прости, что я вышел из себя утром.

– И ты прости, что я усомнилась в тебе, – сказала Эми, после его извинения ее захлестнула волна облегчения.

– Все нормально. И я могу тебя понять, но ты просто должна верить мне.

– Я верю, Сэм, правда.

– Отлично. А теперь – как у нас дела с ужином и осталось ли еще винцо?

Глава 3

– Мамочка, ну пожалуйста, я не хочу туда ехать!

– Клемми, «Орвелл парк» считается замечательной школой, и там для тебя откроются превосходные возможности.

– Но мне она не нужна. Я хочу оставаться здесь, с тобой, никуда не уезжая. Пожалуйста, мамочка, не заставляй меня...

– Иди ко мне, детка. – Эви Ньюман привлекла к себе дочь и обняла ее. – Неужели ты думаешь, что мне хочется отправлять тебя туда?

– Не знаю, – пробурчала Клемми, шмыгнув носом.

– Ну, разумеется, не хочется, но я же должна думать о твоём будущем. Ты ведь большая умница, и мама должна постараться дать тебе по возможности наилучшее образование.

– Но мне нравилась моя старая школа в Лестере. Почему бы нам не вернуться туда?

– Потому что, милая, теперь мы живем здесь. И даже если бы мы еще жили в Лестере, я все равно хотела бы, чтобы ты поступила в «Орвелл Парк».

– А я просто хочу жить дома. Чтобы все было как раньше, – всхлипывая, пробурчала Клемми, уткнувшись в плечо Эви. – Тебе же нужно, мамочка, чтобы я присматривала за тобой, ты сама знаешь, что нужно.

– Нет, Клемми, вовсе не нужно, – бодро ответила Эви. – Я вполне способна сама позаботиться о себе.

– Но ведь если я уеду в школу, ты останешься совсем одна в этом огромном доме. Что, если...

– Клемми, детка, я обещаю, что со мной все будет в полном порядке. – Эви погладила волосы дочери. – Я и так чувствую себя эгоисткой из-за того, что не отпускала тебя от себя последние годы. Но пора тебе начинать собственную жизнь и перестать беспокоиться обо мне.

– Я не смогу, мама. Мне так нравилось, как мы жили вдвоем, только ты и я.

– Я тебя понимаю, мне тоже, но не забывай, что ты будешь приезжать домой на все выходные и на каникулы, а каникулы там

будут гораздо длиннее, чем в твоей старой школе. И поверь мне, мы с тобой будем проводить вместе массу времени.

Клемми резко вырвалась из объятий Эви и возмущенно заявила:

– Ты просто хочешь избавиться от меня. В общем, я никуда не поеду, и ты не сможешь заставить меня! – Клемми выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

– Черт, черт, черт! – выругалась Эви, с досады избивая диван.

Отправка любимой дочери в школу разрывала ей сердце, и, несомненно, в глубине души она понимала, что нуждается в дочери в той же мере, в какой дочь нуждается в ней. Из-за их жизни в маленьком доме ленточной застройки в Лестере и из-за всего случившегося, пока они жили там, Клемми пришлось слишком быстро повзрослеть и взвалить на плечи бремя, которое и любой взрослый счел бы тяжким.

Эви все это понимала, однако, каким бы болезненным ни оказалось первое расставание, было необходимо, чтобы Клемми уехала в эту школу. Пора ей начинать жить и веселиться, как нормальной девятилетней девочке, обрести свой собственный мир, оторвавшись от материнских проблем.

Снизу донеслась трель дверного звонка. Чувствуя себя совершенно опустошенной, Эви поднялась с пола, с трудом спустилась по трем пролетам лестницы и наконец открыла входную дверь.

– Салют, Эви. Я понимаю, что рано, но город достал...

На пороге стояла улыбающаяся Мари Симмондс, закадычная подружка Эви со школьной скамьи. В школе их прозвали «Дюймовочка и Дылда»; Эви всегда была маленькой худышкой, а пышка Мари – на голову выше всех одноклассников. «С каким бы удовольствием, – подумала Эви, – я поменялась бы сейчас с ней местами».

– Заходи. Боюсь, у меня все еще ужасный беспорядок.

Пройдя по холлу, Эви привела Мари на кухню.

– Боже, Эви, как тебе повезло унаследовать такой шикарный дом. Дай мне карт-бланш, и я продам его завтра же, даже если уборкой в нем не занимались с середины позапрошлого века.

Мари заправляла местным агентством недвижимости, поднявшись с должности секретаря до управляющего.

– Кое-какой косметический ремонт в доме делали еще во времена бабушки и дедушки, с тех пор никто ничего не касался. – Эви пожалала плечами. – Но нет, спасибо. Я собираюсь сама жить здесь, по крайней мере, на данном этапе.

– Что ж, учитывая, как обстоят дела на данном этапе, когда весь Лондон отчаянно стремится обзавестись недвижимостью в Саутволде, чего бы она ни стоила, я полагаю, что ты вполне можешь считать себя миллионершей.

– Приятно слышать, но пока я не собираюсь продавать его, то нет смысла и думать об этом, верно? Хочешь кофе?

– Да, с удовольствием. Ну почему у меня нет богатенького родственничка, который собирается дать дуба и оставить мне кучу дубового добра в Саутволде? – посетовала Мари, запустив пальцы в густую гриву черных кудряшек.

– Зато у тебя есть очаровательная мать, да и отец еще жив, – не допускающим возражений тоном заявила Эви. – А я лишилась их в десять лет.

– Извини, я не хотела показаться черствой или корыстной. Просто порой мне очень горько видеть в агентстве, как все эти деньги переходят из рук в руки, хотя мне и моей семье, на протяжении многих поколений жившей в нашем городе, из-за нынешней дороговизны приходится переезжать в пригород.

– Ломтик тоста? – спросила Эви, поставив на стол перед Мари чашку кофе.

– Нет, благодарю. Я сижу на очередной диете. Честно, Эви, я могла бы возненавидеть тебя: огромный особняк и фигурка, как в школьные годы, несмотря на то что ты родила ребенка и жрешь все, что захочешь. – Мари с завистью проследила, как Эви намазала тост маслом и добавила джема.

– Уверяю тебя, Мари, тебе не нужна моя худоба, – ответила Эви, садясь за стол. – И я, кстати, тоже могу позавидовать твоему счастливому замужеству и тому, что у твоих малышей есть оба родителя. – Она пожалала плечами.

– Как Клемми?

– Несчастливая, капризная и чересчур эмоциональная. Ей не нравится Саутволд, мечтает вернуться обратно в Лестер. Она наверху, дуется из-за того, что надо ехать в школу. Черт возьми, я

действительно не знаю, как мне убедить ее. Сейчас она напрочь отказывается ехать. А я чувствую себя полной стервой. Жутко переживаю, она ведь думает, будто мне не хочется видеть ее дома, однако по самым разным причинам очень важно, чтобы она уехала.

– Уверена? – усомнилась Мари. – Брось, Эви, она же еще маленькая. Разве не может она еще несколько лет походить в местную школу и поехать в интернат немного позже? Начальная школа в Саутволде вполне хороша, даже более чем. В ней многое изменилось со времени нашей учебы. Понятно, что здесь нет никаких внешних атрибутов шикарной частной подготовительной школы, но оба мои чада с радостью ходят туда.

– Нет. Ради ее же блага я хочу, чтобы она уехала в этом году.

– Признаться, я не представляю, что могла бы в девять лет отослать в интернат своего ребенка. – Мари в недоумении пожала плечами. – Я и так безумно скучаю по общению с ними. И, если она уедет, ты сразу почувствуешь, как здесь гуляет ветер. Ты же останешься в таком домище совсем одна.

– О, у меня масса дел, я найду, чем заняться.

– А как ты вообще относишься к возвращению? – глотнув кофе, спросила Мари.

– Нормально, – коротко ответила Эви.

– Видишься с Брайаном?

– Боже, нет. Ты же знаешь, он бросил нас, когда Клемми была еще малышкой, и с тех пор я ничего о нем не слышала.

– То есть он не поддерживает связь с дочерью?

– Нет.

– Очень печально... я имею в виду, для Клемми.

– Могу заверить тебя, что нам обеим гораздо лучше без него. Оглядываясь назад, я вообще удивляюсь, что могла найти в нем?

– Да, он всегда относился к тебе снисходительно, – согласилась Мари.

– Он обходился со мной, как с ребенком. Все, что делала, он считал недостаточно хорошим. А я просто восхищалась им, думала, что он намного умнее меня и видел в жизни гораздо больше, поэтому поначалу мне нравилось, что он так заботился обо мне, – Эви встала и выбросила в раковину кофейную гущу, – но теперь я понимаю, что Брайан просто заменял мне потерянного в детстве отца.

– Похоже, трудновато тебе пришлось.

– Ну да, трудновато, но можно сказать, что я сама едва ли способствовала простоте нашей жизни. Совершила много ужасно досадных ошибок.

– Все мы, Эви, делаем ошибки по молодости. Это часть взросления. Не стоит особо терзаться по этому поводу. Кстати, не пора ли нам выходить?

– Пора. Схожу наверх, узнаю, удастся ли вытащить Клемми из спальни. Она уже заявила, что не желает торчать дома, пока мы ходим на эту читательскую встречу.

– У нее все будет в порядке, когда она попривыкнет здесь, – успокоила подругу Мари. – Передай ей, что дядя Джефф готовит к обеду пиццу, а Люси ждет не дождется встречи с ней.

– Ух, постараюсь, – кивнув, ответила Эви.

Доехав до дома Мари в ближайшей деревне Рейдон, высадив там мрачную Клемми и дав указания Джеффу, мужу Мари, развлекать девочку по полной программе, подруги отправились обратно в Саутволд.

– Бог ты мой, какая кипучая городская жизнь! – воскликнула Эви, проехав мимо пивоваренного завода и направившись к театру Святого Эдмунда, где проводились творческие встречи нынешнего фестиваля.

– А в следующую субботу, когда закончится литературный фестиваль и большинство детей вернется в школы, городок опять погрузится в мертвецкий сон, – заметила Мари. – Смотри-ка, там уже очередь. Похоже, нам нужно поторапливаться.

Эви и Мари нашли хорошие места в середине небольшого зрительного зала.

– А ты уже прочитала эту книжку? – спросила Эви.

– Нет, но я видела фотографии автора, и на этого Себастиана Жиро определенно стоило прийти взглянуть, даже если он будет нести полную чушь, – усмехнувшись, ответила Мари.

– Но он ведь действительно замечательный писатель и... о боже! Нет! Смотри, это же Поузи.

– Поузи?

– Ну, Поузи Монтегю, видишь? Спускается по ступенькам, вон она. – Эви показала рукой в нужную сторону.

– Ах да, вижу. Она пришла с Эми, своей невесткой. Ты с ней знакома? – шепотом спросила Мари.

– Немного, виделись когда-то давно. А она симпатичная, верно?

– Да. Я с ней познакомилась, потому что ее сын Джейк учится в одном классе с моим Джошем. Она правда очень милая и, как можешь представить, терпеливая, как ангел, ведь она замужем за Сэмом Монтегю с его способностью исключительно к провальным финансовым проектам. – Мари закатила глаза. – Теперь они ютятся в уютной лачуге на Ферри-роуд, а в паре миль от них мамаша Монтегю роскошествует одна в своем огромном особняке.

– Леди и джентльмены! – На сцене появилась ведущая встречи, и зрители затихли, ожидая представления.

– Мы рады видеть вас всех сегодня в день открытия Саутволдского литературного фестиваля. Уверена, что вы получите огромное удовольствие, поскольку нам предстоит встреча с известным лауреатом, писателем и журналистом Себастианом Жиро и его новой книгой «Поля скорби».

Под аплодисменты зрителей на сцену широким шагом вышел Себастиан Жиро.

– Супер, – прошептала Мари, когда писатель, подходя к микрофону, запустил руку в свою густую золотисто-каштановую шевелюру. – Великолепный мужик. Неудивительно, что в зале в основном женщины. Как ты думаешь, сколько ему лет? Немного за сорок?

– Понятия не имею.

Когда приглушили свет, Эми закрыла глаза. Она чувствовала себя совершенно обессиленной. Сэм появился дома, чтобы присматривать за детьми, только в одиннадцать часов, поэтому им с Поузи пришлось отменить запланированный в «Суоне» обед и отправиться прямо в театр. Не найдя места для парковки, они в итоге оставили машину в другом конце городка, и им пришлось пробежаться, чтобы успеть к началу этой творческой встречи.

Эми вовсе не хотелось слушать рассказ Себастиана Жиро о книге, которую она, вероятно, все равно не удосужится прочитать, но, по крайней мере, сейчас ее не изводили своими просьбами клиенты отеля, дети или муж и она могла спокойно отдохнуть в темноте. Однако, когда он заговорил, даже Эми невольно прислушалась. Его мягкий

голос, казалось, звучал умиротворяюще, присущая ему неизменная уверенность убаюкивала и успокаивала, а когда он зачитывал отрывки из своей поистине печальной истории, Эми вдруг почувствовала себя виноватой в том, что вообще жаловалась на свою жизнь.

Чтение завершилось восторженными аплодисментами. После этого Себастиан отвечал на вопросы из зала. Поузи спросила, как ему удалось раздобыть такие точные сведения о событиях Первой мировой войны, но Эми сидела спокойно, не желая больше иметь с ним никаких контактов.

Потом сообщили, что в фойе мистер Жиро будет подписывать экземпляры своих книг всем желающим.

– Пошли скорее, мне хочется получить подписанный экземпляр, просто чтобы еще разок глянуть ему в глаза, – прошептала Мари, когда они с Эви в толпе зрителей двигались к выходу из зала. – Тогда, лежа в усыпанной лепестками роз ванне, я смогу представить не своего сидящего в конторе муженька, а то, как этот красавчик читает мне свою книгу.

– Зато Джефф не испытывает сложностей артистического темперамента и таланта, и ему не приходится рекламировать себя привлекательной внешностью и мечтательно-задумчивыми взглядами, – проворчала Эви. – Брайан вечно окружал себя так называемыми интеллектуалами. Мне знакомы такого рода типчики, и, по-моему, в них нет ничего привлекательного. Ладно, я подожду в том уголке, пока ты будешь добывать книгу.

Устроившись на банкетке в угловой части фойе, Эви заметила, что Мари уже пристроилась в конец очереди, стремившейся получить автограф знаменитого автора.

Увидев выходящих из зала Поузи и Эми, Эви опустила голову, надеясь, что ее не заметят. Не сработало. Поузи направилась напрямик к ней.

– Эви, добрый день, как твои дела? – с сердечной улыбкой спросила Поузи.

– Спасибо, прекрасно. – Эви кивнула, чувствуя, как покраснели ее щеки.

– Позволь мне познакомить тебя с Эми Монтегю, женой Сэма.

– Привет, Эми. – Эви удалось изобразить вежливую улыбку.

– Привет. По-моему, мы встречались когда-то давно, – сказала Эми. – Вы вернулись в Саутволд навсегда?

– Ну, скорее – на обозримое будущее.

– А где ты живешь? – спросила Поузи.

– В бабушкином доме. Она завещала его мне.

– О да, я слышала, что она умерла несколько месяцев назад.

Прими мои соболезнования. – Поузи неотрывно смотрела прямо в глаза Эви. – Не зайти ли нам всем вместе на ленч в «Суон»? Мне не терпится услышать все твои новости, Эви, да и с Эми вы сможете прекрасно возобновить знакомство.

– О, к сожалению, я здесь не одна и...

– Мы с удовольствием посидим в кафе, – перебила подругу Мари, появившаяся за спиной Поузи. – Миссис Монтегю, по-моему, официально мы пока не знакомы, но я отлично знаю, где вы живете и обожаю ваш дом. Привет, Эми, – добавила она.

– Познакомьтесь с Мари Симмондс, моей старой школьной подругой. Она работает в агентстве недвижимости, – сообщила Эви, смущенная легкостью обращения Мари к Поузи, отчего ее собственное поведение показалось еще более натянутым.

– Добрый день, Мари. Вот и прекрасно, давайте тогда пойдем туда побыстрее, пока не заняли все удобные столики, – предложила Поузи.

Четыре женщины направились к выходу из театра.

– Извините? Надеюсь, я ничего не перепутал?

– Пардон?

– Вы ведь та самая администратор из отеля, именно вас вчера так расстроила моя тактика запугивания, – пояснил Себастиан Жиро.

Эми заметила, что все три ее спутницы изумленно уставились на нее. Ее лицо залила густая краска смущения.

– Да.

– Возьмите, пожалуйста. – Себастиан протянул Эми экземпляр своей книги. – Вероятно, моя книга вам нужна менее всего, но мне нечего больше предложить в качестве искупления. И я действительно должен еще раз извиниться перед вами.

– Но в самом деле у меня нет к вам ни малейшей претензии. Я же говорила вчера вечером, что расстроилась не из-за вас.

– Значит, вы прощаете меня?

Эми невольно улыбнулась его пылкой настойчивости.

– Разумеется. Спасибо за книгу. Всего доброго.

– Всего доброго.

Эми развернулась и последовала за остальными к выходу. Поузи и Мари сгорали от любопытства, так им хотелось узнать, что все это значило, поэтому Эми пришлось объясниться.

– Как приятно, что еще встречаются настоящие джентльмены, – заметила Поузи, когда все спутницы вошли в уютный зал «Суона».

Эви, извинившись, направилась в дамскую комнату, а остальная компания устроилась за одним из столиков.

– Едва ли. Вчера он вел себя со мной совершенно по-хамски, – ответила Эми.

– Что ж, по крайней мере из-за того хамства ты сэкономила на покупке его книги. Мне-то пришлось изрядно раскошелиться ради этого, – хмыкнув, посетовала Мари.

– Ну как, все хотят чай с булочками? – спросила Поузи. – Господи, как забавно! У нас получился такой славный девичник. Не представляете, как я мечтала иметь дочь. Бедняжке Эми достается от моей навязчивой опеки, верно, милочка?

– Мне только приятно, Поузи, вы же знаете, – откликнулась Эми.

Вернувшись из туалета, Эви втиснулась на диванчик рядом с Мари, хотя рядом с Поузи оставалось явно больше места.

– Мари, мы не можем задерживаться надолго. Клемми начнет беспокоиться. – Эви нервно сплела пальцы и, вновь расцепив руки, опустила их на колени.

– Брось, она ж там вовсю наслаждается жизнью, – возразила Мари, слишком радуясь общению в хорошей компании, чтобы обращать внимание на тонкие намеки Эви.

– Ваш муж замечательно умеет развлекать детей, – вздохнув, сказала Эми, но, вспомнив о присутствии Поузи, добавила: – Я хотела сказать, что Сэм сейчас полностью поглощен своим бизнесом.

– Ну, и как ты, Эви, рада, что вернулась обратно спустя столько лет? – доброжелательно спросила Поузи.

– Да, спасибо, Поузи.

Вскоре принесли чай с булочками, и, к облегчению Эви, Поузи, переключив свое внимание на Мари, начала расспрашивать ее о состоянии местного рынка недвижимости.

– Почему бы вам не пригласить меня заехать и взглянуть на ваш особняк? – пылко предложила Мари. – Я могла бы провести объективную оценку, и вы по крайней мере могли бы узнать, сколько он может стоить.

– Надеюсь, Поузи, вы не думаете продавать Адмирал-хаус? – Эви, услышав последнюю фразу их разговора, не смогла удержаться от вопроса.

Поузи впервые заметила искру бывшего блеска в глазах Эви.

– Да, милочка, вполне вероятно. Как я только что говорила Мари, для поддержания дома в порядке нужно слишком много денег, и к тому же сам он великоват для меня одной.

– А что думают ваши сыновья? – спросила Эви. – Наверняка кто-то из них предпочел бы...

– Жить там, когда я покину наш бранный мир? Сомневаюсь. Взвалить такую тяжесть на чью-то шею? Никому не пожелала бы получить в наследство столь обременительный подарочек.

Пока Эми разливала чай, Поузи поглядывала на Эви, раздумывая, какая же все-таки беда могла превратить красивую и умную молодую женщину, полную жизненных сил, в бледную и страшно исхудавшую тень самой себя. Казалось, на плечи Эви легло бремя мировой скорби, наполнив ее глаза неизбывной печалью.

– Когда Клемми должна уехать в интернат? – спросила Мари у Эви.

– На следующей неделе.

– Боже, я тоже когда-то жила в интернате и обожала учиться там, – вставила Поузи. – Наверное, ей не терпится уехать?

– Нет, совсем наоборот, – ответила Эви.

– Ее можно понять, но как только она начнет учиться, то, несомненно, быстро освоится, и ей понравится.

– Надеюсь.

Поузи видела, что Эви упорно смотрит в свою чашку, видимо, не способная встретиться с ней взглядом.

– В общем, если захочешь, чтобы я, как бывшая ученица такого интерната, подбодрила ее, то я с искренним удовольствием поговорю с ней.

– Спасибо, но я уверена, что она сама все поймет.

Поузи размышляла, чем бы заполнить вдруг воцарившееся за столиком неловкое молчание.

– Кстати, Эви, скоро Ник приезжает из Австралии навестить меня.

– Неужели? Здорово. А сейчас, Мари, – решительно произнесла Эви, вставая из-за стола, – нам действительно пора уходить.

Пока недовольная Мари натягивала куртку, Эви достала из сумочки несколько монет и положила их на стол.

– Всем пока, – сказала Мари, успев вручить Поузи визитку, несмотря на то что Эви почти насильно тащила ее к выходу. – Позвоните мне.

– Конечно, милочка, как только решусь на продажу. До свидания, Эви, – добавила Поузи, глядя на удаляющуюся спину.

– Нам тоже пора бы домой, Поузи, – заметила Эми. – Время вечернего чая уже прошло, а я уверена, что Сэм и не подумал накормить детей.

– Конечно. – Поузи грустно покачала головой. – Понимаешь, мне хотелось узнать, что же так печально изменило Эви. Раньше мы были хорошими подругами, и она обычно была очень веселой. А сейчас такое впечатление, что из нее выкачали все жизненные силы. Да и выглядит она плачевно.

– Десять лет – немалый срок. – Эми пожала плечами. – И у нее, очевидно, какие-то трудности, по меньшей мере с отправкой ее дочки в школу-интернат.

Пока они возвращались к машине, Поузи невольно вспоминала выражение лица Эви, когда она упомянула о приезде Ника из Австралии. Эви явно разволновалась, и Поузи решила, что, будь она проклята, если не попытается выяснить причины ее волнения.

Глава 4

– Клемми, будь добра, открой дверь! Я только что вылезла из душа, – крикнула Эви дочери с верхнего этажа.

– Ладно-ладно, мам, я иду. – Скотившись с кровати, Клемми сбежала по лестнице в холл и открыла входную дверь.

– Добрый день, Клемми. Меня зовут Поузи Монтегю, я – старая подруга твоей мамы. Помнишь, несколько дней назад мы с тобой встретились возле газетной лавочки?

– Помню. – Клемми кивнула. – Вы хотите видеть маму?

– Честно говоря, я пришла повидать тебя. Ты когда-нибудь ловила крабов?

– Нет, – ответила Клемми, явно насторожившись.

– Тогда самое время попробовать. У меня в машине запасены удочки, ведра и беконовая наживка. Если твоя мама разрешит, мы съездим на лодке за реку, в Уолберсвик. Сходи, найди ее и спроси, можно ли тебе поехать?

– Но... я не...

– Привет, Поузи.

За спиной Клемми появилась Эви в банном халате, с хмурым, как грозовая туча, лицом.

– Ах, Эви, рада вновь видеть тебя. Ты не возражаешь, если мы с Клемми поедem ловить крабов? Сегодня такая хорошая погода, а к чаю я привезу ее домой.

– Ну, спасибо, конечно, за приглашение, Поузи, но нам надо еще так много сделать перед отъездом Клемми в школу и...

– Тогда, я уверена, ты сумеешь мигом переделать кучу дел, оставшись на несколько часов одна. А ты, Клемми, что скажешь?

Посмотрев на Поузи, Клемми поняла, что отказ эту леди никак не устроит. Она пожала плечами.

– Ладно. Если мама не возражает.

– Что ж, хорошая идея, – согласилась Эви, осознав, что ей не оставили выбора.

– Отлично, захвати какую-нибудь теплую кофточку на случай, если позже похолодает.

Клемми кивнула и поднялась наверх, чтобы собраться.

– Дорогая Эви, прости, что я вмешиваюсь в вашу жизнь, как старая навязчивая переручка, но мне подумалось, что я смогу развлечь Клемми до отъезда и заодно рассказать ей, как весело живется в школе-интернате.

– Честно говоря, я не представляю, что еще можно сделать. Она наотрез отказывается ехать.

– Ну, я постараюсь улучшить ее отношение к пребыванию в школе.

– Спасибо вам, Поузи. – Наконец Эви удалось слабо улыбнуться. – Как это мило с вашей стороны.

– Не стоит благодарности, я сама всегда обожала крабовый промысел. Отлично, юная леди, – сказала она, когда Клемми вернулась в холл. – Пора выезжать.

– Пока, мам.

– Пока, милая. Желаю хорошо провести время.

Машина Поузи тронулась с места, и Эви, помахав на прощание им обоим, закрыла дверь. Прогрнув в махровом халате, Эви собралась с духом, чтобы забраться наверх и одеться. Она чувствовала себя совершенно обессиленной – прошедшей ночью ей удалось заснуть только на рассвете, когда небо уже окрасилось первыми лучами солнца.

Натянув джинсы и джемпер – последние дни она постоянно мерзла, – Эви размышляла о том, что, разумеется, правильно поступила, вернувшись в Саутволд ради Клемми, однако глупо надеялась избежать здесь встреч с прошлым. Если бы она только смогла рассказать кому-то, поделиться своим бременем... Десять лет назад Поузи, в сущности, заменила ей мать. Им удалось душевно сблизиться, и Эви обожала ее. Каким было бы утешением, если бы она могла припасть к ее теплому плечу и излить историю своих бед.

«Однако, по иронии судьбы, – подумала Эви, ложась на кровать, поскольку совсем ослабела для очередного спуска по лестнице, – менее всего сейчас я посмела бы довериться именно Поузи».

* * *

– Классно! Настоящая деревянная лодка с веслами, – восторженно воскликнула Клемми, когда они прошли по узкому дощатому пирсу и встали в хвост короткой очереди на переправу через реку Блит, протекавшую по границе между Саутволдом и деревней Уолберсвик.

– Ты ведь, наверное, уже каталась раньше на лодке? – спросила Поузи, пока они наблюдали, как судно, мастерски ведомое лодочником, возвращается через эстуарий.

– Нет. Понимаете, в Лейстере мы жили далеко от воды.

– Как-то я не подумала об этом, – призналась Поузи. – Сама я там никогда не бывала. А вам хорошо там жилось?

– Мне нравилось, – ответила Клемми. – Даже не хотелось переезжать сюда, ведь у меня осталось там много друзей, но мама сказала, что нам необходимо переехать.

– Ладно, готова ли ты спуститься на борт? – спросила Поузи, когда лодка причалила и привезенные пассажиры вылезли на пирс.

– Конечно.

Лодочник, приукрасивший себя, как отметила Поузи, элегантно льняной блузой и заливчато надвинутой на лоб соломенной шляпой для защиты глаз от ослепительного сверкания солнца, протянул руку и помог Клемми спокойно спуститься в лодку. Поузи последовала за ней, бросив на борт два ведерка, в первом из них было полно наживки.

– Здравствуйте, пожалуйста, мадам. – Бархатистый мелодичный голос прозвучал фамильярно, чем сильно отличался от тона бывшего рыбака Боба, переправлявшего эту лодку через сто ярдов водной глади последние два десятка лет.

– Благодарю. – Поузи опустилась на одну из узких банок, пока остальные пассажиры спускались на борт. – Клемми, ты ведь умеешь плавать?

– Да, у нас в школе были уроки плавания.

– Хорошо, а то бывали случаи, когда это суденышко шло на дно из-за лишнего веса запущенных в него туристов, – поддразнила Поузи лодочника, когда он, уже отчалив, заработал веслами, направляясь в сторону Уолберсвика. – Кстати, Клемми, я слышала, что через несколько дней тебе предстоит уехать в школу.

– Да, но мне не хочется ехать.

– Меня тоже, помню, отправляли в школу, – заметила Поузи, закрыв глаза и подставив лицо косым солнечным лучам. – Как же

чудесно я проводила там время! Завела множество подруг, в спальнях мы устраивали бесконечные полуночные пирушки, а кроме того, я получила очень хорошее образование.

– Не сомневаюсь, что получили, Поузи. – Клемми поджала губы. – Но мне не хочется никуда ехать, что бы вы там ни говорили.

– Смотри-ка, мы уже причаливаем, – оживленно произнесла Поузи, когда лодочник, ухватившись за веревку, начал подтягивать их к пристани.

Он выпрыгнул из лодки и ловко привязал ее к причалу. Выходить им пришлось последними, потому что они сидели на корме. Поузи видела, с какой легкостью загорелые и крепкие руки лодочника подхватили и перенесли Клемми на сушу.

– Ну надо же, – сказал он, поворачиваясь к Поузи и сдергивая шляпу, чтобы смахнуть пот со лба, – какой жаркий выдался денек для осеннего времени.

Он улыбнулся, глядя, как Поузи идет к нему, перешагивая через узкие скамьи. Потом протянул ей руку, и она впервые взглянула ему прямо в глаза.

И тогда у нее вдруг возникло на редкость удивительное ощущение, ей показалось, что само время замерло в странной неподвижности. Поузи не осознавала, смотрела она на него один миг или целую вечность; мир вокруг нее – крики чаек в небесах, разговоры уходивших с пристани пассажиров, – казалось, отступил в невообразимую даль. Она вдруг вспомнила, что лишь раз в жизни испытывала подобное чувство, и это произошло полвека тому назад, когда она впервые увидела эту самую пару глаз.

Придя в себя, Поузи заметила, как он протянул ей руку, чтобы помочь подняться на причал. Пребывая в сильнейшем смятении, она не знала, то ли прямо сейчас хлопнется в обморок, то ли опозорится, извергнув все содержимое своего желудка в лодку. И, хотя интуиция подсказывала, что надо бежать от лодочника и его протянутой руки, Поузи поняла, что попадет в ловушку, если только сейчас же не бросится в воду и не уплывет обратно в безопасный мир Саутволда, при всей нереальности такого выбора.

– Спасибо, но я справлюсь сама, – сказала Поузи, опустив голову и отвернувшись от лодочника, ее руки ухватились за край причала, чтобы удобнее было выбраться из лодки. Но подвели ноги, и, когда она

рискованно повисла между лодкой и причалом, руки лодочника поддержали ее. От его прикосновения Поузи словно ударило током, сердце отчаянно забилося в груди, когда он обхватил ее другой рукой и буквально поднял на деревянный помост.

– Мадам, с вами все в порядке? – спросил лодочник, видя, что Поузи стоит над ним, задыхаясь.

– Да-да, все нормально, – умудрилась выдавить она, заметив пристальный взгляд его карих глаз и забрезживший в них огонек узнавания.

– Пойдем, Клемми, – быстро отвернувшись, сказала она, с трудом заставляя двигаться свои вдруг ослабевшие ноги.

– Я... Бог ты мой! Поузи, неужели это ты? – услышала она за спиной голос лодочника.

Однако даже не оглянулась.

– Поузи, вы правда хорошо себя чувствуете? – спросила Клемми, шагая рядом с Поузи, быстро уводившей ее с пристани.

– Да, правда. Просто сегодня жарковато. Давай посидим немного на той скамейке и выпьем воды.

Со своей выигрышной позиции Поузи видела, как лодочник вновь помогает людям спускаться в лодку для обратного путешествия. Лишь когда она заметила, что он отчалил и начал грести веслами, направившись к берегу Саутволда, биение ее сердца начало замедляться.

«Может, обратно нам лучше доехать на такси? – погрузившись в задумчивость, размышляла Поузи. – И откуда он вообще мог здесь взяться?..»

Позже она вспомнила, что именно сблизило их, когда они впервые встретились...

«Откуда ты родом, Поузи?»

«Родилась и жила в Саффолке, но потом росла в Корнуолле».

«В Саффолке? Тогда, пожалуй, у нас есть нечто общее...»

– Поузи, вам уже лучше? – робко спросила Клемми.

– Гораздо лучше, спасибо, милая, вода восстановила мои силы. А теперь пойдем-ка, найдем хорошее местечко и наловим целую гору крабов!

Она увела Клемми как можно дальше от пристани, где они и устроились на берегу. Поузи показала Клемми, как насаживать кусочки

бекона на крючок удочки и как забрасывать ее в воду.

– Давай, закидывай удочку, но не дергай ее обратно слишком быстро, ведь краб должен успеть схватить наживку. И закидывай поближе к дамбе. Там побольше камней, а под ними обычно и любят прятаться крабы.

В итоге после пары ложных подсечек Клемми торжествующе вытащила маленького, но вполне живенького краба. Поузи сняла его с крючка и бросила в ведро.

– Вот, молодец! И раз уж ты поймала первого, то поверь мне, теперь они пойдут косяком.

И действительно, Клемми удалось выловить еще с полдюжины крабов до того, как Поузи заявила, что проголодалась и хочет пить.

– Ладно, – сказала Поузи, когда ее сердце забилося сильнее при виде приближавшейся к причалу лодки, – похоже, нам самое время перекусить где-нибудь поблизости.

Они выпустили крабов обратно в воду.

Заняв свободный столик в садике паба «Якорь», Поузи заказала для себя крайне необходимый ей сегодня бокал белого вина, а для Клемми – кока-колы и два свежих сэндвича с креветками. Ожидая заказ возле барной стойки, она вспомнила, как отметила привлекательность лодочника сразу, едва увидела его. А когда он снял шляпу, обнажив то, что она когда-то называла «поэтической шевелюрой», его густые и теперь почти белые волосы, как и в юности отброшенные назад, свободно упали на плечи, закрывая уши и...

«Прекрати сейчас же, – мысленно приказала себе Поузи. – Вспомни, как он поступил с тобой, как разбил тебе сердце...»

Печально, думала Поузи, неся напитки к столику, где ждала ее Клемми, что ее мозг не услышал доводов разума, благодаря той исключительной физической реакции на его прикосновение, выданной ее телом.

«Поузи, одумайся! Тебе ведь почти семьдесят! Кроме того, он, вероятно, женат, и у него куча детей, внуков и...»

– Спасибо, Поузи, – сказала Клемми, поставив стаканы с напитками на скамейку для пикников.

– Сэндвичи скоро будут готовы, но пока я взяла пакетик чипсов, чтобы утолить чувство голода. Будем здоровы! – провозгласила она, чокнувшись своим бокалом со стаканом Клемми.

– Будем здоровы, – повторила Клемми.

– Итак, милая моя девочка, ты, очевидно, не шибко хочешь ехать в эту новую школу.

– Вовсе не хочу. – Клемми вызывающе вскинула голову. – Если мама заставит меня поехать, то я все равно сбегу оттуда и вернусь домой. Я скопила карманные деньги, просто на случай, и уже знаю, как брать билет на поезд.

– Не сомневаюсь в твоих способностях и вполне понимаю твои чувства. Помню, когда мне предложили поехать в школу, я была в ужасе.

– Вот-вот, и я не понимаю, почему я должна ехать, – недовольно протянула Клемми.

– Потому что твоей маме хочется, чтобы ты начала свою жизнь в самом лучшем из возможных заведений. И порой взрослым приходится принимать решения за своих детей, даже если дети не понимают их и не согласны с ними. Неужели ты и правда думаешь, что маме просто хочется отослать тебя подальше от дома?

Потягивая кока-колу через соломинку, Клемми задумалась.

– Возможно, хочется. Я понимаю, что часто капризничала с тех пор, как мы приехали в Саутволд.

– Моя милая Клемми, – усмехнувшись, заметила Поузи, – твое поведение не имеет ни малейшей связи с ее желанием отправить тебя в эту школу. Когда мои мальчики уезжали в пансион, я целыми днями безутешно плакала. Ужасно по ним скучала.

– Целыми днями? – удивленно взглянула на нее Клемми.

– Увы, да, – подтвердила Поузи. – И я уверена, твоя мама будет также сильно скучать, но, как и она, я поступала так, сознавая, что такое решение будет наилучшим для них, даже если сами они тогда так не думали.

– Но, Поузи, вы не понимаете, действительно не понимаете, – пылко возразила Клемми. – Ведь мама нуждается во мне. И кроме того... – медленно начала она, но тут же умолкла.

– О чем ты?

– Я боюсь! – Клемми прикусила губу. – Что, если мне там совсем не понравится? Вдруг там учатся только противные девчонки?

– Тогда ты уедешь, – пожав плечами, сказала Поузи. – Довольно глупо не делать чего-то, только потому, что, возможно, тебе это не

понравится. Кроме того, эта школа не так уж далеко. Ты будешь приезжать домой на выходные, на рождественские, пасхальные и, естественно, на летние каникулы. Ты только выиграешь, получая все лучшее в обоих мирах.

– А что, если мама забудет меня после моего отъезда?

– Ах, глупышка, мама обожает тебя. Это же написано у нее на лице. И она делает это ради тебя, а не ради себя.

– Ну, если вы так говорите... – Клемми вздохнула. – Может, и правда будет весело жить в общей спальне.

– В общем, по-моему, тебе стоит попробовать пожить там семестр или годик? Представь, что это экзотический фрукт, который стоит распробовать. А потом, если школа тебе действительно не понравится, твоя мама, я уверена, разрешит тебе уехать оттуда.

– И вы сумеете, Поузи, заставить ее дать мне такое обещание?

– Мы спросим ее, когда я привезу тебя домой. А пока, – Поузи взглянула на официантку, поставившую перед ними на столик два сэндвича, начиненных креветками с хрустящим латуком, политых жирным пикантным соусом, – может, отведаем это блюдо?

Очередные полчаса Клемми веселилась, слушая смешные истории о школьных проделках – отчасти подлинных, но в основном придуманных, – после чего Поузи неохотно, а Клемми вполне спокойно направились обратно к лодочной пристани. К счастью, лодка оказалась полностью загружена пассажирами, и у лодочника не осталось времени, чтобы перемолвиться с Поузи хоть словом. Когда они причалили в Саутволде, Поузи настроилась на ожесточенный отпор, ожидая своей очереди выхода из лодки. Взяв ее за руку и помогая выйти на причал, лодочник склонился к ней.

– Это ведь ты, Поузи, я угадал? – прошептал он.

– Да. – Поузи лишь чуть кивнула, понимая, что глупо оставлять его вопрос без ответа.

– Ты живешь где-то поблизости? Потому что мне очень хотелось бы...

В это время она уже твердо стояла на причале. Даже не взглянув на него, Поузи быстро удалилась.

Глава 5

Ник Монтегю смотрел в окно такси на ранний утренний туман. Машины ехали к Лондону по трассе М4 сплошной полосой, бампер к бамперу, хотя часы показывали еще только начало восьмого.

Ник поежился, впервые за последние десять лет ощутив холод английской осени. В Перте сейчас как раз началась весна с комфортной теплой температурой воздуха.

Когда они въехали в центр Лондона, Ник мгновенно ощутил напряженный темп столичной жизни, совершенно не похожей на спокойную атмосферу Перта. Радуюсь и тревожась в равной мере, Ник понимал, что ему придется вновь привыкать к такому житью. Он радовался и тому, что решил заехать сначала сюда, прежде чем возвращаться в Саутволд. Не назвав матери точного дня приезда, он намеревался провести какое-то время в Англии, занимаясь своими делами, и ему не хотелось, чтобы она понапрасну ждала его возвращения. До встречи с ней ему нужно было принять кое-какие решения.

В последние несколько месяцев впервые со времени прибытия в Перт он вдруг осознал, что соскучился по Англии. Возможно, поначалу его полностью поглотило стремление обустроиться в новой стране и создать свой бизнес. В конечном итоге он преуспел и теперь владел процветающим антикварным магазином на Левом берегу и арендовал прекрасную квартиру в районе Пепперминт-гроув с видом на воды залива Географ.

Ник признавал, что, возможно, все получилось у него слишком легко. Ему повезло попасть в Перт во время бурного роста этого города, когда там собралась группа богатых молодых бизнесменов, и, благодаря отсутствию конкуренции в качественном антикварном деле, Ник заработал там гораздо больше денег, чем мог бы заработать в Англии.

Ник пытался наслаждаться собственным успехом, сознавая, однако, что ему необходимо найти для себя новое испытание. Он поиграл с идеей открытия филиалов в Сиднее и Мельбурне, но расстояние между этими городами затрудняло реализацию, особенно когда дело доходило до поставок мебели. Кроме того, он уже заработал

деньги и опыт для перехода в деловую элиту и понимал, что если не приобщится к ней сейчас, то уже не приобщится никогда. Проще говоря, это означало возвращение домой.

И он решил потратить какое-то время в Лондоне на изучение конъюнктуры антикварного рынка, посетить некоторые первоклассные распродажи и заглянуть в пару магазинов в Западном Лондоне, которые он отыскивал в Интернете. Ему также хотелось понять, как он будет чувствовать себя, вернувшись в Англию. Если же на родине ему будет некомфортно, то, возможно, стоит отправиться в Нью-Йорк.

– Вот мы и прибыли, приятель. Вон он, ваш шестой дом на Гордон-плейс.

– Спасибо, – сказал Ник, расплатившись с водителем. Тот укатил дальше, а Ник потащил свой чемодан к входной двери увитого глицинией таунхауса. Несмотря на то что дома здесь находились всего в паре минут ходьбы от суматошной Кенсингтон-Хай-стрит, Ник осознал утонченное спокойствие этого шикарного жилого района. Дома, простоявшие здесь уже не одну сотню лет, радовали глаз значительно больше, чем бесконечные небоскребы разраставшегося Перта.

Он поднялся к входной двери и позвонил в колокольчик.

– Ник, старина, добрый день! – Схватив друга в медвежьи объятия, Пол Лайенс-Харви похлопал его по спине. – Дай-ка посмотреть на тебя! Да ты ни на йоту не изменился. Да еще и шевелюру сохранил, в отличие от некоторых из нас. – Пол погладил плешь на своей макушке, подхватил чемодан Ника и занес его в прихожую.

– Ник! – Его вновь заключили в объятия, на сей раз Джейн, жена Пола, высокая, грациозная блондинка с идеально гармоничными чертами лица, чьи фотографии когда-то украшали обложку журнала «Вог».

– Ты глянь, дорогуша, разве он не в прекрасной форме? – риторически спросил Пол, проводя Ника по узкому коридору на кухню.

– Безусловно, он прекрасен. Должно быть, именно серфинг помогал ему поддерживать стройность. Я все пытаюсь посадить Пола на диету, но он выдерживает ее денек-другой, а потом опять

наслаждается пудингами, – посетовала Джейн, нежно целуя в плешь своего маленького и, несомненно, полного мужа.

– То, что мне недодали в росте, я решил компенсировать в объеме, – со смехом заявил Пол.

– Может, просто пристрастился к сладкой жизни? – небрежно произнес Ник, вальяжно сидя за столом и закинув ногу на ногу.

– Должен признать, последние несколько лет дела идут весьма прилично. А куда деваться, надо же обеспечивать мою старушку мехами и драгоценностями.

– Да уж, деваться ему некуда, – согласилась Джейн, включив чайник. – Едва ли, дорогуша, я вышла за тебя из-за потрясающей внешности! Кофе, Ник?

– Да, пожалуйста, – ответил Ник, с восхищением окинув взглядом длинные, затянутые в джинсы ноги Джейн и подумав в очередной раз, что при полнейшем несочетании физических данных его старейший друг и Джейн создали крепчайшую из известных ему семей. Они служили идеальным дополнением друг для друга. Пол, аристократичный торговец произведениями искусства, и элегантная и практичная Джейн, обладавшая тем хладнокровием, что уравновешивало ее легковозбудимого мужа. Они обожали друг друга.

– Ты сильно устал? – спросила Джейн Ника, поставив перед ним кофе.

– Изрядно, – признался Ник. – С удовольствием вздремнул бы пару часов, если вы не возражаете.

– Разумеется, не возражаем, только прости, Ник, к сожалению, у нас сегодня вечером званый ужин. Мы запланировали его до того, как узнали о твоём приезде, – извинилась Джейн. – Нам хотелось бы, чтобы и ты присоединился к нам, если успеешь отдохнуть, но если не сможешь, то не беспокойся.

– Я бы присоединился на твоём месте. В списке гостей клевая телка, – подал голос Пол. – Прелестница из тех старых добрых времен, когда Джейн дефилировала по подиумам. Подозреваю, что ты там так и не женился?

– Верно. Вечный холостяк – это про меня, – пожав плечами, признал Ник.

– Ну, с твоим загаром, отдохнуть тебе удастся не больше двадцати четырех часов, а потом все свободные красотки начнут трезвонить в

нашу дверь, – с видом пророчицы пообещала Джейн. – Ладно, скоро я должна убежать. Днем у меня съемка, а я еще не подыскала туфли для модели.

Бросив несколько лет назад работу фотомодели, Джейн теперь трудилась в качестве стилиста и, судя по электронным письмам Пола, стала весьма востребованной на этом поприще.

– Словом, отдыхай и постарайся накопить сил к вечеру. Нам не помешал бы еще один мужчина. – Немного помассировав Нику плечи, Джейн поцеловала мужа в губы и исчезла из кухни.

– Да, Пол, повезло тебе, чертяка, – усмехнулся Ник. – Джейн просто великолепна. Да вы оба выглядите такими же счастливыми, как десять лет назад.

– Правда, мне повезло, – согласился Пол. – Но семейная жизнь, старина, не бывает без проблем. И у нас они есть, как у всех прочих.

– Неужели? А по виду не скажешь.

– Не скажешь... но ты, возможно, заметил, что в доме не слышно топота детских ножек. Уже лет шесть мы стараемся, но безуспешно.

– Я не знал, Пол. Сочувствую.

– Ну, нельзя же иметь все, верно? Полагаю, Дженни как женщина воспринимает это тяжелее, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уж чего мы только ни пробовали, прошли все тесты и два процедуры ЭКО. И позволь мне сказать, если и есть противоядие от секса, то это, должно быть, эта самая процедура. Есть нечто обескураживающее в том, что приходится заниматься им по заказу, в определенный день и в определенное время.

– Да уж, могу представить.

– Во всяком случае, мы решили завязать с нашими тщетными попытками. Они создавали жуткий напряг в семейной жизни. Дженни, кажется, вполне довольна своей карьерой, да и я уже летаю относительно высоко.

– Какие-то интересные находки? – Ник сразу ухватился за возможность сменить тему, что, очевидно, хотелось и Полу.

– Только Каналетто^[13], с которым я столкнулся во время моих поездок, – небрежно сообщил он. – Получил за него хорошую цену, как можешь себе представить. Это означает, что я уже решил проблему с нашими пенсиями, и теперь все, что мы зарабатываем, можно пускать на развлечения. Ладно, у тебя-то как дела?

– Хорошо. Ну, в финансовом отношении в любом случае, хотя я пока еще ищу своего Каналетто, – усмехнувшись, пошутил Ник.

– Кстати, я тут нашел пару приличных мест для магазинов, по моему, они отлично подойдут тебе, если решишь открыться в Лондоне. Уверен, тебе известно, что антикварный рынок пережил некоторый спад из-за всех этих увлечений нержавеющей и прочими модернистскими изысками. Однако в тумане рецессии и нервной рыночной обстановки люди возвращаются к покупке того, что, как они надеются, надолго сохранит свою ценность. В наши дни благодаря появлению множества телепрограмм на эту тему народ стал чертовски ушлым. Готов платить большие деньги за качественный товар, зато всякий хлам стало сбывать труднее.

– Это хорошие новости, поскольку я собираюсь влезть на вершину этого рынка, как в те годы, когда я начинал дела в Саутволде, – сказал Ник, подавив зевок. – Извини, Пол, длинная дорога меня вымотала. Глаза уже сами закрываются. В самолете почти не спал.

– Ясно-ясно. Поднимайся наверх и отдыхай, а мне, полагаю, пора появиться на Корк-стрит^[14], – сказал Пол, опять хлопнув Ника по спине. – Рад, что ты вернулся, старина, и ты знаешь, что можешь оставаться у нас, сколько захочешь.

– Спасибо. – Ник встал. – Серьезно, я очень признателен, что ты пригласил меня пожить у вас. К тому же мне нравится и сам дом. – Он сделал широкий жест. – Он такой... английский. Я соскучился по старой архитектуре.

– Ты прав. Тебе постелили в гостевой спальне на верхнем этаже. Приятных снов.

По трем лестничным пролетам Ник затащил свой чемодан наверх и открыл дверь спальни в мансарде. Как и во всем доме, обстановка здесь оказалась эклектичной, но уютной, а большая латунная двуспальная кровать с кружевным покрывалом выглядела на редкость заманчиво. Не раздеваясь, Ник упал на кровать и тут же погрузился в сон.

Он проснулся, когда за окном уже стемнело, отругав себя за то, что не поставил будильник. Он включил свет и обнаружил, что уже почти шесть часов вечера, а значит, у него оставалось мало шансов уснуть и ночью. Открыв какую-то дверь, Ник обнаружил за ней

кладовку, а следующая дверь, как оказалось, вела в маленькую, но хорошо оборудованную душевую. Он вытащил из чемодана чистую одежду, принял душ и побрился.

Минут через двадцать он спустился на первый этаж и, зайдя на кухню, увидел, что Джейн в домашнем халате нарезает грибы и перцы.

– Привет, соня. Ну как, тебе уже лучше?

– Да, хотя заранее извиняюсь, если теперь не буду спать ночью, забалтывая вас до четырех утра.

– Меня это устраивает, ты же знаешь, какая я сова.

Стащив кусок перца с разделочной доски, Ник попробовал его на зуб.

– Итак, тебе нравится новая работа?

– Еще как, гораздо больше, чем я могла подумать. Я начала ею заниматься, чтобы оказать услугу одному моему приятелю фотографу. Честно говоря, просто хотелось заполнить время, пока... в общем, мы с Полом все надеялись на появление детей. Теперь это уже кажется нереальным, зато у меня появилась успешная карьера.

– Пол уже сказал мне, что у вас возникли некоторые трудности, – осторожно признал Ник.

– Проговорился? – Джейн вздохнула. – Странно, ведь я раньше никогда не задумывалась о рождении детей. Более того, лет до тридцати я делала все возможное, чтобы их у меня не было. Вот такая ирония судьбы. Я просто не думала... – Джейн перестала резать грибы и невидящим взглядом уставилась в стену. – Наверное, можно сказать, что это естественное право каждой женщины. Неприятности возникают, только когда осознанно начинаешь очень хотеть того, что не можешь иметь.

– Я вам искренне сочувствую, Джейн.

– Спасибо. – Джейн откинула с глаз светлую волнистую прядь и вновь принялась за нарезку. – Хуже всего, что я постоянно думаю, как ужасно по молодости обращалась с собственным телом. Как все фотомодели, жила только на черном кофе и сигаретах.

– Но врачи же не сказали, что именно ты не можешь иметь детей?

– Нет. Мы относимся к проценту пар с неизвестной причиной. В любом случае худшее уже позади. Мы смирились с тем, что наше гнездышко останется пустым, и я уже прошла стадию рыданий при виде любой коляски с новорожденным.

– Ох, Дженни. – Ник подошел и обнял ее.

– Ладно. – Джейн быстро вытерла глаза. – Расскажи лучше, Ник, как живешь? Должно быть, за эти десять лет у тебя появилась особая привязанность?

– Нет, никого особенного. У меня были женщины, конечно, но... – Он пожал плечами. – Никто из них не прижился. Знаешь же, как говорится: «Однажды укушенный...» – ну и так далее^[15].

Послышался стук входной двери, и Пол, быстро пройдя по коридору, появился в кухне.

– Добрый вечер, милая! – Он нежно развернул к себе жену и поцеловал ее в губы. – Я только что приобрел прелестную маленькую камею. Мы, конечно, проведем исследование, но, думается, это может быть сама леди Эмма Гамильтон^[16], соблазнившая даже лорда Нельсона. Ник, дружище, как провел денек?

– Во сне, – хмыкнув, ответил Ник. – А сейчас, прежде чем отдаться на вашу волю, мне необходимо заскочить в паб. Безумно хочу глотнуть первую пинту горького пива на английской земле, я просто обязан удовлетворить эту жажду.

– Возвращайся к восьми, Ник, – крикнула Джейн удалявшемуся по коридору Нику.

– Вернусь, – откликнулся он.

Перейдя на другую сторону улицы и зайдя в паб, он устроился на барном стуле, заказал пинту пенного пива и, сделав первый глоток, счастливо улыбнулся. Наслаждаясь пивом в атмосфере настоящего британского паба, Ник вдруг подумал, что менее всего ему хотелось бы провести свой первый вечер в Англии за вежливыми застольными разговорами в совершенно незнакомой компании.

Полчаса спустя, порадовав себя второй пинтой пива, Ник вышел из паба и отправился прогуляться по Кенсингтон-черч-стрит, заглядывая по пути в многочисленные витрины элитных антикварных магазинов. Остановившись, он окинул взглядом дома. Сможет ли он прижиться здесь? Покинуть солнечный курортный Перт с его потрясающим побережьем ради жизни в одном из самых безумных городов земли.

– Не говоря уже о погоде, – проворчал Ник, почувствовав, что начал моросить дождь.

Однако, разглядывая великолепный комод времен короля Георга в освещенной витрине одного из антикварных магазинов, Ник подумал, что приживется.

* * *

– Ник, мы уже начали беспокоиться. Подумали, что тебя могли похитить, учитывая, сколько лет ты не бывал в мегаполисах. Проходи, знакомься. – Джейн, сама элегантно в кожаных брюках и шелковой блузке, протащила его в гостиную. – Бокал шампанского?

– Почему бы нет? – Ник взял предложенный бокал и вежливо кивал, пока Джейн представляла его остальным гостям.

Ник опустился на диван рядом с привлекательной брюнеткой, женой, если он правильно запомнил, стареющего двойника Ронни Вуда^[17], который беседовал с Полом.

Когда она начала задавать праздные вопросы о кенгуру и коалах, Ник почувствовал, что вечер грозит быть чертовски долгим. И хуже всего, что сбежать было невозможно.

Раздался звонок в дверь, и Джейн отправилась встречать очередного гостя. Она вернулась с женщиной, чья необычная красота заставила даже уставшего от жизни Ника заинтересованно оценить ее. Высокая, с алебастровой кожей и роскошными, как на полотнах Тициана, волосами – он невольно продолжал смотреть на новую гостью, пока Джейн познакомила ее с другими. Женщина выглядела так, словно сошла с флорентийской картины пятнадцатого века, облаченная в длинное зеленое бархатное платье с воротничком-стойкой в китайском стиле и рядом крошечных перламутровых пуговиц.

– Ник, познакомься с Тэмми Шоу, одной из моих старейших подруг, – сказала Джейн, вручив Тэмми бокал шампанского.

Тэмми молчала. Она насмешливо посмотрела на Ника своими большими зелеными глазами. Ник встал и протянул ей руку.

– Рад познакомиться с вами, Тэмми.

– Ник только утром прилетел из Австралии, – пояснила Джейн, когда Ник подвинулся, освобождая место на диване, и Тэмми села рядом с ним.

– Как же вы познакомились с Джейн и Полом? – спросил ее Ник.
– С Джейн я встретила много лет назад на своей первой съемке. Она помогла мне освоиться, и с тех пор мы дружим.

– Так вы тоже фотомоделль?

– Была. – Она кивнула, сделав глоток шампанского и окинув взглядом комнату.

Ник почувствовал исходящую от Тэмми неприязнь и понял причину. К женщине с такой внешностью мужчины, должно быть, выстраиваются в очередь, стремясь соблазнить ее.

– Честно говоря, – Ник понизил голос, – званый вечер не совсем то мероприятие, куда мне хотелось бы попасть в первый день по возвращении, поэтому простите, если мне недостает должной разговорчивости.

– Лично я вообще ненавижу такие вечера. – Наконец Тэмми одарила Ника легкой улыбкой. – Особенно когда вас приглашают символически, в качестве незамужней женщины. Но Джейни – моя ближайшая подруга, поэтому для нее я сделала исключение. А вы, Ник, живете в Лондоне?

– Нет, но я временно остановился у Джейн и Пола.

– Где же вы познакомились с ними?

– С Полом я встретился в подготовительной школе, когда мне было всего девять лет. Я спас его от кучки хулиганов, которые пытались засунуть его головой в унитаз. Тогда мы и подружились. – Ник с улыбкой взглянул на Пола. – С тех пор он не изменился ни на йоту, но мне нравится осознавать, каких успехов он достиг в бизнесе, в то время как его ничего не достигшим одноклассникам в пору теперь мыть туалеты.

– Да, мальчики бывают чертовски жестокими, верно? Если бы у меня были дети, я никогда не отправила бы их в интернат. Все мои знакомые мужчины, жившие в школах-интернатах, похоже, натерпелись там от подобных хулиганов.

– Ну, надеюсь, не все, – мрачно улыбнулся Ник. – К тому же школы-интернаты вышли из тьмы Средневековья.

– Может, и так. – Тэмми пожала плечами.

– А чем же вы теперь занимаетесь? – вежливо поинтересовался Ник.

– Продаю винтажную одежду на рынке «Портобелло-роуд»^[18].

– Правда? – Ник недоверчиво глянул на нее, осознав, что его мнение о ней претерпело сейсмический сдвиг.

– Да. Я обожаю винтажные вещи и долгие годы собирала их. А сейчас они стали пользоваться бешеным спросом.

– Как странно, ведь я тоже занимаюсь антиквариатом. Не означает ли это, что мы оба предпочитаем смотреть скорее в прошлое, чем в будущее?

– Я никогда не думала об этом в таком разрезе, – ответила Тэмми, почесав нос. – Хотя, возможно, в этом есть смысл. Я всегда чувствовала, что родилась не в том веке. А какого рода антиквариат вы продаете?

– Эклектичный, то есть никакой мрачной мебели. Я нахожу необычные вещи, и если мне они кажутся красивыми, то надеюсь, что они понравятся и другим людям. Кстати, как раз завтра я собираюсь на одну распродажу. Положил, знаете ли, глаз на ошеломляющую люстру из муранского стекла.

– Вы меня успокоили, потому что я покупаю только ту одежду, которую хотела бы носить сама.

– Ну, и как она, продается?

– Да, как ни странно. Однако, честно говоря, я становлюсь слишком старой, чтобы торчать за прилавком под холодным дождем воскресным январским днем, не говоря уже о том, что такая погода не улучшает вид самой одежды. Поэтому я начала подыскивать местечко под крышей.

– Хорошая идея, – усмехнулся Ник. – Я тоже его подыскиваю.

– Ну как, ребята, проголодались? А в столовой уже подан ужин, – помахивая прихваткой, объявила стоявшая в дверях Джейн.

Ник порадовался, что его посадили рядом с Тэмми. Помимо воли, она очаровала его.

– А как же вы стали моделью?

– Случайно. – Она пожала плечами, накладывая себе на тарелку выставленные на стол угощения. – Я изучала философию в лондонском Королевском колледже, – продолжила она, активно закусывая, – когда меня заметили в модельном агентстве при магазине «Топшоп» на Оксфорд-серкус. Признаюсь, я не ожидала, что задержусь на этой работе, рассматривала ее лишь как временную, хотела просто подзаработать, пополнив счет своего студенческого

гранта. Но все-таки задержалась, зато теперь я свободна, как вышедшая в тираж модель.

– Едва ли, – откликнулся Ник, с удовольствием отметив ее здоровый аппетит. – Разве вам это не нравилось?

– Отчасти да, нравилось. Я имею в виду работу с некоторыми из лучших дизайнеров в лучших ателье мира, но все-таки мир моды жесток, и я была рада избавиться от него и вернуться к реальности.

– Ваша реальность кажется мне прелестной.

– Спасибо. Вы знаете, не все модели безмозглые, нюхающие кокаин наркоманки...

– Неужели вы беспокоитесь, что вас могут принять за такую особу? – прямо спросил Ник.

– Угадали, – призналась она, и на шее, над воротничком ее платья, проступил легкий румянец.

– А этот наряд из числа ваших винтажных запасов?

– Да, я купила его в благотворительном магазинчике, когда мне было восемнадцать. И с того дня пропала, на всю жизнь стала страстной поклонницей ретростиля.

– Сложность в том, – задумчиво произнес Ник, – что следование своей страсти не всегда сопутствует богатству. В Перте у меня остался дом, полный любимых вещей, с которыми я просто не в состоянии расстаться.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – согласилась Тэмми. – В моем гардеробе полно одежды, которую я просто не могу заставить себя продать. Ницше говорил, что наше желание чем-то владеть неизбежно уменьшается после обладания, и я стараюсь вспоминать об этой мудрости, выкладывая что-то любимое на продажу. – Она улыбнулась. – Не важно, лучше расскажите мне о вашем бизнесе, – добавила она, когда Джейн подала на стол сочные стейки со свежей картошкой и зелеными бобами.

Ник кратко описал свою карьеру, начиная с первого магазина и аукционного дома в Саутволде и до возможного возвращения в Лондон.

– Так вы прожили в Австралии полноценную жизнь? – спросила Тэмми.

– Если вы спрашиваете, обзавелся ли я женой и семьей, то нет, не обзавелся. А вы?

– Я уже говорила вам, что не замужем, – напомнила она. – Я сама едва помещаюсь в своем крошечном доме в Челси. Потратила на него все сбережения. Конечно, мне следовало купить дом с тремя спальнями и...

– Но вы влюбились именно в этот домишко, – рассмеявшись, предположил Ник.

– Точно.

После ужина Пол проводил гостей обратно в гостиную, где уже горел камин, изгнавший осенний холод. Вскоре Джейн появилась с подносом, нагруженным кофе и бренди. Ник заметил, что время движется к полуночи, и удивился, как быстро оно пролетело.

– Так почему же, Ник, вы так и не женились? – прямо спросила Тэмми.

– Вот уж вопрос на засыпку, – протянул он, наблюдая, как Джейн наливает им кофе. – Наверное, я просто не создан для серьезных взаимоотношений.

– Или просто пока не встретил правильную серьезную особу, – подмигнув ему, подхватила Джейн.

– Возможно. А теперь, Тэмми, могу я о том же спросить вас?

– И я дам вам такой же ответ, – вздохнула Тэмми.

– Славное совпадение, – изрек Пол, следуя за женой с бренди. – Вы, очевидно, созданы друг для друга.

– Как жаль, не сочтите меня бестактной, но уже очень поздно. – Тэмми глянула на часы. – По возвращении домой меня еще ждет куча шитья. – Она встала. – Ник, мне было так приятно поговорить с вами сегодня, я надеюсь, вы найдете в городе подходящее место для вашего бизнеса. Ежели в поисках вам попадется что-то дешевенькое, дайте мне знать, ладно? – улыбнувшись, попросила она.

– Конечно. У вас есть телефон, чтобы я мог звякнуть?

– Гм... да, он есть у Джейни. Пока, Пол, – сказала она, поцеловав его в обе щеки. – Спасибо за чудесный вечер. Пойду, разыщу твою женушку. До свидания, Ник.

Тэмми покинула гостиную, а Пол присел рядом с Ником.

– Неужели я, как обычно, ляпнул что-то не то?

– Сам знаешь, что ляпнул, но не переживай по пустякам.

– Нет, буду переживать, правда, ведь все выглядело так, будто вы с ней действительно поладили.

– Она выглядит великолепно и далеко не глупа к тому же.

– Мозги и красота... идеальное сочетание. Тэмми на редкость оригинальна. И независима, – добавил Пол. – Но ты ведь, по-моему, всегда любил трудности?

– Любил когда-то. Но сейчас я прикипел душой к своему делу. С его трудностями справляться гораздо проще.

Через час разошлись и остальные гости. Ник помог Полу и Джейн убраться, и они ушли спать, а Ник в одиночестве сидел перед горящим камином, подкрепляясь вторым бокалом бренди. В его голове невольно всплывал образ Тэмми, и он чувствовал... возбуждение. Он попытался вспомнить, когда в последний раз женщина производила на него столь глубокое впечатление. И осознал, что такого не случалось с тех пор, как *она*...

И посмотрите, до чего та любовь довела его; до закрытия успешного бизнеса в Англии и бегства в поисках спасительного убежища на другую сторону планеты. Однако разве не обнадеживает сам факт того, что Тэмми удалось вновь затронуть его душу? Может, это означало просто то, что он наконец исцелился?

И почему бы ему не увидеться с ней еще разок? За последние десять лет одиночество чертовски надоело. Он прожил так половину жизни, и, если не хочет прожить в одиночестве до конца своих дней, нужно вновь открыть сердце для любви. С другой стороны, какой интерес он может представлять для такой женщины, как она? Естественно, она могла выбрать кого угодно!

Ник тяжело вздохнул. Он подумает об этом завтра, и тогда, если его чувства не остынут, позвонит ей.

* * *

На следующий день, когда Ник спустился на первый этаж, Джейн уже работала на кухне.

– Добрый день. – Оторвавшись от своего ноутбука, она глянула на него. – Хорошо спал?

– С возрастом я стал медленнее восстанавливать силы после дальних перелетов, – ответил Ник, пожав плечами.

– Как ты относишься к омлету? Я как раз собиралась приготовить что-нибудь на обед.

– Я и сам могу приготовить. С сыром и ветчиной тебя устроит?

– Безусловно. Спасибо, Ник. Кофе уже готов. Наливай себе сам. Мне просто нужно срочно закончить один фотоколлаж и отправить его в журнал.

Прихлебывая крепкий кофе, Ник бродил по кухне и собирал ингредиенты для омлета. Бросив взгляд на садик за домом, он заметил, как красиво поблескивали под ярким сентябрьским солнцем роскошные цветы листьев темно-пунцового бука. И ему мгновенно вспомнился потрясающий цвет волос Тэмми.

– Все, дельце сделано, – заключила Джейн, закрывая ноутбук.

– Так же как омлет, – откликнулся Ник, выкладывая завтрак на тарелки.

– Какая прелесть, – похвалила Джейн Ника, поставившего в центр стола миску с зеленым салатом. – Может, тебе удастся при случае научить моего мужа разбивать яйца?

– Так он же всегда может попросить тебя что-то приготовить, а мне в одинокой жизни пришлось научиться готовить самому.

– Верно. И научился ты бесподобно. Так тебе понравилась вчерашняя вечеринка?

– Да, хотя, если честно, я не успел толком поговорить с другими гостями.

– Естественно, я заметила. – Джейн, поглядывая на Ника, положила себе немного салата. – Тэмми обычно холодна с мужчинами, по очевидным причинам. Но с тобой она явно потеплела.

– Спасибо. Она удивительно красива. Должно быть, к ней пристают постоянно.

– Безусловно, особенно надоедали в юности, когда она работала фотомоделью. Ты же знаешь, каким отвратительным бывает мир моды, в нем крутится множество хищных самцов. Вот она и выбрала для защиты роль Снежной королевы, однако под этой маской скрывается очень милое и ранимое существо.

– А у нее было много... гм... парней?

– Было, но мало. Один друг детства как раз крутился вокруг нее долгие годы, но года три назад укатил на запад. Насколько мне известно, с тех пор она никого не воспринимает всерьез.

– Понятно.

– Так ты хочешь позвонить ей?

– Я... возможно. Если ты дашь мне ее номер.

– Да, при условии, что ты не разобьешь ей сердце.

– С какой стати? – нахмурившись, спросил Ник.

– Вчера вечером ты сообщил мне, что заделался закоренелым холостяком. Мне не хочется, Ник, чтобы Тэмми стала просто очередной зарубкой на столбике твоей антикварной кровати. Тэмми достойна гораздо большего. Она не умеет скрывать своих чувств и на редкость наивна в отношении мужчин.

– Я понял тебя, Джейн, и уверяю, что сам пока не готов к интрижке. Меня ждет масса важных дел. Но вообще-то я хотел бы еще разок увидеться с ней. Вчера определенно что-то произошло.

– Я заметила. Как, впрочем, и все остальные гости. – Джейн улыбнулась. – Ладно, мне пора бежать на встречу, но я пришлю тебе ее номер.

– Спасибо.

Домыв посуду, Ник услышал рингтон своего мобильного и вытащил его из кармана джинсов.

«Привет, вот номер Тэмми... До вечера. Целую, Джейн».

Ник добавил номер в свою адресную книгу и пошел наверх в выделенную ему спальню. Разумеется, он ничего не сказал Джейн, но прошедшей ночью, когда он наконец уснул, ему приснилась Тэмми. Меряя шагами комнату, Ник размышлял о том, следует ли ему повременить пару дней со звонком, чтобы она не сочла его «хищным самцом», как выразилась Джейн.

Способен ли он выдержать пару дней?

Нет. Ему хотелось увидеть Тэмми немедленно, заглянуть в ее потрясающие зеленые глаза, коснуться восхитительных волос... он уже успел соскучиться.

«Господи, Ник, что она с тобой сделала?»

Что бы то ни было, несколько минут спустя Ник вытащил свой мобильный и набрал номер, присланный ему Джейн.

Глава 6

В служебной комнате прозвенел колокольчик, сигнализируя, что в галерее появился клиент. Поузи встала из-за компьютера и вышла в демонстрационный зал.

– Могу я помочь вам? – привычно спросила она по пути, желая дать понять посетителю, что художественный салон работает, и не позволить ему улизнуть, даже не приценившись к картинам.

– Можешь. Привет, Поузи.

Она резко остановилась, чувствуя, как ее сердце забилося быстрее. Он стоял в середине зала, пристально глядя на нее.

– Я... – Поузи подняла руку к горлу, чтобы скрыть краску смущения, хотя она уже, наверное, заливала и ее лицо. – Как ты нашел меня?

– Ну, на самом деле, – сказал он, сделав по направлению к ней пару шагов, – не буду врать, будто понадобилось нанять частного детектива. Первый же встречный, у которого я спросил, точно знал, где ты работаешь. Уверен, ты понимаешь, что в Саутволде тебя знают довольно хорошо.

– Едва ли, – вызывающе возразила Поузи.

– Ну, не важно, главное – я нашел тебя.

– Верно. И что же тебе нужно?

– Да просто... в общем, наверное, мне просто захотелось поздороваться как следует после нашей невероятной встречи в лодке.

– Понятно. – Она отвернулась от него, желая найти более нейтральный объект для разглядывания. В двадцать с небольшим он был потрясающе красив, но даже сейчас, в свои семьдесят с небольшим, он, бесспорно, оставался самым красивым мужчиной, которого она встречала за последние десятилетия. И ей не хотелось, чтобы очередная чувственная реакция затуманила ее разум.

– Как же давно мы расстались, Поузи! Пожалуй, прошло не меньше пятидесяти лет?

– Полагаю, около того.

– Около того, – повторил он, и они оба немного помолчали. – А ты знаешь, что ничуть не изменилась?

– Разумеется, изменилась, Фредди! Я успела состариться.

– Ну и я тоже постарел, – признал он, пожав плечами.

Последовало очередное неловкое молчание, но Поузи не собиралась нарушать его.

– Послушай, я хотел спросить, не позволишь ли ты мне пригласить тебя как-нибудь на ланч? Мне хотелось бы объясниться.

– О чем ты?

– Ну, почему я... в общем, почему я сбежал от тебя.

– На самом деле в этом нет необходимости. Незачем ворошить давнее прошлое, – твердо заявила Поузи.

– Да, уверен, ты и не вспоминала обо мне до того дня, когда я вдруг совершенно неожиданно нарисовался перед тобой в лодке, но, по крайней мере, позволь мне пригласить тебя на обед, чтобы мы могли поболтать обо всех наших потерянных годах. Прошу, Поузи, согласись. Я вернулся в Саффолк всего пару месяцев назад... в прошлом году, знаешь ли, вышел на пенсию... и пока мало кого здесь знаю.

– Ладно, я согласна, – вырвалось у Поузи с необдуманной поспешностью.

В основном, ей хотелось, чтобы он как можно скорее убрался отсюда... она понимала, что выглядит не лучшим образом, поскольку поехала в галерею сразу после уборки листьев в саду.

– Спасибо. Есть ли у тебя здесь любимые обеденные заведения?

– Выбирай сам.

– Тогда, может, в «Суоне»? Насколько я знаю, там хорошо кормят. Ты сможешь выбраться туда в четверг? Это мой выходной от лодочного промысла.

– Да, смогу.

– Тогда, скажем, час дня тебя устроит?

– Да, прекрасно.

– Ну, договорились, в общем. Увидимся в час дня в четверг. До свидания, Поузи.

Фредди ушел, а Поузи, вернувшись в служебную комнату, немного посидела, восстанавливая спокойствие.

«О чем ты думаешь, глупая старуха?! Неужели забыла, как в прошлый раз он разбил тебе сердце?»

Однако, несмотря на серьезность того, что злосчастный Фредди Леннокс, точно призрак, возвращался в ее жизнь, Поузи вдруг рассмеялась.

«Черт возьми, эта встреча оказалась еще более неловкой, чем та, когда он по ошибке зашел в мою спальню и увидел меня обнаженной!»

* * *

Поузи стыдилась усилий, приложенных ею для подготовки к обеду с Фредди. В конце концов, она не виделась с ним почти полвека, однако важнее то, что он ошибся, предположив, что остался для нее лишь давним воспоминанием. Их роман и внезапный разрыв оставили неизгладимый шрам на ее сердце. И во многих отношениях определили путь ее жизни.

И тем не менее, заглянув в свой гардероб и обнаружив, что уже много лет не покупала себе ничего нового, она вдруг осознала, что это обеденное свидание стало для нее тем самым пресловутым волшебным пенделем.

– Ты совсем запустила себя, Поузи, – строго заявила она, глядя в зеркало. – Тебе нужно подобрать правильный макияж, как говорится нынче в популярных телешоу.

Поэтому на следующий день она отправилась в Саутволд. Сделала стрижку и мелирование, подкрасившее седину, что появилась в ее волосах за последние десять лет. После этого зашла в бутик, где заканчивалась сезонная распродажа.

Перемерив большую часть вещей своего размера – по-прежнему сорок шестого, как в молодости, с гордостью отметила она, – она сочла, что все они выглядят либо слишком старомодными, либо излишне вызывающими для ее возраста.

– Миссис Монтегю, может, вы примерите эту вещицу? Она только что поступила, поэтому, к сожалению, не вошла в распродажу.

Продавщица показала ей пару черных джинсов.

– Вы уверены, что они не молодежные?

– У вас, миссис Монтегю, такие стройные ножки, что их определенно необходимо подчеркнуть! А к ним, по-моему, отлично подойдет вот эта рубашка.

Взяв предложенные джинсы и васильковую рубашку из натурального хлопка, Поузи опять зашла в примерочную кабинку. Спустя пять минут, она стояла перед зеркалом, удивляясь своему

отражению. Джинсы действительно выгодно подчеркнули ее длинные ноги – еще крепкие, благодаря неустанным трудам в саду, – а рубашка не только подошла ей по цвету, но и оказалась достаточно свободной, чтобы скрыть удручающе дряблую кожу на талии.

– Нужен еще новый бюстгальтер, – напомнила себе Поузи, когда, переодеваясь, увидела бесформенный серый лифчик, покрывающий ее грудь.

В итоге она вышла из магазина с двумя пакетами обновок. Она приобрела две пары джинсов, три новые рубашки, бюстгальтер и пару блестящих черных сапог, доходивших до колен.

– Надеюсь, я не буду выглядеть как пугало, уподобившись некоторым пожилым особам в молодежном прикиде, – пробурчала она под нос, подходя к своей машине. И решила, что не будет, вспомнив Фредди в его стильной фетровой шляпе, брюках и пиджаке из твил-сатина.

* * *

– Боже мой, Поузи, как же ты замечательно выглядишь, – воскликнул Фредди на следующий день, встав из-за столика, чтобы приветствовать ее.

– Спасибо, – ответила она, устроившись напротив в предложенном им кресле. – Ты и сам выглядишь неплохо.

– Я взял на себя смелость заказать нам бутылку шардоне. Помнится, когда-то ты предпочитала белое вино. То есть, конечно, когда мы не баловались джином. – Он улыбнулся.

– Прекрасно, я с удовольствием выпила бы бокал вина.

Фредди налил вина в ее бокал и поднял свой.

– За твое здоровье.

– И ты будь здоров. – Поузи сделала глоток.

– Довольно странно, не думаешь, что после стольких лет судьба уготовила нам новую встречу? – спросил Фредди.

– Что ж тут странного, Фредди, ведь мы оба родились в Саффолке, если ты не забыл.

– Разумеется, помню. Давно ты сюда вернулась?

– Уже больше тридцати лет. Я жила здесь со своей семьей.

– Где?

– В доме моего детства, в окрестностях Саутволда.

– Понятно. – Фредди тоже глотнул вина. Поузи видела, как он задумчиво помедлил, а потом спросил: – И дом оказался благосклонным к вашей семье? Никаких дурных воспоминаний?

– Вовсе никаких, а с чего бы им быть? Я и сама любила его в детстве.

– Безусловно, – ответил он.

– Что-то не так? – спросила Поузи, вглядываясь в его слишком знакомые глаза. Он всегда смотрел так, если возникали какие-то сложности.

– Нет-нет, дорогуша, все в полном порядке. Я очень рад, что вы переехали туда и жили счастливо.

– На самом деле я и продолжаю счастливо жить там.

– Так и живешь? Ну, ну...

– Ты выглядишь удивленным. Почему?

– Да... даже не знаю толком. Полагаю, мне всегда представлялось, как ты бесстрашно порхаешь по всему миру в поисках редких образцов флоры и фауны. Ладно, – Фредди вручил ей меню, – не пора ли сделать заказ?

Пока Фредди читал меню, Поузи украдкой изучала его поверх своего буклета, размышляя, почему же ее возвращение и жизнь в Адмирал-хаусе, казалось, привели его в замешательство.

– Пожалуй, я хочу попробовать блюдо дня. А ты? – спросил Фредди.

– И я тоже, спасибо.

Фредди позвал официантку, и, когда он сделал заказ, Поузи еще раз глотнула вина.

– А ты не хочешь, Фредди, рассказать мне о себе? Чем ты занимался все эти годы?

– Признаться, моя жизнь прошла вполне стандартно. Возможно, ты помнишь, как я осознал, что мечты об артистической славе не для меня, поэтому поступил в школу адвокатов и стал барристером. Разменяв четвертый десяток, я женился на коллеге, она тоже работала адвокатом, и мы прожили вместе хорошую жизнь. К сожалению, два года назад она умерла, как раз после того, как мы прикупили коттедж в Саутволде. Мы собирались жить в нем на пенсии, хотели провести

наши закатные годы, путешествуя и катаясь на лодке в свое удовольствие.

– Сочувствую, Фредди. Вы прожили с женой долгую жизнь. Должно быть, неожиданно оставшись один, ты испытал ужасное потрясение.

– Так и есть, особенно учитывая, что нам с Элспет так и не удалось обзавестись детьми. На самом деле, видишь ли, она не хотела их, стремилась дотянуться до пресловутого стеклянного потолка^[19] и разбить его. Оглядываясь назад, я думаю, что совершенно не представлял, как Элспет сможет «отдохнуть в свое удовольствие». Она была целеустремленной и амбициозной, поэтому, вероятно, к лучшему, что она умерла на пике своей карьеры. Ты же знаешь, мне всегда нравились сильные женщины.

– И где же находится твой коттедж? – спросила Поузи, оставив без внимания его последнее замечание.

– Да почти в центре города, в конце одной боковой улочки. Даже если бы я хотел наслаждаться морским видом и большим садом, по мере старения приходится быть прагматичным и выбирать удобное жилье, соответствующее собственным силам. На участке есть старый амбар, где сушили хмель, и коттедж, где жили прежние владельцы. Я почти закончил реконструкцию и ремонт в обоих домах и намереваюсь в дальнейшем сдавать свой «Хмельной амбар», – заключил он и добавил, глянув на принесенные рыбные блюда: – Должен сказать, что рыба выглядит весьма аппетитно.

Во время еды Поузи невольно поглядывала на Фредди, размышляя об их неожиданной встрече. Он ничуть не изменился, этот студент-правовед с артистической душой, которого она когда-то любила... мысль о том, что после долгой разлуки они вот так запросто обедают вместе, сильно волновала ее.

– Ну, а как ты жила, Поузи? – с улыбкой спросил Фредди, когда официантка убрала их тарелки. – Я уже понял, что у тебя есть муж и дети.

– Господи, нет! То есть мужа уже нет. Джонни умер более тридцати лет назад. С тех пор я вдовствую.

– Грустно. Полагаю, в то время твои дети были совсем маленькими? Должно быть, трудно тебе пришлось?

– Да, нелегко, но терпимо. На самом деле у меня сохранились чудесные воспоминания о детстве моих мальчиков. Мы втроем противостояли всему миру. Они помогли мне не сойти с ума.

– Удивительно, Поузи, почему же ты опять не вышла замуж? Такая женщина, как ты...

– Никому больше не удалось покорить мое сердце.

– Но, должно быть, женихов у тебя хватало?

– Да, за долгие годы появлялись иногда желающие. Ты хочешь заказать пудинг или мы перейдем сразу к кофе?

После кофе Поузи продолжила рассказывать Фредди историю своей жизни.

– Именно сад и спас меня, по правде говоря. Радостно видеть, как все растет и расцветает, наверное, это сродни возбуждению, которое ты испытывал, выигрывая дело в суде.

– По-моему, дорогая, твоя радость более драгоценна. Ведь ты создавала нечто красивое на пустом месте.

– Что ж, возможно, ты захочешь заглянуть в Адмирал-хаус, и я устрою тебе экскурсию по саду.

Фредди не ответил. Вместо этого он подозвал официантку и попросил счет.

– Между прочим, мне пора бежать. Было очень приятно наверстать упущенное, Поузи, но, боюсь, я должен завершить наш обед. В три часа меня ждет электрик, чтобы смонтировать подсветку на потолке амбара. Надеюсь, ты как-нибудь зайдешь и взглянешь на мои владения.

Поузи увидела, как он положил на столик под счет несколько банкнот, а потом поднялся.

– Прости меня за столь поспешный уход. Я совсем забыл о времени. До свидания, Поузи.

– До свидания.

Когда он ушел, она глубоко вздохнула и допила остававшееся в бокале вино. Она чувствовала себя совершенно растерянной, потрясенной его внезапным бегством. В конце концов, он сам разыскал ее, пригласил на обед, и теперь она размышляла, какие же ее слова или действия могли спровоцировать столь поспешный уход.

– Или, может, он действительно просто потерял счет времени, – проворчала Поузи, вставая и собираясь на выход.

Что бы то ни было, она невольно почувствовала себя глупо, идя по залитой ярким сентябрьским солнцем центральной улице. Последние пару дней она много думала о том, что раз он опять пригласил ее на свидание, то она, возможно, когда-нибудь простит его за то, что он так бесцеремонно бросил ее полвека назад. Для нее, по крайней мере, физической притягательности хватило с избытком, и она, безусловно, наслаждалась сегодня общением с ним.

«Ох, Поузи, когда же ты повзрослеешь и перестанешь витать в облаках?»

Ведя машину домой – осторожно, учитывая два бокала вина, – Поузи вспомнила, что, приглашая ее на обед, Фредди намеревался объяснить, почему он сбежал от нее. Однако не сказал об этом ни слова.

– Ох уж эти изменчивые мужчины, – пробурчала она, сняв новую рубашку и джинсы и натянув старые, под стать ей самой, хлопковые брюки и поеденный молью джемпер. Отбросив грустные мысли, она решительно вышла в сад.

Глава 7

– Большое спасибо, что забрала детей, – с благодарностью сказала Эми, когда Мари Симмондс открыла ей дверь. – Моя няня подхватила жуткую простуду, и я совершенно не представляла, как выкрутиться...

– Нет проблем, пустяки. У тебя есть время на чашку чая? – спросила Мари. – Все дети уже поужинали и теперь смотрят в гостиной телевизор.

– Ладно, – согласилась Эми, глянув на часы. – Если ты уверена, что я не доставлю тебе беспокойства.

– Конечно, нет. Заходи.

Эми проследовала за Мари по узкому коридору в небольшую, безукоризненно чистую кухню. Несмотря на то что дом входил в новый жилой массив с полусотней однотипных построек и, следовательно, не удовлетворял художественному вкусу Эми, здешнее тепло и порядок, в сравнении с ее нынешним жильем, пробудили в ней зависть.

– Знаешь, Эми, когда тебе придется задерживаться, я с удовольствием буду забирать твоих ребят и присматривать за ними часок-другой. Моя работа заканчивается в три часа, поэтому уже через полчаса я могу забирать их. Кстати, Джош и Джейк отлично поладили, – добавила Мари.

– Твое предложение, Мари, очень щедрое, – с благодарностью ответила Эми, – но я наконец получила машину из ремонта и теперь, надеюсь, не буду особо задерживаться.

– Молоко и сахар?

– Да, спасибо, можно и то, и другое, – ответила Эми.

– Очередная Эви, опять «кожа да кости», – со вздохом зависти изрекла Мари, сделав себе исключительно черный кофе.

– Как дочка Эви, уехала в школу-интернат? – спросила Эми.

– Уехала. Уже пару недель живет там, и после всех скандалов ей там понравилось. Очевидно, тут постаралась твоя свекровь, Поузи, она помогла Клемми передумать. Вот уж воистину... интересная дамочка.

– Да, интересная, – согласилась Эми. – К тому же Поузи невероятно стойкая. Всякий раз, когда на меня нападает тоска, я

вспоминаю ее и беру себя в руки. А как сама Эви переживает отправку дочери в дальнюю школу?

– Очевидно, сильно скучает по Клемми. Должно быть, ей ужасно одиноко жить в таком огромном доме.

– Поузи всегда любила Эви, – заметила Эми.

– Ну да, – признала Мари. – Они проводили вместе кучу времени, когда работали в магазине Ника.

– Странно, что, когда мы встретились на литературном фестивале, Эви явно чувствовала себя неловко в присутствии Поузи. Поузи никак не может понять, чем она расстроила ее.

– Честно говоря, сама не знаю. – Мари пожала плечами. – Эви очень скрытная личность. И всегда была такой. Ну да ладно, а как ты думаешь, будет Поузи продавать Адмирал-хаус?

– Я не могу поверить, что у нее вообще возникла такая мысль. Ведь ее предки жили там больше двух сотен лет, однако, к сожалению, по-моему, у нее нет денег, чтобы привести особняк в порядок.

– Может, она завещает дом сыновьям, и тогда вы станете собственниками половины дома? – предположила Мари. – И вообще, я думаю, что вам с Сэмом и детьми комфортнее было бы жить там, чем в вашем теперешнем коттедже.

– Поузи множество раз предлагала нам жить с ней, но Сэм вечно отказывался. – Вспомнив о гордости, Эми сердито добавила: – В любом случае, надеюсь, что мы скоро переберемся в более приличное жилье. Сэм упорно трудится над большим проектом по недвижимости.

– Да, я слышала об этом, – кивнула Мари.

– Правда? – Эми удивленно взглянула на нее. – От кого?

– Ну, в этом нет никакой тайны. Я же работаю в агентстве недвижимости, и Сэм несколько раз заходил к нам в офис, интересуясь возможными покупками. Судя по нужной ему недвижимости, он готов, безусловно, к изрядным затратам. Наверное, у него чертовски богатый спонсор.

Излишнее любопытство Мари начало раздражать Эми.

– К сожалению, я понятия не имею. Сэм вообще не посвящает меня в подробности своих деловых проектов. – Допив чай, она глянула на часы. – Надо же, как быстро летит время, нам уже действительно пора домой.

– Пора, так пора. – Мари глянула на вставшую из-за стола Эми. – Кстати, я тут на днях встретила твоего приятеля.

– Неужели? Кого же?

– Себастиана Жиро. Он заходил к нам в офис, интересовался арендой на зиму. Очевидно, ему надо писать очередную книгу, и он хочет арендовать жилье в Саутволде, чтобы несколько месяцев творить в тишине и покое.

– Мари, вряд ли можно сказать, что он мой приятель, на самом деле – совсем наоборот.

– Ну, ты же поняла, что я имела в виду. – Мари подмигнула ей с заговорщицким видом. – Ведь после своего творческого вечера он одарил тебя столь благосклонным вниманием. И вообще, он черто-о-о-вски привлекателен.

– Правда? Не заметила. – Эми заглянула в гостиную. – Так, ребята, нам пора домой.

* * *

Все три мили, ведя машину домой после разговора с Мари, Эми испытывала смутное беспокойство. С тех пор как пару недель назад Мари встретила ее с Поузи и Эви, она стала болтать с ней на детской игровой площадке, очевидно, усиленно стремясь подружиться. Сегодня утром в школе Мари, несомненно, помогла Эми, предложив присмотреть за Джейком и Сарой до тех пор, пока Эми не закончит работу и не сможет забрать их, однако из-за ее фамильярных разговоров, словно они дружили много лет, Эми постоянно чувствовала неловкость. Мари, наверное, любила посплетничать, с жадностью ловила любые пикантные новости, и, хотя, вероятно, она вовсе не желала ничего плохого, Эми, считавшая благоразумие и осмотрительность главными добродетелями, воспринимала такое общение с трудом.

– Вероятно, половина Саутволда уже уверена, что у меня роман с этим Себастианом Жиро, – пробурчала под нос Эми, подъезжая к обочине дороги перед домом.

Сэм, как обычно, где-то пропал, поэтому Эми выкупала детей, почитала им сказку и уложила спать. Добравшись до своей сумочки,

она достала оттуда двадцать фунтов, чтобы прибрать их на черный день в тайную жестяную копилку, спрятанную внизу гардероба, где Сэм не стал бы ничего искать. Потом в ожидании мужа Эми устроилась в кресле перед дровяным камином, взяв книгу Себастиана Жиро. Она лишь надеялась, что Сэм вернется не слишком пьяным. Начав читать, несмотря на ее чувства к самому автору, Эми невольно увлеклась, ее очаровал и тронул его роман. Разве мог человек, способный писать с таким состраданием и пониманием человеческой природы, быть совсем уж скверным типом?

Взгляд Эми устремился на пламя камина. То, что сегодня сболтнула Мари, безусловно, звучало смехотворно. С какой стати такому гламурному автору, как Себастиан Жиро, интересоваться более чем скромной служащей отеля с двумя детьми?

Услышав шарканье шагов на крыльце возле входной двери, Эми захлопнула книгу. Как обычно, когда Сэм возвращался из паба, сердце Эми тревожно забилося. Входная дверь открылась, и Сэм появился в гостиной.

– Привет, милая. – Сэм наклонился, чтобы поцеловать ее, и она почувствовала знакомый запах пива. – Заметил, слава богу, что твоя машина вернулась.

– Не то слово, – еле слышно проговорила она. – Плохая новость в том, что ее ремонт стоил более трех сотен фунтов.

– Господи! Как же ты смогла расплатиться?

– К счастью, в банк только что перечислили мою зарплату, поэтому я расплатилась картой. Сумма отчасти превысила кредит, поэтому остаток месяца нам придется питаться супом и печеной картошкой.

Эми с тревогой ждала его реакции, но Сэм вяло опустил на диван и тяжело вздохнул.

– Боже, дорогая, мне очень жаль, однако если мне повезет, то скоро все наши трудности останутся в прошлом.

– Вот и хорошо, – с облегчением произнесла Эми, осознав, что Сэм явно настроен оптимистично. – Ты голоден?

– По пути домой я перекусил пирогом и чипсами.

– Понятно. Прости, Сэм, но, боюсь, на следующие несколько недель тебе придется отказаться от такой роскоши, иначе нам просто не хватит денег на жизнь.

– Неужели ты хочешь сказать, что после целого дня трудной работы мужчина не может порадовать себя пакетиком чипсов?

– Я хочу сказать, что у нас огромное превышение кредита, и, пока все не уладится, нам придется в первую очередь учитывать нужды детей. Саре крайне необходима новая обувь, а Джейку нужен анорак и...

– Не пытайся заставить меня чувствовать вину!

– Уверяю тебя, у меня и в мыслях такого не было. Я просто сообщаю тебе голые факты. В этом месяце у нас больше не будет никаких денежных поступлений, совершенно никаких.

– Знаешь, – Сэм помотал головой, и глаза его помрачнели, – ты и правда становишься похожей на тех жен, из-за которых мужчины боятся возвращаться домой.

Он встал и направился к ней.

– Уж извини, мне, естественно, очень жаль... я... я как раз собиралась прогуляться. Нужно подышать свежим воздухом.

Эми быстро встала, взяла куртку и выскочила из дома прежде, чем он успел остановить ее.

– Вот-вот, естественно, – ехидно произнес он. – Как обычно, уклоняешься от разговора, вместо того чтобы обсудить все здесь и сейчас. Наша Обиженная Труженица, наша Идеальная Мать и Жена, наша...

Больше Эми ничего не услышала, она быстро шла по городу, в глазах стояли жгучие слезы. Она уже по опыту знала, что когда он пьян, то лучше всего уйти и оставить его в одиночестве. Если повезет, то к ее возвращению он уже вырубится и уснет на диване. А свежий морской воздух успокоит ее душу. Вечер выдался приятным, и Эми бодро шагала по набережной, пока не увидела скамейку. Она присела и, устремив взгляд в морскую тьму, слушала, как волны с шелестом накатывают на песчаный берег.

Океанская безбрежность обычно вызывала у Эми ощущение собственной ничтожности, что в свой черед помогало ей взглянуть на домашние трудности под новым углом. Она глубоко дышала, наслаждаясь солоноватым запахом плескавшихся под ногами волн, и постепенно успокаивалась. Где-то там, за океаном, жили миллионы людей, чьи жизни разрушала война, нищета, голод. Ежедневно от

ужасных болезней умирали дети, бездомные, осиротевшие, покалеченные...

Эми возблагодарила судьбу. Пусть даже жизнь с Сэмом проходила сложно, у нее есть двое здоровых детей, крыша над головой и пища на столе.

– Не забывай, ты всего лишь одна из бесконечного множества муравьишек, ползающих по земной поверхности и пытающихся выжить, – сказала Эми, глядя на пенные волны.

– Весьма поэтично. И на редкость точно.

Раздавшийся за спиной голос заставил ее вскочить со скамейки и повернуться, она инстинктивно скрестила на груди руки. Перед ней стоял высокий человек в длинном пальто, надвинутая на лоб фетровая шляпа защищала его от ветра. Эми мгновенно узнала его.

– Простите, что напугал вас. Полагаю, мы уже встречались.

– Да. А что вы здесь делаете?

– Тот же вопрос я мог бы задать вам. Если уж речь обо мне, то я просто вышел на вечернюю прогулку, прежде чем запереться в своей гостиничной спальне на очередные восемь часов.

– Но я заметила, что вы больше не живете в нашем отеле.

– Нет. Я предпочел подыскать жилье с более надежным горячим водоснабжением, чтобы не доводить до слез невинных администраторов.

Устало хмыкнув, Эми отвернулась и опять опустилась на скамейку.

– Полагаю, вы пришли сюда, желая побыть в одиночестве?

– Да, – лаконично ответила она.

– Что ж, прежде чем я продолжу прогулку, мне необходимо убедиться, что грубые слова, сказанные мной пару недель назад, не имеют никакого отношения к вашему сегодняшнему состоянию.

– Безусловно, не имеют. Неужели мы не можем наконец забыть о том случае?

– Можем. Еще один вопрос: вы прочитали мою книгу?

– Частично.

– И?..

– Мне понравилось, – честно ответила Эми.

– Приятно слышать.

– Вы же автор. Естественно, вам приятно слышать, что кому-то нравится ваша книга.

– Да, но мне особенно приятно, что она понравилась *вам*, только и всего. Ладно, пойду дальше. Оставлю вас наедине с вашим океаном.

– Спасибо. – Эми взглянула на него и, внезапно испытав вину за собственную грубость, добавила: – Послушайте, извините, что я вела себя грубо. Я просто немного расстроена, только и всего.

– Не извиняйтесь. Поверьте мне, я сам долго пребывал в подобном состоянии и до сих пор иногда погружаюсь в него. Из моего горького опыта могу лишь сказать, что жизнь обычно меняется к лучшему, если постараться взглянуть на нее позитивно.

– Я старалась быть позитивной долгие годы, однако, кажется, это ничему не помогло.

– Тогда, может, надо копнуть немного глубже, отыскать истинную причину ваших несчастий и попытаться справиться с ней.

– Похоже, вы цитируете книгу из серии «Помоги себе сам».

– Да, именно так. Сам прошел курс психологической терапии. Простите.

– Простите и вы мои слова, но лично я полагаю, что все эти курсы – эгоистичная чушь. Попробуйте заняться самолечением, имея двух детей, постоянную работу и ни пенса денег. С таким положением приходится просто смириться.

– Так, наверное, вы приобщились к команде «Возьми себя в руки»?

– Безусловно. – Эми пылко кивнула.

– И именно поэтому сидите одна на скамейке в темноте, хлюпая носом?

– Я не хлюпаю носом. Мне лишь нужно... подышать свежим воздухом.

– Разумеется. Ладно, я и так уже долго испытывал ваше терпение. Еще увидимся.

– Да, увидимся.

Краем глаза Эми видела, как Себастиан Жиро зашагал дальше по набережной. Объективно она могла понять, почему женщины типа Мари считали его очаровательным. Он на самом деле был замечательным человеком.

Возвращаясь домой, Эми уже чувствовала себя спокойнее. Это ее судьба, ее жизнь, и она просто должна стараться делать все как можно лучше. Однако в голове невольно всплыл совет Себастиана: может, ей следовало отыскать корень ее страданий и попытаться обрубить его.

Она помедлила несколько минут на крыльце своего дома, боясь зайти внутрь. С тяжелым сердцем Эми неохотно признала, каким может быть этот корень.

Глава 8

– Могу я позвонить вам в понедельник и озвучить окончательное решение? – спросил Ник. – Мне необходимо убедиться в наличии финансов и дать себе сорок восемь часов на обдумывание. Однако я уверен в своем намерении на девяносто девять процентов.

– Хорошо, мистер Монтегю. С нетерпением буду ждать в понедельник вашего звонка.

Мужчины обменялись рукопожатием, и Ник вышел из офиса. Оглянувшись, он взглянул на покинутый магазин, представляя, как перекрасит унылый фасад в живой изумрудно-зеленый цвет и над витринами появится вывеска, где золотыми буквами будет выписано его собственное имя.

Он чувствовал уверенность в том, что выбрал нужный выставочный зал для размещения своего антиквариата; большое оконное пространство для привлечения внимания прохожих, а также просторный первый этаж и достаточно большой подвал для оборудования мастерской и склада.

Перейдя на другую сторону оживленной Фулхэм-роуд, Ник с удовлетворением отметил, что выбрал идеальное место. Прямо в центре квартала, изобилующего витринами высококачественного антиквариата и интерьерными и дизайнерскими салонами. Правда, надо признать, что за аренду ему придется заплатить больше, чем он изначально планировал, к тому же он ввязывался в весьма рискованное предприятие; за десять лет, проведенных за границей, от его репутации здесь не осталось и следа, и ему придется начинать все с нуля.

Однако ни одно из вышеперечисленных обстоятельств не обеспокоило его, не вынудило усомниться в намерении скрепить предварительную договоренность джентльменским рукопожатием. Его ожидало более фундаментальное решение: полностью ли он уверен, что хочет прожить жизнь именно в Англии?

Ник услышал звонок своего мобильного.

– Привет, Тэм... Да, по-моему, я нашел кое-что. Где ты сейчас? Понятно. Что, если мы встретимся в «Синей птице», на полпути к Кингс-роуд? Я угощаю. Тогда увидимся через десять минут. Пока.

Видя, что транспорт стоит в пробке, Ник решил не брать такси и просто пройти с полмили до этого ресторана. Несмотря на то что уже веяло осенней прохладой, солнце еще сияло в лазурных небесах. По пути Ник задумался о том, как же удивительна жизнь. После десятилетних попыток хотя бы удержаться на плаву в душевном плане и после решительного отказ даже думать о возвращении домой из-за мучительности воспоминаний он провел в Англии всего две недели, а уже испытывал то, что мог бы описать только как счастье.

Конечно, он мог еще пребывать в замешательстве после долгого перелета и даже до некоторой степени витать в розовых облаках. Но его ощущениям должно быть какое-то объяснение, поскольку ему казалось, что мрак вдруг рассеялся, и он на всех парусах несется обратно в солнечный человеческий мир.

А если причины иные – а Ник, признаться, сомневался в этом, – то его нынешней эйфории могло быть только одно объяснение: Тэмми.

С той первой вечеринки в доме Пола и Джейн они виделись постоянно. Оба искали помещение для развития бизнеса, поэтому встречались за кофе с сэндвичами или к вечеру за ранним бокалом вина, чтобы поделиться новостями и впечатлениями. Они вечно сокрушались о дороговизне аренды найденных ими мест, а потом, забыв о бизнесе, рассказывали друг другу свои личные истории, делились взглядами на жизнь, опасениями и надеждами на будущее.

Ник не мог припомнить, чтобы он когда-либо раньше чувствовал себя так спокойно с другим человеком, тем более с женщиной. Она оказалась зрелым, современным и умным человеком. И самое важное то, что Ник не заметил в ней и намека на нервозность, которая обычно бывала свойственна большинству знакомых ему одиноких женщин. Тэмми казалась счастливой и самодостаточной, спокойной и уверенной в себе, и если у нее и имелась сексуальная озабоченность, то пока она не проявила ее.

До сих пор между ними складывались исключительно дружеские отношения. Фактически, шагая по улице, Ник признался себе, что понятия не имеет, нравится ли ему Тэмми только как друг или, возможно, несколько больше. Любой был бы рад завоевать любовь такой женщины.

Приближаясь к Кингс-роуд, Ник понял, что Тэмми спутала ему все карты. Он осознал, что сейчас не способен принять рациональное

решение о своем будущем. Если он решит остаться в Лондоне, то не решится ли на это только из-за нее?

Едва ли он мог поведать Тэмми о своем затруднении. Она могла подумать, что он слегка свихнулся, если готов основывать планы на будущее на том, будет ли она с ним. Менее всего ему хотелось отпугнуть ее излишней настойчивостью, но за обедом ему, возможно, удастся исподволь прояснить, испытывает ли она к нему какие-то особые чувства. А уж потом действовать по обстоятельствам.

Ник вошел в ресторан, опоздав минут на пять, и увидел, что Тэмми уже сидит на диване в баре, узкие джинсы обтягивали ее длинные ноги, а зеленый кашемировый джемпер идеально подчеркивал цвет глаз. Ник впервые видел ее такой красивой.

– Привет, Тэм. – Склонившись, он по-дружески поцеловал ее в обе щеки.

– Привет, Ник. – Она с улыбкой взглянула на него.

– Пойдем в зал? Я чертовски проголодался.

– Конечно. – Тэмми встала, и они оба проследовали за официантом к свободному столику. – Это местечко немного отличается от наших обычных обеденных кафешек. Должно быть, у тебя появились хорошие новости.

– Надеюсь. Как ты смотришь на бокал шампанского? – спросил Ник, когда они сели.

– С удовольствием. В конце концов, сегодня же пятница.

– Безусловно, – кивнул он. – Удобный предлог.

– Ник?

– Что?

– Почему ты так странно смотришь на меня?

– Прости... просто задумался... о чем-то.

– О чем?

Ник мысленно отшлепал себя за свои романтические мечты, поскольку, глядя на нее, он представлял бархатную коробочку с кольцом и ее изящный, тонкий палец. Решительно приказав себе выбросить из головы утопичные мысли, Ник взялся за меню.

– Так, пустяки. Пожалуй, я закажу изысканную рыбу с картошкой. А ты?

– Наверное, то же самое.

Ник заказал два бокала шампанского и рыбу с картошкой.

– Мне нравятся женщины, которые любят хорошо поесть.

– Ну, тогда пару лет назад я вряд ли понравилась бы тебе. Тогда я была одержима идеей стройности. Почти ничего не ела, – призналась Тэмми. – Честно говоря, моя карьера зависела исключительно от фигуры. Потом, бросив модельный бизнес, я решила есть то, что хочу, и знаешь что? С тех пор я практически не изменилась. И это доказывает, что в основном состояние фигуры связано с метаболизмом и очень мало с тем, сколько ты ешь. Так ты расскажешь мне о недвижимости на Фулхем-роуд?

Пока они пили шампанское, Ник поведал ей о своей находке.

– В общем, за эти выходные я должен принять решение, – заключил он.

– А разве нужно еще принимать решение? Место кажется идеальным, просто прекрасным.

– Верно, но жизнь не так проста. – Ник вздохнул. – Это же серьезный шаг, закрыть все в Австралии и начать с нуля здесь.

– Но я думала, что именно этого ты и хочешь? – удивленно заметила Тэмми.

– Да, думаю, так и есть, но я уверен лишь на девяносто девять процентов.

Лицо Тэмми огорченно вытянулось.

– Ох, Ник, я надеялась, что ты не собираешься уезжать. Я же буду очень скучать по тебе.

– Неужели?

– Еще как!

– Тэмми, мне...

Символично, удачный момент был упущен из-за прибытия официанта с двумя тарелками рыбы с картошкой. Ник заказал очередную пару бокалов шампанского. Для храбрости ему нужно было изрядно подкрепиться алкоголем.

– Ты что-то хотел сказать? – спросила Тэмми, пристально глядя на него. – По-моему, сегодня тебя что-то сильно тревожит.

– Разве я выгляжу встревоженным? – Ник сделал большой глоток шампанского. – Ладно, по-моему, я совершенно запутался, но попытаюсь объяснить тебе как можно понятнее.

– Смелее, – подбодрила его Тэмми.

– Суть в том, Тэм, что последние две недели показались мне просто чудесными. Мне очень понравилось общаться с тобой и вообще... но, в общем...

– Что? – В глазах Тэмми загорелась тревога. – Ты пытаешься сказать, что нам не нужно больше встречаться?

– Господи, нет! Совсем наоборот. Мы так быстро стали хорошими друзьями, и мне уже кажется, что ты мне ужасно понравилась... больше, чем просто понравилась, и я все думал... Ну, честно говоря, я все думал, насколько далеко ты захочешь зайти...

– То есть предпочту ли я, чтобы мы остались «просто хорошими друзьями»? – уточнила Тэмми.

– Точно.

– А что ты предлагаешь?

– Ну, мы можем, скажем так... двигаться дальше...

– Ник, ты подразумеваешь, что собираешься пригласить меня на свидание? Я имею в виду, официально, как заявляют юнцы?

Она уже явно поддразнивала его, но его это не волновало.

– Да, хочу, очень хочу.

– Ясно, – сказала Тэмми, наколов на вилку ломтик картошки. – Тогда приглашай.

– Ладно. – Ник кивнул, чувствуя, как заколотилось его сердце. – Ты хотела бы пойти со мной на свидание?

– Нет, не очень. – Она решительно покачала головой.

– Ох.

Тэмми протянула к нему руку через столик.

– Я говорила, что так мы вели бы себя, если бы оставались юнцами, но мы уже выросли. И успели нагуляться на свиданиях. В сущности, мы сейчас в середине пути. Поэтому почему бы нам не вести себя как вполне взрослым людям и после того, как мы доедим эту восхитительную картошку, не отбросить всякие глупости и не поехать ко мне домой?

– О большем я не смел бы и мечтать. – Ник взглянул на нее, чувствуя, как его окатила волна облегчения.

* * *

Лучи дневного солнца струились через незанавешенное окно спальни Тэмми. Оно выходило на красивую террасу на крыше, где зеленели многочисленные цветочные горшки и увитые клематисом шпалеры, в разгар лета оживляемые яркими колокольчатыми цветами. Пора их обильного цветения, естественно, миновала, но Тэмми все равно любила смотреть на свой островок природы в центре города. Этот маленький дом стал ее убежищем, она населила его сокровищами, привезенными из путешествий по миру. Легкие пылинки танцевали в лучах солнечного света, и Тэмми поглядывала на них из-под полуопущенных век, пока Ник нежно ласкал пальцами и губами ее спину. Она испытывала полнейшее умиротворение после двух часов любовного блаженства.

Обычно она побаивалась первой близости с новым любовником. Несмотря на всплеск чувственного возбуждения и новизну ощущений, порожденных слиянием с новым, незнакомым телом, ему неизменно сопутствовало некоторое внутреннее напряжение, вызванное неуверенностью в том, понравятся ли они друг другу.

Однако с Ником все случилось на удивление легко.

Его прекрасное, загоревшее под солнцем Перта тело обладало гармоничной силой, стройностью и мужским атлетизмом. И познавал он ее на редкость нежно, без малейшего намека на неловкость или нерешительность, и шептал так много восхищенных комплиментов, что она полностью расслабилась и свободно, без малейшего смущения откликалась на его ласки.

– Ты совершенно великолепна, – уткнувшись в ее шею, пробормотал Ник. – И я обожаю тебя.

Перевернувшись на спину, Тэмми взглянула на него, погладила по щеке. Он завладел ее пальцами и покрыл их легкими поцелуями.

– Вправе ли я теперь сказать, что мы официально встречаемся? – тихо спросил он.

– То, что я занималась с тобой любовью, еще не означает, что ты стал моим возлюбленным, – игриво рассмеявшись, заявила Тэмми.

– Дьявольщина, как изменился мир, – в тон ей ответил он. – Раньше-то как раз означало.

– Я с удовольствием отправилась бы с тобой на «свидание», – кивнула она. – Но в данный момент предпочитаю оставаться дома.

– Безусловно, я тоже хотел бы оставаться здесь как можно дольше. – Он накрутил на палец волнистую прядь ее тициановских волос. – Кстати, на этих выходных я собираюсь позвонить своей маме, сообщу ей наконец, что вернулся. Она живет в Саффолке, и на следующей неделе я, вероятно, поеду навестить ее. Может, ты хочешь поехать со мной? – невольно вырвалось у него.

– Когда-нибудь я с удовольствием познакомлюсь с твоей матерью, но, вероятно, для начала тебе следует повидаться с ней самому? Тебе же надо о многом с ней поговорить, и я уверена, что первое время по крайней мере ей не захочется ни с кем тебя делить.

– Ты права. – Ник покраснел, устыдившись своего спонтанного приглашения.

– У тебя есть братья или сестры?

– Да, есть. – Лицо Ника помрачнело. – Старший брат, Сэм. К сожалению, по разным причинам, я не могу назвать его любимым братцем. Он – законченный оболтус, и я не собираюсь решать его проблемы.

– Как говорится, друзей ты можешь выбирать, но родственников не выбирают, – заметила Тэмми.

– Увы. В любом случае давай лучше не будем говорить о Сэме. Итак, где же мы назначим сегодня вечером первое официальное свидание? Конечно, если у тебя нет других планов.

– Боюсь, придется ограничиться местной едой. Перед выходными мне еще надо подштопать пару платьев для моей палатки. Господи, не могу дождаться, когда найду нормальное помещение и я смогу нанять швею себе в помощь. У меня скопилась куча бусин, ожидающих, когда их пришьют искусные ручки. – Тэмми махнула рукой в сторону пластиковых контейнеров, громоздившихся в углу комнаты, которую она использовала в качестве гардеробной. – Бог ты мой, уже почти шесть часов. Прости, милый, но мне действительно необходимо вставать и приниматься за дела.

– Ладно. Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет, вовсе нет, если ты не против развлекать меня, пока я буду работать и бегать за карри, – с улыбкой ответила Тэмми.

– Естественно, я готов.

– Может, тогда ты даже готов сходить и купить его? А то я проголодалась.

– О женщина, да ты одержима едой, – усмехнулся Ник, глядя, как она выбирается из постели.

По пути за карри Ник вдруг испытал эйфорию. К добру или к худу, но сегодня днем он принял решение. Решил остаться и рискнуть начать новую жизнь в Лондоне. Новую жизнь с Тэмми.

Поузи

Адмирал-хаус

Голубянка орион (Phengaris arion (лат.))

Декабрь 1944

Меня немного огорчило, что маман больше не выглядела расстроенной, когда мы, задохнувшись от морозца декабрьского утра, забрались в двуколку, запряженную малорослой лошадкой, и выехали на подъездную аллею. Хотя еще не было и семи утра, маман успела облачиться в красивое платье и подкрасила губы красной помадой.

– Сегодня вы выглядите очень элегантно, – заметила я, когда она вышла из парадной двери и спустилась к нам по ступенькам крыльца.

– Спасибо, *chérie*, но ведь скоро уже Рождество, и мы все должны постараться выглядеть как можно лучше. – Пожав плечами, она приподнялась на носочки и поцеловала меня в щеку. – Итак, надеюсь, ты будешь хорошо себя вести у бабушки?

– Да. Счастливого Рождества, маман, – сказала я, когда Бенсон слегка хлестнул по боку лошадь, готовясь к выезду. – До встречи в новом году, – добавила я, когда наша малорослая лошадка побежала от дома по подъездной аллее.

Однако маман, отвернувшись, уже поднималась по ступеням крыльца обратно в дом.

На самом деле Рождество получилось совсем не таким скучным, как я себе представляла. Для начала, за день до Рождественского сочельника выпал снег. Живя вблизи моря, я за всю свою жизнь удостоилась радости видеть всего три или четыре снежных дня, да и то снежное покрывало белело на земле всего несколько часов, а потом смывалось дождем. Здесь, на склонах Бодмин-мур, выпавший снег напоминал огромные кучи сахарной пудры и, похоже, ничуть не собирався таять. Он лежал снаружи на подоконниках, а внутри в каминах мерцали языки огня и колебалось пламя свечей Адвента. Билл, молодой парень, выполнявший разные поручения бабушки и приносящий дрова для камина, подарил мне свои старые санки, на которых в детстве катался зимой. Я шла за ним, по колено утопая в снегу, а его указательный палец показывал мне на какую-то снежную горку. Я видела, как по склону на всевозможных скользких приспособлениях, начиная с жестяных подносов и кончая старыми деревянными досками, неслись вниз какие-то маленькие, разноцветные свертки.

Он довел меня до подножия склона и познакомил с маленькой фигуркой, чье лицо практически скрывалось под розовой вязаной шапочкой и шарфом, я смогла разглядеть лишь пару сияющих голубых глаз.

– Это моя крестница, Кэти, – промурлыкал Билл с явным местным акцентом, мелодичным и тягучим, как сливки тех коров, что паслись на здешних пастбищах. – Она поможет вам.

И она действительно помогла. Хотя девочка едва доставала мне до плеча, оказалось, мы с Кэти однолетки, и она пользовалась в этом провинциальном сообществе некоторым авторитетом. Мы полезли вверх по склону, и по пути Кэти махала рукой и что-то кричала своим приятелям.

– Вон тот, Бойси, сын мясника, а это Роза, дочка почтмейстера, – сообщила она мне, когда мы забрались на вершину заснеженного холма. – А мой па – молочник.

– А мой папа... па – пилот, – сообщила я Кэти, пока она показывала мне, как надо ложиться лицом вниз на санки и отталкиваться руками от снега, чтобы выехать на склон.

– Лети давай! – крикнула Кэти, изо всех сил подтолкнув сзади мои санки, и я, набирая скорость, покатила вниз по крутому склону, вереща от восторга, точно малыш.

В тот день я забиралась на горку и скатывалась оттуда бесчисленное множество раз, и это катание на всю жизнь стало моим лучшим и самым веселым воспоминанием детства, не считая, конечно, ловли бабочек с папой, но теперь, когда я думала о ней, мне невольно хотелось плакать. Все дети на горке общались со мной вполне доброжелательно, потом мы с удовольствием согрелись, выпив горячий шоколад, принесенный чьей-то матерью и налитый в оловянные кружки, а домой я шла, счастливая оттого, что у меня появилось много новых друзей. Эта радость согревала мне душу так же, как шоколад – тело.

Наступил канун Рождества, и мы с Биллом побрели по снегу на окраину деревни, где зеленела сосновая рощица. Я выбрала маленькое деревце, и хотя оно, безусловно, не могло сравниться с той огромной елкой, что обычно ставили к Рождеству в холле Адмирал-хауса, но и такая сосенка выглядела очень симпатично с бабушкиными старыми и

слегка потускневшими серебряными украшениями и со свечками, мерцавшими на ветвях живыми огоньками.

Целый день в бабушкин дом приходили жители деревни, и их угощали свежим рождественским пирогом со сладкой начинкой. Дейзи была потрясена, увидев на верхней полке кладовой шесть банок со специями. Бабушка рассмеялась и спросила, как же можно удивляться этому, ведь такие пироги едят всего пару дней в году; она объяснила Дейзи, что этого запаса, сделанного ее бывшим поваром еще до войны, хватило бы, чтобы накормить половину Западного фронта, и все равно осталось бы еще на целую жизнь. Вечером мы с бабушкой и Дейзи собрались за праздничным столом, чтобы насладиться восхитительными запеченными в тесте сардельками. Сарделек было маловато, зато их недостаток с лихвой компенсировали хрустящие золотистые корочки и густая подливка. Мне показалось, что во время войны эта деревенька на краю корнуоллских пустошей питалась лучше, чем герцоги и герцогини в Лондоне.

– Все потому, что мы тут живем дружно и поддерживаем друг друга, – объяснила бабушка. – У меня есть огород и куры, и я меняю куриные яйца и морковь на молоко и мясо. У нас здесь натуральное хозяйство. Издавна нам приходилось выживать, питаясь тем, что давала земля. Ты выгляни за окошко-то. – Она махнула рукой, показав на пушистые снежинки, кружившие за оконными стеклами. – Завтра дорога станет непроходимой, но вот увидишь, утром на крыльце, как обычно, будет стоять свежее молоко. Джек преодолет любые заносы.

И в самом деле, когда наступило Рождество, Дейзи принесла еще теплое молоко, оставленное на крыльце в жестяном бидончике. В этой местной общине на вересковых пустошах люди заботились друг о друге, живя в изоляции от всего остального мира. Ближайший город Бодмин находился в десяти милях. Глядя на снежные сугробы, наваленные небесами, я думала, что с тем же успехом он мог бы находиться и в запредельных далях. В нашем безопасном и пушистом снежном гнездышке я чувствовала себя защищенной от суровой реальности. И мне здесь нравилось, несмотря на то что я ужасно скучала по маман, и по папе, и по нашему Адмирал-хаусу.

Вернувшись из церкви, мы по очереди открыли наши подарки, и я с восторгом увидела, что мне подарили книгу ботанических иллюстраций Маргарет Ми^[20] из коллекции Кью-Гарденс, книга

лежала в коробке, посланной для меня папой на имя бабушки, посылку доставили несколько дней назад.

«С Рождеством 1944 года!

Моей любимой Поузи – желаю весело провести праздники с бабушкой и считаю дни, оставшиеся до нашей долгожданной встречи. Люблю, целую, папа».

«Ладно, – подумала я, – по крайней мере, он знает, где я». – И осознание этого порадовало меня так же, как и прекрасный подарок – эти рисунки я буду с удовольствием разглядывать долгими зимними вечерами. Дейзи связала для меня шерстяную шапочку с ушами, и я сразу примерила ее, завязав под подбородком.

– Ах, как же тепло будет в ней кататься на санках! – воскликнула я, обнимая порозовевшую от удовольствия Дейзи.

Бабушка подарила мне серию книг в кожаных переплетах, написанных сестрами Энн, Эмили и Шарлоттой Бронте^[21].

– Моя милая Поузи, – с улыбкой сказала она, – ты, вероятно, еще немного не доросла до понимания этих романов, но я в юности зачитывалась ими.

Дейзи пригласили присоединиться к нам за рождественским обедом, что меня несказанно удивило. Я не могла даже представить, что Дейзи сидит с нами за столом в Адмирал-хаусе, но бабушка настояла на своем, заявив, что несправедливо было бы Дейзи есть одной на кухне в самый святой день года. Мне очень понравилось рассуждение бабушки о том, что ее не волнует, в какой семье людям выпал жребий родиться или чем им приходится зарабатывать на жизнь. На самом деле я все больше и больше любила бабушку.

Я также заметила, что после пары глотков виски бабушка становится гораздо разговорчивей. Одним рождественским вечером мы сидели у камина, я уже в ночной рубашке потягивала горячий шоколад перед сном и слушала историю ее знакомства с дедушкой. Они познакомились в разгар того, что бабушка называла «сезоном», когда она начала «выезжать» (я тогда не поняла толком откуда) на бесконечное множество званых приемов и балов, где, к восторгу дебютанток, их приглашали танцевать молодые привлекательные мужчины из высшего общества. Вероятно, она танцевала с дедушкой.

– Я заметила его на первом же балу... впрочем, могла ли я его не заметить?! Под два метра ростом, он как раз закончил Оксфорд. С

потрясающе большими карими глазами, которые унаследовали вы с отцом, моя милочка... во время того сезона он мог покорить сердце любой барышни, несмотря на то, что, в отличие от многих тамошних кавалеров, не имел особых титулов. Его матушка имела титул «Достопочтенной»... – Не зная этого слова, я догадалась, что оно означает нечто хорошее. – В общем, к концу того сезона мы с ним обручились. Разумеется, женитьба подразумевала, что мне придется оставить свой любимый дом здесь, в добром старом Корнуолле, и переехать в Саффолк, однако во времена моей молодости такая судьба ждала любую молодую леди. Они следовали за своими мужьями.

Бабушка сделала очередной глоток виски, взгляд ее стал мечтательным.

– Ах, милочка, мы были так счастливы те первые два года до начала Первой мировой войны. Я уже носила под сердцем твоего отца, и мы жили, как в чудесной сказке. А потом... – Бабушка тяжело вздохнула. – Джорджи завербовался, как только объявили войну, и его отправили в окопы во Францию. Он не дожил даже до того, чтобы увидеть родившегося сына.

– Ох, бабуля, как ужасно, – сказала я, заметив, как она коснулась глаз кружевным платочком.

– Да, такое уж нам выпало время, однако очень много женщин тогда потеряло мужей, и некоторые из вдов в этой деревне буквально нищенствовали, поэтому я осознала, что мой долг помочь им. И это занятие да рождение твоего отца помогли мне выжить. Лоренс рос таким славным и милым малышом – возможно, слишком изнеженным для мальчика, уж если быть до конца честной, однако, разумеется, разделяя его любовь к природе, я потакала ему в таком увлечении. Он с детства обожал своих бабочек и собирал внушительную коллекцию разных насекомых. Именно поэтому я разрешила ему обосноваться в верхнем ярусе Башни, просто не могла вынести, что он спит в комнате, заполненной банками со всякими жуками и пауками. – Бабушку передернуло. – Никому неизвестно, когда им вздумается сбежать. Да, деточка, ему, отцу твоему, ума, знаешь ли, не занимать, хотя его головой управляет сердце. И, несмотря на то что у него нежная душа, уж если он сел на своего конька, то его ничто не остановит.

– На какого конька, бабуля?

– В общем, так говорят, когда человек знает, чего хочет, и добивается этого. Все его учителя полагали, что он достаточно умен для изучения права в Оксфорде, как и его отец, но Лоренс не имел к юриспруденции ни малейшей склонности. Своей стезей он выбрал ботанику и продолжил изучать ее в Кембридже. Потом, разумеется, он исполнился решимости завоевать твою мать, даже несмотря на то... – Бабушка неожиданно умолкла и, вздохнув, добавила: – Она ведь француженка. К тому же, по-моему, безвольная по натуре.

– А что плохого в том, что она француженка? – спросила я.

– Ничего, вовсе ничего, – поспешно ответила бабушка. – Им просто пришлось выучить языки друг друга, только и всего. Так, что у нас там со временем? Уже десятый час, и маленьким девочкам пора спать. Отправляйтесь в кровать, юная леди.

* * *

Как же я радовалась, что и после Рождества снег не растаял, благодаря ему мои дни были заполнены до предела. Каждый день я отправлялась гулять с деревенскими ребятами, мы катались с горок, играли в снежки и соревновались, кто быстрее слепит снеговика.

Мне так понравилось, что деревня находилась поблизости и мы с Кэти могли быстро забежать друг к другу, в отличие от поместья Адмирал-хауса, раскинувшегося далеко от города, где меня лишь изредка навещала только Мейбл. И хотя бабушка жила в самом большом доме деревни, дети общались со мной запросто, правда, дразнили меня из-за акцента, что мне казалось довольно странным, учитывая, сколько усилий я сама тратила на понимание того, что именно они пытались сказать мне.

В канун Нового года вся деревня собралась в церкви на специальную поминальную службу в честь всех местных жителей, погибших на войне. Многие там всхлипывали и даже плакали, и я тоже усердно молилась, чтобы папа вернулся целым и невредимым (хотя бабушка упорно твердила, что все военные «передряги» – что бы это ни значило – уже позади и она надеется получить от него весточку в ближайшие дни). После службы много выпивали в соседнем зале. Кэти тайком предложила мне попробовать пунш, который она незаметно

налила из одной большой чаши, пока никто не видел. Я попробовала, и меня едва не вырвало, потому что по вкусу и запаху напитков напоминал какой-то бензин, смешанный с прокисшими яблоками и гнилой смородиной. Кто-то заиграл на скрипке, ей начала вторить флейта, и вскоре вся деревня, включая меня, бабушку и Дейзи (она плясала с Биллом), принялась прыгать, скакать и кружиться по залу. Было ужасно весело, хотя я совершенно не понимала, что делала.

Тем вечером в кровати, несмотря на усталость от танцев и прогулку по снегу домой, мне еще удалось помолиться, мысленно посылая свою любовь маман и папе.

– Счастливого нового года... да хранят ангелы ваши сны, – пробормотала я и со спокойной душой провалилась в глубокий сон.

* * *

Через два дня, когда снег наконец стал превращаться днем в грязное месиво, еще коварно замерзавшее к вечеру, бабушка получила телеграмму. Когда раздался звонок в дверь, мы как раз вместе завтракали, решая, что Дейзи будет готовить на ужин. Дейзи принесла телеграмму, и я заметила, что лицо бабушки вдруг посерело, словно пепел в камине, оставшийся со вчерашнего вечера.

– Извини, милая, – сказала она, встав из-за стола, и вышла из столовой. Она так и не вернулась, а когда я, сходяв наверх в свою комнату, чтобы вымыть лицо и руки после завтрака, спустилась обратно, Дейзи сообщила мне, что бабушка разговаривает по телефону в кабинете и просила ее не беспокоить.

– Дейзи, все хорошо? – подозрительно спросила я, отлично понимая, что ничего хорошего нет и в помине.

– Да, а сейчас посмотри-ка, кто приехал к тебе! – ответила она, и мы обе увидели, как Кэти подкатила на велосипеде к нашему крыльцу. С явным облегчением на лице Дейзи открыла ей дверь и сказала: – Доброе утро, Кэти, какой нарядный у тебя велосипед.

– Мне подарил его Санта-Клаус, но из-за снега я еще не успела поездить на нем. Поузи, хочешь пойти покататься со мной? Будем ездить на нем по очереди. А еще мама приглашает тебя к нам на обед.

Я видела, как Кэти гордится своим велосипедом, хотя заметила и то, что он уже не совсем новый; на ободах колес виднелась ржавчина, и потрепанная корзина перед рулем слегка перекосилась. Мне вспомнился мой прекрасный и блестящий красный велосипед, стоявший в конюшне Адмирал-хауса, и из-за этого я вдруг подумала о папе и о том ужасном оттенке, который приобрело лицо бабушки, когда она читала телеграмму.

– Ты уверена, что у нас все в порядке? – опять спросила я, повернувшись к Дейзи.

– Да, мисс Поузи, идите, погуляйте с подружкой, увидимся позже.

Весь тот день, хотя мы весело покатались на велосипеде и мне понравилось сидеть за большим столом с тремя братьями и сестрами Кэти, подкрепляясь мясом с картофельными пампушками, которые здесь называли плюшками, живот мой скручивал противный навязчивый страх.

Домой я вернулась в сумерках. И сразу увидела, что в гостиной включен свет, но камин – где обычно к вечеру уже горели и весело потрескивали дрова – не разожжен.

– Здравствуйте, мисс Поузи, – открыв дверь, приветствовала меня Дейзи. Ее лицо было таким же мрачным, как сгустившиеся сумерки. – Кое-кто хочет повидать вас.

– Кто?

– Приехала ваша мать, – сообщила она, помогая мне снять куртку и развязывая шапочку, подаренную на Рождество. Я удивилась, заметив, что ее руки почему-то трясутся.

– Маман? Приехала сюда?!

– Да, мисс Поузи. А теперь идите, вымойте лицо и руки да причешитесь, а потом спускайтесь, и я отведу вас в гостиную.

Пока я поднималась по лестнице в спальню, мне казалось, что мои ноги готовы превратиться в лужи тающего снега. А стоя перед зеркалом и переплетая косы, я слышала взволнованные голоса из находившейся под спальней гостиной. Потом до меня донеслись крики мамы.

И я поняла, я точно поняла, что мне собираются сообщить.

– Поузи, милая, проходи.

Бабушка провела меня по гостиной и, мягко коснувшись моего плеча, развернула к вольтеровскому креслу с ушами, где перед

незажженным камином сидела моя мать.

– Я оставлю вас вдвоем, – сказала бабушка, когда я, взглянув на маман, увидела, что она посмотрела на меня сквозь слезы.

Мне хотелось попросить бабушку остаться – ее основательная и цельная натура внушала мне спокойствие, которого маман, как я точно знала, не способна мне дать, но бабушка решительно пересекла гостиную и закрыла за собой дверь.

– Поузи, я... – удалось вымолвить маман до того, как ее голос задрожал и она опять начала плакать.

– Вы приехали из-за папы, верно? – шепотом выдавила я, уже зная, что верно, и в то же время надеясь, что ошибаюсь.

– Да, – ответила она.

И после одного этого слова знакомый мне мир разбился вдребезги на триллион крошечных осколков.

«Бомбардировка... папин самолет сбили... он сгорел... никто не выжил... герой...»

Эти слова так долго крутились в моей голове, что мне уже захотелось вытолкнуть их из ушей и никогда больше не слышать. Или не понимать, что они означали. Маман попыталась обнять меня, но я не хотела ничьих объятий, кроме объятий одного человека, который уже никогда больше не сможет обнять меня. Поэтому я убежала наверх и, закрывшись в своей комнате, смогла лишь обхватить себя руками. Каждая жилка моего тела терзалась мучительной болью и ужасом. «Почему именно *он* и почему именно *сейчас*? – мысленно спрашивала я. – Ведь все твердили, что война практически закончилась? Почему Бог – если он действительно Бог – так жестоко позволил забрать у меня папу в самом конце, когда он пережил почти всю войну?» Последнее время по радио я вообще не слышала ни о каких бомбежках, говорили только, что немцы отступают из Франции и долго им не продержаться.

Я не знала слов, способных описать свои мучения – возможно, их просто не существует, – поэтому лишь скулила, как раненое животное, пока не почувствовала, как чья-то мягкая рука легла на мое плечо.

– Поузи, моя любимая малышка, мне очень, очень жаль... Жаль тебя, себя, Лоренса и, конечно, – бабушка помедлила и добавила: – Твою мать.

Я открыла рот, собираясь что-то ответить, потому что даже сейчас, в этот ужасный момент, помнила, как меня учили вежливо отвечать старшим, однако, казалось, потеряла голос. Бабушка взяла меня на руки, и я, уткнувшись в ее теплую грудь, опять принялась плакать. Я не представляла, откуда во мне столько жидкости, ведь я ничего не пила с самого обеда.

– Тише, тише, деточка, – успокаивала меня бабушка, и в итоге я, должно быть, задремала. Возможно, мне только показалось, но я почти уверена, что слышала в полусне тихие причитания, и причитать могла только бабушка.

«Мой любимый, любимый мальчик... как ты, должно быть, страдал. После всего, что ты пережил... я понимаю, мой дорогой, я понимаю...»

Потом я, должно быть, заснула и помню только, что, проснувшись, увидела унылый серый свет нового дня. Моему мозгу понадобилось лишь несколько секунд, чтобы вспомнить, какое ужасное событие произошло, и слезы вновь заструились из моих глаз.

Вскоре ко мне в спальню пришла Дейзи с подносом и поставила его на кровать. Как и бабуля, она взяла меня на руки.

– Бедная крошка, – прогудела она, разжимая объятия. – Поглядите-ка! Я принесла вам свежее яйцо, сваренное в мешочек, и солдатские гренки. Поешьте, деточка, может, тогда вы почувствуете себя лучше?

Мне хотелось сказать, что никогда ничто больше не поможет мне почувствовать себя лучше, однако я невольно открыла рот, и Дейзи, как в раннем детстве, накормила меня яйцом с гренками.

– Маман проснулась? – спросила я ее.

– Да, собирается уезжать.

– Значит, мы сегодня возвращаемся в Адмирал-хаус? Мне же надо упаковать вещи! – Откинув одеяло, я вскочила с кровати.

– Оденьтесь сначала, мисс Поузи. Ваша мама хочет повидать вас, ждет внизу.

Приведя себя в порядок, я нашла маман возле камина в гостиной. Ее прекрасное лицо было белым, как тающий снег за окнами, и я заметила, как дрожала ее рука, когда она зажигала сигарету.

– Bonjour, добрый день, Поузи. Как ты спала?

– Лучше, чем могла надеяться, – честно ответила я, стоя перед ней.

– Садись, chérie, я хочу поговорить с тобой.

Я послушно села, утешаясь тем, что ей не удастся сообщить мне ничего более ужасного, чем вчерашняя новость.

– Поузи, мне...

Ожидая продолжения разговора, я смотрела, как она нервно сплетает и расплетает пальцы.

– ...мне так жаль, ужасно жаль, что такое случилось.

– Не ваша вина, маман, что папа умер.

– Нет, но... ты не заслужила этого... И сейчас...

Она опять умолкла, как будто ей тоже не хватало слов. Ее голос звучал хрипло, еле слышно. Когда она взглянула на меня, я не смогла понять, какие чувства отражались в ее глазах, но маман явно выглядела кошмарно несчастной.

– Поузи, мы с бабушкой обсудили, что сейчас будет лучше для тебя. И мы подумали, что тебе лучше остаться здесь, особенно на первое время.

– Ох. И надолго?

– Точно трудно сказать. Мне надо разобраться со множеством дел.

– А как же папины... – Я сглотнула подступивший к горлу комок и, собрав все свое мужество, произнесла страшное слово. – Похороны.

– Я... – Маман отвернулась от меня к камину и тоже нервно сглотнула. – Мы с бабушкой решили, что в лучшем случае мы сможем провести поминальную службу через несколько недель. Они должны... должны вернуть его... привезти его из Франции, понимаешь.

– Да, – зажмурившись, прошептала я.

Тогда я внезапно осознала, что должна быть сильной ради маман. «Ты ведь моя Большая Храбрая девочка», – говорил папа, когда я укалывала палец о шип в саду или падала с качелей, которые он соорудил для меня. А маман тоже ужасно страдала.

– Но долго ли мне еще жить здесь? На будущей неделе в школе начнутся занятия.

– Бабушка сказала, что у тебя появилось много друзей в деревне, поэтому мы подумали, что пока ты сможешь походить в местную школу.

– Смогу, конечно, но долго ли еще мне жить здесь? – невольно повторила я.

– Ох, Поузи. – Маман вздохнула. – Я сама не знаю. Постарайся понять, мне придется разбираться с огромной кучей дел. Принимать трудные решения. И, занимаясь всем этим, я буду просто не способна уделять тебе столь необходимое сейчас внимание. А здесь с тобой всегда будут бабушка и Дейзи.

– Дейзи тоже остается?

– Да, я попросила ее, и она согласилась. Я слышала, что не только ты обзавелась в деревне новыми друзьями. – Впервые по губам маман скользнула слабая улыбка, и ее щеки слегка порозовели, но и этот более живой цвет ее лица напомнил мне сероватую выпечку, в которую Дейзи добавляла немного жира. – Так ты согласна, Поузи? Не думаешь ли ты, что так будет лучше всего?

Потирая нос, я подумала над ее вопросом. И над тем, что посоветовал бы ответить папа.

– Я буду очень скучать по Адмирал-хаусу, маман, но если так вам будет удобнее, то да, я согласна пожить здесь.

Я заметила проблеск облегчения на ее лице и поняла, что дала правильный ответ. Вероятно, она опасалась, что я начну рыдать и кричать, умоляя ее забрать меня домой. Отчасти именно так мне и хотелось поступить; хотелось вернуться домой, в давно знакомый и любимый мир. Но я вдруг осознала, что ничего уже не будет таким, как раньше, тогда какая же разница, где жить?

– Иди ко мне, *chérie*. – Маман протянула ко мне руки, я приблизилась к ней, и мы обнялись.

Закрыв глаза, я вдохнула знакомый мускусный аромат ее духов.

– Я уверена, что пока так будет лучше для тебя, – прошептала она. – Я буду писать вам, конечно, и приеду за тобой, как только разберусь с делами.

– Обещаете?

– Обещаю. – Она отстранилась от меня, и ее руки бессильно упали. Она пристально посмотрела на меня со своего кресла и нежно коснулась моей щеки. – Ты так похожа на своего папу, *chérie*: храбрая и стойкая, с глубоко любящим сердцем. Не позволяй любви убить тебя, ладно?

– Не позволю, маман, с какой стати? Ведь любовь дается нам на благо, верно?

– Oui, да, конечно, на благо, – нервно ответила она, а когда встала с кресла, я увидела, что в ее глазах горит мрачное отчаяние. – Ладно, теперь мне надо подготовиться к отъезду. Я должна заехать в Лондон, к поверенному твоего отца. Надо разобраться со множеством неотложных дел. Я зайду к тебе проститься, когда уложу вещи.

– Хорошо, маман.

Я смотрела, как она вышла из гостиной, потом ноги у меня подогнулись, и я, упав в кресло, где сидела она, тихо заплакала, уронив голову на подлокотник.

Август 1949

– Итак, Поузи, мы с твоей матерью обсудили кое-что по телефону, поэтому у меня есть к тебе одно предложение.

– Ах, неужели она решила вернуться в Адмирал-хаус и хочет, чтобы я приехала к ней?

– Нет, милочка, как мы уже говорили, тот дом слишком велик даже для вас двоих. Возможно, однажды, когда ты выйдешь замуж, ты сможешь вернуться туда, заполнив его большой счастливой семьей, как он того и заслуживает. Поскольку твой отец... погиб, дом теперь принадлежит тебе.

– Но мне хотелось бы поехать туда прямо завтра и жить там, разумеется, с вами, дорогая бабуля.

– Видишь ли, когда ты достигнешь совершеннолетия и официально унаследуешь этот дом и трастовый фонд, то сможешь принять такое решение. А пока что разумно оставить его закрытым. Как ты, без сомнения, когда-нибудь узнаешь, расходы на содержание такого дома астрономически велики. А сейчас я хотела обсудить с тобой одно мое предложение. По-моему, нам с тобой самое время обдумать идею твоего обучения в школе-интернате.

– Что? Уехать от вас и от всех моих здешних друзей?! Никогда!

– Поузи, пожалуйста, успокойся и выслушай меня. Я понимаю, что тебе не хочется расставаться с нами, но стало очевидно, что тебе необходимо гораздо более серьезное образование, а в деревенской школе тебе его дать не смогут. Мисс Бреннан сама приходила ко мне и сказала то же самое. Она дает тебе гораздо более сложные задания, чем остальным ученикам в классе, и призналась, что ты уже близка к тому, чтобы превзойти ее собственный уровень знаний. Поэтому она полагает, что тебе следует поступить в школу, где дается такое образование, какого заслуживают твои академические способности.

– Но ведь... – Помимо воли, я сердито надула губы. – Мне так хорошо в этой школе и здесь, с вами, бабуля. Мне совсем не хочется уезжать, совсем не хочется.

– Я понимаю тебя, деточка, но на самом деле, если бы твой папа был жив, я уверена, что он посоветовал бы то же самое.

– Вы уверены?

Прошло уже пять лет, а мне по-прежнему было очень больно говорить о нем.

– Да, всего через несколько лет тебе придется серьезно подумать о выборе профессии, подобно многим современным женщинам.

– Об этом я еще не думала, – призналась я.

– Естественно, с чего бы? Об этом ведь для начала должна подумать я сама... и твоя мать, разумеется; мы должны позаботиться о твоём будущем. И, боже мой, Поузи, если бы я родилась в такие времена, когда женщинам предоставили право на серьезное образование, то, вероятно, ухватилась бы за шанс поступить в университет. Знаешь ли ты, что до знакомства с твоим дедушкой я была убежденной суфражисткой? Полноправным членом ЖСПС и пламенной сторонницей уважаемой миссис Панкхерст?^[22] Я приковывала себя к перилам, борясь за право голоса для женщин на выборах.

– Господи, бабуля! Неужели ты сидела прикованная?

– Да, и совершенно добровольно! Но потом, естественно, я влюбилась, обручилась, и все эти выходки пришлось прекратить. Но, по крайней мере, я осознавала, что сделала посильный вклад, а нынче времена изменились, в немалой степени благодаря тому, что делали миссис Панкхёрст и мои другие храбрые подруги.

Я по-новому взглянула на бабушку, внезапно осознав, что она тоже была когда-то молодой.

– Итак, Поузи, я присмотрела для тебя школу в Девоне, не так уж далеко отсюда. Она имеет отличную репутацию, особенно по части естественных наук, и многих ее выпускников принимают в университет. Я уже переговорила с директрисой, и она очень хочет познакомиться с тобой. Полагаю, на следующей неделе нам стоит съездить туда и самим все посмотреть.

– А если мне там не понравится?

– Давайте подождем с выводами, юная леди. Ты же знаешь, что я не одобряю предвзятого негативного отношения. И кстати, наверху в твоей комнате тебя ждет письмо от матери.

– Ура. Она еще в Италии?

– Да. В Италии.

– Но я думала, что она собиралась туда только на отдых, что же, она отдыхает там уже целый год? Довольно долгий отдых, на мой

взгляд, – проворчала я.

– Довольно уже, юная леди, дерзить. Ступай наверх и, пожалуйста, приведи себя в порядок. Ужин будет готов через десять минут.

* * *

Я поднялась в свою комнату, уже не временную, какой я воспринимала ее, приехав сюда на рождественские каникулы, а наполненную всеми моими личными вещами, что накопились за пять лет жизни в доме бабули. В общем, теперь комната стала моей, и я вполне приспособилась к здешней жизни; после двух долгих лет ежедневного ожидания того, что маман приедет за мной, мы в итоге осознали, что она уже не намерена забирать меня. По крайней мере, в ближайшем обозримом будущем. После смерти папы она вернулась в Париж – война закончилась, и многие ее друзья вернулись туда, так она сообщила в одной из тех редких почтовых открыток, что присылала мне. В то время как я писала ей первые два года каждую неделю, по воскресеньям, перед вечерним чаем. И неизменно задавала два вопроса: когда она приедет, чтобы забрать меня, и когда будет проведена папина поминальная служба? Отвечала она тоже неизменно; «Скоро, chérie, скоро. Постарайся понять, что я не могу пока вернуться в Адмирал-хаус. Каждая комната там полна тяжелых воспоминаний о твоём папе...»

В общем, в конце концов я смирилась с жизнью здесь, в этом крошечном сообществе, физически и умственно отрезанном от остального мира. Даже драгоценное радио, которое бабуля раньше добросовестно слушала каждый день ради новостей с войны, очевидно, сломалось сразу после папиной смерти. Оно чудесным образом сумело воскреснуть на часок, когда передавали сообщение о победе в Европе, тогда мы обнимались с бабушкой и Дейзи и все втроем сплясали легкую джигу в гостиной. Помню, я еще спросила, что же нам праздновать, если к нам не вернется наш самый любимый человек...

– Мы должны, Поузи, найти в наших сердцах сочувствие и порадоваться, несмотря на то что наши любимые больше не с нами, –

сказала бабушка.

Может, я была плохим человеком, но, когда вся деревня собралась в церковной трапезной, чтобы отметить день победы, я не смогла почувствовать в своем сердце хоть что-то, кроме ледяной глыбы пустоты.

После победы у нас мало что изменилось, хотя бабуля начала регулярно ездить в Лондон, ссылаясь на то, что ей нужно оформить какие-то «документы». Должно быть, заботы об оформлении документов были ужасно утомительными, потому что, возвращаясь, она всегда выглядела очень грустной и измученной. Мне живо запомнилось ее возвращение из последней такой поездки. Вместо того чтобы, вернувшись, как обычно, найти меня и передать какое-то привезенное угощение, она сразу удалилась в свою комнату и не выходила оттуда три дня. Когда я спрашивала, можно ли мне навестить ее, Дейзи говорила, что бабушка подхватила сильную простуду и ей не хочется заражать меня.

Тогда, помню, я решила: если у меня когда-нибудь будут дети, то, даже если я буду страдать какой-нибудь смертельной инфекцией, типа холеры, я все равно разрешу им зайти и повидать меня. Наши любимые взрослые скрывались за закрытыми дверями, ужасно переживая за хрупкое здоровье детей. И впоследствии мне довелось узнать это на собственном опыте.

Наконец бабушка появилась, и мне едва удалось подавить изумленный вздох при виде того, как она исхудала. Казалось, она действительно переболела холерой. Лицо приобрело какой-то восковой оттенок, глаза запали, как-то провалившись в глазницы. Она выглядела сильно постаревшей и растерявшей всю свою былую жизнерадостность.

– Милая Поузи, – сказала она с вымученной улыбкой, не затронувшей ее глаз, когда мы пили чай около камина в гостиной, – я прошу прощения за мои отлучки последние месяцы. Ты будешь рада узнать, что теперь они закончились. Все сделано, и мне нет необходимости теперь возвращаться в Лондон, да и впредь вряд ли понадобится. Понимаешь, детка, я просто ненавижу этот безбожный город, – содрогнувшись, изрекла она.

– Никогда не бывала там, бабуля, поэтому не могу понять.

– Ясно, хотя я уверена, что однажды ты побываешь там, поэтому лучше мне не портить заранее твое отношение, однако у меня лично не осталось добрых воспоминаний...

Она отвела в сторону взгляд своих несчастных, запавших глаз, а когда опять быстро взглянула на меня, они оживились каким-то, видимо, притворным весельем.

– Во всяком случае, что было, то прошло. И теперь настала пора смотреть в будущее. У меня есть для тебя сюрприз.

– Правда? Как интересно, – откликнулась я, не вполне понимая, как мне следует общаться с этой новой, так изменившейся бабушкой. – Спасибо.

– Не хочется портить сюрприз, заранее открывая тебе его содержимое, но я подумала, что у тебя должно остаться кое-что на память об отце. Нечто... полезное. А пока, будь добра, подбрось еще пару поленьев в камин. Нынешний холод пробирает меня до костей.

Я выполнила ее просьбу, и после того, как мы поболтали о том, что происходило в доме во время ее отсутствия – ничего особенного, хотя я поведала ей, что Дейзи, на мой взгляд, чаще, чем необходимо, угощает Билла на кухне, – бабушка пожаловалась на то, что совсем устала и ей необходимо пойти отдохнуть.

– Только сначала подойди, детка, ко мне и обними свою бабушку.

Я подошла и обняла ее, и, несмотря на то что она выглядела очень хрупкой, ее руки обхватили меня так крепко, словно, будь ее воля, она ни за что не отпустила бы меня от себя.

– Итак, Поузи, – сказала она, вставая, – будем двигаться к новым вершинам. Наш путь направлен в будущее.

Спустя три дня к нашему дому подъехал небольшой фургон. Выйдя в холл, я увидела, как крепкий мужчина перетаскивает в кабинете большие коробки. Рядом со мной появилась бабушка, и я подозрительно глянула на нее.

– Да, вот и твой сюрприз, милочка. Ступай, посмотри, а потом сможешь расставить их по своему усмотрению на книжные полки. Я освободила там для них достаточно места.

Я зашла в кабинет и сорвала толстую веревку с одной из коробок. Внутри лежали знакомые мне книги в мягких, коричневых кожаных переплетах – моя любимая Британская энциклопедия.

– Они скрасят тебе долгие и темные корнуоллские вечера, – сказала бабушка, когда я положила себе на колени один из томов. – Я покупала их для твоего отца в качестве подарков к каждому Рождеству и дню его рождения. Уверена, он захотел бы подарить их тебе.

– Спасибо, бабуля, огромное спасибо! – воскликнула я, любовно поглаживая мягкую кожу, в моих глазах заблестели слезы. – Наверняка эти книги станут самым лучшим поводом для воспоминаний о нем.

В течение следующего года я наблюдала, как бабушка медленно возвращается к тому, какой она была раньше. И хотя в глазах ее частенько сквозила грусть, я радовалась тому, что начала узнавать прежнюю бабушку, видя, как она хлопотала по дому и, когда зима пошла на убыль, перенесла свою кипучую энергию в раскинувшийся за домом сад, быстро пробуждавшийся после сезонной спячки. В свободное от занятий в школе или прогулок с друзьями время я решила помогать ей. Пока мы трудились в саду, бабушка рассказывала мне, как надо ухаживать за разными видами посаженных нами растений. В старой, обросшей лишайником теплице она показывала мне, как надо проращивать и подкармливать семена. Она даже подарила мне личный набор садовых инструментов, хранившийся в плотно сплетенной ивовой корзине.

– Когда мне становится грустно, – заявила она мне, вручая этот полезный подарок, – я начинаю копать в нашей плодородной земле и думать о чудесах, которые она нам дарит. И это занятие неизменно поднимает мне настроение. Надеюсь, ты сможешь почувствовать то же самое.

И, к моему удивлению, ее надежды оправдались, неожиданно я осознала, что стала проводить все больше времени, либо копаясь в земле, либо роясь в бабушкиных книгах и журналах по садоводству. Дейзи взяла меня под свое крылышко на кухне, и я провела там много счастливых часов за готовкой и выпечкой разных блюд и пирожных. А еще я продолжала заниматься зарисовками растений, как просил меня папа.

Однажды в конце марта бабушка пригласила на чай викария, чтобы обсудить организацию ежегодной пасхальной игры со спрятанными яйцами (она обычно проводилась в нашем саду, потому что он был самым большим в деревне). Когда наступил день охоты за яйцами, я невольно испытала прилив гордости, поскольку все

участники игры отметили, каким красивым и ухоженным выглядит наш сад.

Примерно в то время я начала получать открытки от мамы из Парижа. Очевидно, она вновь начала петь на сцене. На открытках не так много места для письма, однако, судя по содержанию ее кратких записок, мне казалось, что она вполне счастлива. Я пыталась порадоваться за нее, но из-за того что душа Поузи опустела, подобно скорлупе расколотого кокосового ореха (несмотря на то что внешне Поузи вела себя, как раньше, словно ничего не случилось), я вдруг почувствовала, что практически не способна радоваться. Бабушка частенько говорила о «душевной щедрости», и, поскольку моей душе не удавалось проявить щедрость к моей родной матери, я решила, что, должно быть, стала жутко черствой особой. А на самом деле мне просто хотелось, чтобы она оставалась такой же несчастной, как я. Разве можно быть «счастливой», когда ушел навсегда человек, которого мы обе любили больше всего на свете?

В конце концов я доверила свои чувства Кэти, и оказалось, что она, хотя никогда не уезжала дальше Бодмина (куда ездила один раз на похороны двоюродной бабушки) и ничего толком не понимала на уроках, обладала большой долей здравого смысла.

– Ну, понятно, только, может, твоя ма, Поузи, притворяется счастливой точно так же, как ты. Ты не подумала об этом? – спросила она.

И благодаря одному этому заключению жить мне стало немного легче. Маман и я, мы обе играли, притворяясь, что довольны жизнью; маман целиком посвятила себя вокалу, точно так же, как я целиком посвятила себя учебе и своему садовому участку, который бабушка выделила мне, сказав, что я могу там сажать и выращивать все, что пожелаю. Мы с маман старались изо всех сил забыть то, что пока еще мучительно вспоминали. Я подумала о бабуле и о том, какие усилия ей пришлось приложить, чтобы вернуться к нормальной жизни. Порой замечая печаль в ее глазах, я понимала только, что она продолжает страдать из-за папиной смерти. Глаз маман я не могла видеть, однако я уверена, что если бы бабушка присылала мне открытки из другой страны, то она тоже писала бы мне о чем-то радостном.

Последние два года мамины открытки стали приходить реже, а примерно год назад я получила еще одно послание из Рима с видом

Колизея, она написала, что позволила устроить себе «petite vacance»^[23].

– Больше похоже на «très grande vacance»^[24], – в очередной раз пожаловалась я своему отражению в зеркале, упорно пытаюсь заплести косу из своих возмутительно непослушных волос. Я старалась не расстраиваться из-за того, что маман ни разу не навестила меня после того, как стало известно о папиной смерти, хотя иногда невольно огорченно думала об этом. Ведь она же моя мать, и с тех пор прошло целых пять долгих лет.

– Слава богу, что у тебя есть бабушка, – добавила я, беседуя со своим отражением. – Теперь она стала твоей матерью.

И я поняла, что так оно и есть, когда спустилась в столовую, чтобы присоединиться к бабушке за ужином и продолжить разговор о новой школе.

* * *

– Отлично, все поместилось, – заявила Дейзи, закрывая крышку блестящего кожаного чемодана, присланного бабушкой из Лондона вместе с бутылочно-зеленой школьной формой, которую я лично сочла отвратительной. Но позже я подумала, что ей, вероятно, и положено быть отвратительной. Не улучшало положение и то, что ее сшили без примерки, поэтому я в ней едва не утонула.

– Вот подрастешь немного, Пуози, и она станет тебе впору, – успокоила меня бабушка, пока я стояла перед зеркалом в блейзере, рукава которого закрывали мне все пальцы, а в плечах там могла поместиться вместе со мной еще и Кэти. – У тебя высокие родители, и ты, несомненно, в ближайшие месяцы вытянешься, как березка. А пока Дейзи подогнет тебе юбку и рукава, и ты легко сможешь распушить подшивку, когда понадобится.

Дейзи крутилась вокруг меня, подкалывая рукава блейзера и подол юбки, пока достававший до шнурков кожаных черных башмаков, в которых ступни тоже скользили взад-вперед, и вообще они выглядели, как громоздкие чоботы. «Крутиться», впрочем, Дейзи удавалось с трудом, поскольку живот ее сильно раздулся, и со дня на

день у нее мог родиться ребенок. Мне отчаянно хотелось увидеть этого малыша до отъезда в школу, однако с каждым днем это становилось все менее вероятным.

Из нас троих именно Дейзи удалось найти неподдельную радость в Корнуоллских холмах. Они с Биллом – бабушкиным давним слугой на все руки – поженились два года назад, и вся деревня гуляла на их свадьбе, как бывало и по случаю любого другого торжества или церковного праздника. Теперь Дейзи и Билл жили в уютном садовом коттедже, находившемся в саду за особняком. Бледная, задерганная девушка, какой я знала ее в Адмирал-хаусе, расцвела здесь, превратившись в симпатичную молодую женщину. «Настоящая любовь, очевидно, делает человека красивым», – подумала я, глядя в зеркало на свой бутылочно-зеленый наряд и мечтая найти настоящую любовь.

Во время нашего последнего общего ужина, устроенного в конце августа в благоухающем саду, я спросила бабушку, не будет ли ей трудно без меня.

– Я имею в виду, как ты справишься с делами, когда у Дейзи появится ребенок, а меня не будет?

– Боже мой, Поузи, пожалуйста, не пой мне отходную раньше времени. Мне же всего пятьдесят с небольшим. И при мне остаются Билл и Дейзи, а появление ребенка не означает потерю трудоспособности. Кроме того, просто замечательно, что здесь у нас опять будет малыш.

«Замечательно, пока этот малыш не заменит в твоём сердце меня», – с грустью подумала я, но ничего не сказала.

* * *

На следующее утро, уже сидя в стареньком «форде», на котором Биллу поручили отвезти меня на вокзал в Плимут, я с трудом сдерживала слезы, поцеловавшись на прощание с бабушкой. Во всяком случае, она не рыдала надо мной, как Дейзи, хотя глаза ее подозрительно блестели.

– Береги себя, любимая моя девочка. Пиши мне регулярно и сообщай, чем ты там занимаешься.

– Ладно.

– Учись хорошенько, старайся, чтобы твой отец... и я... могли гордиться тобой.

– Обещаю, я буду стараться, бабуля. До свидания.

Когда Билл повез меня по подъездной аллее, я оглянулась на дом. Мне вдруг стало ясно, что, какие бы страдания я ни пережила со времени моего приезда сюда пять лет назад, меня неизменно защищало здешнее маленькое сообщество. И я буду ужасно скучать без них.

Школа-интернат оказалась... прекрасной. Конечно, если не придавать значения инею, выступавшему на внутренних стеклах окон дортуара, на совершенно несъедобную пищу и на физическое воспитание, или «ФиВо», которым нас заставляли заниматься в спортзале трижды в неделю. Я прозвала эти занятия «Физическими Пытками», чем они, в сущности, и были. Множество неловких девочек, пытаюсь перепрыгнуть через гимнастического коня, имели, пожалуй, на редкость неуклюжий вид, даже если им удавалось запрыгнуть на него. С другой стороны, я охотно играла в хоккей на траве, хотя никогда в него прежде не играла, к особому ужасу мисс Чутер, нашей преподавательницы физкультуры, и чувствовала себя в этой игре, как вошедшая в поговорку рыба в воде. Очевидно, у меня оказалось «низкое расположение центра тяжести», что я воспринимала как своеобразный эвфемизм умения крепко стоять на ногах, однако такое качество способствовало хорошей игре, и вскоре я стала лучшим бомбардиром нашей команды. Проведя большую часть последних пяти лет на открытом воздухе в корнуоллских холмистых пустошах и низинах, я преуспела и на пробежках.

Склонность к играм, по крайней мере, улучшила мнение других девочек обо мне, справедливо считавших меня слишком увлеченной учебой и прозвавших «Зубрилой». Так же, как они не понимали моего интереса к науке, я не могла понять, почему они не пользовались возможностями получать знания, которые ежедневно щедро предоставлялись нам. Как же замечательно было слушать учителей, готовых поделиться с нами новыми научными достижениями, особенно после долгого обучения тому, что я большей частью уже и так знала из освященной вековой мудростью «Британской энциклопедии» (бабуля, разумеется, верно говорила о том, что мисс

Бреннан становилось все труднее угнаться за мной). Я привыкла быть единственным в семье, странным для окружающих ребенком, даже когда приобщилась к кругу Кэти и других моих корнуоллских друзей, поэтому то, что девочки в новой школе обычно смотрели на меня настороженно, обижало меня не так уж сильно. Помогло мне и то, что среди моих одноклассниц имелась еще одна странная девочка, страстно обожавшая танцы. В общем, наши пристрастия создали между нами своеобразную связь.

Как говорится, подобное притягивает подобное, однако, помимо нашей воображаемой общей странности, Эстель Симонс, даже если бы постаралась, не смогла бы стать похожей на меня. Если я обогнала ростом одноклассниц и считала себя крепко сбитой и довольно некрасивой, то Эстель обладала subtilной изящной фигуркой и даже своей походкой напоминала летящую по легкому ветру тростинку. Вдобавок, она имела густую гриву блестящих светлых волос и большие ярко-синие с зеленоватым отливом глаза. Если я проводила все свободное время в библиотеке, то Эстель пропадала в гимнастическом зале, упражняясь перед зеркалом в батманах и фуэте. Она сообщила мне, что родилась в «богемной» семье; ее мать была актрисой, а отец – знаменитым писателем-романистом.

– Меня отправили сюда, потому что моя мать вечно ездит на гастроли, а Пупс, мой отец, вечно корпит над своими рукописями, в общем, я стояла у них поперек дороги, – заключила Эстель, с прагматичным видом пожав плечами.

Она также сообщила мне по секрету, что мечтает стать такой же знаменитой балериной, как Марго Фонтейн^[25], я о ней никогда не слышала, но Эстель говорила о ней приглушенным голосом и с восторженным придыханием. Из-за одержимости танцами у Эстель оставалось мало времени на классные задания, поэтому я старалась по возможности делать эти задания за нее, не забывая добавлять в них грамматические и орфографические ошибки, чтобы они сошли за ее работу. Наряду с эфемерными физическими данными Эстель обладала соответствующей им фантастической индивидуальностью, словно «не от мира сего».

– Ты такая умная, Поузи, – со вздохом изрекла она, когда я вручила ей ее рабочую тетрадь по математике. – Жаль, что у меня нет таких мозгов, как у тебя.

– Лично я думаю, что нужно много мозгов, чтобы запомнить все твои бесконечные затейливые арабески и батманы.

– О, это же так просто; мое тело само знает, как двигаться, может, это слегка похоже на то, как твой мозг узнает ответы на уравнения. Каждому человеку, понимаешь ли, дается свой уникальный талант. Мы все чем-то одарены свыше.

Чем глубже я узнавала Эстель, тем яснее понимала, что ее неуспеваемость на уроках объясняется лишь тем, что они ее не интересовали, поскольку она явилась в этот мир с поистине острым умом – и гораздо большей склонностью к философии, чем я. Для меня лопата была просто лопатой, а Эстель могла наполнить любую вещь оригинальным волшебным смыслом. Она навеяла мне воспоминания о тех днях, когда папа называл меня «Принцессой фей» того королевства, где сам он был Королем, и я поняла, что с возрастом, видимо, растеряла веру в волшебство.

Миновали осень и зима, мы все вернулись в школу на летний триместр, и однажды мы с Эстель лежали под тенистым дубом, делись секретами.

– Ты много думаешь о мальчиках? – спросила меня Эстель.

– Нет, – честно ответила я.

– Ну, ты же собираешься когда-нибудь выйти замуж?

– Никогда не думала об этом, вероятно, потому, что не могу представить, какому мальчику я могу понравиться. Я же не такая красивая и женственная, как ты, Эстель.

Я глянула на свои бледные веснушчатые ноги, подумав, что они напоминают ствол дерева, под которым мы расположились, а потом перевела взгляд на идеальные ножки Эстель, красиво сужавшиеся к паре тонких изящных лодыжек, именно таких, по словам маман, какие обожают мужчины. (Она, естественно, обладала ими, в отличие от ее дочери.)

– Ах, Поузи, зачем ты говоришь о себе такие глупости?! У тебя крепкое, спортивное тело, ни грамма жира, роскошная, как осенняя листва, шевелюра и очаровательные огромные карие глаза, – укорила меня Эстель. – И помимо всего этого, безусловно, твой великолепный ум, достойный любого мужчины.

– Может, как раз ум их и отпугивает, – вздохнула я. – Мне кажется, мужчинам нужны женщины исключительно для того, чтобы

растить их детей и создавать уют в доме, не смея, однако, при этом высказывать своего мнения. Думаю, из меня выйдет очень плохая жена, поскольку я наверняка стану поправлять своего мужа, если он будет в чем-то ошибаться. Кроме того, – решила признаться я, – я хочу добиться успеха в профессии.

– Так же, как и я, милая Поузи, однако мне непонятно, как это связано с тем, что я хочу выйти замуж.

– Ну, я не могу припомнить ни одной известной женщины, которая, будучи замужем, продолжала работать. Даже моя мать, выйдя замуж за отца, бросила карьеру певицы. А посмотри на наших учительниц: все одиноки, ну, большинство из них.

– Возможно, у них иные привязанности, – усмехнувшись, предположила Эстель.

– Что ты имеешь в виду?

– Неужели не поняла?

– Нет, прекрати говорить загадками.

– Я имела в виду, что, возможно, они нравятся друг другу.

– Что?! Типа, девочке нравится девочка? – уточнила я, потрясенная такой идеей.

– Ой, Поузи, ты, конечно, умна, но порой дико наивна. Должна же ты была заметить, как мисс Чутер обхаживает мисс Уильямс.

– Ничего я не заметила, – резко ответила я. – И думаю, что это глупые выдумки. Ведь это же... в общем, как-то совсем против законов природы.

– Не смешивай биологическую флору с природой человеческой фауны. И то, что об этом не сказано в одном из толстенных томов твоей энциклопедии, еще не означает, что такого не существует, – решительно парировала Эстель. – Бывает еще и любовь между мужчинами. Даже ты, должно быть, слышала, что Оскара Уайльда посадили в тюрьму из-за его интимной связи с мужчиной.

– Вот видишь? Это противозаконно, потому что противоестественно.

– Ой, Поузи, не будь такой занудной мешанкой! В мире театра подобные отношения в порядке вещей. И кроме того, безусловно, сами люди ни в чем не виноваты. Разве ты не думаешь, что людям надо разрешить жить так, как их создала природа, какими бы правилами ни руководствовалось общество?

И благодаря Эстель я начала задумываться... Не только о фотосинтезе и химических соединениях, как до сих пор, но и о том, как в нашем мире установили, какое поведение приемлемо, а какое – неприемлемо. Мне пришлось исследовать и этот философский вопрос.

Я начала взрослеть.

Ноябрь 1954

– Итак, Поузи, нам нужно обсудить твои планы на будущее.

Мисс Самптер, наша учительница, сидевшая напротив меня за письменным столом, улыбнулась. Хотя я видела ее лишь уголком глаза, поскольку за пять лет учебы всякий раз, когда осмеливалась прямо посмотреть на нее, мой взгляд невольно притягивала бородавка на левой стороне ее подбородка, с пучком растущих из нее длинных седых волосков. Множество раз я задавалась вопросом, почему мисс Самптер не возьмет ножницы и не обстрижет их, ведь в остальном ее лицо выглядело вполне привлекательно.

– Нужно, мисс Самптер, – машинально ответила я.

– Следующим летом ты покинешь нас, и пора бы тебе подумать о подаче заявления в университет. Смею надеяться, что ты хочешь учиться дальше.

– Я... В общем, да. А какой университет вы могли бы мне посоветовать?

– Учитывая твои успехи в учебе, я полагаю, что тебе следует нацелиться на научную вершину и попробовать поступить в Кембридж.

– О боже, – воскликнула я, почувствовав вдруг комок в горле. – Там учился мой отец. Неужели вы правда думаете, что у меня есть шанс? Ведь, насколько я понимаю, там огромный конкурс, особенно для женщин.

– Верно, но ты талантливая студентка. И в твоём заявлении мы должны указать, что твой отец закончил этот университет. Неплохо упомянуть о ваших старых семейных связях с этим учебным заведением. Галстук старой школы еще никому не вредил.

– Даже если его повяжет женщина? – с кривой усмешкой поинтересовалась я.

– Да. Уверена, тебе уже известно, что двумя признанными женскими колледжами там считаются Гертон и Ньюен, но, интересно, слышала ли ты о Нью-Холле? Он открылся как раз в этом сентябре и пока набрал всего шестнадцать студентов, а среди руководителей этого колледжа моя давняя подруга, мисс Розмари Мюррей. И следовательно, я смогу замолвить слово, хотя твое поступление будет

зависеть исключительно от результата трехчасового письменного экзамена. В минувшем году на шестнадцать выделенных мест заявления подали четыре сотни девушек. Жесткий конкурсный отбор, Поузи, но я искренне верю, что у тебя великолепные шансы на поступление. Полагаю, у тебя уже появились научные предпочтения?

– Да, я хочу изучать ботанику, – уверенно ответила я.

– Что ж, Кембридж как раз славится своей ботанической школой. Лучшего и не придумаешь.

– Прежде, чем предпринять какие-то действия, я должна, конечно, поговорить с бабушкой, но я уверена, что она будет только рада поддержать меня в таком намерении. Хотя, разумеется, мисс Самптер, я могу и не поступить.

– Кто не пытается, тот ничего не достигнет, а ты в числе самых одаренных учениц нашей школы. Я полностью уверена в тебе, Поузи. А теперь марш отсюда, и счастливого Рождества.

* * *

Хотя предвкушение возвращения домой, в Корнуолл – особенно на Рождество – больше не лишало меня сна за неделю до отъезда из-за неконтролируемого внутреннего возбуждения, тем не менее поездка с Биллом по нашей деревушке по-прежнему оставалась для меня особым моментом. Я радостно улыбалась, заведя разноцветные гирлянды на великолепной сосне, стоявшей в саду перед бабушкиным домом. Бабуля рассказывала мне, что ее бабушка и дедушка посадили эту сосну в один из Рождественских дней, надеясь, что она пустит корни и приживется. Сосна прижилась, и теперь вся деревня собиралась вокруг нее в день зимнего солнцестояния на традиционный ритуал зажигания фонариков.

– Поузи, милая, добро пожаловать домой!

Бабушка стояла на крыльце, протянув ко мне руки, но, прежде чем мы смогли обняться, из-за ее спины выскочил мальчонка и бросился ко мне с криками:

– Поузи! Уже Рождество! Скоро придет Санта-Клаус!

– Я знаю, Росс. Правда, здорово?! – Я подхватила мальчика на руки и, поцеловав в макушку, покрытую такими же, как у Дейзи,

светлыми, словно солома, волосами, внесла его в дом.

Дейзи топталась в холле, дожидаясь своей очереди поздороваться со мной. Россу не терпелось вырваться от меня, чтобы показать свой рисунок Санта-Клауса, который повесили в кухне на дверцу одного из буфетов.

– Потерпи немного, Росс, мисс Поузи посмотрит твою картинку позже, – мягко пожурила сына Дейзи. – Она же устала после долгой дороги, и наверняка ей нужно отдохнуть в кресле перед камином и подкрепиться ароматным чаем с лепешками.

– Но ведь...

– Никаких «но». – Дейзи подтолкнула его в сторону кухни. – Пойдем, поможешь мне приготовить чай.

Я последовала за бабушкой в гостиную, где в камине уже весело потрескивали дрова. Домашняя, пока не украшенная елка стояла в большой кадке с землей.

– Я подумала, что ты сама с удовольствием украсишь ее, – с улыбкой заметила бабушка. – Помню-помню, как ты любишь сам ритуал украшения. А пока давай-ка присядь и расскажи мне, как прошел твой последний осенний триместр.

За чаем с печеньем я поведала бабушке о событиях последних трех месяцев учебы. Она с особой гордостью восприняла то, что в сентябре меня выбрали старостой.

– Честно говоря, мне понравились не все обязанности, связанные с этим статусом. Труднее всего назначать какие-то наказания подругам. В начале триместра я застала Матильду Мэйхью за курением в парке. Она обещала больше этого не делать, поэтому я простила ее, но она не выполнила свое обещание, и мне пришлось принять другие меры. Ее на три недели лишили права покидать школу, и теперь она ненавидит меня, – вздохнув, призналась я.

– Грустно, но, возможно, такое наказание остановит других девочек, которых мог соблазнить ее вредный пример?

– Ну, еще бы, по крайней мере, девочки стали гораздо осторожнее в выборе мест для курения, стараясь, чтобы их никто не видел. Но все это привело к тому, что они стали избегать меня и перестали приглашать на свои тайные вечеринки. Вдобавок ко всему, мне теперь выделили отдельную комнату. Я чувствую себя изолированной, бабуля, и с тех пор жить в школе стало гораздо скучнее.

– Зато теперь, Поузи, ты узнала, что обязанности сопряжены со сложными и трудными решениями. Я уверена, что этот опыт поможет тебе в будущем. А теперь расскажи-ка мне поподробнее о поступлении в Кембридж.

Я рассказала бабушке о новом женском колледже и о том, что, по мнению мисс Самптер, у меня хорошие шансы получить одно из немногочисленных свободных мест. Я заметила, что в глазах бабушки заблестели слезы.

– Твой отец, Поузи, мог бы гордиться тобой так же, как и я.

– Не спеши, бабуля, я же еще никуда не поступила!

– Нет, но мне достаточно уже того, что директриса верит в твои силы. Милая моя девочка, ты становишься весьма незаурядной личностью, и я искренне горжусь тобой.

Меня, естественно, порадовала похвала бабушки, но во время нынешних рождественских каникул и посещений традиционных деревенских собраний я вдруг осознала, что даже здесь, дома, в сообществе, где я долго росла, моя «незаурядность», безусловно, повредила и моим здешним дружеским отношениям. Раньше Кэти стучалась в наши двери сразу после того, как видела, что машина Билла проехала мимо их семейного коттеджа, а в этом году появилась лишь в канун Рождества на коктейльной вечеринке, всегда устраиваемой бабушкой для жителей деревни. Сначала я с трудом узнала ее, она обстригла свои роскошные рыжие волосы и сделала химическую завивку а-ля «Пудель», благодаря чему (сурово подумала я) и сама стала похожа на эту собачку. На лице ее лежал толстый, как блин, слой пудры и румян, доходивший только до скул, и он так нелепо контрастировал с натуральным бледным цветом кожи на шее, что казалось, будто она нацепила дурацкую шутовскую маску.

– Если зайдешь ко мне как-нибудь вечером, я сделаю тебе такой же шикарный макияж, – снисходительно предложила она, покуривая сигарету, пока мы стояли на холодном крыльце. – Тебе, Поузи, достались красивые глаза, а с черной подводкой они вообще будут выглядеть отпадно.

Кэти сообщила мне, что недавно начала работать ученицей парикмахера в Бодмине. Она жила там у родственников и уже познакомилась с парнем по имени Яго.

– У его па свой мясной магазин в Бодмине, и когда-нибудь дело перейдет к нему. На мясе зарабатывают кучу денег, – уверенно заявила она. – А что ты поддельвала? Все еще учишься в этой своей школе?

Подтвердив, что учусь, я добавила, что надеюсь поступить в Кембриджский университет, о котором Кэти даже не слышала.

– Черт возьми, сдается мне, что со своей учебой ты останешься старой девой! Неужели тебе не хочется погулять в свое удовольствие. Сходить иногда на танцы с парнем?

Я попыталась объяснить ей, что получаю удовольствие от учебы, но догадалась, что в данном случае ей меня не понять. Мы виделись еще пару раз до ее отъезда в Бодмин, но было уже абсолютно очевидно, что у нас не осталось никаких общих интересов. Из-за этого мне стало очень грустно. И вдобавок, хотя, возможно, у меня просто разыгралось воображение, мне показалось, что в нашем доме, где раньше я чувствовала себя в центре внимания, теперь все прекрасно жили и без меня. Теперь все крутилось вокруг Росса – очаровательного, надо признать, малыша, – и даже бабушка, казалось, проводила с ним больше времени, чем в детстве со мной. Едва закончились рождественские праздники, я буквально начала считать дни, оставшиеся до возвращения в школу.

«Однако, Поузи, ты не можешь рассчитывать на первенство, – мысленно рассуждала я, в одиночестве гуляя однажды днем по вересковой пустоши. – Ты уже выросла и выпорхнула из их домашнего гнезда...»

«И где же будет мое новое пристанище?» – задалась я вопросом, устало возвращаясь домой, отчасти лелея свою печаль и чувствуя себя практически сиротой с тех пор, как маман оставила меня здесь лет десять назад, за все эти годы не удосужившись вернуться.

По правде говоря, ответа на этот вопрос я просто не знала.

За день до моего возвращения в школу я получила авиаписьмо из Италии с римским почтовым штемпелем. Оно пришло от моей матери, и я поднялась в свою спальню, чтобы спокойно прочесть его.

«Моя любимая Поузи!

Прости, что не написала раньше, но прошедший год проходил в ураганном вихре событий, и мне не хотелось ничего сообщать, пока я

не буду абсолютно уверена в своих планах. Признаюсь, *chérie*, что я познакомилась с Алессандро, совершенно восхитительным мужчиной. Он родом из Италии и вдобавок графского происхождения! И он предложил мне выйти за него замуж. Свадьба назначена на начало июня – здесь это самое великолепное время года, – и, конечно, мне хочется, чтобы ты присутствовала на ней в качестве моей особой подружки невесты. Позже я напишу все подробности и пришлю, безусловно, для вас с бабушкой надлежащие приглашения, надо бы только заранее решить вопрос с твоим нарядом.

Я знаю, ты еще учишься в школе, но подумала, что, возможно, на пасхальной неделе ты смогла бы прилететь на примерку и заодно познакомиться с милым Алессандро. Я уверена, он тебе понравится. Мы собираемся жить в его флорентийском палаццо – представь гораздо более теплую и древнюю версию Адмирал-хауса (некоторые фрески датируются тринадцатым веком) с кипарисами вместо каштанов. Это настоящий рай, и твоя маман будет счастливейшей женщиной на земном шаре.

Поузи, я знаю, как сильно ты любила папу – так же, как и я, – но, оплакивая его потерю, я провела жутко несчастное и одинокое десятилетие. Поэтому надеюсь, что ты сумеешь найти частичку тепла в своем сердце и порадоваться за меня. Мы все должны жить дальше, и, хотя мне никогда не забыть твоего дорогого папы, я думаю, что заслужила немного счастья, пока совсем не состарилась.

Пожалуйста, сообщи мне, когда у вас будут пасхальные каникулы, тогда я закажу тебе билет на аэроплан, а полет на нем, уверяю тебя, уже само по себе рискованное приключение.

Не могу дождаться, когда увижу тебя лично и услышу все твои новости. Бабушка говорила мне, что ты стала лучшей ученицей в школе.

Миллион поцелуев, chérie,

маман».

За считанные секунды я катапультировалась из дома и бросилась бежать к вересковой пустоши, где в укромном безлюдном месте принялась вопить, как безумная. Из глаз брызнули слезы, и в ужасе от только что прочитанного письма я завывала, как таинственное чудовище^[26] из болота Бодмин-Мур.

– Как она посмела?! Как она посмела?! – вновь и вновь орала я, взывая к диким травам и серым небесам. Эти три слова вмещали все те обиды, что нанесла мне мать; во-первых, предлагать мне – любимой папиной дочке – «порадоваться» тому, что она нашла некую новую и чудесную любовь. Во-вторых, после стольких лет, в течение которых она не удосужилась ни разу навестить свою дочь, хотя я – особенно поначалу – безумно страдала и горевала, просто чудовищно эгоистично с ее стороны даже предположить, что она сможет запросто заказать мне билет на самолет ради полета на примерку наряда в середине триместра, когда мне надо будет усиленно готовиться к выпускным школьным экзаменам и вступительному экзамену в Кембридж. И сама эта июньская свадьба... неужели маман даже не дала себе труда подумать, что в это самое время я буду сдавать экзамены?!

И... вдобавок ко всему, в июне мне исполнится восемнадцать лет. Я случайно подслушала, как бабушка с Дейзи шептались на кухне, обсуждая возможные сюрпризы этого празднования, и тогда у меня вдруг мелькнула мысль, что маман, возможно – только возможно, – вернется по такому случаю в Англию, однако, очевидно, полностью поглощенная заботами по организации собственного празднования, она даже не вспомнила о восемнадцатом дне рождения своей дочери.

– Разумеется, не вспомнила, Поузи! Черт побери, да за все десять лет она лишь несколько раз говорила с тобой по телефону, – громогласно воскликнула я, бродя взад-вперед по засохшим травам. –

Какая же она мать после этого? – крикнула я серым, несущимся по небу облакам.

Внезапно я рухнула на землю, от душевных переживаний этого момента мои ноги попросту подкосились, а сама я, Поузи, уже давно не перепуганная малышка, а практически женщина – наконец смирилась с правдой. Долгие годы, даже если такие мысли мелькали в моем сознании, я гнала их из головы, боясь признать то, что они означали: моя мать не любила меня. Или, по крайней мере, себя она любила больше, чем меня.

– Какая же она отвратительная мать, – сообщила я холмам, мучительно переживая в сердце эти жуткие слова. Неожиданно я осознала, что даже в давние годы жизни в Адмирал-хаусе, в основном, она предоставляла меня заботам Дейзи. Пусть даже в богатых семействах принято иметь слуг, присматривающих за детьми, я попыталась припомнить хоть один раз, когда маман сама забирала меня из школы, или поцеловала меня перед сном, зайдя в мою спальню, или почитала мне сказку. И сколько бы я ни рылась в туманной дали памяти, мне не удалось вспомнить ни одного подобного случая.

– Однако она никогда не поступала с тобой жестоко, Поузи, – осторожно возразила я сама себе, опасаясь, как бы не скатиться в потворство собственным капризам. – Не била и не шлепала. И ты всегда была накормлена и одета, – добавила я для полной справедливости.

А пока с нами жил папа, он делился со мной всей своей радостью и любовью, мне давали все необходимое; подобно цветам на моих подоконниках дома и в школе, получавшим разумное количество солнечного света, полива и разностороннего *питания*, я расцвела во всей красе.

Потом я подумала о бабушке, о том, как замечательно ей удалось заменить мне мать, и мгновенно осознала, как же мне повезло. Идеальной жизни не бывает, и даже если бы при мне жила уклоняющаяся от забот мать (а она, наверное, уклонялась от них с самого начала), мне следовало благословлять судьбу. Не всякая женщина рождается с материнским инстинктом, благодаря которому так легко окружать детей заботой и дарить им любовь; я подумала о

диких животных, покидавших своих детенышей через несколько часов после рождения. Маман ведь не уподобилась им.

– Поузи, ты должна принять ее такой, какая она есть, – твердо сказала я себе. – Ведь она не в силах измениться, и ты будешь только зря мучиться, надеясь, что она изменится.

Возвращаясь домой, я хорошенько отругала себя, зная из прочитанного мной труда по психологии, что важное значение имеет не только то, что происходит с тобой, но и то, как ты к происходящему относишься.

– Отныне ты должна воспринимать маман как тетушку или крестную, – приказала я себе, до глубины души осознав эту данность. – И тогда ты перестанешь страдать.

Однако оставалась еще проблема итальянской свадьбы.

– Бабуля, разве я смогу поехать? – спросила я за завтраком, вполне успокоившись за ночь.

– Я уверена, если ты напишешь ей и объяснишь, что именно в это время будешь сдавать выпускные экзамены, то она поймет, почему ты не сможешь приехать. И мне придется сообщить ей, что я тоже не смогу приехать.

– Ты тоже будешь занята?

– Я... разумеется, – чуть помедлив, ответила бабушка. – Ведь в июне в деревне всегда полно дел, да еще организация праздника.

Тогда я поняла, что бабушка просто тоже не хочет ехать – праздник будет лишь в конце месяца, и едва ли понадобится больше пары дней на то, чтобы украсить сад и установить палатку с пирожными. Поэтому мне стало немного легче, и я подумала, что если бы у меня не было уважительной причины, то я все равно уклонилась бы от поездки. Мне определенно не хотелось знакомиться с новым мужем маман и поднимать бокал за их «любовь». Да и с чего бы? И что еще важнее, как *она* могла подумать, что мне это захочется? Возможно, все было бы иначе, если бы мы с ней продолжали жить рядом, проводили бы вместе время все эти десять лет, и я лично видела бы, как она горевала о папе, но такое известие как гром среди ясного неба лишь разожгло во мне злость и неприятие.

Мне понадобились десятки черновиков, пока я сочиняла ей ответное письмо. Я попросила бабушку прочитать его, прежде чем запечатать в конверт и отправить.

– Очень хорошо, Поузи. Лучше всего в таких случаях прямо и спокойно изложить факты, а именно это ты и сделала.

Поэтому, вложив письмо в конверт авиапочты, я заклеила его и передала Лауре, управляющей нашей деревенской почтовой конторой. После чего упаковала чемодан и уехала обратно в школу на самые важные шесть месяцев моей жизни.

Адмирал-хаус

Октябрь 2006 года

Вербена (Verbena officinalis)

Глава 9

Занимаясь обрезкой розовых кустов, Поузи заметила, как бабочка адмирал, порхая над лиловыми соцветиями вербены, питается последним нектаром в предчувствии надвигающейся зимы. Раскрыв крылышки, она щеголяла их узорчатой окраской в красно-черно-белых тонах, а Поузи зачарованно смотрела на нее, вспоминая один такой же, но очень давний момент... Услышав звонки мобильного в кармане брюк, она вздрогнула и едва успела снять садовую перчатку, чтобы ответить.

– Алло?

– Мама, это Ник.

– Ник! Милый мой, как твои дела?

– У меня все нормально, мам, а как ты?

– Ах, спасибо, Ник, я чувствую себя отлично.

– Послушай, какие у тебя планы на вторник? Мне подумалось, что я успею доехать до тебя, и мы где-нибудь отобедаем.

– Но... – Поузи не сразу осознала, что это означает. – Ник, ты хочешь сказать, что уже прилетел в Англию?

– Да, в Лондон, уж если быть точным. У меня тут образовались кое-какие дела, и мне хотелось решить их до встречи с тобой. Сегодня я их закончил.

Чувства Поузи разрывались между полнейшим счастьем оттого, что Ник вернулся на Британскую terra firma^[27], и материнской ревностью оттого, что он до сих пор не давал о себе знать.

– Разумеется, я свободна и буду бесконечно рада видеть тебя.

– Чудесно. Я приеду к полудню, и мы отправимся в ресторан по твоему выбору. Мне нужно многое рассказать тебе.

«И мне нужно многое рассказать тебе», – подумала Поузи и сказала:

– Великолепная идея, дорогой.

– Договорились, мам, все новости при встрече. Пока.

Поузи выпрямилась и, глядя на тусклое октябрьское солнце, с радостью думала о том, что Ник вернулся на родину после стольких лет...

Именно в этот момент она услышала шум автомобиля, ползущего к дому по подъездной аллее.

– Черт возьми! Кто бы это мог быть? – проворчала Поузи, горя желанием обрезать розы до зимних заморозков. Бабочка адмирал тут же упорхнула, вероятно, испуганная всеми этими звуками.

Поузи подумала, что к ней, наверное, едет тот милый парень с приходским журналом, что доставлялся ей раз в месяц. Обычно она приглашала парня на чашку чая, но сегодня предпочла бы не видеться с ним, позволив ему просто опустить журнал в почтовый ящик.

– Поузи?

Она вздрогнула. Голос раздался совсем близко, и Поузи, оглянувшись, увидела, что к ней приближается Фредди.

– Привет, – сказала она, затенив глаза от солнца и невольно пожалев, что поленилась подкрасить губы.

– Прости, что влетел к тебе так бесцеремонно. Я долго барабанил в дверь... кстати, дверной звонок не работает... но увидел твою машину возле дома и заподозрил, что ты где-то в саду.

– Да... прекрасно, что сообразил, и верно, мне давно пора починить этот чертов звонок, – признала она.

– У вас красивый особняк, Поузи. Полагаю, его безукоризненная симметрия восходит ко временам королевы Анны.

– Да, к ним самым.

Поузи молчала, ожидая, что Фредди сообщит, зачем явился сюда. Сама она определенно не собиралась спрашивать.

– Гм... Поузи, не хочешь ли ты выпить чая?

– Нет, но, пожалуй, выпила бы стакан воды. – Она помедлила, заметив, как Фредди обозревает раскинувшиеся вокруг него кусты и клумбы.

– Бог ты мой, Поузи! Какая здесь потрясающая красота! Неужели ты действительно сотворила все это своими руками?

– Да, все сама, не считая прокладывания дорожек и того, что летом садовник подстригает газоны, обрезает живые изгороди и удаляет сорняки. Но заметь, на создание такой красоты ушло около двадцати пяти лет. Я занялась садом, когда мальчики начали уезжать в школу-интернат.

– А ты когда-нибудь открываешь его для народа?

– Раньше открывала на время ежегодного сельского праздника. Приятно, конечно, что парочка фотографов сделали здесь снимки для своих дизайнерских журналов, но, честно говоря, как раз нынче утром я подумала, что последнее время мне уже стало не хватать сил для должного ухода за садом. Я создала чудовище, которое нужно постоянно кормить и поливать.

– И все же, чего бы ни требовало твое чудовище, оно великолепно, – сказал он, когда они уже шли по дорожке к дому мимо буков, еще ослепительных в своей яркой осенней палитре.

Глянув налево, Фредди вдруг остановился.

– А что это там за сооружение? – спросил он, махнув рукой в сторону Башни.

– Башня, своеобразный садовый павильон. Мой отец когда-то устроил там свой кабинет. Он коллекционировал бабочек, и я в детстве помогала ему ловить их... думала, что он просто изучает их, а потом выпускает. Однажды мне удалось тайком зайти туда, и я ужаснулась, обнаружив, что все они, совсем мертвые, висят там на стенах, а их тельца проткнуты красивыми булавами. С тех пор я туда и близко не подходила, – вздрогнув, заключила Поузи.

Фредди помолчал немного, разглядывая Башню, потом перевел взгляд на Поузи.

– Понятно. Что ж, я не стал бы осуждать тебя, – заметил он, тяжело вздохнув.

– Ладно. – Поузи почувствовала, как призраки прошлого омрачили атмосферу в саду, и осознала, что это по ее вине. – Пойдем-ка лучше в дом, и я угощу тебя хорошим чаем.

Она суетилась на кухне, а Фредди молча сидел за старинным дубовым столом. Поузи не сомневалась, что ярый приверженец гигиены и охраны здоровья потребовал бы уничтожить этот стол, учитывая множество бактерий, скопившихся за вековую жизнь в его деревянной резьбе, но ее согревали счастливые воспоминания о проходивших за ним семейных обедах и ужинах.

– У тебя все в порядке, Фредди? – спросила Поузи, поставив перед ним чашку чая. – Ты выглядишь жутко подавленным.

– Извини, Поузи, вероятно, встреча с тобой оживила в памяти особое событие моей давней жизни. И заставила меня осознать свой преклонный возраст, – пожав плечами, добавил он.

– Печально, что мое присутствие расстроило тебя, – сказала она, устроившись напротив него со стаканом воды. – Хочешь кусочек торта?

– Нет, спасибо. Я пытаюсь следить за талией. Но, в самом деле, Поузи, меня ужасно взволновала наша встреча после стольких лет разлуки.

– Ты не ожидал ее, – резко сказала Поузи, решив просто быть честной. – Не хочешь объяснить мне, что случилось? Мы так мило обедали, и вдруг ты вскакиваешь и уходишь.

– Я... послушай, Поузи, правда в том... – Фредди тяжело вздохнул. – В том далеком прошлом имелась причина, и она не исчезла по сей день, из-за которой я не мог продолжать... наши отношения, как бы мне того ни хотелось. И эта причина не имеет ни малейшей связи лично с тобой. Все дело... во мне. Проще говоря, у меня есть... проблемы.

В голове Поузи пронеслось множество мыслей: «Может, он тайный гомосексуалист? Или у него какое-то психическое биполярное расстройство? Или в его прошлом все-таки скрывалась другая женщина?..»

– Почему бы тебе не рассказать мне, в чем, собственно, проблемы? Тогда, возможно, я сама решу, важны они или нет.

– К сожалению, Поузи, я не могу этого сделать, – мрачно ответил Фредди. – И сейчас я уже чувствую себя страшно виноватым из-за того, что просто пришел сюда. Я поклялся себе, что не приду, но... неожиданная встреча с тобой разожгла чувства, хранимые в душе все эти годы, и... в общем, я не смог удержаться.

– Фредди, ты говоришь загадками. – Поузи вздохнула. – Мне очень хотелось бы, чтобы ты просто объяснил мне, в чем дело.

– Сможешь ли ты смириться с тем, что я не могу, во всяком случае пока не могу ничего объяснить? Поскольку если сможешь, то у нас, по меньшей мере, не будет причины отказываться от дружеского общения.

Поузи поняла, что у нее нет иного выбора, кроме как согласиться. Если бы она сказала, что не сможет, это прозвучало бы невежливо или намекнуло бы на то, что ей нужно больше, чем, по его словам, он мог ей дать.

– Ладно, я согласна. – Она пожала плечами.

Наконец лицо Фредди озарилось улыбкой.

– Тогда я счастлив. Могу я пригласить тебя завтра на ужин, если пообещаю, что не сбегу к концу вечера, как стыдливый девственник, заподозривший, что его собираются лишить невинности?

Поузи тихо рассмеялась, снизив накопившееся напряжение.

– Да. Спасибо, отличная идея.

Ко времени ухода Фредди за окнами уже сильно стемнело, чтобы возвращаться в сад. Она намазала гренки хумусом и прошла в малую столовую, много лет служившую ей гостиной лишь потому, что большую гостиную было значительно труднее прогреть. Поузи опустилась на колени, разожгла в камине первый осенний огонь и, устроившись в своем любимом кресле, смотрела, как весело заиграли языки пламени за каминной решеткой.

– Почему жизнь так сложна? – вздохнув, спросила она себя.

Казалось нелепым, учитывая, что им обоим около семидесяти, что какие-то «проблемы» все еще могли помешать близким отношениям между ними. «И все же, – подумала она, – приглашение на завтрашний ужин порадовало меня, пусть даже Фредди ясно дал понять, что на десерт в меню не предусмотрены полночные поцелуи».

– Вероятно, он просто не слишком сильно хотел меня, а может, и вовсе не хотел, – задумчиво произнесла она, глядя на огонь. – И вполне возможно, что именно в этом изначально заключалась проблема. Да, могу поспорить, что так оно и есть, но он не в силах честно признаться мне в этом.

Та легкая самоуверенность, что удалось обрести Поузи благодаря недавним знакам внимания Фредди, новой стрижке и джинсам, развеялась как дым.

– Прекрати эти глупости, Поузи! – решительно сказала она себе. И предпочла сосредоточиться на том факте, что ее дорогой Ник после десятилетней разлуки прибудет домой через пару дней.

Глава 10

Эми слушала, как жутко воет ветер за тонкими стенами их жалкого дома. Глухой ночью она слышала, как всего в четверти мили от него волны с грохотом обрушиваются на берег. Все остальные жители Ферри-роуд давно переехали в более теплые, зимние жилища.

В соседней комнате кашляла во сне Сара. Эми беспокойно ворочалась, сознавая, что завтра утром должна отвести дочку к врачу. Ее кашель не проходит уже слишком долго.

Рядом с ней спокойно похрапывал Сэм, не ведая о тревожных мыслях, лишивших сна его жену. Последние дни он возвращался домой все позже и позже, ссылаясь на огромный объем работы, и она старалась подниматься в спальню и притворяться спящей до его прихода домой.

Не осталось ни малейших сомнений в том, что их семейная жизнь переживает кризис. И не только в связи с текущим сложным материальным положением. Они бывали в таком положении и раньше, неоднократно сидели только на ее зарплате, когда проваливалась одна из многочисленных сомнительных сделок Сэма. Возможно, раньше их положение бывало не столь драматично, но тем не менее совместная жизнь никогда не была легкой.

Все было чертовски, убийственно ужасно. Почти невыносимо было думать о том, что им придется провести долгую зиму в этом жутком коттедже. Когда-то Эми считала, что, пока они вместе, не имеет особого значения, где они живут и много ли денег зарабатывают, но на самом деле оказалось, что имеет, поскольку жить в нищенском положении становилось все труднее. Она старалась смело смотреть вперед, старалась оградить себя от приступов ярости пьяного мужа и вдобавок совсем обессилела, стараясь нормально работать и быть хорошей матерью своим двум детям.

Хотя Сэм лежал всего в нескольких дюймах от нее, психологическая трещина между ними стала огромной. И с того вечера, когда Эми встретила на берегу моря Себастиана Жиро, она начала задумываться, возникла ли эта трещина из-за последних жутких трудностей, или – что более тревожно – не вызвано ли ее депрессивное уныние тем, что она просто больше не любит Сэма. На

самом деле в пьяном виде он стал ей совершенно отвратителен, но что же она могла сделать?

Утром Эми встала как обычно, оставив спящего Сэма в кровати. Она отвезла Джейка в школу, а потом устроилась в одном из кресел в приемной врача, посадив больную Сару на колени.

– У Сары высокая температура, сильный насморк и кашель. Пара дней в теплой постели, вероятно, облегчат ее состояние. Если девочке не станет лучше, привозите ее снова, и мы подумаем о назначении антибиотиков, но давайте сначала посмотрим, не поможет ли малышке проверенный веками домашний уход, – предложил врач.

Эми расстроилась – эти предписания означали, что придется отпроситься с работы, и, следовательно, она потеряет двухдневную зарплату. По пути домой она позвонила в отель и сообщила, что не сможет выйти на работу, потом заскочила в соседний супермаркет за продуктами. Сара скулила и хныкала, сидя в переднем отсеке тележки, пока Эми, спеша скорее попасть домой, носилась по торговым проходам.

– Милая, обещаю, скоро мы будем дома. Давай купим тебе твоего любимого сока и...

Быстро свернув в очередной проход, Эми своей тележкой задела корзинку, которую держал какой-то покупатель.

– Простите, простите. – Душа Эми ушла в пятки, когда она увидела, с кем столкнулась.

На нее, удивленно приподняв бровь, взирал Себастиан Жиро.

– Право, нам пора прекратить такие случайные столкновения. Люди начнут судачить.

– Да-да, всего вам доброго. Мне очень жаль, извините. – Едва не задев его, Эми потянулась за бутылкой сока. Себастиан отвел ее руку в сторону, сам взял сок и поставил в ее тележку. Сара зарыдала в полный голос.

– Ох, бедняжка, похоже, она чем-то недовольна.

– Да. Она болеет. Мне нужно скорее отвезти ее домой.

– Понятно. Тогда пока.

– Пока.

Себастиан смотрел, как Эми быстро прошла по проходу и исчезла за углом. Даже в таком взъерошенном и очевидно встревоженном состоянии она выглядела поистине прекрасно. Он заинтересованно

подумал, кто же она такая и как сюда попала. В этом маленьком приморском городке, где полно остепенившейся элиты и пенсионеров, молодость и красота Эми притягивала взгляды, подобно путеводной звезде.

Себастиан уже собирался двинуться дальше, когда заметил на полу маленькую розовую перчатку. Видимо, ее уронила дочка Эми. Подняв вещицу, он бросился по проходу вдогонку. Добежав до кассы, он увидел, что Эми как раз садится в машину. К тому времени, когда он вышел из супермаркета, Эми уже уехала.

Себастиан посмотрел на крошечную перчатку. Не сравнить, конечно, с туфелькой Золушки, но тоже может помочь.

* * *

Через два дня Эми с настоящим облегчением вернулась на работу. Едва ли она получила хоть какую-то передышку, торча дома в компании с больной, хнычущей четырехлеткой, пока за окнами лил дождь. Единственным плюсом этого вынужденного отпуска было то, что у нее появилось время заняться домашними делами и стиркой, и, по крайней мере, теперь их жилье выглядело если и не уютным, то прибранным.

– Ну, как себя чувствует Сара? – спросила Венди, кастелянша отеля, когда Эми проходила мимо нее к стойке регистрации.

– Намного лучше. Зато мне теперь, похоже, пора принимать валиум, – закатив глаза, ответила Эми.

– Да уж, нет ничего хуже, чем больные малыши, – хмыкнув, согласилась Венди. – Хорошо еще, что она быстро пошла на поправку.

Сердце Эми ухнуло вниз, когда она увидела, как в вестибюль вошел Себастиан Жиро и напрямик направился к ее стойке.

– Да-да, это опять я. Уж извините, но я зашел, чтобы вернуть вашу вещицу... или, вернее, вещицу вашей дочки. – Он положил на стол перед Эми крошечную перчатку. – Она уронила ее в супермаркете.

– О... э-э... спасибо, – небрежно ответила Эми, не поднимая на него глаз.

Себастиан упорно нависал над стойкой, и Эми догадалась, что он еще не все сказал.

– Так в чем еще дело? – спросила она.

– Мне хотелось бы в обеденный перерыв пригласить вас выпить со мной.

– Зачем?

– А почему бы и нет? Допустим, мне просто хочется пообщаться с вами. – Он пожал плечами.

– Мистер Жиро, – смущенно порозовев, Эми понизила голос, не желая, чтобы ее слышали окружающие, – вы ведь даже не знаете моего имени.

– Нет, знаю. Миссис Эми Монтегю, – прочитал он вслух, глянув на бейдж, закрепленный на ее блузке. – Вот видите, уже знаю.

– Именно так... «миссис», – практически прошептала Эми. – Возможно, это ускользнуло от вашего внимания, но я замужняя женщина с двумя детьми. И мне просто неприлично разгуливать по барам с незнакомым мужчиной.

– Ваша правда, я здесь чужак, – признал Себастиан. – Но я еще не успел открыть вам мой скрытый мотив, а именно то, что мне удалось побеседовать с вашей подругой Мари и...

– Извините, мистер Жиро, я должна оформить счет нашего постояльца. – Эми перевела взгляд на мужчину, терпеливо стоявшего за Себастианом.

– Конечно. Тогда увидимся в час дня во внутреннем баре «Короны». – Он мило улыбнулся и покинул отель.

Закончив дела с постояльцем, Эми сразу же позвонила Мари.

– Ой, – хихикнула в трубку Мари, – каюсь, мой грех. Он вчера заходил к нам в офис, и я предложила ему кое-что. Он же до сих пор подыскивает жилье на зиму.

– И что же ты ему предложила? Чтобы он поселился с нами на Ферри-роуд?

– Ха-ха, не угадала. Разве тебе не хочется встретиться с ним и выяснить все самой?

– Мари, пожалуйста, мне не нравятся такие игры, лучше говори прямо, в чем дело.

– Ладно, ладно, не кипятись. Себастиан отчаялся найти местечко, где мог бы спокойно написать свой очередной роман. До сих пор ему предлагали то слишком большие, то слишком маленькие, то слишком старые, то слишком новые жилища – короче, то, что и даром не надо –

и вовсе ничего подходящего. В общем, вчера, когда он зашел к нам в контору, я как раз звонила твоей свекрови, миссис Монтегю, чтобы узнать, серьезно ли она подумывает о продаже Адмирал-хауса и не желает ли поручить мне разузнать, как его оценивают на рынке недвижимости. И тогда я вдруг подумала, что именно там он мог бы распрекрасно писать свою книгу.

– Так почему же ты не предложила ему прямо связаться с Поузи, не втягивая меня в эту авантюру? – сердито спросила Эми.

– Да потому что я с твоей свекровью едва знакома, и было бы неэтично сразу давать ее телефонный номер незнакомцу. Вот я и подумала, что будет лучше, если сначала Себастиан переговорит с тобой, и ты уже сможешь действовать, как посредник. Только и всего. Нет, правда, прости, Эми, если тебе кажется, что я зря тебя обременяю.

– Нет-нет, конечно, ты права, – поспешно возразила Эми, осознав, что Мари, очевидно, действовала из лучших побуждений, и, почувствовав себя виноватой за свои несправедливые подозрения, добавила: – Просто у меня сложилось впечатление, что я сталкиваюсь с ним на каждом шагу.

– Ладно, я сомневаюсь, что с тебя убудет, если ты слегка отдохнешь в баре «Короны», – разумно добавила Мари.

– Конечно, извини. Спасибо, Мари. – Эми повесила трубку и вдруг задумалась, в кого же она превратилась.

Она растеряла свою обычную жизнерадостность. Любое общение, особенно с детьми, вызывало в ней раздражение. После встречи с Себастианом она, пожалуй, пойдет в кулинарию и купит детям на ужин что-нибудь вкусненькое.

Войдя в бар, Эми увидела, что Себастиан уже сидит за угловым столиком, спрятавшись за экземпляром «Таймс». Нервно оглянувшись, она с облегчением увидела, что зал безлюден, не считая пары старушенций, увлеченно болтавших за кружками пива.

– Добрый день, мистер Жиро.

– Лучше Себастиан, если можно, – откликнулся Себастиан, выглядывая из-за газеты. – Чем я могу угостить вас?

– Ничем, я не могу задерживаться. Мне надо еще успеть за продуктами. – Эми так разволновалась, что у нее перехватило дыхание.

– Как угодно. – Себастиан пожал плечами. – Тогда, может, хоть присядете? Клянусь, мадам, что не изнасилую вас прямо здесь, и вообще у меня честные намерения. – Он улыбнулся, его зеленые глаза сверкнули удовольствием при виде ее замешательства.

– Не издевайтесь, – еле слышно произнесла Эми. – В этом маленьком городке полно болтунов. Я не хочу, чтобы моему мужу доложили о том, что меня видели выпивающей в вашей компании.

– Что ж, вы уже заявили, что не будете пить, так что половина проблемы решена, – разумно заметил Себастиан. – И едва ли, по моему, вы предпочли бы прийти на тайное свидание в самый популярный городской бар, однако все-таки... себе я возьму выпивку. Уж простите.

Эми, пропуская его, отступила в сторону. Он подошел к барной стойке, и Эми вдруг осознала, насколько глупым, должно быть, ему кажется ее поведение. Она последовала за ним.

– Извините, Себастиан. Пожалуйста, закажите мне апельсиновый сок с лимонадом.

– Сию минуту.

Эми вернулась к столику и присела.

– Вот держите, один апельсиновый сок с лимонадом.

– Спасибо. И извините, что я вела себя раньше с такой настороженностью.

– Все нормально. Я же понимаю, какова жизнь в маленьких городках. Когда-то я тоже жил в подобном местечке. Ваше здоровье. – Он сделал большой глоток пива. – Не сомневаюсь, что вы успели звякнуть вашей подруге Мари и...

– Я не назвала бы ее подругой, – перебила его Эми. – Мы едва знакомы.

– Ладно, вы позвонили Мари и выяснили, что она наговорила мне.

– Именно так, – кивнула Эми.

– И что вы думаете по этому поводу?

– Я понятия не имею, как Поузи отнесется к идее принять постояльца. – Эми пожала плечами. – Или как вы сами будете чувствовать себя в Адмирал-хаусе. Видите ли, это вовсе не роскошное жилье. Верхние этажи там вообще не отапливаются.

– Это меня не волнует. Я учился в привилегированной школе, поэтому привык к холодрыге, при которой можно отморозить яйца,

простите мое сравнение. Должен признаться, что я уже исчерпал поиски возможного жилья, а дом вашей свекрови показался мне как раз таким, как требуется. Когда я работаю, мне необходимо пространство для ходьбы.

– Да, в Адмирал-хаусе как раз есть где походить, это уж точно. Просторы живописные, как в доме, так и в саду, – подтвердила Эми. – Что ж, я могу лишь предложить такой вариант Поузи, и тогда мы узнаем, как она к этому отнесется. Надолго ли вы собираетесь здесь задержаться?

– Для начала, скажем, на пару месяцев. Трудно сказать, как быстро пойдет работа.

– Вы определенно будете хорошо питаться. Поузи удивительно вкусно готовит.

– Боже, я не надеялся еще и на кормежку, но тогда я попаду в абсолютный рай. Когда я пишу, мне никогда не удастся перекусить чем-то более существенным, чем тосты или залитая кипятком лапша.

– О, я уверена, что Поузи будет с удовольствием кормить вас. Я знаю, как она любит готовить семейные обеды и как ей не хватает таких хлопот.

– Так вы замужем за одним из ее сыновей?

– Да. За Сэмом, старшим сыном.

– И насколько я понял, сейчас она живет в том доме одна?

– Верно, но вряд ли будет жить там еще долго. По-моему, она наконец решила продать его. Мари говорила что-то о возможной оценке имения в конце этой недели.

– Тогда лучше поскорее поселиться там. Вы сможете позвонить вашей свекрови от моего имени? Замолвить словечко? Сказать ей, что я чисто плотен, благовоспитан и платежеспособен, хотя и, признаться, немного эксцентричен в плане выбора рабочего времени.

– Постараюсь представить вас в лучшем свете, – кивнув, ответила Эми.

– А где же вы сами обитаете? Полагаю, в каком-то не менее приятном особняке?

– Едва ли, – хмыкнув, ответила она. – Былого богатства Монтегю больше не существует. От славных дней рода Андерсонов остался только Адмирал-хаус. Сэму приходится самому зарабатывать на жизнь.

– Ясно. И чем же занимается ваш муж?

Обычно, когда люди спрашивали о занятиях Сэма, слово «предприниматель» легко слетало с ее языка. Однако сегодня Эми не смогла произнести его.

– Да так, разными делами. – Она пожала плечами. – Сейчас он связался с какой-то компанией по недвижимости, и она, учитывая прежний предпринимательский список Сэма, вероятно, лопнет в течение ближайшего полугода.

– Понятно.

– О боже, видимо, это прозвучало ужасно? – Эми смущенно приложила ладонь ко рту. – Мне следовало бы сказать, какой Сэм милый человек и как я до смерти люблю его, однако он действительно никогда не имел большого успеха в деловых проектах.

– Должно быть, вам очень трудно жилось, – предположил Себастиан. – Особенно с детьми. Сколько их?

– Двое. Да, вы правы, легкой нашу жизнь не назовешь, но кому сейчас легко живется?

– Наверное, никому. – Себастиан глянул на часы. – К сожалению, мне пора уходить. В половину второго у меня назначена встреча. Большое спасибо, что вы пришли, и если вам удастся поговорить с вашей свекровью в ближайшие пару дней, то я буду чертовски признателен. Она всегда может связаться со мной в «Суоне», если у нее будет желание. – Себастиан встал. – До свидания, Эми. – Кивнув ей, он вышел из бара.

Эми, продолжая потягивать свой безалкогольный коктейль «Сент-Клемент», внезапно почувствовала себя совсем скверно. То, что Себастиан назначил другую встречу всего через полчаса после встречи с ней, заставило Эми почувствовать себя еще глупее. Очевидно, он вовсе не имел непристойных помыслов.

Да и с какой стати? Допив свой коктейль, Эми тоже поднялась из-за столика. В конце концов, она вряд ли относилась к того рода женщинам, которые нравились... или вызывали интерес Себастиана в его богемном литературном мире.

А она ни с того ни с сего ведет себя как озабоченная юная девственница, опасаящаяся за свою невинность. Эми бросило в дрожь. После своего сегодняшнего поведения, она ничуть не сомневалась, что видела Себастиана Жиро последний раз. И удивилась, осознав, что эта мысль огорчила ее.

Со своей выгодной позиции в укромном уголке гостиничного зала Себастиан проследил, когда Эми вышла из бара. Зайдя в только что покинутый ею зал, он заказал очередную пинту пива и, устроившись за тем же столиком, продолжил просматривать газету.

Глава 11

Увидев в окно, как машина заехала на подъездную аллею и направилась в сторону дома, Поузи смогла уговорить себя не бежать ей навстречу сломя голову. Она подошла к входной двери, открыла ее и стояла на крыльце в мучительном предчувствии, пока машина не остановилась перед ней.

И вот наконец ее высокий красавец сын, выбравшись из машины, встретил мать на идущей от крыльца гравиевой дорожке.

– Добрый день, мам. – Он крепко обнял ее.

– Ник, мой дорогой, мой любимый мальчик. Как же я рада видеть тебя!

– И я рад, мам, очень.

Они постояли, обнявшись, оба пытаясь совладать со своими чувствами, прежде чем начать говорить. Выпустив Поузи из объятий, Ник внимательно глянул на нее.

– Мам, ты выглядишь потрясающе! Во всяком случае, моложе, чем десять лет назад, когда я сбежал в Австралию.

– Ох, да ладно тебе, Ник, разумеется, я постарела, но спасибо за комплимент.

Он приобнял мать за плечи, и они направились к дому. Ник помедлил немного перед входом, глянув вверх.

– Память не подвела меня. Именно таким я и помнил его все эти годы.

– Рада за тебя, – сказала Поузи, когда они вступили в холл. – Однако, к сожалению, внутри ты скорее заметишь порочные следы десятилетней жизни.

Когда они вошли на кухню со знакомыми уютными запахами, Ника охватили воспоминания детства. Он всегда воспринимал кухню как надежное убежище и увидел, что ничего не изменилось. На стенах по-прежнему висели темные железные кастрюли, а на буфете в эклектичной мешанине толпились редкие и ценные фарфоровые изделия, огромные часы над плитой тикали так же, как в те времена, когда он еще только учился ходить.

– М-м-м, а чем это так вкусно пахнет? – спросил Ник. – Неужели той самой...

– Именно, твоей любимой печенкой и беконом, – продолжила за сына Поузи.

– Но, мам, я же хотел сводить тебя в ресторан, угостить...

– Ты сказал, что выбор за мной, а мне захотелось угостить тебя домашней едой. Ведь в ресторан мы сможем сходить в любое другое время. Ах, Ник, милый, я просто не могу передать, как рада видеть тебя. Ты, кстати, тоже ничуть не изменился. Кофе, чай или, может, выпьешь пива?

– Пива, пожалуйста, но нет, мам, я изменился. Мне уже тридцать четыре, и у меня начали появляться седые волосы и морщинки вокруг глаз. – Он вздохнул. – Ладно, как ты-то поживаешь? – спросил он, сделав большой глоток пива из поставленной перед ним бутылки.

– Да суставы начали поскрипывать, особенно по утрам, но в целом я еще крепка и бодр. – Поузи налила себе бокал вина и, подняв его, провозгласила: – За тебя, мой дорогой мальчик, и за твое благополучное возвращение домой после столь долгого отсутствия.

– Ах, не могу передать, как же хорошо вернуться в дом, не похожий на нынешние новостройки или легковесные южные бунгало.

– Мне хочется услышать обо всем, что происходило с тобой в Перте. Должно быть, тебе понравилось там, раз ты задержался так надолго.

– Да, что-то понравилось, что-то нет, – признался Ник. – Жизнь там разительно отличается от нашей, и особенно от жизни Саутволда, и его-то мне как раз и не хватало.

– Вот только сбежал ты именно отсюда.

– Разумеется, сбежал, но теперь вернулся.

– Надолго ли? – набравшись смелости, тихо спросила Поузи.

– Вопрос на миллион долларов. – Ник усмехнулся. – А не готово ли уже твое угощение с печенкой и беконом? Я проголодался.

От волнения у Поузи пропал аппетит, поэтому она гоняла кусочки мяса по тарелке, слушая, как Ник рассказывал о Перте, уже ознакомив ее со своим новым планом открытия магазина в Лондоне. Зато она успела выпить несколько бокалов вина, набираясь храбрости, чтобы сообщить Нику о грядущей перспективе продажи Адмирал-хауса.

– То есть раз ты изучал варианты аренды магазина в Лондоне, то, возможно, подумываешь остаться там навсегда? – спросила Поузи.

– В общем, я не связался с тобой сразу по прибытии в Англию именно потому, что хотел сначала изучить в этом плане положение дел в нашей столице. Теперь, найдя подходящее помещение, я решил попробовать открыться там.

– Дорогой мой Ник! – Лицо Поузи просияло, она радостно всплеснула руками. – Я несказанно рада такой новости.

– Но, вероятно, ты будешь видеть меня не намного чаще, чем последние десять лет, – усмехнувшись, заметил Ник, – ведь я буду чертовски занят.

Поузи встала, собираясь убрать тарелки, но Ник мягко усадил ее обратно в кресло.

– Отдыхай, мам, я сам уберу.

– Спасибо, милый. И, если не трудно, достань рисовый пудинг из духовки. Так что же подвигло тебя на принятие столь важного решения? – спросила Поузи, когда Ник выложил рисовый пудинг на блюдца и принес на стол.

– В общем, самые разные обстоятельства, – задумчиво ответил Ник, опять усевшись за стол напротив матери. – Вероятно, самое главное в осознании того, что при желании можно убежать хоть на край света, да только от себя самого все равно не убежишь.

Поузи кивнула, ожидая продолжения.

– И, честно говоря, именно поэтому я отчаянно скучал по Англии. – Ник показал на свой рисовый пудинг. – И, полагаю, тосковал я не только по домашней еде.

– Но ты не пожалел, что уехал?

– Ничуть, – ответил Ник, собирая ложкой крошки с блюдца. – Да, я чертовски рисковал, но несомненное преимущество этого предприятия в том, что оно позволило мне заработать кучу денег.

– Тебе всегда удавались деловые проекты, – признала Поузи. – Все, к чему ты прикасаешься, превращается в золото. Полная противоположность бедному старине Сэму.

– У него все те же проблемы? – помрачнев, спросил он.

– Увы.

– Но, мам, разве он не сам вечно создает их себе? Я имею в виду, что он увлекается одной безрассудной затеей за другой. А как его милая женушка, все еще терпит?

– О да, Эми по-прежнему с ним, и, кстати, ты еще не знаком с их двумя детьми, Джейком и Сарой. Они очаровательны.

– Тогда они явно пошли не в отца, – резко проворчал Ник.

– О боже, Ник, почему ты с такой неприязнью говоришь о Сэме, – вздохнув, печально заметила Поузи. – Пусть он убыточен в бизнесе, но ты же понимаешь, что в остальном он вполне славный человек.

– Я понимаю, мам, что он твой сын и мой брат, но, боюсь, не смогу согласиться с таким мнением.

– Что ты хочешь сказать?

Сын сидел напротив нее в стоическом молчании.

– Ник, пожалуйста, объясни мне, я хочу попытаться понять, – попросила Поузи. – Нет ничего более огорчительного для матери, чем видеть вражду между своими детьми.

– Послушай, мам, это неважно. – Ник покачал головой. – Давай лучше поговорим на более приятные темы, и одна из них, поверишь или нет... в общем, я познакомился с одним человеком. Замечательным человеком.

– Ник! Да ты темная лошадка! Где же она? Кто она? Подозреваю, что из Австралии?

– Ну... нет, как ни странно. На самом деле я познакомился с ней в день приезда в Англию. Она – подруга моих старых друзей, Пола и Джейн Лайонз-Харви. Ее зовут Тэмми, она обалденно красива и занимается продажей винтажной одежды.

– Господи, Ник, так быстро!

– Понимаю. Думаешь, что это несерьезно?

Поузи вспомнила тот момент, когда она впервые положила глаз на Фредди, и покачала головой.

– Ну что ты! Если проснулись чувства, то все в порядке, по крайней мере, судя по моему опыту.

– В общем, мам, у меня они еще никогда не просыпались так быстро, и мне страшновато. Я правда по-настоящему влюблен в нее.

– Отлично. Когда же ты меня с ней познакомишь?

– Мне хотелось бы привезти ее сюда на следующей неделе, если, конечно, она сумеет выкроить время. Она сейчас занята налаживанием своего бизнеса, так же, как и я.

– Понятно, Ник. Даже лучше, если вам удастся выбраться на выходные. Я могу пригласить Сэма и Эми... как бы ты ни относился к

брату, тебе стоит познакомиться с племянником и племянницей.

– Разумеется, мам. Мы же взрослые люди, в конце концов. И я с удовольствием вновь увидаю Эми и, естественно, познакомлюсь с детьми. Так как насчет следующих выходных?

– Отлично! – Поузи хлопнула в ладоши. – Предупреди свою подругу, чтобы захватила теплую пижаму, ладно? Дни становятся короче.

– Обязательно, мам, – сказал он, заметив озорную усмешку на ее лице. – А теперь, перед отъездом, я хотел бы посмотреть на то, что ты еще придумала в саду.

* * *

После прогулки по саду Поузи занялась на кухне подготовкой чая, а Ник прошел по холлу в малую столовую. Остановившись на пороге, он пригляделся к массивной люстре и заметил, как скудный дневной свет подчеркнул очертания огромных трещин, протянувшихся по всему потолку, отслаивающуюся краску на стенах и покособившиеся карнизы. Зайдя внутрь, он протянул руку к старому черному переключателю и, включив свет, направился к камину, собираясь разжечь его. В комнате было довольно холодно и сильно пахло сыростью. Роскошные шелковые занавеси, за которыми он прятался в детстве, выглядели старыми и обтрепанными.

Ник почувствовал комок в горле при виде нынешнего состояния этой когда-то роскошной комнаты, неумолимым временем лишенной, подобно королеве немого кино, своего бывшего очарования.

Ник возился у камина, разжигая дрова, когда его мать вошла в столовую с чайным подносом и своим знаменитым бисквитным тортом «Королева Виктория».

– Как приятно, – сказал Ник, присев перед разгоревшимся пламенем, – впервые за десять лет разжечь камин. Боже, да, теперь я полностью счастлив.

– Ты еще не решил, где будешь жить? – спросила сына Поузи.

– Нет пока, Пол и Джейн заверили меня, что я могу оставаться у них, сколько пожелаю. Сначала надо разобраться с делами, а потом уж переходить к поиску нового жилья.

– Кстати, когда ты приедешь на следующие выходные, я попросила бы тебя оглядеться в этом доме. Большая часть мебели, вероятно, ничего не стоит, однако кое-что, возможно, представляет ценность.

– Мам, может, тебе не хватает наличных? Ты же помнишь, я не раз говорил, если тебе понадобятся деньги, то только скажи мне.

– Нет, Ник, мне всего хватает. Дело в том... собственно, что я давно подумываю о продаже Адмирал-хауса. Мне ведь на будущий год исполнится семьдесят.

Он пристально посмотрел на нее и опять перевел взгляд на огонь.

– Понятно, – наконец произнес Ник.

– Ник, прошу, скажи мне честно, как ты к этому относишься?

– По правде, мам, трудно сказать: наверное, меня обуревают смешанные чувства. Грусть, очевидно... ведь здесь я родился и вырос, так же как и ты, кстати... однако, я понимаю, почему ты подумываешь о продаже.

– Да, возможно, это похоже на заботу о старом и немощном питомце, – печально заметила Поузи. – Ты любишь его и останешься с разбитым сердцем, когда его не станет, но понимаешь, что ему так будет лучше. Те же чувства я испытываю к Адмирал-хаусу. Он нуждается в новом владельце, в том, кто сможет позаботиться о восстановлении его былой славы. Сейчас он медленно, но неуклонно разваливается, и я должна что-то сделать до того, как разрушения станут необратимыми.

– Я понимаю тебя, мам.

Ник поднял глаза и увидел на потолке большое влажное пятно, памятное ему с детства. Ему тогда казалось, что оно похоже на гиппопотама. Сейчас оно слилось с массой других пятен, образовав в результате подобие странной потолочной фрески.

– Одна местная дама из агентства недвижимости зайдет оценить его на следующей неделе, – сообщила ему Поузи. – Но, разумеется, я собиралась спросить тебя, не захочешь ли ты взять на себя эти заботы.

– Во-первых, Сэм никогда не простит мне, если я возьму дом. Он же все-таки старший сын и наследник. Кроме того, вряд ли я буду жить здесь; и вдобавок сейчас для налаживания бизнеса мне понадобится каждый пенни. Увы, мам, прости меня.

– Разумеется, Ник. Я должна была спросить, только и всего.

– Где же ты будешь жить, когда продашь его?

– Ну, об этом я пока практически не думала. В каком-нибудь небольшом доме, не требующем особых затрат на содержание. Но, естественно, хотя бы с маленьким садом. – Она улыбнулась. – Надеюсь только, что новые владельцы не уничтожат здешний.

– Уверен, они будут гордиться им. Как особой достопримечательностью. Нужно просто найти богатого пожилого горожанина с молодой красивой женой и огромным штатом персонала для ведения хозяйства и ухода за садом.

– Ну, не думаю, что таких найдется много, однако проживем – увидим.

– Как ты сама частенько повторяла мне: «Чему быть, того не миновать». Но сейчас мне, пожалуй, пора отправляться в обратный путь.

Ник и Поузи встали с кресел и вместе направились в холл.

– Прежде, чем ты уедешь, я должна передать тебе кое-что. – Поузи взяла письмо со столика возле входной двери и вручила его сыну. – Вчера его доставил курьер к нам в галерею, и очень удачно, что уже сегодня я могу передать его тебе.

Ник взглянул на свое имя, написанное черными чернилами до боли знакомым наклонным почерком. С трудом подавив охватившее его чувство, он постарался не выдать потрясения.

– Спасибо, мам, – помедлив, сказал он.

– Как приятно было повидать тебя, мой дорогой мальчик, – сказала она, поцеловав его. – И я в полнейшем восторге, что ты решил навсегда вернуться на родину.

– И я тоже, мама. – Ник улыбнулся. – Ладно, до скорого.

Ник вышел к машине и включил зажигание. Проехав по подъездной аллее, он остановился сразу за воротами. Письмо лежало на пассажирском сиденье, призывая открыть его. Дрожащими пальцами он взял конверт, открыл его и прочитал то, что она написала ему.

Потом он сидел, уставившись в пустоту, пытаясь решить, как поступить дальше. Он мог порвать письмо и отправиться прямо в Лондон, к Тэмми. Либо мог заехать в Саутволд, выслушать ее и тогда уж окончательно избавиться от призраков прошлого.

Свернув направо, Ник поехал в сторону Саутволда. В осенних сумерках городок выглядел как всегда прелестным. Проезжая по Хай-стрит, Ник заметил, что на месте его магазина теперь агентство недвижимости, но все остальное, казалось, осталось без изменений. Подчинившись внезапному порыву, Ник припарковал машину и пошел прогуляться по берегу моря.

Гуляя, он позволил воспоминаниям затопить его, сознавая, как важно не пытаться насильно похоронить их. Возможно, если он еще разок увидит ее – с вновь обретенной целью и Тэмми в его жизни, то сможет наконец навсегда покончить с прошлым.

Свесившись через перила, Ник смотрел, как волны мягко отступают и опять накатывают на берег, и вспоминал те безумные мучения, что испытывал, когда стоял здесь в последний раз. Да, он любил ее. Вероятно, в его жизни больше не будет такой страстной любви, и, оглядываясь назад, он молился, чтобы не было. Ему вдруг стало ясно, насколько опасной была сила той его любви... ошеломляющей, всеобъемлющей и разрушительной.

Ник вернулся к машине, включил зажигание и поехал к ее дому.

Глава 12

Тэмми размашисто подписала все бумаги и отдала ручку агенту.

– Ну теперь наконец наша сделка заключена.

– Что ж, полагаю, отныне это ваше хозяйство. – Агент помахал перед ней связкой ключей.

– Да. Спасибо. – Тэмми взяла ключи и аккуратно убрала их в карман своей сумочки. – Нужно что-нибудь еще?

– Нет, все в порядке. – Агент глянул на свои часы и пригладил прядь волос, зачесанную на обширную лысину. – Время близится к обеду. Не желаете ли присоединиться ко мне и выпить по бокалу шампанского за успешное будущее вашего нового предприятия?

– Э-э, спасибо за приглашение, но мне банально не терпится открыть свой новый магазин и начать разбирать вещи.

– Как пожелаете. Удачи вам, мисс Шоу.

– Спасибо, мистер Бреннан.

Решительно покинув офис, Тэмми взяла такси.

– Эллис-плейс, дом четыре, пожалуйста. Это за Слоун-сквер, недалеко от Слоун-стрит, – самодовольно добавила она, устроившись на заднем сиденье.

Когда они проезжали по Кингс-роуд, Тэмми смотрела в окно, едва смея поверить собственной удаче. Только на прошлой неделе она жаловалась Нику на то, что уже отчаялась найти подходящее помещение. Она уже осмотрела множество мест, но, казалось, в нужных ей районах Лондона не существует ничего доступного в ее ценовом диапазоне.

А потом вдруг ей позвонила Джейн с какой-то фотосессии и сообщила, что, по слухам, только что развалился один магазинчик одежды и ликвидаторы распродают со скидкой принадлежности, оборудование, и, конечно, помещение снова сдается в аренду. Джейн дала номер телефона агентства, и Тэмми сразу же позвонила туда.

Еще даже не войдя в помещение, Тэмми решила, что оно идеально. Разместившийся на боковой улочке, отходившей от Слоун-стрит, узкий фасад этого магазинчика соседствовал с ателье перспективного дизайнера обуви – о нем она читала недавно в «Вог» – и шляпным салоном с другой стороны. Войдя внутрь, Тэмми осознала,

что именно таким и воображала себе свой магазин: маленький, но со вкусом оформленный и достаточно просторный для размещения ее товаров. В глубине торговый зал дополнялся служебной комнатой и крошечной кухней, а сухой цокольный этаж, где могла работать швея, также можно было использовать как складское помещение. Еще одним важным стимулом послужило то, что этот магазинчик находился всего в пяти минутах езды от ее мьюз-хауса^[28].

Жутко волнуясь, Тэмми спросила агента о цене. Она определенно оказалась на верхнем пределе ее бюджета и была преступно велика, учитывая метраж сдаваемых помещений, однако у Тэмми не возникло ни тени сомнения в том, что это самое выгодное вложение денег.

Они тут же ударили по рукам, и вот всего через несколько дней Тэмми выбралась из такси, подошла к входной двери и слегка трясущимися руками повернула ключ в замочной скважине.

Пару минут она молча стояла в зале, еще не смея верить, что наконец обрела свой бутик, и только потом испустила торжествующий крик. Вытащив мобильный, она набрала номер Ника. Хотя сегодня он отправился навестить мать, и Тэмми ожидала, что услышит лишь автоответчик, но ей хотелось, чтобы Ник узнал об этом первым.

– Привет, дорогой, это я. Я лишь хотела сказать, что стою в собственном магазине! Он замечателен, и я абсолютно счастлива. Надо будет в ближайшую встречу выпить шампанского. Позвони, дай мне знать, когда вернешься. Скорее всего, я буду еще здесь, в магазинчике, поэтому, может, ты заедешь и забереешь меня? Пока, милый.

С нежной улыбкой взглянув на свой мобильный, она убрала его обратно в сумочку. Давно уже она не испытывала такого счастья. Ник умел рассмешить ее, и она скучала без него до такой степени, что уже начала подумывать, не влюбилась ли... Наслаждаясь моментом, она обхватила себя руками: великолепный любовник и мечта о собственном бутике стали реальностью. Ее буквально переполняло ощущение счастья.

– Ладно, Тэм, хватит витать в облаках, – вдруг опомнилась она. – Каждая секунда здесь стоит около пяти фунтов, поэтому, детка, принимайся за работу.

Следующие три часа она занималась перевозкой в магазин своей швейной машины и пластиковых контейнеров с драгоценными украшениями и бусинами. Потом она съездила на склад и забрала

коллекцию винтажной одежды. Тэмми потратила массу времени, развешивая платья то в одном, то в другом порядке и праздно перебирая в уме идеи оформления витрины, вместо того чтобы ломать голову над практическими вопросами обустройства, но разве не могла она позволить себе хоть несколько часов посвятить таким творческим капризам.

Из радиоприемника неслась ритмичная песня Робби Уильямса^[29], и Тэмми, надев поверх свитера и джинсов одно из своих переливающихся платьев, танцевала по залу, когда услышала стук в дверь.

– Привет, – продолжая пританцовывать, сказала Тэмми, впустив в магазин симпатичную молодую индианку.

– Привет. Я – Джойти Раджива из соседнего ателье. Просто решила зайти и познакомиться.

– А я – Тэмми Шоу, и мне очень нравятся ваши модели обуви. И, насколько я понимаю, они ведь уже начали привлекать внимание глянцевого журналов?

– Да, будем надеяться на удачу, – скрестив пальцы, сказала Джойти. – Здесь довольно престижные места, и важно, чтобы у соседей хорошо шла торговля, ведь у этой улицы уже есть своя репутация и можно выиграть от популярности друг друга.

– Безусловно, – согласилась Тэмми. – Что ж, надеюсь, я не подведу вас, как закрывшийся магазин.

– Судя по виду вашего платья, я уверена, что не подведете. Оно великолепно! – Джойти коснулась изящной бисерной вышивки на шифоне.

– Ах да, я купила его за бесценок на одной распродаже – бывшая владелица относилась к нему совершенно наплевательски. Мне пришлось перешивать весь бисер самой, но надеюсь, вскоре мое положение улучшится. Мне понадобится помощница, – добавила Тэмми. – Но пока мой бюджет крайне ограничен.

– Надо же, как интересно, кстати, возможно, я знаю кое-кого, кто будет готов помочь вам, причем с отличной квалификацией.

– Неужели? Ну, тогда, вероятно, я не смогу пока себе позволить этого.

– О, вероятно, сможете. На самом деле я говорила о своей маме.

– А, понятно. – Тэмми не удалось полностью скрыть разочарование, но она нуждалась именно в профессиональной швее.

– И она в свое время славилась индивидуальным пошивом индийских сари, – продолжила Джойти. – Ее последние работы считаются непревзойденными. Год назад она закончила свою карьеру и вышла на пенсию, но сейчас, конечно, уже начала скучать дома от безделья.

– Может, тогда она зайдет ко мне? – предложила Тэмми.

– Я спрошу. Мне как раз выгодно пристроить ее к какому-то делу, чтобы она перестала проедать мне плешь. – Джойти усмехнулась. – Ладно, мне пора возвращаться к себе, но, если после работы вам захочется выпить, просто зайдите в соседнюю дверь. Да, и кстати, к вашему платью у меня найдется отличная пара туфелек. Может, наше соседство окажется взаимовыгодным. До скорого, – сказала Джойти, выходя из магазина.

В восемь вечера зазвонил мобильный, и Тэмми ответила на звонок, ожидая услышать голос Ника.

– Привет, Тэм, это Джейн. Ну, как делишки?

– Превосходно! Я в таком восторге, что даже сплясала тут на радостях!

– Здорово. Уже решила, как назовешь магазинчик?

– Увы, нет. – Именно название Тэмми никак не могла придумать.

– Ну, придумаешь еще до презентации.

– Да, придется, куда деваться-то?

– Хочешь, я заеду к тебе, и мы отправимся на «Пятый этаж» в «Харви Никс», отпразднуем твою удачу бутылочкой шампанского?

– Ах, Джейн, соблазнительное предложение, но я обещала вечер Нику.

– Все понятно. Но уж завтра вечером я потребую, чтобы ты пошла со мной на открытие нового магазинчика Гуччи.

– Фу ты, черт, – простонала Тэмми. – Как же я ненавижу все эти тусовки.

– Знаю, но ближайшие несколько месяцев тебе нужно использовать любые возможности для саморекламы, чтобы народ узнал о твоём новом бутике.

– Да, разумеется, ты абсолютно права, – согласилась Тэмми. – Может, заскочим туда на часик, а потом сходим куда-нибудь поужинать

и вдоволь посплетничать?

– Хорошая идея, – признала Джейн. – Я заеду за тобой завтра в твою новую фирму около семи вечера. Еще раз поздравляю, дорогая.

– Спасибо. Пока, Джейни.

В девять часов, уже собираясь уходить домой, Тэмми еще раз позвонила Нику. Ей опять ответил автоответчик. Она решила направиться домой, принять ванну и спокойно дожидаться, когда же Ник сподобится позвонить. Может, он так заговорился со своей матерью, что забыл о времени? Тем не менее такая забывчивость на него не похожа.

Приняв ванну, но так и не успокоившись, Тэмми принялась мерить шагами гостиную. В десять часов, еще раз звякнув Нику и услышав все тот же автоответчик, она позвонила Полу и Джейн. За них тоже ответил автоответчик.

Тэмми плюхнулась на диван. Проголодавшись, она подогрела себе кусок пиццы и открыла бутылку шампанского.

– За мое здоровье, – вяло провозгласила она и залпом осушила бокал шампанского, но все удовольствие сегодняшнего дня, казалось, иссякло, и теперь она чувствовала лишь досаду и разочарование. Если бы Ник позвонил и сказал, что не сможет прийти, она, по крайней мере, отправилась бы в кафе с Джейн. Нет, это в голове не укладывалось. Ведь Ник знал, как много этот день значил для Тэмми.

– Чертовы мужики, все они одинаковы, – проворчала она, выпивая третий бокал шампанского.

В полночь, бросив опустевшую бутылку в мусорное ведро, Тэмми, покачиваясь, прошла в спальню, легла на кровать и провалилась в одурманенный алкоголем сон.

На следующее утро, с легким похмельем, она вошла в свой бутик в паршивом настроении и начала развешивать одежду. Она купила комплект дорогих, обтянутых черным бархатом плечиков и, развесив на них вечерние платья, распределила их по эпохам и стилям. Потом, достав элегантно бордовое платье пятидесятых годов прошлого века, Тэмми с трудом натянула его на манекен, расправив широкую юбку, заструившуюся к полу обильными складками, после чего занялась разбором коллекции винтажных аксессуаров, закрепляя изысканные серьги на бархатных подушечках и развешивая браслеты на специальном фарфоровом деревце для ювелирных украшений.

От Ника по-прежнему не было никаких известий.

– Потрясающе! – воскликнула Джейн, входя вечером в магазин. – Да, уж кому-то тут не удалось посидеть сложа руки.

– Верно, еще даже не присела, но все равно осталась куча дел. Что ты думаешь о витрине? Я заказала для ее оформления много искусственных цветов и растений. Мне видится некая сцена в духе «Сна в летнюю ночь».

– По-моему, замечательная идея. И ты, кстати, изумительно выглядишь в этом платье, – восхитилась Джейн. – Да ты, дорогуша, просто ходячая реклама своих товаров.

– Спасибо. Лишь одно осталось нерешенным, как ты и сказала вчера – название.

– Обсудим его за сегодняшним ужином. Пойдем, мы же не хотим опоздать и пропустить роскошные канапе с копченым лососем.

Джейн взяла Тэмми под руку, и они отправились на презентацию.

Тэмми мило поболтала со знаменитостями первой величины, приглашенными на открытие этого нового бутика. Уже пару лет назад она выпала из круга общения модных знаменитостей, но встречала сейчас все те же лица; как ни странно, многие из них выглядели моложе, чем прежде. Папарацци фиксировали событие для своих ежедневных газет и глянцевого журналов, и, несмотря на легкомысленное отношение к подобным тусовкам, Тэмми знала, что ей предстоит опять признать себя частью мира моды, если она собирается преуспеть в бизнесе.

– Зато теперь я сама буду дергать за ниточки своих кукол, – пробурчала она под нос, поглядывая на знаменитого дизайнера, окруженного своими фанатками и мелкими прихлебателями.

Через час Джейн отыскала ее среди гостей, и они, остановив такси, отправились в уютный итальянский ресторанчик в непосредственной близости от Кингс-роуд.

– Ну как, вечер шампанского? – спросила Джейн, когда они устроились за столиком.

– В общем-то, вчера вечером я уже выдула в одиночестве целую бутылку. Ник так и не появился, – резко сообщила Тэмми.

– Да ты что? – Джейн нахмурилась. – Странно. Он и у нас не появился, поэтому я как раз подумала, что он у тебя.

– Как же, – Тэмми покачала головой, – он в самоволке. И сегодня тоже не прозвонился.

– Совсем не похоже на Ника. Обычно он сама Надежность. Господи, надеюсь, с ним все в порядке, ничего плохого не случилось.

– Ну, – Тэмми пожала плечами, – едва ли мне уместно звонить в полицию и заявлять о розыске тридцатичетырехлетнего парня, не явившегося на свидание.

– Нет, но он не позвонил тебе, а раз не объявился и у нас, то, возможно, стоит хотя бы позвонить его матери.

– Я не знаю ее номера. Ладно, давай лучше закажем шампанского.

– На самом деле я не могу пить, но ты заказывай себе. Я обойдусь водой.

– Да, что так? Уж не села ли ты на очистительную диету?

– Да, вроде того. Мне... в общем, дело в том, что я... – Джейн помотала головой. – Вот черт, я не собиралась ничего говорить. Даже Полу еще не говорила, но... ладно уж.

– О боже! Да ты, похоже, беременна?

– Да-да, угадала, – кивнула Джейн, глянув на подругу сияющими глазами. – Сама едва могу поверить. Пока пребываю в полнейшем шоке.

– Ой, Джейни! – Глаза Тэмми наполнились слезами, и, подавшись вперед, она взяла подругу за руку. – Это же самая замечательная новость на свете. Как же я рада, безумно рада за вас обоих.

– Спасибо. – В глазах Джейн тоже заблестели слезы, и, достав из сумочки бумажную салфетку, она прочистила нос. – Но пока еще только самое начало. Всего шесть недель, и есть большой риск каких-то осложнений.

– Надеюсь, все будет в порядке, ведь ты же будешь соблюдать режим и всяческие меры предосторожности. Полноценный отдых, здоровое питание, никакой выпивки... и рабочей нервотрепки. В общем, как же может тогда случиться нечто непредвиденное?

– Так, как обычно и бывает, – хмыкнула Джейн. – Ты же знаешь, как мы старались долгие годы, потратив чертову пропасть денег на ЭКО, не говоря уж о том, что под давлением этого стресса я едва не потеряла рассудок, да и наша семейная жизнь трещала по швам. – Она пожевала хлебную палочку. – Ты ведь помнишь, как я говорила, что мы с Полом решили поставить крест на этой мечте, просто смириться с

тем, что у нас не будет детей, и дело с концом. Забавно, но я реально чувствовала, что у нас никогда ничего не получится.

– Может, как раз потому, что ты перестала психовать по этому поводу и расслабилась, твой организм сам проявил полезную инициативу?

– Точно, так и врач сказал.

– Когда ты собираешься порадовать Пола?

– Не знаю. Естественно, мне хочется поделиться с ним, но ты же знаешь, какова его натура; он сам как большой ребенок. Так разволнуется, что сразу бросится разворачивать кипучую деятельность, примется мотаться по всему городу, выискивая антикварные колыбельки и разнообразные подлинные гравюры для оформления детской. Я просто не вынесу, если нас опять будет ждать облом. Да и его может доконать такой удар.

– Господи, Джейни, окажись я на твоём месте, вряд ли я смогла бы держать это в себе, хотя и понимаю, почему ты не спешишь с признанием.

– Может, я и скажу ему через пару недель. Каждый день, прожитый с этим малышом, чуть уменьшает мое беспокойство, и вот когда срок достигнет двенадцати недель, я смогу немного успокоиться.

– За тебя, Джейни. – Тэмми подняла бокал шампанского. – Ты просто осчастливила меня сегодня! Твое здоровье!

– И за тебя, за твой будущий знаменитый, но пока безымянный бутик, – добавила Джейн.

Они звонко чокнулись бокалами.

– Ладно, давай забудем пока о моем магазине, скажи лучше, когда этому малышу назначено родиться?

– В мае. – Джейн помолчала, задумчиво глядя на Тэмми. – «Рождение»... или, вернее, «Возрождение»? Разве не классное название для твоего бутика?

– «Возрождение»... «Возрождение»... – Тэмми медленно, словно пробуя на вкус, произнесла это слово, представляя его над витриной магазина. – Да, боже мой, идеально! Мне нравится! Какая же ты умница, Джейни.

– Спасибо.

– Теперь я могу подыскать художника и заказать ему рекламу и приглашения на открытие.

– И когда же оно состоится? – спросила Джейн, когда им принесли спагетти.

– Чем скорее, тем лучше, поскольку каждый день до открытия лишает меня хоть какой-то прибыли. Возможно, уже в ноябре. Надо еще отреставрировать кучу нарядов, правда, моя новая соседка сказала, что, возможно, мне поможет ее мама. Господи, мне же еще нужно переделать пропасть дел.

– Ладно, по крайней мере, твое имя привлечет на открытие важных персон, пусть даже только ради выпивки и снисходительного любопытства. Я могу попробовать потянуть за несколько ниточек, может, удастся пристроить рекламу твоей эксклюзивной одежды в приличный журнал.

– Ах, Джейни, это было бы замечательно!

– Постараюсь. – Джейн посмотрела, как ее подруга вяло крутит вилок по тарелке со спагетти. – Ты что, потеряла аппетит?

– Да, есть что-то особо не хочется. – Тэмми пожалала плечами.

– Небось беспокоишься за Ника?

– Увы, просто до сих пор между нами все шло на удивление прекрасно, и я начала верить, что, возможно, на сей раз мне повезет. И я действительно испытывала к нему особые чувства, но... – Тэмми глотнула шампанского. – В очередной раз меня разочаровали. Ведь Ник знал, насколько важен для меня вчерашний вечер.

– Послушай, Тэм, я давно знаю Ника, и он вовсе не чертов ветреник и никогда им не будет. Что бы там ни произошло с ним за последние сутки, я уверена, что это не имеет ни малейшего отношения к его чувствам к тебе. Я же видела, как он смотрит на тебя. Да он же обожает тебя, Тэмми, это уж точно.

– Сомневаюсь, – вздохнув, призналась она. – Я только успела почувствовать себя достаточно уверенной и спокойной, как вдруг... в общем, напугать меня несложно.

– Понятно, но, по-моему, тебе нужно просто верить в него.

– А ты не знаешь, много ли женщин у него было до отъезда в Австралию?

– Не думаю, хотя, помнится, Пол рассказывал мне, что до отъезда в Перт он кого-то безумно любил. По-моему, Пол говорил, что она работала в его магазине в Саутволде. Но не мог же он при такой безумной любви так быстро улететь на другой конец света.

– Если только не сбежал от несчастной любви. – Тэмми пожалала плечами. – Ладно, придется подождать и узнать, что он сам скажет, когда наконец объявится, если вообще объявится.

* * *

Тэмми вернулась домой около одиннадцати, слегка успокоенная разговором с Джейн. Бессмысленно беспокоиться, пока она не узнает всю эту историю, однако именно испытываемая тревога больше всего расстраивала Тэмми. Она означала, что Ник вскружил ей голову.

Понимая, что сейчас все равно не сможет уснуть, Тэмми взяла бумагу и начала набрасывать варианты вывески для своего нового магазина.

Ее мобильный зазвонил в полночь.

– Алло?

– Тэм, это я, Ник. Разбудил?

«Негодяй, где тебя черти носили?!» – хотелось крикнуть ей.

– Нет, я не сплю, – коротко ответила она. – Еще работаю.

– Послушай, прости меня, я ужасно виноват, что не смог позвонить тебе вчера вечером. Тут кое-что случилось, и... я просто не смог уехать. Наверное, сейчас уже слишком поздно, чтобы вымолить прощение, ползая перед тобой на коленях?

Она понимала, что не следовало бы сейчас приглашать его, однако, испытав глубочайшее облегчение оттого, что с ним все в порядке, она отчаянно хотела увидеть его.

– Если хочешь, – как можно небрежнее произнесла она. – Только я ужасно устала.

– Буду через пятнадцать минут.

Тэмми бросилась в ванную, причесалась и почистила зубы, пообещав себе, что будет вести себя благопристойно, не давая ему заметить, как ее на самом деле расстроило его отсутствие.

* * *

Ник заехал на заправку, выключил мотор и посидел в темноте. Он чувствовал себя совершенно опустошенным, физически и эмоционально.

Испытав полную эйфорию после возвращения в Англию благодаря знакомству с Тэмми и началу нового этапа своего бизнеса, он глупо поверил, что боги наконец улыбнулись ему и прошлое навсегда забыто. За последние двадцать четыре часа его, точно на аркане, неумолимо затянуло обратно. Глянув на свои руки, он заметил, что они еще дрожат от пережитых треволнений.

Всю дорогу из Саутволда он размышлял над тем, что сказать Тэмми. Мог ли он надеяться на ее понимание? Он сам не мог еще примириться и даже осознать всех сложных последствий неожиданных новостей. И хотя они с Тэмми очень сблизились, их связь была пока слишком короткой и, следовательно, хрупкой.

Ник пробежал рукой по волосам. Ему не хотелось лгать, но если он все расскажет, попытается объяснить, то, скорее всего, новости отпугнут Тэмми, и он потеряет ее. Кроме того, наверняка еще ничего не известно. Вероятно, самым разумным будет пока ничего не говорить, подождать подтверждения и тогда уже действовать по обстоятельствам.

К глазам подступили слезы, то ли от усталости, то ли от огорчения, трудно сказать. Ник понял только одно: ему приходится так или иначе платить за все, что касается его внутренней и душевной жизни, и остается лишь надеяться, что не придется теперь расплачиваться за прошлое по запредельно высокой цене.

Услышав звонок, Тэмми прошла к входной двери и открыла ее.

– Вот и я, – изрек Ник, вручая Тэмми три букета увядающих цветов, очевидно, купленных на заправке. – Можно войти?

– Конечно. – Тэмми отступила в сторону, пропуская его.

Закрыв дверь, она последовала за ним в гостиную. И молча ждала, что же он скажет.

– Прости меня, Тэм, я ужасно виноват. – Его плечи печально поникли. – Однако случившееся было... неизбежно.

– Да чем же ты там занимался? Выглядишь так, словно тебя протащили через колючую изгородь.

– Именно так я себя и чувствую, – признал он. – Ты не возражаешь, если я быстро приму душ? От меня наверняка дурно

пахнет.

– Пожалуйста, – холодно ответила Тэмми и вернулась к своему шитью, пока он отправился в ванную.

Спустя десять минут он вновь появился в полотенце, уже гораздо больше похожий на самого себя, подошел и нежно обнял ее за плечи.

– Любимая... – пробурчал он, целуя ее шею. – Скажи, ты сердишься на меня?

– Да, я испытывала досаду, но главное, я безумно волновалась. Сегодня мы ужинали с Джейн, и она сказала, что и к ним ты тоже не вернулся.

– Верно.

В комнате воцарилось молчание.

– Ладно, – нарушила его Тэмми. – Я тебе не сторож и не имею права знать о твоих ежедневных передвижениях.

– Нет, Тэм, ты, безусловно, имеешь право знать, где я бываю. Ради бога, у нас же сложились близкие отношения! Мое вчерашнее отсутствие было непростительно, но мне просто пришлось разобраться в одном прошлом деле.

– Оно связано с женщиной?

– Отчасти. – Ник вздохнул и устало плюхнулся в кресло. – Это чертовски запутанная и тяжкая история, и мне правда не под силу рассказывать ее сегодня.

– Тебе видней, – сухо ответила она.

– Послушай, Тэм, единственное, что ты должна знать, так это то, что это прошлое никоим образом не повлияло на мою любовь к тебе.

– Понятно. И мне придется просто поверить тебе на слово?

– Да. – Он печально кивнул. – К сожалению, пока придется. В том-то и дело, мы же можем доверять друг другу, верно? Вчерашний вечер, несмотря на то что я подвел тебя, оказался для меня благом... он помог мне понять, как бы нелепо это ни звучало, учитывая наше недавнее знакомство, как сильно и глубоко я люблю тебя.

Она взглянула на него, желая испытать радость от его признания в любви. Но не смогла, увидев, что его глаза исполнены смертельной печали.

– Тэм?

– Да?

– Ты веришь тому, в чем я только что признался? Что я люблю тебя?

– Я... нет, только не сегодня вечером. Сказать можно все что угодно.

– Да, можно. Но не хочешь ли ты, по крайней мере, дать мне шанс доказать свою искренность? Пожалуйста.

Тэмми зевнула.

– Мы оба устали, Ник. Давай-ка пойдем в кровать и попробуем немного поспать. Утром поговорим еще. – Она встала, выключила настольную лампу и, взяв его за руку, повела за собой.

– Можно обнять тебя? – забравшись в кровать, спросил Ник

Она кивнула и, уютно устроившись в его объятиях, вдруг испугалась, как же хорошо ей с ним.

Он нежно погладил ее волосы.

– Мне очень жаль, Тэм, ужасно жаль. Менее всего мне хотелось обидеть тебя, я люблю тебя, правда люблю.

«И я тоже тебя люблю», – мысленно ответила она.

– Успокойся уже, молчи, – прошептала она.

Глава 13

Поузи глянула на звякнувший на двери в галерею колокольчик.

– Добрый день, Фредди, – с улыбкой сказала она, когда Фредди вошел в выставочный зал. – Как поживаешь?

– Очень хорошо, даже великолепно. – Фредди подошел к столу, за которым сидела Поузи. – Я вот подумал, не хочешь ли ты завтра вечером сходить в кино? Там показывают французский фильм, и отзывы на него вроде бы хорошие.

– Вряд ли я могу отказаться от такой рекламы. А ты?

– Тоже соблазнился, – ответил он. – Может, тогда встретимся в шесть около кинотеатра?

– Прекрасная идея, договорились.

– Тогда до завтра. До свидания, Поузи.

– До свидания, Фредди.

Он надел шляпу и, дойдя до двери, вышел из галереи.

Поузи вздохнула. Ее озадачивала загадочность их так называемой «дружбы», хотя она старалась не думать об этом. После его появления у нее в саду они уже несколько раз мило общались, встречаясь за ужинами и обедами. И определенно не испытывали недостатка в темах для разговоров. Фредди развлекал ее увлекательными историями из своей адвокатской практики по уголовным делам, а она посвящала его в события, происходившие в ее жизни после того, как они виделись последний раз.

Тем не менее явно чувствовалось, что хранимая им тайна имеет важное значение; наверное, именно она побудила его расстаться с ней в молодости и по той же причине даже сейчас, по прошествии пятидесяти лет, он мог предложить ей только дружеское общение, а не свое сердце.

Не облегчало положения и то, что сама она «запала» на него, как обычно выражался Сэм. Хотя она без конца твердила себе, что должна просто смириться и радоваться тому, что он *мог* дать ей. Встречи с ним стали похожи на какую-то прекрасную пытку, и Поузи вдруг осознала, что судьба, видимо, изначально обрекала ее на одни разочарования. Прощаясь в конце свиданий, Фредди не делал ни малейших попыток физического сближения, не считая братских поцелуев в щеку.

После обеда она ушла из галереи и приехала домой. В два часа к ней собиралась зайти Мари, чтобы оценить дом. Поузи прибралась на кухне и разожгла камин в малой столовой, осознавая, что ей вряд ли удастся придать обветшавшему дому более приятный вид.

Около часа дня зазвонил домашний телефон, и она сняла трубку.

– Алло?

– Здравствуйте, можно поговорить с Поузи Монтегю?

– Да, я вас слушаю.

– Говорит Себастиан Жиро. Полагаю, ваша сноха, Эми говорила с вами обо мне.

– Да, она говорила, что вы можете позвонить.

– Как вы смотрите на то, чтобы впустить в дом квартиранта? Мне нужно жилье всего на пару месяцев. К Рождеству я уже перестану мешать вам.

– Что ж, мистер Жиро, вы можете заехать и посмотреть дом, но, к сожалению, вряд ли вы сочтете его подходящим. В плане удобств он давно устарел.

– Я понимаю. Эми описывала его мне, и, на мой взгляд, он идеален. Вы не возражаете, если я зайду взглянуть?

– Да ради бога. Кстати, сегодня я как раз буду торчать дома. Будет отлично, если вы сможете заскочить часа в четыре. Наш дом легко найти; по дороге от Саутволда на Хейлсворт-роуд вы увидите зеленый массив, перед ним стоит почтовый ящик с надписью «Адмирал-хаус».

– Не беспокойтесь, у меня есть навигатор. Благодарю вас, миссис Монтегю. Договорились, увидимся в четыре часа.

Поузи положила трубку, полагая, что, увидев дом, Себастиан сам убедится в ее правоте, однако даже недолгое общение с ним поможет избавиться от тоскливого настроения, которое, несомненно, появится у нее после визита Мари.

Ровно в два часа Поузи услышала стук в дверь.

– Добрый день, Мари. Проходите и, пожалуйста, зовите меня просто Поузи.

– Спасибо. – Мари зашла в холл, вооруженная рабочим планшетом с чистым листом бумаги. Увидев люстру, она невольно ахнула и заявила:

– Потрясающе. Какой у вас замечательный холл!

– Спасибо. Может, хотите сначала выпить чая или кофе? – предложила Поузи. – Полагаю, осмотр потребует значительного времени.

– Нет, спасибо. В три часа мне нужно забирать детей, поэтому я лучше начну сразу.

– Я подумала, что смогу показать вам сад, парк и комнаты второго этажа, а потом вы сами осмотрите мансардный этаж. Мои ноги уже не так шустры, как раньше, а наверх ведет слишком крутая лестница.

– Чудесно, вы очень любезны, Поузи.

Вначале женщины осмотрели садово-парковые постройки, потом вернулись в дом и прошли по всем комнатам, Мари восторженно встречала многочисленные признаки старины, быстро черкая что-то в своем планшете.

После осмотра шести спален на втором этаже Поузи спустилась на кухню, чтобы вскипятить чайник и разогреть лепешки, приготовленные ею перед уходом на работу. «По крайней мере, Мари не похожа на ловкого дельца в стильном костюме», – подумала Поузи, сознавая, что едва ли вынесла бы, если бы такой персонаж начал шнырять по ее драгоценному родовому гнезду.

Наконец Мари вернулась на кухню, и они, устроившись за длинным обеденным столом, выпили чаю со свежими лепешками.

– Какая вкуснятина, Поузи, и вид у них очень заманчивый. Жаль, я не умею печь таких лепешек.

– Ах, милочка, годы практики, только и всего.

– Хотя они, безусловно, менее заманчивы, чем ваш особняк, ну а сад у вас совершенно... великолепен! Даже не верится, что вы создали его своими руками.

– Это же мое любимое дело, Мари, и я получала от него удовольствие.

– Видимо, это и придает поместью особую привлекательность. Ладно, пожалуй, пора переходить к делу. – Мари взглянула на нее. – Поузи, сам особняк тоже производит волнующее впечатление. Его старинные конструкции просто потрясают. Каминны, карнизы, ставни на окнах... список бесконечен. Впечатляют и размеры комнат, да и общая площадь им под стать.

– Однако... – предвосхитила Поузи переход к недостаткам.

– Ну, – Мари потеряла переносицу, – само собой разумеется, что купившему этот дом человеку придется затратить на его реставрацию много времени и огромные деньги. Не сомневаюсь, вы понимаете, как много трудов потребует его восстановление. Вот в этом и заключается проблема.

– Понимаю, – согласилась Поузи.

– Честно говоря, я думаю, что вам очень повезет, если найдется покупатель. Спрос на рынке загородных особняков последнее время пошел на спад, к тому же, хотя Саутволд – весьма популярное место для летних коттеджей, ваш особняк слишком велик, чтобы войти в их число. Вряд ли кому-то захочется жить здесь постоянно и кататься по делам в Лондон, учитывая дальность расстояния, к тому же я не представляю, что им заинтересуется много пенсионеров из-за его грандиозных размеров и объема восстановительных работ.

– Мари, милочка, довольно ходить вокруг да около. Что вы хотите сказать?

– Наверное, я пытаюсь сказать, что если мы не найдем поп-певца или кинозвезду с кучей денег для покупки загородного поместья и желанием потратить время и деньги на его модернизацию, то контингент покупателей окажется крайне узок.

– Конечно, я понимаю.

– Поузи, я уверена, что вам не понравится эта идея, но, на мой взгляд, лучше вам продать его застройщикам, которые все здесь переделают, превратив особняк в пансион с современными стильными апартаментами. Мало кому в наши дни захочется хозяйничать в таком огромном доме, однако наверняка найдутся желающие приобщиться в отпуске к такой великолепной старине.

– Да, я думала, что именно такое предложение вы можете сделать. Конечно, это разобьет мое сердце и мои предки перевернутся в гробах, но... – Поузи пожала плечами, – приходится быть реалистом.

– Увы. Сложность в том, что любой застройщик, несомненно, будет стремиться купить ваше имение как можно дешевле. Здесь будет над чем поработать, и, естественно, надо учитывать конечную выгоду. Единственным преимуществом такого варианта можно назвать то, что нам не придется проходить через унижительную процедуру выставления вашей усадьбы на открытый рынок. Нашему агентству известно несколько строительных агентств, которые вполне могут

заинтересоваться таким предложением. Мы готовы связать их с вами, и после осмотра объекта сделку можно будет оформить быстро и без лишнего шума.

– И сколько же, на ваш взгляд, будет готов заплатить застройщик?

– Наверняка сказать очень трудно, – ответила Мари, пожав плечами. – Однако я назвала бы цену около миллиона.

– Ну и дела. – Поузи невольно усмехнулась. – Ведь всего за половину этой суммы на Хай-стрит продается трехспальный коттедж бедной покойной миссис Уинстон.

– Я знаю, в таком сравнении цена кажется смехотворной, – согласилась Мари. – Но ее коттедж находится в центре Саутволда, и он идеален для летнего дома. Поузи, поверьте, я совершенно не обижусь, если вы захотите пригласить для оценки агента из другой конторы. На самом деле я даже думаю, что именно так вам и следует поступить.

– Нет-нет, милочка, я уверена в правильности вашей оценки. И, честно говоря, миллион фунтов – это огромные деньги. Такой суммы я не потратила за всю свою жизнь, однако будет приятно оставить ее в наследство сыновьям.

– Да, верно. Ладно, к сожалению, мне пора спешить за детьми. Большое вам спасибо за чай и лепешки. – Мари встала. – Все свои выводы я пришлю вам в письме. Когда вы все обдумаете и обсудите с сыновьями, можете позвонить мне.

– Хорошо. – Поузи проводила Мари к выходу и пожала ей руку. – Спасибо, что помогли мне достаточно безболезненно пережить эту оценку. Я свяжусь с вами, когда приму окончательное решение. До свидания, милочка.

Посмотрев вслед уезжавшей в машине Мари, Поузи вернулась на кухню и предалась размышлениям за второй чашкой чая.

Вскоре к дому подъехал Себастиан Жиро.

– Рад с вами познакомиться, миссис Монтегю, – сказал он, крепко пожимая ее руку.

– Зовите меня Поузи. – Заглянув в его пронизательные зеленые глаза, она вдруг подумала, что ей хотелось бы стать лет на тридцать моложе. – Прошу, заходите. – Она закрыла дверь и провела его на кухню, где опять поставила чайник на плиту. – Присаживайтесь, мистер Жиро.

– Спасибо. И пожалуйста, зовите меня Себастианом. Какой изумительный у вас дом!

– Помнится, Эми говорила, что вам нужно тихое пристанище для написания романа?

– Да, тихое и просторное. Это крайне важно.

– Что же, у меня нет нормальной системы отопления, как и множества современных удобств, однако с пространством все в порядке, – усмехнулась Поузи. – Я покажу вам имеющиеся спальни, а потом вы скажете мне, что они слишком холодные и пыльные, и тогда мы просто забудем об этом и мило выпьем чаю.

В конце коридора второго этажа находилась одна из любимых угловых спален Поузи. Выходящие на две стороны окна тянулись здесь от пола до потолка, открывая прекрасный вид на сад.

– Потрясающе, – ахнув, вымолвил Себастиан, когда Поузи завела его в смежную ванную комнату, реликвию тридцатых годов девятнадцатого века.

Посреди комнаты стояла огромная чугунная ванна, а пол покрывал изначально черный, но сильно истертый линолеум.

– Ну вот. Что вы думаете? Я ничуть не обижусь, если вы откажетесь от своей идеи.

Себастиан вернулся в спальню.

– А этим камином можно пользоваться?

– Наверное. Дымоход, правда, нужно прочистить.

– Я оплачу чистку, разумеется, и... – Себастиан подошел к окну, – вот здесь я поставлю письменный стол, чтобы наслаждаться видом в творческой прострации... – Он повернулся к Поузи. – Знаете, это идеально. Если вас устраивает мое соседство, то я с радостью приехал бы пожить у вас. Разумеется, я хорошо оплачу проживание. Что вы скажете насчет двух сотен в неделю?

– Две сотни фунтов? Не многовато ли? – За неделю работы в галерее Поузи зарабатывала гораздо меньше.

– И все-таки это меньше, чем мне пришлось бы заплатить, если бы я снял коттедж в городе. Кстати, как вы смотрите на то, чтобы иногда подкармливать меня? – поинтересовался Себастиан. – Я слышал, что вы замечательная повариха.

– Не замечательная, а умелая, – поправила его Поузи. – Конечно, я буду кормить вас. Все равно мне приходится готовить для себя. Но вы

уверены, что вам здесь будет удобно? Я могу снабдить вас парой обогревателей, хотя пользование ими обходится, как правило, чертовски дорого.

– Обещаю, что покрою все расходы на мое содержание. А учитывая род моей деятельности, я сомневаюсь, что буду доставлять вам много хлопот, хотя, признаться, в процессе сочинительства бывают свои сложности, и трудно сказать, в какое время суток мне взбредет в голову новая идея.

– Это пустяки, поскольку я сплю в другом конце дома. Если не возражаете, я упомяну только об одном обстоятельстве. Сегодня днем ко мне приходили из агентства недвижимости, я подумываю продать это поместье. Уверена, что до Рождества ничего не случится, но я не знаю, как долго вы сможете прожить здесь.

– Я должен сдать книгу в феврале, но, как я уже говорил, надеюсь закончить черновой набросок к середине декабря. А редактурой вполне смогу заняться в своей лондонской квартире, так что к Рождеству я уже не буду досаждать вам своим присутствием. Так как, мы договорились?

– Да, мистер Жиро, очевидно, договорились, – сказала Поузи, коснувшись его руки.

Опять спустившись на первый этаж, Себастиан и Поузи, забыв о чае, выпили по бокалу вина, отметив сделку. В малой столовой он заметил на журнальном столике вставленную в рамку военную фотографию отца Поузи в летной форме.

– В моей новой книге я возвращаюсь во времена Второй мировой войны. Вы случайно не знаете, летал ли ваш отец на «Спитфайрах»?

– Да-да, летал. Он участвовала в некоторых крупнейших боях, начиная с «Битвы за Англию»^[30]. Как ни печально, но он погиб незадолго до конца войны, во время одного из последних вылетов.

– Искренне сочувствую вам, Поузи.

– Благодарю. Я обожала его, как только дочь может обожать отца.

– Естественно. Не расстрою ли я вас, если со временем поспрашиваю о том, как вам запомнилась война здесь, в Саутволде?

– Ничуть, хотя я тогда была еще ребенком.

– Тем более чудесно. А теперь, просто чтобы убедить вас в серьезности моих намерений, я хочу заплатить вам вперед за первую

неделю. – Себастиан открыл бумажник и достал несколько купюр. – Когда я могу перебраться сюда?

– Да когда вам угодно, хотя должна предупредить, что в воскресенье все семейство соберется на обед, и в доме будет не так тихо, как обычно.

– Все в порядке. Обещаю, что не буду попадаться на глаза.

– Вздор. Мы будем очень рады, если вы присоединитесь к нам, – сказала она и, подойдя к входной двери, открыла ее. – О боже, чуть не забыла, – усмехнувшись, добавила Поузи. – Я же должна выдать вам ключ.

– Да, он может мне пригодиться. Итак, до свидания и спасибо за все. – Себастиан сердечно поцеловал ее в обе щеки.

– Не стоит благодарности. Ваше соседство будет мне только приятно. Всего доброго, Себастиан. Дайте мне знать, когда соберетесь переехать.

Глава 14

На следующее утро, как раз закончив одеваться, Поузи услышала шум машины на подъездной аллее. С удивлением она увидела, что перед крыльцом остановился старый красный «фиат» Сэма. Спустившись на первый этаж, она нашла сына в холле, где он оценивающе разглядывал люстру.

– Доброе утро, дорогой. Какой приятный сюрприз.

– Привет, мама. – Сэм подошел и поцеловал мать. – Как поживаешь?

– Да все как обычно, знаешь ли, ползаю помаленьку. Давно не виделись. Чем обязана удовольствию видеть тебя? – спросила она.

– Прости, мам, понимаю, что давненько не заглядывал к тебе, – ответил Сэм, – но у меня сейчас дикая пропасть дел с моей новой компанией. В общем, я просто проезжал мимо и решил заехать поздороваться. Есть шанс выпить кофе?

– Да, только по-быстрому. – Поузи глянула на часы. – У меня кое-какие дела в городе.

Проследовав за ней на кухню, Сэм прошелся вокруг стола, пока Поузи ставила на плиту чайник.

– Весьма впечатляющее помещение, – заявил он, припарковавшись за кухонным столом. – Здесь запросто могли бы разместиться четыре современные кухни.

– Да, вероятно, могли бы, – согласилась Поузи.

– И оконные рамы еще выглядят довольно прилично, учитывая, как много лет и зим они пережили, – добавил он.

– Верно. – Поузи налила сыну кофе. – Как там Эми и дети? Давно их не видела.

– Нормально, у них все прекрасно, – сказал Сэм, уже уткнувшись взглядом в пол. – А это что, еще подлинные плитки из йоркского камня?

– Да. Эми говорила тебе, что я пригласила вас всех на обед в воскресенье? Ты ведь уже знаешь, что Ник вернулся в Англию?

– Знаю. С обедом все будет в порядке. Мам?

– Я тебя слушаю, Сэм. – Поузи ждала просьбы. Сэм навещал ее, только когда ему было что-то нужно.

– Слухом земля полнится, одна птичка принесла на хвосте, что ты вчера оценивала поместье, собираясь продавать его.

– Господи, как же быстро разлетаются новости. Да, оценивала. Эта идея огорчает тебя?

– Ну, очевидно же, в этом доме я родился и вырос, и вообще, мне хотелось бы, чтобы мы сохранили его в семье... – Сэм помолчал, видимо, обдумывая, как лучше сформулировать следующее замечание. – И так уж случилось, что я могу найти способ, посредством которого мы как раз могли бы отчасти сохранить его.

– Правда? Неужели, Сэм, ты выиграл в лотерею и пришел сказать, что твои финансовые сложности закончились?

– Да, в некотором роде...

– Прошу, продолжай, – предложила Поузи, собравшись с духом.

– Ну, ты знаешь, что недавно я стал партнером и директором одной компании по недвижимости?

– Да, Эми что-то говорила мне об этом, – медленно произнесла Поузи, начиная догадываться, к чему он клонит.

– У меня есть спонсор, готовый финансировать проекты, которые я подбираю. Я разрабатываю план перестройки и довожу его до полной реализации. А потом мы поделим прибыль от продажи застроенной недвижимости.

– Логично, – ответила Поузи, решив вести себя так, словно понятия не имела, к чему он ведет этот разговор.

– Короче, мама, дело в том, что Мари как агент по недвижимости обязана сообщать мне, ежели на рынке появится что-то подходящее для нашей компании. Вчера днем я случайно разговорился с ней, и она сообщила, что заезжала сюда для оценки нашего дома.

– Верно.

– Мам, наша компания как раз ищет недвижимость типа Адмирал-хауса. Замечательный особняк, полный подлинных старинных конструкций и обстановки, в нем можно создать несколько шикарных апартаментов.

Поузи помолчала, задумчиво поглядывая на Сэма.

– Сэм, а Мари сообщила тебе, в какую сумму оценила его? – наконец спросила она.

– Да, порядка миллиона.

– И ты хочешь сказать, что ваша компания готова заплатить миллион за покупку Адмирал-хауса?

– Безусловно. – Сэм уверенно кивнул.

– И у вас есть деньги на работы по восстановлению и модернизации, которые, я уверена, обойдутся еще в сотни тысяч, если не в тот же миллион?

– Да, никаких проблем вообще.

– Что ж, похоже, речь идет о возможностях крупнейшей компании, – задумчиво произнесла Поузи.

– Мы такие. Мой партнер – богатейший человек. Ему не хочется возиться с мелкими проектами.

– И сколько же других «проектов» ты уже реализовал, Сэм?

– Ну, этот будет первым. Мы же создали компанию совсем недавно.

– Так о чем же именно ты пришел спросить меня?

– Я хотел узнать, не согласишься ли ты продать Адмирал-хаус моей строительной компании. Мы готовы заплатить полную рыночную цену, я не стану просить никаких семейных скидок. На самом деле, мам, тебе это только выгодно. Нет необходимости выставлять поместье на открытый рынок, мы могли бы просто и тихо договориться о сделке. К тому же у тебя будет дополнительный стимул.

– Неужели? Какой же? – спросила Поузи.

– Я уже обсудил все с моим партнером, и он согласен с тем, что если ты продашь его нам, то мы предложим тебе приобрести здесь любые апартаменты со скидкой. То есть ты сможешь по-прежнему жить в доме! И что ты об этом думаешь?

– Ох, Сэм, даже не знаю, что и думать. Мне еще надо решить, хочу ли я действительно продавать наш дом.

– Понятно, но если все же решишься, то предоставишь нам право первого выбора? Такой проект существенно повысит мой престиж и положение нашей компании, мы явно попадем в высшую лигу. Тогда и другие потенциальные продавцы будут доверять нам. И даже не ради меня, мам, сделай это ради Эми и детей. Ты же видела, где мы сейчас живем.

– Да, и ужаснулась, – признала Поузи.

– Они заслуживают лучшего будущего, и я отчаянно хочу дать им его. Поэтому, пожалуйста, мам, подумай о том, чтобы продать дом мне.

Поузи пристально взглянула на сына, его голубые глаза – так похожие на отцовские – умоляли ее ответить утвердительно.

– Обещаю, когда я решусь на продажу, то в первую очередь рассмотрю твоё предложение.

– Спасибо, мам. – Сэм встал из-за стола и, подойдя к Поузи, обнял ее. – Я обещаю, что ты можешь доверить мне заботу об этом старинном владении, и если уж дойдет до продажи, то разве не лучше, чтобы оно осталось в руках семьи, чем попало к постороннему богачу, способному рассматривать его лишь только с точки зрения кирпичей, раствора и прибыли?

– Безусловно, лучше. – Поузи хотелось высмеять столь беззастенчивый эмоциональный шантаж Сэма.

– Я не буду торопить тебя, обещаю. Не спеши. Хотя должен заметить, что дом действительно изрядно обветшал.

– Естественно, он ведь отстоял здесь почти три сотни лет, но я сомневаюсь, что он развалится на куски за несколько следующих недель, – оживленно возразила Поузи. – А теперь, дорогой, извини. Через пять минут мне необходимо выехать.

– Понятно. В общем, как только решишься, пожалуйста, дай мне знать. Было бы здорово, если бы мы удачно провернули это дельце и тогда уже весной смогли бы приступить к работе. Намного рентабельнее заниматься стройкой в летние месяцы.

– Мне показалось, ты говорил, что не будешь торопить меня, – проворчала Поузи, выходя из кухни и направляясь к входной двери.

– Извини, мама. Я просто знаю, что это поможет мне добиться успеха. И заодно поможет Эми и детям.

– Пока-пока, Сэм. – Поузи утомленно вздохнула и поцеловала сына в щеку. – Увидимся в воскресенье.

* * *

В тот вечер, как и договаривались, Поузи встретила с Фредди около киноцентра. В голове Поузи крутилось столько мыслей, что наиболее тонкие моменты фильма, как она призналась впоследствии, оказались выше ее понимания.

– И моего тоже, милая. Одному богу известно, что именно символизировал там скорпион.

– Видимо, это для более современных умников, чем мы. – Поузи улыбнулась.

– Послушай, не хочешь ли зайти выпить ко мне? Отсюда до моего дома всего пара минут ходьбы.

– Почему бы и нет? – вырвалось у Поузи, и она тут же мысленно отругала себя, что так быстро согласилась.

В дружеском молчании они прогулялись по Хай-стрит. Вскоре Фредди свернул на узкую улочку, и в итоге они оказались во внутреннем дворике, ограниченном с двух сторон кирпичным коттеджем и старым амбаром. Во дворе раскинул ветви веерный клен, а по сторонам от свежеокрашенной входной двери зеленели два лавровых деревца. Открыв дверь, Фредди провел гостью в дом.

– Фредди, какая прелесть! – воскликнула Поузи, вступив в гостиную с массивными несущими балками под потолком и огромным камином, занимавшим центральное место.

– Благодарю, – с шутливым поклоном ответил Фредди, сняв с Поузи куртку и повесив ее на крючок в прихожей. – Должен признаться, я и сам весьма доволен своим убежищем. Но проходи и взгляни на мою любимую обитель... кухню.

Поузи вошла вслед за ним в просторное помещение, мгновенно заметив, что представшие ее взгляду три стены сделаны из стекла. Фредди щелкнул выключателем, и в загоревшемся свете Поузи увидела за стеклянными стенами небольшой, но идеально ухоженный садик.

– Когда я приехал сюда, то увидел всего лишь обычный четырехкомнатный коттедж, поэтому пристроил к нему вот такую, в сущности, оранжерею. Пространство увеличилось втрое, не говоря уже о свете.

– Мне нравится. – Поузи в восторге всплеснула руками. – А сколько у тебя тут современных кухонных приборов и приспособлений, – добавила она, окидывая восхищенным взглядом встроенные под массивную мраморную столешницу плиту с духовкой, посудомоечную машину и поблескивающий нержавеющейкой холодильник. Ох, видя такую красоту и вспоминая собственную кухню, я чувствую себя пристыженной.

– Я очень рад, что тебе понравилось, – сказал Фредди. – Выпьем бренди?

– С удовольствием. Да, именно такой дом мне хотелось бы купить, – заметила она, радуясь тому, что уже поняла, где хотела бы жить, если решится продать Адмирал-хаус.

– Неужели ты подумываешь о переезде? – не восприняв ее слова всерьез, спросил Фредди, когда они с бокалами бренди вернулись в гостиную.

– Да. – Сама не зная, почему испытывая смущение, Поузи пока не хотела сообщать Фредди о предварительной оценке и возможной продаже своего дома.

– Это же весьма важное решение, – опустившись в кресло, заметил он.

– Да, весьма.

– Но, возможно, правильное. Иногда ведь полезно оставить прошлое позади, чтобы стало легче жить дальше, – задумчиво произнес он.

– Верно, только если прошлое было трудным! А для меня Адмирал-хаус наполнен счастливыми воспоминаниями, – резковато возразила она.

– Да, конечно. То есть если ты и решишься продать его, то по чисто практическим причинам?

– Да, именно так. На самом деле мне уже сделали одно деловое предложение. Сегодня утром ко мне заехал Сэм, мой старший сын, и заявил, что хотел бы купить дом и перестроить его, разделив на квартиры. – Поузи вздохнула. – Должна сказать, это поставило меня в довольно затруднительное положение.

– Но почему?

– Во-первых, только вчера у меня проводили оценку. Однако я особенно не думала о продаже, просто мне захотелось под благовидным предлогом выяснить, сколько он может стоить.

– А тебе мгновенно сделали предложение?

– Да, сложность в том, что меня загнали в тупик. Ежели я решусь на продажу, то разве смогу не принять предложение родного сына? Однако, откровенно говоря, его послужной список в бизнесе поистине ужасающий, и эта его новая компания существует без году неделя и

еще никак себя не проявила в деле. Как раз Адмирал-хаус, насколько я поняла, станет их первым серьезным проектом.

– А ты уверена, что он сможет достать нужные деньги?

– Сэм говорит, что сможет, но могу ли я ему верить? Нет, абсолютно не могу.

– И он не просил о каких-то скидках?

– Нет, согласился на назначенную цену.

– Понятно. Но вероятно ли, что он попытается обмануть родную мать?

– Хотелось бы думать, что нет, однако я его мать и, возможно, невольно переоцениваю его достоинства. Даже осознавая все его недостатки, я верю, что у него добрые намерения.

– Естественно, веришь, однако Сэм действительно поставил тебя в чертовски сложное положение. Разумеется, ты чувствуешь себя обязанной продать дом ему. Но мое адвокатское прошлое подсказывает мне, что любые финансовые сделки между близкими родственниками зачастую заканчиваются слезами.

– Да, понимаю. – Поузи кивнула.

– По-моему, в данной ситуации тебе остается только занять жесткую реалистичную позицию. Дом оценил независимый агент по продаже недвижимости, поэтому тебе известна его цена. Почему бы тебе не дать Сэму и его компании право первого выбора, установив срок, к которому они должны обменяться контрактами и внести, соответственно, крупный депозит? Тебе же некуда торопиться, поэтому, если сделка совершена не будет, ты в любом случае потеряешь не более пары недель. Зато по крайней мере ты дашь ему шанс.

– Точно, спасибо, милый Фредди. Какой же ты умный! По-моему, ты абсолютно прав. И я поступлю именно так, как ты предложил.

– Рад служить, миледи.

– Кстати, я собиралась спросить тебя, не хочешь ли ты прийти к нам в Адмирал-хаус в воскресенье на семейный обед? Приедут мой сын Ник с новой подружкой и Сэм, разумеется, с Эми и детьми.

– Придется попросить Джо поработать за меня на лодке, но твое приглашение звучит чертовски заманчиво.

– Отлично. – Поузи встала. – А теперь, мне явно пора уходить. Спасибо за прекрасный вечер и твой мудрый совет.

Поузи вышла в прихожую, и Фредди помог ей надеть куртку.

– Доброй ночи, Поузи, и спасибо, что согласилась навестить меня. – Он подался к Поузи, явно намереваясь поцеловать, и на долю секунды ей показалось, что он нацелился на ее губы. Однако в последний момент его лицо сдвинулось, и он, как обычно, легко чмокнул ее в щеку.

– Доброй ночи, Фредди.

Идя по дорожке от дома, она напоследок оглянулась. И с изумлением увидела на его лице выражение глубочайшей печали.

Глава 15

– Ник! А это еще что за зверь? – рассмеявшись, воскликнула Тэмми, забравшись на пассажирское сиденье старомодного, но безупречно восстановленного спортивного автомобиля томатного цвета.

– Это, моя милая Тэмми, винтажный «остин-хили».

– Мне нравится такой цвет, – одобрила Тэмми, вдохнув запахи кожи и полировки. – А не заглохнет мотор по дороге? – добавила она, видя, как Ник безуспешно пытается завести машину.

– Может... но мы же сумеем подтолкнуть ее.

– Чем тебя так привлекает вся эта старина? – спросила Тэмми, когда машина наконец завелась и они отъехали от тротуара.

– А тебя? – с улыбкой уточнил Ник, переключил скорость и коснулся руки Тэмми.

– Очарованием, я уверена.

– Надеюсь, ты не волнуешься из-за сегодняшнего обеда? – спросил он, когда они уже ехали на восток по относительно пустынному Лондону, не спешившему проснуться воскресным утром.

– Ты имеешь в виду из-за знакомства с твоей мамой... братом и его семьей? Наверное, слегка волнуюсь.

– Уверен, маме ты понравишься и, вероятно, Сэму тоже, но совсем по другим причинам. Ему всегда хотелось иметь то, что было у меня, зато не сомневаюсь, что тебе понравится Эми. По моим воспоминаниям, она – чистый ангел. И еще я знаю, что ты очаруешь их всех.

– Надеюсь, что так. – Тэмми вздохнула, задумавшись, почему же ей так хочется понравиться его родственникам.

* * *

Поузи только что закончила накрывать кухонный стол и поставила в центр вазу с букетом разноцветных астр, их она выращивала в изобилии ради обеспечения осенним нектаром впадающих в спячку

бабочек. Сегодня утром она проснулась в трепетном волнении – предчувствие того, что впервые за долгие годы вся семья соберется на обед, наполняло ее особой радостью. Не считая короткой прогулки по саду, чтобы срезать цветы, Поузи не вылезала с кухни с семи утра, занимаясь приготовлением разнообразной выпечки и купленной вчера говядины.

Зазвонил домашний телефон.

– Алло? – сказала Поузи, сняв трубку.

– Поузи, это Фредди. Прости, я чертовски виноват, что не смог сообщить заранее, но, к сожалению, я все-таки не смогу сегодня прийти на обед.

– Ясно.

Поузи ждала от Фредди еще каких-то объяснений, но, слыша лишь его молчание, поняла, что их не последует.

– Очень жаль. Мне так хотелось познакомить тебя с моей семьей.

– И мне очень хотелось познакомиться с ними. Но, боюсь, тут уж ничего не поделаешь. Я позвоню тебе на неделе. До свидания, Поузи.

Она положила трубку, чувствуя, что радостное предчувствие воскресного дня немного потускнело. Фредди говорил таким резким, таким холодным тоном...

– Поузи, по-моему, вы чем-то глубоко озабочены.

Услышав голос Себастиана, Поузи невольно вздрогнула. Он перебрался сюда пару дней назад, и она еще не привыкала к присутствию жильца в доме.

– Озабочена? – Она повернулась к нему. – Простите...

– Вы не возражаете, если я приготовлю себе кофе? – спросил Себастиан. – Обещаю завтра же купить себе в комнату чайник, чтобы мне не приходилось мешать вам тут, внизу.

– Да вы мне вовсе не мешаете, правда.

Подойдя к столу, Поузи начала убирать столовый прибор, поставленный для Фредди.

– Кто-то не сможет прийти? – спросил Себастиан, верно оценив ее действия.

– Угадали, – подтвердила Поузи, расставляя посвободнее соседние приборы. – Мой друг, Фредди.

– Извините, если вмешиваюсь не в свое дело, но не слишком ли поздно он сообщил об этом?

– Да, поздновато, – вздохнула Поузи и опустила на стул, продолжая сжимать в руках столовые приборы. – Вот вы, Себастиан, пишете романы и, наверное, понимаете мужчин. Может, вы сумеете объяснить мне, почему человек сначала ведет себя... на редкость предупредительно и пылко принимает приглашение, а потом холодно и отстраненно отказывается прийти.

– Трудно сказать. – Себастиан положил в кружку ложку растворимого кофе. – Как вы понимаете, мужчины, как правило, склонны к гораздо большей основательности, чем женщины; по большей части они меньше склонны к сложным эмоциям. Они назовут лопату лопатой, в то время как женщины скорее определяют ее, как металлическое копательное орудие, используемое в саду.

Эта аналогия вызвала у Поузи улыбку.

– На основании этого я предположил бы, что ваш Фредди не сможет прийти сегодня, потому что у него есть на то веская причина.

– Тогда почему он просто не сообщил мне ее?

– Сие известно одному Богу, ну и Фредди, конечно. – Себастиан, сняв чайник с конфорки, налил кипятка в кружку. – По моему опыту, когда мужчины собираются вместе, их в основном прельщает пивной отдых, приправленный солеными шуточками. Они могут быть крайне косноязычны и неловки в общении, особенно – уж простите, что скажу прямо – мужчины определенного поколения, которых приучили с колыбели держать при себе свои мысли и чувства. А британцы в этом плане хуже всех. У них врожденное мужество и присутствие духа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Ну, вы, очевидно, слеплены совсем по другому образу и подобию. И прекрасно выражаетесь...

– Должно быть, во мне разыграли французские гены, – отшутился Себастиан, размешивая кофе.

– А вы знаете, что я наполовину француженка, по матери? – сообщила Поузи, достав из духовки противень с огромным куском говядины и поливая его вытопившимся соком.

– Вот он, момент истины! – Себастиан улыбнулся. – Должно быть, именно поэтому вы мне так приглянулись.

– Что ж, раз уж я женщина и наполовину француженка, то проявлю завидную настойчивость и спрошу, не замените ли вы сегодня Фредди?

– Seriously? Вы уверены, что хотите видеть меня на вашем семейном сборе?

– Совершенно уверена, я и раньше вам говорила, что буду рада вас видеть. Кроме того, они будут вести себя гораздо цивилизованнее в присутствии постороннего.

– А вы ожидаете, что к вечернему чаю могут схватиться за пистолеты?

– Надеюсь, что нет, хотя сомневаюсь, что Ник будет очень доволен, если Сэм упомянет о намерении купить этот дом и устроить в нем шикарные апартаменты. Несмотря на то что пока еще ничего не решено.

– Думаю, меня это тоже не слишком порадовало бы, а ведь я даже не родственник, – с грустью признался Себастиан. – Я совершенно влюбился в ваше поместье. В любом случае, если вы уверены в своем желании, то я с удовольствием присоединюсь к вам на часок-другой.

– Абсолютно уверена, – решительно подтвердила Поузи. – Кроме того, вы станете на сегодня моим официальным кавалером.

– Тогда я спущусь ровно в час. До скорого.

* * *

Сразу после полудня Поузи увидела, как красный спортивный автомобиль проехал по подъездной аллее и припарковался на гравийной площадке перед домом. Дверца со стороны пассажирского сиденья открылась, и из машины вынырнула пара длинных стройных ног в шикарных обтягивающих замшевых брюках, за ними последовал элегантный торс, увенчанный спутанной гривой золотисто-рыжих волос.

– Боже мой, да она красавица, – огорченно прошептала Поузи.

Мало к кому из знакомых красивых женщин она относилась с подлинной симпатией и могла лишь надеяться, что Тэмми окажется приятным исключением.

За десять минут общения с Тэмми Поузи осознала, что эта прекрасная, искренняя молодая женщина определенно оказалась тем самым исключением. Даже ее очевидное волнение Поузи сочла очаровательным, глаза подружки Ника лучились чистой радостью и

дружелюбием, и сама она, казалось, была совершенно равнодушна к своей красоте. А важнее всего, Тэмми, несомненно, обожала Ника, судя по тому, как нежно она касалась его руки и какие взгляды бросала на него.

– Поузи, могу я вам чем-то помочь? – спросила Тэмми, когда они втроем уже стояли на кухне с бокалами вина.

– Нет, я же...

– Мам, прикатили Сэм и Эми, – выглянув в кухонное окно, сообщил Ник. – Бог ты мой, вы только поглядите на моих племянничков! Извините, вы не против, если ненадолго покину вас? Пойду, представлюсь им в качестве дядюшки!

– Конечно.

– Поузи, у вас такой красивый дом, – с восхищением произнесла Тэмми.

– Спасибо, Тэмми, мне он тоже нравится. Еще вина?

Поузи освежила подставленный Тэмми бокал.

– Знаешь, я еще никогда не видела Ника таким счастливым, – призналась Поузи, наполняя и свой бокал. – Должно быть, ему хорошо с тобой.

– Надеюсь, – осмелилась сказать Тэмми. – Я знаю только, что мне хорошо с ним.

– Как здорово, что вы оба успешны. По-моему, это делает отношения более гармоничными.

– Ну, как раз сейчас, Поузи, я начала новое рискованное дело. Затея с моим бутиком может закончиться полным провалом.

– Я в этом сомневаюсь, милая, и, даже если это вдруг случится, я уверена, что у вас достанет силы духа найти новое применение своим талантам. Ах, я уже слышу, как топчут ножки внучат. – Поузи повернулась к двери.

На кухню вошел Ник с Сарой на руках и бегущим рядом Джейком.

– Так, теперь давайте знакомиться с вашей тетушкой Тэмми. – Ник подошел с ними обоими к Тэмми, спустил Сару на пол, и дети замерли перед ней, смущенно улыбаясь.

– Ну, привет, ребята. – Тэмми присела перед ними.

– Ты жена дяди Ника? – спросил Джейк.

– Нет, не жена.

– Тогда как же ты можешь быть нашей тетушкой? – удивился он.

– Мне нравятся твои волосы, – прошептала Сара, шагнув ближе к Тэмми. – Они настоящие?

– Да. – Тэмми серьезно кивнула. – Хочешь подергать и убедиться?

Подняв пухлую ручку, Сара ухватила пальчиками блестящую, с медным отливом прядку.

– Они у тебя такие же длинные, как у принцессы Барби. Только у нее ненастоящие.

– Добрый день, Поузи, как дела?

Бросив взгляд на дверь кухни, Тэмми увидела, что на пороге появилась очень симпатичная блондинка.

– Эми! – Поузи сердечно поцеловала ее. – Выглядишь замечательно. Заходи и познакомься с Тэмми. Тэмми, это Эми, моя любимая невестка.

– Только потому, что я ее единственная невестка. – Эми улыбнулась, и Тэмми сразу поняла, что они прекрасно поладят. – Привет, Ник, ну наконец-то, как приятно вновь увидеться после десятилетней разлуки.

Тэмми обратила внимание, как Эми заключила Ника в объятия, и он тоже крепко обнял ее.

– Выглядишь потрясающе, – одобрила Эми, улыбнувшись. – И кстати, заранее извиняюсь за все, что мои детки сделают или скажут за обедом. Тэмми, постарайся, чтобы их маленькие липкие пальчики не приближались к твоим шикарным замшевыми брючкам.

– Привет, мам.

Тэмми заметила невысокого, но широкоплечего блондина, он быстро подошел к Поузи и чмокнул ее в щеку. Тэмми почувствовала, как напрягся стоявший рядом с ней Ник.

– Ник, старина, приятно тебя видеть.

– Добрый день, Сэм, – сухо ответил Ник, протянув руку, и его брат сердечно пожал ее.

Сравнивая двух братьев, Тэмми подумала, что Сэм выглядит значительно старше и менее привлекательно. Его волосы на макушке явно поредели, и у него появился заметный пивной живот. Общими у них оставались, пожалуй, только носы, в остальном Сэм был совершенно не похож на Ника, который во многом унаследовал черты матери.

– Что же привело тебя обратно в родные края? Неужели так и не удалось наладить дела в Перте?

Тэмми заметила, как окаменело лицо Ника.

– На самом деле дела шли лучше, чем я вообще мог ожидать, – натянуто ответил Ник.

– Отлично. Что ж, тогда, похоже, у тебя скоро появятся конкуренты в лице старшего брата, – небрежно бросил Сэм. – Но я расскажу тебе об этом позже.

– Не терпится услышать, – парировал Ник с явным сарказмом в голосе.

Тэмми встревоженно глянула на Эми, и они обменялись понимающими взглядами.

– Не пора ли нам промочить горло? – поистине вовремя прервала их разговор Поузи. – Тэмми и Ник так любезно привезли мне шампанского.

– Давай, мам, я открою, если не возражаешь? – предложил Ник и направился к ней, чтобы взять бутылку.

– Привет, дорогуша, где же Ник отыскивал тебя? – спросил Сэм, повернувшись к Тэмми, его взгляд оценивающе пробежал сверху вниз по всему ее телу.

Тэмми мгновенно поняла, что перед ней мужчина, привыкший выгодно пользоваться своим обаянием, таких типов она встречала частенько на протяжении всей своей взрослой жизни... и терпеть их не могла.

– У нас есть общие друзья.

– Тогда, судя по акценту, ты, видимо, не австралийка?

– Нет, Сэм, Тэмми – знаменитая манекенщица, – вмешалась Поузи.

– Бывшая, – уточнила Тэмми. – Теперь меня скорее можно назвать деловой женщиной.

– Что ж, ты так прекрасно выглядишь, что у тебя наверняка еще нет детей, – небрежно произнес Сэм. – Роды и бессонные ночи старят женщину, не так ли, дорогая? – Он бросил менее лестный взгляд на свою жену. – Ладно, милые леди, пока оставлю вас в покое. Надо поболтать с мамулей. – Сэм подмигнул им и отошел.

Тэмми испытала знакомую неловкость, стоя рядом с женщиной, чей муж только что откровенно дал понять, что считает ее более

привлекательной, чем жена. Тэмми растерялась, не зная, что сказать, и в итоге Эми нарушила затянувшуюся паузу.

– Ты знаешь, Сэм прав, – вздохнув, заметила она. – Я многое отдала бы за возможность понежиться в постели и спокойно, без спешки выбрать нарядное платье перед выходом в свет, но, увы, дети в данном смысле настоящее наказание.

– Не знаю, как женщинам удается справляться с такими заботами. Но, должно быть, они вознаграждаются. По крайней мере, я поняла это, глядя на ваших детей. – Тэмми улыбнулась. – Они очаровательны.

Сара и Джейк заливисто смеялись в ответ на какую-то смешную историю, рассказанную их неожиданно обретенным дядей Ником.

– Возможно, и так, но я начала задаваться вопросом, хорошо ли подшутила над нами природа, наградив материнством. Естественно, меня застрелили бы на детской площадке, если бы я призналась, что нахожу не слишком приятным день, проведенный с двумя малышами за бесконечным просмотром мультфильмов, однако порой мне хочется быть волком.

– По крайней мере, вы можете честно признать это, – заметила Тэмми, с каждой минутой все больше симпатизируя Эми. – Со стороны мне кажется, что материнство – это на девяносто процентов тяжелый труд и на десять процентов – удовольствие.

– В общем, разумеется, в долгосрочной перспективе оно достойно мучений; все говорят, какая замечательная жизнь начинается, когда они вырастают и становятся твоими друзьями. Сложность в том, что большинство взрослых детей считают посещение родителей неприятной обязанностью. О боже. – Эми усмехнулась. – Не слишком подходящая реклама семейной жизни, верно? Но на самом деле без детей я вряд ли выжила бы.

– Я понимаю, Эми. Ты имела в виду лишь то, что предпочла бы иметь для себя лично немного больше времени.

– Точно. Смотри-ка, Тэмми, – заметила Эми, глянув на своих детей с Ником, – а этот парень выглядит вполне довольным с прыгающими на его коленях малышами. Возможно, тебя ждет моя судьба: измученной, ноющей мамыши. Пожалуй, пора спасать его.

– Ну вот, шампанское налито. Собирайтесь сюда. – Поузи уже наполнила стоявшие на столе фужеры. – Мне хочется поднять тост за Ника и сказать ему: добро пожаловать домой, дорогой.

– Спасибо, мам. – Ник кивнул, подходя к столу.

– И мы сердечно рады познакомиться с Тэмми, – добавила она и объявила: – Ну да ладно, голодать вам осталось недолго, обед будет готов через десять минут. Ник, ты поможешь с нарезкой?

Тэмми заметила, что муж Эми, прищурился глазами, следил за тем, как его мать суетится вокруг младшего брата. Окутавшее Сэма облако ревности, словно смрадный запах, поплыло в сторону Ника.

Себастиан вошел на кухню, когда семья начала усаживаться за стол.

– Как раз вовремя, – сказала Поузи, приглашая его занять стул между ней и Тэмми. – Представляю вам, мои родные, моего нового жильца, Себастиана Жиро.

– Всем привет. – Себастиан вежливо улыбнулся всем собравшимся и сел на предложенное место. – Надеюсь, никто не против, что я заявился на ваш семейный сбор?

– Я лично только рад. Ник Монтегю. – Перегнувшись через стол, Ник пожал гостю руку. – Я читал вашу книгу, мне понравилось.

– Спасибо.

– А я – Сэм Монтегю, а это моя жена, Эми.

– Очень приятно. С Эми, кстати, я успел познакомиться в отеле, – ответил Себастиан. – Как ваши дела? – спросил он ее.

– Нормально, спасибо.

Тэмми заметила, что щеки Эми порозовели, и она опустила глаза.

– Так чем же вы, Себастиан, занимаетесь в Адмирал-хаусе? – спросил Сэм, допив остатки шампанского и потянувшись за бутылкой, чтобы пополнить фужер.

– Пишу очередную книгу. Ваша мать любезно предложила мне полный пансион.

– Надо же, мам, а ты у нас, оказывается, темная лошадка, – шутливо бросил Ник.

– Да уж, когда Себастиан вошел, я на мгновение подумал, что ты нашла себе молодого кавалера, – добавил Сэм.

– Ну, об этом остается только мечтать. – Поузи улыбнулась. – Итак, я никого ничем не обделила?

В течение следующего часа Поузи, сидя во главе стола, с тихой радостью наблюдала за своей семьей, впервые за десять лет собравшейся вместе. Даже Сэм и Ник, казалось, забыли на время о

своих напряженных отношениях, и Ник с удовольствием рассказывал брату о своей жизни в Австралии. Тэмми и Себастиан мило о чем-то болтали, и только Эми, похоже, никак не удавалось успокоиться. «Вероятно, из-за детей», – подумала Поузи, слишком хорошо сама помнившая, как водила мальчиков в гости на воскресные обеды и сидела как на иголках, следя за тем, чтобы они не проказничали. Эми выглядела измученной, и Поузи невольно сравнила осунувшуюся и озабоченную невестку с безмятежной и свежей Тэмми.

– Дорогая Поузи, теперь мне пора вернуться наверх и поработать, или если уже быть более честным, то покемарить перед работой, учитывая количество выпитого превосходного вина, – сказал Себастиан, выходя из-за стола. – До встречи, ребята. – Он помахал рукой остающейся компании и покинул кухню.

Пока Поузи заваривала кофе, а Эми убирала со стола, Ник подсел к Тэмми и по-хозяйски приобнял ее за плечи.

– Привет, любимая. – Он поцеловал ее в шею. – Давно не виделись. Ну, и что ты думаешь о мамином жильце?

– Классный парень, – ответила Тэмми. – Совсем не высокомерный, учитывая его звездный литературный статус.

– Мамуля, я хочу на горшок, – пропищала Сара с другого конца стола.

– Ладно, ты тоже, Джейк, сходишь в туалет, а потом мы пойдем, немного поиграем и дадим взрослым посидеть спокойно.

Взяв за руки детей, Эми увела их из кухни.

– Ну, полагаю, мама уже сообщила тебе, что продает мне Адмирал-хаус? – с подчеркнутой медлительностью произнес Сэм, в очередной раз наполняя вином свой бокал.

– Что?! Нет. Мам, почему ты ничего не сказала мне?

Сердце Поузи ёкнуло, но она с невозмутимым видом поставила на стол поднос с кофе.

– Потому что, Ник, пока еще ничего не решено.

– Что не решено? Продаешь ли ты Адмирал-хаус? Или продаешь ли ты его Сэму? – Ник недоверчиво посмотрел на нее.

– Да, моей компании, а что, собственно, в этом плохого? – спросил Сэм. – Я как раз говорил маме, что если она решится на продажу, то лучше, чтобы дом остался в семье. И пообещал скидку на

одну из квартир, поэтому мама сможет продолжать здесь жить, если захочет.

– погоди, Сэм, я же говорила тебе, что пока у меня нет никакой уверенности в том...

– «Одну из квартир?» О чем он, черт побери, говорит? – Лицо Ника заметно побледнело.

– Мама собирается продать дом моей строительной компании, а мы собираемся реконструировать его и разместить здесь несколько элитных квартир. Они нынче в моде... можно заработать целое состояние, особенно в такой шикарной уединенной и живописной усадьбе. Никакой возни с садом и огородом – мы найдем опытного садовника, чтобы присматривал за ними... обеспечим надежную охрану и все такое прочее.

– Господи, мама. – Ник покачал головой, стараясь подавить свой гнев. – Я просто не могу поверить, что ты ничего не обсудила со мной, не дала мне возможность высказать свое мнение.

– Давай признаем, братишка, последние десять лет ты торчал на другом конце света. А жизнь-то идет, – вмешался Сэм. – Мама давно уже в одиночку выбивается из сил, стараясь поддерживать это хозяйство в приличном состоянии.

– Что ж, очевидно, вы уже все уладили между собой и вам не нужно мое участие. – Ник встал, дрожа от ярости и негодования. – Пойдем, Тэм, нам пора уезжать.

Тэмми тоже встала, в смущении опустив голову и желая провалиться на месте.

– Ник, пожалуйста, не уходи. Конечно, я собиралась все с тобой обсудить и спросить твое мнение. Мне... – Поузи беспомощно пожала плечами.

– Насколько я понял, вы уже решили, что делать. – Обойдя вокруг стола, Ник сухо чмокнул Поузи в щеку. – Спасибо за обед, мама.

– Да, большое вам спасибо, – сказала Тэмми, видя, с каким страданием Поузи смотрит вслед уходящему Нику. Однако Тэмми оставалось только последовать за ним. – Надеюсь, мы скоро встретимся вновь. До свидания.

Кухонная дверь захлопнулась за ними, и Поузи огорченно обхватила голову руками.

– Извини, мам. – Сэм беззаботно пожал плечами. – Я полагал, что ему все известно. Ничего, он это переживет. На самом деле я думал, что мне стоит предложить Нику посмотреть на мои...

– Замолчи, Сэм! Ты натворил достаточно для одного дня. Я не желаю больше ничего обсуждать. Ты понял?

– Конечно. – У него хватило ума принять озабоченный вид. – Что ж, можно я помогу тебе убрать со стола?

* * *

Эми бродила по спальням второго этажа, без особого воодушевления играя в прятки с детьми. Глянув на часы, она с надеждой подумала, что Сэм скоро захочет домой. Ее еще ждала куча неглаженного белья. «Как чудесно живет Тэмми, – подумала Эми. – Она может просто вернуться домой и без всяких забот почитать книжку у камина».

– Ма-а-а-м-м-м-а! Иди меня искать! – раздался приглушенный крик с другого конца коридора.

– Иду, – откликнулась она и последовала на голос в одну из спален.

Себастиан сидел за письменным столом перед ноутбуком. Стол стоял возле стены с огромными окнами, из которых открывался великолепный вид на садовые клумбы и аллеи.

– Господи, извините, я думала...

– Не беспокойтесь. – Себастиан повернулся к ней. – Честно говоря, я даже рад немного отвлечься. Превосходное красное вино за обедом убило несколько тысяч клеток моего мозга, устал бороться, силясь выжать из себя внятные мысли.

– Много ли страниц вам удалось написать?

– Совсем недостаточно. Я написал примерно треть книги и обнаружил, что написание второй трети дается мне гораздо труднее первой.

– А мне думалось, что чем дальше, тем проще, что по мере написания накапливается опыт и пишется легче.

– Верно, но порой опыт только вредит. Когда я писал «Поля скорби», то просто строчил страницу за страницей, понятия не имея,

хорошо или плохо получается, ни о чем особо не волновался. Наверное, из меня просто изливался поток сознания. Однако, разумеется, после такого успеха и хороших отзывов я попался в собственную ловушку, ведь теперь все будут ждать моего провала.

– Уж извините, но, по-моему, это чертовски негативный и непродуктивный подход.

– Согласен, однако есть вероятность, что мои чудесные способности иссякли после написания одной-единственной книги. – Себастиан вздохнул. – На сей раз я пишу, сознавая, что должен написать эту книгу, но понятия не имею, хороша ли ее задумка или получится полный бред.

– Ма-м-м-а! Куда ты спряталась?

– Ладно, пожалуй, мне пора к детям. – Эми приподняла брови.

– Мне очень понравился ваш воскресный обед, – улыбнулся Себастиан. – У вас прекрасная семья.

– Тэмми, кажется, очень мила. И так красива, – восхищенно произнесла Эми.

– Да, она красива, на редкость приятная дама, хотя не совсем в моем вкусе.

– А кто же в вашем вкусе? – Этот вопрос вырвался у нее прежде, чем она успела остановить себя.

– О, мне нравятся изящные стройные блондинки с большими голубыми глазами. – Себастиан взглянул на нее. – Как ни странно, похожие на вас.

Их взгляды на мгновение встретились, и дрожь волнения, пробежав по телу Эми, повергла ее в смущение.

– Ма-а-ма! – В дверях появилась Сара с недовольно надутыми губами. – Я все пряталась, пряталась, а ты все не шла.

– Нет, я... искала тебя... – Эми отвела взгляд. – Извини, малышка. Нам уже все равно пора спускаться.

– До свидания, Сара. Пока, Эми. – Себастиан, довольно блеснув глазами, поднял руку в знак прощания. – Скоро увидимся.

Эми нашла Джейка под кроватью его бабушки, и все втроем они пошли вниз по лестнице. Что заставило ее спросить об этом Себастиана? Это было равносильно флирту и совсем не в ее правилах. Возможно, подействовало вино или, возможно... возможно, Себастиан

на самом деле нравился ей, несмотря на то что она не смела себе в этом признаться.

Зайдя на кухню, они увидели, что Сэм и Поузи в полном молчании моют посуду.

– А где Ник и Тэмми? – спросила Эми.

– Укатили в Лондон, – резко ответила Поузи.

– Что же вы не позвали меня? Я хотела бы проститься с ним.

– Они просто встали и ушли, – пояснил Сэм. – Боюсь, Ника что-то расстроило.

– Сэм заявил Нику, что я собралась продать ему Адмирал-хаус. Естественно, это стало для Ника потрясением. Я предпочла бы сама сообщить ему об этом, но меня опередили, – пояснила Поузи.

– Сожалею, мам, что так получилось.

Эми подумала, что, судя по виду, Сэм абсолютно ни о чем не сожалеет.

– Ладно, ничего не поделаешь. Потом мне придется позвонить Нику и поговорить с ним. – Поузи через силу улыбнулась. – Итак, кто-нибудь хочет чашку чая с лучшим бабушкиным шоколадным тортом?

* * *

– У меня просто в голове не укладывается! Как мама могла даже подумать о продаже Сэму Адмирал-хауса! Это же чистое... безумие!

Тэмми тихо сидела на пассажирском сиденье, а Ник на предельной скорости гнал машину в Лондон, в гневе он так вцепился руками в руль, что у него побелели костяшки пальцев.

– Дорогой, я уверена, что мама собиралась рассказать тебе. Просто еще не успела.

– Мы с ней обедали на прошлой неделе, и она упомянула, что собирается вызвать оценщика, но ни словом не обмолвилась о продаже дома именно Сэму. Нет, держу пари, настоящая причина ее молчания в том, что она точно знала, как я отреагирую.

Слушая последние сорок минут его возмущенные излияния, Тэмми толком не поняла, чем больше расстроен Ник, продажей Адмирал-хауса... любимого дома его детства... или тем фактом, что мать собиралась продать его Сэму.

– Ник, это ужасно печально, но попробуй понять точку зрения твоей матери. Любому ясно, что ваш особняк слишком велик для нее. Разве она виновата в том, что у нее нет денег на его содержание и восстановление? И если компания Сэма сможет купить его, по крайней мере поместье останется в семье, как он и сказал.

– Тэмми, ты понятия не имеешь, что за типчик наш Сэм. Я вовсе не шутил, когда говорил, что он способен обмануть собственную мать ради достижения своей цели.

– И ты думаешь, он так и сделает?

– Понятия не имею, поскольку, как ты помнишь, мама предпочла ничего мне не сообщать. Она со всей очевидностью показала, что не нуждается в моей помощи или советах. Что ж, она сама заварила эту кашу, ей придется и расхлебывать!

Глава 16

На следующее утро Поузи приехала в Саутволд, чувствуя себя крайне подавленной. Она так много ждала от долгожданного сбора всей семьи, однако окончание воскресного обеда ошеломило ее. Целую ночь она пыталась придумать, как лучше разрешить возникшее недоразумение, и уже утром не раз снимала телефонную трубку, но, так и не решившись позвонить, возвращала ее на место. Ник по натуре был очень похож на нее; она понимала, что ему нужно успокоиться, прежде чем он будет готов выслушать хоть какие-то ее объяснения.

Открыв галерею, она приготовила себе чай и грустно следила за тем, как улицу за окном поливал холодный дождь. Больше всего ее расстраивало то, что назрела необходимость принятия решения о продаже Адмирал-хауса. Неопределенность успела сильно взбудоражить всех, не говоря уже о спровоцированной ею крупной ссоре. Надо было лишь заставить себя позвонить Сэму и сообщить, что ему дано преимущественное право покупки. Тогда она могла бы передать дело своему адвокату и начать подыскивать себе новый дом.

Спустя час входная дверь галереи открылась, и в зал, отряхивая дождевые капли с плаща, вошел Фредди.

– Доброе утро, дорогая моя Поузи. Ну и погодка сегодня, на редкость мерзостная, – сообщил он, подходя к ней.

– Привет, Фредди.

Даже она сама осознала, насколько вяло прозвучал ее привет.

– Слушай, я понимаю, ты, должно быть, сердисься из-за того, что я так поздно отказался от твоего приглашения.

– Право, Фредди, не стоит из-за этого беспокоиться.

– А я беспокоюсь, очень беспокоюсь. – Фредди начал нервно расхаживать по залу. – Боже мой, как же это все удручает!

– Что именно?

– Да именно... – Он глянул на нее отчаянным взглядом. – Нет, ничего, – промямлил он, тряхнув головой.

– Прости меня, Фредди, но, так или иначе, я не в настроении больше ничего драматизировать. Тем более что я совершенно не представляю, в чем смысл драмы. Поэтому если ты по-прежнему будешь темнить, то буду крайне благодарна, если ты уйдешь.

Поузи чувствовала, что вот-вот расплачется, сознавая при том, что решительно не могла себе этого позволить. Отвернувшись от него, она удалилась в служебную комнату.

– Поузи, ну прости меня, ради бога. Мне вовсе не хотелось еще больше расстраивать тебя, – следуя за ней, бубнил он.

– Да дело, по большому счету, вовсе не в тебе, – сказала Поузи, достав из коробки салфетку и громко прочистив нос. – Планы продажи этого треклятого дома создают сплошные неприятности. Из-за них поссорились мои сыновья.

– Поузи, пожалуйста, не плачь, я не вынесу этого...

Фредди обнял ее и привлек к себе. От расстройства Поузи не могла даже противиться своим желаниям. Сейчас она как раз отчаянно нуждалась в поддержке, а в надежных руках Фредди она чувствовала себя полностью защищенной. Она слышала, как тяжело он вздохнул, подняла голову, и он нежно поцеловал ее в лоб. Звон дверного колокольчика сообщил им о приходе потенциального покупателя, и они резко отстранились друг от друга.

– Слушай, давай сходим перекусить в «Суон», когда ты закончишь работу. Там ты сможешь все рассказать мне. Ты сможешь подойти туда к часу?

– Да, прекрасная идея, спасибо, Фредди.

Глядя, как он идет к выходу, Поузи подумала, что, независимо от состояния их взаимоотношений, она нуждалась в друге. «И уж по меньшей мере, – подумала она, выходя навстречу покупателю, – дружить Фредди точно готов».

* * *

После восстановительного воздействия джина с тоником и внимания, с которым Фредди выслушал ее печальную повесть, Поузи слегка воспряла духом.

– Дорогуша моя, – сочувственно произнес Фредди, когда они подкрепились превосходной рыбой с картошкой, – видимо, дело гораздо сложнее, чем продажа дома. Старый, как мир, нездоровый случай соперничества между братьями.

– Наверное, в этом-то и дело, – согласилась Поузи. – Сэм всегда чувствовал себя аутсайдером по сравнению с успешным в бизнесе Ником. Сэму хотелось похвалиться перед ним своей новой компанией и покупкой Адмирал-хауса. А Ник жутко разозлился из-за того, что я не рассказала ему о своих планах, не говоря уж о том, что сам он искренне любит этот дом. И вот что из этого вышло. Так порой распадаются семьи. – Она вздохнула. – И я просто не могу допустить, чтобы это случилось с моей семьей.

– Для начала тебе надо поговорить с Ником, он, как мне лично представляется, проявил излишнюю обидчивость.

– Возможно, – призналась Поузи. – Из моих сыновей как раз Ник обычно бывал более добродушным и спокойным, но если уж ему втемяшивалась в голову какая-то навязчивая идея, то он мог стать чертовски субъективным и упрямым, особенно когда дело касалось его брата.

– Я уверен, Поузи, что он успокоится, но, послушай, в конце концов, на сей раз на первое место ты должна поставить свои интересы и нужды. Этот твой дом последнее время, кажется, причиняет тебе одни страдания, и я думаю, что тебе стоит действительно решиться и продать его.

Поузи вдруг задумалась над излишней страстностью, проявившейся на его лице.

– Неужели тебе так не нравится Адмирал-хаус?

– Не имеет значения, что мне нравится или не нравится. Для меня существенно важнее видеть тебя счастливой. И если хочешь знать мое скромное мнение, то тебе пора начинать новую жизнь.

– Да, ты прав. Ладно. – Вздохнув, Поузи допила джин с тоником. – Я сделаю, как ты посоветовал, и предоставлю Сэму право первой покупки.

– Правильно. Расставание всегда очень трудно... продавая дом в Кенте после смерти жены, я принял самое трудное решение в своей жизни. Но такое решение, несомненно, было правильным.

– Сразу после нашего обеда я зайду в агентство повидать Мари, – пообещала Поузи.

– Звучит вдохновляюще, – заметил Фредди, подозвав официанта со счетом.

Фредди долго смотрел на Поузи и наконец стукнул по столу кулаком.

– А, была не была! Жизнь слишком коротка, чтобы отказываться от удовольствий!

– О чем ты, Фредди?

– Хочу спросить тебя, не поедешь ли ты со мной в Амстердам на выходные через пару недель. Меня пригласил на семидесятилетие один из моих старейших друзей, Джереми... мы вместе учились в адвокатской школе. Мне так хочется, чтобы ты поехала со мной, правда, Поузи, очень хочется.

– Понятно. Ну...

– Послушай, я понимаю, что виноват, давая тебе странные и противоречивые намеки, однако я правда думаю, что выходные подальше от Саутволда пойдут нам обоим на пользу... вдохнем свежего воздуха, не обремененного веянием прошлого.

– Ты имеешь в виду *наше* прошлое?

– Да, наше и... – Фредди покачал головой. – По-моему, Поузи, мы заслужили немного веселья, мы оба заслужили. Совершенно невинного, разумеется, отдельные номера в отеле и добропорядочное поведение.

– Разумеется.

– Ну как? – Фредди пристально посмотрел на нее.

– Почему бы и нет? Я давно не бывала за границей, и, как ты говоришь, жизнь слишком коротка. Поэтому, да, я принимаю твое приглашение.

Поузи улыбнулась, когда они вместе направились к выходу из бара.

– Мам! Привет!

Увидев Сэма за стойкой бара с пинтой пива, Поузи почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

– Добрый день, Сэм.

– А с кем это ты? – спросил он, глянув на Фредди и лукаво улыбнувшись матери.

– Пожалуйста, познакомься с моим другом, Фредди Ленноксом.

Фредди твердо пожал руку Сэма.

– А как ты, мам... Приняла уже решение насчет нашего дельца?

Осознавая, что сейчас не подходящий момент сообщать Сэму о сделанном в его пользу выборе, Поузи уклончиво ответила:

– Когда я приму решение, то сразу дам тебе знать. Ну, пока. – И она быстро вышла из бара в вестибюль. – Ладно, Фредди, спасибо тебе большое за обед и совет. Теперь я намерена действовать. Пойду скорее к Мари, пока не передумала.

Зайдя в агентство недвижимости и сообщив Мари, что предоставляет Сэму право первой покупки, она предупредила, чтобы ему ничего не сообщали об этом, пока она не даст особые указания адвокату, а затем быстро вышла на улицу и поспешила под дождем к своей машине. Включив зажигание, Поузи решила, что не хочет ехать домой, где непременно опять будет переживать, думая о сложных отношениях между сыновьями. Вспомнив, как Эми вчера говорила, что у детей сейчас короткие каникулы и ей пришлось взять неделю отпуска в отеле, чтобы присматривать за ними, Поузи остановилась возле булочной, забежала туда, чтобы купить торт, и направилась на Ферри-роуд повидать невестку и внучат.

– Привет, Эми, как ваши дела? – спросила Поузи, когда Эми открыла ей дверь. – Я принесла тортик.

– У нас... спасибо...

Бледная больше обычного, Эми пригладила растрепанные волосы, и Поузи заметила ее покрасневшие глаза. Судя по виду, Эми плакала.

– Я не ждала гостей, – смущенно произнесла она, с трудом проходя по тесной, загроможденной вещами прихожей в гостиную. На полу валялись детские игрушки, а на софе громоздилась большая куча неглаженной одежды. Джейк и Сара неотрывно смотрели что-то по старенькому телевизору, едва заметив приход бабушки.

– Раз они так увлечены просмотром, – мягко сказала Поузи, – почему бы не оставить их здесь одних? А мы пойдем и приготовим чай.

– Ладно, только на кухне еще больший беспорядок, чем здесь.

– Я зашла повидать тебя и не буду обращать внимания на сложности вашего хозяйства, – сказала Поузи, проследовав за Эми на кухню. – Милочка, а ты хорошо себя чувствуешь? Выглядишь неважно.

– О, наверное, подхватила какой-то осенний вирус, только и всего, – ответила Эми, включила чайник и высморкалась, оторвав от

рулона бумажное полотенце.

– Тогда тебе бы лучше прилечь.

– Хотелось бы. – Эми склонилась над грязной столешницей, и Поузи заметила, как задрожали вдруг ее плечи.

– Эми, дорогуша. – Поузи подошла к ней и, обняв рыдающую невестку, успокаивающе сказала: – Ну-ну, не расстраивайся, Расскажи мне лучше, в чем проблема.

– Ох, Поузи, я не могу, – всхлипывая, пробормотала Эми.

– Можешь, милая, и если все дело в Сэме, то ты не выдашь мне никаких семейных секретов, я ведь не слепая. Мне лучше всех известны его недостатки. Я же его мать.

– Я про-сто... – Икая от слез, Эми попыталась что-то сказать: – Просто не представляю, как мы проживем этот месяц. Мы уже превысили наш кредит, а нам нужно оплатить счета на сотни фунтов, включая телефон, газ и электричество, их оплату мы уже просрочили, но Сэм только и делает, что тратит наши жалкие запасы на выпивку в этом злосчастном пабе! Дети ведут себя просто кошмарно, и я чувствую себя совсем больной, и... ох, Поузи, мне жутко плохо. – Эми плюхнулась на стул. – Похоже, я исчерпала все возможные... буквально, последние силы...

Оторвав очередное полотенце от рулона, Поузи вручила его Эми, и она вытерла залитое слезами лицо и опять прочистила нос.

– Естественно, исчерпала, Эми, милая. Каждый достигает своего предела, когда чаша терпения наполняется и переливается через край. Наконец она переполнилась и у тебя. Честно говоря, меня удивляет, как долго ты смогла продержаться.

– Правда? – Эми взглянула на Поузи, которая села рядом с ней и взяла ее за руку.

– Да. Все твои знакомые считают тебя невероятно преданной женой. Вы пережили столько трудностей, Эми, а ты никогда не жаловалась.

– До сих пор.

– А давно было пора, хотя бы ради себя самой, если не ради других. Милая моя, ты же не святая, а такая же земная женщина, как все мы.

– Я старалась не терять оптимизма, старалась изо всех сил, но как же трудно сохранить его в такой жалкой дыре, с проливным дождем за

окнами, когда уже чувствуешь, что не осталось совсем никакой надежды.

– Ты абсолютно права, это жуткая дыра, но, поверь мне, надежда еще есть, – заверила ее Поузи. – Так, давай-ка я заварю тебе хороший горячий чай, и мы поговорим о том, что можно сделать, и начнем с решения денежных трудностей.

– Я могу попросить аванс в счет следующего месяца, но все равно нам его не хватит даже на пару недель.

– По-моему, надо жить сегодняшним днем, не заглядывая пока в будущее, – возразила Поузи, выключив чайник. – Неужели Сэм вообще ничего не зарабатывает?

– Нет, и не будет, пока не запустит хотя бы какой-то строительный проект. В данный момент все перспективы – как обычно – гипотетические.

– Знаешь, Эми, у меня есть одна хорошая новость. Я только что заходила в агентство к Мари и сказала ей, что предоставляю Сэму право первой покупки Адмирал-хауса.

– Правда? Что ж, это его взбодрит, – согласилась Эми. – Но, Поузи, вы точно уверены?

– Нет, но теперь, по крайней мере, у Сэма появляется шанс.

– Я имела в виду продажу.

– Конечно, нет, но, как сказал один мой очень хороший друг, пора начинать новую жизнь. По меньшей мере если проект пойдет хорошо, то ты действительно сможешь увидеть более светлое будущее, – задумчиво произнесла Поузи.

– Наверное. Сэм, несомненно, кажется страшно заинтересованным этим проектом, таким взволнованным я давно его не видела. Но в прошлом все его начинания заканчивались крахом, и я почти не смею ни на что надеяться.

Когда Поузи передала Эми чай, дверь открылась, и в кухню вошла маленькая замарашка со взъерошенными волосами и перепачканным лицом.

Сара залезла на колени к матери и принялась посасывать свой большой палец.

– Обними, мамочка, – прошепелявила она.

– Знаешь, Эми, еще я полагаю, что вам надо серьезно подумать о переезде ко мне, поживете в нормальном доме, пока положение не

улучшится. По-моему, этот коттедж абсолютно не приспособлен для жизни долгой зимой. Вы же все здесь насмерть простудитесь. Сквозняки у вас гораздо сильнее, чем у меня, – добавила Поузи, невольно поежившись.

– Мы не сможем. Вы же знаете, что Сэм и думать об этом не захочет.

– Что ж, Сэму пора отбросить свою глупую гордость и подумать о благополучии семьи. Послушай-ка, Сара, деточка, сейчас мне надо приготовить бутылку с горячей водой для твоей мамы и после того, как она примет пару таблеток парацетамола, уложить ее в постель.

– Не надо, Поузи, правда, я нормально себя чувствую.

– Нет, ты совершенно измучена, и, кроме того, мы с Сарой собираемся испечь к чаю пирог с джемом, хочешь, детка?

Спрыгнув с материнских коленей, Сара пошла обниматься с бабушкой.

– Да, давай печь!

* * *

Эми не проснулась даже к вечернему чаю, поэтому Поузи накормила детей, потом искупала их, думая о том, как хорошо, что ей удалось дать Эми отдохнуть. Она как раз дочитывала малышам вечернюю сказку, когда в двери заскрежетал ключ и Сэм ввалился в прихожую. Поцеловав внучат и пожелав им спокойной ночи, Поузи тихо прошла мимо спальни Эми и спустилась на первый этаж.

– Привет, мам. Что...

– Тише. – Поузи приложила палец к губам. – Эми спит. Она совсем расклеилась. Пойдем на кухню. Поговорим там.

– Что здесь произошло? – озадаченно спросил Сэм.

– Я приехала сюда днем и нашла твою жену в истерике.

– Что ее так расстроило?

– Вероятно, то, что у вас нет денег для оплаты счетов, и то, что она вынуждена жить в доме, похожем на собачью конуру, и работать при этом все ниспосланное Господом время, да еще заботиться о детях, видимо, не получая от тебя особой поддержки. Все это вполне могло способствовать ее теперешнему депрессивному состоянию.

– О боже, так она, похоже, пожаловалась тут на меня?

– Сэм, я сказала бы, что сейчас не в твоих интересах злить меня. Успокойся и сядь, пожалуйста.

Сэм с детства помнил такой редкий холодный оттенок в голосе своей матери, поэтому послушно выполнил ее повелительную просьбу.

– А теперь, выслушай меня внимательно. Твоя жена на грани нервного срыва. Если ты посмеешь ругать ее за то, что она, дав волю эмоциям, поведала мне о ваших бедах, то у меня сочувствия не найдешь. Несмотря на все ваши трудности, Эми без малейших жалоб поддерживала тебя долгие годы. Далеко не одна я задавалась вопросом, почему она так терпелива, но чем бы ни объяснялось ее терпение, тебе очень повезло.

– Прошу, мам, не читай мне нотаций. Я прекрасно понимаю, что женился на святой, как все твердят мне, и что я должен быть благодарен и...

– Сэм, ты рискуешь потерять Эми, если срочно не возьмешь себя в руки. А мне очень не хочется, чтобы это случилось, ради ваших детей, если не ради тебя. Именно поэтому я готова помочь тебе.

– Как?

– Я выписала тебе чек на пятьсот фунтов. Судя по тому, что сказала Эми, этого должно хватить по меньшей мере на оплату коммунальных счетов и отсрочить на некоторое время крайнюю нужду.

– Ну, мама, я думаю, что Эми слишком сгустила краски, у нас все не так уж плохо...

– А я думаю, она права. Держи. – Поузи передала ему чек.

Сэм принял и прочитал его.

– Спасибо, мам, я верну тебе долг, конечно, когда дела пойдут на лад.

– Конечно. – Поузи тяжело вздохнула. – И еще одно, тебе следует знать, что именно ради Эми и детей я готова дать твоей компании первое право покупки Адмирал-хауса.

– Мам, это же замечательно! – Лицо Сэма просияло. – Даже не знаю, что и сказать.

– Ты можешь говорить все, что угодно, но только моему адвокату, именно он будет вести это дело, – отрывисто сказала Поузи. – Очевидно, на улаживание всяких формальностей понадобится время,

поэтому до февраля я буду продолжать жить где жила, однако нет причин, по которым документы не могут быть оформлены как можно скорее. Завтра я свяжусь со своим адвокатом и сообщу ему о своем решении. По-моему, лучше вести это дело исключительно на деловой основе. Я даю тебе прекрасную возможность, но, если ты все испортишь, тогда пеняй на себя.

– Конечно, мам. Я так счастлив. – Сэм бросился к ней с объятиями, но Поузи остановила его.

– Я могу лишь молиться, чтобы ради твоей семьи ты добился успеха с этим проектом. А теперь мне пора уходить.

– Ты уверена, что не хочешь немного задержаться? Может, я сбегаю за бутылочкой шампанского, чтобы отпраздновать?

– Едва ли, – Поузи вздохнула, – при вашем финансовом положении ты можешь позволить себе шампанское. Пожалуйста, передай потом Эми мой сердечный привет и скажи, что мы с ней скоро увидимся. До свидания, Сэм.

– Пока, мам.

Услышав, как хлопнула входная дверь, Сэм тут же издал торжествующий вопль.

Глава 17

Ник бросил мобильный на пассажирское сиденье своей машины. Он смотрел вдаль, пребывая в полнейшем замешательстве.

Итак, теперь он узнал наверняка. Вопрос в том, что ему теперь делать с этим знанием? Должен ли он открыть Тэмми правду, сразу откровенно все рассказать и попытаться объяснить столь непостижимое положение? Или лучше переждать несколько недель, скрытно делать то, что должен, а потом, дождавшись более определенной ситуации, во всем ей признаться?

Кто знает, чем все может обернуться? Вероятно, лучше ему пока нести это бремя одному. Ему придется действовать крайне осторожно, и, безусловно, это добавит напряжения в его и без того уже напряженную жизнь. Но что он мог сделать? Едва ли он имел право сбежать в данных обстоятельствах, хотя, честно говоря, именно это ему отчаянно хотелось сейчас сделать.

Ник размышлял, как же так получается, что такая идеально гладкая и счастливая жизнь вдруг, за пару коротких недель, радикально меняется. Настроившись эгоистично, он сказал бы, что судьба обошлась с ним чертовски жестоко, но в то же время он понимал, что его близкие сейчас находятся в гораздо более тяжком положении, чем он сам.

Ник тяжело вздохнул, собрался с духом и вылез из машины. Вставив ключ в замок двери дома Пола и Джейн, он сказал себе, что со всем справится. В конце концов, у него не было иного выбора.

* * *

Услышав дверной звонок, Эви крикнула Клемми, попросив дочь открыть дверь.

– Привет, Клемми. Как жизнь?

– Хорошо, спасибо, Мари. Мама наверху.

– Понятно. Я собиралась спросить тебя, не хочешь ли ты заехать к нам на обед и поиграть с Люси? – предложила Мари, поднимаясь вслед

за Клемми по лестнице.

– С удовольствием. Я уже заскучала тут на каникулах, особенно потому, что почти никого здесь не знаю.

– А как твои дела в новой школе?

– Хорошо. И мне там понравилось, – ответила девочка, открывая дверь в спальню матери. Эви лежала в кровати, опираясь на подушки.

– Привет, Мари. Как дела?

– Прекрасно, спасибо.

– Я зашла спросить Клемми, не хочет ли она поехать к нам на обед. Она захотела.

– Ах, отлично. – Эви кивнула.

– А ты как себя чувствуешь?

– Да подхватила какой-то сезонный вирус, но ничего страшного, спасибо.

– Мари, вы хотите чаю? Я как раз собираюсь заварить чай для мамы.

– С удовольствием, спасибо, Клемми.

– Высший класс, Эви, – присвистнув, оценила Мари, когда Клемми вышла из комнаты. – У тебя замечательная дочь. Я-то все жду не дождусь, когда моя Люси начнет хоть что-нибудь делать на кухне.

– Да, замечательная, но ей приходится быть такой, так сложились обстоятельства.

– Славно уже то, что ей понравилось в школе.

– Да. И я очень рада, что она осталась довольна.

– Итак... – Мари присела на краешек кровати. – Ты уже слышала новости о Поузи Монтегю?

– Нет, я не слушаю городские сплетни.

– Она продает Адмирал-хаус.

– Неужели?

– Да. Своему сыну, Сэму.

– Ясно. И что он будет с ним делать?

– Перестраивать в роскошные апартаменты. Я курирую эту сделку, – добавила Мари. – Тем не менее мне сердечно жаль его бедную жену. Очевидно, что у них нет никаких денег, но...

– Тогда как же в таком случае Сэм сможет купить Адмирал-хаус?

– Сэм говорил, что у него есть пассивный компаньон, парень по имени Кен Ноакс. Насколько я поняла, он безумно богат.

– Поузи, должно быть, страдает из-за того, что приходится продавать любимый дом, – задумчиво произнесла Эви.

– Ну, надеюсь, что за ближайшие недели я сумею подыскать ей симпатичный коттедж. Я уже послала ей несколько вариантов. Знаешь, Эви, она, кажется, очень любит тебя. Почему бы тебе не зайти к ней в гости?

– Возможно, найду, когда мне станет лучше.

– Не представляешь, кстати, кого я тут недавно видела выезжающим из города на винтажном «остин-хили»...

– И кого же?

– Ника Монтегю, брата Сэма.

– Мари, я же знаю, кто он такой. Забыла, что я работала у него? – сухо заметила Эви.

– Ой, ну конечно, извини. В любом случае, он, должно быть, неплохо устроился, раз может позволить себе такую крутую тачку.

Клемми принесла чайный поднос, а Эви вдруг осознала, что встречи с Мари до боли напоминают перекусы в «Макдоналдсе»; можно с нетерпением ждать фастфуда, но достаточно пару раз откусить гамбургер, чтобы пресытиться его тошнотворным вкусом.

– Спасибо, Клемми, – сказала Мари. – Иди собирайся, минут через десять поедем.

– Хорошо. – Клемми вышла из комнаты.

– Ты когда-нибудь скучаешь по общению с мужчинами?

– Никогда, – уверенно ответила Эви. – Я люблю уединенную жизнь.

– Да, в этом мы с тобой всегда расходились. Мне просто необходима компания, нужно постоянно с кем-то болтать, – призналась Мари. – Оставаясь одна, я начинаю сходить с ума.

– Иногда и мне бывает одиноко, но лишь изредка.

– А ты уверена, что у тебя ничего серьезного? – спросила Мари, пристально посмотрев на Эви. – Ты выглядишь ужасно бледной и что-то уж совсем исхудала.

– Неужели? Да нет, все более-менее нормально, – заверила ее Эви.

– И вообще, ты какая-то... напряженная.

– Да нормально все со мной, правда.

– Ладно, ладно, намек поняла. Что бы то ни было, говорить ты об этом не хочешь. Я ведь просто беспокоюсь о тебе, только и всего. Зная

тебя с детства, я вижу, что у тебя что-то неладно.

– Черт, Мари, прекрати обращаться со мной, как со своим малолетним ребенком! Я же взрослая женщина и вполне способна сама позаботиться о себе!

– Извини. – Мари встала. – Я привезу Клемми обратно часам к пяти.

– Спасибо. Понимаешь, я не хотела обидеть тебя... да, ты права. – Она вздохнула. – Я попала в... сложное положение, и меня мучает бессонница, но как только я разберусь с проблемой, то все опять будет в порядке.

– Ладно, ты знаешь, надеюсь, что, если захочешь поделиться, я всегда готова тебя выслушать.

– Да, спасибо. И мне очень стыдно, что я вышла из себя.

– Не переживай. У каждого бывают неудачные дни. А теперь постарайся хорошенько отдохнуть, увидимся позже.

Едва Мари и Клемми ушли, в доме зазвонил телефон. Эви, с трудом поднявшись с кровати, взяла трубку.

– Алло.

– Это я, просто проверяю. Как ты? – спросил он.

– Нормально.

– По голосу не скажешь.

– Все у меня нормально, – повторила она.

– Что, день не задался?

– Немного, да.

– Прости, Эви, жаль, что я не могу бывать рядом с тобой почаще.

Наш договор на выходные остается в силе?

– Да.

– Боже, я чертовски волнуюсь...

– Все будет хорошо, успокойся, – заверила она его.

– Сделаю, что смогу.

– Я знаю... пожалуйста, не волнуйся.

– Стараюсь... Если тебе что-то понадобится, звякни мне на мобильный. А так я просто заеду к вам завтра днем.

– Да, до завтра.

Эви положила трубку, откинулась на подушки и глубоко вздохнула. Она не представляла, как ей лучше сообщить дочери столь важную новость... мысль о том, что она причинит девочке боль,

терзала ее, словно острый нож в сердце, но у нее не оставалось иного выбора.

Закрыв глаза, она с отвращением думала о том, какую путаницу устроила из своей жизни и как это повлияет на Клемми.

Кое-что ей уже не подвластно, но сейчас она должна сделать все возможное, чтобы как можно лучше устроить будущее своей дочери.

* * *

– Добрый день, Эми, какой приятный сюрприз. – Поузи подняла взгляд от бумаг на письменном столе в галерее. – Как ты себя чувствуешь сегодня?

– О, гораздо лучше, спасибо, – ответила Эми и, подойдя к Поузи, положила на ее стол букет лилий. – Я принесла цветы в качестве благодарности, вы были так добры, позаботившись и обо мне, и о детях.

– Именно для этого, Эми, и нужна семья, – заметила Поузи, взяв букет и вдохнув аромат лилий. – Удалось ли тебе хоть выспаться?

– Да, спала беспробудно до самого утра, – призналась Эми. – Проспала все на свете, но проснулась совершенно здоровой. И настроение стало более позитивным. Еще хотела поблагодарить вас за чек. Сэм сказал, что вы дали ему чек, и вы, право, слишком щедры к нам. Он сходил с ним в банк и уже оплатил некоторые счета.

– Ну, уж такой-то суммой я могла себе позволить поделиться, ведь формально через какие-то пару месяцев я стану миллионершей.

– Как вы понимаете, Сэм просто в восторге от шанса покупки Адмирал-хауса. В сущности, – добавила Эми, – он стал другим человеком. Не знаю, Поузи, как и благодарить вас за предоставленную ему возможность.

– Вообще-то, раз уж ты зашла, у меня есть кое-что для тебя.

Поузи взяла свою сумочку и вытащила оттуда конверт.

– Вот, держи.

– Что это?

– Приглашение на открытие бутика Тэмми. Она прислала мне благодарность за обед и вложила туда приглашение для вас. Она

предложила, чтобы вы с Сэмом остановились на ночь в ее лондонском доме.

– Ах, как это мило с ее стороны, но, увы, я не смогу поехать, – уныло произнесла Эми, открыв конверт и взглянув на изящно оформленное приглашение.

– Вот еще, конечно, сможешь. Я заберу к себе детей, и вы с Сэмом поедете вместе, проведете прекрасный вечерок.

– Поузи, вы бесконечно добры, но мне же надо работать.

– Уверена, Эми, что ты сможешь договориться и поменяться сменами с одной из ваших девушек. Тебе, милая, безусловно, пойдет на пользу такая передышка.

– Может, и так, только мне даже нечего надеть на такую шикарную лондонскую вечеринку.

– Перестань придумывать отговорки, дамочка. – Поузи погрозила Эми пальцем. – Предоставь это мне. Я что-нибудь придумаю, хорошо?

– Поузи, уж не хотите ли вы сыграть для меня роль феи-крестной?

– Знаешь, моя дорогая, по-моему, ты имеешь полное право иногда немного развлечься. И кстати, о развлечениях... угадай, где я собираюсь провести следующие выходные?

– Где?

– В Амстердаме!

– Боже мой! С кем?

– С одним моим другом, весьма порядочным джентльменом. Прости, Эми, но мне так хотелось с кем-нибудь поделиться... Хотя я предпочла бы, чтобы ты ничего не говорила Сэму. Он может не одобрить.

– Ну, лично я думаю, что это замечательно. А ваши отношения...

– Господи, ничего предосудительного, но общение с ним, безусловно, доставляет мне огромное удовольствие. В моем возрасте нужно просто наслаждаться жизнью, не слишком беспокоясь о будущем, и... – Поузи улыбнулась и заключила: – Именно этим я и собираюсь заниматься в Амстердаме.

Глава 18

– Ну, как продвигаются дела? – спросила Тэмми, поцеловав Ника в запылившуюся макушку, когда он выпрямился, оторвавшись от обследования нижних полок огромного книжного шкафа с расписными дверцами.

– Треклятый древоточец! Шкаф нещадно изъеден древоточцами! Не поверю, что он не заметил их. Выложил за него пять штук, и мне повезет, если верну хотя бы пару.

– И тебе добрый день, милый. – Тэмми сочувственно заметила, как Ник в сердцах саданул кулаком по книжному шкафу.

– Извини. Добрый день, солнышко.

– Боже, какая же здесь внизу холодина, – с дрожью заметила она. – А вот салон наверху уже начинает выглядеть прилично.

– Спасибо. Да, наверное, через месяцок я уже смогу открыться. Господи, как же я разозлился из-за этого книжного шкафа. – Ник вздохнул.

– Не хочешь ли поднять настроение, поужинав за углом у итальянцев? – спросила Тэмми.

– Честно говоря, сегодня меня больше привлекает ванна и пицца перед телевизором.

– Ладно, я согласна. Поедем ко мне.

Она подождала, пока Ник выключит свет в подвале, и они вместе поднялись по лестнице. Тэмми раскинулась на огромной кровати под балдахин, поставленной в центре зала.

– Благородный сэр, не хотите ли овладеть мной прямо здесь и сейчас! Почему бы не выставить ее в витрине вместе с нами на ложе? Это привлечет клиентов. – Тэмми рассмеялась, но, заметив, что ее шутка не вызвала на лице Ника и тени улыбки, быстро прибавила: – Боже, да ты в самом деле жутко расстроен.

– Так и есть. – Ник пожал плечами. – Извини.

За неаполитанской пиццей и бутылкой вина в гостиной Тэмми Ник обрисовал свои грядущие сложности.

– С обустройством и открытием этого магазина, со всеми вытекающими отсюда последствиями, не говоря уже о продаже компании в Перте, у меня не остается даже времени для посещения

распродаж и пополнения ассортимента. Если бы я сам заехал на распродажу вместо того, чтобы подать заявку, то непременно заметил бы следы чертова древоточца. Моя репутация здесь, в Лондоне, будет расти или падать исключительно благодаря качеству моих предложений. Ладно. – Ник пробежал рукой по волосам. – Не обращай внимания, ты верно сказала, я жутко расстроен. Но расскажи лучше о своих делах.

– Я совершенно счастлива. Мне удалось найти самую замечательную помощницу.

– Ты имеешь в виду мать твоей соседки, Королеву Сари с Брик-лейн?

– Именно. Мине, наверное, около шестидесяти, но, клянусь богом, у нее больше энергии, чем у меня. И ее изделия из бисера и шитье настолько превосходны, что мне даже стыдно показывать ей свое рукоделие. Но на самом деле, Ник, все еще лучше. Она обладает массой достоинств. Я пришла сегодня в девять утра, и к этому времени Мина уже успела надписать адреса больше чем на полусотне конвертов из списка моих гостей. Если ей нечего шить, она все равно находит, чем заняться.

– Не могла бы она поработать еще и на меня? – пробурчал Ник.

– Ха, ну уж нет. Она даже подкармливает меня, притаскивая контейнеры с индийскими деликатесами. Я предложила ей должность управляющей, и если дело у нас пойдет, то я просто найму еще какую-нибудь швею для ремонта одежды. Мина говорит, что у нее много подруг, которые могли бы помочь нам.

– Значит, у тебя уже все готово к открытию?

– Пока не все, но как минимум с помощью Мины к открытию у меня будет достаточный ассортимент. И хочешь узнать еще одну замечательную новость? Нашей милой Джейни удалось организовать статью обо мне и моей винтажной одежде в журнале «Мари Клер». А еще мне прислали заявки на интервью пара ежедневных газет и один воскресный журнал.

– Да, милая, похоже, у тебя дела идут великолепно.

– Прости, Ник, мне не хотелось выглядеть счастливой, когда тебе грустно.

– Не говори глупости. – Он привлек ее к себе и погладил шелковистые волосы. – Я вновь воспряну, когда магазин заработает. Завтра к десяти придет художник, поэтому, по крайней мере, над витриной скоро появится мое имя.

– Здорово. Кстати, звонила Джейни. Она пригласила нас на субботний ужин, чтобы отпраздновать их грандиозную новость. Ты сможешь вырваться?

– К сожалению, я уже сказал, что не смогу. В воскресенье будет один важный аукцион в загородном доме в Стаффордшире, и в субботу мне надо быть там на предварительном просмотре.

– Какая жалость, но не расстраивайся. Хочешь, я съезжу с тобой? Не сомневаюсь, что Джейни мы сможем поздравить в другой вечер.

– Можно, конечно, но тебе будет ужасно скучно. А говоря о Джейн, думаю, мне пора уже решить свои жилищные проблемы. Понятно, что большинство ночей я провожу здесь, но мои вещички все еще там, а это несправедливо по отношению к Полу и Джейн. Вот я и подумал, в ближайшие дни мне стоит активно заняться поисками дома.

– Ты же знаешь, что в любой момент можешь перебраться сюда.

– Правда?

– Естественно. – Тэмми кивнула.

– Это важный шаг. Ведь, в сущности, мы знакомы всего несколько недель.

Тэмми внезапно почувствовала раздражение от вяловатого ответа Ника на ее предложение. Она тоже считала это важным шагом, но, очевидно, сам Ник еще не готов к нему.

– В любом случае, – она пожала плечами, – это всего лишь идея.

– Спасибо, и я тебе очень благодарен, но просто думаю, что следующие пару месяцев буду чертовски зануден. Честно говоря, я предпочел бы подождать, пока обустроятся все дела, и тогда я буду в более жизнерадостном настроении. Подождем, ладно?

– Ладно.

* * *

– Что-то случилось, Тэмми?

Зайдя в маленький офис в глубине бутика, Мина поставила на письменный стол перед Тэмми чашку горячего кофе. Тэмми взглянула на пышного телосложения женщину, облаченную в безупречный, как обычно, наряд ярко-розового цвета, задрапированный разноцветным шарфом, с небрежным изяществом спускавшимся с плеча. Блестящие темные волосы, дополненные шиньоном, обрамляли лицо с искусно нанесенным макияжем.

– Ничего, все нормально, – сказала Тэмми, опять принимаясь разбирать почту. – Мы получили еще десяток положительных ответов на наши приглашения. Я начинаю беспокоиться, не будет ли здесь слишком душно, если заявятся все приглашенные.

– Но разве это не чудесная новость? – Мина широко улыбнулась, сверкнув своими идеально белыми зубами. – Ну-ка признавайся, почему ты выглядишь такой грустной?

– Нет, мне вовсе не грустно.

Мина выразительно фыркнула и, взмахнув рукой, поиграла своими унизанными кольцами пальцами.

– Вчера тебе позвонили из «Мари Клер» с предложением устроить фотосессию, а сегодня утром ты выглядишь так, словно собака сожрала твой любимый ужин. Говори, что случилось?

– Скорее всего, я просто чересчур обидчива. Вчера вечером я предложила Нику переехать ко мне, а он заявил, что еще не готов к столь серьезному шагу. И в результате я теперь чувствую себя так, словно навязываюсь ему, торопя события.

– Ох уж эти мужчины! – презрительно фыркнула Мина. – Ему предложили постель, согретую такой красоткой, как ты, а он отказался, потому что якобы «не готов». Попомни мои слова, он еще пожалеет о своем решении.

– Если бы. – Тэмми вздохнула. – Я совсем запуталась. Наши отношения с Ником порой напоминают странный танец, как говорится: «шаг вперед и два назад». Временами Ник совершенно замечателен, и тогда я чувствую себя очень нужной и счастливой, действительно веря, что он любит меня и у нас все будет прекрасно. Потом вдруг ни с того ни с сего он делает или говорит нечто такое, что буквально убивает мою веру. К тому же он слишком часто уезжает из Лондона, охотясь за каждым раритетом для своего магазина. А я скучаю по нему, Мина. И уже думаю, не слишком ли глубоко я полюбила его.

– О да, в этом нет сомнений. – Мина уверенно кивнула. – Очевидно, что ты любишь этого парня. Ты пропала, как только встретила его, как я с моим Санджеем. Подумать только, если бы я тридцать лет назад не положила глаз на парня, стоявшего за рыночным прилавком на Брик-лейн, то могла бы, вероятно, выйти замуж за самого Магараджу, а не за мелкого изготовителя сари.

– И вы по-прежнему любите его? – усмехнувшись, спросила Тэмми.

– Да, но важнее то, что я по-прежнему уважаю его. Как хорошего человека. И Ник такой же, как я поняла. Пользуйся моментом, Тэмми. Наслаждайся тем, что вы оба молоды, красивы и влюблены, ведь не успеешь оглянуться, как пролетят годы и ты станешь такой же старой каргой, как я.

– Мина, я была бы в восторге, если бы в свои пятьдесят выглядела так, как вы, – порывисто произнесла Тэмми, пристально глянув на гладкое смуглое лицо своей помощницы. – То есть вы намекаете, что мне надо держаться за него?

– Именно. Прими ваши отношения как данность! – Мина широко раскинула руки. – Боль лишь усиливает удовольствие. Уж такова жизнь. И ты еще достаточно молода и справишься, ежели что-то пойдет не так.

– Вы правы. – Тэмми кивнула. – И если я закончу свои годы старой девой, наедине с воспоминаниями, то по крайней мере смогу сказать, что не пряталась от жизни.

– Да, Тэмми. Верно говоришь.

В этот момент одновременно зазвонили телефон и дверной колокольчик.

– Пора забыть о любви и вспомнить о бизнесе, я отвечу на звонок, а ты иди, встречай посыльного.

Глава 19

Эми уже сто лет не чувствовала себя более жизнерадостной. Последние десять дней, с того дня, как Поузи прибыла на подмогу, точно кавалерия, и дала Сэму добро на покупку Адмирал-хауса, атмосфера в доме значительно улучшилась. Вчера вечером Сэм сказал, что его партнер, Кен Ноакс, обрадовавшись тому, что Сэму удалось заполучить этот проект, назначил ему небольшое еженедельное жалование на время работы над этой сделкой.

– Конечно, жалованье невелико и мы не увидим реальных денег, пока я не получу свою долю, завершив сделку, но думаю, что уже весной мы сможем выбраться из этой лачуги.

– Ох, Сэм, это же изменит всю нашу жизнь, – с облегчением сказала Эми, выставляя на стол сосиски с пюре.

– Я понимаю, милая, как тебе трудно пришлось. И вот что я скажу: когда все это останется позади и мы положим изрядную сумму в банк, я отвезу тебя за границу, и мы славно отдохнем на шикарном курорте.

– Звучит заманчиво. – Эми улыбнулась, радуясь жизнеутверждающему настрою мужа, причем совершенно трезвого, что значительно облегчало ей жизнь.

– Кстати, завтра вечером меня не жди, – сообщил Сэм. – Кен прилетает из Испании и хочет обсудить наши дела за ужином в Норфолке. У него там сейчас другой проект, поэтому он забронировал мне номер в отеле. Видимо, хочет заодно отпраздновать сделку с Адмирал-хаусом.

– Хорошо, – одобрила Эми, подумав, что в последнее время Сэм все равно вечерами редко бывал дома и более долгая ночная отлучка практически ничего не изменит. – Желаю тебе хорошо провести время. Ты заслужил это, дорогой.

Утром, поцеловав Сэма перед уходом на работу, Эми с удовольствием подумала о том, как проведет вечер. Из школы заберет детей Мари, а сама она, добравшись домой, быстро уложит их спать, а потом уютно устроится около огня и, наконец, дочитает книгу Себастиана.

– Похоже, погода сегодня к вечеру совсем испортится, – сообщила Карен, второй администратор отеля, и, как обычно, повесила на стойку администрации прогноз погоды. – Обещают шторм и проливной дождь.

– О боже, – воскликнула Эми. – Боюсь, выдержит ли все это наш летний коттедж, не снесло бы крышу.

– Ну, все-таки у вас есть хоть какое-то жилье, верно? Больше того, я уверена, что он пережил уже не один шторм, а стоит как миленький.

К тому времени, когда Эми приехала к дому Мари за детьми, погода действительно испортилась.

– Не самый лучший вечерок, – заметила Мари, впустив промокшую Эми в прихожую. – Детей я покормила, теперь играют. Не хочешь ли выпить бокал вина перед дорогой домой?

– Можно немного, спасибо. Не хочу возвращаться слишком поздно. Терпеть не могу начало зимнего ненастья. Ведь еще только начало шестого, а уже почти темно, – сказала Эми, взяв предложенный ей бокал вина.

– Понимаю. Но скоро уже и Рождество. За здоровье! – Мари подняла свой бокал. – И за будущее миллионное поместье твоего мужа! Он доволен?

– Еще как. – Эми кивнула.

– Отлично. Думаю, он заработает целое состояние, если хорошо поставит дело.

– Будем надеяться, – согласилась Эми. – Но до этого ему надо будет изрядно потрудиться.

Спустя двадцать минут Эми загрузила своих детей в машину, и они поехали домой. Ливень так разошелся, что она с трудом видела дорогу за ветровым стеклом. Припарковавшись перед домом, она схватила пакет с покупками и побежала с Джейком и Сарой по дорожке к входной двери.

– Быстро забегаем в дом, сейчас примем горячую ванну и согреемся, – сказала она, открыв дверь и щелкнув выключателем в прихожей. Но свет не загорелся. Очередные попытки включить его ничего не дали, и Эми застонала с досады. Очевидно, из-за шторма выбило пробки. Спустив Сару с рук и закрыв за собой входную дверь, Эми в кромешной тьме двинулась вперед, пытаясь вспомнить, где же находится блок предохранителей.

– Мамочка, мне страшно, – заскулила Сара, пока Эми на ощупь пробиралась в гостиную, где на каминной полке лежали спички.

– Ну вот, другое дело. – Эми зажгла спичку и быстро окинула взглядом комнату в поисках свечки, надеясь обеспечить более постоянный свет. Ее взгляд случайно наткнулся на стоявшее на подоконнике блюдце с восковым огарком. – Отлично!

Вернувшись к Саре и Джейку, она осветила огоньком свечки их перепуганные личики.

– Возьмитесь за руки и идите за мной, сейчас мы попробуем вернуть нам свет.

Втроем они осторожно прошли по кухне до заднего коридорчика. Эми открыла дверцу блока и с радостью увидела, что все предохранители выглядят нормально. В замешательстве, она обнаружила, что все они включены, но все-таки на всякий случай, хотя и тщетно, пощелкала переключателями.

– Мамочка, мне не нравится эта темнотища. Там прячутся чудовища, – пожаловался Джейк. – Когда же включится свет?

– Мамочка, я замерзла, – в тон ему заскулила Сара.

– Я понимаю, детки, но мамочке надо немного подумать, что нам теперь делать. Вероятно, штормовой ветер лишил электричества много домов. И возможно, его починят совсем скоро. В общем, я сейчас позвоню электрикам и все узнаю, ладно?

Дети крепко держались сзади за подол ее куртки, а Эми рылась в сумке, нащупывая свой мобильник. Найдя в контактах номер телефона, она позвонила на «горячую линию» аварийной службы.

– Здравствуйте, я просто хотела узнать, не прекращена ли в одном из кварталов Саутволда подача электроэнергии? Я живу на Феррироуд, мы пришли домой и обнаружили, что в доме нет света. Нет? Но тогда мне нужен монтер, чтобы выяснить, почему у нас не горит свет. Мое полное имя и адрес... да, конечно.

Предоставив нужные сведения, Эми ждала, когда оператор обработает ее заявку. Наконец линия ожила, и она услышала ответ.

– Мне очень жаль, миссис Монтегю, но, согласно данным нашего компьютера, у вас отключена подача электроэнергии.

– Как это? Почему?

– Потому что мы так и не получили оплату ваших счетов за последний квартал. Две недели назад вам отправили уведомление о

том, что если в двухнедельный срок вы не оплатите счета, то мы отключим ваш дом от сети.

– Да, помню, мы получили его, – с бьющимся от волнения сердцем признала Эми. – Но я точно знаю, что мой муж оплачивал задолженность.

– К сожалению, миссис Монтегю, в наших записях эта оплата отсутствует.

– Но он сообщил мне, что все оплатил. Может, просто счет затерялся? – безнадежно предположила Эми.

– Возможно, – ответил оператор, очевидно, постоянно слышавший такие предположения.

– Так что же мне теперь делать? – закусив губу, спросила она.

– Самый быстрый способ – заплатить наличными в ближайшем почтовом отделении, потом позвонить нам и сообщить, что деньги отправлены. И сразу после получения квитанции мы вновь подключим ваш дом к электроэнергии.

– Но... сегодня, наверное, уже поздно? У меня двое маленьких детей, и они боятся оставаться здесь в темноте. – Эми с трудом сдерживала слезы.

– Извините, миссис Монтегю, но, пока не оплачен счет, мы ничего не сможем сделать.

– Что ж, я... ладно, и на том спасибо! – Закончив разговор, Эми опустилась на стул.

– Мамочка, что случилось? – спросил Джейк, обеспокоенно посмотрев на нее.

– Ничего, Джейки, пустяки.

Решительно смахнув рукавом слезы, Эми пыталась придумать, как лучше поступить. Здесь они ночевать не могут. Им не хватит запаса свечей, да и спать детям будет слишком холодно. Она не сомневалась, что Мари приютила бы их, но просить об этом Эми не позволила бы гордость.

И все-таки есть одно место, куда они могли поехать. Она быстро набрала номер Поузи. Линия оказалась занятой, что означало, по крайней мере, что Поузи дома. Не желая больше ни минуты оставаться в темноте, Эми решила отвести детей в машину, доехать прямо до Адмирал-хауса и попроситься на ночлег.

– Пойдемте, дети, сегодня у нас вечер приключений. Мы поедем к бабушке и переночуем у нее.

– Мы будем спать в том большом доме? – удивленно спросил Джейк, еще никогда не остававшийся на ночь в бабушкином доме, хотя она жила всего в десяти минутах езды от них.

– Да, разве вам не кажется, что нас ждет веселое приключение? – Взяв Сару на руки, Эми подняла свечку, осветив путь к двери.

– Но как же мы будем спать без наших пижамок? – спросил Джейк.

– Уверена, что в доме бабушки мы найдем, во что вас принарядить, – успокоила Эми сына, желая как можно скорее уйти из темного дома. – Давай, Джейки, беги по дорожке к машине, пока мамочка будет закрывать дверь.

К тому моменту, когда Эми удалось усадить обоих детей в детские креслица, она успела насквозь промокнуть.

– А как же папочка? Ведь он удивится, что нас нет дома? – спросил Джейк, когда они тронулись в путь.

Именно сейчас Эми хотелось, чтобы Сэм попал в какую-нибудь ужасную аварию и чтобы она больше никогда не видела его.

– Папочка уехал, милый, он не придет сегодня домой. А завтра, к тому времени, когда он вернется, мы как раз тоже приедем, – заверила Эми мальчика.

Гроза разбушевалась не на шутку и, проехав по опустевшим улицам Саутволда, Эми свернула на дорогу к Адмирал-хаусу. Они уже приближались по подъездной аллее ко входу, а порывы дикого ветра продолжали свирепствовать, обрушиваясь залпами дождя на их маленькую машину.

– Ну вот, мы почти приехали, – ободряюще сказала Эми, заезжая на автомобильную площадку. – Уверена, в бабушкином буфете найдется вкусный кекс, чтобы угостить нас.

Припарковавшись перед домом, Эми выключила мотор и с облегчением увидела свет в окнах нижнего этажа и в паре окон наверху.

– Ребята, вы посидите спокойно в машине, а я пока быстро схожу, поговорю с бабушкой.

Открыв водительскую дверцу, Эми вылезла из машины и побежала к крыльцу, борясь со встречным ветром. Подойдя к двери,

она позвонила в колокольчик. Не дождавшись отклика, она принялась громко стучать. Капли дождя стекали с ее волос, когда она побежала за угол к боковой кухонной двери. Она, как ни странно, тоже оказалась запертой. Вернувшись обратно к главному входу, Эми принялась стучать более настойчиво.

– Поузи? Это я, Эми!

В доме по-прежнему царила тишина.

– О господи, что же мне теперь делать? – в отчаянии воскликнула она.

Треснув еще разок кулаками в дверь, Эми вдруг осознала, что ей все-таки придется смирить свою гордость и отдаться на милость Мари. Отвернувшись от входной двери, она печально направилась обратно к машине. Но на полпути услышала звук отодвигаемого засова и оглянулась. Наконец-то входная дверь открылась.

– Слава богу, слава богу, – прошептала Эми, бросившись обратно к двери.

– Поузи, это я, Эми. У нас...

Эми резко остановилась, увидев на крыльце вовсе не Поузи, а Себастиана Жиро в одном банном полотенце, обернутом вокруг талии.

– Боже, Эми, вы насквозь промокли. Поузи нет дома.

– И где же она? – с упавшим сердцем спросила Эми.

– Сегодня утром улетела в Амстердам.

– Черт! Она же говорила мне на прошлой неделе, да я забыла. – Шумно вздохнув, Эми поняла, что готова разреветься.

– Полагаю, что вам в любом случае надо зайти в дом и хотя бы обсушиться, – предложил он. – Иначе вы насмерть простудитесь.

– В машине ждут мои малыши. О боже, я не знаю, что теперь делать, прямо не представляю.

– Слушайте, давайте быстро вытаскивайте детей и заходите в дом, ладно?

Полчаса спустя все трое прибывших приняли горячие ванны, и завернутые в одеяла дети уже сидели на диване в малой столовой. Эми тоже, закутавшись в старый велюровый халат Поузи, сидела в кресле у камина, поджав под себя ноги.

Себастиан появился из кухни, принеся детям кружки с горячим шоколадом, а Эми вручил бокал с доброй порцией бренди.

– Выпейте залпом. Вам это сейчас нужно.

– Спасибо, – с благодарностью ответила Эми.

– Я развесил ваши мокрые вещи над плитой. К утру они должны высохнуть.

– Надеюсь, вы не против, что мы вломились сюда без приглашения, – сказала Эми. – Нам просто некуда было больше пойти.

– Не болтайте глупости. Вы же невестка Поузи, – решительно заявил Себастиан, уже успевший скромно прикрыть свою наготу тренировочными брюками и толстовкой. – Да она бы выставила меня без сожаления, если бы я сегодня не оказал вам всяческого гостеприимства. И прошу заметить, вам еще чертовски повезло, что я вас услышал. Я уже забрался в ванну и нежился там в наушниках, слушая Верди. Если бы я не забыл взять мыло с раковины и мне не пришлось бы вылезать за ним, то я даже не узнал бы, какая трагедия разворачивалась на крыльце. Если не возражаете, я спрошу, что именно у вас случилось?

Эми, прижав палец к губам, кивнула в сторону детей.

– Ну-ка, поднимайтесь, мои милые, пора ложиться спать.

– Могу я помочь вам? – спросил Себастиан, видя, с каким трудом она взяла на руки сонную Сару, и добавил, обратившись к Джейку: – Хочешь покататься на закорках?

– Да, с удовольствием. – Джейк смущенно кивнул.

– Тогда забирайся, старина, и поехали.

Эми даже улыбнулась, когда Себастиан с довольно визжащим Джейком, обхватившим его шею, стремительно побежал вверх по лестнице.

Они уложили детей на большую кровать в одной из свободных спален и хорошенько укрыли уютным стеганым одеялом.

– Сказку, мамочка, сказку!

– Ох, милый, мамочка сегодня немного устала, и уже очень поздно, а...

– Давай, Джейк, я расскажу вам сказку, – вмешался Себастиан. – Но поскольку я профессиональный сказочник, то придется, возможно, взять некоторую плату за мои услуги, а именно, я попрошу вашу мамочку спуститься на кухню и наполнить мой бокал вином из той бутылки, что стоит в холодильнике. Как думаешь, Джейк, это будет почестному?

– Угу, а про что будет сказка?

Эми поцеловала уже практически уснувшую Сару и обняла Джейка, которому явно хотелось, чтобы она поскорее ушла.

– Мы... будем... – Себастиан подмигнул Эми, когда она выходила из спальни.

Она медленно спускалась по лестнице, тронутая до глубины души тем, с какой естественной легкостью Себастиан нашел подход к детям. Когда, наполнив вином бокал, она принесла его наверх, где зачарованный Джейк с восхищением ловил каждое произнесенное Себастианом слово, то невольно сравнила его с Сэмом. Ей приходилось буквально умолять Сэма прочесть детям сказку, да и вообще хоть немного позаниматься с ними. Недавно Эми пришла к заключению, что при несомненной любви к своим отпрыскам, Сэму не очень-то нравилось проводить с ними время. Ей оставалось лишь надеяться, что его отношение изменится, когда дети подрастут и станут более образованными.

Вернувшись в малую столовую, Эми устроилась у камина, взяв бокал с остатками бренди. Она вдруг подумала, как глубоко полюбила этот дом, такой потрепанный жизнью и обветшалый, но тем не менее исполненный живого, неотразимого своеобразия и очарования. В нем чувствовалась спокойная надежность, именно о таком доме она всегда мечтала.

– О чем задумались?

Эми вздрогнула и, оглянувшись, увидела на пороге Себастиана. Мысли так поглотили ее, что она даже не услышала, как он вошел.

– Думала, как я обожаю этот дом и каким он станет ужасным после перестройки.

– О нет, – простонал Себастиан. – Мне тоже ненавистна эта мысль. И как невыносимо, должно быть, Поузи даже думать об этом.

– Да уж, а представьте, что я чувствую... Ведь это компания моего мужа прилет сюда бригады разрушителей с кувалдами.

– Да, я слышал. – Себастиан добрал до дивана и сел. – Ну, с другой стороны, он сможет заработать деньги, и они помогут вашей семье, верно?

– Возможно, – признала Эми. – Но, поскольку именно из-за его дурацкой небрежности мы сегодня оказались у ваших дверей, я не могу сказать, что питаю на сей счет большие надежды.

– Так я могу повторить вопрос?

– Да. – Эми устало вздохнула. – Он так и не удосужился оплатить счет за электричество, и они отключили наш дом от электроснабжения.

– Понятно. По оплошности или из-за отсутствия средств?

– Безусловно, по оплошности. Я точно знаю, что деньги у него были. Поузи по доброте своей выписала ему солидный чек. Разумеется, он вполне мог потратить их на выпивку... – Эми пожала плечами. – Давайте посмотрим правде в глаза: как бы ни расценивать его поведение, оно не предвещает нам в будущем ничего хорошего.

– Да уж, вы правы. Гм-м, а где же он сейчас? Неужели вы оставили его одного в темном доме?

– Сейчас он в каком-то роскошном отеле Норфолка ужинает с партнером по бизнесу. Себастиан, не буду ли я ужасно наглой, если пойду и сделаю себе какой-нибудь тост? Последний раз мне удалось перекусить в обед, а от бренди у меня закружилась голова.

– Да ради бога, не церемоньтесь. На самом деле я могу составить вам компанию. После всех треволнений у меня тоже проснулся изрядный аппетит.

Он последовал за Эми на кухню.

– Как насчет тостов с сыром? – спросила Эми.

– Замечательно. Я счастлив, что вы появились здесь.

– Пожалуйста, не позволяйте мне отвлекать вас от работы. Если вам нужно продолжать писать, просто скажите, – заметила Эми, положив сыр на ломтики хлеба.

– Нет, я не собирался больше работать вечером, и, кроме того, сегодня я получил хорошие новости.

– Правда? – заинтересованно произнесла Эми, отправляя тосты с сыром в духовку. – Какие же?

– Одна голливудская компания купила у меня права на «Поля скорби». Очевидно, в следующем году они собираются снять по ним блокбастер.

– О боже мой, Себастиан! Это же замечательно. Значит, вы разбогатеете?

– Возможно. Хотя я вроде бы и сейчас не бедствую, – без тени высокомерия обронил он. – Киношники, вероятно, подпортят книгу, но, надеюсь, по крайней мере, останется какая-то часть оригинального сюжета.

– Ну вот, все готово. – Эми поставила на стол блюдо с тостами. – Не слишком похоже, конечно, на праздничный ужин, – усмехнувшись, заметила она.

Себастиан посмотрел на нее, когда она тоже села за стол.

– А я как раз подумал, что все идеально.

– Ну в любом случае поздравляю с будущим выходом на киноэкран.

– Могу я предложить вам бокал вина, чтобы мы выпили за мой успех?

– Давайте.

Себастиан наполнил бокалы вином, они выпили и занялись тостами с сыром.

– Как странно, что именно сегодня вы появились на этом крыльце. Очевидно, тут мне сыграла на руку госпожа Удача, – задумчиво промолвил Себастиан. – Поузи говорила, что она много лет никуда не ездила...

– И еще вчера мне и в голову не пришло бы проситься к ней на ночлег, – добавила Эми.

– Интересно, что подумала бы ваша подруга Мари, если бы увидела, как мы вдвоем поедаем тосты с сыром на кухне вашей свекрови? – мечтательно произнес Себастиан. – Учитывая, что Поузи в Амстердаме, а ваш муж уехал...

– Ох, не шутите так. – Эми вздрогнула. – Я точно знаю, что именно она могла бы подумать.

– Однако даже самый циничный ум мог бы признать тот факт, что сама судьба стремилась поскорее свести нас вместе. И тут уместно спросить, почему?

Перестав жевать, Эми глянула на Себастиана.

– И какой же вы предпочли бы ответ?

– Если бы я сейчас пребывал в творческом настроении, то сказал бы, что мы с первой встречи положили глаз друг на друга, что между нами возникла некая связь.

– Не забыли, как вы наорали на меня и довели до слез? – уточнила Эми.

– Да, каюсь, но потом какая-то неведомая сила побудила меня последовать за вами на улицу и извиниться.

– Наверное, вы просто вспомнили о хороших манерах? – Помимо воли, Эми вдруг присоединилась к его игривому подшучиванию.

– Ах, Эми, дорогая, к сожалению, вы совсем меня не знаете. Извинений от меня обычно дожидаются столько же времени, сколько уходит на поиски Золотого Руна. Нет. – Он покачал головой. – Побуждение было совершенно иным. А потом, после встречи с читателями, что-то вновь побудило меня подарить вам книгу. Что, могу добавить, тоже несколько не похоже на мое обычное поведение. Может, вернемся сейчас в малую столовую, захватив с собой вино?

Они перебрались в соседнюю комнату, Эми вновь устроилась перед камином, подбросив туда пару поленьев.

– Должна сказать, знаете ли, что поначалу вы мне вовсе не понравились. Но потом, почитав вашу книгу, я подумала, что человек, способный писать так трогательно, не может быть совсем никудышным.

– Благодарю, – внушительно произнес Себастиан. – Я воспринимаю это как комплимент. А позволите открыть вам один секрет?

– Если хотите.

– Я думаю, – сказал он, обнимая ладонями бокал с вином, – что из-за вас мне захотелось остаться и писать в Саутволде.

– Что? Мы же виделись всего два раза до того, как вы решились на это. Если вы пытались сделать мне комплимент, то выбрали для этого неудачный способ, он не сработал, – покраснев, заключила она.

– Неужели я произнес нечто настолько постыдное? – в притворном ужасе воскликнул Себастиан. – Мадам, перед вами джентльмен. Я уважаю вашу репутацию.

– Вот и хорошо, – кивнула Эми с уверенностью, хотя вовсе ее не чувствовала.

Внезапно воздух словно наэлектризовался, хотя оба они продолжали молча сидеть, потягивая вино.

– В любом случае, в этом домашнем халате вы слишком напоминаете мне Поузи, – наконец усмехнувшись, заявил Себастиан. – Поэтому скажите мне, Эми, и желательно честно, неужели вы не испытываете ко мне ни малейшего расположения?

Взглянув на него, Эми заметила, что его глаза, растеряв всю насмешливость, стали необычайно серьезными.

– Я... – Эми покачала головой. – Я не знаю. То есть вы мне нравитесь, но вы же богатый, успешный, знаменитый писатель, а я всего лишь замотанная, нищая, живущая в глуши мать двоих детей. Уместно ли мне даже начинать думать о... хоть о чем-то?

– А что, если я признаюсь вам, что думаю о вас постоянно с момента нашего знакомства и что после каждой нашей случайной встречи мои чувства становятся все сильнее? – медленно и еле слышно проговорил он. – И что бы я ни делал, как бы часто ни говорил себе, что вы недоступны или не заинтересованы, все равно никак не могу выкинуть вас из головы.

Эми не нашлась, что ответить. Она просто пристально смотрела на него, слишком потрясенная, чтобы вымолвить хоть слово.

– Эми, я знаю, как это нелепо, и понимаю, что, вероятно, у нас ничего не получится, но, к сожалению, по-моему, я люблю вас.

– Шутите? Вы ведь даже толком не знаете меня. – Ее голос понизился до хриплого шепота.

– Может, вы подойдете ко мне? Честное слово, я просто хочу обнять вас, и ничего больше.

– Я же не могу, – пролепетала она, чувствуя, как заколотилось ее сердце. – Правда не могу...

– Послушайте, уверяю вас, если бы судьба не послала вас ко мне этим вечером, вероятно, я продолжал бы молча страдать. Но она послала. Так вы подойдете ко мне? – Себастиан встал и протянул к ней руки.

– Но... дети... я...

– Всего лишь объятие.

Она встала и робко подошла к нему. Он обнял ее, и она, положив голову ему на грудь, почувствовала, что его сердце колотится так же, как ее собственное. Странная эротическая дрожь вспыхнула в глубине ее существа, когда она вдохнула исходящий от него запах и впервые ощутила жар его мужской плоти.

– Ну и как, Эми?

– Что, как?

– Ты испытываешь ко мне симпатию?

Эми взглянула на него и грустно кивнула.

– Естественно, испытываю и ненавижу себя за это. Ведь я, замужняя женщина, стою здесь в твоих объятиях, желая...

Себастиан склонил голову и с жадной страстью поцеловал ее.

И Эми невольно откликнулась столь же пылко.

– Эми, Эми... – Его губы скользнули по ее шее, руки ласкали волосы. Они опустились на пол, Себастиан стащил с ее плеч халат Поузи и легко пробежал пальцами по груди. Под его прикосновениями ее соски отвердели, и Эми в свой черед сняла с него толстовку и прижалась к его обнаженному торсу.

– Как же ты прекрасна, потрясающе прекрасна, – прошептал Себастиан, наконец полностью сорвав с Эми халат. Он вновь принялся целовать ее, а его руки, блуждая по ее телу, спустились к животу и коснулись внутренней стороны бедер. Эми застонала от удовольствия, осознавая, что ее тело откликнулось на его ласки с небывалой готовностью. Он, легко войдя в нее, продолжал ритмично двигаться до тех пор, пока оба они не начали задыхаться, и в итоге Эми закричала, не в силах больше сдерживаться.

Припав к ней, он продолжал покрывать поцелуями ее лицо, шею, грудь.

– Я люблю, люблю тебя, Эми, – прошептал он. – Прости, но я не в силах противиться этому.

Они лежали теперь тихо и расслабленно, растеряв недавнюю бурную активность. Эми вдруг почувствовала, что ее глаза полны слез.

– Что же я такое натворила? – спросила она.

– Предалась любовной страсти, – ответил он.

– Как же я могла...

– Но тебе же хотелось этого.

– Да, но... дети, они же могли...

– Нет, любимая, они не могли... – Себастиан приподнялся и, опираясь на локоть, пристально взглянул на нее, отведя упавшую на глаза прядку. – Пожалуйста, не говори, что ты сожалеешь об этом, – тихо произнес он.

– Даже не знаю... – Эми помотала головой. – Господи, я же замужняя женщина! И до сих пор никогда не изменяла Сэму. Что же я теперь за жена?

– Судя по тому, что я слышал от Поузи, самая преданная, терпеливая, всегда готовая помочь, многострадальная жена.

– Да, но это ведь не оправдывает то, что я только что совершила: «Ах, прости, Сэм, у меня выдался такой тяжелый день, что пришлось

изменить тебе». Господи!

Эми поднялась с пола и нашла халат Поузи. Закутавшись в него, она села на диван и уставилась на полыхающий в камине огонь, в смятении сцепляя и расцепляя руки.

Себастиан тоже поднялся и сел рядом с ней.

– Эми, неужели я вынудил тебя совершить это?

– Боже, нет. И это как раз хуже всего. Мне самой хотелось. По-настоящему хотелось.

– Мне просто очень важно было узнать это. – Себастиан привлек ее к себе и крепко обнял.

Они сидели молча, погруженные каждый в свои мысли.

– Ну и, – в итоге сказал он, – что же мы будем делать дальше?

– Что ты имеешь в виду?

– Именно то, что сказал. Стал сегодняшним вечер концом прекрасной дружбы или началом нового большого романа?

– Я не способна сейчас думать о будущем. Могу думать только о случившемся. – Эми вздохнула, чувствуя себя неловко оттого, что ей так хорошо в его объятиях. – Я слишком потрясена.

– Ты права. Не стоит беспокоиться о завтрашнем дне. Ведь у нас впереди целая ночь, верно? – Он приподнял пальцами ее подбородок. – И что бы ни случилось после нее, мы должны воспользоваться моментом, – добавил он, склоняясь и вновь начиная целовать ее.

Спустя несколько часов Эми, покинув объятия Себастиана, залезла в кровать, где спали ее дети. Чувствуя рядом тепло их маленьких тел, она виновато прикусила губу.

В полнейшем смятении, она пыталась осознать, что же только что произошло. Плохо ли, хорошо ли, но она понимала лишь то, что еще никогда за свою взрослую жизнь не испытывала ничего подобного. Они занимались любовью снова и снова, а испытываемые ею страсть и возбуждение, казалось, все усиливались по мере того, как они исследовали друг друга, знакомились с интимной картой исполненных желаний тел.

В какой-то момент Себастиан отвел ее наверх, в свою спальню, и они лежали там в темноте, слушая шум грозы и глядя, как быстро проносятся облака по залитому лунным светом небу. Они лежали, прижавшись друг к другу, и Себастиан, понемногу разговорившись, поведал ей о своей жизни, о первой жене и потере ее и их ребенка во

время родов. И Эми тоже рассказала Себастиану о своей учебе в художественном колледже, о том, как до встречи с Сэмом мечтала стать художником.

Наконец, уже боясь провалиться в беспробудный сон, Эми сказала, что должна уйти и вернуться к детям.

Себастиан потянул ее за руку, оттягивая уход, когда она попыталась выбраться из постели.

– Не уходи. Мне невыносимо даже думать о расставании.

– Я должна.

– погоди немного. – Он опять привлек ее к себе, поцеловал и крепко обнял. – Мне лишь хочется сказать, Эми, что если тебе придется решить, что мы больше не сможем быть вместе, то я буду помнить эту ночь всю оставшуюся мне жизнь. Доброй ночи.

– Доброй ночи. – Она нежно поцеловала его в губы и побрела, пошатываясь, на ослабевших, дрожащих ногах в сторону детской спальни.

И теперь, лежа без сна, Эми чувствовала сладкую боль во всем теле от ночи этой бесконечной любви.

И как бы упорно она ни старалась напоминать себе о столь ужасной измене, все равно испытывала только полнейшее счастье... и ощущение того, что наконец увидела ясный свет в конце туннеля.

Глава 20

В два часа дня Поузи и Фредди приземлились в аэропорту Схипхол. Поузи чувствовала себя полностью выдохшейся. Она провела бессонную ночь, переживая из-за своего решения поехать с Фредди в Амстердам и из-за всего того, что оно могло повлечь за собой. В пять утра она все-таки уснула, но уже в четверть седьмого ей пришлось вставать, чтобы успеть собраться к приезду Фредди.

Она долго укладывала чемодан, не в силах толком решить, какие вещи ей надо взять с собой и какое платье лучше подойдет для похода в гости. Себастиан любезно отнес вниз ее чемодан, и она познакомила его с Фредди.

– Позвольте сказать, мистер Жиро, что мне очень понравилась ваша книга.

– Себастиан, если не возражаете. Может, мы еще продолжим знакомство, сходяв куда-нибудь выпить пива? Поузи говорила, что вы, как и она, дитя военной поры.

– С удовольствием.

– Отлично. Надеюсь, вы хорошо позаботитесь о ней.

– Безусловно, – с улыбкой ответил Фредди.

– До свидания, Себастиан, – опомнившись, сказала Поузи, глядя, как Фредди несет ее чемодан к машине и укладывает в багажник рядом со своей сумкой.

– Ну как, готова? – вернувшись, спросил ее Фредди.

– По-моему, готова.

Поддерживая Поузи под руку, он легко поцеловал ее в щеку.

– Ты выглядишь испуганной, милая. А мы ведь, как ты помнишь, собирались повеселиться.

– Просто сборы в дорогу оказались ужасно хлопотными. Наверное, я отвыкла от путешествий.

– Что ж, тогда не стоит ли нам постепенно возобновить эту твою привычку?

И в тот же момент она решила, что пора прекращать изображать из себя глупую старуху и, забыв все страхи, наслаждаться грядущими выходными.

До аэропорта Станстед они ехали, болтая обо всем на свете, и наконец Поузи начала успокаиваться. В аэропорту во время регистрации ее охватил предвзлетный мандраж.

– Представляешь, я больше двадцати лет не летала на самолете, да и то в последний раз мы с мальчиками летали на каникулы всего лишь на остров Джерси, – сообщила она Фредди, когда они направились к трапу.

– Тогда предупреждаю на всякий случай, что тебя не напугают еще больше, заставив нацепить кислородную маску, – насмешливо заметил Фредди.

Поузи получила полнейшее удовольствие от спокойного полета и даже слегка взгрустнула, когда они приземлились. Фредди, явно бывалый путешественник, уверенно провел ее сначала через паспортный контроль, а потом в зал выдачи багажа, где они сняли свои чемоданы с ленты карусели.

Взяв такси, они въехали в город, и Поузи неотрывно смотрела в окно на островерхие здания, высившиеся над так называемым центральным «поясом» обсаженных каналов Амстердама. Весь город, казалось, оседлал велосипеды, и люди катились на них по узким, вымощенным булыжником улочкам, то и дело слышалось тренькание звончков велосипедистов, предупреждавших пешеходов и автомобили о своем присутствии.

Такси остановилось на набережной канала перед шикарным зданием семнадцатого века.

– Какой красивый город, – пробормотала Поузи, когда они вылезли из машины.

– Много лет назад я приезжал к Джереми и просто влюбился в этот район. Мне давно хотелось вернуться сюда. И самое удивительное, что город размещен на редкость компактно, тут в любое место можно добраться пешком. Или на лодке. – Фредди показал на катер, проходивший по каналу под мостом. – Ладно, давай сначала зарегистрируемся, а потом можем сходить на ознакомительную прогулку.

Со вкусом обставленный вестибюль выглядел элегантно скромным и уютным. Поузи отдыхала в кресле, пока Фредди регистрировал их у стойки администратора.

– Все в порядке, – сообщил он, вручая ей ключ от номера. – Как ты смотришь на то, чтобы распаковаться и отправиться на прогулку?

* * *

Следующие пару часов они бродили по лабиринту каналов, заглядывая в кафешки, чтобы выпить горячего шоколада и, изучив карту, выяснить, где же они оказались.

– А ты знаешь, что еще можно прикупить здесь? – Фредди интригующе поднял бровь.

– Что?

– Любой вид каннабиса, какой только пожелает твоя душа. – Фредди показал на черную доску у входа в бар с обширным меню анаши, ганджи и гашиша. – Ты когда-нибудь пробовала покурить?

– Нет, в старые добрые времена я всегда отказывалась. А ты?

– Бывали случаи. – Фредди подмигнул. – Не хочешь курнуть косячок под горячий шоколад?

– Почему бы и нет?

– Правда?

– Правда, – подтвердила Поузи. – Согласно моей житейской философии, хоть раз в жизни нужно попробовать все.

– Тогда ладно. – Фредди кивнул и направился к барной стойке, чтобы купить травку. Вернувшись, он принес самокрутку с коробкой спичек и сообщил: – Кстати, я попросил у них самую слабую травку. – Он зажег косячок, затянулся и передал его Поузи, она взяла самокрутку и поднесла ее к губам. Она честно затянулась, но, когда едкий дым дошел до горла, беспомощно задохнулась и закашлялась.

– Какая гадость! – Поузи передернулась, возвращая самокрутку Фредди.

– К этому вкусу надо привыкнуть, но ты хотя бы попробовала. Еще затяжку?

– Нет, спасибо. – Вытирая слезившиеся глаза, Поузи рассмеялась. – Боже мой, видели бы мои сыновья, как я сижу в амстердамском кафе с мужчиной и покурываю марихуану!

– Уверен, они пришли бы в восхищение. Как и я, – добавил Фредди, затушив окурок в пепельнице. – Идем дальше?

* * *

Не спеша готовясь к ужину, Поузи сидела перед зеркалом в своем симпатичном номере с окнами, выходящими на канал, и чуть более тщательно, чем обычно, подкрашивала глаза и губы.

Фредди зашел за ней в номер, одетый в свежую синюю рубашку и элегантный пиджак.

– Поузи, ты выглядишь очаровательно, – одобрил он. – Готова к выходу?

Они направились в прекрасное французское бистро, порекомендованное им администратором отеля.

За бутылкой настоящего «шабли» и бесподобными стейками, они обсуждали, куда хотели бы сходить завтра до вечернего приема.

– Я с удовольствием заглянула бы в музей Ван Гога, если он работает, – сказала Поузи, когда Фредди вновь наполнил ее бокал.

– А я хотел бы посетить дом-музей Анны Франк^[31], он, кстати, находится всего в нескольких минутах ходьбы от нашего отеля. Возможно, нам лучше сначала зайти именно туда, поскольку, говорят, там скапливаются изрядные очереди, – предложил Фредди и, понизив голос, спросил: – А не желаешь ли ознакомиться с более сомнительными кварталами города? Я слышал, что в некоторых заведениях жизнь показана в весьма... просветительском, мягко выражаясь, виде!

– Я набралась смелости попробовать травки, но думаю, что надо знать меру, и предпочту избежать секс-шоу, – призналась Поузи. – Однако тебе я мешать не стану.

– Нет-нет, меня тоже не тянет в ту сферу, уверяю тебя. Итак, что же мы закажем на десерт?

После ужина, вполне довольные обществом друг друга, они вернулись в отель. Несмотря на достаточно холодный конец октября, вечер выдался приятно бодрящим.

Поузи взяла Фредди под руку.

– Похоже, я изрядно опьянела, – призналась она. – Выпила сегодня гораздо больше обычного.

– Ну, изредка это даже полезно, верно ведь?

– Верно. – Они уже подошли к отелю, и Поузи взглянула на Фредди. – Я лишь хотела сказать, как мне здесь нравится и как я рада, что выбралась сюда.

– Отлично, – с улыбкой ответил он, когда они вошли в вестибюль. – Может, выпьем еще бренди на сон грядущий?

– Пожалуй, нет, спасибо, Фредди. Я очень устала, а завтра мне хочется выглядеть хорошо.

– Разумеется, – согласился он, когда Поузи забрала свой ключ у портье. Склонившись, он нежно поцеловал ее в щеку и добавил: – Спи спокойно, моя дорогая.

Он посмотрел, как она легко поднялась по лестнице к своему номеру на втором этаже. Никто не сказал бы, что ей почти семьдесят... она обладала физической выносливостью гораздо более молодой женщины. И той же жаждой жизни, какая была у нее в двадцать лет.

Зайдя в уютный бар, Фредди заказал себе бренди. Взглянув на другие парочки, мило болтавшие, сидя в удобных креслах, он тяжело вздохнул. Именно такого общения ему хотелось, такого же общения с Поузи. Из-за стечения обстоятельств он не мог даже мечтать о такой возможности, однажды ему уже пришлось отказаться от нее, поэтому когда он увидел ее в своей лодке, то на волне эйфории подумал, что судьба, возможно, предоставила им второй шанс.

Конечно, он преждевременно предположил, что ей *все известно*. Ведь прошло почти полвека с тех пор, как он видел ее в последний раз. Наверняка кто-то мог сообщить ей?..

Фредди глотнул бренди. После того первого обеда, когда стало совершенно ясно, что она по-прежнему ничего не знает, ему пришлось позорно сбежать. Он слишком расстроился, чтобы остаться и продолжить общение.

– Что же мне делать? – еле слышно пробурчал Фредди.

Он понимал, что долго так продолжаться не может, похоже, ему придется так же, как раньше, просто исчезнуть. Ведь в прошлом его знание могло сломать ей жизнь; вопрос в том, сломает ли оно ее сейчас?

Допив бренди, он подошел к стойке регистрации и взял ключ от своего номера. Он решил, что ему необходимо с кем-то посоветоваться, с кем-то, кто знал Поузи относительно хорошо, но мог рассуждать объективно и разумно.

Фредди вдруг подумал, что знает такого человека.

* * *

Поузи смотрела в иллюминатор, самолет взлетал из аэропорта Схипхол. Она провела три чудесных дня, наслаждаясь каждым мгновением. Вечеринка прошла очень весело, и друг Фредди, Джереми, и его очаровательная жена оказались приятными и дружелюбными людьми.

Она поглядела на Фредди, сидевшего рядом с закрытыми глазами.

«Я люблю тебя», – грустно подумала она. В прошедших выходных было единственное удручающее обстоятельство – Фредди вел себя как истинный джентльмен, а ей как раз хотелось, чтобы он хоть раз забыл о приличиях. Явно ощущалось – как это частенько бывало между ними, – что их разделяет какая-то важная тайна.

«Не жадничай, Поузи. Будь благодарна и за дружеское общение с Фредди, не думая о том, чего ему не хватает», – решительно укорила себя Поузи.

Загрузив в багажник их чемоданы, Фредди в полном молчании вел машину в сторону Саффолка, неотрывно глядя на расстилавшуюся впереди дорогу.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила она, заметив его мрачное настроение.

– Извини, Поузи. – Фредди взбодрился и выдал вялую улыбку. – Все нормально. Может, немного устал, только и всего.

Когда они прибыли в Адмирал-хаус, Фредди затащил в дом ее чемодан. Себастиан как раз заваривал чай на кухне.

– Добрый день, путешественники. Как вас встретил Амстердам?

– Чудесно, – откликнулась Поузи. – Извините, но мне нужно, как говорится, попудрить носик.

Когда она вышла из кухни, Себастиан предложил Фредди чашку чая.

– Нет, спасибо, мне пора ехать домой. Но вообще-то, не могли бы мы с вами сходить куда-нибудь выпить? Мне чертовски нужно обсудить с вами нечто важное...

Поузи

*Манор Бодмин-Мур,
Корнуолл*

Бабочка-парусник (Papilio machaon)

Июнь 1955

– А теперь, по случаю счастливого восемнадцатилетия, мне хотелось бы сказать несколько слов о моей внучке, Поузи. Могу честно признаться, что не могла бы гордиться ею еще больше. И я уверена, что так же мог бы сказать ее отец... и, разумеется, мать тоже.

Бабушка опустила взгляд на меня, и я увидела, что в ее глазах заблестели слезы.

Я вдруг осознала, что слезы на нашей планете не менее заразительны, чем чума, поскольку даже не заметила, когда именно мои глаза тоже наполнились ими.

– Наряду с успешным поступлением в желанный Кембриджский университет и прекрасной сдачей выпускных школьных экзаменов, мне также хочется отметить, что, несмотря на испытания, пережитые ею с тех пор, как она переехала жить к нам, Поузи никогда не потакала своим слабостям. Все вы знаете, как она всегда улыбалась и находила доброе слово для каждого из нас, охотно помогала нам в критические моменты и умела выслушать, понять и успокоить тех, кто нуждался в этом.

– Понимающими ушами, – радостно подхватила Кэти из толпы, собравшейся вокруг меня в саду, и ее случайный каламбур вызвал общий смех.

– Теперь она вступает во взрослую жизнь, и перед ней откроются новые грандиозные горизонты, так давайте же пожелаем Поузи всего наилучшего! Выпьем за нашу Поузи!

– За Поузи! – хором откликнулись гости, подняв бокалы с шипучим напитком. Я поступила так же, не уверенная, должна ли я сама сейчас поднимать бокал, но мне ужасно хотелось пить. День выдался на редкость жаркий.

После первого тоста многие жители деревни начали поздравлять меня лично, а затем все мы угощались приготовленными Дейзи сэндвичами с вкусной пастой, не давая им зачерстветь в июньскую жару.

Тем вечером, когда все гости разошлись, я принялась открывать скопившиеся на столике подарки. Большинство из них были самодельными, и оказалось, что у меня отныне имелось достаточно

много носовых платочков с вышитыми на них моими инициалами, мне хватит этих платков не только на три года учебы в Кембридже, но, вероятно, и на всю жизнь. Однако я понимала, что каждый из платочков вышивался с любовью, и меня до глубины души тронула доброта, проявленная ко мне местными жителями. Это даже отчасти заполнило душевную пустоту и досаду, вызванную тем, что маман так и не соизволила появиться на моем празднике. Несмотря на то что ее появление было крайне маловероятно, еще живущая во мне маленькая девочка думала, что бабушка, возможно, хранила ее приезд в секрете, хотя еще месяц назад она мягко сообщила мне, что маман не сможет приехать.

– Милая детка, они отправились в длительный медовый месяц. Она сообщила, что крайне расстроена тем, что не имеет возможности приехать сюда, но прислала тебе письмо.

Письмо от маман еще лежало на подарочном столике, наряду с открыткой бабушки, привязанной ленточкой к завернутому в блестящую бумагу подарку. Судя по размеру и форме, в свертке пряталась какая-то книжка.

– Ну, теперь ты откроешь послание своей матери? – спросила бабушка, вручив мне пухлый конверт.

Отчасти мне хотелось порвать его или сжечь в камине, чтобы избавиться себя от мучительного чтения пустых банальностей, адресованных дочери, которую мать не удосужилась навестить в течение десяти лет.

Но я открыла конверт, скрипнув зубами, и удивилась, что после всех моих мудрых самовнушений о том, что надо воспринимать ее такой, какая она есть, на глаза все равно навернулись слезы.

Открытка гласила: «Счастливого восемнадцатилетия!» – и изображала бутылку шампанского с двумя бокалами. Именно такие открытки я получила от многих местных жителей.

«Господи, Поузи! А чего же ты ожидала? Собственноручно написанной акварели?!» – мысленно укорила я себя, взглянув на стандартное поздравление. В конверте имелось еще что-то, но я положила его на колени, пока читала текст на оборотной стороне открытки.

«Дорогая Поузи,

по случаю твоей 18-й годовщины,
с любовью,

Маман и Алессандро.

Целуем».

Увидев *его* имя, я закусила губу, изо всех сил стараясь подавить очередные напрасные слезы. Я отложила мамину открытку и заглянула в оставшийся на коленях конверт. Сначала мне попалась фотография. На ней была запечатлена маман с едва достающим ей до плеча толстячком. Маман в красивом свадебном платье со шлейфом и в сверкающей диадеме с обожанием смотрит в глаза своего нового сиятельного супруга. Они стояли на какой-то каменной лестнице на фоне огромного дворца. Как я полагала, сие палаццо и стало новым домом моей матери.

– Красота неземная, – хмыкнула я, передав фотографию бабушке и вытащив из конверта остатки содержимого, а именно записку со вложенным в нее чеком.

«Дорогая Поузи, мы не знали, что тебе лучше подарить, и Алессандро подумал, что этот чек уменьшит твои расходы на жизнь в университете. Надеемся, что ты приедешь к нам в ближайшее время... Алессандро не может дождаться знакомства с тобой. Целуем, с любовью, М и А».

Подавив дрожь, я глянула на сумму чека и ахнула. Мне прислали чек на пять сотен фунтов!

Я показала бабушке чек, а она глубокомысленно кивнула.

– Что ж, разве они не пригодятся тебе в ближайшие годы?

– Естественно, пригодятся, но, бабуля, это же целое состояние! И мы обе знаем, что у маман не могло быть таких денег, а значит, это денежки ее мужа, хотя он даже ни разу не видел меня и...

– Прекрати, Поузи! Ведь, судя по тому, что нам говорила твоя мать, она вышла замуж за весьма состоятельного человека. А ты – хочешь ты того, или нет – формально являешься его новой падчерицей,

и если ему захотелось сделать тебе такой подарок, то следует просто с благодарностью принять его.

– Но это означает, что я буду каким-то образом... – я помедлила, подыскивая уместное слово, – обязанной ему?

– Это означает, Поузи, что ты стала членом новой семьи, и он признает эту данность. Господи, ты же долгие годы ничего не получала от своей матери, и, как бы ты ни относилась к данной ситуации или откуда бы ни взялись эти деньги, не стоит смотреть дареному коню в зубы.

– Я не притронусь к его деньгам, – упрямо процедила я. – Они, видимо, решили меня подкупить. Кроме того, бабуля, я же выиграла стипендию, поэтому их деньги мне не понадобятся!

– Ты уже знаешь, что как твой опекун я использовала часть наследства твоего отца для оплаты твоего школьного обучения, и мы согласились, что сделаем то же самое для покрытия твоих расходов на проживание в Кембридже, однако остаток ни в коей мере не назовешь богатством. Почему бы мне не убрать этот чек, а ты можешь считать его своим запасом на черный день? Тебе не придется трогать эти деньги без надобности, но в случае необходимости они могут пригодиться.

– Ладно, но, по-моему, это неправильно. И к тому же тогда мне придется послать им благодарность, – мрачно заключила я.

– Ну, ты же не хочешь, чтобы нас сочли невежливыми. Послушай, у тебя же сегодня день рождения, и довольно уже об этом. Почему бы тебе не развернуть мой подарок? Хотя, надо признать, что, по сравнению с чеком, он едва ли сильно порадует тебя. – Бабушка улыбнулась.

Я взяла небольшой сверток и сорвала обертку. Сначала я подумала, что там лежит книжка в кожаном переплете, но, полностью сняв обертку, поняла, что это шкатулка. Открыв замочек, я увидела на переливающимся синем атласе нитку кремового жемчуга.

– Ах, бабуля! Какая красота! Спасибо тебе огромное!

– На самом деле они достались мне в наследство от моей матери, поэтому они действительно довольно старые, однако, Поузи, это настоящие дикие жемчужины, а не те дешевые шарики, что нынче выращивают на жемчужных фермах. Давай-ка, – она встала с кресла, – я застегну на тебе бусы.

Я сидела не двигаясь, пока она застегивала изящный фермуар на моей шее. Потом бабушка вышла вперед и посмотрела на меня.

– Очаровательно, – улыбнувшись, оценила она. – У каждой молодой женщины должна быть нитка жемчуга. – Она поцеловала меня в щеку. – Теперь, милая, ты готова к выходу в свет.

* * *

В Кембридж я приехала в начале октября с двумя чемоданами и папкой ботанических зарисовок. Некоторое время нам с Биллом пришлось покружить в лабиринте мощеных улиц центра городка. В поисках Сильвер-стрит мы как минимум трижды проехали мимо Тринити и Королевского колледжа. Когда мы остановились перед зданием Эрмитажа, где жили студенты Нью-Холла, я испытала легкое разочарование. Прекрасный большой дом Эрмитажа не шел ни в какое сравнение с вычурными четырехсотлетними зданиями мужских колледжей, увенчанных сказочными шпилями.

У входа меня сердечно приветствовала мисс Мюррей, наш наставник в Нью-Холле, которую мисс Самптер, моя бывшая директриса, знала со времен их совместного обучения в школе.

– Мисс Андерсон, надо же, вы успешно доехали на машине от самого Корнуолла! Силы небесные, должно быть, вы чертовски устали. Я сейчас же отведу вас в вашу келью... надо сказать, она небольшая и под самой крышей... первая группа девушек в прошлом году заняла все лучшие комнаты... но зато из вашей мансарды открывается прекрасный вид на наш городок.

Мисс Мюррей не погрешила против истины – комната и правда оказалась похожей на скромную келью. По моим предположениям, на этом чердаке когда-то жила прислуга, однако под скошенными потолками в ней уместился славный маленький камин, а из окна открывался поистине великолепный вид на крыши с башенками и шпилями. Туалет и ванная находились этажом ниже, но мисс Мюррей заверила меня, что она планирует переделать смежную с моей комнатой кладовку с метлами в более общеупотребительное помещение.

– У нас возникли определенные сложности, поскольку в нынешнем году число студенток удвоилось, и во многих более просторных комнатах девушки живут вместе. Я решила, что вы предпочтете свое личное пространство, каким бы маленьким оно ни оказалось. Итак, оставляю вас распаковываться и устраиваться, а потом спускайтесь к шести часам в столовую, там вы сможете познакомиться с остальными девушками.

Дверь за мной закрылась, и я замерла на мгновение, вдыхая запах пыли и – возможно, у меня разыгралось воображение – старых книг. Подойдя к окну, я посмотрела на расстилавшийся передо мной Кембридж.

– Папуля, я выиграла, – прошептала я. – Я буду учиться здесь!

Спускаясь вниз часом позже, я с волнением думала о знакомстве с другими девушками. Меня одолевала усталость, накопившаяся не только от долгой езды, но и от предшествовавших ей бессонных ночей. Я терзала себя размышлениями о том, какими умными, искушенными и почти наверняка более симпатичными будут эти другие девушки, и о том, что, вероятно, я поступила в Кембридж только благодаря дружбе мисс Самптер с мисс Мюррей.

Глубоко вздохнув, я вошла в столовую и обнаружила, что там уже полно девушек.

– Добрый вечер, ты кто, новенькая? – спросила меня высокая молодая барышня, одетая в нечто, очень похожее на мужской костюм. Она предложила мне выпить хереса, рюмки с которым стояли на подносе.

– Поузи Андерсон, – представилась я, взяв одну из рюмок.

Захотелось выпить для куража.

– А, верно. Ты ведь будешь изучать ботанику?

– Да.

– Андреа Гранвилл, а я специализируюсь на английской литературе. В нашей группе на курсе всего несколько девушек, и я уверена, что на твоей специализации будет и того меньше. Тебе придется привыкнуть к общению с толпой тупых юнцов и к их дурацким шуточкам в твой адрес, и чем скорее, тем лучше.

– Вот как, понятно, буду стараться, – ответила я, выпив херес.

– Печально то, Поузи, что половину из них приняли сюда только благодаря их предкам, – повысив голос, резко заявила Андреа (у нее

вообще был на редкость звучный голос). – К сожалению, тут полно сыночков и внучков напыщенных лордов. Большинство из них уйдет отсюда со степенью бакалавра с отличием третьего или, уж в лучшем случае, второго класса, и, вернувшись в фамильные особняки, они будут лишь проживать трастовые фонды, командуя штатом прислуги.

– Ах, Андреа, ты же сама знаешь, что далеко не все они такие уж тупые и напыщенные, – вставила девушка с роскошными черным кудрями и огромными фиалковыми глазами. – Не позволяй ей запугать тебя. Кстати, меня зовут Селия Манро, я тоже изучаю английский.

– Поузи Андерсон, – с улыбкой ответила я, мгновенно проникшись к ней симпатией.

– Ладно, Поузи, пойду, поделюсь хересом с остальными, но просто берегись жаб в своем столе и подушек-пердушек на стуле. Кстати, чуть не забыла, тебе следует знать, что, по мнению парней, все мы здесь лесбиянки, – бросила Андреа перед уходом.

– Честно говоря, – покачав головой, заметила Селия, – нам положено помогать новичкам почувствовать себя здесь комфортно, а не запугивать до безумия. Не обращай внимания, Андреа – славный человек, просто слегка сдвинулась на правах женщин. Ты обнаружишь, что таких довольно много среди нашего женского контингента. Я полностью согласна, разумеется, но предпочитаю сосредоточить свои силы на учебе и просто получать удовольствие от здешней жизни.

– И я намереваюсь жить так же. Так ты уже на втором курсе?

– Да, и всеми шуточками парней над нами, о которых говорила Андреа, я вполне насладилась за первый год. Понимаешь, мне, вероятно, помогло то, что я росла в семье с тремя братьями.

– Должна признаться, я мало думала о парнях, хватало забот с экзаменами и поступлением в Кембридж. – Я окинула взглядом заполненную столовую. – Мне все еще не верится, что я здесь.

– Что ж, тут у нас, безусловно, сюрреалистическое местечко, такая своеобразная малая вселенная, но я уверена, что ты быстро освоишься. А теперь, почему бы нам не прогуляться, посмотрим, с кем еще из новичков сможем познакомиться.

Так мы и сделали и, обменявшись рукопожатиями с первогодками, я осознала, что в большинстве своем они волнуются не меньше меня. В целом здесь собралась, на мой взгляд, славная компания, а после

второй рюмки хереса по моему телу вообще растеклось успокаивающее тепло.

– Девушки! Могу я попросить вас подойти ко мне?

Я увидела, что в столовую вошла мисс Мюррей, и направилась к ней вместе с остальными студентками.

– Во-первых, я хотела бы приветствовать всех новых девушек, поступивших в Нью-Холл. И я уверена, что прошлогодние новички согласятся, что всем вам очень повезло поступить сюда всего через год после открытия нашего колледжа.

– Имеется в виду, что мы наконец-то избавились от клопов в матрасах, – съязвила Андреа, и ее подружки тихо посмеялись.

– Действительно, – согласилась мисс Мюррей. – От них и от многих мелких неприятностей, которые нам пришлось устранять после переезда в наш новый дом. Однако мы справились с ними, и я действительно чувствую, что после года первоначальных трудностей мы как колледж можем начать утверждаться как сила, с каковой надо считаться в академическом плане, но также и в плане того, каких успехов вы, девушки, достигаете и кем намерены стать в будущем. Как я объясняла каждой из вас на личных беседах, жизнь студентки в Кембридже, где на одну девушку приходится как минимум десять юношей, может устроить даже самых уверенных в себе особ. От постоянных подтруниваний над вами, так забавляющих ваших соучеников мужского пола, легко можно ожесточиться. Однако позвольте заметить: у нас, как у женщин, есть свои уникальные сильные стороны. И как преподаватель, последние двадцать лет проработавший в этом мужском мире, я частенько поддавалась искушению отплатить им той же монетой, однако прошу вас, придерживайтесь лучше вашей естественной женственности и пользуйтесь собственными уникальными преимуществами. Запомните: единственная причина такой реакции у большинства из них – это просто их страх. Ведь их мужские бастионы постепенно начинают сдавать позиции, и, уверяю вас, это только начало нашего с вами движения к равенству.

– Боже, неужели эти парни такие вредные? – робко пробурчала одна из новых студенток.

– Нет, но, как говорится, предупрежден – значит, вооружен, – провозгласила мисс Мюррей. – И мне не хочется услышать, что кто-то

из наших девочек участвовал в драке, как это случилось с девочками из Гертон-колледжа в прошлом семестре. Итак, заканчивая на более радостной ноте, хочу сообщить вам, что, пока погода еще достаточно теплая для встреч в саду, я решила устроить день открытых дверей для знакомства с первокурсниками из колледжа Святого Иоанна... здание принадлежит им, и они любезно предоставили его нам на следующую пятницу для веселой коктейльной вечеринки. Что даст вам, девушки, возможность в спокойной обстановке пообщаться с определенным кругом представителей нашего студенчества.

– В смысле, спокойно пленить врага на его собственной территории? – рассмеявшись, уточнила Андреа.

Мисс Мюррей оставила без внимания ее вопрос, и я вдруг осознала, что если кто-то и мог затеять драку с парнями, то именно Андреа.

– А сейчас я предоставлю слово другой вашей постоянной наставнице, доктору Хэммонд, она вкратце объяснит вам тонкости академической стороны здешней жизни, но прежде я хотела бы предложить тост за наш Нью-Холл и его новых обитателей.

– За Нью-Холл! – хором откликнулись мы, и вновь на душе у меня потеплело оттого, что я приобщилась к совершенно замечательному миру.

* * *

И действительно, по мере знакомства в последующие недели со своими сокурсницами, я начала все больше осознавать, что перестала казаться себе рыбой, вытасченной из воды, и впервые в жизни почувствовала себя в своей стихии. Каждая новая знакомая девушка казалась мне пугающе умной и красивой, и – что более существенно – все они поступили сюда только потому, что явно любили избранные ими науки. По вечерам темы разговоров у камина в уютной общей комнате отдыха охватывали как тонкости математики, так и нюансы поэзии Йейтса и Брука^[32]. Мы жили, мечтая о постижении избранных нами наук и, вероятно, из-за того, что все мы понимали, как нам повезло учиться здесь, почти не жаловались на большую учебную

нагрузку. Я училась успешно, но все равно, всякий раз входя в здание Ботанической школы, щипала себя за руку, чтобы убедиться в реальности происходящего.

Квадратное и продуваемое всеми ветрами здание колледжа на Даунинг-стрит выглядело не слишком привлекательно, зато оно находилось сразу за речкой и до него можно было быстро доехать от Нью-Холла. Я привыкла видеть одни и те же лица во время своих утренних поездок по тряским булыжникам, где купленный мной подержанный велосипед визгливо протестовал с каждым поворотом педалей.

Ничто не могло подготовить меня к потрясению от первого посещения лаборатории: длинные скамьи, современное оборудование, к которому меня так и тянуло прикоснуться, и предоставленные в мое распоряжение (с разрешения, конечно) богатейшие коллекции семян и засушенных растений.

Как и предупреждала меня Андреа, ботаникой занимались всего три студентки. Энид и Роми – две другие девушки – упорно садились на лекциях подальше друг от друга, каждая стремилась найти себе местечко в кругу парней. Мы часто встречались во время обеда на нашей любимой скамье в Ботаническом саду, делились конспектами лекций и устало изображали удивление перед нелепыми выходками парней. Устраиваясь втроем за столиком в «Игл-пабе», мы неизменно начинали спорить о будущем ботаники. В этом пабе всегда собиралось много народа, отчасти потому, что каждый ученый и студент в университете надеялся лично увидеть Крика и Уотсона, открывших всего пару лет назад структуру ДНК^[33]. В тот вечер, когда я заметила в баре затылок Фрэнсиса Крика, я буквально застыла на своем стуле, исполненная благоговения от близости к этому гению. Энид, гораздо более раскованная, чем я, стремительно подошла к нему и заговаривала ему зубы до тех пор, пока он так же стремительно не ретировался под благовидным предлогом.

– Разумеется, львиную долю работы сделала Розалинд Франклин^[34], – запальчиво заявила Энид, вернувшись за наш столик. – Но ведь она женщина, и никто даже не подумает признать ее заслуги.

У меня не было ни времени, ни желания присоединяться к каким-либо студенческим обществам, поскольку хотелось полностью сосредоточиться на учебе и собственных исследованиях. Селия и

Андреа, ставшие моими подругами в Нью-Холле, по выходным шастали по разным компаниям, Селия – в шахматный клуб, а Андреа – в знаменитый студенческий театр «Футлайтс». Я же все свободное время проводила в садах и теплицах, а доктор Уолтерс, один из моих профессоров, взял меня под свое крыло в Оранжеере, красивом застекленном павильоне с влажным воздухом. Бывали вечера, когда я пропадала там до самого закрытия, после чего усталая, но довольная, поднималась прямым путем в свою холодную келью и забиралась в кровать.

– Господи, какая же ты зануда, – сказала мне Андреа однажды за завтраком. – Ты едва ли рискнешь пойти куда-то, если там тебе не позволят возиться в земле с твоими драгоценными семенами. В общем, так, сегодня вечером у нас в театре будет шикарная вечеринка, и ты пойдешь со мной, даже если мне придется тащить тебя туда силком.

Сознавая правоту Андреа и, кроме того, понимая, что она не примет никаких отговорок, я позволила ей оживить мое красное платье – именно в нем я отмечала восемнадцатилетие – одним из ее ярких шарфиков. Практически сразу по приходе на это сборище я поняла, что проведу ужасный вечер. Какофония громких голосов и музыки во владениях главы труппы «Футлайтс» предупредила меня, что я буду здесь чувствовать себя, как та самая вытасченная из воды рыба. Тем не менее, чтобы успокоить нервы, я взяла со столика какой-то стакан с вином и вступила в суматошную толпу. Держа меня за руку, Андреа проталкивалась в глубь зала в поисках ведущего.

– Вон он, Фредди. Разве не дивный парень? – И она расплылась в сияющей, совершенно не свойственной ей улыбке.

Ее перст указывал в сторону молодого парня, окруженного группой поклонников, все слушали его внимательно, точно короля, выступавшего перед своими верными подданными. Глядя на него, я испытала на редкость странное ощущение, словно время вдруг почему-то замедлилось и остановилось. Я видела все как в замедленной съемке, изящные жесты его рук и медленно открывавшиеся и закрывавшиеся полные губы. Темные и густые волнистые волосы ниспадали до плеч, как на знакомых мне портретах поэтов-романтиков. Большие и выразительные глаза поблескивали темным золотом, как шкура молодого оленя, а лицо с высокими скулами казалось высеченным резцом скульптора. «Такому красивому

лицу позавидовала бы любая женщина», – подумала я, когда Андреа втянула меня в его компанию, выводя из задумчивости.

– Фредди, дорогой, позволь представить тебе Поузи Андерсон, мою замечательную подругу.

Когда он взял и поцеловал мою руку, меня пробрала такая дрожь, словно тело пронзило множество молний, а его глаза взирали на меня так, словно я была единственным человеком в этом зале.

– Счастлив познакомиться, – произнес он мелодичным, бархатным голосом. – И чем же ты занимаешься здесь, в Кембридже?

– Ботаникой, – умудрилась вымолвить я, чувствуя, как предательский румянец заливаает мне шею.

Я мгновенно с ужасом представила, что в своем красном платье сейчас стану похожа на перезревший помидор.

– Как интересно, наши эстетические ряды пополнились серьезным ученым! – объявил он толпе, и я невольно почувствовала, что он высмеивает меня, несмотря на доброжелательный взгляд его устремленных на меня глаз.

– И откуда же ты, Поузи, родом?

– Родилась в Саффолке, но росла в Корнуолле.

– В Саффолке? – Фредди улыбнулся. – Значит, у нас есть нечто общее. Я тоже там родился. Поузи, давай поболтаем позже. Мне страшно интересно, почему такая красивая девушка, как ты, – я почувствовала, как его взгляд скользнул по моей фигуре, – предпочитает скрывать свои прелести под белым халатом, неужели тебе так нравится таращиться в микроскоп?

Я кивнула и ухмыльнулась, как идиотка... буквально потеряв дар речи, и даже обрадовалась, когда кто-то отвлек внимание Фредди и он наконец перестал разглядывать меня.

Разумеется, «позже» мы так и не поболтали; весь вечер Фредди окружали утонченные барышни, с которыми я с моими буйными кудрями и в простецком красном платье не могла даже начать соперничать. Андреа вскоре затерялась в толпе, забыв обо мне, поэтому через часок я ушла отсюда и отправилась домой, мечтая о Фредди и раздумывая о том, почему он назвал меня «красивой».

* * *

Зима в Кембридже принесла неожиданные радости. Древние каменные здания опушились искристым белым инеем и, занимаясь чем-то в теплицах Ботанического сада, я ощущала себя, как в гигантском иглу. Подходил к концу осенний триместр, и застольные разговоры в Нью-Холле крутились вокруг единственной темы – рождественского бала в колледже Святого Иоанна.

– Я лично пойду в брюках, – заявила Андреа. – Буду как Марлен Дитрих, и любой парень, осмелившийся подойти ко мне, докажет свою храбрость.

Утро субботы мы с Селией провели в магазинах, выбирая идеальные праздничные наряды, и я рассталась с частью карманных денег, купив голубое бархатное платье, затянутое в талии и украшенное бантиком на лифе. С горечью вспомнив все изысканные вечерние платья, в которых маман красовалась на приемах в Адмирал-хаусе, я подумала, что теперь они, наверное, обрели новый дом в ее итальянском палаццо.

Селия убедила меня купить к платью пару туфель на таких высоких каблуках, каких я еще никогда не носила.

– Только не вздумай копать в них в земле, собирая образцы своих растений, – усмехнувшись, предупредила она меня.

– Меня гораздо больше волнует, что я могу упасть в них, выставив себя неуклюжей дурочкой, – посетовала я, пробуя ходить на высоченных каблуках по своей крошечной спальне.

* * *

В последний день триместра я выбежала из Ботанической школы и, соскользнув с обледеневших ступеней, принялась неловко возиться, отпирая замок своего велосипеда. Я опаздывала на встречу с Селией, к сегодняшнему балу она обещала помочь уложить мою буйную шевелюру в приличную модную прическу. Шесть часов уже пробило, и я, запрыгнув на свой велик, принялась быстро накручивать педали, двигаясь в сторону Сильвер-стрит и не обращая внимания на гудки раздраженных водителей, недовольных тем, что я виляла перед ними, объезжая выбоины.

Внезапно мир перевернулся, и я столкнулась лицом к лицу с серой снежной жижей на мощеной улице, а мой велосипед еще крутил колесами, лежа рядом со мной.

– Эй, с тобой все в порядке? – донесся до меня сверху чей-то голос.

Растерянная, я с трудом поднялась с земли.

– Со мной... да, наверное, в порядке.

– Давай-ка, тебе надо присесть и прийти в себя. Здорово ты сверзилась, да еще на полной скорости, – оценил молодой человек.

Он, надежно поддерживая, увел меня с дороги и усадил на скамейку около автобусной остановки. Потом вернулся за моим велосипедом и, ловко выбив подножку, поставил его рядом со мной. Он смотрел на меня добрыми голубыми глазами, с доброй улыбкой под аккуратными усиками, и я разглядела, что из-под его шапки выглядывали легкие завитки светлых волос.

– Спасибо, – сказала я, поправив юбку и убедившись, что она цела. – Мне еще не приходилось так падать, обычно я езжу осторожно...

– На обледеневшей дороге трудно избежать падений, – заметил он. – Дорожные службы не успели вовремя посыпать улицы песком. Обычная накладка. Кстати, меня зовут Джонни Монтегю.

– Поузи Андерсон, – ответила я, пожимая его протянутую руку. – К сожалению, мне нужно ехать, меня ждет подруга...

– Ну, после такого падения я не могу позволить тебе сразу оседлать этот велосипед, – решительно заявил он. – В какую сторону ты так спешила? Я провожу тебя.

– Но у меня все нормально, правда.

– Вынужден настаивать, – сказал он, взявшись за руль моего велосипеда, который, надо признать, выглядел несколько окривевшим. – Показывайте дорогу, барышня.

Пока мы шли вместе к Нью-Холлу, я узнала, что Джонни изучал географию в Сент-Джонс-колледже.

– ...но после университета я пойду в армию, по стопам моего почтенного отца, – добавил Джонни. – А ты чем занимаешься?

– Ботаникой... наукой о растениях, – ответила я.

Слово «наука» произвело на него ожидаемое впечатление.

– Так ты будешь ученой дамой? – спросил он, удивленно глянув на меня. – Надо же, что же вы там изучаете в растениях?

Мы уже подошли к нашему колледжу, поэтому я не успела объяснить ему важность занятий прививками, систематикой и биогеоценозом.

– Прежде чем вновь садиться на этого коня, тебе нужно сдать его в починку. Но, несмотря на драматические обстоятельства, я очень рад, что познакомился с вами, мисс Андерсон.

– Да уж, – сказала я. – И позволь еще раз поблагодарить тебя. Очень любезно, что ты задержался и помог мне.

Немного ошеломленная, я поднялась в свою комнату, где меня ждала Селия, она нетерпеливо постукивала ногой, держа в руках щипцы для завивки весьма устрашающего вида.

– Но у меня же волосы сами вьются, – запротестовала я.

– В том-то и дело, что они у тебя вьются неправильно, – парировала она. – Быстро садись. Ох, Поузи, где тебе удалось так растрепаться? С такой шевелюрой только людей пугать!

Спустя часа полтора, стараясь не слишком качаться на высоких каблуках, я с группой наших девушек из Нью-Холла направилась к Сент-Джонс-колледжу. Темноту рассеивали установленные на подмороженных газонах ряды пиротехнических и восковых свечей, и в их свете удавалось разглядеть старинные каменные башенки и неоготический фасад здания, а из Большого зала уже доносились музыка, исполняемая танцевальным оркестром, и шум голосов, уже явно разгоряченных спиртными напитками. Одним плавным движением кто-то снял с меня куртку и вручил мне бокал шампанского.

– Пойдем скорее, Поузи. – Селия подхватила меня под руку и увлекла в сторону Большого зала.

Ей удалось пригладить мои волосы до мягких волн и, зачесав их назад, закрепить поблескивающими стразами заколками. Она также подкрасила мне лицо, и я боялась касаться губ, чтобы не смазать яркую красную помаду.

Зал переполняли мужчины в строгих вечерних костюмах, их голоса эхом разносились над нами под высоким потолком.

– Ваше здоровье, девочки! – провозгласила Андреа. – Счастливого Рождества!

– Добрый вечер, дорогая. Рад, что нашел тебя в этой сутолоке! Не хочешь потанцевать?

Рядом с нами появился Мэтью, кавалер Селии. Они начали встречаться еще в октябре.

– С удовольствием.

Парочка уплыла, а я осталась с Андреа.

– Скорее всего, через пару лет она выскочит замуж и родит ребенка. – Андреа пренебрежительно фыркнула. – А ее диплом ляжет на дно кованого сундука. Нет, черт, такая участь меня не устраивает. Пошли поищем жратву. Я подыхаю с голодухи.

Мы вдвоем протолкались через толпу к длинным столам, ломящимся от закусок. Я слишком нервничала, и есть мне вовсе не хотелось, но Андреа наполнила тарелку разнообразной снедью.

– Только ради этого я и пришла сюда. – Она улыбнулась, начав заправляться.

– Добрый вечер, давно не виделись, – произнес кто-то за моей спиной.

Оглянувшись, я увидела, что рядом стоит Джонни, мой недавний рыцарь в сияющих доспехах.

– Добрый...

– Боже, как ты преобразилась, – восхищенно произнес он.

– Благодарю.

– Уже пришла в себя после падения?

– Да, вполне.

– Достаточно, чтобы потанцевать со мной?

– Да... наверное, – ответила я, как обычно смущаясь и краснея.

Я робко взяла предложенную мне руку.

– Ну вот, еще одна попалась в силки, – услышала я за спиной шепот Андреа, когда мы с Джонни направились к танцполу.

Позднее мы вышли на улицу подышать воздухом и покурить. (Я пристрастилась к сигаретам, поскольку все постоянно курили, и мне не хотелось выглядеть консервативной.) Устроившись на скамейке во дворе, мы продолжили дружеское общение.

– Далеко ли ты собираешься на рождественские каникулы? – спросил он.

– В Корнуолл. Я живу там с бабушкой.

– Правда? А где же твои родители?

– Мой отец погиб на войне. Он был пилотом, а моя мать живет в Италии, – сообщила я, удивившись собственной откровенности.

Я редко рассказывала в Кембридже о своей домашней жизни, но Джонни, видимо, располагал к откровенности.

– Сожалею о твоём отце, – мягко сказал он. – Я понимаю, как мне повезло, что мой старик вернулся целым с той проклятой войны. Должно быть, твой отец был героем.

– Да, был...

Джонни придвинулся ближе, и рукав его смокинга коснулся моей руки. Я почувствовала исходящее от него тепло и не стала отодвигаться.

– А ты где будешь на каникулах?

– Мои родители живут в Суррее. У меня две сестры, одна кошка и стареющий лабрадор по кличке Молли, такая вот у меня семейка. Скажем так, довольно типичная.

– Значит, твой отец служил в армии?

– Да. Его ранили в самом начале, в битве при Дюнкерке... там он, к сожалению, потерял ногу, поэтому остальные военные годы просидел за столом, разбираясь с бумажками. Он благодарит судьбу за то, что потерял только ногу. По крайней мере, остался жив. Мне очень жаль, что твой отец не выжил.

– Спасибо. – Я затушила окурок носком своей новой туфельки и поежилась. – Может, вернемся в зал? Здесь ужасно холодно.

– Тогда давай еще потанцуем, чтобы согреться.

Предложив мне руку, Джонни повел меня обратно в Большой зал.

* * *

Все Рождество в Корнуолле я постоянно думала о Джонни. После танцев он проводил меня до нашего общежития и подарил мне первый в моей взрослой жизни поцелуй. На прощание Джонни сказал, что будет писать мне, и я каждый день спешила встретить нашего почтальона Уильяма, волнуясь всякий раз, когда получала адресованный мне конверт, надписанный аккуратным почерком Джонни.

Бабуля улыбнулась, удивленно приподняв бровь, но не стала ни о чем спрашивать, за что я была ей благодарна. Когда после Нового года я вернулась в Кембридж на весенний триместр, мы с Джонни стали официально встречаться. Это произошло как-то само собой, еще до того, как я осознала, что нас стали называть парочкой и я перестала быть просто Поузи, а стала половиной парочки «Джонни-и-Поузи». Мы виделись дважды в неделю. Я обнаружила, что мне очень понравилось целоваться, несмотря на то что его усы щекотали мне кожу, но я не испытала еще более интимного общения, о котором любили шептаться по вечерам девушки в комнате отдыха Нью-Холла.

Андреа оказалась наименее тактичной. Она настояла на встрече с Джонни и устроила ему допрос с целью «ободрить» его к дальнейшему общению.

– Поузи, похоже, он вполне подходящий парень, но, скажи честно, разве тебе не скучно с ним? Все эти его занудные разговоры о замшелом провинциальном прошлом... Ты уверена, что не хочешь завести кого-то более возбуждающего?

Я игнорировала щебет Андреа, понимая, что она просто бравирует собственной грубостью. Учитывая мое необычное воспитание, я с удовольствием слушала его семейные истории и надеялась, что когда-нибудь познакомлюсь с его родственниками.

Однажды на выходных меня навестила Эстель, моя старая школьная подруга, она теперь танцевала в кордебалете лондонского Королевского театра, и мы, распивая бутылку дешевого винца, проболтали до глубокой ночи.

– Так вы уже, значит, занимались этим с Джонни?

– Боже, нет. – Я смущенно покраснела. – Мы ведь знакомы всего несколько месяцев.

– Ах, милая Поузи, ну ты ни капельки не изменилась со школьных времен. – Эстель рассмеялась. – В Лондоне я уже успела переспать как минимум с пятью парнями... даже не задумываясь, давно ли мы знакомы!

Наступили пасхальные каникулы, которые я просидела дома, в Корнуолле, усердно готовясь к грядущим экзаменам за первый курс. А когда вернулась в Кембридж, Джонни стал сетовать на то, что мы слишком редко видимся.

– Вот закончатся экзамены, и ты будешь видеть меня сколько захочешь, – утешила я его, удивившись, почему он не готовится так же упорно к собственным экзаменам.

Наконец экзамены остались позади, и я, осознав, что сдала их сравнительно хорошо, почувствовала, что могу отдохнуть. Наступила пора майских балов, и мы с Джонни обсуждали, на какой лучше пойти. Джонни удалось достать четыре билета на Майский бал в Тринити, самый популярный бал в Кембридже.

– Я могу пригласить Эдварда. – Эдвард был лучшим другом Джонни. – А ты могла бы пригласить Эстель, – предложил Джонни. – Я знаю, что, когда ты познакомила нас с ней в феврале, он буквально потерял голову.

Эстель приехала своевременно, и мы провели день, готовясь к вечернему празднику.

– Милая, напомни мне, как выглядит этот ваш Эдвард, – попросила Эстель, ловко скрутив свои золотисто-соломенные волосы в изящный узел на макушке. – Надеюсь, красавчик стоит того, чтобы ради него наряжаться?

– Эстель, да ты наверняка его помнишь. Мы же провели целый вечер в его квартире, попивая джин и поджаривая хлебные тосты в камине.

– Ах, Поузи, с тех пор пролетела целая вечность. Кстати, как тебе нравится мое платье? – спросила она, кружась в мерцающем творении из белого атласа и тюля. – Я позаимствовала его в нашей костюмерной.

– Оно потрясающе... такое воздушное... и сидит на тебе превосходно, – оценила я и, чувствуя себя неуклюжей слонихой рядом с такой грациозной подругой, попросила ее застегнуть кнопки на спине моего платья. Бабуля пришла мне на помощь и заказала своей портнихе (которая, по ее словам, шила почти задаром, по сравнению с городскими модистками) сшить для меня красивое сиренево-голубое платье с пышной юбкой, ниспадавшей до лодыжек.

Оставшись в итоге довольными нашим внешним видом, мы вышли под теплое июньское солнце на встречу с Джонни и Эдвардом.

– Милая, ты смотришься великолепно. – Джонни улыбнулся и, взяв мою затянутую в перчатку руку, поцеловал ее.

Вскоре мы присоединились к другим гулякам, направлявшимся на этот бал, и мы с Эстель отстали на пару шагов от наших кавалеров.

– Неудивительно, что я его не запомнила, – прошептала мне Эстель. – Но, надеюсь, сегодня вечером он проявит себя с лучшей стороны.

– Эстель, ты чертовски привередлива, – пробурчала я в ответ.

Во время приема с шампанским, устроенного в Большом дворе Тринити-колледжа, Эстель показывала мне на девушек в платьях, которые узнала по иллюстрациям в «Вог». Потом, перед танцами, мы все устроились за столами, где подавали изысканный ужин из пяти блюд.

Мы с Джонни спокойно кружились в танце, а Эстель крутила пируэты вокруг Эдварда, в основном красуясь перед восхищенной толпой. Выжившие после фейерверка, отправились на завтрак, и мы вчетвером расположились на лужайке около реки, чтобы встретить рассвет. Над водой поднимался легкий туман, сонное щебетание просыпавшихся птиц предвещало наступление очередного теплого дня.

– Я мог бы прожить в Кембридже всю жизнь, – мечтательно произнес Эдвард, глядя на розовеющее предрассветное небо.

– Вот уж нет, – откликнулся Джонни. – Я с нетерпением жду, когда закончу его и отправлюсь на офицерскую подготовку в Монс^[35]. И вообще, я учусь здесь только потому, что отец настоял на получении диплома на тот случай, если мне захочется пораньше уйти из армии. Жду не дождусь, когда мне дадут назначение и я отправлюсь в путешествие смотреть мир. – Повернувшись ко мне, он сжал мою руку. – Поузи, ты ведь тоже хочешь этого, верно?

– Я... в общем, наверное, – вяло ответила я, застигнутая врасплох, поскольку до этого момента особенно не задумывалась о будущем, или, во всяком случае, о будущем с Джонни...

– Ладно, – пришла мне на помощь Эстель, сбрасывая туфли. – Бежим посмотрим, сможем ли мы побить знаменитый рекорд Большого двора Тринити-колледжа. Кто первый? – Она вскочила и убежала, легкая, как фея, и я устремилась за ней, прежде чем Джонни успел удержать меня.

* * *

В то лето я все-таки познакомилась с семьей Джонни. Меня поезда, я доехала от Корнуолла до Суррея, везя с собой в качестве подарков выданные мне Дейзи банки джема и маринованных огурцов. Джонни встретил меня на станции в Кобхеме в элегантном спортивном «форде» зеленого цвета.

– Дорогая моя! Как приятно видеть тебя.

Мы поцеловались, и я устроилась на кожаном сиденье в салоне, а когда мы тронулись в путь, восторженно смотрела на проносящиеся мимо пышные деревья, зеленеющие по обочинам дороги, и на симпатичные загородные дома с ухоженными газонами. Наконец мы свернули на подъездную аллею, обсаженную такими ровными живыми изгородями, словно грабы стригли строго по линейке. Джонни выскочил из машины и открыл мне дверцу. Я шла по гравиевой дорожке, пытаюсь унять волнение, от которого у меня сводило живот.

Входная дверь открылась, и первым из дома величаво выступил старый лабрадор, а за ним появилась симпатичная блондинка с короткой стрижкой и приятной улыбкой, лет сорока с небольшим. За ней следовал высокий худощавый мужчина с прогулочной тростью, на лице его темнели такие же, как у Джонни, усики.

Джонни взял меня за руку и повел им навстречу.

– Поузи, познакомься с моими родителями.

Первым мне пожал руку мистер Монтегю, его пожатие оказалось сухим и крепким.

– Рад с вами познакомиться, Поузи, Джонни так много рассказывал о вас.

– Да, очень приятно познакомиться, – добавила миссис Монтегю. – Добро пожаловать в наш дом.

Я последовала за ними, лабрадор тащился рядом со мной, тяжело дыша и обнюхивая мои ноги, а я с удивлением заметила, что у отца Джонни, несмотря на деревянную ногу, очень ровная походка.

– Джонни, милый, отнеси, пожалуйста, вещи Поузи в гостевую спальню.

– Конечно, ма.

Джонни послушно отправился вверх по лестнице, а мы с его матерью прошли из холла в чистую белую кухню. На буфете стоял бисквитный торт «Виктория».

– Надеюсь, вы не будете против, я подумала, что в такой чудный летний денек лучше выпить чай в саду.

– Прекрасная идея. – Я улыбнулась.

Выйдя вслед за миссис Монтегю из кухонной двери, я оказалась на террасе, обрамленной кустами ароматных гардений. Две девушки, расставляя на столе фарфоровые чайные чашки, с улыбкой взглянули на меня.

– А вот и наши Дороти и Фрэнсис, – сказала миссис Монтегю, и обе девушки подошли ко мне.

– Пожалуйста, зови меня Дотти, – попросила одна из них, пожав мне руку так же крепко, как ее отец.

Им достались в наследство гладкие светлые волосы и голубые глаза, как и у Джонни, и еще меня порадовало, что мы с ними были примерно одного роста, хоть разок мне не придется возвышаться в компании над всеми женщинами.

– Джонни никогда раньше не привозил к нам домой девушек, – ухмыльнувшись, сообщила Фрэнсис, как я догадалась, младшая из сестер, на вид лет шестнадцати. – Он уже сделал тебе предложение?

– Фрэнсис! – воскликнул Джонни, появляясь за моей спиной. – Ну ты даешь!

За чаем, наблюдая, как Джонни общается с родными, я вдруг прониклась к нему глубокой симпатией. Мне было непривычно слышать дружелюбные подшучивания, которыми он обменивался с сестрами, и мягкие, но веселые упреки его матери, однако, поглядывая на облачка желтых бабочек, порхавших над темно-розовыми цветами вербены в прекрасно ухоженном саду, я почувствовала, как мое нервное напряжение исчезло, сменившись благодушным спокойствием.

– Джонни говорил мне, что вы живете с бабушкой в Корнуолле. Должно быть, там у вас тихая, спокойная жизнь, – сказала миссис Монтегю, когда Фрэнсис и Дороти принялись шумно о чем-то спорить на другой стороне стола.

– Да, тихая и мирная, – ответила я, глотнув крепкого чая, – но совсем дикая, особенно зимой.

– Джонни еще говорил, что вы изучаете ботанику. Может, мы с вами прогуляемся завтра по нашему саду, и вы дадите мне какие-то полезные советы?

Глядя в ее добрые голубые глаза, я испытала смешанные чувства: радость от того, что меня так доброжелательно приняли в семье Джонни, и зависть к тому, что он рос, окруженный родительской любовью и его мать явно интересовалась тем, что происходит в жизни сына.

– С удовольствием, – ответила я, сглотнув подступивший к горлу комок.

Следующие несколько дней я помогала миссис Монтегю – причем она настояла, чтобы я называла ее Салли – на кухне и дала ей несколько советов по профилактике и борьбе со слизняками в саду. С мистером Монтегю я поговорила о его службе в армии и сходила за покупками с Фрэнсис и Дотти в живописную деревушку Кобхем. Каждый вечер, ложась спать в гостевой спальне, я размышляла о том, что так, вероятно, живут все нормальные семьи, и почему мне, похоже, единственной в этом мире, выпала не столь удачная судьба.

В наш последний вечер перед моим возвращением в Корнуолл на остаток лета Джонни вновь позаимствовал машину отца и повез меня в кобхемский ресторанчик. Он заметно нервничал, вяло ковыряясь в своей мясной запеканке, хотя я ела с отменным аппетитом.

После десерта – блеклого яблочного пирога с густым заварным кремом – Джонни со смущенной улыбкой взял меня за руку.

– Поузи, мне просто хотелось поблагодарить тебя за то, что ты так чудесно поладила с моей семьей.

– На самом деле, Джонни, я получила огромное удовольствие. Они все совершенно замечательные.

– Между тем, Поузи, мы встречаемся уже семь месяцев, и я... в общем, мне хочется, чтобы ты знала о моих честных и благородных намерениях. Я надеюсь... в общем, надеюсь, что однажды буду иметь возможность официально предложить тебе стать моей навеки, но для этого мне сначала надо окончить Кембридж и начать зарабатывать на жизнь, поступив в армию. Поэтому я подумал, что мы можем... – он помедлил, – ну, пока считаться неофициально помолвленными. Как ты думаешь?

Глотнув вина, я улыбнулась, охваченная душевным теплом, порожденным чудесным временем, проведенным в доме его семьи.

– Конечно, можем, – согласилась я.

* * *

Когда мы вернулись из Кобхема, свет в доме уже погасили и все разошлись по своим спальням. Джонни взял меня за руку, и мы на цыпочках, чтобы никого не разбудить, поднялись на второй этаж. Около моей комнаты Джонни обнял ладонями мое лицо и поцеловал меня.

– Поузи, – прошептал он, уткнувшись в мою шею, – может, ты... хочешь пойти со мной в мою спальню?

«Раз уж мы помолвлены, то это, наверное, должно когда-нибудь случиться», – подумала я, позволив ему отвести меня по коридору в его комнату, которая удобно располагалась в противоположном конце дома от спальни его родителей.

Он подвел меня к кровати и продолжил поцелуи, потом расстегнул молнию на моем платье, и его пальцы начали мягко блуждать по моему телу. Мы вместе легли на его узкую кровать, потом я почувствовала его тяжесть, осознав, что наши обнаженные тела впервые соприкоснулись. Я лежала, крепко зажмурившись, когда он внезапно встал, открыл ящик прикроватной тумбочки и достал оттуда какой-то квадратный пакетик, прошептав, что должен меня защитить. Через несколько мгновений, когда он проник в меня, я подавила крик боли.

Все закончилось гораздо быстрее, чем я ожидала. Джонни скатился с меня, обнял мои обнаженные плечи и привлек меня к своей груди.

– Я люблю тебя, Поузи, – сонно пробормотал он, и вскоре после этого я услышала, как он начал тихо похрапывать рядом со мной.

С трудом натянув нижнее белье, я встала с кровати, нашла свои туфли и платье, а потом на цыпочках прокралась обратно в гостевую спальню. Слабые солнечные лучи уже проникли в мое окно, а мне так и не удалось заснуть, я всю ночь с удивлением размышляла о том, почему, черт побери, все поднимают столько шума из-за такой ерунды.

* * *

Той осенью мы вернулись в Кембридж, и жизнь опять потекла по заведенному порядку... с одним значительным изменением: примерно раз в месяц мы проводили ночь вместе, а наутро завтракали где-нибудь на окраине Кембриджа. В связи с наказанием в виде незамедлительного отчисления для студентов, обнаруженных за таким занятием в комнатах колледжей, бешеной популярностью пользовались полупансионы с «ночлегом и завтраком», и я частенько встречала там знакомые лица студентов, украдкой входящих вечером или выскальзывающих оттуда по утрам.

– Черт побери, Поузи, и чего ради вы так осторожничаете? – пренебрежительно заявила Андреа, когда я вернулась с одной из моих ночных вылазок. – Как раз прошлой ночью я видела, как Арабелла Баскин вылезала из окна Джорджа Руствилла из Королевского колледжа.

– Ну, ей повезло, что у ее кавалера жилье на нижнем этаже, – возразила я. – И кроме того, едва ли я собираюсь позволить нелепой случайности помешать мне получить диплом!

Я молчала о моей тайной помолвке и продолжала усердно работать с доктором Уолтерсом. Участвуя в одном престижном научно-исследовательском проекте по цитогенетике растений семейства астровых, я оказалась одной из немногих студентов и явно единственной студенткой, работающей на этом проекте. Под руководством Уолтерса моя уверенность в себе выросла, и я поняла, что больше не боюсь высказывать свое мнение во время консультаций. В ботанической школе у меня сложилась репутация мастера по возвращению к жизни зачахших растений. Моя маленькая мансарда в Нью-Холле теперь наполнилась земными запахами представителей флоры, поскольку мне дарили чахлые паучники, или хлорофитумы, кактусы, а однажды даже принесли деревце гингко-бонсай.

– Вероятно, ему уже полсотни лет, – заметил Генри, один из наших лаборантов, передавая мне это карликовое деревце с уныло поникшей листвой. – Видишь ли, Поузи, оно принадлежало еще моему деду, и мне не хочется нести ответственность за его гибель, семья никогда мне этого не простит.

По утрам, до завтрака, я ухаживала в своей комнате за этими питомцами, а потом ехала на велосипеде в Ботаническую школу. Я считала недели, месяцы и триместры не по срокам сдачи рефератов, а

по естественным ритмам жизни растущей вокруг меня флоры. Я сделала детальные рисунки всех необычных и экзотических растений, собранных в университетском гербарии, а подлинное счастье испытывала, только погружая пальцы во влажную мягкую почву и рассаживая саженцы, переросшие свои первые колыбельки.

По окончании экзаменов за второй курс доктор Уолтерс пригласил меня на собеседование. Перед этой встречей я провела бессонную ночь, тревожно раздумывая, о чем ему могло понадобиться со мной поговорить; меня одолевали мрачные видения о неведомых мне проступках, из-за которых меня могли с позором исключить из университета.

– Проходите, мисс Андерсон. – Доктор Уолтерс улыбнулся, когда я вошла в его со вкусом обставленный, обшитый дубовыми панелями кабинет. – Рюмку хереса?

– Гм-м... пожалуй, да, спасибо.

Доктор Уолтерс вручил мне вино и жестом предложил занять место напротив него в скрипучем и потертом кожаном кресле возле письменного стола. На стенах висели затейливые ботанические рисунки, и мне захотелось рассмотреть их во всех подробностях.

– Мисс Андерсон, само собой разумеется, что вы лично внесли большой вклад в наш научно-исследовательский проект, – сказал доктор Уолтерс и, откинувшись на спинку своего кресла и сложив руки на животе, пристально взглянул на меня поверх своих очков. – Вы уже задумывались о том, чем будете заниматься после окончания Кембриджа?

– В общем, – начала я, чувствуя, что во рту у меня вдруг совсем пересохло, – мне нравится работать с растениями, выращивать их, поэтому, если бы появилась возможность провести для вас какие-то исследования в аспирантуре...

– Я польщен, мисс Андерсон, но у меня есть для вас иное предложение. – Доктор Уолтерс глотнул хереса. – Вы заметили, наверное, что наши исследования стали больше сосредотачиваться на микроскопических методах... на генетическом уровне... однако ваше умение выращивать растения не стоит тратить впустую в нашей лаборатории. Вы бывали в лондонском Кью-Гарденз?

Упоминание о Кью так взволновало меня, что по спине побежали мурашки.

– Нет, – вздохнув, ответила я. – Но слышала о нем много замечательных рассказов.

– Хранитель тамошнего гербария и живых растений в оранжереях, мистер Туррел, мой хороший друг, – сообщил он. – И я полагаю, что вы стали бы идеальным кандидатом для работы под его руководством.

Я так растерялась, что практически онемела.

– Я... я...

– Разумеется, вам лучше бы закончить Кембридж с отличием, – продолжил он. – Но, судя по вашим нынешним оценкам, вы легко справитесь с данной задачей. Итак, вы хотите, чтобы я замолвил за вас словечко перед мистером Туреллом?

– Боже, – воскликнула я, преодолев волнение, – я могла об этом только мечтать!

* * *

И вот я лишилась компании Андреа и Селии, они уехали, закончив Кембридж на год раньше меня. На церемонии вручения дипломов обе они выглядели великолепно, отороченные мехом капюшоны их мантий красивыми складками спускались на спины. Несколько месяцев назад Селия обручилась, и я с нетерпением ждала ее назначенной на август свадьбы с Мэтью в Глостершире.

– Как думаешь, ты когда-нибудь будешь работать? – спросила я Селию, глядя, как она пакует свои вещи в чемоданы.

– Я подала заявление в две школы, так что до появления детей, конечно, буду работать. Нам же понадобятся деньги... Мэтью еще надо сдать экзамен в коллегия адвокатов, – пояснила она и крепко обняла меня. – Милая Поузи, будем на связи, ладно?

Потом я пошла вниз прощаться с Андреа.

– Бог ты мой, Поузи, я же буду торчать всего лишь в лондонской Британской библиотеке, – ободряюще заявила она, заметив, что в глазах у меня заблестели слезы. – А ты в будущем году будешь работать в Кью-Гарденз, так что мы сможем видеться постоянно. – Она серьезно посмотрела на меня. – Пообещай мне, что не выскочишь слишком быстро замуж за своего Армейского Джонни! Разве тебе не хочется сначала пожить немного в свое удовольствие?

– Конечно, хочется, надеюсь, что так и будет. До встречи в Лондоне. – Улыбнувшись, я пошла упаковывать собственный чемодан перед возвращением на лето в Корнуолл.

* * *

Последний год в Кембридже я осознавала так, словно мчалась по тоннелю с одним-единственным пунктом назначения: Кью-Гарденз. В апреле, перед моими выпускными экзаменами, доктор Уолтерс нашел меня в зале гербария.

– Мисс Андерсон, у меня есть сообщение от мистера Туррела из Кью. В следующий понедельник в половину одиннадцатого он ждет вас на собеседование. Сможете?

– Безусловно! – пылко воскликнула я.

– Тогда я предупрежу мистера Туррела. Удачи, мисс Андерсон.

Утром перед собеседованием я облачилась в свой лучший наряд, юбку с блузкой, и стянула кудри назад, закрепив их узлом, пытаюсь придать себе более-менее ученый вид. Потом сложила свои ботанические рисунки в новую кожаную папку, подаренную мне Джонни на Рождество. Я пока ничего не говорила ему о собеседовании, желая сначала убедиться, получу ли эту работу, прежде чем поднимать вопрос о будущем. До сих пор мы много говорили о его карьере и почти ничего о моей.

На станцию Кингс-кросс я прибыла в утренний час пик, протиснулась на кольцевую линию метро, а потом пересела на ветку Дистрикт-лайн в сторону станции Кью-Гарденз. Утро выдалось ясное и свежее, и вдоль дорог стояли буйно цветущие вишневые деревья. Вскоре я уже разглядывала ажурные кованые ворота, обрамленные красивыми белыми колоннами. Зайдя в боковую калитку, я оказалась в великолепном парке, в глади центрального пруда отражалось голубое небо, и извилистые дорожки вели к разнообразным викторианским особнякам и оранжереям.

Сверившись с указаниями доктора Уолтерса, я направилась в сторону здания, где размещался отдел кадров. В приемной за столом сидела молодая женщина в модных очках «Кошачий глаз».

– Добрый день, – сказала я, досадуя, что во рту у меня опять пересохло. – Меня зовут Поузи Андерсон, мне назначено собеседование с мистером Туррелом на половину одиннадцатого.

– Пожалуйста, присядьте с остальными, в ближайшее время вас вызовут, – утомленно произнесла она.

Оглянувшись, я увидела в небольшой зоне ожидания трех молодых мужчин в темных костюмах – все они держали похожие на мою кожаные папки. Сидя рядом с ними, я с особой остротой осознала свои сомнительные в плане работы женские шансы по сравнению с мужскими.

В течение часа этих парней одного за другим проводили в какой-то маленький кабинет, откуда они возвращались сами и покидали здание, даже никому не кивнув на прощание. Когда удалился последний мужчина, я все еще сидела в ожидании, сжимая свою папку вспотевшими руками и размышляя, не забыли ли здесь о моем существовании.

– Мисс Андерсон? – услышала я приятный низкий голос.

Из кабинета вышел высокий мужчина в твидовом костюме, и я заметила, как за толстыми линзами круглых очков доброжелательно блеснули голубые глаза.

– Да. – Я быстро поднялась со стула.

– После всех этих разговоров у меня, мягко говоря, в горле пересохло. Не хотите ли выпить со мной по чашке чая?

– Я... да, с удовольствием.

Он вывел меня из здания, где нас встретили теплые лучи поднявшегося почти к зениту солнца, и мы, дружески общаясь, прогулялись по парку.

– Итак, мисс Андерсон, – сказал мистер Туррел, сунув руки в карманы. – Доктор Уолтерс немного рассказал мне о вас.

Слишком взволнованная, я побоялась, что голос подведет меня, и просто кивнула.

– Я стал хранителем нашего Гербария сразу после войны, – продолжил мистер Туррел. – И с тех пор здесь многое изменилось в лучшую сторону.

– Да, – с готовностью откликнулась я. – Я читала вашу работу, сэр, по-моему, ваша классификация листьев просто гениальна.

– Вы так думаете? Что ж, приятно слышать. На самом деле в этом году я собираюсь уйти на пенсию, и мне будет грустно покидать Кью. Видите ли, мы здесь живем в своего рода семейном содружестве, и выбор нового члена для нашего клана является серьезной задачей. Доктор Уолтерс говорит, что вы преуспели в искусстве ботанической иллюстрации.

– Верно... хотя я не училась в художественном колледже, но с детства рисовала разные растения.

– Это как раз лучший способ приобрести нужные навыки, – заметил он. – Нам нужен специалист, в равной мере овладевший художественными приемами и научными знаниями. В ближайшие несколько лет ожидается значительное пополнение Гербария, а также и расширение исследований в лаборатории Джодрелла, и нам нужен новый сотрудник, способный поддерживать связь между ними. Ну, вот мы и пришли.

Мы подошли к китайской пагоде, расположившейся посреди ухоженного сада. Перед павильоном прямо под открытым небом стояли столики, и мистер Туррел предложил мне устроиться за одним из них. Из павильона появилась молодая женщина в аккуратном передничке.

– Вам как обычно, мистер Туррел? – спросила она.

– Да, милочка, и, возможно, какой-нибудь выпечки для меня и мисс Андерсон, – добавил он и, повернувшись ко мне, сказал: – А теперь позвольте мне взглянуть на ваши иллюстрации.

Повозившись с застежкой на папке, я выложила на стол листы чертежной бумаги. Мистер Туррел снял очки, чтобы хорошенько изучить мои рисунки.

– У вас точный глаз, мисс Андерсон. Ваши рисунки напоминают мне работы мисс Марианны Норт^[36].

– Я искренне восхищаюсь ею, – польщенная его оценкой, призналась я.

Я глубоко уважала Марианну Норт, считая ее поистине замечательным исследователем и художником, ведь даже в Викторианскую эпоху она осмеливалась путешествовать в одиночку, забираясь в поисках экзотических и неизвестных растений в самые отдаленные уголки мира.

– Итак, предполагается, что в Кью вас ждет разноплановая работа. Главным образом в Гербарии, где нужно будет зарисовывать и каталогизировать новые виды растений, а также придется периодически участвовать в цитогенетических исследованиях в лаборатории Джодрелла^[37]. Помимо того, все мы усердно трудимся в теплицах. Доктор Уолтерс сообщил мне, что у вас талант вдыхать жизнь в любое растение.

– Я просто делаю все возможное, – покраснев, пояснила я, – стараясь выяснить нужные для растения условия.

– Вот и славно. Здесь, в Кью, мы получаем много экзотических растений со всего мира. И чаще всего понятия не имеем, в каких условиях они привыкли расти, следовательно, необходимо проводить своеобразные исследования... во многом полагаясь на удачу! – Мистер Туррел усмехнулся и более пристально взглянул на меня.

В этот момент к нашему столику подошла загорелая шатенка с короткими вьющимися волосами. Одета в практичный брючный костюм, она придерживала рукой висевшую на плече кожаную сумку с ботанизированной для растений.

– Уильям, кого это ты сегодня соблазняешь? – весело провозгласила она.

– Ах, мисс Андерсон, познакомьтесь с Джин Кингдон-Уорд, одной из наших известных охотниц за растениями, – представил ее мистер Туррел, поднявшись навстречу. – Она только что вернулась из Бирмы.

– Искусанная мошкаррой. – Мисс Кингдон-Уорд рассмеялась и пожала мне руку. – Рада познакомиться, мисс Андерсон.

– Мисс Андерсон скоро заканчивает Кембридж, и мы обсуждали ее возможную работу в Кью.

– Поверьте, мисс Андерсон, лучшего места для работы в подлунном мире просто не существует, – заявила Джин. – Уильям, мне отнести новый экземпляр прямо в Гербарий?

– Да, но, прежде чем сдать, хорошенько проверь его на предмет наших друзей-инсектов! – подняв бровь, предупредил он. – Нужно ли мне напоминать тебе о нашествии гусениц, с которым мы, по твоей милости, боролись в прошлом году?

– Вечно буду помнить, – откликнулась она и, улыбнувшись, направилась в сторону Гербария.

– А вы, мисс Андерсон, любите путешествовать? – спросил мистер Туррел, когда нам принесли чай с пирожными.

– Да, наверное, да, – ответила я, глотнув чай, и подумала, что ради работы здесь, в Кью, я могла бы делать все, что понадобится.

* * *

– Джонни, милый, я должна тебе кое-что сообщить.

Мы лежали рядом в номере пансиона, покуривая после наших любовных игр.

– Что же, милая? Ты выглядишь чертовски серьезной.

– Мне предложили работу в лондонском Кью-Гарденз. Я буду работать в Гербарии, каталогизируя, зарисовывая и изучая самые экзотические растения.

– Ну, это просто замечательная новость! – воскликнул он, искренне улыбнувшись.

Я почему-то думала, что Джонни может быть против, и вздохнула с облегчением, когда он принялся поздравлять меня.

– А я буду осваивать офицерские премудрости в школе Монса в Олдершоте, это всего полтора часа езды на поезде от Лондона, поэтому мы сможем видеться регулярно, когда меня начнут отпускать в увольнительные после начальной подготовки. Кстати, где ты собираешься жить?

– Ну, Эстель сказала, что я могу приехать к ней. В следующем месяце ее соседка по квартире уезжает в балетную труппу Италии, поэтому я смогу поселиться в ее комнате.

– Звучит прекрасно, Поузи, хотя Эстель, на мой взгляд, весьма необузданная девица. Ты не поддашься искушению последовать ее примеру?

– Разумеется, нет, милый. Мы вообще редко будем видеться, учитывая, что я буду работать целый день, а по вечерам она уходит танцевать.

– По крайней мере, это убережет тебя от загулов, пока я не закончу свое обучение, а тогда, – он крепко обнял меня, – мы отправимся странствовать по миру.

Я решила не продолжать пока этот разговор. Тот факт, что Джонни легко предположил, будто я готова бросить долгожданную работу в тот момент, когда ему это понадобится, будет темой для другого, более серьезного разговора.

* * *

Мой последний майский бал был исполнен горькой радости. Мы с Джонни вместе с другими выпускниками колледжей Святого Иоанна и Нью-Холл, покидавшими Кембридж, танцевали до рассвета, так нагрузившись шампанским, что в итоге уже на травянистом берегу я припала к плечу Джонни и, расчувствовавшись до слез (вероятно, от избытка алкоголя), в последний раз смотрела, как встает солнце над водами реки Кем.

– Поузи, я люблю тебя, – прошептал Джонни.

– М-м-м-х, я тоже люблю тебя, – сонно выдохнула я с закрытыми глазами, уже погружаясь в дремоту, однако Джонни вдруг отодвинулся, и моя голова опустилась на мягкую, сладко пахнущую траву.

– Поузи?

Разлепив глаза, я увидела, что Джонни, опустившись на одно колено, держит в руках маленькую ювелирную шкатулку.

– Понятно, что мы уже давно тайно обручились, поэтому я подумал, что перед тем, как мы разъедемся в разные стороны, мне следует сделать официальное предложение. Когда я заезжал домой на Пасху, мама дала мне кольцо своей бабушки, понимаешь, и я все время таскал его в кармане, поджидая самого прекрасного момента. После такой удивительной ночи... и поскольку мы оба покидаем Кембридж... мне как раз хотелось сказать... – Он глубоко вздохнул. – Поузи Андерсон, ты выйдешь за меня замуж?

Он открыл шкатулку, и кольцо с тремя сапфирами, окруженное крошечными бриллиантами, скользнуло на мой палец.

– За... что... да, – ответила я, глядя, как посверкивает колечко в первых лучах солнца. И хотя, когда он привлек меня к себе и поцеловал, я не испытала должного волнения, свойственного, вероятно, любой, только что официально обручившейся девушке, я тоже поцеловала его.

Адмирал-хаус

Ноябрь 2006 года

Мак-самосейка (Papaver rhoeas)

Глава 21

Все выходные душевное состояние Эми металось от чувства вины до эйфории и обратно. После ночи с Себастианом она проснулась рано, уже не в силах больше спать, разбудила детей, и все они тихо, чтобы не потревожить его, покинули дом. Приехав в Саутволд, она сразу сняла деньги в банке и к открытию почты первой стояла у входа, чтобы оплатить счет за электричество. Вернувшись в холодный дом, она увидела, что из-за потекшей морозилки по кухонному полу растеклась большая лужа, и, следовательно, большинство хранившихся в ней продуктов испортились. Выбрав то, что еще можно было съесть в ближайшие сутки, Эми принялась убираться, а в полдень холодильник снова заурчал, и кухня осветилась свисавшей с потолка голой лампочкой.

Когда Сэм заявился домой, она сугубо фактически сообщила ему, что из-за отключения электричества им пришлось отправиться ночевать в Адмирал-хаус. Бессмысленно было пытаться замести следы, солгав о том, где именно они ночевали. Ведь дети могли поделиться с ним своими впечатлениями.

Исполненный угрызений совести, Сэм принялся корить себя за то, что, должно быть, забыл оплатить один счет, и рассуждать на тему того, сможет ли она когда-нибудь простить его. Слишком усталая, чтобы спорить, и вообще едва ли чувствуя на это моральное право, Эми сказала, что прощает его, ведь всякое бывает в жизни, и она готова забыть о его оплошности. Явно обрадовавшись, что так легко выкрутился, Сэм заявил, что вчера получил деньги, и, поскольку хотел бы повести Эми ужинать в ресторан, поинтересовался, не может ли она быстро найти няню на вечер. Она поблагодарила его, но отказалась, с ужасом представив, что ей придется провести пару часов с мужем за столом, отговорившись тем, что хочет сегодня пораньше лечь спать. Последовав вскоре за Эми в кровать, Сэм попытался заняться с ней любовью, но она притворилась спящей, а он воспринял ее отказ как то, что втайне она все-таки еще сердится на него за неоплаченный вовремя счет. До конца выходных он пребывал в мрачном настроении, а Эми делала все возможное, чтобы держаться подальше от него.

Дождавшись понедельника, она с радостью сбежала на работу. В обеденный перерыв она купила себе сэндвич и прогулялась к морю, собираясь подкрепиться им на скамейке. День выдался свежим, но не морозным. Закрыв глаза, Эми впервые позволила себе вспомнить, что она чувствовала, занимаясь любовью с Себастианом, какие слова он говорил, как нежно ласкал ее тело, лицо, волосы... Почти не имея опыта для сравнений, кроме нескольких случайных любовных игр в университете да первых интимных свиданий с Сэмом, она подумала, что, возможно, любовные ласки и слова Себастиана были совершенно типичными для мужчины, впервые склонившего женщину к сексу: была ли она просто очередной зарубкой на столбике его кровати, очередной дамочкой в списке его амурных побед или это значило нечто большее?

Воспоминания породили в Эми волну возбуждения, и она поняла, что для нее это определенно нечто большее.

Возвращаясь в отель, она думала, захочет ли повторить такую ночь и захочет ли того же Себастиан. И вопреки упорным стараниям думать только о своей семье, детях и пагубных последствиях измены, Эми поняла, что захочет.

Однако, поскольку последующие несколько дней Себастиан никак не объявлялся, романтические мысли начали постепенно тускнеть. Очевидно, он не заинтересован в продолжении отношений. Иначе почему же он до сих пор не связался с ней?

Она пыталась напомнить себе, что уже вполне зрелая женщина, что никто ее насильно в кровать не затаскивал и она согласилась на все добровольно и ради своего собственного удовольствия. Следовательно, она не вправе считать, что Себастиан использовал ее. Такое понятие в данном случае вообще устарело. В наши дни считается вполне приемлемым для женщины переспать с мужчиной, и никто при этом не называет ее шлюхой.

Тем не менее дни сменяли друг друга, он по-прежнему не пытался связаться с ней, и ее настроение все больше портилось. Даже Сара и Джейк заметили, что их мама стала вспыльчивой и раздражительной. Сэм, одаренный богатым воображением, спросил, не виноваты ли в ее настроении критические дни, когда она с мрачным видом накрывала стол к ужину.

– Пока ты ходила по магазинам, звонила мама, – сообщил Сэм, когда они сели ужинать.

– Неужели?

– Да, она хотела узнать, не заедем ли мы к ней в воскресенье на обед.

Мысль о приближении к Адмирал-хаусу стала проклятием для Эми. Ведь Себастиан был там, вероятно, втайне торжествуя свою победу, в то время как она страдала от унижения отвергнутой женщины.

– Спасибо, конечно, но вряд ли получится, – сказала Эми, встав и выкинув болоньезе со своей тарелки в мусорное ведро. – У меня накопилась куча стирки и глажки, и честно говоря, в данный момент идея воскресного обеда, по-моему, на редкость несвоевременна.

– Успокойся, дорогая. Мне просто казалось, что тебе нравится бывать у мамы.

– Мне нравится... нравилось... просто сейчас не самый удачный момент, только и всего. А теперь извините меня, я пойду спать.

Поднявшись по лестнице, Эми упала на не застланную кровать и безутешными слезами выплакала свое горе в подушку.

* * *

Через неделю, к следующему понедельнику, Эми уже ничего не оставалось, кроме как возненавидеть Себастиана. Она осознала, что должна постараться начисто забыть о нем и о том, что случилось. Насколько она понимала, Себастиан всю жизнь только и делал, что соблазнял женщин, а потом и думать о них забывал. Из-за него она отвратительно вела себя с детьми, хотя вовсе не их вина в том, что она выставила себя полной дурой.

В тот вечер, выйдя из отеля, она направилась к своей машине, когда ей на плечо легла чья-то рука.

– Эми.

– Привет, Себастиан. – Эми даже не взглянула на него, хотя сердце ее вдруг заколотилось со страшной силой.

– Как ты поживаешь? – спросил он, заметив, что она продолжает идти к припаркованной машине, нервно оглядываясь по сторонам,

проверяя, нет ли вокруг знакомых.

– Нормально, – солгала Эми.

– Почему ты ушла тем утром, не простившись?

– Я... – Ее потрясло то, что он, целую неделю не давая о себе знать, еще пытается переложить вину на нее. – Ты же спал. А мне надо было как можно скорее оплатить счет за электричество.

– Вот как. Догадываюсь, что ты теперь сожалеешь о случившемся?

Остановившись, она взглянула на него.

– Вот ты, очевидно, сожалеешь, или, возможно, уже начисто забыл обо всем!

– Что?! – Он был потрясен вспышкой ее гнева.

– Давай признаем, что за целую неделю ты едва ли удосужился связаться со мной, – обиженно заявила она.

– Эми, в прошлый понедельник я заходил к тебе в отель. Но тебя еще не было, а я спешил на поезд в Лондон, поэтому оставил для тебя записку на стойке регистрации. Разве тебе не передали ее?

– Нет, не передали. – Эми покачала головой.

– Ну, я клянусь, что оставил. Проверь, когда вернешься в отель. Это краткое послание я, разумеется, сильно закодировал, но там говорилось, что меня срочно вызвали в Осло на литературный фестиваль. Я также написал там номер своего мобильного телефона и просил позвонить, когда сможешь.

– Ох...

– Да уж, ох... – повторил он и вдруг улыбнулся. – Значит, пока я торчал в Осло, чертовски несчастный из-за того, что ты так и не позвонила, ты здесь думала, какой же я распоследний и полнейший негодяй.

– В общем, угадал почти верно, – согласилась Эми, ее захлестнула волна облегчения, а по губам тоже скользнула легкая улыбка.

– Эми... – Его рука ухватила ее за пальцы. – Я повторю вопрос и попрошу ответить мне честно: ты сожалеешь о случившемся?

– А ты?

– Боже, нет. – Он неистово потрянул головой. – Просто беспокоюсь, что ты сожалеешь...

– Нет, – тихо произнесла Эми. – К сожалению, нет. Но хотела бы...

– А я хотел бы обнять тебя, – еле слышно пробурчал он. – Как же я соскучился. В той норвежской гостинице я ни о чем не мог думать, кроме тебя. Когда мы сможем увидеться?

– Даже не знаю...

– У тебя бывает свободное время в будние дни?

– Днем по средам, – слегка подумав, сообщила она.

– В свете приближения Рождества Поузи теперь работает по средам в галерее до пяти вечера. Ты смогла бы приехать в Адмирал-хаус? Пожалуйста! – пылко настаивал он.

Эми провела рукой по лбу.

– Боже, Себастиан, так же нельзя...

– Нам просто необходимо поговорить, только и всего, – мягко добавил Себастиан.

– В половине четвертого мне надо забирать детей из школы, если я, конечно, не попрошу Мари забрать их за меня... о боже... правда же, мне не следует... я же...

– Прошу, Эми, пожалуйста.

– Ладно, – глубоко вздохнув, еле слышно согласилась она. Сев за руль, она устало улыбнулась. – Пока, Себастиан.

– Увидимся в среду, – прошептал Себастиан.

* * *

На следующий день, когда Поузи приехала на Ферри-роуд, Эми кормила детей ужином.

– Сара, деточка, как ты здорово обнимаешься, – воскликнула Поузи, когда малышка обхватила ее ноги. – Эми, хорошо выглядишь. В общем, лучше, чем в последний раз. – Высвободившись от Сары, Поузи засуетилась на кухне. – А Сэм мне намедни наговорил, что ты неважно себя чувствуешь, поэтому вы не сможете заехать в воскресенье на обед. Вот, я тут приготовила для детей вкусный бисквит. – Поузи выложила десерт на стол и взглянула на Эми. – Ты сделала стрижку?

– Да. – Эми покраснела. – Заскочила как-то на днях к парикмахеру. Я ведь не стриглась уже больше года, давно было пора.

– Что ж, смотрится великолепно. На самом деле, моя дорогая Эми, ты сама выглядишь великолепно. – Поузи прищурилась, ее глаза озорно сверкнули. – Судя по твоему виду, я сказала бы, что дела у Сэма пошли лучше... Верно?

– Да-да. – Эми энергично кивнула. – Гораздо лучше.

– Удивительно, как славно проявляется улучшение. Приятно видеть, что у тебя снова блестят глаза.

Эми занялась раскладыванием бисквита, поэтому Поузи не увидела, как зарделись ее щеки.

– Кстати, я слышала об оплошности с электричеством, – заметила Поузи, присаживаясь за стол. – Сэм покался, что забыл оплатить счет. И разумеется, как назло, меня не было дома. И все же, я уверена, что Себастиан хорошо позаботился о вас троих.

– Да, вполне.

– На редкость приятный человек. Я буду скучать, пожалуй, когда он уедет.

– А он уезжает? – невольно вырвалось у Эми.

– Насколько я знаю, он собирался жить у меня до Рождества. Просто я говорю, что успела привязаться к нему, только и всего. Но, разумеется, в Новом году нас ждет столько всяких перемен. – Поузи вздохнула. – Однако меня искренне радует то, что ты стала выглядеть значительно жизнерадостнее, наверное, я все-таки поступила правильно, дав Сэму шанс с Адмирал-хаусом.

– Да, Поузи, мы вам бесконечно благодарны.

– В общем-то, я заскочила к вам, поскольку хотела прояснить несколько вопросов. Во-первых, не окажешь ли ты мне честь нарисовать несколько рождественских открыток. Я подумала, как было бы славно запечатлеть напоследок виды Адмирал-хауса. Я тебе заплачу, безусловно.

– Не говорите глупости, Поузи. Я сделаю это даром и с удовольствием.

– Спасибо, дорогуша. Это было бы чудесно. И еще я хотела узнать, не сможешь ли ты в будущие выходные посмотреть со мной кое-какие дома? Мари занесла мне в галерею несколько вариантов, и парочка выглядит весьма интересно.

– Разумеется, смогу. Надеюсь, мне удастся договориться с Сэмом, чтобы он присмотрел за детьми.

– По-моему, сейчас, моя милая, Сэм готов ходить по раскаленным углям, чтобы получить прощение за свой проступок. Значит, договариваемся на субботу. Мы могли бы заодно пообедать в свое удовольствие. Теперь другой вопрос: я полагаю, вы вдвоем собираетесь на следующей неделе в Лондон на прием по поводу открытия бутика Тэмми?

– Честно говоря, я совсем забыла о нем, – призналась Эми.

– Знаешь, по-моему, вам с Сэмом важно съездить туда. Любая парочка нуждается порой в отдыхе. А я заберу детей.

– Спасибо.

– Да, и еще один момент: готовясь с большому переезду, я наконец, заглянув в спальные гардеробы, начала разбирать вещи, – сообщила Поузи, – и обнаружила там множество старых вечерних платьев моей матери. Безусловно, многие из них невосстановимо поедены молью, однако есть несколько моделей, включая прекрасное черное платье от Хартнелла, которые тебе явно стоит примерить. Те, что тебе не приглянутся, можешь отвезти в бутик Тэмми. Все равно я собиралась выкидывать их, в общем, если будешь проезжать мимо, то зайди и примерь их.

– На самом деле... – Эми вдруг пришла на ум удачная мысль. – Я могла бы заехать к вам завтра днем, если вы не против.

– По-моему, прекрасно, милая. Я буду в галерее, но оставлю открытой кухонную дверь.

– А как вы отдохнули в Амстердаме?

– Сказочно.

– И когда же мы познакомимся с вашим Фредди?

– Милочка, он вовсе не «мой» Фредди, просто очень приятный знакомый и друг. Ладно, на самом деле мне пора бежать. Я могу, конечно, звякнуть тебе, когда узнаю, какое именно время нам назначат для осмотра в субботу, но почему бы нам сразу не договориться, что я заеду за тобой сюда, скажем, в половину двенадцатого.

– Договорились. Пока, Поузи.

Видя, как свекровь направилась в гостиную попрощаться с детьми, Эми подумала, что в последнее время глаза заблестели, по всей видимости, не только у нее.

* * *

В среду днем, с трудом веря, что появилась веская причина для визита в Адмирал-хаус, Эми закончила работу и, едва сдерживая волнение, проехала минут десять по пригородной дороге. Припарковав машину возле крыльца, Эми прошла к боковой кухонной двери. И не успела открыть ее, как оказалась в объятиях Себастиана.

– Боже, как же я соскучился.

Втянув ее в кухню, он начал страстно, почти грубо целовать ее. Эми невольно почувствовала, что отвечает ему с не меньшим пылом. Наконец, слегка отстранившись и переведя дух, она с улыбкой глянула на него.

– Мне казалось, я приехала сюда о чем-то поговорить?

– Да-да, можем и поговорить, – пробормотал он, покрывая поцелуями ее шею и одновременно снимая с нее куртку. – Но сначала, умоляю, пойдем в кровать. Гораздо приятнее разговаривать без одежды.

Его руки скользнули к ней под юбку, и Эми пронзила стрела желания. Она позволила ему отвести себя наверх, в его комнату, настояв, чтобы он запер дверь, просто на случай, если Поузи вдруг вернется раньше времени.

– Любимая, она же сразу заметит около дома твою машину, но ведь в этом нет ничего предосудительного, – поддразнил он, срывая с Эми одежду и начиная ласкать ее тело.

Через час любовных игр она лежала в кровати, припав к его груди, и он мягко поглаживал ее волосы.

– Возможно, я покажусь тебе банальным, но скажи, с тобой уже случалось прежде нечто подобное? – спросил Себастиан.

Эми, прищурившись, задумчиво посмотрела вдаль.

– Наверное, мне следует ответить утвердительно, заявив, что я наслаждалась сексом со множеством мужчин, поэтому, если ты бросишь меня, я не расстроюсь, осознав, что ты лишь потешил свое самолюбие и...

– Эми, прекрати, я понимаю, что целую неделю ты считала меня пропащим негодяем, но ты должна верить мне. Я совершенно не такой

человек. На самом деле последний раз я занимался сексом... – он задумался, – ...больше года тому назад.

– Ах, так ты, наверное, всего лишь отчаянно нуждался в нем после столь долгого воздержания? – Она развернулась к нему и пощекотала завитки волос на его груди.

– Порой человек элементарно не способен завоевать чье-то сердце. – Он тяжело вздохнул.

– Ладно уж, на самом деле я никогда в жизни не испытывала ничего подобного. – Эми поцеловала его грудь. – Доволен?

– Эми, – после значительной паузы, произнес он, – понимаешь, мои чувства к тебе не ограничиваются сексуальным влечением. Они значительно глубже. И это пугает меня. Последний раз, когда я испытывал их, все закончилось, увы, смертью жены.

– Пожалуй, у меня нет намерения умирать, – заверила его Эми.

– Но ведь ты замужем. – Он удрученно покачал головой. – С нравственной точки зрения, я не вправе тебя любить.

– Увы, и я не вправе, – вздохнула Эми. – Я ведь жена и мать.

– Да, я пытаюсь сказать, что, возможно, было бы как раз легче, если бы между нами возникло обычное физическое влечение, скажем так, взаимовыгодное соглашение без каких бы то ни было условий. Я имею в виду, что же ждет нас впереди? – задумчиво произнес он.

– Себастиан, мы так мало знаем друг друга и...

– У меня такое чувство, будто я знаю тебя давным-давно, – прервал ее он.

– Но в реальности-то узнал совсем недавно.

– Верно. – Себастиан немного помолчал. – Эми, я задам тебе, наверное, дикий вопрос, но мне важно знать ответ. Ты еще любишь Сэма?

Закусив губу, она отвела взгляд и уставилась в окно.

– Последние несколько недель я сама задавалась этим вопросом... то есть еще до того, как мы с тобой... он ведь отец моих детей, а это мощная связь, и она нерушима, что бы ни случилось. А люблю ли я его... в общем, если говорить горькую правду, то нет. Я больше не люблю его.

Впервые в жизни Эми посмела признаться в этой правде самой себе, не говоря уж о том, чтобы доверить ее кому-то другому. От

собственного признания на глаза вдруг навернулись слезы, и она резко отстранилась от Себастиана.

– Господи, какая же я стерва. Сидя на кровати с другим мужчиной, говорю ему, что больше не люблю своего мужа.

– Такое случается со множеством пар по всему миру. – Себастиан нежно провел пальцами по ее спине. – А Поузи говорила, какая ты образцовая жена и как замечательно поддерживала его всю вашу многострадальную жизнь.

– И вот какое я совершила замечательное драматичное падение с образцового пьедестала, – горестно прошептала Эми.

– В том-то все и дело, безусловно... – Себастиан помедлил, видимо, думая, как лучше выразить свою мысль. – Будешь ли ты молча страдать и оставаться с Сэмом ради детей или признаешь то, что ваши отношения подошли к концу, и осмелишься начать новую жизнь?

– Трудно сказать. Я правда не знаю.

– Ну, понятно, что пока не знаешь, и с моей стороны нечестно сейчас тебя об этом спрашивать. Надо признать, что у меня предвзятое мнение о данной ситуации, поэтому, возможно, будет лучше, если я оставлю ее без комментариев. Могу лишь сказать, я совершенно уверен, что люблю тебя и хочу, чтобы мы жили вместе. Как было бы здорово, если бы ты стала свободной... но я обещаю, что постараюсь быть терпеливым и не стану торопить тебя с решением.

– Себастиан, – Эми взглянула на него, – как ты можешь быть совершенно уверен в чем-то, ведь мы так недавно узнали друг друга?

– Не знаю. Уверен, и все. Но, с другой стороны, мне в некотором смысле значительно проще. Я ведь ничем не обременен. То есть мне остается только ждать и надеяться, что когда-нибудь ты тоже станешь свободной.

Спустя минут двадцать, пообещав позвонить ему завтра, она поцеловала его на прощание и отправилась за детьми. Пока она ехала к Саутволду, сердце разрывалось от противоречивых чувств, слегка отягченных осознанием того, что она начисто забыла примерить винтажные платья.

* * *

В субботу Сэм сказал, что готов присмотреть за детьми, пока Эми поедет смотреть варианты домов с Поузи.

– Тебе полезно проветриться для разнообразия, – заявил он. – И не беспокойся, не торопись возвращаться. Я прекрасно справлюсь здесь сам.

– Спасибо, Сэм. Пастушья запеканка будет готова в половине первого. Проследи, чтобы они оба все доели, прежде чем выдавать им десерт.

– Обязательно. Пока, милая. Желаю вам славно провести время, – сказал он, услышав, как перед домом просигналила машина его матери. Сэм хотел поцеловать Эми в губы, но она повернула голову, и ему удалось лишь чмокнуть ее щеку.

Идя по дорожке к поджидавшей ее в машине Поузи, Эми почти жалела, что Сэм так усердно старается искупить свои проступки. Это лишь усугубляло в ней чувство вины.

– Привет, милая, как дела? – спросила Поузи.

– Прекрасно, – ответила Эми, устроившись на пассажирском сиденье.

– Вот и славно. Наконец мы с тобой можем спокойно поразвлечься! Мне подумалось, что для начала мы прокатимся в Уолберсвик и зайдем перекусить в тамошний знаменитый паб. На первый дом в Блитбурге нас пригласили взглянуть только в два часа, поэтому времени нам хватит с лихвой.

– Поузи, я полностью в вашем распоряжении, – кивнув, согласилась Эми, и они, тронувшись в путь, объехали центральную улицу и покатали по набережной вдоль моря.

– Вон там живет Эви Ньюман. – Поузи показала на большой викторианский особняк, когда они в двух шагах от пирса свернули на широкую проселочную дорогу. – Великоват, конечно, для нее с дочкой, но выглядит весьма впечатляюще, – заметила Поузи. – Кстати, тебе удалось примерить в среду вечерние платья? Мне показалось, что ты их даже не трогала.

– Э-э, увы. По-моему, они мне великоваты. – Эми впервые пришлось солгать, и она мгновенно испытала замешательство.

– Неужели? Странно. Моя мать отличалась редкостной стройностью. Очевидно, Эми, нам надо лучше кормить тебя.

Во время закусывания свежими мидиями в пабе, Эми удалось свернуть разговор на жизнь Поузи, и после легкого ободрения та начала рассказывать о своем путешествии в Амстердам с Фредди.

– В результате, я поняла, что, живя в маленьком городке, можно завязнуть в его ограниченном мирке. Став женой, я путешествовала с мужем по миру, с одной военной базы на другую, и с легкостью воспринимала все эти перемещения. – Поузи глотнула вина. – Возможно, после продажи Адмирал-хауса я позволю себе отправиться в скандинавский круиз. Мне давно хотелось увидеть норвежские фьорды.

– Опять вместе с Фредди?

– Кто знает? Я же говорила, что мы просто хорошие друзья. Правда, – подчеркнула она, – гораздо интереснее путешествовать в приятной компании. Ладно, нам пора двигаться, иначе можем опоздать к месту назначения. – Поузи надела куртку и взглянула на мелкий дождь, моросивший за окном. – Серый, тоскливый ноябрьский денек... прекрасно подходит для лицезрения домов в их наихудшем состоянии.

Первые два дома не подошли из-за неперемного желания Поузи иметь садовый участок с южной стороны.

– Разумеется, я просила Мари подыскать мне что-то «традиционное», – признала Поузи, застегивая ремень безопасности, – но, честно говоря, боюсь, как бы после привычных просторов мне не рехнуться в каком-нибудь тесном коттедже с низкими потолками. Осталось взглянуть на последний дом, какой-то трехэтажный особняк поблизости от маяка. Надо признать, что я с удовольствием пожила бы в центре города, чтобы больше не мотаться туда-сюда из пригорода.

Этот последний особняк оказался единственной удачей дня: недавно отремонтированный, наполненный светом, с современной кухней и небольшим, но определенно южным садиком. Следуя за Поузи, Эми завистливо подумала, что могла бы продать душу за такой дом.

– Конечно, ему ни в каком плане не под силу тягаться с Адмирал-хаусом, – заметила Эми. Она, стоя под дождем, дождалась, когда Поузи наконец разберется, в какое время дня солнце будет освещать те или иные части сада.

– Должна признать, я почти очарована. Понятно, что он больше подошел бы для тридцатилетних жизнелюбов, чем для такой старушенции, как я, однако дом мне вполне понравился. Благодаря большим окнам и высоким потолкам в нем светло и просторно, и есть достаточно спален для размещения друзей и родственников.

– Но, Поузи, он ведь жутко дорогой. То есть на его покупку уйдет почти половина того, что вы получите за Адмирал-хаус. – Эми выяснила эти подробности, пока Роджер, представитель агентства, запирает дом.

– Чертовски дорого, правда? – согласилась Поузи. – Однако не стоит относиться к нему скептически, поскольку оставшаяся сумма будет поделена в итоге между Сэмом и Ником, и я сказала бы, что дом может стать отличной долгосрочной инвестицией, – заявила она, когда они уже ехали по Саутволду. – Мне надо переговорить с Сэмом, узнать, как движутся дела с договором на продажу Адмирал-хауса, и тогда, возможно, я склонюсь к принятию этого предложения.

Проезжая мимо дома Эви, обе женщины заметили припаркованную перед ним безошибочно знакомую красную машину.

– Поузи, ведь это машина Ника, верно?

– Да, его.

– А вы знали, что он собирался на выходных заехать в Саутволд?

– Нет. – Поузи смущенно кашлянула. – Заметь, милочка, что он уже взрослый мужчина и не обязан сообщать матери о каждом своем шаге.

Дальше они ехали в молчании, никому не хотелось продолжать разговор на столь опасную тему.

Глава 22

Утром в день открытия «Возрождения» Тэмми проснулась взмокшей от нервного возбуждения. Несмотря на то что все было организовано как нельзя лучше, ей еще предстояло сделать до вечера множество мелких дел. Вскочив с постели, она приняла душ, быстро выпила кофе и помчалась в магазин. Мина уже суежилась там, пылесосила ковер.

– Хотя не знаю, чего ради я так стараюсь, учитывая, сколько ног сегодня будут тут по нему топтаться, – пробурчала она.

Тэмми глянула на часы. В десять утра у нее назначено интервью для одной ежедневной газеты; в полдень доставят цветы для витрины, а в три часа должны приехать поставщики продуктов для приема.

– Понятия не имею, куда они будут выкладывать все закуски, – обеспокоенно заметила Тэмми. – Стол в офисе нам нужен для разлива шампанского по бокалам. – Она плюхнулась в кресло. – Господи, по моему, я еще в жизни так страшно не нервничала. Меня трясет даже больше, чем перед первым показом коллекции в Париже.

– Успокойся, Тэмми, помни, что вечером сюда придут твои друзья. И все они желают тебе успеха. Постарайся думать об этом с радостью. Ты же понимаешь, что такие дни случаются не часто. Когда придет Ник?

– Скорее всего, поздно. У него масса забот. Последние три недели мы почти не виделись. Надеюсь, мы сможем проводить больше времени вместе, когда откроемся.

– Да. Хороший он человек, твой Ник. Мне нравится, – сообщила Мина. – Ну, ладно, пойду-ка я мыть ту кучу бокалов под шампанское, что доставили вчера. Что-то я не в восторге от их чистоты.

После доставки цветов Тэмми целый час провозилась, расставляя их в витрине и думая о Нике. Она скучала по нему, когда просыпалась в одиночестве. С этой мыслью, с трудом выбравшись из витринного окна, она набрала номер его мобильного. Ник ответил на звонок практически сразу.

– Привет, дорогой, это я.

– Как настроение? – спросил Ник.

– Честно говоря, жутко нервничаю.

– Еще бы, тебе положено. Я сейчас жду в магазине доставку, но, как только все разгрузят, сразу приеду и постараюсь поддержать тебя морально.

– Спасибо, дорогой, буду признательна, – сказала она и застенчиво добавила: – Я скучаю по тебе.

– Я тоже скучаю. Увидимся позже.

Сунув мобильник в задний карман джинсов, Тэмми вдруг осознала, как сильно ей хотелось бы заменить: «Я скучаю по тебе» – тремя гораздо более важными словами.

– Черт, Тэмми, – пробурчала она под нос, направляясь помогать Мине с бокалами, – ты серьезно втрескалась.

* * *

В то утро Эми порадовалась, что Поузи работает в галерее, и не придется завозить сумки с ночной детской одеждой в Адмирал-хаус, избежав риска встречи с Себастианом.

– Доброе утро, Эми. – Поузи улыбнулась. – Все в порядке?

– Почти. Не считая того, что Джейк, похоже, простыл и начал так же противно кашлять, как Сара пару недель назад. У него пока нет температуры, и я отвела его в школу, но на всякий случай дала учительнице телефон вашей галереи. Надеюсь, вы не против?

– Конечно, не против.

– Я положила в его сумку суспензию калпола, – добавила Эми, передавая сумку Поузи. – Если у него подскочит температура, то пара чайных ложек собьет жар. И наверное, сегодня его лучше не купать.

– Эми, пожалуйста, постарайся успокоиться. Уверю тебя, я обо всем позабочусь. Не забывай, что я сумела вырастить двух сорванцов, – со снисходительным терпением заметила Поузи. – А когда вы встречаетесь с Сэмом?

– Он поехал на встречу с архитектором в Ипсвич, а я доеду до станции в Ипсвиче, где мы и договорились встретиться. Ладно, мне пора бежать, – сказала она и озабоченно добавила: – Но вы же знаете, что ночевать мы будем у Тэмми, так что звоните, если понадобится.

– Да, Эми, я все знаю. А теперь ступай и развлекайся по полной. До свидания.

* * *

Эми сидела на платформе в Ипсвиче, нервно поглядывая на часы. Поезд на Лондон должен был прибыть через две минуты, а Сэм все еще не появился. Она не раз уже звонила ему, но его мобильник был выключен.

Увидев, как поезд приближается к станции, она еще разок попыталась дозвониться Сэму. На сей раз он ответил.

– Алло?

– Это я. А ты где? Поезд уже на подходе.

– Дорогуша, к сожалению, меня задержали у архитектора, и я точно не смогу вырваться. Извини, Эми, дела. Ты поезжай сама и отдохни как следует.

– Ладно, тогда пока.

Она могла бы больше рассердиться, что ее бросили, если бы не испытывала грешного облегчения оттого, что ей не придется провести с мужем целый вечер. Но может ли она действительно поехать без него? «Да, черт побери, могу». И, не дав себе времени усомниться в принятом решении, Эми прыгнула в поезд, как раз когда начали закрываться двери.

К бутику Тэмми она приехала около шести часов, постучала в дверь, и ее встретила обаятельная индианка с великолепным набором белых зубов.

– Ты ведь Эми, верно?

– Да. А Тэмми здесь?

– Нет, она помчалась домой, чтобы принять ванну и переодеться. А я – Мина, ее правая и левая рука. Она велела мне дожидаться тебя и твоего мужа.

– Так уж получилось, что приехала только я. Мой муж не смог вырваться.

– Ну и ладно. – Мина пожала плечами. – Могу я предложить тебе чашку чая?

– Спасибо, с удовольствием, – тихо сказала Эми, пройдя вслед за Миной по салону и восхитившись кремовым дамастом, которым Тэмми задрапировала высокий потолок, создав эффект шатра. – Боюсь показаться совсем глупой, но где же одежда? – спросила Эми.

– Мы отнесли все на склад в подвале, чтобы освободить место. В наши платья оденутся модельные подружки Тэмми и другие симпатичные гости, которых ей удастся соблазнить такой идеей. Кстати, Тэмми и для тебя оставила платье, если ты пожелаешь нарядиться в него.

– Очень любезно с ее стороны, но у меня не совсем модельная статья, – возразила Эми.

– Пф, милашка! – воскликнула Мина. – Ты же настоящая красотка. Сразу напомнила мне принцессу Монако, Грейс Келли в юности. Почему бы тебе не зайти в раздевалку? Примеришь там то платье, что оставлено для тебя.

– Можно попробовать, – согласилась Эми, вспомнив о том своем старом маленьком черном платье из лучшего бутика Саутволда, что наверняка смялось в ее дорожной сумке.

Эми вошла за занавеску раздевалки и увидела мерцающее изящное платье из темно-синего атласа, украшенное спереди множеством крошечных блестящих бусинок.

– Обалдеть! – воскликнула Эми, взглянув на ярлык и обнаружив, что платье сшито в модном доме Живанши.

– Эми! – Мина всплеснула руками при виде вышедшей из раздевалки красотки. – Ты смотришься идеально.

– Как ни странно, оно оказалось мне впору, – признала Эми, покружившись перед зеркалом.

– И отлично подчеркивает твою прекрасную фигуру. Только лучше бы еще поднять тебе волосы, вот так, – сказала Мина, собирая волосы Эми на затылке. – У тебя ведь замечательная длинная шея. Хочешь, я уложу их как следует?

– Да, пожалуйста, если, разумеется, у вас есть время.

– Да время-то есть, и к тому же нет ничего приятнее, чем готовить кого-то к вечеринке. По нашим индийским традициям, мы часами готовимся к праздникам. Давай садись перед зеркалом, а я принесу шпильки.

Спустя двадцать минут после того, как Мина не только искусно заколола волосы Эми, но и нанесла макияж, Эми поднялась со стула.

– Умопомрачительно! – восторженно оценила Мина.

– Есть одна маленькая проблема, – сказала Эми. – У меня нет подходящих туфель.

– Ах-ха-ха! – хмыкнула Мина. – Для чего ж еще нужны феи крестные? – Она взяла Эми за руку. – Следуй за мной, Золушка, в соседний магазинчик моей дочери, и ты будешь блистать на балу.

Глава 23

– Как я выгляжу? – спросила Тэмми, спустившись по ступенькам в гостиную.

– Совершенно потрясающе, милая! – воскликнул Ник, искренне восхитившись насыщенным зеленым цветом платья с открытыми плечами, прекрасно оттенявшего цвет глаз Тэмми. – Уверен, что вся светская хроника будет расхваливать твой бесподобный стиль. – Он обнял ее за плечи и поцеловал. – Как же я безмерно горжусь тобой. Вот. – Он протянул ей маленькую бархатную коробочку.

– Что это?

– Презент, по случаю открытия.

– Спасибо, милый. – Тэмми открыла коробочку и обнаружила там изящное антикварное ожерелье с хризолитами. – Какая красота, – вымолвила она. – И идеально подходит к моему платью. Ты на редкость находчив и оригинален.

– Ему около полутора сотен лет. – Ник улыбнулся, когда она повернулась так, чтобы он застегнул его. – Готово.

Развернувшись обратно, она поцеловала Ника.

– Оно мне сразу понравилось. И тебя я тоже люблю, – тихо прибавила Тэмми.

– Любишь? – Он приподнял ее лицо и заглянул ей в глаза. – Правда?

– Да, правда.

Поглаживая пальцами ее шею, он постепенно спустился к декольте.

– Может, забудем о твоей вечеринке и просто пойдем в спальню?

– Хотелось бы, но, по-моему, нам уже пора торопиться. Увы, – Тэмми глубоко вздохнула, – поехали.

* * *

К восьми часам прием уже шел полным ходом. Папарацци расположились снаружи, фиксируя прибытие и убытие гостей,

съемочная группа, установив аппаратуру на тротуаре, брала интервью у Тэмми.

Эми прекрасно проводила время. Все гости проявляли искреннюю доброжелательность, неизменно говоря, как она очаровательно выглядит. Она познакомилась с внештатным фотографом Мартином, который потчевал ее шампанским и комплиментами в равной мере.

– Знаешь, а ты легко при желании могла бы сделать карьеру фотомодели.

Рука Мартина поглаживала ее по плечу, когда Эми вдруг осознала, что от входа на нее устремлен чей-то пристальный взгляд. Она почувствовала волнение.

– Извини, Мартин. Думаю, мне нужно глотнуть свежего воздуха.

Высвободившись от него, она направилась к двери, где стоял Себастиан.

– Разве мы с вами знакомы? – язвительно спросил он.

– Боже, как ты сюда попал? – спросила она.

– Я обедал в Лондоне с моим редактором. И вовсе не собирался приходить на этот прием, хотя Тэмми любезно пригласила меня, ведь у меня несколько иная сфера деятельности. Но моя квартира тут поблизости, буквально за углом, поэтому я подумал, что могу просто пройти мимо, по пути за молоком и хлебом. И вдруг увидел за витриной прекрасное видение, которое лапает потный парень. Что это за образина? – спросил Себастиан, показав на Мартина.

– Какой-то модный фотограф, – пожав плечами, ответила она.

– А где наш муж?

– Дома. Дела не отпустили.

– Так ты хочешь сказать, – прошептал Себастиан ей на ухо, – что ты одна в городе на целую ночь?

– Да.

– Что ж, учитывая, что ты выглядишь... – покачивая головой, Себастиан помедлил, пытаясь подобрать правильные слова, – поистине сногшибательно и при этом брошена одна в опасном большом городе, я чувствую своим долгом защитить тебя от волосатых хищных придурков, типа того пошлого идиота. – Он нежно поцеловал ее в шею. – Я хочу тебя, прямо сейчас.

– Извините, ребята. – Тэмми протиснулась мимо них, и Эми мгновенно покраснела до корней волос. – Как жизнь, Себастиан? Рада

видеть тебя.

– Превосходно, – спокойно ответил Себастиан. – Могу ли я выразить поздравления с твоим очевидно триумфальным приемом?

– Разумеется, – пылко кивнула Тэмми. – В самом деле, пока все идет довольно хорошо. Кажется, явились все приглашенные, и мне, очевидно, должны посвятить несколько строчек в модной прессе. Послушайте, если мне не удастся увидеть вас позже... после окончания приема мы собираемся небольшой компанией завалиться на ужин в один итальянский ресторан, тут поблизости, на Кингс-роуд... Я хотела бы, чтобы вы оба присоединились к нам.

– Тэмми! – донесся из бутика чей-то призывный голос.

– Иду! – Она приподняла бровь. – Простите, ребята, до скорого.

– Бог мой, – прошептала Эми, глядя, как Тэмми ловко пробирается через толпу гостей, – она наверняка видела...

– Эми, милая, здесь тебе не Саутволд, и Тэмми не твоя приятельница Мари. Она разумна и свободна от предрассудков, ей глубоко плевать, завели мы тут интрижку или нет, – уверенно заявил Себастиан.

– Тебя послушать... так я просто провинциальная дурочка, – прошептала Эми.

– Любимая, я еще в жизни не видел даму, которая выглядела бы сегодня менее провинциальной, чем ты. Успокойся, давай воспользуемся шансом и насладимся твоим свободным вечером.

Эми сознавала, что уже выпила слишком много шампанского, но ведь ей выпала удача оказаться на гламурном приеме в сердце Лондона, в таком роскошном платье и, самое главное, в компании с Себастианом.

Часом позже Себастиан прошептал ей:

– Может, уже сбежим, милая? С меня лично хватит.

– Но здесь так весело, и мне не хочется, чтобы все так быстро закончилось. Побудем еще минут десять, – взмолилась она.

Наконец ему удалось довести ее до двери и вывести на улицу.

– Давай-ка держись, тебе необходимо что-нибудь перекусить, – сказал он.

– Я в... порядке, – икнув, возразила она и чмокнула его в щеку... и в тот же момент их ослепила вспышка.

– Мистер Жиро, можем мы узнать имя вашей спутницы? – спросил один из фотографов.

– Нет, не можете, черт вас побери! – мрачно изрек Себастиан, уводя за собой по улице хихикающую Эми, чтобы не дать больше возможности журналистам сфотографировать их. – Ну вот, моя милая, замечательное завершение. Завтра наша фотография может оказаться в чертовой светской колонке!

– Неужели мы попадем в новости на сайте «Хэлло»? – Эми, приплясывая и пошатываясь, шла по улице, и Себастиан, глядя на нее, невольно улыбнулся.

– Что ж, меня радует, что ты так весело относишься к этому. Правда, не уверен, что весело будет твоему мужу.

– Он никогда не заглядывает на «Хэлло», а мне сегодня, честно говоря, наплевать, кто и что там увидит.

– То ли будет утром... – пробурчал он, заводя ее в круглосуточный магазин, где намеревался купить что-то калорийное для протрезвления. Потом, доведя Эми до Слоун-гарденз, он достал ключи и открыл дверь в свою квартиру. Эми, приплясывая, пробежала в гостиную и упала на диван.

– Ах, как я замечательно провела вечер! – Она восторженно вздохнула и протянула руки к Себастиану. Страстно обняв его, она прошептала: – И как же я люблю тебя...

– Я тоже люблю тебя, наклюкавшаяся девчонка. Так, ты пока отдыхай, а я пойду, сварганю кофе и сэндвичи.

Когда Себастиан вернулся в гостиную, Эми крепко спала. Вздохнув, он нашел одеяло, тихо накрыл ее и в одиночестве удалился в свою спальню.

Глава 24

Тэмми разбудил запах кофе. Полусонная, она приоткрыла глаза, когда Ник вошел в спальню, собрав на подносе завтрак из свежих круассанов и подборки утренних газет.

– Сколько времени? – промычав что-то, спросила она хрипловатым голосом, севшим от большого количества легких сигарет, выкуренных за вечер. Последнее время она курила только в компании, и это ей не нравилось.

– Почти десять.

– Бог ты мой! – воскликнула она. – Я же договорилась с Миной, что в девять часов приду убирать оставшийся от вчерашнего приема бардак.

Поднявшись с подушек, Тэмми отбросила назад упавшие на лицо волосы.

– Я позвонил ей и сказал, что ты еще спишь, и она просила тебя не беспокоиться, поскольку уже начала потихоньку прибираться. Мина из тех людей, которым просто необходимо чувствовать себя нужными и полезными.

– Да, я уже поняла. – Тэмми рассмеялась. – Вчера вечером она заботливо обхаживала всеми забытого престарелого манекенщика в накладных локонах. Ее хлебом не корми, дай помочь людям.

Ник присел на кровать рядом с ней и начал разворачивать газеты.

– Естественно, мадам, я прикупил только те экземпляры, где написали о тебе. – Он усмехнулся.

– «Тэмми Шоу празднует открытие своего нового бутика «Возрождение». На фото бывшая модель Тэмми со своим другом Ником Монтегю, успешным торговцем антиквариатом, приветствуют на приеме группу знаменитостей». Дорогая, ты выглядишь чертовски аристократично. – Он чмокнул Тэмми в шею и взялся за очередную газету. – По-моему, ты добилась успеха, – заметил Ник.

– Ладно, слава богу, что вся эта рекламная шумиха закончилась. Теперь я смогу перейти к настоящему делу и всерьез заняться зарабатыванием денег. – Тэмми мягко взяла Ника за руку. – Спасибо тебе огромное за вчерашнюю поддержку. Ты был замечателен.

– Не болтай глупостей. Я жду от тебя того же, когда открою двери своего магазина в грядущем месяце и приглашу праздных местных бродяг на лимонад и сэндвичи с тушенкой. – Ник рассмеялся, поцеловав ее в лоб. – На самом деле до того, как ты отправишься в свой бутик, я хочу показать тебе одно местечко.

Проехав по мосту Альберта и преодолев пробку, Ник остановил машину на зеленой улице перед викторианским особняком с видом на Баттерси-парк.

– И что ты думаешь? – спросил он Тэмми.

– О чем?

– О доме, перед которым мы сидим.

– Думаю, что он выглядит... – Тэмми внимательно пригляделась к зданию, – солидно.

– Безусловно. Пойдем, у меня есть ключи. Позволь мне все тебе показать.

Прогулявшись с Тэмми по трем просторным этажам особняка, Ник открыл заднюю дверь, за которой раскинулся большой сад.

– И что ты теперь скажешь?

– Скажу, что это может быть совершенно замечательным семейным домом, – смущенно оценила Тэмми.

– Безусловно. Потому-то он мне и понравился. Итак, мисс Шоу, можете вы представить себе, как наши отпрыски резвятся в саду, а мы сидим на террасе, наслаждаясь вечерней бутылочкой вина? – Произнося эти слова, Ник стоял, засунув руки в карманы, и задумчиво смотрел в сад.

– Я... Ник, о чем ты говоришь?

– Полагаю, меня волнует вопрос, не лучше ли это жилье, чем холостяцкая квартира, поскольку со временем ты можешь подумать, как заполнить все его свободные пространства. И согласишься, возможно, помочь мне обзавестись некоторыми из тех отпрысков, которые будут резвиться в саду, – наконец Ник взглянул на нее и улыбнулся. – Просто я не могу придумать никого, с кем бы еще я предпочел сделать это.

– И я тоже не могу, – тихо ответила Тэмми, покачав головой.

Он приблизился и обнял ее.

– Вот и ладно... Тэмми?

– Да? – Она подняла на него глаза.

– Мне нужно кое-что уладить, прежде чем я смогу полностью принадлежать тебе, но я хочу, чтобы ты уже сейчас знала о моих намерениях.

– Ты имеешь в виду налаживание бизнеса? Я понимаю, Ник. Нет никакой спешки.

– Есть и кое-что еще... я все расскажу тебе, как только смогу. Но если ты будешь счастлива жить в этом доме со мной, то я делаю тебе предложение, и мы посмотрим, что у нас получится. Я правда думаю, что этот дом полон чудесных возможностей и мы сумеем создать в нем нечто замечательное.

– Да, – согласилась Тэмми в полнейшем ошеломлении. – Наверное, сумеем.

* * *

У Эми возникло ощущение, будто она пыталась уснуть на карусели и ей необходимо немедленно встать, чтобы избавиться от дурноты и головокружения. Она резко села на диване, когда к горлу подступила горечь. В комнате было совершенно темно, и она, хоть убей, не могла вспомнить, где оказалась.

– Помогите, – проскулила она, поднявшись с дивана, где лежала, и безуспешно попытавшись найти путь к свету, но больно ударилась ногой, наткнувшись на что-то.

– Ой-ой-ой...

Открылась какая-то дверь, и в дверном проеме появился Себастиан, залитый падавшим из коридора светом.

– Доброе утро.

– Ванная, мне нужно в ванную, – умудрилась выдавить Эми, подходя к нему.

– В конце коридора. – Себастиан показал на дверь в ванную, и Эми убежала туда.

Едва она влетела в ванную, как ее тут же вырвало. Умывая лицо холодной водой, Эми изучила в зеркале свое отражение. Вечерний макияж, естественно, размазался, и под глазами чернела тушь. Прическа развалилась, а красивое вечернее платье смялось и испачкалось.

– О боже, – простонала Эми. Она вышла из ванной и, покачиваясь, поплелась по коридору. В голове начали оживать воспоминания о вчерашнем вечере. Из кухни, где стоял Себастиан, доносился запах кофе. От него ей опять стало дурно, и Эми бросилась обратно в ванную комнату.

– Бедная старушка, – констатировал Себастиан, когда она второй раз зашла на кухню. – Что, плоховато нам наутро?

– Отвратительно, – призналась Эми, плюхнувшись на стул и упершись локтями в узкую столешницу. – Наверное, вчера я вела себя как полнейшая идиотка?

– Вовсе нет, красотка. Ты была царицей бала. Могу я чем-то помочь?

– Воды, пожалуйста, и пару таблеток парацетамола, если есть.

– Понял, будет сделано.

Себастиан налил ей стакан воды и выдал таблетки, и Эми опасно проглотила их, надеясь, что они приживутся в ее животе.

– Мне ужасно стыдно. – Она помотала головой. – Не понимаю, с чего я так напилась. Даже не помню, много ли я выпила.

– Такого никто не помнит, – утешающе заметил Себастиан. – Выпиваешь один бокал, а после второго включается магия, и ты теряешь счет. Догадываюсь, что ты к тому же ничем не закусывала.

– Верно, с самого завтрака ничего не ела, – призналась Эми.

– Ну, тогда чего же ты ожидала?

– Ты сердишься на меня?

– Чисто с эгоистичной точки зрения – наверное. Нам представилась уникальная возможность провести вместе ночь, а ты уснула на диване. Зато мне не пришлось врать Тэмми, когда она позвонила, чтобы узнать, куда ты пропала вчера вечером.

– Откуда она узнала твой номер? – Эми в ужасе взглянула на него.

– От Поузи.

– О боже, – простонала Эми. – Значит, Поузи теперь тоже знает, что я здесь?

– Да, но не волнуйся, я позвонил ей и объяснил, что с тобой случилось, а она передала тебе, что с детьми все в полном порядке. Я сказал, учитывая твое нынешнее состояние, что будет лучше, если я сам отвезу тебя в Адмирал-хаус, а она заберет детей из школы. И мы все встретимся в Адмирал-хаусе.

– Себастиан, прости, что я доставляю тебе столько хлопот. Мне ужасно стыдно.

– Пустяки, правда, Эми.

– Но вдруг они подумают... – Она прикусила губу. – Что мы с тобой...

– Учítывая, как ты выглядишь сегодня утром, ни у кого, по моему, не возникнет сомнений в правдивости наших объяснений. А теперь не хочешь ли ты вернуться в ванную и освежиться?

– Ох! – Эми прижала к щекам ладони. – Моя одежда все еще в магазине Тэмми.

– Есть идея. Мне все равно нужно выйти за газетами, поэтому, пока ты принимаешь ванну, я заберу твои вещички. Заодно верну туфли и сдам в химчистку шикарное платье, что одолжила тебе Тэмми, а ей вручу квитанцию, и она потом сама заберет его. Договорились?

– Пожалуйста, извинись перед ней за меня, – благодарно кивнув, добавила Эми. – И передай мою благодарность и за платье, и за чудесный вечер.

Когда Себастиан ушел, она уже лежала в насыщенной ароматом лаванды ванне, чувствуя себя ужасно виноватой из-за вчерашнего поведения, но на самом деле радуясь тому, что Себастиан без всяких указаний с ее стороны взял на себя все заботы. Чем разительно отличался от Сэма, который только и ждал, чтобы она сама все устраивала в их семейной жизни.

К тому времени когда Эми вышла из ванной, закутанная в банный халат Себастиана, хранивший его восхитительный запах, он успел вернуться и уже жарил яичницу с сосисками и беконом. В микроволновке разогревались круассаны.

– Возможно, ты думаешь, что не хочешь есть, однако именно сейчас тебе лучше хорошенько подкрепиться. – Себастиан поставил перед Эми стакан апельсинового сока. – Выпейте, пожалуйста, мадам. Загрузись слегка витамином С.

– Спасибо. – Эми потягивала сок, глядя, как Себастиан хлопочет на кухне. – Ты прекрасно освоился с домашним хозяйством.

– Если приходится долго жить одному, то просто не остается иного выбора.

– Как же давно никто не готовил мне завтрак, – с мечтательной задумчивостью произнесла Эми.

– Тогда наслаждайся моментом, пока есть такая возможность, – заключил он, разложив еду на две тарелки и поставив одну из них перед ней.

Сам он устроился напротив нее.

– Гм-м... а где именно мы находимся? – спросила Эми.

– Если ты спрашиваешь, где находится моя квартира, то она всего паре минут от Слоун-сквер, – ответил Себастиан, – и минутах в пяти ходьбы от бутика Тэмми.

– Как приятно находиться в самом центре событий.

– Честно говоря, шесть лет назад, при покупке, я сомневался, что мне понравится жить в центре. Мы с женой раньше жили в одной деревушке Дорсета. Там мне нравилось. Мы стали частью местного сообщества, а я по натуре склонен к сельской жизни. Но после смерти жены мне захотелось уехать туда, где меня никто не знал, где никто не мог побеспокоить меня и где я смог бы жить без всяких напоминаний о прошлом.

– Начать все сначала.

– Точно, – подтвердил он. – Понятно, друзья думали, что я просто сбежал, и, вероятно, так оно и было, но только я считал, что переживать горе лучше так, как сам ты считаешь лучшим. Вот я и решил, что для меня лучше всего такое уединение.

– Не представляю, как ты справился, потеряв одновременно и жену и ребенка.

– Тяжелее всего было то, что до ее смерти мы вместе ждали счастливого будущего. То есть контраст между ожиданием новой жизни и ее будущих радостей, а потом переживание полной противоположности: потери двух жизней. И тут уж ничего не скажешь, ничем не утетишь. Друзья либо молчат об этом и пытаются порадовать тебя, либо стараются изо всех сил отвлечь, общаясь с тобой, как с душевнобольным. Все хотели как лучше, да только меня ничто не могло утешить.

– Не считая твоих сочинений.

– Да. Полагаю, я осознал, что собственные сочинения – единственное, что я еще могу контролировать. Взял на себя роль вершителя судеб: сам решал, кому жить, кому умереть, кому уготовано счастье или несчастье. Именно сочинительство помогло мне остаться в здравом уме.

– Но, наверное, ты каждый день желал, чтобы ваша жизнь повернулась иначе? Чтобы твоя жена выжила? – задумчиво спросила Эми.

– Я стал относиться к жизни, как к чему-то предрешенному. Если бы она выжила, мы жили бы, вероятно, все в той же дорсетской деревеньке, и я, возможно, дослужился бы до редактора в той газете, где работал, зато никогда не написал бы роман. Трагедия либо закаляет и выявляет новые возможности, либо разрушает человека, и, оглядываясь назад, я думаю, что она помогла мне проявиться. Я стал гораздо менее поверхностным, чем раньше, и это, определенно, пошло мне на пользу. Эми, если бы жизнь не сделала свой тягостный поворот, то мы с тобой не сидели бы сейчас вместе за завтраком. – Себастиан коснулся ее руки. – А мне не хотелось бы упустить встречу с тобой.

– Даже после моего вчерашнего поведения?

– Да. Даже если судьба свела нас ненадолго, я с удовольствием буду вспоминать наш вечер; словно мы, как настоящая пара, наслаждались выходом в свет.

– До того, очевидно, как я напилась, – хмыкнув, возразила Эми.

– На самом деле было очень приятно увидеть тебя такой счастливой и узнать, как ты замечательно способна веселиться. В Саутволде ты ведешь себя совсем по-другому.

– Там у меня обычно нет ни времени, ни средств для веселья. Более того, я уже забыла, как это бывает, и сейчас... – Эми тряхнула головой, пытаясь загнать обратно выступившие на глазах слезы. – Это просто ужасно, но мне совершенно не хочется ехать домой.

– Тогда оставайся. – Себастиан сжал ее руку.

– Господи, если бы все было так просто. Но увы. Жизнь бесконечно осложняется, когда появляются дети.

– Конечно, не просто, но, может, тебе не стоит исключать меня из этого уравнения и пора задаться вопросом, с кем бы ты сама хотела остаться, со мной или с Сэмом?

– Несомненно, до того как мы... сблизилась, я уже подумывала уйти от него. Сложность в том, что благодаря возможной покупке Адмирал-хауса он сейчас парит в небесах. Не могу сказать, что моя жизнь с ним ужасна, это не так. На самом деле, по-моему, он упорно старается стать лучше.

– Может, до него дошли какие-то слухи?

– Боже мой, нет! Откуда? – Эми вдруг разволновалась. – Если бы он узнал, то я...

– Ладно, – сказал Себастиан, вставая со стула, – давай забудем о твоём муже и насладимся драгоценными оставшимися у нас моментами?

Подняв со стула, Себастиан поцеловал ее и увлек за собой в сторону спальни.

* * *

Всю дорогу до Саутволда Эми молчала. Она сидела с закрытыми глазами, крепко сжимая руку Себастиана. Разумеется, ей хотелось видеть детей, но мысль о возвращении в тот ужасный дом и, что хуже всего, к Сэму приводила ее в ужас.

«Могу ли я это сделать? Могу ли я оставить его?» – допытывалась она сама у себя.

Вероятно, ей стоит снять домик в Саутволде, дать себе передышку, чтобы хорошенько обдумать свои варианты. Было бы ошибкой бежать прямо в объятия Себастиана, даже если бы он не жил сейчас в доме ее свекрови. Прежде чем строить какие-то долгосрочные планы, ему и детям надо лучше познакомиться друг с другом.

Эми тайком поглядывала на него. Он сосредоточился на бегущей впереди дороге, подпевая мелодии, транслируемой классической радиостанцией. Дело не только в физической близости, которая с каждым разом дарила все большее наслаждение; дело в том, что чем больше она узнавала его, тем больше он ей нравился. Добрый, веселый, нежный, абсолютно прямолинейный и потрясающе талантливый. Рядом с ним она чувствовала себя желанной, любимой и защищенной.

В сущности, он был полной противоположностью Сэма. И Эми даже за столь краткое знакомство поняла, что хотела бы жить с ним.

Перед поворотом на подъездную дорогу Адмирал-хауса Себастиан остановил машину. Он потянулся к Эми, и она припала к его груди.

– Мне необходимо, чтобы ты знала, как сильно я люблю тебя и хочу быть с тобой, но я понимаю, в каком сложном положении ты

оказалась. И я буду ждать столько, сколько смогу, пока ты не решишь, что делать.

– Спасибо тебе, – прошептала Эми и, глубоко вздохнув, добавила: – Ладно, постараемся преодолеть эти трудности.

Сара и Джейк сидели за кухонным столом, угощаясь кексами, только что приготовленными Поузи.

– Мамуля, мамуля! – Дети бросились к Эми, когда они с Себастианом вошли на кухню.

– Привет, мои дорогие, вы хорошо себя вели?

– Не знаю, но мы классно провели время, – сообщил Джейк. – И папуля тоже здесь, с нами.

– Правда? – Настроение Эми мгновенно испортилось.

– Он с бабушкой в малой столовой. Папуля-я-я! Мамуля вернулась! – завопила Сара.

Дверь в столовую открылась, и оттуда вышли Сэм и Поузи, Сэм держал в руках папку с бумагами и какой-то бумажный рулон.

– Дорогая, – Сэм подошел к Эми и поцеловал ее, – мне очень жаль, что я не смог вырваться вчера вечером, но ты поймешь меня, когда я все объясню.

Войдя вслед за Сэмом на кухню, Поузи заметила взгляд Себастиана, когда ее сын обнял Эми. Выражение лица Себастиана поведало Поузи то, что она предпочла бы не знать.

– Добрый вечер, дорогие, хорошо доехали?

– Да, спасибо, Поузи, – ответил Себастиан. – А сейчас, извините, полагаю, мне пора забраться в свою келью и поработать.

Он направился к выходу из кухни, но Сэм остановил его.

– Перед уходом только взгляни на то, что я сейчас показывал маме. – Он увлек Эми к столу и развернул планы, Себастиан неохотно последовал за ним.

– Взгляни, милая, ты узнаешь это место?

Эми разглядывала странный чертеж, очевидно, план какого-то дома.

– Нет. – Она в недоумении покачала головой.

– Ты помнишь заброшенный амбар за соснами, ярдах в трехстах от дома, на задворках усадьбы?

– Э-э, смутно помню, – кивнула Эми.

– Я знаю, о чем вы говорите. Прогуливался там в прошлые выходные, – сказал Себастиан. – Живописное местечко.

– Вот именно, – подхватил Сэм. – В общем, я поговорил с архитектором, который разрабатывает планы перестройки, и он заявил, что мы вполне можем получить разрешение на перепланировку и превратить этот амбар в жилой дом. А если получим, дорогуша, – он улыбнулся Эми, – то там будет наш новый дом. Видите, он уже нарисовал большую двухъярусную гостиную с галереей, большую кухню, игровую комнату для детей... и на втором этаже четыре спальни. Итак, что же ты думаешь? Хотела бы ты жить там?

Эми вымученно улыбнулась и кивнула.

– Выглядит замечательно, – признала она.

– Ну, я же говорил тебе, что когда-нибудь построю для тебя прекрасный дом. А ты что скажешь, Себ?

Себастиана передернуло от столь бесцеремонного сокращения его имени.

– По-моему, выглядит замечательно. А теперь извините, но мне действительно необходимо уйти и предаться трудовому порыву. Пока, Сэм. Пока, Эми. – Он кивнул всем и вышел из кухни.

– Ну-ка, кто хочет чашечку ароматного чая? – спросила Поузи, пытаясь ослабить очевидное напряжение.

– Мне еще надо заскочить в офис и сделать несколько важных звонков. – Сэм глянул на часы. – Мам, не забудешь, ладно, что завтра в десять утра сюда прикатит оценщик?

– Конечно, не забуду, – откликнулась Поузи.

– И если не возникнет серьезных проблем, то уже на следующей неделе мы сможем обменяться контрактами.

– Ясно, Сэм, ты уже трижды говорил это, – снисходительно напомнила Поузи.

– Наверное, я просто волнуюсь, что ты можешь передумать в последний момент, только и всего. Ты ведь не передумаешь, мам, правда?

– Нет, Сэм, не передумаю.

– Отлично, Эми, я заеду за тобой через часок, договорились? – сказал Сэм.

Эми кивнула, мысленно пожелав ему вообще за ней не возвращаться. Когда муж удалился, она почувствовала себя усталой и

подавленной. Она вяло села за стол, и дети тут же забрались к ней на колени. Поузи, заметив тоскливое выражение на лице Эми, заявила, что пошла включать телевизор в малой столовой, и внуки вприпрыжку побежали за ней.

– Ты, видно, совсем вымоталась, милая, – вернувшись, сказала Поузи и поставила чайник на плиту.

– Так и есть, – вздохнула Эми. – Не привыкла я к вечерним гулянкам с шампанским. Стыдно признаться, но я столько выпила, что в итоге вырубилась на диване в квартире Себастиана.

– Да, он говорил об этом. Ну, порой надо отвести душу, тогда и мир покажется более красочным.

– Да, Поузи, я постараюсь не привыкать к такой роскоши. В конце концов, мать должна держать себя в руках. Ладно. – Эми быстро сменила тему. – А как вы относитесь к перспективе пансиона в Адмирал-хаусе?

– Я настроена позитивно. Если на следующей неделе мы обменяемся контрактами, то я смогу пойти и сделать предложение по тому милому городскому дому, что мы смотрели в прошлые выходные. В общем, разве это не захватывающие события?

– Захватывающие? – Эми смотрела, как Поузи наливала кипяток в заварочный чайник. – Неужели вы ничуть не сомневаетесь, что хотите продать Адмирал-хаус?

– Естественно, не хочу, но тем не менее понимаю, что так будет правильно, поскольку так оно и есть. – Она глянула через стол на свою невестку. – Иногда, милая, даже если сердце твое склоняется в одну сторону, надо следовать голосу разума. Жизнь ведь порой всем нам подкидывает трудные решения, верно?

Эми почувствовала, как вспыхнули ее щеки, хотя и понимала, что Поузи имела в виду свою собственную дилемму.

– Верно, – с трудом вымолвила Эми.

– Кроме того, я и правда думаю, что смогу быть счастлива в том доме. Естественно, я буду скучать по здешнему саду, однако с возрастом мне все труднее поддерживать его в порядке. А как ты сама, кстати, относишься к идее пожить в том перестроенном старом амбаре, если Сэму удастся получить разрешение?

– План выглядел... великолепно. – Эми постаралась как можно лучше изобразить воодушевление. – Но мне не хочется опять

обмануться в надеждах.

– Еще мне приятно думать, что Монтегю будут продолжать жить на этих землях и растить здесь своих детей. Благодаря этому расставание будет не столь безвозвратным, и я смогу, – Поузи улыбнулась, – естественно, возвращаться сюда в гости.

– Естественно, сможете, – подхватила Эми и, помедлив, добавила: – При условии, что расставание вообще случится.

– Я понимаю, что твоя вера в деловые начинания Сэма подверглась суровым испытаниям, но я еще никогда не видела его столь воодушевленным. Должно быть, с довольным и радостным мужем жизнь твоя станет легче.

Эми не могла отделаться от ощущения, что Поузи пыталась проникнуть в ее тайные мысли, а в мыслях ее сейчас царил полный сумбур.

– Да, конечно, легче, – согласилась она, встав из-за стола. – Если вы не возражаете, я пойду, посмотрю с детьми телевизор.

Проводив пристальным взглядом выходящую из кухни Эми, Поузи вздохнула. Впервые она пожалела о пришедшей с возрастом мудрости.

Глава 25

С весьма деятельной помощью Мины Тэмми усердно трудилась над созданием в магазине наиболее комфортной обстановки и условий для начала успешной торговли. Приходилось отвечать на массу деловых звонков от СМИ и потенциальных клиентов, которых интересовали часы работы и ассортимент бутика.

– Завтра мы сможем начать торговать, – заметила Мина, когда они в очередной раз спускались в подвальный склад за последними товарами и аксессуарами.

– Наверное. Пожалуй, раз мы практически закончили, я отправлюсь сейчас в магазин Ника. Он пригласил меня на ужин. – Тэмми с улыбкой взглянула на Мину. – А вы стали суперзвездой нашего открытия. И мне хочется отблагодарить вас, пригласив на ужин на следующей неделе.

– В этом нет необходимости, Тэмми, но, конечно, я с удовольствием приму твое приглашение.

– Да уж, без вас я не смогла бы тут разобраться. – Тэмми сердечно обняла Мину.

– Зато ты вернула мне хоть какую-то цель жизни, поэтому мы обе счастливы. Хорошего тебе вечера, увидимся завтра.

Минут через двадцать Тэмми подъехала к магазину Ника и постояла перед ним, разглядывая витрину. Два круглых зеркала в стиле ар-деко на невидимых подвесках отражали висевшую между ними изысканную люстру из тонкого муранского стекла, а под ними расположился шезлонг, обтянутый оригинальной кремовой кожей. Тэмми вошла в магазин, преисполненная любви и гордости. Из подвального помещения доносился громкий стук молотка.

– Дорогой, я пришла! – крикнула она, перегнувшись через перила.

– Отлично! Поднимусь через минутку, – откликнулся Ник, и стук молотка возобновился.

Тэмми прошла по демонстрационному залу, заполненному вещами, так упорно собиравшимися Ником последние два месяца. Где-то в зале зазвонил мобильник. Оглядевшись, она заметила его на столе атласного дерева, который Ник использовал в качестве письменного.

– Ник, телефон! – крикнула она, склонившись к лестнице, но стук молотка не прекратился, поэтому Тэмми сама приняла звонок.

– Алло, вы позвонили Нику Монтегю.

Ответом ей было молчание и сброс звонка. Заглянув в журнал вызовов, Тэмми увидела, что номер последнего звонка значился под именем «ЭН». А один из предшествующих номеров значился под именем «Мама», и Тэмми заметила, что телефонный код Поузи совпадал с «ЭН», то есть, очевидно, звонили из Саутволда. Стук в подвале наконец прекратился, и Ник, вспотевший и запыленный, появился на верхней площадке лестницы.

– Ты пропустил звонок, – сообщила Тэмми. – Я попыталась ответить, но со мной говорить не пожелали. А звонил тебе некто под именем «ЭН».

– Да, понятно, видимо, звонил мой приятель, он подыскивает для меня пару оригинальных мраморных оснований для светильников, – сказал Ник, натягивая куртку.

– Так он живет в Лондоне? – небрежно спросила Тэмми.

– Ну да, в Лондоне. Так что, милая, идем?

* * *

– Добрый день, Себастиан, – сказал Фредди, открыв дверь. – Большое спасибо, что пришел.

– Да мне только в радость, – ответил Себастиан, следуя за Фредди в гостиную, где в камине ярко горел огонь. – Откровенно говоря, я благодарен любому предлогу, чтобы оторваться от своего ноутбука.

– Трудно идет?

– Трудно. Сейчас я как раз застрял в середине истории. Для меня сочинение книги подобно плаванию через наш Английский канал: начинаешь заплыв полный сил и надежд, потом где-то на полпути, когда уже не видно земли ни сзади, ни впереди, осознаешь, что для возврата уже далеко, а до финиша еще чертовски далеко. Если вообще его достижение имеет какой-то смысл, – заключил Себастиан, опустившись в кресло, предложенное Фредди.

– Пива или, может, винца?

– Пива было бы здорово, спасибо.

Фредди вернулся с двумя бутылками и, вручив одну Себастиану, тоже устроился в кресле.

– Ваше здоровье!

– Ваше здоровье!

Они оба сделали по большому глотку, и Себастиан с интересом посмотрел на Фредди, ожидая объяснений на тему предстоящего разговора. Молчание затягивалось, но наконец Фредди оторвал взгляд от камина.

– На самом деле я хотел бы обсудить с вами пару вопросов. Мне необходимо, скажем так, беспристрастное мнение. Вы знаете Поузи, и я полагаю, она вам симпатична как человек, но вас не связывают с ней особые чувства. Из вашей биографии я также узнал, что раньше вы работали репортером в отделе новостей, поэтому вы вряд ли будете шокированы тем, что я вам расскажу.

– Понятно. И, разумеется, рассказанное вами не покинет стен этой комнаты.

– Спасибо. Трудно даже понять, с чего лучше начать. – Фредди почесал затылок. – В общем, прежде всего, меня очень беспокоит, что Адмирал-хаус покупает этот сын Поузи.

– Так. Вы полагаете, что он не достоин доверия?

– Не столько он, сколько его деловой партнер и спонсор... некий джентльмен, называющий себя Кеном Ноаксом.

– И?

– Поузи дала мне проверить некоторые бумаги, и я заметил, что этот тип, Ноакс, не указан в качестве соучредителя ни в бланках компании, ни в юридических документах. Проработав барристером более сорока лет, я встречал таких изворотливых персонажей из бизнеса по недвижимости, что вы и представить себе не можете. И если этот человек финансирует все предприятие, а так и должно быть, поскольку, как нам обоим известно, у Сэма нет ни пенни, то факт того, что он не упомянут как учредитель, сразу возбудил у меня серьезные подозрения.

– Ясно. Я, конечно, могу обратиться к другу с моей прежней новостной работы и попросить копнуть под этого типа, посмотрим, куда приведет его послужной список. Мой приятель способен учуять грязь за несколько шагов.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны, Себастиан. Мне невыносимо думать, что Поузи могут обмануть с продажей Адмирал-хауса. Между нами говоря, хотя я видел Сэма только мельком, не могу сказать, что он мне особо понравился, хотя об этом, естественно, не стоит говорить матери.

– Нет, безусловно, не стоит.

– Вы знакомы с ним? – спросил Фредди.

– Да, виделись пару раз, и, боюсь, я согласен с вами.

– Мне так жаль его милую жену. Он показался мне весьма агрессивным персонажем. А Поузи частенько говорила, что Эми на редкость добрая и кроткая.

– Да, так и есть.

В очередной паузе Фредди встал, пошевелил дрова в камине, хотя огонь и так отлично горел, и вернулся к Себастиану.

– Проклятие! Пожалуй, без виски мне не обойтись. Присоединитесь?

– Нет, спасибо. Иначе вторая половина дня будет потрачена впустую, буквально. – Себастиан улыбнулся.

Фредди вышел из гостиной, а когда вернулся с виски, его лицо заметно помрачнело. И Себастиан сразу осознал, что до сих пор Фредди говорил о второстепенных сложностях и только сейчас ему предстоит услышать то, что он действительно хотел сообщить. Фредди сел и отхлебнул добрую половину крепкого напитка.

– Так-так. – Фредди вздохнул и взглянул на Себастиана. – Простите мое промедление. Вы все поймете, когда услышите то, что я скажу вам. И эти сведения сорвутся с моих губ впервые в жизни. Надеюсь, я могу рассчитывать на ваше молчание.

– Можете, – уверенно ответил Себастиан.

Фредди судорожно вздохнул и осушил свой стакан.

– Ладно, начну с того...

Часом позже Себастиан успел выпить с Фредди по паре стаканов виски, и полупустая бутылка стояла на столике между ними.

– Я правда не знаю, что и сказать.

– Понятно, – согласился Фредди. – Что уж тут скажешь?

– Я имею в виду, что даже как писатель вряд ли мог бы вообразить столь... трагическую ситуацию.

– Однако могу вас заверить, что каждое сказанное мной слово – правда. Печальная правда, – добавил Фредди. – Но если вы хорошенько поищите, то найдете все это в интернете.

– И вы уверены, что Поузи до сих пор не знает?

– Да, не знает. В общем, должен сказать, что когда я встретил ее после всей нашей полувековой разлуки, то предполагал, что она уже могла все узнать. Что кто-то мог сообщить ей. Но она ведь более четверти века не возвращалась в Адмирал-хаус.

– На самом деле, я *могу* это понять, – заметил Себастиан. – Люди не любят упоминать о серьезных неприятностях в присутствии тех, кому они могут причинить боль. Когда умерла моя жена, то даже мои ближайшие друзья предпочитали избегать разговоров на эту тему, не говоря уже о незнакомцах.

Фредди глянул на Себастиана, потом перевел взгляд на угасающие угли в камине.

– Вы понимаете, почему мне пришлось расстаться с ней тогда?

– Понимаю. Вы попали в безвыходную ситуацию.

– Когда я понял, кто она и что она ничего не знает, у меня действительно не оставалось иного выбора. Я... – Голос Фредди сорвался, на глазах выступили слезы. – Это почти сломало меня, но я знал, что ее это сломает наверняка.

– Судя по вашему рассказу, в то время так оно, наверное, и случилось бы.

– И вот теперь я снова и снова задаю себе вопрос... – Фредди плеснул себе еще виски. – Не сломает ли ее эта правда сейчас?

Себастиан попытался поставить себя на место Поузи, проникнуться ее чувствами, осознать, что *он сам* почувствовал бы... нечто такое он научился делать, когда пытался понять, как может поступить кто-то из героев его книг.

– Я практически... не представляю, Фредди, как она это воспримет. Скорее всего, будет полнейший шок и недоверие. Но, узнав об этом, она, по крайней мере, поймет, почему вы расстались с ней.

– И почему я не мог остаться. Она, должно быть, не могла понять, что произошло. И самое смешное, что и сейчас, по прошествии пятидесяти лет, мне хочется лишь опуститься на колени, сказать, как я люблю ее, и наконец сделать ей предложение. – Фредди достал из

кармана носовой платок и громко высморкался. – Может, мне лучше просто уйти, Себастиан, продать все и...

– И вступить в Иностраннный легион?

– Даже для этого я слишком стар! – с вымученной улыбкой бросил Фредди. – А как вы поступили бы на моем месте?

– Наверное... думаю, я нашел бы способ сообщить ей, но это именно я, из-за выпавшей на мою долю судьбы. Потеряв жену, я осознал, что нужно жить одним днем, особенно когда дело касается любви.

– Я согласен, безусловно, но сказанного-то обратно не вернешь, верно?

– Верно, только не забывайте, что вы оба стали невинными жертвами неподвластных вам обстоятельств. Я понимаю, вы пытались защитить ее, потому что глубоко ее любите, но вы тоже страдали. Она все поймет, я уверен.

– Я страдал, да, вы правы. Ладно, довольно, я уже и так отнял у вас кучу времени, сердечно благодарен за ваши мудрые слова. Возможно... возможно, мне следует рассказать ей все после того, как она уедет из Адмирал-хауса и начнет новую жизнь. Я чувствую, что это может смягчить удар... когда она, как говорится, уже будет жить в другом месте.

– Думаю, вы правы. Пусть она переживет переезд, ведь он тоже будет достаточно травматичен для нее, лучше подождать, пока улягутся все страсти... – Себастиан встал, и Фредди проводил его к выходу. – До свидания, Фредди, давайте поддерживать связь.

– Безусловно, и я очень рад, что вы пока живете с Поузи. Я беспокоился, когда она там жила совсем одна, в том огромном доме.

– Честно говоря, если это вас хоть как-то утешит, мне кажется, что Поузи – одна из самых сильных личностей, какие встречались мне в жизни, – заметил Себастиан. – Я попрошу своего приятеля из отдела новостей проверить Кена Ноакса и свяжусь с вами.

* * *

Взбудораженная мыслями обо всем, что надо успеть сделать до переезда, Поузи плохо спала. А утром позвонил Ник с извинениями за

свою первую реакцию на известие о продаже дома, а потом сообщил ей, что его старый школьный друг Пол захотел взглянуть на картины.

– Он надеется, что я не заметил в нашей галерее Ван Гога, – посмеиваясь, добавил сын.

– Милый мой мальчик, ты же отлично знаешь, что картины в нашем доме намалеваны так, что им место скорее на свалке, чем на аукционе «Сотбис».

– Мам, в худшем случае, это повод посетить Адмирал-хаус. Ты же знаешь, как Пол любил общаться с тобой, да и бывать в гостях в Адмирал-хаусе тоже. Вероятно, он хочет заехать попрощаться.

– Со мной или с домом?

– Смешно... В общем, Пол заедет к тебе в субботу около десяти утра, и я тоже появлюсь на этих выходных.

– Чудесно. Я приготовлю обед. А ты привезешь с собой свою очаровательную подружку?

– Увы, нет, у Тэмми сейчас куча дел в новом бутике.

– Кстати, ей все равно надо бы заехать сюда и решить, что она захочет забрать из одежной коллекции твоей бабушки. Может, пригласишь ее на Рождество? Это будет последнее Рождество в нашем доме, и мне хотелось бы пригласить как можно больше гостей, чтобы хорошенько повеселиться напоследок.

– Но... да, конечно.

– У вас с ней все в порядке? – спросила Поузи.

Она знала своего сына как облупленного, и легкая заминка перед ответом насторожила ее.

– Все прекрасно, мам. Просто мы оба сейчас жутко заняты, только и всего... Кстати, мне предстоит аукцион на Лотс-роуд. Я напишу тебе номер телефона моего знакомого саутволдского аукциониста, он сможет зайти и оценить мебель. Но предупреждаю, мам, не жди многого. Последнее время добротная темная мебель сильно упала в цене, не считая особых исторических предметов. На твоём месте, я отобрал бы то, что связано с дорогими воспоминаниями, а потом нанял пару грузовиков, чтобы вывезли остальные вещи, типа кроватей и диванов. За них ты ничего толком не получишь.

– Дорогой, я и не рассчитывала на это.

– Ладно, ты уверена, что сделка состоится?

– Насколько я понимаю, да.

– И ты пока всем довольна?

– Довольна я или нет, несущественно. Не думаю, Ник, что у меня есть выбор, если только не найду миллионный клад для ремонта и реставрации.

– Да, ты, разумеется, права. Хотел бы я иметь в запасе такие деньги, но все мои средства уже потрачены на создание нового бизнеса.

– Так и должно быть, Ник. Пора двигаться дальше, как бы тяжело это ни было. Больше всего мне будет не хватать сада, но Сэм, по крайней мере, сказал мне, что управляющая компания по обслуживанию пансиона будет так же хорошо заботиться о садовых участках. Кроме того, мне больше нравится современная мебель и двойное остекление.

– Понятно, ладно, мне пора бежать по делам. Поговорим завтра. Люблю тебя, мам.

– Я тоже люблю тебя, дорогой мой мальчик. – Поузи положила трубку и вздохнула, потом связалась с местным аукционистом, которого Ник советовал пригласить для оценки имущества в доме. Они отложили встречу на пару дней.

Следуя совету Ника, Поузи бродила из комнаты в комнату, осознавая, как мало ей хотелось бы забрать с собой в новую жизнь. Одну старинную картину, часы с нефритом в стиле ар-деко, стоящие на камине в гостиной, письменный стол отца с потертой кожаной столешницей...

Поузи устало опустилась на кровать с изношенным матрасом в одной из гостевых спален. Она вдруг увидела себя в старом зеркале в потемневшем позолоченном обрамлении, многие поколения отражавшем образы семьи Андерсонов. «Что бы они все подумали, – вдруг озадачилась она вопросом, – узнав, что я собираюсь отправить на свалку три столетия семейной истории?» Если вообще кто-то мог что-то «думать» в загробном мире, в чем она лично теперь частенько сомневалась. И тем не менее последние недели с тех пор, как Поузи дала согласие на продажу, она осознавала, что уже много лет так сильно не ощущала незримое присутствие в доме своего отца.

– Да, Поузи, пора начинать новую жизнь, – сказала она своему отражению.

* * *

– Хотела узнать, Себастиан, не могли бы вы при случае потратить на меня полчаса и сходить со мной в садовую Башню? Там, видите ли, находились владения моего отца, и в детстве мне строго запрещалось заходить туда. Мой отец... вы знаете, я его обожала – любил гулять со мной по саду, учил меня ловить бабочек. Обычно он уносил их для «изучения» в свою Башню, а потом, как он говорил мне, отпускал их на свободу. Однажды мне удалось тайно зайти туда, и я обнаружила на стенах его кабинета огромную, вставленную в рамы коллекцию мертвых бабочек. Тогда это разбило мне сердце, но, разумеется, он всего лишь создавал замечательную коллекцию. В те времена это считалось совершенно нормальным, ведь он сохранял их для потомков... вероятно, некоторые имеющиеся там виды в наши дни уже вымерли.

Рука Себастиана с тостом, густо намазанным домашним и капающим на стол джемом, застыла на полпути ко рту.

– Что ж, вероятно, эта коллекция, по меньшей мере, чего-то стоит.

– Вероятно, но мне не нужно за нее никаких денег. Если такая коллекция имеет какую-то ценность, я подарю ее музею естественной истории. Хотя должна признать, что меня вовсе не радует необходимость возвращения в его Башню. Я не заходила туда больше шестидесяти лет. После смерти моего отца я жила в Корнуолле у бабушки, а когда наконец вернулась сюда с мужем и детьми, то... в общем, мне просто не хватало смелости зайти туда вновь.

– Поузи, я вполне понимаю ваше отношение, – бесстрастно заметил Себастиан.

– И не думаю, что даже сейчас я способна набраться такой смелости, во всяком случае в одиночку; но, разумеется, дела того требуют, ведь до отъезда там необходимо все убрать.

– Естественно, Поузи, я готов сходить с вами. Только дайте мне знать, когда пойдем.

– Может быть, сегодня днем? Мне действительно надо поскорее разобраться с Башней, учитывая, что в эти выходные сюда приедет друг Ника, Пол – знаток искусства, галерист и арт-дилер, и мне

подумалось, что, возможно, как раз ему стоит показать коллекцию бабочек.

Себастиан проследил, как опечаленная Поузи вышла из кухни, удивляясь, почему она не обратилась с такой просьбой к Сэму. Как старший сын, он был бы очевидным выбором. Встав из-за стола, Себастиан сполоснул тарелку и чашку в раковине, думая, что, вероятно, у него пристрастное отношение, но даже если бы он не любил жену Сэма, то все равно считал бы его неприятным и самонадеянным субъектом.

– Как порой странно тасуются гены, – проворчал Себастиан, поднимаясь по роскошным лестничным пролетам и надеясь, что Поузи не расстроится из-за того, что он украл красоту этого особняка, использовав его в качестве лейтмотива своей книги.

* * *

– Так как, вы уделите мне полчаса для похода в Башню? – спросила Поузи, когда они завершили обед.

Себастиан аккуратно положил на тарелку нож и вилку.

– Я еще в жизни не пробовал такой замечательно вкусной тушеной говядины и готов сопровождать вас хоть на Луну, если вы не откажетесь еще как-нибудь приготовить нам такую же вкуснятину. Итак, пойду, возьму пару фонарей. Сомневаюсь, что там сохранилось электричество.

Поузи сумела улыбнуться, но, встав из-за стола, Себастиан почувствовал, как она напряжена.

Пока они шли по саду в густом осеннем тумане, не рассеявшемся даже днем, Себастиан увидел за облетевшими каштанами ту самую злосчастную Башню. Он невольно поежился; учитывая то, что поведал ему Фредди, он, пожалуй, волновался сейчас не меньше Поузи.

Они подошли к массивной двери, сделанной когда-то из крепкого дуба, но успевшей подгнить за долгие годы полного забвения. Поузи поднесла к замку тяжелую связку ключей. Ее рука так тряслась, что она никак не могла попасть в замочную скважину.

– Так, дайте-ка я помогу вам.

Возясь с замком, Себастиан осознал, что его, видимо, и правда не открывали более шестидесяти лет, и когда ему все же с большим трудом удалось провернуть ключ в двери, то он почувствовал, как отчаянно заколотилось его сердце. Кто знал, что там могло быть, что могло остаться после трагедии, произошедшей, как он узнал, за этими стенами...

Да, замок в итоге открылся, и, лишив Себастиана времени на размышления, Поузи распахнула дверь. Они вступили в сумеречную кладовую; Себастиан разглядел затянутое паутиной окно, заросшее снаружи плющом. Оба они включили фонари и осветили помещение.

– Здесь отец хранил все свое спортивное снаряжение, – сообщила Поузи, переступая через набор каких-то покрывшихся зеленой плесенью палок, – крикетные столбики, – добавила она, – и... вы только взгляните... – она помахала перед ним деревянным орудием, – крокетный молоток. Я помню, как мы частенько играли в крокет, когда родители устраивали приемы.

Себастиан направил луч фонаря на массивный шкаф. Дверца его покосилась, и, открыв ее, Себастиан увидел аккуратный ряд коллекционного оружия, металлические части покрылись густым слоем ржавчины. Его сердце ёкнуло, когда он заметил, что одного ружья явно не хватает.

– Охотничьи ружья моего отца, – сказала Поузи. – Помню, в детстве по вечерам я иногда слышала выстрелы. Папа потом говорил мне, что это местный фермер стрелял кроликов, но ведь ферма отсюда очень далеко, а выстрелы слышались близко, поэтому, вероятно, он сам постреливал.

– Это же подлинный Пёрде^[38], и если его отчистить, то оно, вероятно, будет стоить больших денег, – оценил Себастиан, взяв одно из ружей.

– Вы умеете стрелять?

– Боже, нет, я только знаю о фирме Пёрде, поскольку изучал оружейную тему для своего последнего романа, – улыбнувшись, пояснил он.

Он увидел, как луч фонаря Поузи осветил уходящие вверх ступени.

– Хотите, я пойду первым?

– Если вы не против. Будьте осторожны, ступеньки круто изгибаются, насколько я помню.

– Понял.

Они начали подниматься, и звуки их шагов по старым каменным ступеням гулко отражались от стен, разносясь по всей Башне. Ее заполнял тяжелый запах сырости, и, когда они достигли верхней площадки, Поузи вдруг расчихалась.

– Бог ты мой, – всхлипнула Поузи и, порывшись в кармане куртки, вытащила носовой платок и прочистила нос. – Наверное, мы дышим воздухом военного времени!

– Так. – Себастиан пристально взглянул на высившуюся перед ним дверь – уменьшенную версию входной дубовой двери, но значительно лучше сохранившуюся. – Вот мы и пришли.

– Да. – Поузи взирала на дверь с таким видом, словно само ее дерево источало массу волнующих воспоминаний.

– Хотите, я открою ее?

Поузи вручила ему большое железное кольцо, напоминавшее гигантский браслет с ключами разных форм и размеров, прикидывающихся брелоками.

Сначала Себастиан подергал за ручку, убедившись, что дверь заперта, а потом ему удалось открыть ее лишь с третьего раза, подобрав нужный ключ.

– Готовы войти?

– Может, мне надеть повязку, чтобы не видеть всех тех бедных мертвых бабочек?

– Да, но тогда наш приход сюда потеряет смысл.

Поузи ухватила за протянутую Себастианом руку и глубоко вздохнула, стараясь унять страшное волнение. За этой дверной панелью скрывалась сама сущность ее любимого отца. Последовав за Себастианом, Поузи упорно смотрела только вниз, на покрытый полувековой пылью пол.

Луч фонаря Себастиана пробежал по содержимому этого круглого кабинета, осветив стены со множеством покосившихся рам с бабочками. Себастиан заметил письменный стол, кожаное кресло и книжный шкаф, по-прежнему заполненный бумагами бывшего владельца. А за ним луч выхватил из мрака большое пятно на стене.

Медного оттенка, с россыпью брызг по краям, словно авангардный художник случайно залил краской холст.

Себастиан не сразу осознал, что это, но, догадавшись, едва не задохнулся спертым воздухом, пытаясь успокоиться. Оглянувшись, он увидел, что Поузи стояла спиной к нему, разглядывая одну из рам с бабочками.

– Я помню эту бабочку... сама поймала ее, и папа так разволновался, сказав, что такая евразийская голубянка арион очень редко залетает в наши края. На самом деле, вероятно, тогда я вообще в последний раз поймала бабочку. – Поузи вздохнула. – Может быть, я попрошу Эми нарисовать ее, чтобы вспоминать потом ее красоту, не видя, чем она закончилась, – сказала она, с печальной улыбкой взглянув на Себастиана.

Когда ее взгляд начал блуждать по кабинету, интуиция подсказала Себастиану, что надо как можно скорее увести ее отсюда, но он не успел. Поузи уже направила луч фонаря прямо на злосчастное пятно.

– А это тут что такое? – Она подошла к стене, чтобы лучше рассмотреть замеченное.

– Может, что-то протекло с крыши.

Даже он сам услышал тщетность собственного обмана.

– Нет... – Поузи практически уткнулась носом в это пятно. – Себастиан, по-моему, это засохшая кровь. Более того, похоже, кого-то убили прямо возле этой стены.

– Может, один из ваших предков устраивал тут безрассудные игры с оружием?

– Интересная мысль, да... но я совершенно уверена, что не видела этого, когда тайно прокралась сюда в детстве. То есть я ведь вряд ли не заметила бы такого. Ведь оно прямо напротив двери.

– Наверное, когда вы заходили, там висела рама с бабочками.

– Может быть, вы правы. Я даже уверена, что там висела папина коллекция адмиралов. Если я правильно запомнила, тех бабочек я увидела сразу, едва открыла дверь, поскольку потом просто бросилась обратно вниз по лестнице. Да, возможно, это верное объяснение.

Себастиан испытал слабое облегчение, когда Поузи, отвернувшись от пятна, направилась к письменному столу. Взяв большую лупу, она сдула с нее пыль. Серое облачко взметнулось в

воздух, и опадающие пылинки, поблескивая, затанцевали в луче фонаря.

– Полагаю, это один из его пыточных инструментов. Какой только лжи не выдумают взрослые, пытаюсь защитить детей. – Поузи вздохнула. – Все мы грешим этим, безусловно, но, в конечном итоге, я сомневаюсь, что ложь действительно идет им во благо.

И вновь Себастиану пришлось глубоко вздохнуть.

– Так мне собрать рамы с бабочками и отнести в дом? – спросил он.

– Да, пожалуйста, Себастиан. – Поузи показала на книги. – За исключением книг, по-моему, все остальное можно отправлять на свалку. – Она поежилась. – Мне здесь совсем не нравится. Тяжелая какая-то атмосфера. А ведь в детстве я представляла себе папу в этом его блестящем тронном зале... Король Волшебной страны фей сидел в главном зале своего замка. Ладно, – она пожала плечами, – ведь то была всего лишь игра, не так ли?

– Да, именно так. Поузи, вы идите вперед. А я соберу все рамы и принесу их в дом.

– Спасибо вам, Себастиан, – печально произнесла она.

Глава 26

Лежа в кровати рядом с Ником, Тэмми смотрела, как он увлеченно просматривал торговый каталог.

– Так ты поедешь в Саутволд на выходные? – спросила она.

– Да, как я уже говорил, Пол собирается глянуть на мамины картины, а в воскресенье я еще хотел заглянуть на один аукцион в Лавенхеме. В пятницу вечером я поеду в Адмирал-хаус, а вернусь в воскресенье во второй половине дня.

– Могу я поехать с тобой? Я с удовольствием повидала бы твою маму, к тому же она предлагала мне взглянуть там на какие-то винтажные платья.

– Мне казалось, по субботам тебе нужно быть в магазине. Ты же говорила, что это самый загруженный день недели.

– Но, как ты помнишь, у меня теперь есть Мина, и мне в жизни не стать такой ловкой продавщицей, как она.

– Но тем не менее она же не ты, и, в любом случае, разве вы с Джейн не собирались на обед?

– Собирались, но его легко можно отложить. Я предпочла бы вновь встретиться с твоей матерью, – настаивала Тэмми.

– Честно говоря, я думаю, что сейчас у нее и так забот полон рот. Может, лучше на следующей неделе, когда хотя бы прояснится вопрос с продажей дома? Согласна?

– Боже, Ник, мне надоели твои извечные отговорки! – Все сомнения и разочарования, копившиеся в душе Тэмми, вдруг выплеснулись наружу. – Я уже не помню, когда мы последний раз проводили выходные вместе. Ты вечно уезжаешь куда-то один.

– Ну да, мне же необходимо набрать хороший ассортимент для поднятия нового бизнеса. Сожалею, Тэмми, что не могу посвящать тебе все свое внимание, – сухо добавил он, – но мне казалось, что мы понимаем и уважаем рабочие нужды друг друга.

– Да, разумеется, уважаем, я все понимаю, – возразила Тэмми, – но все-таки даже среди всей нашей неразберихи разве нельзя высвободить хоть изредка двадцать четыре часа, чтобы провести их вместе? Разве мы не стремимся к гармоничной жизни?

– Тэмми, я не хочу показаться грубым, но почему-то мне кажется, что теперь, когда твой бизнес заработал, ты злишься, что мне еще приходится упорно заниматься своими делами.

– Как же ты несправедлив! Ведь я всегда оставляла время для тебя, чтобы мы могли побыть вместе.

Ник бросил каталог на пол и встал с кровати.

– У меня на уме множество проблем, все они нуждаются в моем предельном внимании и заботе, и менее всего мне сейчас нужны ссоры с тобой. Пожалуй, мне лучше вернуться пока к Полу и Джейн и попытаться обрести покой!

Тэмми услышала, как за ним захлопнулась дверь. Зарывшись головой в подушку, Тэмми расплакалась.

* * *

Два дня спустя, не получив никаких известий от Ника, Тэмми вышла в полдень из бутика, чтобы встретиться с Джейн в ресторане Лангана на Бичам-плейс, где они обычно обедали по субботам.

– Выглядишь великолепно, – сказала Тэмми, сев за столик напротив подруги.

– Спасибо, и чувствую себя великолепно. Мне уже сделали первое УЗИ, и похоже, скрестим пальцы, с ребенком все в порядке, поэтому можно немного расслабиться. Тэм, может, тебе заказать бокал вина? Судя по виду, тебе не помешает выпить. – Джейн озабоченно посмотрела на нее. – Ты хорошо себя чувствуешь? Видок у тебя бледноватый.

– Просто не спалось сегодня.

– Почему? Не можешь выбросить из головы подсчеты доходов? – с улыбкой спросила Джейн и заказала проходившему мимо официанту вино и минеральную воду.

– Нет, хотя последние дни торговля пошла на редкость успешно, а сегодня утром вообще было не продохнуть. На самом деле нам не удастся всласть поболтать. Я ведь бросила Мину одну в бутике.

– Ну, она способна работать и за троих, но, если дела у вас будут идти в том же ключе, тебе придется нанять помощницу, чтобы облегчить жизнь вам обеим.

– Я понимаю. Надо будет подумать об этом, – согласилась Тэмми.

– Тэм, брось, тебе впору приплясывать от радости. Все только и говорят о тебе и твоих изумительных нарядах, а ты ходишь, как в воду опущенная. В чем дело?

Тэмми взяла бокал и сделала большой глоток вина.

– Пару дней назад мы с Ником поссорились, и с тех пор от него ничего не слышно. Джейни... – Тэмми опять выпила вина. – Мне кажется, Ник завел какой-то роман.

– Что? Не может быть, никогда! – Джейн взглянула на нее в полнейшем изумлении.

– Ну а я подозреваю, что завел...

– Господи, когда я видела вас на приеме, вы оба выглядели совершенно счастливыми. – Джейн покачала головой. – Извини, но я совершенно не могу поверить в это. Мужики, конечно, бабники, но только не Ник. Он просто по натуре не такой.

– Джейни, недавно кое-что случилось, и я точно знаю, что Ник солгал мне...

– Что именно?

Тэмми рассказала Джейн, как ответила на звонок по мобильнику Ника, но с ней не захотели разговаривать. Как она увидела инициалы «ЭН» и определила, что код города звонившего такой же, как у Поузи, звонили из Саутволда.

– А Ник сообщил мне, что «ЭН» живет в Лондоне. Почему он солгал?

– А возможно, этот «ЭН» живет на два города. Тэмми, едва ли это доказывает его неверность.

– Да, я понимаю, но у меня какое-то дурное предчувствие... – Тэмми покрутила в пальцах бокал с вином. – Кроме того, он сам говорил мне, что ему еще нужно кое-что уладить, прежде чем он сможет полностью посвятить себя нашим отношениям. Ты как-то раз упоминала девушку, которую он знал, когда жил в Саутволде?

– Да, но... по-моему, там была какая-то несерьезная, краткая связь. Если я правильно помню, она даже вышла замуж.

– Значит, определенно что-то было, – уверенно констатировала Тэмми.

– Да.

– И как ее звали?

– Мне кажется, Эви... Да, точно, Эви Ньюман.

– О боже мой! «ЭН»! – Глаза Тэмми наполнились слезами. – Я так и знала!

– Умоляю, Тэм, постарайся успокоиться и...

– Успокоиться? Очевидно же, что он опять начал встречаться с ней.

– С тех пор прошло десять лет, и у тебя нет ни малейших доказательств того, что он опять увлекся ею, – попыталась успокоить ее Джейн.

– Допустим, но зачем она звонила ему и почему он не захотел, чтобы я поехала с ним в эти выходные?

– Может быть, он думал, что тебе там будет скучно и у тебя есть дела поважнее, например, увидеться со мной за обедом?

– Нет, Джейн, не может быть, мы обе знаем, почему он поехал один, и, насколько я помню, в последний месяц Ник уезжал практически каждые выходные якобы на аукционы.

– Ну и что с того? Он же торгует антиквариатом, это его бизнес. – Джейн пожала плечами.

– И ни разу не предложил мне поехать с ним. Более того, если я предлагала, то он всегда находил какие-то причины, по которым мне не стоило с ним ехать.

– Послушай, Тэмми, я понимаю твои подозрения. Я тоже сочла бы это странным. Но я абсолютно уверена, что Ник любит тебя... он сам признался Полу. В общем, прежде чем ты испортишь лучшее, что случилось с тобой за эти годы, тебе надо начистоту поговорить с Ником и выяснить, что происходит. Возможно, для поездок в Саутволд у него есть вполне законная и невинная причина. Ладно, по-моему, нам пора сделать заказ, если ты еще собираешься вернуться в бутик. Мне лично хочется морского ангела.

– Я не голодна. Хочу заказать только салат с рукколой и еще бокал вина.

Пока Джейн делала заказ, Тэмми в явном смятении крутила салфетку.

– Еще более странно, что недавно он возил меня посмотреть на один дом в Баттерси и спрашивал, нравится ли мне там... могу ли я представить, как наши дети резвятся там в саду.

– Ну вот, я же говорила! Какие еще тебе нужны доказательства?

– Наверное, никаких, – вяло ответила Тэмми, окуная подсушенный хлебец в оливковый соус. – Только это не объясняет дела с «ЭН».

– Послушай, милая, я знаю Ника долгие годы. Он не из тех, кто ломает комедию, Тэмми, клянусь тебе. Мы с Полом как раз на днях говорили о нем, и оба решили, что он наконец нашел свою судьбу. А ты любишь его?

– Да. И ужасно боюсь этого.

– Тогда, как замужняя женщина, могу дать тебе один совет... никогда не давай ссорам терзать тебя. Сегодня вечером Ник у матери в Саутволде?

– Да, по крайней мере, так он говорил мне.

– В общем, если бы я была на твоём месте, то села бы в машину, приехала бы туда и встретила бы с ним. Бессмысленно терзаться и мучиться, если можно сразу во всем разобраться. Поезжай и все выясни.

– Может, ты и права. – Тэмми пожала плечами. – Но мне еще в жизни не приходилось бегать за мужиками...

– Это не тот случай, Тэм. С этим мужчиной ты хочешь прожить вместе до конца жизни. Поэтому забудь о своей гордости и поезжай поговорить с ним. Во всяком случае, таков мой совет, – повторила Джейн. – А сейчас позволь мне наконец подурочиться и показать тебе снимок ребенка, который мне выдали после УЗИ.

* * *

Вернувшись в магазин, Тэмми обнаружила, что Мина доблестно обслуживает четырех покупателей одновременно. Еще пару часов они не имели ни минуты покоя, потом, часам к четырем, магазин вдруг опустел, и до четверти пятого к ним не заглянула больше ни одна душа.

– Мина, я собираюсь закрыться пораньше, – зевнув, сказала Тэмми. – Совершенно вымоталась.

– Да уж, последнее время хлопот у тебя был полон рот. И давай-ка, молодая леди, постарайся устроить себе завтра хороший отдых. Хватит уже пахать без продыху.

– Непременно постараюсь, – откликнулась Тэмми, выключила кассовый аппарат и начала помогать Мине считать выручку.

* * *

Спустя полчаса Тэмми все еще бродила по дому, не находя себе места от беспокойства.

– Да пошло оно все к дьяволу! – наконец воскликнула она, сунула в портплед косметичку и смену одежды, вышла из дома и направилась к своей машине. По пути в Саутволд она попыталась позвонить Нику на мобильник, но его телефон, как обычно, работал в режиме голосовой почты. Скрипнув зубами, она оставила сообщение.

– Привет, это я. Просто хотела извиниться за позавчерашний вечер. Вела себя как эгоистка. Еду в Саутволд, хочу увидеться с тобой и во всем разобраться. Буду около восьми часов. Дай мне знать, если это неудобно. Ладно, пока.

Когда Тэмми вырулила на подъездную аллею к Адмирал-хаусу, сердце ее тревожно забилося. Она страшилась того, что может там обнаружить. По крайней мере, в доме кто-то был, она уже видела свет в окнах. Подойдя к двери, она громко постучала.

– Добрый вечер, Тэмми, какими судьбами?

Дверь открыла не Поузи, а Эми.

– Да я... в общем, заехала повидать Ника.

– Ника? – Эми задумчиво нахмурилась. – Но его нет в доме, Тэмми.

– Надо же...

– Все равно, заходи, как здорово, что ты заехала. – Эми улыбнулась, и они вместе прошли по холлу ко входу в кухню. – Я здесь пытаюсь нарисовать этот особняк для рождественских открыток, задуманных Поузи.

За кухонным столом сидел Себастиан, держа в руке бокал вина.

– Тэмми, какой приятный сюрприз. Хочешь бокал вина? Я просто составлял Эми компанию, пока она заканчивала свои наброски.

Тот факт, что на улице стемнело как минимум три часа назад, не говоря уже об их чрезмерном желании дать какие-то объяснения,

подтвердил подозрения, возникшие у Тэмми еще на приеме по случаю открытия бутика.

– Да, с удовольствием выпью, – сказала она, плюхнувшись на стул в полном изнеможении. – А где Поузи?

– Отправилась ужинать с другом, Фредди, – сообщила Эми. – Уехала всего минут десять назад. – Налив большой бокал вина, Эми протянула его Тэмми. – Держи.

– Ладно, мне пора вернуться к работе, – заявил Себастиан. – Я пока покину вас, девочки. Приятно видеть тебя вновь, Тэмми, и спасибо еще раз за приглашение на вечеринку, я славно отдохнул. До свидания, Эми, – добавил он, кивнув на прощание.

– До свидания, Себастиан.

Тэмми постаралась подавить улыбку при виде их преувеличенной церемонности.

– Разве Поузи не ждала Ника сегодня вечером? – спросила Тэмми, освежившись вином.

– Она не говорила, но у него, вероятно, есть свой ключ и он мог сказать Поузи, что сам тут разберется.

Эми глянула на плиту, зная, что если бы Поузи ожидала гостей с ночевкой, то наверняка приготовила бы какую-то еду и оставила им для разогрева. Однако плита была пустой.

– Ник говорил мне, что собирался заехать сюда вчера вечером.

– Возможно, он и был здесь, Тэмми, я же приехала только после обеда. Его друг Пол, арт-дилер, еще бродил здесь, он уехал около трех часов. Очень жаль, но, похоже, ты зря потратила время на поездку.

– Да, увы. – Тэмми криво усмехнулась. – Очевидно, я что-то перепутала.

– Пустяки. Все равно так приятно видеть тебя, и я уверена, что Поузи будет не против, если ты останешься на ночь.

– О нет, думаю, мне лучше сразу отправиться обратно в Лондон.

Эми заметила страдание в выразительных зеленых глазах Тэмми.

– Послушай, я не хочу навязываться, но, может, тебе лучше выговориться?

– На самом деле и говорить-то особо не о чем. Мне казалось, Ник упоминал, что собирался сюда на выходные. Несомненно... я что-то не так поняла. – Мучительные сомнения последних дней охватили ее с новой силой, к горлу подступил комок, и глаза наполнились слезами. –

Черт побери! Прости, Эми. Нечего мне тут обрушивать на тебя свои неприятности.

– Не говори глупости. Держи. – Эми подвинула к ней коробку бумажных салфеток, и Тэмми прочистила нос. – Я только звякну Сэму, скажу, что задерживаюсь, и тогда мы поболтаем, ладно?

Пока Эми разговаривала с Сэмом, Тэмми постаралась успокоиться.

– В общем, я догадываюсь, что вы поссорились из-за чего-то, – предположила Эми, опять сядя за стол.

– Да.

– Могу я спросить, из-за чего?

– Да, в сущности, из-за ерунды... – ответила Тэмми, пожав плечами. – Началось с того, что у меня возникли какие-то подозрения, они же посеяли сомнения, и в итоге все закончилось ссорой.

– Надо же, удивительно, что ты в чем-то подозреваешь Ника. Он же просто обожает тебя.

– Ну да, все так говорят. – Тэмми вздохнула. – Эми, мне необходимо спросить у тебя кое-что. Ты знакома с Эви Ньюман?

– Да, я знакома с ней, но мы редко общались. Виделись давно, когда я только познакомилась с Сэмом, но еще жила в Лондоне. А когда я вышла за него замуж и переехала в Саутволд, Эви уже уехала.

– Но теперь она вернулась.

– Да.

– А Ник любил ее?

– Судя по тому, что я слышала, да, любил, – подтвердила Эми. – Прости, Тэмми.

– Все нормально, моя подруга Джейн уже говорила мне об этом. Тебе не кажется странным, что Эви опять появилась в Саутволде именно тогда, когда Ник вернулся из Перта?

Эми вдруг огорченно вспомнила, как они с Поузи, проезжая мимо дома Эви, заметили там машину Ника.

– Не знаю... в общем, наверное, немного странно.

– Мне кажется, он опять встречается с ней. Пару дней назад я приняла звонок на его мобильник, звонил некто с инициалами «ЭН». Когда я сказала «алло», соединение прервали, но я заметила, что звонили из Саутволда. Должно быть, звонила она, верно?

– Ну да, но, возможно, это чисто случайное совпадение.

– Так ты думаешь, что я несу какой-то бред?

– Нет, не думаю. – Эми грустно покачала головой.

– И потом Ник заявил мне, что в эти выходные будет ночевать в Адмирал-хаусе. Ну почему? Почему он солгал мне?

– Честно говоря, понятия не имею.

– Должно быть, потому что он у нее.

Эми могла не отвечать. То, что она согласна, проявилось на ее лице, а Тэмми продолжила:

– Пожалуйста, расскажи мне, если ты что-то знаешь. Пусть лучше я узнаю все сейчас, чем продолжу жить в неведении и в итоге буду выглядеть полной идиоткой.

– Да я... ладно, пару недель назад мы с Поузи проезжали мимо дома Эви, и обе заметили около него красный «остин-хили». Но это же не означает, что там стояла именно машина Ника, верно? Это могло быть просто совпадение...

– Брось. – Глаза Тэмми наполнились слезами. – Мы обе понимаем, что никакого совпадения быть не могло. Много ли шикарных красных винтажных «остин-хили» разъезжает по Саутволду?! Господи! Как он мог так поступить со мной?!

– погоди расстраиваться, ты же не знаешь толком, в чем дело. Тебе надо поговорить с ним... ведь, возможно, ему необходимо было увидаться с ней по какой-то важной причине, связанной с бизнесом или еще с какими-то делами, – попыталась Эми защитить Ника.

– Эми, я хочу попросить тебя оказать мне большую услугу, – сказала Тэмми, вставая из-за стола. – Ты можешь съездить со мной в Саутволд и показать мне, где живет Эви Ньюман?

– Ну да, раз уж тебе это так нужно.

– Очень нужно, – решительно произнесла Тэмми, направившись к выходу из кухни и предоставив Эми возможность последовать за ней.

Они сели в машину Тэмми, она включила зажигание и помчалась по подъездной аллее.

– Сейчас поверни направо, потом налево, – руководила Эми. – Все, приехали, видишь дом на углу, вон там.

Эми сама мучилась, глядя, как Тэмми снизила скорость, и они еле-еле подползли к дому Эви. Эми вздохнула с облегчением, увидев, что на дороге перед ним вообще нет машин.

– Вот видишь? Вероятно, это просто случай...

– Вон она! – Тэмми показала на другую сторону дороги, ярдах в тридцати от дома. Медленно проезжая мимо машины, она для пущей уверенности проверила номерной знак. – Теперь все предельно ясно, это машина Ника.

Проехав дальше по дороге, Тэмми резко затормозила, но и она, и Эми продолжали сидеть в машине, не говоря ни слова.

– Мне очень жаль, Тэмми, – нарушила молчание Эми, – но я все-таки думаю, что тебе нужно поговорить с Ником. Ведь, вполне возможно, что у него есть совершенно невинное объяснение. Ник не из тех муж...

– Может, все перестанут говорить мне, что за человек Ник, когда совершенно очевидно, что он полное дерьмо! – В сердцах ударив по рулевому колесу, Тэмми разрыдалась. – Прости, Эми, что я разоралась. Это же не твоя вина.

– Ерунда, не переживай. Я все понимаю. Давай вернемся в Адмирал-хаус, выпьем еще вина и поболтаем.

– Нет, спасибо. – Тэмми достала салфетку из бардачка и вытерла нос. – С этого момента ноги моей не будет там, где ступала нога Ника Монтегю. Я отвезу тебя обратно и сразу уеду в Лондон.

В полном молчании они подъехали обратно к Адмирал-хаусу, Эми понимала, что пока бессмысленно сотрясать воздух банальными словами утешений. Тэмми резко остановила машину.

– Ты уверена, что сможешь нормально доехать до Лондона?

– Вполне.

– Мне очень жаль, Тэмми.

– И мне жаль.

– Можно я звякну тебе через пару дней, чтобы узнать, как ты там? – тихо спросила Эми, открыв дверцу машины.

– Да, конечно. И спасибо, что ты такая замечательная. Пока.

Эми грустно смотрела, как машина, сделав резкий разворот, умчалась во тьму аллеи. Оглянувшись на дом, она заметила в верхнем окне Себастиана, провожавшего взглядом задние фары машины Тэмми.

Став только что свидетельницей того, какую душевную боль может причинить обман, подобный ее собственной измене, Эми осознала, что не в силах сейчас заходить в дом и что-то объяснять. Она

достала из сумочки ключи от своей машины, забралась в нее и поехала домой, к детям и мужу.

Глава 27

После ужина с Фредди Поузи вернулась домой совсем измученная. Несмотря на то что она уже привыкла к его перепадам настроения – то оживленное и сердечное, то вдруг отстраненное, странно молчаливое, – сегодня, однако, он был необычайно немногословен, весь вечер ей пришлось точно клещами вытягивать из него слова.

Вдобавок ко всему, ради оценки домашних картин приехал друг Ника, Пол Лайонз-Харви. И, хотя она надеялась, что избежала варианта распродажи, его рассуждения об их ценности – или, в большинстве случаев, об отсутствии таковой – стали первой реальной демонстрацией чудовищности того, что она собиралась сделать.

Поузи с удивлением увидела возле дома машину Ника. Он собирался заехать только завтра утром, и нынешним вечером ее не порадовало присутствие сына. Ей хотелось лишь налить бутылку горячей воды и забраться в кровать.

– Мама! – Ник с безумным взором расхаживал по кухне. – Слава богу, ты вернулась. Тэмми заезжала сюда сегодня вечером?

– Меня же не было дома, Ник, но почему ты думаешь, что она могла заехать?

– Потому что она оставила на моем мобильнике сообщение, что часам к восьми заедет в Адмирал-хаус повидать меня. Да только я прослушал его всего пятнадцать минут назад и сразу примчался сюда.

– Ясно. В общем-то, в доме оставались Эми и Себастиан. Тебе лучше подняться в его комнату и спросить у него, заезжала ли Тэмми.

– Да нет, мам, неудобно беспокоить его.

– Он редко ложится спать раньше часа или двух ночи, – успокоила его Поузи.

– А вот и я, вампир, блуждающий по ночам, – оживленно провозгласил Себастиан, появляясь на кухне с пустой кружкой. – Захотелось выпить какао. Добрый вечер, Ник, нынче вечером ваша кухня напоминает Пиккадилли-Серкус.

– Скажи, Себастиан, Тэмми заезжала сюда? – Ник проследовал за ним к плите, где он поставил греться молоко в ковшике.

– Конечно. – Он кивнул. – Она появилась чуть позже восьми часов.

– В хорошем настроении?

– Сомневаюсь. Я убрался наверх поработать, оставив ее поболтать с Эми. Впрочем, по-моему, ее изрядно удивило то, что она не застала тебя в доме. Кажется, у нее сложилось впечатление, что ты должен был приехать еще вчера.

– Черт! И долго она оставалась здесь? – Ник в замешательстве взъерошил волосы.

– Ну, минут пятнадцать. Потом они с Эми куда-то уехали в ее машине. И вернулись сюда через полчаса. Встревоженный шумом, я выглянул из окна и увидел, как Эми вылезла из машины Тэмми и пересела в свою, а потом они обе уехали, сначала умчалась Тэмми, а следом и Эми. Больше мне ничего неизвестно.

– Как странно, – задумчиво заметила Поузи.

– Сейчас десять часов, – сказал Ник, глянув на часы, и, не спрашивая никого конкретно, добавил: – Интересно, Эми еще не спит?

Подойдя к телефону, он полистал телефонную книжку Поузи и начал набирать номер.

– Эми? Да, это Ник. Мне сказали, что ты виделась сегодня вечером с Тэмми. Не возражаешь, если я сейчас заеду к тебе поговорить? Ладно, спасибо. Скоро увидимся. – Бросив трубку, он схватил ключи от машины и направился к двери. – Пока, мам, я свяжусь с тобой завтра, но, учитывая обстоятельства, возможно, мне придется сегодня вернуться в Лондон, поэтому не жди меня.

– Не буду. Только держи меня в курсе.

– Ладно, мам. Пока.

Себастиан поднял бровь, когда они оба услышали, как машина Ника, едва не взлетев с гравия, сорвалась с места и умчалась.

– А я корплю над вымыслом, в то время как вокруг меня разворачивается поистине запутанный и интригующий реальный сюжет.

– Хотелось бы мне знать, что произошло, – неуверенно произнесла Поузи.

– Не могу сказать, я в таком же неведении, как вы. Выпьете какао? Вы выглядите измотанной.

– Да, пожалуй, выпью с удовольствием, – согласилась Поузи.

– Хотите поговорить об этом? – предложил Себастиан.

– Не сегодня, но спасибо, что предложили. – Поузи набрала в бутылку горячей воды. – Откровенно говоря, я надеялась, что с возрастом жизнь станет менее сложной.

– Реальность не оправдывает ожиданий? – спросил он, вручая Поузи чашку какао.

– К сожалению, не оправдывает. Доброй ночи, Себастиан.

* * *

Эми встретила Ника в домашнем халате.

– Привет, Эми, извини, что потревожил так поздно. Сэм дома? – спросил Ник.

– Нет, он еще в пабе. Пока меня не было, он присматривал за детьми, поэтому я отпустила его прогуляться. Проходи, – пригласила она, и он проследовал за ней в крошечную гостиную. – Присаживайся, Ник.

Но Ник, казалось, не услышал ее, продолжая мерить шагами комнату.

– Эми, что случилось сегодня с Тэмми?

– По-моему, вопрос не по адресу. Тебе лучше спросить об этом саму Тэмми?

– А где она?

– Говорила, что вернется в Лондон, то есть подозреваю, что она уже дома.

– Господи! Как она восприняла мое отсутствие в Адмирал-хаусе?

– Расстроилась. Сильно.

– Вы поехали искать меня?

Эми молча кивнула.

– И нашли?

– Да, Ник, нашли. Уж извини.

– Но как же... – Он покачал головой. – Надеюсь, ты ей ничего не говорила?!

– Нет, я не говорила! Тэмми примчалась в Саутволд прежде всего потому, что начала что-то подозревать. Она узнала об Эви. Она

увидела на твоём мобильнике её номер телефона и сама легко обо всем догадалась.

– То есть, полагаю, Тэмми попросила тебя показать, где живет Эви? Подозревая, что именно там я могу быть?

– Да, угадал, и она – мы – увидели там твою машину. Что я могла сделать? Я же понятия не имела, можешь ты быть там или нет. – Эми немного расстроилась, но значительно больше рассердилась. – Ваши отношения меня совершенно не касаются, и, пожалуйста, не втягивай меня в ваши сложности, мне совершенно не хочется чувствовать себя виноватой.

– Нет, разумеется, ты ни в чем не виновата. – Ник уныло плюхнулся в кресло. – Прости, что я тут раскричался. Ох, Эми, как же мне теперь с ней объясняться? Сможет ли она понять меня?

– Не знаю, Ник. Мне казалось, ты любил Тэмми.

– Да, любил и люблю. Но есть обстоятельства... о господи... – Он беспомощно тряхнул головой. – Я просто в безвыходном положении.

– Послушай, как ты ведешь себя в личной жизни, меня совершенно не касается, но ведь очевидно, что сегодня вечером ты был у Эви. Возможно, если ты попытаешься объяснить причину своего пребывания у нее, Тэмми поймет тебя. Я знаю, что она сердечно тебя любит, но ты обидел ее, ранил очень больно.

Отстраненный взгляд Ника устремился вдаль.

– Может, так будет лучше. То есть я ведь даже подумать не мог, чем все это обернется. Даже не предполагал, что так получится. Откуда я мог знать?

Эми озадаченно посмотрела на него.

– Ник, тебя невозможно понять.

– Да, безусловно, я сам в замешательстве. – Он встал. – Прости, Эми, что побеспокоил тебя. Уже поздно. Мне пора уходить. Спасибо, что рассказала мне все.

– Ты поедешь сейчас в Лондон? – спросила она, провожая его к выходу.

– Нет смысла. – Ник пожал плечами. – Я не могу пока ничего объяснить, и, как уже говорил, положение мое совершенно безвыходное. Ладно, скоро увидимся.

Выпустив его из дома, Эми смотрела Нику вслед и, несмотря на его очевидную измену, невольно, сама не зная почему, прониклась к

нему сочувствием.

Глава 28

В понедельник утром Себастиан постучал в дверь коттеджа Фредди.

– Доброе утро, Себастиан, чем обязан? – спросил Фредди, провожая его в гостиную.

– Решил заскочить, рассказать, какой интересный материал накопал мой приятель из новостного отдела на Кена Ноакса. Он прогнал его фамилию через компьютер и порылся в прошлом. – Себастиан вытащил из кармана сложенные листы бумаги и развернул их. Достав очки для чтения и нацепив их на нос, он продолжил: – В конце девяностых годов прошлого века Кеннет Ноакс был единственным директором одной компании по недвижимости. Он взялся строить несколько «умных» домов на земле, купленной у владельцев местной школы в северной части Норфорлка. Он снял вложенные деньги, а через несколько месяцев объявил себя банкротом. Строительство находилось только на этапе фундамента, и кредиторы получили в итоге какие-то крохи или вообще ничего взамен вложенных денег.

– Я так и знал. – Фредди удрученно покачал головой. – И что же наш Кен поделывал дальше?

– Обнаружились еще трое... или даже четверо, но пока мой друг еще проверяет их – других «Ноаксов», зарегистрированных с тех пор директорами разных компаний. И все они завязаны на этого первого афериста. Среди них мы имеем его жен, бывшую и новую, брата и, возможно, еще дочь, но это, как я упомянул, ждет подтверждения.

– Обычная схема... он сам не может стать директором, но использует свою семью при оформлении документации и управляет компанией, как обычно, но втихаря.

– Точно.

– А те подставные компании тоже связаны со строительством?

– Из четырех под его управлением только одна связана, но три другие рекламируются как агентства по аренде недвижимости.

– Понятно. Продолжайте, прошу вас.

– Ну, вот имеющийся у нас список... – Себастиан огласил напечатанные на листе сведения. – Все исключительно общества с

ограниченной ответственностью... ООО «Тримко», действует под слоганом «Коттеджи для отдыха в западном стиле», далее ООО «Идеал» под девизом «Загородные дома за живой изгородью» и, наконец, ООО «Мангольд» – «Лазурный Сен-Тропе». – Себастиан снял очки. – Наведя справки в Министерстве торговли и промышленности, мой приятель узнал, что, к сожалению, аферы с подобной арендой домов, на удивление, популярны. Достаточно арендовать офис с парой телефонных линий, создать красивый гляцевый сайт и сделать обычную рекламу. Далее вы собираете лакомые депозиты, а спустя месяцев шесть, заранее легализовав все банковские счета где-нибудь на острове Мэн, объявляете компанию неплатежеспособной и исчезаете с добычей. Обосновавшись в другом месте, вы открываете очередное новое ООО.

– Чтобы опять оставить без денег и отдыха бедных доверчивых обывателей, – заключил Фредди.

– Безусловно. Мой друг считает, что это только верхушка айсберга. Ему удалось быстро отследить эти компании только потому, что мистер Ноакс использовал родственников с той же фамилией. Но ведь он мог запудрить мозги и другим лохам. Сэм, например, единственный директор подобной «Строительной компании Монтегю».

– Да. – Фредди тяжело вздохнул. – Влип мальчонка.

– По самый уши, – добавил Себастиан.

– Где живет этот тип, Ноакс?

– Боюсь, до этого мой друг еще не добрался, но я уверен, что его берлога находится вне юрисдикции британского закона.

– Итак, что мы можем предпринять?

– Джеймс хочет копать дальше... у него есть связи с полицией, и он собирается выяснить в отделе по борьбе с мошенничеством, не интересовались ли там подозрительной деятельностью мистера Ноакса. Шансы есть, конечно, но если он сбежал за границу, то, учитывая урезанные фонды нашей полиции, этот тип – недостаточно большая рыба, чтобы оправдать расходы на экстрадицию. В любом случае, Джеймс сказал, что сам во всем разберется. Он просто счастлив... отличный материал для его газеты.

– Я знаю, что недавно он был в стране... Поузи говорила мне, что Сэм ездил на встречу с ним в Норфолк.

– Понятно.

– Стоит ли нам сообщить Поузи? Если Ноакс собирается провернуть ту же аферу, разрекламировав «Уединенные апартаменты» Адмирал-хауса, а потом забрать сделанные солидные вклады и ликвидировать компанию... то ей, безусловно, следует знать. И кстати, о Сэме... Вы думаете, он в курсе?

– Понятия не имею. Полагаю, он мог бы проверить прошлое своего спонсора, однако...

– Возможно, предпочел ничего не знать. – Фредди воспроизвел мысли Себастиана. – Судя по тому, что Поузи рассказывала мне о сыне, его не назовешь успешным дельцом. И ему, очевидно, отчаянно хочется доказать собственную состоятельность. Перед женой и матерью. Ну и дела, черт побери!

– К сожалению, дела действительно аховые. По-моему, лучше нам дождаться, что еще нароет Джеймс. И по результатам его сведений мы решим, как лучше всего действовать. Ведь пока не подписаны никакие контракты, верно?

– Нет, хотя адвокат Поузи только что прислал ей контракт на ознакомление, – сказал Фредди. – А она попросила меня оценить его.

– Хорошо. Тогда держите его подальше от нее, пока мы не узнаем, как лучше поступить.

– Разумеется, хотя если эта сделка провалится, то мне придется поплатиться, рассказав ей о другом деле, которое мы обсуждали. Это может затянуться на месяцы... даже на годы, прежде чем на ее дом найдется покупатель, и я не представляю, сколько еще мне придется оберегать ее от правды. Она жжет мне душу... Что там Ноакс... – Фредди вздохнул, – я сам чувствую себя мошенником.

– Я понимаю вас, Фредди, но давайте дадим Джеймсу еще пару дней, посмотрим, что еще он сумеет обнаружить. Ладно, пожалуй, мне пора возвращаться.

– Конечно. – Фредди проводил его к двери. – Даже не знаю, Себастиан, как отблагодарить вас за помощь.

– Да пустяки. До скорого, Фредди, свяжусь с вами, как только узнаю что-то новенькое.

Удаляясь от коттеджа, Себастиан размышлял: если бы какой-то рецензент заявил о том, что сюжеты его романов далеки от реальности, то он мог бы и врезать ему по физиономии.

Глава 29

Эми стояла на берегу, глядя на серое, бурное море. Облака проносились над головой, гонимые штормовым ветром, ветер трепал ее волосы, взметая их над головой. В ушах у нее звенело, а в руках шелестела купленная газета.

Эми направилась к автобусной остановке, из-под навеса которой несло всевозможными скверными и мерзкими запахами, и, присев там на скамейку, попыталась разобраться в собственных мыслях.

Вчера вечером, вернувшись домой, Сэм разложил на кухонном столе планы перестройки амбара.

– Я встретился с моим геодезистом, и он заверил меня, что начальство одобрит изменение функционального назначения. Они могли получить возражения только от владельца Адмирал-хауса, а поскольку я сам его владелец, то никаких препятствий, похоже, не предвидится. – Сэм самодовольно ухмыльнулся.

А потом опять расчувствовался и, ударившись в лирику, принялся излагать замыслы архитектора по устройству в амбаре просторной гостиной со сводчатым потолком и древними балками под крышей, уютным уголком у камина и современной кухни...

Эми изо всех сил старалась выглядеть заинтересованной и воодушевленной, но у нее это плохо получалось, что в итоге разъярило Сэма.

– Не понимаю, – заорал он. – Ведь именно ты хотела жить в хорошем доме. Я думал, что ты будешь счастлива...

Ночью, в постели, Сэм попытался заняться с ней любовью. От одного его прикосновения Эми бросило в дрожь, все тело покрылось мурашками. Он, очевидно, заметил ее неприязнь и, разозлившись, схватил ее за запястья, развел руки в стороны и навалился на нее всем телом, лишив возможности двигаться.

Она закричала, требуя, чтобы он прекратил мучить ее, и он, смачно выругавшись, слез с кровати, вышел из спальни и исчез на лестнице, отправившись искать утешение в остатках бутылки виски, купленной тем вечером.

На нежных запястьях Эми, там, где он держал их, появились красные пятна.

Она спустила рукава рубашки, чтобы прикрыть эти отметины, и жгучие слезы вновь подступили к ее глазам, когда она вспомнила нежные, ласковые объятия Себастиана.

Она вдруг осознала, что Сэм всегда был груб в постели, особенно после выпивки... а она ошибочно принимала это за проявление страсти.

«Это же ненормально, Эми, если он причиняет тебе боль...»

Как же ей хотелось кому-то довериться, рассказать о взрывной натуре Сэма и о том, как он терзал ее долгие годы, но кому она могла рассказать? И кроме того, так обычно бывало, только если он слишком много выпил. Однако... утром случилось то, что серьезно встревожило ее. Она готовила Сару к выходу наверх, когда из кухни донесся какой-то грохот и крик Сэма. Быстро сбежав вниз, она обнаружила на полу разбитую масленку и увидела, что Сэм трясет Джейка, как тряпичную куклу. Крикнув Сэму, чтобы отпустил мальчика, Эми взяла ребенка на руки, почувствовав, как он дрожит от страха перед внезапной вспышкой отцовского гнева.

Уже в машине, по пути в школу, она тихо спросила Джейка, делал ли папа раньше с ним что-нибудь подобное.

– Так страшно мне еще не было, мамуля, хотя он иногда бил меня, если я озорничал.

– И меня, – пропищала с заднего сиденья Сара. – Папа стал ужасно сердитым.

Эми озабоченно потерла пальцами лоб.

– Боже мой, боже мой, – в отчаянии пробормотала она под нос.

Она могла вытерпеть его выходки, но если он начал срывать свой гнев на детях...

Она вдруг осознала, что ей совершенно все равно, где они будут жить и будет у них много или мало денег. В любом случае она не хотела больше жить с Сэмом. Простая истина в том, что она совсем не хочет жить с ним. Он уже не контролировал свой гнев, и после сегодняшнего утра Эми поняла, что ей пора действовать решительно.

Поднявшись со скамейки, Эми пошла на работу, ясно осознав только одно. Ради детей она должна уехать.

Позднее, во второй половине дня, она просмотрела колонки «Газетт» с предложениями аренды жилья. Сдавалось много меблированных коттеджей, владельцы которых хотели сдать их на

зиму за весьма скромную арендную плату. Не лучший вариант, поскольку к Пасхе, когда начнется летний сезон, им придется опять переезжать, но все-таки они выберутся из нынешней дыры... и избавятся от Сэма.

А как же Себастиан... да, она полюбила его, но уходила от Сэма не ради Себастиана, а ради собственной безопасности и, главное, чтобы защитить детей.

Пока у стойки регистрации никого не было, Эми набрала номер телефона, указанный в объявлении.

– Добрый день, меня заинтересовало ваше объявление в «Газетт». Вы еще сдаете дом?

– Да, сдаю, – ответил ей приятный низкий голос.

– У меня двое детей, вас это устраивает?

– Меня-то устраивает, но, возможно, вы сочтете, что в доме маловато места.

– На самом деле я не стремлюсь найти что-то большое. Не могли бы вы вкратце описать его?

– В доме имеются две просторные спальни с примыкающей к ним душевой комнатой, небольшая кухня и ванная комната, а также гостиная с небольшой галереей на втором этаже. Я поставил там диван-кровать, но если нужны будут более удобные спальные места, то, безусловно, я смогу подыскать для вас нормальную кровать.

– Звучит идеально, – проворковала Эми. – Могу я заехать, взглянуть на дом?

– Конечно, можете. Когда вы хотели бы заехать?

– Вы будете дома сегодня вечером, около половины шестого?

– Да, несомненно. – Он продиктовал ей адрес, и она записала его. – Моя фамилия Леннокс, а вас как величать?

– Меня... Эми. – Ей не хотелось называть фамилию. Семья Монтегю была слишком известна в Саутволде. – Буду с нетерпением ждать встречи с вами... до свидания, мистер Леннокс.

* * *

Едва закончив разговор с Эми, Фредди услышал, как его телефон опять зазвонил.

– Привет, Себастиан. Какие новости?

– Мне только что отзвонился мой приятель Джеймс из отдела новостей. Похоже, отдел по борьбе с мошенничеством серьезно заинтересован в разговоре с Кеннетом Ноаксом.

– Отлично.

– Как и подозревал Джеймс, Ноакс покинул страну, прежде чем они смогли поймать его. И мне только что звонил один из офицеров отдела по борьбе с мошенничеством. Они хотят знать, скоро ли мистер Ноакс прибудет в Англию.

– И как же мы это узнаем?

– Эми, вероятно, узнает. Так что выясним у нее.

– И как же, скажи на милость, Себастиан, нам удастся это выяснить? – хмыкнул Фредди. – Я приехал в Саутволд ради спокойной жизни, подальше от всякого криминала, а не для того, чтобы стать агентом под прикрытием в отделе по борьбе с мошенничеством!

– Нет, разумеется, нет. Нам лишь придется держать ухо востро. К примеру, сама Поузи может сказать вам дату обмена документами.

– Почему бы им просто не поставить на прослушку мобильник Сэма?

– Офицер, с которым я говорил, сказал, что они хотят сначала попробовать «мягкий» подход, посмотрят, смогут ли они застать Ноакса врасплох, пока он в Великобритании. Даже если они схватят его, у меня такое чувство, что Ноакс не первый в их списке. Он для них из разряда мелких мошенников.

– Но крупный для тех, кого он обманул, и, конечно, для нашей драгоценной Поузи, – раздраженно проворчал Фредди. – К сожалению, до выхода на пенсию мне слишком часто приходилось выступать адвокатом в суде. Полиции не хватает кадров и средств; из-за всяких юридических тонкостей зачастую виновным удается избежать наказания.

– Ладно, мы сделаем все, что сможем. Буду держать вас в курсе. Пока, Фредди.

– Пока, Себастиан.

* * *

Эми прибыла к симпатичному коттеджу, оказалось, что он находился всего в нескольких минутах ходьбы от отеля. И она сразу подумала, как удобна для нее такая близость к работе. Коттедж прятался в конце узкой улочки. Эми считала, что знает Саутволд как свои пять пальцев, но даже не догадывалась, что там еще есть какой-то дом. Построенный из местного камня, он выглядел безупречно, опавшие листья во внутреннем дворе были чисто выметены. Она заметила, как блестит латунный дверной молоток, когда постучала в дверь, предупреждая владельца о своем приходе. Дверь открылась, и она увидела устремленный на нее, пристальный взгляд пары блестящих глаз.

– Догадываюсь, что вы, должно быть, Эми? – спросил хозяин.

– Верно, а вы, должно быть, мистер Леннокс?

– Несомненно, но, прошу, зовите меня Фредди. Итак, ключи у меня при себе, как вы смотрите на то, чтобы мы сразу пошли посмотреть на мой «Хмельной амбар»?

Эми кивнула и последовала за Фредди по мощеному двору к стоявшему напротив перестроенному амбару.

– Я уже предупреждал вас по телефону, что мой «Хмельной амбар» не слишком велик для семьи. Вероятно, вы сочтете, что он маловат для ваших нужд, – сказал Фредди, отпирая входную дверь.

Эми хватило пары минут, чтобы обойти все комнаты. Фредди был прав, места маловато, но сам дом Эми понравился. Его тщательно отремонтировали и перестроили, творчески использовав все доступное пространство, а благодаря высокому сводчатому потолку гостиная совсем не казалась тесной.

– А к дому прилагается еще какой-нибудь садик? – спросила Эми.

– К сожалению, нет. – Фредди покачал головой. – Но вы сможете гулять в моем дворе, когда погода наладится.

– Я полагаю, что в любом случае вы имели в виду краткосрочную аренду, только до начала теплого сезона?

– Я предпочел бы решать этот вопрос на ежемесячной основе, если вас это устраивает. Посмотрим, как мы уживемся друг с другом. Мы же будем жить в непосредственной близости, как вы понимаете, – с улыбкой заключил он.

– На самом деле, Фредди, по-моему, ваш домик подходит нам идеально, однако скажите откровенно, может, вы все же предпочли бы

бездетного съемщика. Мне хотелось бы сказать, что мои детки тихие как мышки и не доставляют ни малейшего беспокойства, но, к сожалению, они...

– Просто дети, – закончил он за нее. – И лично у меня никогда не возникало трудностей в общении с малышами. Может быть, пройдем в мой коттедж и выпьем чайку?

– Спасибо, правда, у меня очень мало времени, – глянув на часы, согласилась Эми и, выйдя вслед за ним из дома, опять прошла через двор к коттеджу.

– А у вас есть семья? – спросила она, приняв от Фредди чашку чая, когда они уже сидели в гостиной.

– К сожалению, нет. Как я говорил вчера вечером моей подруге, мне не о ком заботиться, кроме себя.

– Итак, Фредди, когда мы можем переехать и как вы хотите получать оплату? – спросила Эми.

– Наверное, как обычно, вы будете платить за месяц вперед. А переезжать можете, когда пожелаете.

– Послезавтра вам будет удобно? Разумеется, если я успею заплатить за месяц и сделать страховой вклад в банк.

Фредди заметил отчаяние в ее глазах.

– Конечно, вполне удобно. Кстати, может быть, для начала вы заплатите за неделю вперед? Устроим, скажем так, испытательный срок, чтобы посмотреть, как пойдут наши дела. Можете считать это праздничной арендой, если хотите.

– Правда? – В глазах Эми заблестели слезы. – Вы так добры, Фредди.

– Простите мое любопытство, но верно ли я полагаю, что отца детей с вами не будет?

– Верно. Мы, в общем... в общем, мы решили расстаться, но я работаю администратором в отеле «Морская волна», поэтому, естественно, могу предоставить вам рекомендации оттуда.

Наконец Фредди все стало понятно.

– Эми, а вы случайно не знакомы с Поузи Монтегю? – спросил он.

– Э-э, да. Я ее невестка.

– Так я и подумал, – кивнул он. – Вы Эми Монтегю, замужем за ее сыном, Сэмом. У вас двое детей, и вы трудитесь как пчелка в отеле,

стараясь поддерживать семью в духовном и материальном смысле. Поузи частенько говорила, какое чудо досталось ее непутевому сынку.

– А вы, должно быть, Фредди, тот самый друг Поузи, – медленно произнесла Эми, наконец полностью осознав, в чей дом она попала. Испуганно взглянув на Фредди, она грустно добавила: – Какая неловкая ситуация. Дело в том, Фредди, что пока никто не знает о моем решении уйти от Сэма. Ни он, ни Поузи.

– О боже, я заверяю вас, что ни слова об этом не сорвется с моих уст.

Эми встала с кресла, чувствуя себя одновременно взволнованной и обнадеженной. Фредди казался таким славным человеком... ей понадобились все силы, чтобы не разрыдаться у него на груди, поведав все свои горести.

– Можно я зайду завтра, принесу плату за первую неделю?

– Эми, дорогая, в этом нет никакой спешки. Уверен, что у вас сейчас и без того куча дел.

– И, Фредди... – Подойдя к двери, Эми оглянулась на него, ее глаза молили его о сохранении тайны.

– Ни гу-гу, я обещаю. – Он приложил палец к губам.

– Я собиралась... – Эми помедлила на крыльце. – Вы не знаете случайно, дома ли сейчас Поузи?

– Знаю, ее там нет. У нее сегодня вечерняя работа в галерее. Какая-то частная экскурсия, хотя если вам нужно повидать ее, то не сомневаюсь, что она сможет уделить вам минут десять.

– Мне... нет, пока не нужно. До свидания, Фредди.

Закрыв за ней дверь, Фредди отправился напрямиком в зимний сад, чтобы плеснуть себе хорошую порцию виски.

– И что тут поделаешь? – проворчал он себе под нос, осознавая, что связи семейства Монтегю вновь начали опутывать его. Он заметил синяки на запястье Эми, когда она подняла руку, чтобы выпить чай. Как же он скажет Поузи, что ее сын, очевидно, стал жестокой скотиной? И, в сущности, то, что он предложил ее невестке убежище от Сэма, она может воспринять как своего рода предательство.

– Любимая моя Поузи, – прошептал Фредди, глядя в ясное вечернее небо над куполом зимнего сада, – неужели нам так и не суждено быть вместе?

Забрав детей и зная, что Поузи в галерее, Эми заехала в Адмирал-хаус. Ей необходимо было увидеться с Себастианом и, оказавшись в его надежных объятиях, сообщить о своем судьбоносном решении.

Припарковавшись перед особняком, она оглянулась на заднее сиденье и увидела, что Сара уснула.

– Джейк, я зайду в дом на пару минут, только повидаю бабушку. Ты сможешь спокойно подождать здесь? Обещаю, что не задержусь.

Джейк кивнул, он увлеченно разглядывал комикс, который Эми купила ему. Она добежала до бокового входа, вошла на кухню и, быстро взлетев по лестнице, направилась к спальне, где работал Себастиан.

– Эми! – Он отвернулся от компьютера и встал.

– Я только на минутку. Дети ждут в машине.

Себастиан раскрыл ей свои объятия.

– Любимая, как же я соскучился, – прошептал он, уткнувшись носом в ее шею.

– Сегодня утром кое-что случилось, и я приняла решение. Я решила уйти от Сэма и уже нашла дом для себя и детей. Я собираюсь сообщить ему об этом завтра.

Себастиан в потрясенном изумлении пристально посмотрел на нее.

– Не слишком ли бесчувственно сейчас говорить тебе, как я счастлив?

– Хоть бы и так, но мне необходимо это услышать.

– Что ж, любимая, я готов. – Себастиан покрепче прижал Эми к себе. – И обещаю, что буду с вами, как только ты захочешь.

– Далеко ехать не придется. – Она вздохнула. – Снятый мной дом принадлежит Фредди, другу Поузи. Его коттедж напротив, через двор.

– Боже, да это же поистине изумительно. – Он потрясенно приподнял бровь. – Я живу у твоей будущей бывшей свекрови, а ты, очертя голову, сняла дом под носом у приятеля той же самой свекрови. – Он улыбнулся. – С тем же успехом мы могли бы разместить объявление о наших отношениях на первой странице «Газетт».

– Я понимаю, но, по-моему, Фредди – вполне порядочный человек и умеет хранить секреты. Кроме того, он сдает дешево, и дом очень мил, и переехать можно хоть завтра.

– Верно, Фредди по-рыцарски благороден, и ты же понимаешь, что, в случае необходимости, я готов помочь тебе с деньгами. Только скажи.

– Спасибо, Себастиан, но мне важно начать самостоятельную жизнь. И ты должен знать, что мое расставание с Сэмом совершенно не связано с тобой.

– Совершенно?

– У меня... в общем, у меня не осталось иного выбора.

– Понятно.

– Мне пришлось бы так поступить, даже если бы я не встретила тебя.

– Отлично.

– Только ни слова Поузи, ладно? Пока ни слова.

– Как хочешь.

Эми в смущении пригладила волосы, и Себастиан увидел синяк на ее запястье.

– Откуда у тебя синяк?

– Да так... споткнулась и упала, ударилась рукой, – пояснила она. – Мне пора идти... а то Сэм удивится, куда мы пропали.

– Эми, пожалуйста, будь осторожна, ладно? Сэм ведь может... разозлиться, когда ты скажешь ему.

– Не волнуйся, буду осторожной. Сегодня вечером Сэм уезжает. Он встречается со спонсором все в том же отеле «Виктория» в Северном Норфолке. Спонсор хочет передать ему наличные для депозита, чтобы в ближайшие дни они могли обменяться контрактами на это поместье.

«Бинго! Попался!» – подумал Себастиан.

– Поэтому сегодня вечером я упакую вещи, – продолжила Эми, – и уложу их в машину. А завтра утром скажу ему и уже буду готова уехать.

– Эми, скажи мне честно... ты боишься Сэма?

– Боюсь? Нет, конечно, нет. Я просто знаю, что он расстроится, когда я скажу ему, только и всего. Я позвоню тебе, как только обоснуюсь на новом месте.

– Эми?

– Что? – Она остановилась и обернулась к нему.

– Просто помни, я люблю тебя, и если тебе понадобится моя помощь, то ты знаешь, где меня найти, поняла?

Подойдя к окну, Себастиан смотрел, как Эми забралась в свою старенькую машину, включила зажигание и, выехав на подъездную аллею, исчезла в сгущавшихся сумерках. Тогда он схватил свой мобильник и позвонил в Отдел по борьбе с мошенничеством, сообщил им, где сегодня вечером будет мистер Ноакс. Если все пройдет хорошо, то Эми не придется ничего сообщать Сэму...

Глава 30

Уложив детей спать, Эми упаковала целую сумку своей одежды и, собрав в пакет некоторые детские игрушки, уложила все в багажник машины и прикрыла пледом. Потом забралась в кровать и всячески старалась уснуть, но, осознав всю тщетность своих стараний, встала и заварила себе кофе, что взбудоражило ее еще больше.

– Успокойся, Эми, ты должна сохранять спокойствие ради детей, – прошептала она, глядя, как сизовато-серый рассвет пытается рассеять ночной мрак.

Она постаралась сосредоточиться на мысли, что сегодня вечером уже поселится с детьми в безопасном и уютном убежище «Хмельного амбара». Ей захотелось облегченно всплакнуть от радости, что она нашла такое удобное жилье. Она не сказала об этом Фредди, но главным удобством посчитала то, что его участок прятался в конце боковой улочки. Даже если Сэм и умудрится найти ее, ей стоит только закричать, и Фредди ее услышит.

Разбудив детей в семь утра, она накормила их завтраком, стараясь делать все как обычно. Отвозя детей в школу, она слушала, как Джейк читает учебник, а Сара лопочет о том, что ей нужен костюм ангела для участия в рождественском спектакле.

Вернувшись домой, она направилась в спальню детей, набила детскими вещами два мусорных мешка и быстро добавила их в багажник своей машины. Потом уселась за кухонный стол, вне себя от напряжения. Заметив на столе бутылку с остатками красного вина, она даже подумала, не выпить ли ей для храбрости. Настенные часы показывали почти девять часов... а Сэм сказал, что вернется часов в десять, значит ждать надо еще целый час. Она уже собиралась пойти прогуляться, когда зазвонил ее мобильник.

– О боже, – прошептала она, увидев, что звонит Сэм.

– Алло?

– Эми, слава богу! Мне нужно, чтобы ты приехала и забрала меня.

– Ты что, попал в аварию?

– Нет, меня... я в полиции Уэллса в Нофолке. О господи, Эми... – Голос Сэма сорвался. – Они арестовали меня.

– Ничего не понимаю... но почему?

– Я не могу сейчас говорить. Мой адвокат договорился об освобождении под залог, и мне нужна тысяча фунтов. Ты можешь съездить к маме, сообщить ей, что случилось, и попросить одолжить тебе денег? Больше не могу говорить. Пока, дорогая, я люблю тебя.

Связь оборвалась. Эми взирала на экранчик своего мобильного, ничего не соображая от потрясения. Придя в себя, она почувствовала, что вся дрожит. Позвонив Поузи, она коротко сообщила о звонке Сэма и о том, что ему нужно.

– Я немедленно еду в город, зайду в банк, чтобы снять наличные, а потом заеду к тебе. Эми, постарайся не паниковать, я уверена, что произошла какая-то ошибка.

Дождаясь Поузи, Эми интуитивно догадалась, что никакой ошибки не было. Она сидела за кухонным столом, упершись взглядом в трещину, змеившуюся вниз по стене.

– О дорогая моя. – Поузи появилась на крыльце, бледная от потрясения. Эми провела ее в гостиную. – Что конкретно он сказал тебе?

– Что его арестовали и он сидит в полиции Уэллса в Норфолке, – монотонно ответила Эми.

– Эми, что же он мог натворить?

– Представления не имею, – вяло произнесла она.

– Возможно, вел машину выпивши?

– Возможно.

– А вдруг он сбил кого-то?

– Лучше всего съездить и узнать все на месте.

– Хочешь, я поеду с тобой для моральной поддержки?

Вспомнив о забитом вещами багажнике машины, Эми покачала головой.

– Нет, спасибо, я справлюсь.

– Ладно, хорошо, я принесла тысячу фунтов. – Поузи достала из сумочки конверт.

– Спасибо вам, – сказала Эми, убирая деньги в свою сумочку. – Я позвоню, как только что-нибудь узнаю.

Поузи крепко обняла Эми.

– Ради тебя и детей я готова сделать все что угодно.

Ведя машину к Уэллс-нект-Си, Эми не позволяла себе ни о чем думать. Она включила на полную громкость «Классик FM»

и сосредоточилась на дороге.

В маленьком отделении полиции она заполнила выданную ей форму и передала тысячу фунтов. Ей предложили подождать в приемной, где, кроме нее, к счастью, никого не было.

Наконец появился Сэм. Выглядел он ужасно; белый как мел, волосы всклокочены, стоят дыбом, как у испуганного мальчишки. Эми поднялась со стула ему навстречу, и Сэм упал в ее объятия.

– Слава богу, дорогая, ты приехала, слава богу.

– Может, нам лучше уйти отсюда поскорее? – тихо предложила она.

Они направились к выходу, и Сэм буквально повис на ее руке, словно у него не было сил идти самому.

– Моя машина еще на стоянке отеля, – сказал он, уже сидя на пассажирском сиденье.

Эми включила зажигание.

– Ладно. Говори, как ехать.

– Выезжай на прибрежную дорогу, отель «Виктория» минутах в десяти оттуда, слева. Ты вспомнишь.

Проехав по узким улочкам приморского городка и в итоге оказавшись на прибрежной дороге, Эми действительно вспомнила их последнюю поездку в этот шикарный отель, где они с Сэмом побывали более десяти лет назад. Вспомнила, с каким волнением она ехала рядом с Сэмом по этой самой дороге, надеясь, что ожидания оправдаются и он наконец сделает ей предложение. Он не сделал, и тем не менее они провели чудесный вечер. Тогда им ярко и гостеприимно светило солнце. А сегодня над побережьем висели низкие и густые сизые тучи, явно угрожая пролиться дождем. Они заехали на парковку, и Эми остановила машину рядом с «фиатом» Сэма.

– Ты сможешь вести машину? – спросила она.

– Я... ну да, смогу.

– Ну а я не смогу, пока ты мне не расскажешь, что натворил.

– О господи, Эми. – Сэм покачал головой, не смея взглянуть на нее. – Я так ужасно подвел тебя и детей. Но я действительно думал, что на сей раз все сложится удачно и ты сможешь мной гордиться. А теперь все пропало, все пропало... Что же нам теперь делать?

– Не знаю, пока ты не объяснишь мне, что случилось.

– Во всем виноват мой компаньон, Кен Ноакс. Он, несомненно, жулик, мошенник первостепенный. Короче, оказывается, он уже много лет грабил людей. По сути, его деньги для финансирования нашей строительной компании – краденые. Или, по крайней мере, принадлежат обманутым им кредиторам. Мы сидели в баре, выпивали... Кен принес сто штук наличными, чтобы мы сегодня могли обменять их на контракт по продаже Адмирал-хауса... и тут вдруг к нам подошли те два полицейских в штатском и попросили нас обоих пройти с ними, чтобы ответить на вопросы, связанные с... как там они говорили... «с мошенническим получением денег от...» – Сэм помотал головой. – Не могу вспомнить, как они в точности выразились. Я был ошеломлен. Один из полицейских посадил меня в свою машину, а второй увел Кена. Больше я его не видел.

– Понятно, но почему они арестовали тебя, если дело связано с прошлыми делишками Кена Ноакса?

– Потому что я – единственный чертов директор его компании! Кен – просто мой спонсор, его имени нет даже на наших фирменных бланках! Господи! Откуда же я мог знать, что он раздобыл свои деньги каким-то сомнительным путем?! В полиции просто не поверили, что я ничего не знал.

– Ох, Сэм... – Эми закусила губу. – Неужели ты действительно понятия не имел?

– Конечно, не имел! Господи, Эми. – Он крепко выругался. – Меня можно во многом обвинить, но я не мошенник. Ладно, допустим, в прошлом у меня бывали неудачные проекты, и, уверяю тебя, они накопают любую грязь, какую только смогут найти в них. Меня обвинили в коммерческой деятельности как неплатежеспособного, что также является уголовным преступлением. За это меня тоже могут судить, но адвокат полагает, что ему, вероятно, удастся снять с меня все обвинения в обмен на мои показания против Кена. Одна проблема: я ведь ничего не знаю, ну буквально ничего. – Сэм посмотрел на нее. – Эми, но ты-то хоть веришь мне, надеюсь?

Несмотря ни на что, Эми ему верила. Ее муж не был преступником, он был просто доведенным до отчаяния и не слишком умным человеком.

– Разумеется, верю. Давай поговорим, когда приедем домой.

– О боже. – Сэм закрыл лицо руками. – Как же я теперь посмотрю в глаза маме? Продажа Адмирал-хауса провалилась, это уж точно. Почему мне так жестоко не везет! Что бы я ни делал, ничего мне не удается, а ведь я так стараюсь. Прости, Эми. Опять я подвел тебя. – Внезапно он схватил ее за руку. – Обещай, что не бросишь меня. Без тебя и детей мне... мне просто... в общем, я не выживу...

Эми не смогла ему ответить.

– Обещай мне, Эми, пожалуйста. Я же люблю тебя. Правда люблю. – Сэм зарыдал. – Не бросай меня, умоляю, не бросай меня... – скулил он, склонившись и цепляясь за нее, как ребенок.

– Я не брошу тебя, Сэм, – произнесла Эми каким-то чужим, унылым голосом.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Когда они приехали домой, Эми посоветовала Сэму подняться наверх и принять душ. Спустившись минут через двадцать, он уже больше был похож на себя.

– Мне надо съездить в Адмирал-хаус, повидать маму. Как минимум, я должен ей все объяснить.

– Да, должен. – Эми продолжала снимать с сушилки чистые вещи и складывать их в бельевую корзину.

– Я люблю тебя, Эми, и мне ужасно, ужасно жаль. Обещаю, я вытащу нас из этой передраги. Пока, солнышко.

Сэм ушел из дома, и Эми, переждав минут пять, отправилась к своей машине и вытащила все вещи из багажника. Она разложила содержимое сумок и пакетов обратно по ящикам как в своей комнате, так и в детской. Потом спустилась обратно, нашла в сумочке листок бумаги с номером Фредди и позвонила на него со своего мобильного.

– Алло?

Бархатный, проникновенный тембр его голоса угрожал разрушить странное спокойствие, охватившее ее. Эми глубоко вздохнула.

– Добрый день, Фредди, это Эми Монтегю. Я просто звоню сказать, что у нас кое-что случилось, и сегодня я не смогу переехать к вам.

– Ладно. В общем, ничего страшного. Только дайте мне знать, Эми, когда вам будет удобно. Никакой спешки.

– Дело в том, что я вообще теперь не знаю, когда мне будет удобно, поэтому будет лучше, если вы сдадите «Хмельной амбар» кому-то другому.

Фредди помолчал.

– Ясно. Эми, у вас все в порядке?

– Далеко не в порядке, но я уверена, что Поузи расскажет вам о том, что у нас случилось. Мне... сейчас мне нужно уходить, Фредди, но спасибо вам большое за вашу доброту. До свидания.

Лишь закончив разговор, она расплакалась. Взяв себя в руки и осознав, что Сэм может вернуться в любой момент, она позвонила Себастиану. И услышала автоответчик.

«Эми, это я. Пожалуйста, давай встретимся сегодня в пять часов на автобусной остановке у моря».

Когда Эми пришла туда, Себастиан уже ждал. Он встал со скамейки и хотел обнять ее, но она резко отстранилась.

– Эми, я знаю, что произошло. Поузи рассказала мне после того, как Сэм ушел.

– Ясно, я пришла сказать тебе, что остаюсь с Сэмом, – монотонно произнесла она. – Я его жена, мать его детей, и он нуждается во мне.

– Я понимаю, что сегодня ты испытала огромное потрясение, – медленно, тщательно выбирая слова, начал Себастиан. – И очевидно, ты чувствуешь себя обязанной поддержать его. Тебе нужно подождать, пока все страсти улягутся, конечно, нужно.

– Нет, Себастиан, все гораздо сложнее. Наши отношения... мое поведение... были ошибкой. Сэм – мой муж, и я давала обеты в церкви. Я – мать его детей, и... я не смогу бросить его. Никогда.

– Неужели ты хочешь сказать мне... что все кончено?

– Да. Я сама выбрала такую жизнь и должна жить с ним. Сэм в ужасном состоянии, и, как бы я ни относилась к нему, я обязана поддержать его. Если он узнает о нас, то, по-моему, может покончить с собой. Сегодня утром в машине он буквально угрожал, что покончит с собой.

– Я понимаю, но, может быть, наступит время...

– Нет! – в отчаянии вскричала она. – Себастиан, такое «время» никогда не наступит. Пожалуйста, поверь мне. Я никогда не брошу своего мужа, поэтому нечестно было бы оставлять тебе надежду. Уходи, прошу тебя, и найди себе кого-то свободного, – взмолилась она.

– Я не хочу больше никого искать. Хочу жить с тобой. Я люблю тебя!

– Мне очень жаль, прости, Себастиан, но повторяю: все кончено. Я должна уйти. Прощай.

Эми развернулась и начала удаляться от него.

– Эми! Подожди! Я знаю, как он жесток с тобой!

Качая головой, она пошла еще быстрее по направлению к Хай-стрит. Себастиан видел, как она повернула за угол и исчезла. Он негромко, но крепко выругался, осознавая, что все это – его рук дело. Если бы он не сообщил в Отдел по борьбе с мошенничеством, где находится Кен Ноакс, то Эми с детьми сейчас уже могли бы благополучно устраиваться в коттедже Фредди. Стараясь защитить Поузи, Себастиан умудрился уничтожить свой собственный шанс на счастье... и, в конечном итоге, на счастье самой Эми.

Себастиан опять опустился на скамью перед серым бурным морем, обхватил голову руками и зарыдал.

Поузи

Лондон

Дневная бабочка Павлиний глаз (Inachis iois)

Лето 1958

Я стояла в автобусе, придавленная с одной стороны женщиной с детской коляской, а с другой – парнем, от которого разило потом. Несмотря на открытые окна, в салоне было жарче, чем в любой теплице, где мне приходилось работать. С облегчением я заметила, что мы свернули на Баронс Корт. Нажав кнопку звонка остановки, я протиснулась назад, чтобы выйти из автобуса.

«Лондон в августе удушающе противен, – думала я, вспоминая с острой тоской чудесные летние дни, которыми наслаждалась в Корнуолле в такую же августовскую пору. – Увы, эта столица строилась не ради малочисленных дней жары, внезапно обрушивавшейся на него в летнюю пору», – вдруг поняла я, идя по тротуару к своему многоквартирному дому. Наша с Эстель квартира находилась на верхнем этаже, и это означало, что до нее мне придется преодолеть шесть лестничных пролетов. Я не сомневалась в пользе таких подъемов, однако не в те дни, когда температура на улице поднималась до тридцати градусов. Истекая потом, я открыла входную дверь и направилась напрямик в крошечную и довольно мрачную ванную комнату, чтобы включить кран и набрать ванну теплой воды. В гостиной, как обычно, пахло сигаретным дымом, и я распахнула окно, чтобы проветрить квартиру, потом принялась убирать на кофейном столике, заставленном пустыми пивными бутылками, бокалами из-под джина и переполненными пепельницами.

Отнеся все на кухню и сгрузив что-то в раковину, а что-то в мусорное ведро, я подумала, так ли уж хороша была идея жить вместе с Эстель. Мой образ жизни разительно отличался от ее богемного стиля; я каждое утро уходила ни свет ни заря, чтобы успеть в Кью-Гарденз к девяти часам, а Эстель еще сладко спала – ее ежедневные занятия в Ковент-Гардене начинались не раньше одиннадцати. Во второй половине дня она возвращалась домой отдохнуть и уезжала на спектакль, когда я как раз ехала домой с работы. Часов до одиннадцати вечера я жила спокойно и, усталая после дневной работы, уже укладывалась спать. Едва я начинала засыпать, как хлопала входная дверь и в квартиру заваливалась Эстель с компанией своих богемных приятелей, взбодрившихся после спектакля в барах около театра и

возжелавших продолжения вечеринки. Мне приходилось проводить бессонные ночи, слушая включенную на полную громкость музыку... и, как бы я ни любила раньше Фрэнка Синатру^[39], теперь, в предрассветные часы, его «бархатный» голос стал моим мучителем.

Прибрав в гостиной и подумав, почему Эстель не приходит в голову обратиться самой перед уходом в театр, я разделась и забралась в ванну, такую маленькую, что вытянуть ноги в ней не удавалось, приходилось сгибать их и сидеть, прижимая колени к груди.

«Сегодня лягу спать пораньше, часов в восемь», – решила я и, помокнув в воде, вылезла на коврик и вытерлась полотенцем. Облачившись в халат, я приготовила себе тосты с сыром и, устроившись на диване ужинать, вяло раздумывала: «Может, я стала занудой, раз предпочитаю возиться с саженцами и терпеть не могу эти бесконечные вечеринки?» Когда пару дней назад я вышла в гостиную и пожаловалась на этот ночной шум, Эстель заявила, что я рискую состариться, не познав всех прелестей молодости.

– Поузи, милая, отоспишься еще, когда доживешь лет до сорока. Наслаждайся жизнью, пока молода, – беспечно щебетала Эстель, затянувшись самокруткой с марихуаной, которую ей передал парень с накрашенными яркой помадой губами. Опять скрывшись в своей спальне, я заткнула уши ватными тампонами.

По крайней мере, я обожала свою работу. Я, видимо, понравилась мистеру Хаббарду, новому Хранителю Гербария, и он поощрял мои начинания. Каждое утро в Кью мы получали новые образцы растений из всех стран мира: некоторые из них привозили ботаники-искатели в специальных контейнерах, позволявших образцам выжить во время длительных путешествий по горам и джунглям, кроме того, мы получали посылки из ботанических садов Сингапура, Австралии, Южной и Северной Америки. После тщательной проверки растений на предмет крошечных путешественников, типа тли или мушек, я начинала изучать их, делала за своим маленьким столом научные иллюстрации, потом фотографировала и проявляла снимки в темной лаборатории.

Я научилась помещать образцы под пресс для архивных папок в монтажной, фиксируя на маленьких ярлыках место происхождения, поставщика, семейство и разные виды. Дольше всего приходилось расшифровывать сопроводительные записи ботаников из разных

регионов земного шара. После того как образцы высохали, я помещала растения в высокие шкафы, на полках которых уже хранилось огромное множество растений. Эти шкафы стояли в зале Гербария, занимавшего пространство двух этажей. Я спросила свою коллегу Элис, сколько же всего там хранится образцов, и она, задумчиво пожевав кончик карандаша, ответила в итоге на редкость приблизительно: «Трудно сказать, но, возможно, уже набралось четыре с половиной миллиона...»

О лучшем месте работы я не могла и мечтать; обширный массив сада одаривал меня столь необходимым в этом суматошном городе спокойствием.

«В глубине души я осталась деревенской девчонкой», – зевая, мысленно призналась я и, домыв посуду, направилась в спальню.

– И скучаю по Кембриджу и по Джонни, – прошептала, лежа без всяких покрывал на жестком матрасе – в такую жару не хотелось накрываться даже простыней. Все еще потев от жары, я сняла и ночную рубашку и лежала уже совершенно обнаженная. Взяв книжку с прикроватной тумбочки, я попыталась читать, но от усталости вскоре уснула, убаюканная легким ветерком, проникавшим в открытое окно.

Всего через несколько часов я проснулась, услышав стук входной двери и громкий смех, доносившийся из нашей маленькой прихожей.

– О черт, – простонала я, услышав, как Фрэнки опять заголосил на патефоне, включенном на полную громкость. Взяв с тумбочки стакан с водой, я быстро утолила жажду. Вновь улеглась на матрас и закрыла глаза, мечтая улететь на Луну, как Синатра, просивший любимую девушку унести его на Луну^[40]. Там по крайней мере наверняка царила тишина.

– Да я буквально на минутку, просто зайду в...

Дверь моей спальни внезапно открылась, и в дверном проеме появился силуэт человека, освещенного светом из коридора. Когда включился свет, я коротко вскрикнула и, найдя простыню, скромно прикрылась.

– Уходите! – воскликнула я, глядя на человека у двери. В темноте я не могла разглядеть его лица, однако с внезапным потрясением поняла, кто именно там стоял.

– Боже, извините, я искал туалет, – уставившись прямо на меня, заявил незваный гость и провел рукой по своим густым волнистым волосам.

Я смущенно покраснела, поплотнее укутываясь в простыню.

– Ладно, – сглотнув, пискнула я. – Туалет в другом конце коридора.

– Понятно. Но, прошу прощения, – он вновь посмотрел на меня, прищурившись, – ты уверена, что я не знаю тебя? Твое лицо кажется на редкость знакомым.

– Я уверена, что не знаешь, – ответила я, желая, чтобы он поскорее ушел.

– А ты, случайно, не училась в Кембридже?

– Да. – Я вздохнула. – Училась.

– И ты дружила с Андреа?

– Да, дружила.

– Я никогда не забываю лица. – Он улыбнулся. – Она приводила тебя на одну из вечеринок... я точно помню... На тебе было красное платье.

– Верно, я заходила туда, – признала я, мои глаза уже привыкли к полумраку, и я разглядела его большие золотисто-карие глаза.

– Ну и ну! Как же тесен наш мир. Меня зовут Фредди Леннокс. Очень приятно вновь увидеть тебя, э-э...

– Поузи Андерсон.

– Точно, теперь я вспомнил. Можно спросить, почему ты прячешься здесь, как Золушка, пока народ веселится и гуляет?

– Потому что, в отличие от большинства гостей, я тружусь как пчелка с утра до вечера.

– Серьезная причина. – Фредди улыбнулся. – Что ж, оставляю тебя наедине с твоим прекрасным сном. Было очень приятно, Поузи, возобновить знакомство. Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Он выключил свет и закрыл за собой дверь, и я опять спокойно улеглась, облегченно вздохнув. Я вспомнила, как пошла с Андреа на ту вечеринку... и отлично запомнила Фредди; впервые увидев его, я подумала, что еще в жизни не видела таких красавчиков, хотя, конечно, он не моего поля ягода, учитывая его внешность, самоуверенность и то, что он уже учился на третьем курсе. Меня

удивило, что он вообще вспомнил меня... ведь мы с ним тогда обменялись всего парой слов.

Поскольку музыка за стеной продолжала играть, я подумала, что Фредди сейчас находится так близко от меня, вероятно что-то выпивая и болтая с одной из прелестных балетных подружек Эстель. Достав из ящика пакетик ваты, я оторвала два кусочка, скрутила тампоны и заткнула ими уши.

Наутро, выйдя из своей спальни, я уныло вздохнула, увидев бардак в гостиной. Кто-то спал на полу, кто-то на диване, но я, не обратив на них особого внимания, прошла на кухню, чтобы выпить чашку чая с каким-нибудь тостом. Едва намазав джем на хлеб, я услышала за спиной знакомый голос.

– Доброе утро, Поузи. И как же ты себя чувствуешь в столь чудесный денек?

Фредди стоял на пороге, глядя на меня.

– Прекрасно, спасибо, – вежливо ответила я, разрезав тост пополам.

– Выглядит соблазнительно, – заявил Фредди, показывая на тост. – Можно мне кусочек?

– Пожалуйста, угощайся, – предложила я. – К сожалению, я спешу. – Взяв чашку чая и тарелку, я направилась к выходу из кухни. Фредди посторонился и улыбнулся, пропуская меня.

– Спасибо.

– Должен сказать, – прошептал он, когда я проходила мимо него, – ты мне гораздо больше нравишься без одежды.

Мне удалось скрыть краску смущения, быстро пройдя через гостиную в свою спальню. Усевшись на кровать, я пила чай, пожевывая тост и давая себе обещание, что обязательно поговорю с Эстель о столь неловком положении нашего общежития. Не хватало еще, чтобы незнакомые мужчины приставали ко мне, пока я готовлю себе завтрак. Собрав сумочку и кожаный портфель, я подкрасила губы и вышла из комнаты.

– Далеко ли ты собралась? – спросил Фредди, когда я открыла входную дверь.

– В Кью-Гарденз.

– В тот самый... ботанический, – заметил он, последовав за мной по бесконечным лестничным пролетам. – Полюбоваться цветочками?

– Нет, я там работаю.

– Ты что, садовница?

– Нет, я ученый.

– Понятно, понятно, разумеется. Я же помню, ты говорила мне. Весьма впечатляющая наука.

Я уже подумала, не издевается ли он надо мной, а он, должно быть, почувствовал мои сомнения, поскольку заключил:

– Я не шучу, честное слово. – И серьезно добавил: – А я изучал в Кембридже юриспруденцию.

– Неужели? – сказала я. Мы как раз закончили спуск с шестого этажа, и я открыла дверь подъезда.

– Правда, но на самом деле мне хотелось стать актером, поэтому я подумал, что неплохо попытаться счастья на этом поприще в Лондоне.

– Ясно, – ответила я, выходя на улицу, и Фредди компанейски продолжил идти рядом со мной по тротуару.

– Я поработал на радио и принял участие в одной постановке на телевидении, но на этом пока все и закончилось.

– Актерская жизнь, видимо, больше зависит от удачи, чем от таланта, судя по тому, что рассказывали мне подруги Эстель.

– Чертовски верно, – согласился Фредди. – Я же познакомился с Андреа в нашем студенческом театре, если помнишь.

– Да, помню.

– В основном ради него я и поступил в Кембридж. Я скучаю по студенческой жизни, а ты? – спросил он меня, когда мы подошли к моей автобусной остановке.

– Да, я тоже скучаю. Ладно, извини, вон идет мой автобус, и мне действительно нужно ехать.

– Я все понимаю, Поузи. И мне тоже нужно вернуться в свою квартиру, чтобы помыться и побриться. Днем у меня назначено прослушивание.

– Удачи тебе, – пожелала я, поднимаясь в автобус.

– В какое время ты возвращаешься домой? – крикнул Фредди, когда кондуктор уже дал звонок отправления водителю автобуса.

– Обычно около шести вечера, – откликнулась я.

– Ну, пока, Поузи, скоро увидимся!

В тот день я рисовала менее сосредоточенно, чем обычно. Помимо воли мне все вспоминались лучистые глаза и густая

шелковистая шевелюра Фредди, которой мне отчаянно хотелось коснуться.

– Ей-богу, Поузи, – отругала я себя, жуя обеденные сэндвичи в саду, – ты ведь обручена и собираешься замуж, а он – какой-то нищий актер. Опомнись, девочка.

В автобусе, по пути домой, невольно мечтая, что Фредди будет ждать меня у входа, я сделала себе очередное строгое внушение относительно того, как мне следует вести себя с ним. И, к моему крайнему потрясению, мечта оказалась реальностью, он маячил около подъезда, чертовски импозантный в синей бархатной куртке и модном шейном платке с огуречным орнаментом пейсли^[41].

– Добрый вечер, Поузи. Я пришел извиниться за то, что вчера ночью помешал тебе спать. – Фредди протянул мне букет увядающих цветов и какой-то коричневый бумажный пакет. – Я принес джин и сладкий вермут. Ты когда-нибудь пробовала джин с вермутом?

– Не припомню, нет, – ответила я, открывая входную дверь.

– Тогда сегодня вечером, моя милая Поузи, ты попробуешь этот коктейль. У нас есть повод кое-что отпраздновать.

– У нас?

– Да, совершенно определенно. Я успешно прошел прослушивание! – воскликнул он, направляясь за мной к лестнице. – Мне предложили роль в пьесе Ноэля Кауарда^[42], премьера состоится в театре «Лирик» на Шефтсбери-авеню. Поузи, у меня целых четыре строчки роли! Разве это не чудесно?

– Чудесно, – ответила я, начиная подниматься по лестнице и чувствуя... ну, честно говоря, я сама не знаю, что чувствовала. Я не понимала, зачем он явился, ведь не могла же его заинтересовать такая девушка, как я...

Мы дошли до верхней площадки, и я открыла дверь в квартиру. Последовав за мной в прихожую, Фредди окинул пристальным взглядом гостиную, еще не убранную после вчерашней ночной гулянки.

– Господи, ну и бардак. Я помогу тебе убратся.

Чертовски мило, что слова у него не разошлись с делом, а после уборки он приготовил нам по коктейлю из джина с вермутом.

– За первую удачу! – провозгласил Фредди. – И пусть мне сопутствует успех нашего барона Оливье^[43].

– Пусть сопутствует, – согласилась я, попробовав коктейль, оказавшийся довольно приятным.

– Я помню, что ты, как и я, родилась в Саффолке. Ты часто бываешь там?

– Вообще не бываю. – Я вздохнула. – Я уехала отсюда в девять лет.

– Живописное графство, – заметил Фредди. – Но, разумеется, мне больше нравится лондонский смог!

– А мне вовсе не нравится. Я больше люблю зеленые просторы.

– Даже сейчас?

– Да. Когда у меня будут деньги, наверное, я переберусь в Ричмонд, поближе к Кью, к тому же там великолепный парк.

– Никогда туда не заезжал. Может, завтра устроим там пикник?

– Я... в общем... – Я покраснела, не зная, что и сказать.

– У тебя куча дел? Или ты намекаешь, чтобы я отвалил и оставил тебя в покое?

Я понимала, надо сообщить ему, что я обручена и у меня есть жених. Все могло бы быть совершенно очевидным и простым, если бы я носила кольцо. Но, поскольку я много копалась в земле, я хранила свое прелестное обручальное колечко в шкатулке, которая стояла в ящике прикроватной тумбочки. Меня охватила мучительная нерешительность, «благочестивая» Поузи побуждала меня сообщить то, что должно, а «искушаемая грехом» Поузи не позволяла мне открыть рот и вымолвить нужное признание.

– Итак? – Фредди не сводил с меня пристального взгляда.

– Нет, у меня есть свободное время, – услышала я, как произнес предательский голос моей «грешной» ипостаси. – Прекрасная идея.

После второго коктейля Фредди заявил, что проголодался и попробует что-нибудь приготовить из скудных запасов нашего буфета. Мы по-свойски подкреплялись бутербродами с сардинками, и Фредди развлекал меня историями из своей лондонской жизни и рассказывал о встречах со знаменитыми актерами.

– Увы, – сообщил он в итоге, – похоже, мне пора бежать, иначе я не попаду домой, опоздаю на последний автобус до Клэпема.

Глянув на свои часы, я с изумлением осознала, что уже начало двенадцатого.

– Я провел поистине замечательный вечер, – заявил он, вставая.

– Да, вечер пролетел незаметно, – добавила я, тоже вставая и чувствуя, что голова моя слегка кружится от выпитых коктейлей.

– И должен сказать, моя дражайшая Поузи, что твоя красота меня совершенно, совершенно очаровала.

И, не дав мне опомниться, Фредди обнял меня и принялся целовать. Это было райское наслаждение. Мое тело мгновенно откликнулось на его ласки, как никогда не бывало с Джонни. А когда Фредди вдруг отстранился, я огорченно вздохнула.

– Теперь мне действительно надо бежать, иначе я проведу ночь в каком-нибудь парке на скамейке. – Он улыбнулся. – Я приду завтра в полдень. Ты соберешь какие-нибудь закуски, а я притащу выпивку. Доброй ночи, милая.

– Доброй ночи.

После его ухода я добрела до своей спальни, сбросила одежду и улеглась в кровать, окутанная туманной дымкой джина и вожделения. Я воображала, как искусные пальцы Фредди ласкают мои груди, мой живот... Приход Эстель с ее обычной шумной компанией практически не вызвал у меня негодования, к тому же завтра я могла спать подольше.

– Доброй ночи, милый Фредди, – прошептала я, закрывая глаза.

Хотя я проснулась утром с сильной головной болью и исполненная чувства вины, ни то, ни другое не заставило меня отменить пикник в парке с Фредди. Раскинув на подвявшей от жары траве простую подстилку, мы сидели рядом, потягивая вино, и моя голова покоилась на его плече.

Мне просто не верилось, как все естественно получилось... я вспомнила, что прошли месяцы, прежде чем мы с Джонни сумели расслабиться во время физической близости. Мы с Фредди мало разговаривали, зато бесконечно много целовались, и в итоге оба уснули. Но успели на автобус и, проводив меня до дома, он поднялся со мной в квартиру. В гостиной царил вчерашний беспорядок, но мы, не обращая внимания, продолжили целоваться.

– Поузи, – пробурчал он, уткнувшись в мою шею, – ты знаешь, как мне хотелось бы отнести тебя в ту спальню и...

– Нет, Фредди! – воскликнула я, отстраняясь, слегка осоловевшая от вина и солнца, и строго взглянула на него. – Я просто не такая девушка.

– И я ценю это, – кивнул он. – Я лишь говорил, что мне хотелось бы... отчаянно хотелось бы. Всякий раз, закрывая глаза, я вижу, как ты сидишь на постели, подобная алебастровой статуе Афродиты, – он улыбнулся, – скромно прикрывая простынкой свою наготу.

– Фредди, почему ты хочешь меня? Ведь ты, несомненно, предпочел бы роскошную гламурную актрису, а не такую, как я, ученую простушку.

– Господи, Поузи, ты вовсе не простушка. Отчасти меня так влечет к тебе, потому что ты сама не знаешь, как ты великолепна. Ты исполнена естественной красоты, – проворковал он, опять нацеливаясь поцеловать меня. – В сравнении с моими знакомыми девицами, ты как дыхание свежего ветра...

– Ну да, я не похожа на них во всех отношениях. – Я отодвинулась от него. – Ты жаждешь только моего тела? – дерзко спросила я его.

– Ну, однозначно, жажду, как я добровольно признался тебе. Но не только, мои чувства более глубокие. Под этим праздным актерским фасадом я бываю, видишь ли, довольно серьезным человеком. Я встречал слишком много легко доступных, но, увы, безмозглых особ. Когда исходное влечение исчезает, нужно хоть уметь поддержать разговор, верно?

– Да, думаю, нужно.

– А ты, Поузи, на редкость умна. Я обожаю слушать, как ты рассуждаешь о пленочных теплицах и компостных кучах. Это заводит меня.

Умиротворенная его словами, я позволила ему опять поцеловать меня. А когда он ушел, подумала, что, в худшем случае, он может склонить меня на грешный путь, а потом бросить с разбитым сердцем. И если я собираюсь замуж за Джонни до конца жизни, то, несомненно, имею полное право на романтическое приключение...

* * *

Лето вдруг сменилось осенью, а мой роман с Фредди все еще продолжался. Джонни писал мне каждую неделю из Олдершота, со своей учебной базы офицеров-курсантов, сообщал, что скоро ему предоставят отпуск и он сможет навестить меня в городе на выходных.

Он с явным удовольствием сообщал о том, что будет приписан к Седьмому полку гуркхских стрелков^[44], в расположении которого «мы, вероятно, будем жить по окончании шестимесячного обучения». Он надеялся попасть в экзотические края типа Малайи.

И внезапно меня осенило, что сама я думала вовсе не о таком будущем; что же получается, Джонни там учится ради будущей военной службы, а я уже достигла своей мечты, работая в Кью. Если я, допустим, выйду за него замуж, то должна буду мотаться за ним по всему миру, отказавшись от своих целей и честолюбивых замыслов на будущее. В то время как с Фредди я смогу остаться в Лондоне и продолжить свою научную карьеру...

Состоялась премьера спектакля, где играл Фредди, и я посмотрела его, услышала, как он произнес свои четыре строчки, и воодушевленно приветствовала его, когда он вышел на поклон. Из-за вечерних спектаклей мы стали реже видеться, но воскресенья неизменно проводили вместе.

– Ты уже спала с ним? – спросила меня Эстель, когда я готовилась к выходу на обед с ним в Лионс-Корнер-хаус на Чаринг-Кросс-роуд.

– Разумеется, нет, Эстель, – ответила я, подкрашивая губы перед зеркалом над диваном в нашей гостиной.

– Странно, на мой взгляд, ты определенно выглядишь как будто уже спала.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, по виду вы давно смахиваете на сладкую парочку.

– Однако до этого не дошло.

– Ты должна была поддаться искушению. Ведь он обалденно «лакомый кусочек», – заметила Эстель, явно подозревая, что я обманываю ее. – И что ты теперь думаешь о военном будущем Джонни?

– Гм-м... не знаю.

– А Фредди знает о нем? Знает, что ты обручена?

– Э-э, нет, не знает.

– Ну ты даешь, Поузи. – Эстель усмехнулась. – Похоже, зря я беспокоилась о своем моральном облике, раз ты напропалую изменяешь своему жениху!

По пути на свидание с Фредди я обдумала слова Эстель. И поняла, что она права. В душе я удобно оправдывала свой роман

просто тем, что мы еще не спали вместе, однако я знала, что обманываю и себя, и самого Фредди. Я безумно полюбила его, такова настоящая правда.

Мне придется сообщить Джонни, что я разрываю обручение. Так будет честно.

«Но что, если Фредди бросит тебя?»

«Если и бросит, – думала я, – то я вполне заслуженно потеряю Джонни. Он такой хороший, добрый, верный... мог бы стать идеальным мужем. И он ужасно расстроится, узнав, как вела себя его невеста.

После обеда я сказала Фредди, что у меня разболелась голова, вернулась на автобусе домой и устроилась в своей спальне писать письмо Джонни. Я скомкала минимум полдюжины черновиков, сознавая, как трудно найти верные слова, но в конце концов завершила письмо и вложила его в конверт. Потом вытащила из шкатулки обручальное кольцо, завернула его в кусочек ваты и, обмотав липкой лентой, тоже вложила в письмо. Смочив клейкий слой языком, я запечатала конверт, написала адрес его базы и приклеила сверху марку. Чтобы не передумать, я быстро дошла до почтового ящика и, глубоко вздохнув, опустила туда конверт.

– Джонни, дорогой, мне ужасно жаль. Прощай.

Спустя три дня я переспала с Фредди. Если я отчасти и переживала, что совершила ошибку, разорвав помолвку, то после интимной близости с ним мои страхи совершенно развеялись. Это произошло на квартире Фредди в Клэпеме. Потом мы лежали там, курили и пили джин с вермутом – этот напиток стал нашим любимым коктейлем.

– Значит, ты не девственница. – Его пальцы блуждали по моей груди. – А я думал, что девственница. Кто же первый счастливчик?

– Фредди, я должна рассказать тебе кое-что, – вздохнула я.

– Да уж, выкладывай, любимая. Имеется ли у меня соперник в борьбе за твою любовь?

– Имелся, да. Понимаешь, когда мы с тобой встретились, я была обручена с парнем по имени Джонни. Он сейчас далеко, учится в офицерской школе, в общем, я все равно пару дней назад написала ему, что разрываю нашу помолвку. Что я не могу выйти за него замуж.

– Из-за меня?

– Да, – честно ответила я. – Только, пожалуйста, не пугайся и не чувствуй себя к чему-то обязанным, ладно? Я не думала, что мы с тобой обручимся, просто поняла, что будет правильно сообщить ему о разрыве.

– Да ты, оказывается, темная лошадка. – Фредди улыбнулся. – Я-то всю дорогу думал, что ты сама свежесть и невинность, а у тебя, оказывается, был жених.

– Да, я понимаю, что вела себя ужасно, прости. С тех пор как мы встретились с тобой, я не видела его, ведь он все еще учится. Поэтому тебе, Фредди, я не изменяла.

– Так вот почему ты не соглашалась спать со мной?

– Да.

– Что ж, я ужасно рад, что твой женишок остался в прошлом и тебя больше не сдерживают моральные устои. – Он потянулся ко мне и крепко обнял. – Повторим наши игры, чтобы отпраздновать?

Я порадовалась, что мое признание, казалось, ничуть не встревожило Фредди. Меня беспокоило, что он может подумать, будто я намерена давить на него, хотя у меня и в мыслях такого не было. Я убедила себя, что для разрыва помолвки имелись другие причины; и не в последнюю очередь мысль о том, что из-за отъезда за границу с Джонни мне пришлось бы бросить любимую работу. Но, если быть честной с собой до конца, я понимала, что если бы Фредди попросил меня поехать с ним, то я без раздумий поехала бы хоть на край света.

После того первого, прекрасного воскресенья в постели я практически переехала к Фредди. Я дожидалась его после спектакля, и мы занимались любовью до глубокой ночи, а потом я засыпала в его объятиях. И, как ни странно, хотя мне очень мало удавалось поспать, утром, уходя в Кью, я чувствовала себя свежей и полной сил. В юности я прочитала множество душещипательных романов и только теперь поняла, о чем, собственно, писали их авторы. Я еще в жизни не испытывала такого полнейшего счастья.

* * *

В середине октября я съездила на Барон-корт, как ездила обычно раз в неделю, чтобы переодеться, взять смену одежды и забрать почту.

В спальне меня ждал плотный пергаментный конверт с итальянским почтовым штемпелем.

«Маман», – подумала я, открывая письмо.

«Ma chère Поузи!

Я так давно не писала тебе, надеюсь, что ты простишь меня. На меня навалилась масса дел в связи с женитьбой одного из сыновей Алессандро.

Поздравляем тебя с отличным окончанием Кембриджа. Я горжусь тем, что у меня такая умная дочь.

Поузи, мы с Алессандро прилетим в Лондон в начале ноября, и мне очень хочется увидеться там с тобой. С первого по девятое число мы собираемся жить в «Ритце», поэтому, будь добра, позвони мне, чтобы сообщить, когда ты сможешь зайти к нам. Мы так давно не виделись, поэтому, пожалуйста, скажи, что ты хочешь увидеться с твоей маман и познакомиться с ее мужем.

С любовью,

маман».

Я сидела, уставившись на это письмо, и думала о том, что, с тех пор как мы последний раз виделись с маман, прошло больше тринадцати лет. Как бы ни пытаться объяснить такое положение, вывод будет один: мать бросила меня. И, несмотря на то что повзрослевшая, разумная часть меня понимала, что мне было лучше постоянно жить у бабули в Корнуолле, чем таскаться в детстве за маман по всей Европе, в душе я все равно сердилась и обижалась, как любой брошенный матерью ребенок.

Пока автобус вез меня в Клэпем, я размышляла, стоит ли мне обсудить это с Фредди, и решила, что не стоит. Мне была невыносима мысль, что он будет жалеть меня, поэтому я и не стала ничего говорить ему. Когда я пришла домой, он заметил, что я расстроена.

– Что случилось, любимая? Я же вижу, тебя что-то тревожит.

– Пустяки, Фредди, просто голова болит, только и всего.

– Тогда иди ко мне и позволь остудить твой разгоряченный лоб.
В его утешительных объятиях мне стало легче.

– Знаешь, любимая, я подумал, не пора ли нам снять нормальную квартиру. Тебе не кажется, что эта узкая кровать становится жутко неудобной?

– Ты хочешь, чтобы мы жили вместе? – Я удивленно посмотрела на него.

– А что-то тут удивительного, милая. Мы и так живем вместе, просто неофициально.

– О боже, Фредди, я даже не знаю, что сказала бы моя бабушка, если бы узнала. Тебе не кажется, что это не вполне пристойно?

– Поузи, мы живем в пятидесятые годы, и я уверяю тебя, что так живет множество молодых людей. Мне хочется иметь приличную кухню, где ты могла бы готовить все те изысканные блюда, о которых рассказывала мне. – Он улыбнулся.

– Могу я подумать?

– Разумеется, можешь. – Фредди чмокнул меня в щеку.

– Спасибо.

* * *

Так или иначе, но в преддверии Рождества тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года я жила на редкость полной жизнью. Я испытывала полнейшее удовлетворение; у меня были замечательная работа и Фредди, заполнявший все мои жизнерадостные помыслы, тело и душу. Я даже побаивалась столь полного счастья, сознавая, что вряд ли оно может длиться вечно...

И, паря в своих счастливых облаках, я решила, что, уж хотя бы из вежливости, мне следует повидаться с маман, когда она приедет в Лондон. Поэтому в указанные ею сроки пребывания в городе я позвонила в отель «Ритц», и меня соединили с ее горничной. Я сообщила, что смогу прийти к маман на чай в ближайшую субботу. Потом отправилась на Риджент-стрит в универмаг «Суон и Эдгар» и купила себе симпатичный костюм, как говорится, на все случаи жизни.

Спустя несколько дней я на ватных ногах – жутко волнуясь – вошла в «Ритц».

– Могу я помочь вам, мадам? – спросил метрдотель, стоявший на страже в роскошном зале для чаепитий.

– Да, я ищу графа и графиню Д’Амичи.

– Да-да, мадам, они ожидают вас. Следуйте за мной.

Пока метрдотель вел меня мимо столиков с элегантно одетыми гостями, пившими чай с изысканными сэндвичами, мой взгляд порхал по их лицам в поисках матери. И вот я увидела ее, светлые волосы, собранные в затейливый пучок на затылке, идеальный макияж. Она ничуть не изменилась, не считая тройной нитки кремового жемчуга на шее и сверкающих на запястье и пальцах бриллиантов. Она сидела рядом с миниатюрным лысым мужчиной, который, на мой взгляд, выглядел вдвое старше ее самой, хотя, возможно, маман просто великолепно сохранилась.

– Поузи, дорогая моя, я хочу познакомить тебя с Алессандро, твоим отчимом.

– Cara mia^[45], да ты еще красивее, чем говорила мне твоя мама. Для меня честь познакомиться с тобой.

Алессандро встал и завладел моей рукой, а я с удивлением заметила, что в его глазах блестят слезы. Я заранее решила, что он не может мне понравиться, однако меня потрясла его явная доброжелательность и то, что он, несомненно, души не чаял в моей матери.

Поглощая шампанское, бокал за бокалом, я пощипывала сэндвичи с огурцами, пока Алессандро потчевал меня историями из итальянской жизни, описывая их замечательное палаццо и летние круизы вдоль побережья Амальфи.

– Твоя мать, она просто... как же вы говорите... вел-л-ликол-л-лепна! Она наполняет мою жизнь светлой радостью!

Я смущенно опустила взгляд на свой чай, когда он поцеловал ей руку. Маман одарила его сияющей улыбкой, и я вдруг осознала, что не помню, чтобы она улыбалась так в Адмирал-хаусе.

– Ты должна приехать к нам в гости! – заявила маман, как только официанты унесли тарелки. – Рождество в палаццо восхитительно красиво, а будущим летом мы можем отправиться в плавание вдоль побережья и показать тебе самые чудесные места Италии.

– Не уверена, что меня отпустят с работы, – отговорила я.
– Но тебе же должны дать какой-то отпуск, – возразила она. – Я... – Маман взглянула на своего мужа. – *Amore mio*^[46], вы не могли бы оставить меня ненадолго наедине с дочерью?
– *Si, certo*^[47]. – Поцеловав на прощание руку маман, Алессандро удалился из чайного зала.
Едва мы остались одни, она склонилась ко мне.
– Поузи, я знаю, что пропустила большую часть твоей жизни...
– Маман, я все понимаю, и вам нет нужды...
– Нет, есть, – неистово возразила она. – Ты превратилась в такую красивую, умную и сильную женщину, и я сожалею, что не имела к этому ни малейшего отношения. – Она судорожно вздохнула. – Мне хотелось бы многое объяснить тебе, но... – Она покачала головой. – Время прошло, и бессмысленно оглядываться назад. – Она похлопала меня по руке. – *Chérie*, пожалуйста, подумай, не сможешь ли ты приехать на Рождество в Италию, ладно?

* * *

Я вышла из «Ритца» в легком подпитии после шампанского, раздумывая, действительно ли я недооценивала свою мать; она так великолепно притворялась, что мне стало искренне жаль ее. Я поехала на автобусе домой, чтобы выветрился флер значительности этой встречи, и всю дорогу пыталась осознать, как же она так ловко обработала меня, что я едва не попала на ее удочку. Она лишь слегка поинтересовалась моей жизнью, лишь узнала, где я жила и работала. Несмотря на то что я могла бы рассказать ей о Фредди и о том, как я люблю его, эту тему мы так и не затронули. Маман слишком увлеченно описывала собственную гламурную жизнь, как она порхала по всей Европе с Алессандро на то или другое блестящее событие. Нуждаясь в уединении, я позвонила Фредди, сообщив, что сегодня останусь на ночь в своей квартире, и устроилась с чаем в своей спальне, чтобы окончательно протрезветь и все обдумать.

И после долгих размышлений я вновь начала ожесточаться. Решила, что не желаю проводить Рождество в палаццо или ехать к ним

в Италию будущим летом... Маман вовсе не пыталась загладить вину передо мной, она стремилась облегчить *свое* чувство вины за то, что бросила меня.

– Последние тринадцать лет, Поузи, ты прожила без нее... сможешь прожить и дальше, – упрямо сказала я, резко смахивая слезы.

Послышался стук в дверь, и Эстель, приоткрыв ее, заглянула ко мне в комнату.

– Поузи, у тебя все нормально?

Я пожала плечами.

– Могу чем-то помочь?

– Да. Как ты думаешь, можно перестать любить кого-то из родителей? Я имею в виду, можно ли по-прежнему любить их, если они поступили с тобой совершенно ужасно.

– Черт возьми, Поузи, какой сложный вопрос. – Эстель села рядом со мной на кровать. – Вероятно, Андреа с ее филологическим дипломом лучше помогла бы тебе.

– Любовь ведь не формальное понятие, верно? Ее нельзя измерить. Она просто... *живет в тебе*.

– Ну да, ты, конечно, права, а что до твоего вопроса, Поузи, то я просто не знаю. То есть я обожаю своих родителей, поэтому, в общем, никогда об этом не задумывалась, но, по большому счету, мне кажется, что можно выбирать друзей, но не родственников. Ты не обязана любить их, хотя уж если говорить о любви, особенно к матери, то, вероятно, она просто вечна, как бы скверно с тобой ни поступали. Она же безусловна, безоговорочна, верно?

– Да, наверное, и на самом деле это досадно, потому что я предпочла бы не любить ее.

– Неужели ваша встреча оказалась такой неприятной?

– Нет, все прошло идеально. – Я улыбнулась. – В том-то и сложность. Мне просто не хочется опять страдать по ее милости. И если она думает, что после стольких лет разлуки может легко вернуться в мою жизнь... Представляешь, она предложила мне завтра прогуляться по магазинам!

– Кстати, Поузи, возможно, это хорошая идея. Судя по тому, что ты говорила, она просто купается в деньгах.

Эстель, вечный прагматик, скромно улыбнулась.

– Нет, Эстель, я не желаю покупаться на ее подачки, ведь именно этого ей и хочется. Потом она будет думать, что мы помирились и у нас теперь прекрасные отношения.

– Ясненько. Ну, тогда радуйся тому, что она живет в Италии и будет не слишком часто появляться у тебя на пороге. Не зря же говорят: с глаз долой – из сердца вон.

– Так ты не думаешь, что я веду себя невежливо и капризничаю?

– Вовсе не думаю. Она ведь бросила тебя именно тогда, когда ты потеряла отца. И ей не удастся несколькими модными платьями искупить тринадцатилетнее отсутствие.

– Спасибо тебе, Эстель, – повернувшись к подруге, сказала я. – Честно говоря, она заставила меня чувствовать себя чертовски виноватой за то, что я не приняла ее приглашение погостить у них.

– Вот еще, Поузи, ты ни в чем не виновата. Это ей давно пора повзрослеть и повиниться, а не тебе. Ладно, мне пора бежать. У меня свидание! – просияв, сообщила Эстель.

– Ты выглядишь возбужденной. Уж не с тем ли премьером из труппы Ковент-Гардена?

– Нет, и именно поэтому я так заинтригована. Представляешь, у него есть приличная работа. Он что-то делает в Сити с акциями и облигациями. Носит строгий костюм, который мне, естественно, смертельно хочется сорвать с него, но у меня такое ощущение, что он до ужаса приличный.

– Ты имеешь в виду, что он нормальный человек?

– Да, и это так соблазнительно. – Эстель, посмеиваясь, направилась к двери. – Придется поискать свое самое благопристойное платье.

– Расскажешь все, когда увидимся в следующий раз, – крикнула я ей вслед.

– Непременно!

* * *

– Итак, Поузи, каковы твои планы на Рождество? – спросил меня Фредди, когда мы пили чай в кафе в перерыве между его субботними спектаклями, дневным и вечерним.

– Собираюсь, как обычно, к бабушке в Корнуолл, – ответила я. – А твои?

– Ох, наверное, заеду к матери на нашу обычную пару печальных деньков. Разве я не рассказывал тебе, что у нее нервы не в порядке? И с Рождества до Нового года у нее, как правило, бывают обострения. Хотя в этом году у меня, по крайней мере, есть настоящее оправдание для бегства! Мне придется продержаться с ней всего три дня, так как вплоть до Нового года у нас будут ежедневные спектакли.

Фредди мало говорил о своей домашней жизни или о детстве (а оно, как я поняла из его скудных откровений, было трудным), поэтому, хотя я восторженно рассказывала ему о папе и о том, как мы чудесно жили до его гибели на войне, я в основном старалась не впадать в подробности, вспоминая свое детство. Если мы иногда случайно и затрагивали тему детства, то Фредди обычно говорил мне, что прошлое несущественно и нам обоим надо смотреть в будущее, что меня вполне устраивало.

– Так у тебя не будет времени приехать в Корнуолл?

– К сожалению, нет, как бы ни хотелось. По твоим рассказам, ваше тамошнее Рождество представляется мне поистине райским волшебством.

– Не такое уж оно грандиозное или волшебное, Фредди, просто на редкость... праздничное, наверное. И мне, право, очень хотелось бы, чтобы ты приехал и познакомился с бабушкой.

– Обещаю, приеду, как только доиграем этот чертов спектакль. – Фредди вздохнул. – Мне все это надоело до тошноты, Поузи, честное слово. Часами торчать в гримерной только ради того, чтобы произнести четыре строчки текста. Я уверен, что тот проклятый актер, роль которого я выучил для подмены, нарочно решил не болеть. Все остальные уже простудились. Я надеялся, что мне удастся заманить на спектакль агентов, чтобы поглядели, как я играю главную роль.

– Ладно, по крайней мере, у тебя есть работа, и это уже хорошо.

– Так себе работа, работаю-то почти задаром, – сердито добавил он. – Серьезно, Поузи, если в ближайшие месяцы не поступит заманчивых предложений, я признаю себя побежденным и в сентябре пойду учиться дальше на барристера. Понятно же, правда, что мужчина... да и женщина тоже... не может питаться одними сардинами?

– Мне платят жалование, Фредди, и разве нам не хватает на жизнь?

– Да, хватает, но, даже если мне нравится притворяться, что я за равенство и не имеет значения, кто из нас нормально зарабатывает, я далеко не уверен, что мне удобно быть мужчиной на содержании.

– Тьфу, черт побери. – Я улыбнулась ему. – От тебя опять попахивает оголтелым консерватизмом.

– Да, и я добровольно признаю это. Я попутешествовал по актерскому миру и как минимум могу сказать, что попытался. Однако как раз нынче утром я задался вопросом... разве, став барристером, я не буду играть свою роль перед публикой? Разница в том, что тогда тебе будут чертовски хорошо платить за твои труды, и вдобавок можно еще принести пользу нашему миру. По сути, актерская профессия исполнена праздной пустоты, верно? То есть она исключительно эгоистична.

– Наверное, отчасти ты прав, и все же актеры доставляют зрителю массу удовольствия; поднимают его на несколько часов над мрачной реальностью собственной жизни.

– Ты права, естественно, – согласился он. – Вероятно, я просто старею, но ведь в будущем мне хотелось бы обзавестись приличным домом и заработать достаточно денег, чтобы вырастить пару детей.

Я опустила глаза, чтобы он не заметил, какой радостью они заискрились. Я не могла придумать, чего бы хотела больше, чем выйти замуж за Фредди и провести с ним всю оставшуюся жизнь. Я даже поймала себя на том, что стала поглядывать на свадебные платья в женских журналах.

– Разве мы с тобой не могли бы прекрасно устроить все это вместе? – Я взглянула на него, и он улыбнулся.

– Думаю, смогли бы. Если, разумеется... ты не собираешься мешать мне работать.

– Естественно, нет! То есть я надеюсь, что ты сможешь взять недельку-другую отпуска, если у нас когда-нибудь появятся дети, а я буду зарабатывать, конечно, гораздо больше тебя, однако...

Я с шутливой обидой ударила Фредди по руке, вдруг догадавшись, что он лишь поддразнивал меня. Он глянул на часы.

– Увы, мне лучше вернуться в свою тюремную камеру в примерке до первого звонка. Пока-пока, любимая, увидимся позже у нас дома.

Я смотрела, как он лавирует между столиками, заметив и пару женских взглядов, брошенных ему вслед. Он был необычайно красив, и я в который раз удивилась, как же мне удалось заполучить его.

– Он просто идеален, – прошептала я себе под нос, решив пойти прогуляться по Риджент-стрит и полюбоваться на украшенные к Рождеству витрины универмагов. Эту улицу заполняли люди, так же, как я, любовавшиеся нарядными витринами, а между ними вели оживленную торговлю продавцы горячих каштанов.

– Сегодня вечером мне хочется наслаждаться жизнью, – провозгласила я, закинув каштан в рот, и побежала на автобус, спеша вернуться в Клэпем на квартиру Фредди.

* * *

Завтра мне предстояло уехать на поезде в Корнуолл, однако предшествующий вечер исполнился для меня горькой радости. С нетерпением ожидая встречи с бабушкой и Дейзи, я тем не менее внезапно осознала, что за последние четыре месяца мы с Фредди едва ли разлучались дольше, чем на одну ночь. Фредди пришел домой из театра и, присоединившись ко мне в постели, с особой страстью предался любви.

– Боже, как же отчаянно я буду скучать по тебе, – сказал он, прижав меня после любовных игр к себе и поглаживая мои волосы. – Поузи, любимая, ты выйдешь за меня замуж? – прошептал он мне на ухо.

– Замуж... ты это серьезно? – Я повернула голову так, чтобы видеть его лицо в живых отблесках горевшей свечи.

– Естественно, серьезно! – Фредди выглядел обиженным. – Вряд ли я стал бы шутить по такому поводу. Итак?

– Значит, вот так запросто? Даже не опустившись на колено? – поддразнила я его, хотя мое сердце от волнения и любви, казалось, готово было выскочить из груди.

– Если мадам требуется ритуал, то он будет исполнен.

Он, вздохнув, слез с кровати и опустился передо мной на колено. Я восседала на матрасе, и он завладел моей рукой и сказал:

– Любимая Поузи, я...

– Раз уж это официальное предложение, то мне кажется, что тебе следует произнести мое настоящее имя.

– Что значит – настоящее имя? – Фредди недоуменно взглянул на меня.

– Естественно, то, что записано в моем свидетельстве о рождении. Видишь ли, Поузи – всего лишь домашнее прозвище.

– Ладно. И как же тебя называли в свидетельстве о рождении?

– Адриана Роуз Андерсон.

– Адриана Андерсон? – Он вдруг отвел взгляд в сторону, словно в замешательстве.

– Я понимаю, имечко звучит ужасно. К сожалению, так меня называли в честь моей матери. В любом случае, тебе придется использовать его всего дважды... сейчас и в день свадьбы. Итак?..

Фредди вновь посмотрел на меня, потом как-то печально пожал плечами.

– Я... в общем, по-моему, ты права, Поузи. Мне следует сделать все по правилам. Ну, понимаешь, в приличествующей случаю одежде и так далее, – пояснил он, с нервным смехом поднявшись с пола.

– Ах, Фредди, я ведь просто пошутила. Тебе вовсе нет необходимости называть меня официальным именем и соблюдать прочие формальности.

– Нет уж, вот когда ты вернешься к Новому году, я уже... придумаю нечто оригинальное.

Он опять лег рядом со мной, я задула свечу и уютно устроилась в его объятиях.

– Ты, кажется, расстроился, любимый, – прошептала я.

– Нет-нет, ничуть. Просто устал после двух спектаклей, и ничего больше.

– Поузи, – спросил он, когда я уже начала засыпать, – а как назывался дом, в котором ты жила в детстве в Саффолке?

– Он назывался Адмирал-хаус, – сонно пробурчала я. – Доброй ночи, милый Фредди.

* * *

Как чудесно было опять пожить дома с бабулей в Корнуолле, Рождество прошло, как обычно, весело.

– И когда же я познакомлюсь с этим твоим Фредди? – спросила меня бабуля, когда я в очередной раз начала рассказывать о том, что он сказал или сделал.

– Когда в Лондоне закончатся показы его спектакля. Он просил передать тебе, что с нетерпением ждет вашего знакомства.

– Ладно, милая Поузи, мне и так совершенно очевидно, что ты без ума от него. Конечно, меня немного беспокоит то, что он актер со всеми вытекающими последствиями. Вряд ли это самая надежная профессия, верно?

– Но Фредди уже сказал, что почти наверняка поступит в сентябре на адвокатские курсы. Ему хочется дать мне приличное обеспечение, поэтому, бабуля, не волнуйся, пожалуйста, за меня.

– Значит, ты полагаешь, Поузи, что у него честные намерения?

– Естественно, мы уже говорили о помолвке. Знаешь, в глубине души он ужасно традиционный.

– И ты, деточка, ни разу не пожалела о том, что разорвала помолвку с Джонни?

– Нет, бабуля, ни разу.

– А ведь он на редкость приличный мужчина, Поузи. И мог бы стать тебе прекрасным мужем.

– Так же, как Фредди.

– Если только он предложит тебе руку и сердце.

– Бабуля, он уже предложил, неофициально по крайней мере.

– Прости меня, Поузи, я просто немного волнуюсь, что, написав Джонни о разрыве помолвки, ты можешь пожалеть об этом. Я полностью понимаю пленительность новой вспыхнувшей страсти, но, на мой взгляд, тише едешь, дальше будешь.

– Бабуля, то, что Фредди попытался найти себя на актерском поприще, вовсе не означает, что он взбалмошный и ветреный представитель богемы. Когда ты познакомишься с ним, то все сама поймешь, уверяю тебя. А сейчас, пока еще не пришел Санта-Клаус, я должна пойти и хорошенько выспаться. – Улыбнувшись, я встала и, подойдя к бабушке, поцеловала ее. – Доброй ночи, любимая моя бабуля.

Все Рождество я провела в ожидании обещанного телефонного звонка от Фредди, однако, неведомо по какой причине, он так и не позвонил. Я подумала, что во всем виноваты сбои на телефонной станции, понимая, какой шквал поздравительных звонков в это время раздается в каждом доме на всей Земле, а наша телефонная линия никогда не отличалась особой надежностью.

– Он позвонит завтра, несомненно, позвонит, – утешила я себя, уходя спать в тот вечер.

Утром двадцать шестого декабря, в день рождественских подарков, я отправилась навестить Кэти, она теперь жила в крохотном коттедже с мужем и двумя детьми.

– Они совершенно очаровательны. – Я улыбнулась, когда малышка Мэри залезла ко мне на колени и принялась обниматься, пока Кэти кормила новорожденного Джека. – Мне даже не верится, что ты уже успела обзавестись двумя. Я лично еще не чувствую себя достаточно взрослой для роли матери.

– По-моему, это так естественно. – Кэти пожала плечами. – Но, черт побери, с ними ужасно трудно. Теперь я мечтаю лишь выспаться.

– А Томас помогает тебе с детьми?

– Ты шутишь? – Она закатила глаза. – По вечерам он торчит в пабе.

Возвращаясь домой, я подумала, что Кэти вряд ли можно назвать ходячей рекламой радостей материнства. Обычно безупречно чистые и уложенные, ее жирные волосы теперь были просто стянуты в хвост эластичной тесьмой, и к одиннадцати утра она еще бродила в домашнем халате.

«Надеюсь, я не позволю себе так опуститься, когда мы с Фредди обзаведемся детьми», – подумала я, войдя в наш Манор-хаус и заглянув на кухню, где Дейзи готовила традиционное блюдо из остатков праздничного ужина.

– Дейзи, мне никто не звонил, пока я гуляла?

– Нет, мисс Поузи, к сожалению, не звонили.

– Ладно, все нормально. Чем-нибудь помочь?

– Нет, сама управлюсь, спасибо.

К бабуле на обед пришли викарий с женой, но я их не слушала, думая только о том, почему же Фредди не позвонил мне, чтобы запоздало пожелать счастливого Рождества. Потом я начала

беспокоиться, что с ним произошел несчастный случай и он, возможно, лежит в какой-то больнице, мучается от боли в одиночестве...

– Бабуля, можно я позвоню в лондонскую квартиру Фредди? Меня беспокоит, что от него до сих пор нет никаких известий.

– Конечно, милочка, – согласилась бабушка.

Я сходила к себе наверх за записной книжкой и потом трясущимися от волнения руками набрала номер. Этот общий для трех квартир телефонный аппарат находился в коридоре.

– Ну, пожалуйста, хоть кто-нибудь подойдите к телефону, – прошептала я, просто желая узнать, что с Фредди все в порядке.

– Алло, Клэпем 6951.

– Привет, это ты Алан?

– Да, именно.

– Алан, это я, Поузи, – сообщила я соседу Фредди. – А Фредди дома?

– Нет, Поузи, я думал, ты в курсе, что он поехал на пару дней повидаться с матерью. Хотя должен вернуться сегодня вечером.

– Понятно. Я просто начала немного беспокоиться, не случилось ли с ним чего-то, потому что он до сих пор не позвонил мне. Ты не мог бы оставить ему записку, чтобы он позвонил мне сегодня вечером, как только вернется? И передай ему, пусть звонит в любое время, даже за полночь.

– Будет сделано, Поузи. Но я абсолютно уверен, что с ним все нормально. Ты ж понимаешь, какие проблемы порой подкидывает Рождество.

– Разумеется, понимаю. Спасибо, Алан, скоро увидимся.

– Ну пока, Поузи.

Я отошла от телефона, чувствуя себя довольно глупо. С Фредди ничего не случилось; наверное, он просто был очень занят с матерью. Но во всяком случае теперь он скоро позвонит мне. Почти успокоившись, я пошла играть с бабушкой в карты.

* * *

Но хотя после полуночи я долго бодрствовала, сидя на нижней ступеньке лестницы напротив столика с телефонным аппаратом, чтобы случайно не пропустить звонок, телефон оставался непоколебимо молчаливым.

Когда я, чувствуя себя несчастной, поднималась к себе в спальню, в голове крутилось множество мрачных и ужасных мыслей. Фредди так и не перезвонил. Проведя бессонную ночь, я поняла, что у меня есть только один выход. К тому времени, когда бабуля вышла к завтраку, я уже успела упаковать свои вещи и подготовиться к выезду на железнодорожную станцию.

– Бабуля, милая, мне ужасно жаль, но одна из моих лондонских подруг попала в больницу, и мне обязательно надо вернуться, чтобы навестить ее. Очевидно, она на пороге смерти, – соврала я.

– Правда? Что-то я не слышала телефонных звонков ни вчера вечером, ни сегодня утром.

– Вот и хорошо, бабуля, что они не разбудили тебя.

– Ты вернешься к нам встречать Новый год?

– Думаю, это будет зависеть от состояния моей подруги. Я позвоню тебе, как только смогу. А сейчас мне надо бежать, если я хочу успеть на девятичасовой поезд. Пока-пока, милая бабуля, надеюсь, скоро увидимся.

– Счастливого пути, дорогая Поузи, – крикнула бабушка мне вслед, когда я сбежала с крыльца на подъездную аллею, где Билл уже положил в багажник мой чемодан и завел старенький «форд».

Я знала, что бабушка не поверила мне, но иначе поступить не могла. Что бы там ни случилось с Фредди, я просто не смогу прожить в неизвестности еще целых пять дней.

Когда поезд наконец остановился на вокзале Паддингтон, я спустилась в метро, доехала до Баронс-корт и, пошатываясь от тяжести чемодана, поднялась по бесконечным ступенькам в квартиру, мечтая наконец избавиться от ноши и освежиться перед тем, как ехать к Фредди. Вчера вечером у Эстель, очевидно, гуляла компания, о чем явно свидетельствовал мусор в гостиной. Не думая ничего убирать, я приняла ванну и прошла в свою спальню.

Там, прямо на подушке, лежал какой-то конверт. Я мгновенно узнала почерк Фредди. Мои пальцы так сильно тряслись, что с трудом

удалось открыть конверт. Слезы уже туманили мне глаза, когда я начала читать письмо.

«Моя любимая Поузи!

Скажу все коротко и ясно. Когда перед твоим отъездом в Корнуолл я сделал тебе предложение, то ты могла заметить, что после этого я впал в довольно странное настроение. Возможно, произнося слова того предложения, я по-настоящему понял, что нам с тобой просто не суждено быть вместе. Я искренне думал, что готов остепениться и посвятить себя семейной жизни, однако вдруг осознал, что не готов. Дорогая моя Поузи, все дело во мне, не в тебе, уверяю тебя, но именно ради твоего блага я и хочу, чтобы ты полностью поняла, что у нас не может быть никакого общего будущего.

Извини за резкий тон письма, но мне надо убедиться, что ты как можно скорее выбросишь меня из головы и найдешь человека, действительно заслуживающего тебя. Равно, не буду просить у тебя прощения, потому что не заслуживаю его.

Желаю тебе долгой и счастливой жизни,

Фредди».

Я начала задыхаться, бешено колотившееся сердце не успевало накачивать в легкие достаточно кислорода. Пытаясь остановить головокружение, я опустила голову между ног, но все-таки потеряла сознание.

Наверняка это не что иное, как дурацкая злая шутка! Ни одного слова в этом письме не мог написать Фредди, которого я знала и любила. Казалось, будто сам дьявол овладел его душой, заставив написать на бумаге эти холодные, бессердечные слова. Я могла перечитывать их сто тысяч раз, понимая, что не найду в них ни малейшей сердечной теплоты. С тем же успехом он мог просто написать: «Я больше не люблю тебя», – коротко и ясно.

Когда головокружение уменьшилось, я вяло опустилась на подушку, слишком потрясенная, чтобы заплакать. Я абсолютно не понимала, не могла постичь, что случилось за те считанные минуты, что прошли после нашего любовного слияния до его предложения и до его странного последующего поведения. Единственным возможным объяснением мне представлялось то, что произнесенные вслух слова заставили его осознать, что он не любил меня. «Если только, – подумала я с очередным приступом боли, разрывавшей мое измученное сердце, – у него не появилась новая пассия...»

Да. Это было единственное объяснение для столь резкого и полного разрыва. Может, он серьезно увлекся той юной, привлекательной актрисой из их спектакля? Я видела, с каким обожанием она взирала на Фредди, когда мы однажды отправились с актерами выпить после спектакля. Или, возможно, его прельстила брюнетка из реквизиторского цеха с густо покрашенными глазами и яркой помадой на губах...

– Прекрати думать о нем, Поузи, – простонала я, помотав головой.

Какой бы ни была причина, написанные на этом листочке слова сообщили мне, что наш роман, безусловно, закончился и будущее, еще три дня назад представлявшееся мне в розовом свете, затянуло черными рваными тучами.

Вскочив с кровати, я схватила это письмо и в сердцах скомкала его. Осторожно взяв его кончиками пальцев, словно оно еще могло ранить меня, я пришла в гостиную. Швырнула бумажный комок в камин, подожгла спичкой и смотрела на него до тех пор, пока на решетке не осталась лишь горстка пепла.

Вероятно, я могла притвориться, что не получила письма, и появиться сегодня вечером у служебного входа в театр, словно ничего не случилось...

«Нет, Поузи, тогда тебе просто придется выслушать от него то, что он уже написал, и мучения твои станут еще острее...»

Пройдя на кухню, я посмотрела, не осталось ли выпивки после вчерашней вечеринки. Взяв стакан, я налила в него изрядную порцию джина, добавила остатки вермута и выпила все до дна. Я выпила и второй стакан, чтобы хоть чем-то заглушить боль, и третий. Часом позже, отключившись, я валялась на своей кровати, но в голове все так кружилось, что вскоре я свесилась с нее, и все выпитое выплеснулось

на пол. Меня это ничуть не тронуло, ничто больше не имело значения. Ведь у меня теперь не будет счастливого будущего с любимым человеком. И отныне ничто не могло взволновать мою оцепеневшую душу.

Адмирал-хаус

Декабрь

Падуб остролистный (Ilex aquifolium)

Глава 31

Когда на следующий день после ареста Сэма Поузи, отработав в галерее, пришла вечером домой, вымотанная бессонной ночью, проведенной в мыслях о сыне, то обнаружила на кухонном столе бутылку шампанского на белом конверте. Устало опустившись на стул, она вскрыла письмо.

«Дорогая Поузи!

Первый черновик книги готов, то есть я завершил то, ради чего поселился у вас в Адмирал-хаусе. Примите мои глубочайшие извинения за то, что ухожу, не простившись лично, но того требуют поджимающие сроки сдачи. Прилагаю арендную плату до конца декабря, добавив немного за все те бутылки вина, которыми вы любезно делились со мной. В начале прощального письма я оставил вам свой адрес и телефон. Пожалуйста, если окажетесь в Лондоне, найдите меня, и я угощу вас роскошным обедом.

Поузи, вы совершенно замечательная женщина. Вы заслуживаете огромного счастья, и вашей семье необычайно повезло с вами. Только не забывайте иногда ставить свои интересы на первое место, хорошо?

С искренней любовью и благодарностью,

Себастиан.

P.S. Я пришлю вам первый экземпляр романа. Вы узнаете в нем некоторые места вашего прекрасного дома!»

Вытащив деньги из конверта, Поузи увидела, что Себастиан оставил ей по меньшей мере вдвое больше того, что был должен. На ее глазах выступили слезы. Осознавая, что будет страшно скучать по

нему, она удивилась, почему он вдруг так поспешно уехал, причем даже без намека на предупреждение.

Поставив чайник на плиту, Поузи уже почувствовала, как изменилась домашняя атмосфера. Несмотря на то что большую часть времени Себастиан проводил у себя наверху, присутствие в доме другого человека было ощутимо. А теперь Поузи вернулась к своему одинокому бытию. Обычно она воспринимала его нормально... ведь она много лет прожила одна в этом доме. Но сегодня вечером из-за случившегося с Сэмом и из-за странных пятен, увиденных на стене Башни, уединение стало ощущаться как полнейшее одиночество. Необходимо было с кем-то поговорить. Сделав короткий звонок, Поузи упаковала пастушью запеканку, приготовленную на ужин Себастиану, взяла бутылку шампанского, вышла из дома, дошла до своей машины и поехала в гости к Фредди.

– Заходи, милая, – сказал Фредди, пропуская ее в прихожую.

– Спасибо, Фредди. Я привезла пастушью запеканку. Ее только нужно подогреть в духовке.

– Соблазнительное угощение, – с улыбкой сказал он, принимая от нее пакет. – А то я уже собирался жарить традиционное блюдо нищего студента, яичницу с хлебом.

– Я тебе правда не помешала? – спросила Поузи, следуя за ним на кухню.

– Ничуть. – Фредди мельком глянул на бутылку шампанского. – У нас есть праздничный повод?

– К сожалению, нет, даже наоборот. Это прощальный подарок Себастиана. Он сегодня совершенно неожиданно взял да уехал.

– Неужели? Странно. Он показался мне вполне надежным и серьезным парнем, хотя с этими творческими личностями, наверное, никогда ни в чем нельзя быть полностью уверенным. Стоит ли нам открывать его?

– А как же иначе? – Поузи вздохнула. – Я уверена, что оно равно хорошо и в грустные и в радостные моменты.

– Ладно, я открою его, а ты пока ставь запеканку в духовку. За ужином сможешь спокойно рассказать мне, что там у вас случилось.

– Да все дело в Сэме, Фредди. Его арестовали вчера вечером в отеле «Виктория» в Норфолке и обвинили в мошенничестве.

– Ясно, – коротко изрек Фредди, надеясь, что его лицо не выдало того, что он уже слышал об этом от Себастиана.

Фредди достал из серванта два бокала под шампанское.

– Сэма выпустили под залог, – продолжила она. – И его адвокат считает, что если он даст показания против своего бывшего партнера, то с него могут снять обвинение, но это уже будет решать прокуратура^[48].

– Я не стал бы, Поузи, особенно надеяться на это. Когда я уходил на пенсию, отставания в рассмотрении уголовных дел достигали нескольких месяцев. Этот его партнер... похоже, изворотливый тип?

– Очевидно. Я не знаю деталей, но суть в том, что из-за ареста моего сына все контракты на продажу Адмирал-хауса можно спустить в канализацию. Спасибо, Фредди, – добавила она, когда он вручил ей бокал шампанского. – Не знаю толком, за что бы выпить.

– Может, за жизнь? За то, что никто вчера вечером не умер, и, судя по тому, что я услышал, Сэм, будем надеяться, отделается предупреждением. В наших тюрьмах, Поузи, просто не хватит места, чтобы посадить всех мелких преступников.

– Мой сын – преступник... – Поузи вздрогнула. – У него будет судимость?

– Возможно, будет, но нет смысла думать об этом сейчас. Впереди еще длинный путь. За тебя, Поузи, – провозгласил Фредди и сделал глоток шампанского.

Они ели пастушью запеканку за столиком в зимнем саду, и Поузи заметила, что Фредди кажется сегодня молчаливее, чем обычно.

– Кофе? – предложил он.

– Спасибо.

Захватив чашки в гостиную, они устроились перед камином.

– Фредди, у тебя все в порядке? Ты... не похож на себя.

– Да, пожалуй, мне немного тревожно. В общем, вероятно, так оно и есть.

– Можешь объяснить мне причину?

Он посмотрел на нее полным печали взглядом.

– Поузи, я... даже не знаю, с чего начать... Мне необходимо сообщить тебе нечто важное. Я все откладывал и откладывал разговор, ждал подходящего момента, однако чувствую, что не в силах больше

держат все в себе. Вероятно, мне следовало бы рассказать тебе об этом еще полвека назад, хотя и сейчас явно не лучшее время.

– Господи, Фредди, ты выглядишь жутко серьезным. Если это связано с какой-то бывшей пассией, то, прошу тебя, не волнуйся. Ведь все это случилось в другой жизни.

– Нет, Поузи, к несчастью для нас обоих, ничего подобного.

– Тогда, давай, выкладывай. Так или иначе, сейчас накопилось много дурных новостей, и я сомневаюсь, что еще одна что-то существенно изменит.

Фредди встал и приблизился к Поузи. Он мягко взял ее за руку.

– Боюсь, что изменит. Но, поскольку сейчас, право, не лучшее время, мне хочется, чтобы ты знала, что я любил тебя тогда и люблю сейчас. Однако я просто не в силах больше скрывать эту ужасную тайну.

– Умоляю, Фредди, ты пугаешь меня. Не проще ли сразу все рассказать? – настойчиво предложила Поузи.

– Ладно. – Фредди вернулся в свое кресло. Он глотнул бренди и начал: – Это касается твоего отца, Поузи.

– Моего отца? – Поузи озадаченно нахмурилась. – А что не так с моим отцом?

– Поузи, дорогая моя, к сожалению, никак иначе это не скажешь... твой отец погиб не во время полета на своем «Спитфайре», как тебе говорили. Он... – Фредди старался подыскать нужные слова. – В общем, его сочли виновным в убийстве и... – Он помедлил, сделав глубокий медленный вздох.

Она пристально смотрела на него, пока в глазах не начало двоиться.

– Продолжай, Фредди! Ради бога, просто скажи мне все.

– Его повесили за это преступление. Мне ужасно, ужасно жаль, но, поверь мне, это правда.

Поузи закрыла глаза, она начала задыхаться, уже чувствуя, как кружится голова.

– Фредди, милый, по-моему, ты что-то путаешь. Мой отец погиб в самолете. Он был героем, а не убийцей. Уверяю тебя.

– Нет, Поузи, это то, что тебе рассказывали в детстве, но это была ложь. – Фредди встал, подошел к письменному столу, стоявшему около окна, выдвинул один из ящиков и достал папку. – Все документы

здесь. – Он открыл папку и вытащил фотокопию газетной статьи. – Вот, Поузи, посмотри сама.

Схватив этот листок, Поузи увидела своего отца, а над ним заголовок:

ЛОУРЕНС АНДЕРСОН

ПРИЗНАН ВИНОВНЫМ В УБИЙСТВЕ!

– О боже мой, о боже... – Поузи выпустила из рук фотокопию, и она спланировала на пол. – Нет! Я не верю этому. Почему же все обманывали меня?

– На, глотни немного бренди. – Фредди протянул Поузи бокал, но она отказалась.

– Не понимаю, Фредди. Почему же никто мне ничего не говорил? – повторила она.

– Потому что всем хотелось защитить тебя. Тебе было всего восемь лет, и ты, судя по тому, что рассказывала мне как в молодости, так и сейчас, очевидно, обожала его.

– Разумеется, обожала, он же был моим отцом! Он был самым добрым человеком, мы обычно ловили с ним бабочек... он не мог убить человека. О боже! – Поузи заломила руки. – Почему он сделал это?

– В порыве страсти, или, как говорится, в состоянии аффекта. В конце тысяча девятьсот сорок четвертого года он получил отпуск на празднование Нового года и сразу отправился домой, чтобы сделать сюрприз твоей матери. А приехав в Адмирал-хаус, он обнаружил ее с... другим мужчиной в кабинете Башни, можно сказать, поймал их с поличным. Тогда он достал одно из своих охотничьих ружей из шкафа на нижнем этаже и выстрелом в упор убил этого мужчину.

Поузи опустила взгляд на черно-белую фотографию, лежавшую на полу рядом с ней. На ней запечатлели ее отца, его в наручниках, видимо, выводили из зала суда. Поузи точно оцепенела, она не могла даже нормально осмыслить эту новость.

– Мне ужасно, ужасно жаль, Поузи, что пришлось все-таки сообщить тебе об этом.

– Тогда зачем сообщил? – Она взглянула на Фредди. – Почему же все-таки сообщил?

– Я должен был, понимаешь. Убитый им мужчина... его звали Ральф Леннокс... он был моим отцом.

Поузи закрыла глаза и, пытаясь сохранить спокойствие, начала глубоко дышать. Она не могла, не хотела ничего понимать.

«Ральф...» – это имя всплыло в памяти, когда она мысленно вернулась на шестьдесят с лишним лет назад, во времена своего детства. Да, она вспомнила его. Дядя Ральф, лучший друг отца, он обычно приносил ей шоколадки, когда приходил в гости к матери... и он был отцом Фредди.

– Поузи, не молчи, что с тобой? Пожалуйста, я понимаю, какое это жуткое потрясение. Но я должен был рассказать тебе, надеясь, что тогда мы сможем жить нормально. Я не говорил... не смог рассказать тебе все тогда, в юности. Возможно, оглядываясь назад, тревожные колокольчики должны были прозвенеть, когда я впервые услышал твою фамилию и узнал, что ты родилась в Саффолке. Но я был так очарован тобой, что просто ничего не понял. Я осознал, кто ты, только когда ты назвала свое полное имя в тот вечер после нашей близости, когда я сделал тебе предложение. Я знал, что ты обожала своего отца и считала, что он погиб в самолете во время одного из военных вылетов, поэтому я подумал, что мне остается только уйти. Я понимал, что известие о том, как и почему на самом деле умер твой отец, разобьет тебе сердце, и было невыносимо думать, что именно мне придется сообщить тебе об этом. Не уверен, почему именно, то ли мне самому не хватило храбрости, то ли тоже хотелось защитить тебя, – Фредди вздохнул, – но я не мог жениться на тебе, пока ты всего не узнаешь. Пожалуйста, Поузи, скажи хоть что-нибудь.

Поузи открыла глаза и посмотрела на него.

– Интересно, как ты вообще мог терпеть меня. Дочь человека, убившего твоего отца.

– Бог мне свидетель, Поузи! Это же не имело к тебе ни малейшего отношения, ни тогда, ни сейчас. И лишь благодаря повороту судьбы мы сумели вновь найти друг друга. Я... любил тебя тогда так же, как люблю сейчас, и умоляю простить меня за то, что после стольких лет я

все-таки рассказал тебе правду. Когда мы встретились вновь, я надеялся, что ты уже все узнала; раз ты вернулась в тот дом в Саффолке, то кто-то из местных жителей мог рассказать об этом, но, очевидно, этого не случилось.

– Да, никто не просветил меня. – Поузи резко встала. – Прости меня, Фредди, но сейчас мне надо домой. Спасибо, что все рассказал, и я понимаю, почему ты это сделал. Но мне правда надо домой.

– Конечно. Подвезти тебя, Поузи? Ты уверена, что справишься с управлением?

– Спасибо, не надо, я вполне способна доехать самостоятельно.

– Вот, если хочешь, возьми папку. Возможно, когда шок пройдет, тебе захочется убедиться в том, что я рассказал тебе правду. – Фредди вышел за ней в прихожую, где она уже надевала куртку, и вручил ей папку. – Мне чертовски жаль, Поузи. Меньше всего на свете я хотел бы расстроить тебя. Надеюсь, ты понимаешь... Но мне пришлось, чтобы...

– Да. – Поузи уже открыла дверь. – Пожалуйста, мне надо побыть одной. Доброй ночи, Фредди.

Глава 32

Проснувшись во вторую субботу декабря, Тэмми прикинула, что прошло уже три недели с тех пор, как она обнаружила обман Ника. Эти недели показались ей месяцами. Несмотря на то, что она зашивалась на работе и даже наняла помощницу для обслуживания в магазине, пока сама ездила на поиски новых товаров, Тэмми испытывала мало радости – если вообще испытывала ее – от растущего успеха своего бизнеса. Она также осознавала, что ей надо съездить в Саутволд, забрать винтажные платья из Адмирал-хауса. Но разве могла она вернуться туда?

– Это же бизнес, Тэмми, и тебе просто необходимо забрать их, – убеждала она себя, стараясь сосредоточиться на бесконечных делах, поджидавших ее в магазине этим утром. Шкафы с винтажной одеждой появлялись не каждый день, и, хотя она поместила в женском журнале объявление, чтобы привлечь внимание женщин определенного возраста, желающих продать свои старые платья за наличные, хорошие отклики поступали редко. Прошлой ночью, лежа без сна и стараясь отвлечься от мыслей о Нике, Тэмми придумала одну довольно интересную, как ей показалось, идею: ведь женщины обычно хранят лишь свадебный наряд. Что, если ей открыть в бутике особую свадебную секцию, подобрав для нее самые лучшие ювелирные украшения?

– Свадьба... ха-ха! – проворчала Тэмми, глотнув уже тепловатый чай, давно принесенный ей Миной.

Помимо воли, Тэмми изумлялась тому, что Ник даже не попытался с ней связаться. Хотя она и не хотела видеть его – разумеется, не хотела, – но думала, что, по крайней мере, с удовольствием высказала бы ему в лицо, каким он оказался негодяем. То, что он даже не удосужился связаться с ней, только усугубляло положение, заставляя ее испытывать гнев и опустошение в равной мере.

Она злилась на всех, кто твердил ей, какой замечательный парень Ник, сознавая, что в некотором роде именно они побудили ее так сильно увлечься им. Впоследствии она предпочла спрятаться, не отвечая на звонки тех, кто вступил в этот обманный сговор. Она

собрала все вещи Ника, накопившиеся за пару месяцев в квартире, и закинула их в мусорные мешки. Подавив желание просто сжечь их содержимое, Тэмми решила, что сначала завезет мешки в бутик, а потом бросит их на крыльцо дома Пола и Джейн, позвонит в дверь и быстро уедет.

В том же настроении Тэмми, глубоко вздохнув, набрала номер мобильного телефона Поузи. В ответ она услышала лишь длинные гудки и никакого сообщения с автоответчика. Скрипнув зубами, она попыталась позвонить Эми.

– Алло, это Сара, – произнес тонкий голосок.

– Привет, Сара, а мама твоя дома?

– Да, но она стирает, потому что я заляпала кетчупом комбинезончик и...

– Алло?

– Это Эми?

– Да, а вы кто?

– Тэмми.

– О, привет. – Голос Эми звучал вяло и монотонно. – Ты получила мои сообщения?

– Да. Прости, Эми, на меня здесь навалилось столько дел и...

– Нет нужды ничего объяснять. Я просто хотела сообщить, что в тот вечер, после твоего отъезда из Адмирал-хауса, я видела Ника. Он знает, что ты видела его машину около дома Эви. И он был ужасно расстроен, если тебе от этого станет легче.

– Не думаю, но спасибо.

– Он как-то связывался с тобой? – тихо спросила Эми.

– Нет, и мне вообще не хочется говорить о нем.

– Понятно.

– На самом деле я позвонила просто потому, что мне нужно как-то связаться с Поузи насчет коллекции платьев ее матери. Ведь она должна скоро переезжать.

– Нет, не должна. Все сорвалось, Тэмми. Сделка провалилась.

– О боже... что случилось?

– Это... долгая история.

Тэмми услышала вздох Эми.

– Как ты себя чувствуешь?

– Неважно, но ничего страшного, не бери в голову.

– Ладно, если мне удастся связаться с Поузи и договориться о времени приезда за винтажными платьями, то давай, может, пообедаем где-нибудь?

– С удовольствием, – вяло откликнулась Эми.

– Так Поузи сейчас живет в Адмирал-хаусе?

– Наверное. На меня тоже столько дел навалилось, что я не видела ее больше недели. Давай я тоже звякну ей, и если она не ответит, то заеду проверить, все ли у нее в порядке.

– Спасибо, Эми. Давай поддерживать связь в любом случае. Ну, пока.

– Пока.

– Принести тебе горячего чаю? – в офис заглянула Мина.

– Пожалуй, спасибо, – ответила Тэмми, увидев уже спину уходящей пожилой женщины.

Тэмми сразу рассказала Мине о своем разрыве с Ником, чтобы предотвратить на будущее любые упоминания его имени. С того дня Мина не затрагивала эту тему, но, как заметила Тэмми, стала относиться к ней с особой заботой: могла появиться утром с букетом свежих цветов или днем к чаю принести пирожные, стараясь пробудить ее аппетит, да еще и подарила ей изысканный, собственноручно вышитый шарф, заявив, что он отлично подходит к ее глазам.

Тэмми с благодарностью выпила чай и, взбодрившись, провела очередные минут сорок за компьютером, изучая финансовое положение. Несмотря на то что выручка была выше ее первоначального прогноза, расходы на дополнительные необходимые товары, а также найм Мины и временной продавщицы отрицательно сказывались на доходах.

– Придется рискнуть накоплениями, – пробурчала Тэмми.

Закончив подсчеты, она вышла из бутика и минут через десять подъехала к дому Пола и Джейн. Она заметила, что деревья на Слоан-сквер уже украсили елочными гирляндами. Все выглядело идеально, а ей вдруг захотелось сорвать все эти лампочки голыми руками и растоптать их.

Припарковав машину, она вытащила из багажника мусорные мешки. Оставив их перед входной дверью, она нажала кнопку звонка и уже торопливо сбегала с крыльца, когда Пол вдруг открыл дверь.

– Привет, Тэм. Не зайдешь поздороваться? – Увидев набитые мусорные мешки, Пол удивленно глянул на нее. – Это еще что за подарочки? Уж не труп ли расчлененный?

– Хотелось бы... Там барахло Ника.

– Ясно. А почему ты привезла это к нам?

– Так разве он не у вас живет? – спросила она, продолжая оставаться на безопасном расстоянии.

– Увы, уже съехал. Пару дней назад, когда мы с Джейн уезжали за город, упаковал все свои вещички и исчез. Оставил только благодарственную записку и приличную бутылку бренди, с тех пор от него ни слуху ни духу. Должен сказать, мы оба подумали, что он отважился наконец на решительный шаг и перебрался к тебе.

– Нет, не отважился.

– Надо же. – Пол выглядел смущенным. – Да где ж он тогда?

– Не имею ни малейшего представления.

– Понятно. Хочешь выпить? Я уверен, что все проблемы Ника скоро разрешатся. А Джейни умчалась на вечернюю съемку.

– Ну, ладно, давай тогда выпьем по глоточку. – Тэмми вздохнула, почувствовав вдруг, что ей чертовски нужно выпить.

Она прошла вслед за Полом на кухню.

Открыв бутылку вина и налив по бокалу, он спросил:

– Тэмми, что случилось?

– Ты не против, если я не буду вдаваться в подробности?

– Ладно, не хочешь, не надо, – смиренно согласился Пол. – Оглядываясь назад, я должен признать, что мне самому многое непонятно. Вчера заехал к нему в магазин, а там все закрыто. А я ведь точно помню, что он собирался открыться на этой неделе.

– Да, собирался, – подтвердила Тэмми.

– Что ж, если он не у нас и не у тебя, а его салон закрыт, – глотнув вина, задумчиво произнес Пол, – то остается только предположить, что он снова удрал куда-то.

– Вероятно.

– Странно, надеюсь, со стариной Ником все в порядке.

– Лично я надеюсь, что он горит в аду.

– Значит, между вами...

– Все кончено навсегда. – Тэмми осушила бокал. – Может, оно и к лучшему, спасибо за вино. У Джейни все нормально?

– Цветет, – улыбнулся Пол.

– Передай ей мои извинения, на днях я не смогла с ней поговорить, я позвоню ей завтра, – сказала Тэмми, направляясь по коридору к выходу.

– Тэмми?

– Да?

– Береги себя. Не пропадай, звони.

– Ладно. Спасибо, Пол.

Глава 33

Закончив разговор с Тэмми, Эми подумала, что приглашение на обед станет хоть одним ярким пятном на серой палитре ее нынешней жизни. Она вернулась в гостиную, где Джейк и Сара увлеченно развешивали украшения на нижних ветках потрепанной синтетической елки, которую Эми днем раньше спустила с чердака.

– Ребятки, может, мне повесить немного украшений и на верхние ветки? – предложила она, постаравшись ради них придать своему голосу воодушевление.

– Нет, нам с Сарой и так нравится, – твердо заявил Джейк.

– Ладно, ладно. – Эми кивнула.

Едва ли сейчас имело значение, как будет выглядеть эта елка. Им не светило особо повеселиться на Рождество.

– Я пойду готовить обед, – сообщила Эми детям.

– А потом, мамуля, мы сделаем мне костюм ангела, как ты обещала? – робко спросила Сара.

– Конечно, сделаем. – Эми поцеловала дочку в макушку и вышла из гостиной, оставив детей наряжать елку.

Положив сосиски жариться на гриле, она вновь попыталась позвониться Поузи, но оба ее телефона, и домашний, и мобильный, работали в режиме автоответчика. Плюхнувшись на стул, Эми опустила голову на руки. Несмотря на то, что дети постоянно требовали внимания, шумели и абсолютно ничего не знали о страданиях своих родителей, Эми благодарила Бога за то, что они у нее есть. Они отвлекали ее от тяжелых мыслей. Она действительно думала, что без них не смогла бы выжить.

Прошедшие две недели, вне всяких сомнений, стали худшими в ее жизни. Сэм обосновался на диване в гостиной, смотрел телевизор с утра до ночи и в основном молчал, отделялся односложными ответами, типа «да» или «нет». Эми неуверенно предложила ему сходить к врачу и попросить таблетки от депрессии, однако он словно не слышал ее.

Когда она в итоге набралась храбрости и предложила ему сходить поискать работу – что могло помочь ему отвлечься от мучительных

мыслей, не говоря уже об облегчении их финансового положения, – он глянул на нее как на сумасшедшую.

– Неужели ты настолько глупа, что думаешь, будто кто-то возьмет меня, когда мне грозит тюрьма и судебное разбирательство?

– Сэм, но ведь адвокат почти уверен в том, что тебе не предъявят никаких обвинений. Они уже признали, что ты ничего не знал о прошлом Кена Ноакса.

– Как же ты наивна, Эми, они ведь еще могут передумать. Чертова прокуратура... а я вынужден тупо сидеть тут и месяцами ждать их решения.

– Обед! – крикнула Эми с кухни, призывая детей и Сэма. Сара и Джейк вприпрыжку прибежали на кухню и сели за стол.

– Эми, – отозвался Сэм из гостиной, – принеси мне сюда на подносе.

Выполнив его просьбу, Эми устроилась на кухне с детьми, слушая, как они обсуждают, какие подарки может принести им Санта-Клаус.

С трудом проглотив подступивший к горлу комок, она осознала, что у них совсем нет денег на дорогие подарки. Ей уже пришлось залезть в свою тайную заначку, поскольку элементарно не хватало денег на еду. Вымыв посуду, она зашла в гостиную, где Сэм все так же валялся на диване, а дети спорили, кто повесит на елку последнюю игрушку.

– Сэм, ты в последние дни разговаривал с мамой?

– Что?! – Он возмущенно глянул на нее. – Ты что, Эми, совсем рехнулась? Сомневаюсь, что она вообще захочет теперь разговаривать со мной после того, что я натворил.

– Ты же сам понимаешь, что это неправда. Ведь когда ты заезжал к ней после ареста, она проявила полное понимание.

Сэм с мрачным видом пожал плечами и глотнул пива из бутылки.

– Просто я пыталась дозвониться ей по двум телефонам, и она не ответила ни по одному из них. Попробую еще звякнуть в галерею, – сказала Эми, направляясь обратно в кухню. – Узнаю, не вызвали ли ее поработать дополнительно из-за Рождества.

Эми коротко поговорила с владельцем галереи, после чего вышла в прихожую и сняла с вешалки куртку.

– Мистер Гривз сказал, что дней десять назад твоя мама сообщила, что заболела, и больше он пока ничего от нее не слышал. Ты присмотришь за детьми?

Сэм в ответ, как обычно, вяло пожал плечами, и Эми выбежала из дома, не дав себе времени выплеснуть на него яростное негодование из-за того, что его не волнует здоровье матери, да фактически никто не волнуется, кроме собственной персоны.

Эми ехала по Хай-стрит, пытаюсь вызвать у себя чувство радости от вида празднично украшенных фонариками витрин и суматошного волнения на заполненных людьми тротуарах. Последнее время сам выход из дома уже приносил облегчение, но сейчас она сильно беспокоилась о Поузи. Должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, если ее свекровь не позвонила им, чтобы узнать, как дела, и сама не отвечала по мобильному. И, погрязнув в своих собственных трудностях, Эми вдруг осознала, как долго она этого не замечала.

– Господи, милая Поузи, пусть с вами будет все в порядке, – взмолилась она, глядя на темнеющие небеса.

Подъехав к Адмирал-хаусу, Эми увидела, что машина Поузи стоит на подъездной дорожке. Эми направилась к задней двери в кухню, надеясь, что ее страх вызван стрессом, а не реальным положением дел. В кухне было темно и необычно тихо... не журчало даже обычно включенное радио.

– Поузи? Это я, Эми. Где вы? – крикнула она, заходя в малую столовую, оказавшуюся тоже пустой.

Обыскав комнаты нижнего этажа и даже туалет, Эми, продолжая звать Поузи, поднялась наверх. Дверь в спальню хозяйки была закрыта, и, когда Эми постучала в нее, воображение уже подкидывало ей страшные картины того, что она может обнаружить внутри. Не дождавшись отклика, она набралась храбрости и открыла дверь, едва не вскрикнув от облегчения при виде пустой и аккуратно заправленной кровати. Она пробежалась по всем остальным комнатам, помедлив немного в спальне, где еще недавно жил Себастиан, и вспомнив, как нежно он любил ее...

– Прекрати! – прошипела себе Эми и направилась дальше, решив проверить и чердачный этаж. Там тоже никого не оказалось, и стало ясно, что Поузи нет в доме. Однако ее машина стояла...

Сбежав обратно по казавшимся бесконечными лестничным пролетам, Эми бросилась по коридору к кухне, в голове ее роились страшные образы Поузи, потерявшей сознание где-то в саду или лежавшей, страдая от боли, или даже хуже...

– Привет, Эми, – произнес знакомый голос, когда она вошла в кухню. Свет уже горел, и Поузи в своей уличной куртке стояла около плиты, грея над ней руки и дожидаясь, пока закипит чайник.

– О боже мой! Слава богу, Поузи! – задыхаясь, воскликнула Эми и тяжело опустилась на стул. – Я уж подумала, что вы там... подумала, что вы...

– Умерла? – Поузи глянула на Эми и улыбнулась, хотя улыбка не затронула ее глаз.

– Да, честно говоря. Где вы пропадали? Не подходили к телефону и на работе не появлялись уже...

– Я была здесь, дома. Хочешь чаю?

– С удовольствием, спасибо.

Эми пристально посмотрела на Поузи. Физически она выглядела как раньше, но что-то в ней явно изменилось. Как будто иссякла вся ее жизнерадостность, та радость бытия, что включала не только ее собственную жажду жизни, но и дарила доброту и заботу всем окружающим.

– Пей на здоровье. – Поузи поставила перед Эми кружку. – К сожалению, у меня печенье только из магазина. Последние дни я ничего не пекла.

– Все прекрасно, правда.

Поузи налила себе чай, но явно не собиралась садиться за стол, как обычно.

– Вы болели? – рискнула спросить Эми.

– Нет, я чувствую себя прекрасно, – ответила Поузи.

Эми вдруг осознала, что ей еще никогда не приходилось самой «вести» разговор со свекровью, и это удавалось ей с трудом. Ведь обычно Поузи живо интересовалась всеми новостями их жизни.

– Чем вы занимались все эти дни?

– В основном работала в саду.

– Понятно.

Между ними повисло молчание, и Эми не представляла, чем заполнить его.

– Поузи, вы так огорчились из-за того, что случилось с Сэмом? – наконец спросила она. – Мне ужасно жаль, конечно, но я уверена, что найдется другой покупатель, и вы...

– Дело не в Сэме, Эми. На сей раз дело во мне самой.

– Гм-м, понятно. Могу ли я чем-то помочь?

– Нет, милая, но спасибо, что предложила. Мне просто необходимо кое-что обдумать, только и всего.

– О состоянии вашего дома?

– Наверное, отчасти и о нем.

Потягивая чай, Эми вдруг осознала, что ей не удастся получить от Поузи никаких дополнительных пояснений.

– Тэмми пыталась связаться с вами, она собиралась приехать и забрать старые платья вашей матери.

– Вообще-то я уже сложила их в коробки и отнесла на конюшню. Передай ей, что она может забрать их в любое время.

Эми заметила, что Поузи вдруг пробрала странная дрожь.

– Хорошо, передам. Мне очень нравится Тэмми, правда, и очень жаль, что... в общем, не важно. – Не в силах больше длить это тягостное общение, Эми встала. – Мне пора домой, но если я смогу вам хоть чем-то помочь, то, пожалуйста, Поузи, только скажите.

– Спасибо тебе, милочка. Передавай привет Сэму и детям.

– Передам.

Поставив кружку в раковину, Эми направилась к задней двери. Она обернулась и посмотрела на Поузи.

– Мы все очень любим вас. До свидания, Поузи.

– До свидания.

По дороге домой Эми напряженно размышляла о будущем. До сих пор она толком не осознавала, какую огромную поддержку оказывала ей Поузи все эти годы своим бесконечно позитивным мироощущением и практичными, но деликатными советами. Эми заехала в супермаркет за макаронами и картошкой, надеясь, что эти запасы помогут им продержаться до ее очередной зарплаты в следующую среду. Прикинув, сколько у нее осталось денег, Эми добавила в корзину еще упаковку пива и пошла к кассе расплачиваться.

Стоя в очереди, Эми вспоминала, как странно выглядела сегодня Поузи.

И внезапно осознала, что она выглядела какой-то унылой и сломленной.

* * *

Поузи стояла у окна в малой столовой, глядя, как исчезают на подъездной аллее Адмирал-хауса огни машины Эми. Понимая, что вела себя крайне необычно, Поузи испытывала чувство вины, но сейчас она была просто не в силах вести себя иначе. На самом деле она даже сомневалась, существовала ли еще та «привычная» всем Поузи, или то была просто маска, которую она создала и носила, как любимый кардиган, плотно запахнувшись, чтобы спрятать испуганную и смущенную душу, жившую в ее теле.

Что ж, за последние десять дней ей удалось полностью избавиться от этого удобного кардигана, за долгие годы изъеденного молью. После того как Фредди рассказал ей все и вручил папку, она кое-как доехала до дома, с трудом вошла в холл, поднялась в спальню и улеглась в кровать. И пролежала там почти три дня, поднимаясь, только чтобы воспользоваться ванной и выпить воды из своего стаканчика для чистки зубов. Иногда до нее доносились телефонные звонки, но Поузи не отвечала на них.

Она лежала, глядя в потолок, хотя вовсе не видела его, мысленно проводя бесконечные изыскания и пытаясь осознать сказанное Фредди. Понимая непосильность этой задачи, она погружалась в долгий сон... возможно, подумала она, таким образом тело защищало ее, блокируя страшное и мучительное потрясение. Вновь и вновь она оплакивала отца, которого никогда не знала, и мать, которую узнала слишком хорошо.

«Преступление на почве ревности в состоянии аффекта... жестокое убийство...»

Поузи осознала, что и то и другое верно.

Больше всего ранил обман о смерти отца, в который она верила более шестидесяти лет. У нее не возникло даже малейших сомнений в том, что Фредди сказал правду. Когда она наконец осмелилась открыть папку, то увидела броские заголовки, напечатанные во всех газетах.

***ПОСЛЕДНЕЕ УБИЙСТВО В БАШНЕ
БАБОЧЕК!!***

ЖЕНА И ЛЮБОВНИК ПОЙМАНЫ

НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВСПЫЛЬЧИВЫМ

МУЖЕМ-ЛЕТЧИКОМ!.. ГЕРОЮ ВОЙНЫ

АНДЕРСОНУ ГРОЗИТ ВИСЕЛИЦА!!

В первый раз она быстро захлопнула эту папку, осознав, что непристойные детали могли лишь усилить ее мучения. Фредди отдал папку как доказательство, поскольку сразу Поузи просто не смогла принять то, о чем он сообщил. Впоследствии она поняла, что все встало на свои места. Поняла, что ее любимой бабушке пришлось сделать все возможное для ее защиты: долгие годы удерживать в Корнуолле, где она едва ли могла услышать, что ее любимый отец сидел в тюрьме, а впоследствии предстал перед судом за убийство дяди Ральфа.

– Отца Фредди, – прошептала она, все еще не в силах постичь эту мысль.

И разумеется, в газетах ее упоминали как «Адриану Роуз» – именно эти имена заставили Фредди понять, кто же она на самом деле, в тот вечер, когда он сделал ей предложение. Ничто не могло связать Поузи, девочку, жившую в крошечной деревеньке близ Бодмин-Мур, с ужасным событием, завершившимся на виселице в Лондоне.

Поузи лишь жалела, что она уже не может спросить свою любимую бабушку, как же она вынесла позор и боль того, что ее сына судили за убийство и в итоге повесили за это преступление. В памяти всплыли образы бледного и напряженного лица бабушки... в тот день, когда пришла телеграмма, за несколько часов до того, как мать приехала сказать, что отец погиб... и все те бабушкины поездки в

Лондон, вероятно, чтобы навестить, а потом и в последний раз проститься с сыном...

– Как же она выдержала общение с маман? – прошептала Поузи, глядя в потолок.

Ведь измена этой женщины побудила ее сына убить человека.

Позднее Поузи прочитала в старых газетах, что защитник ее отца ссылался на то, что Лоренс, много лет рисковавший жизнью, защищавший свою страну, пострадал психически. Он взывал к снисходительности, доказывая, что нервы героя войны были издерганы лотереей возможной смерти, которой он ежедневно подвергался, летая над Европой. Очевидно, судебный процесс разделил страну, обеспечив средства массовой информации достаточным количеством корма для заполнения газетных страниц общественным мнением, раскачивавшимся то в одну, то в другую сторону.

«А если бы ему сохранили жизнь? – подумала Поузи. – Приговорили бы к пожизненному заключению? Что они сказали бы мне тогда?..»

Больше всего ее разозлило то, что мать практически сразу укатила за границу, быстро начала новую жизнь, бросив старую, словно ненужное платье. Она сбросила его и быстро приобрела новое.

– Оставив в прошлом и меня, – громко добавила Поузи в дополнение к подстувившим слезам. – Ох, бабуля, как бы мне хотелось поговорить с тобой...

В конце концов она поднялась с кровати и отправилась в единственное убежище, где могла обрести утешение. Впервые она с благодарностью подумала о сорняках, которые вырастали на цветочных клумбах независимо от времени года. И пока она дергала их из земли, ее чувства начали проясняться, однако в голове роилось такое множество вопросов, что она едва не сошла с ума от расстройства. Бабуля и Дейзи уже умерли, а с единственным человеком, который мог бы ответить на них, Поузи могла больше не увидеться. Ведь ее отец убил его отца, разрушил его детство, пока она пребывала в блаженном неведении.

Поузи вздрогнула, вдруг вспомнив, как часто она впадала в лирику, расписывая Фредди своего замечательного отца, и осознала, что именно Фредди стал настоящей жертвой. Не удивительно, что он бросил ее, узнав, кто она такая на самом деле. Не Поузи, не та

женщина, которая, как он однажды сказал, озарила его жизнь, а Адриана Роуз, дочь человека, который навсегда отнял у него отца.

Естественно, Фредди предполагал, что она все узнала, что за полвека кто-то мог сообщить ей, но никто не сообщил. Поузи вновь вспомнила то время, когда она вернулась в Саутволд и Адмирал-хаус со своей молодой семьей. Порывшись в памяти, она смутно припомнила странные взгляды одного или двух местных жителей. Тогда она просто предположила, что так они встретили чужака, появившегося в небольшом сообществе, но, оглядываясь назад, поняла, что реальная причина была совершенно иной.

Она испытала жуткий стыд... из-за позорного пятна, оставленного в прошлом ее отцом, это прошлое преследовало ее по сей день, и оно, по иронии судьбы, изменило ход ее жизни. Если бы он сдержал свой гнев, то они с Фредди могли бы пожениться, как собирались, могли бы растить вместе детей и счастливо жить...

– Ненавижу ли я своего отца? – спросила она садовую вилку, вонзив ее в подмерзшую почву, чтобы выкопать корни сорняка.

Этот вопрос Поузи задавала себе снова и снова, но ее сердце отказывалось выносить вердикт. Она даже подумывала, не послать ли ей в интернете одно из тех анонимных писем, что так раздражали ее саму; оставалось лишь надеяться, что оно быстро вызовет отклик и она получит хоть какой-то ответ.

Поузи допила чай, прислушиваясь к тишине дома и поеживаясь. И в довершение всего хоть какие-то шансы быстро уехать из того самого дома, что стал свидетелем трагедии, и начать с чистого листа где-то в другом месте, теперь оказались отложенными. Неудивительно, что Фредди пылко поддерживал ее желание переехать. Она совершенно не представляла, как он сможет хотя бы приблизиться к дому, где хладнокровно убили его отца.

В общем, зализывая десять дней свои раны, Поузи осознала, что выжить ей помогут только мысли о будущем. Она могла выставить Адмирал-хаус на открытый рынок, продать его и уехать, возможно, вообще из Саутволда. Но что станет с ее любимыми внуками, с ее работой, с ее жизнью? Поузи знала много своих сверстников, которые, выйдя на пенсию, уехали в теплые края, но она была не замужем и жила одна; и кроме того, наверняка она знала только одно: что прошлое останется с тобой, как бы сильно ты ни стремился убежать от

него. И возможно, этот дом и все случившееся в нем определено ей судьбой: как мисс Хэвишем^[49] с ее потерянной любовью, и она будет торчать здесь до смерти, постепенно ветшая вместе с Адмирал-хаусом...

– Прекрати, Поузи!

Приезд Эми разрушил колдовское оцепенение. Более всего Поузи страшила мысль о том, что ее будут жалеть, считая жертвой.

– Хватит потакать собственным слабостям... ты должна взять себя в руки, – приказала она себе.

Мысли о том, что Эми, приехав домой, скажет ее сыну о странном унынии его матери, хватило, чтобы в ней зародилась здоровая злость.

Это вызвало еще один вопрос: расскажет ли она своим мальчикам то, что недавно узнала об их дедушке?

«Нет», – мгновенно откликнулся мозг.

– Да, – сказала она вслух. Подумать только, до чего довело ее самую стремление взрослых защитить детей. Кроме того, сыновья уже взрослые и никогда даже не знали своего дедушку. Да, в подходящее время она расскажет им.

Она подошла к радиоприемнику и решительно включила его. Потом собрала все ингредиенты для кекса, который завтра отвезет своим внукам.

Поузи начал просеивать муку в миску. Порядок восстановился. Пока...

* * *

– И где же ты пропадала?

Эми глянула на Сэма, угрожающе маячившего в дверях гостиной. Она увидела, что он пьян, но где он взял деньги на спиртное, понятия не имела. Не мог же он обнаружить ее записку?

– У твоей матери, Сэм. Я беспокоюсь за нее. Она сама на себя не похожа.

– Небось нажаловалась на меня?

– Нет, конечно, нет. Я же сказала, что беспокоюсь за нее, – повторила она. – Дети что-нибудь ели? – Она принесла покупки в

кухню и выложила на стол.

– Эми, у нас же нечего есть, ты отлично знаешь.

Эми заметила, как загорелись глаза Сэма, когда он увидел пиво. Тут же схватив бутылку, он открыл ее и присосался к горлышку. Прикусив язык, Эми не сказала, что, судя по виду, ему уже хватит, и ушла в гостиную, где Джейк и Сара увлеченно смотрели видео.

– Привет, родные, – сказала Эми, поцеловав детей. – Я приготовлю вам что-нибудь с макаронами. Скоро поедем, обещаю.

– Хорошо, мамуля. – Джейк едва отвел взгляд от экрана.

Вернувшись на кухню, она принялась готовить ужин.

– Что там у тебя? – спросил Сэм.

– Макароны.

– Мне уже осточертели твои макароны! Последние две недели только их и едим!

– Но, Сэм, у нас нет денег ни на что другое!

– Как же, нет! А я вот нашел их на дне гардероба.

– Сэм, это же я отложила на рождественские подарки детям! Надеюсь, ты не истратил их?

– Надеюсь, ты не истратил их? – злобно передразнил он ее. – Значит, не доверяешь мне? А я-то думал, что судьба подарила мне счастье быть твоим мужем! – вскричал он, открывая вторую бутылку пива.

– Ты и есть мой муж, Сэм, а также отец. Разве тебе не хочется, чтобы твои дети получили подарки?

– Конечно, хочется, но почему это так получается, что мои потребности в семье стоят на последнем месте, ну почему? Почему? – Сэм подошел сзади и склонился над ней как раз в тот момент, когда она взяла вскипевший чайник, чтобы налить воду в кастрюлю.

– Осторожно, Сэм, я же пролью кипяток.

Сэм тяжело дышал над ее плечом, и по его дыханию Эми поняла, что он уже совсем пьян. Должно быть, пока она ездила к Поузи, он нашел ее заначку, сбегал в бар и купил какую-то выпивку. Перейдя к плите, Эми наполнила кастрюлю кипятком и опустила макароны.

– Я догадываюсь, Эми, что это не единственная заначка в доме.

– Как раз единственная. Хотелось бы мне заначить больше, но не получилось.

– Ты наверняка врешь.

– Правда, Сэм, больше ничего нет.

– Ну, я лично больше не в состоянии питаться твоими чертовыми макаронами! Я хочу наконец фирменных блюд из ресторана и бутылку приличного вина, поэтому тебе лучше честно сказать, где лежат деньги.

– Клянусь тебе, Сэм, в доме нет больше денег.

– Признавайся, Эми, где они.

Сэм стащил кипящую кастрюлю с конфорки.

– Поставь ее обратно, пока не разлил, пожалуйста! – Эми уже не на шутку испугалась.

– Не поставлю, пока не скажешь, где спрячешь остальные деньги!

– Говорю же тебе, больше денег нет, правда!

Эми смотрела, как Сэм, пошатываясь, надвигается на нее, выплескивая на плитки пола горячую воду.

– Сэм, в последний раз говорю тебе, нет у нас больше...

– Ты лжешь! – Сэм швырнул в ее сторону кастрюлю.

Содержимое окатило Эми, как приливная волна, и, прежде чем кастрюля грохнулась на пол, она закричала, почувствовав прокатившуюся по ногам жгучую боль.

Сэм, рванувшись вперед, схватил ее за плечи.

– Мне просто нужно узнать, где ты спрятала деньги.

– Ничего... ничего я не прятала, – крикнула Эми.

Ей удалось вырваться от него, и она, с трудом переставляя ошпаренные ноги, направилась в прихожую, но он вдруг опять схватил ее сзади за блузку, развернул и прижал к стене. Отчаянно царапаясь и сопротивляясь, Эми попыталась оттолкнуть его, но он был слишком сильным.

– Сэм, прекрати! Умоляю!

Его руки сжали ее горло, и она почувствовала, как ноги потеряли точку опоры, когда он протащил ее по стене вверх.

– Эми, признавайся, где деньги, живо говори...

Но она уже и говорить-то не могла, ее глаза начали вылезать из орбит, рот открылся, она в отчаянии пыталась глотнуть хоть немного воздуха. Голова закружилась, и она поняла, что вот-вот потеряет сознание.

И вдруг послышался чей-то крик, и хватка на ее шее ослабла. Жадно хватая воздух, она соскользнула по стене на пол.

Прищурившись, она подняла глаза, и кружившийся мир вновь замер перед ее взором. Над ней маячило лицо Фредди Леннокса, в руках которого извивался Сэм.

– Мамуля, что вы тут делаете?

Сквозь слезы Эми увидела, что в дверях гостиной стоит Джейк, обнимая за плечи Сару.

– Милые, мамуля скоро придет к вам, – задыхаясь, прохрипела Эми.

Увидев детей, Фредди бросил Сэма на пол и быстро подошел к ним. Решительно взяв Джейка и Сару за руки, он вернулся к Эми и, склонившись к ней, спросил:

– Дорогая, ты сможешь встать?

– Думаю, смогу. – Эми попыталась встать, но ноги ей не подчинялись.

Сэм, спотыкаясь, направился к ним.

– Какого черта, что это ты тут себе позволяешь? – еле ворочая языком, проревел он.

– Не смей приближаться к ней, – ледяным тоном ответил Фредди. – Только тронь еще раз Эми или детей, и я тут же вызову полицию. Вот так. Джейк, ты возьмешь Сару за руку, пока я помогу вашей маме добраться до машины, ладно?

– Эми, остановись! Куда ты поедешь? – заскулил Сэм, видя, как Фредди вывел детей на крыльцо и практически вытащил следом Эми.

– Эми! Я же...

Фредди захлопнул дверь перед его носом и повел всех к своей машине.

– Итак, – сказал он, когда все уселись в салоне, – для начала, дамочка, мы отвезем тебя в больницу.

– Н-нет, я в порядке. – Эми покачала головой. – П-правда. Просто ноги... он ошпарил их кипятком, – с трудом пояснила она, поскольку от пережитого ужаса ее зубы невольно начали выбивать дробь.

– Провериться не помешает, – решительно возразил Фредди, включая зажигание. – Вы в порядке, ребятки? – Оглянувшись, он увидел две пары испуганных глаз.

– Вроде да, – пробурчал Джейк.

– Молодцы. – Он одобрительно кивнул, отъезжая от тротуара, и Эми, испытывая огромное облегчение, закрыла глаза.

Глава 34

Следующим вечером, когда Тэмми уже собралась уходить из магазина, зазвонил городской телефон.

– Это Джейн, – сообщила Мина. – Голос у нее очень странный.

– Ладно. – Тэмми взяла трубку. – Привет, Джейни, как дела?

– Вроде нормально, но мне необходимо срочно поговорить с тобой. Ты сможешь заехать?

– Конечно, смогу, – ответила Тэмми, хотя чувствовала себя ужасно усталой.

– Спасибо, Тэм. До скорого.

Выйдя из магазина, Тэмми поехала в сторону Гордон-плейс, оставалось надеяться на чудо и думать, что столь срочное приглашение не имеет отношения к выкидышу. Стараясь унять тревогу, она позвонила в дверь дома.

Дверь открылась мгновенно.

– Привет, красотка, спасибо, что приехала.

Тэмми подумала, что для человека, только что говорившего с ней трагическим тоном, Джейн выглядит на редкость спокойно.

– Что случилось?

– Проходи на кухню. Бокал вина? – предложила Джейн.

– Спасибо. – Тэмми взяла бокал. – Как дела у вас с малышом?

– Мы чувствуем себя хорошо. – Джейн с гордостью пригладила рубашку, подчеркнув легкую округлость живота. – Ладно, какие у тебя планы на Рождество?

– Швейные. – Тэмми подозрительно глянула на подругу. – Джейни, что происходит?

– Ничего, совершенно ничего, честное слово...

Хлопнула входная дверь. Тэмми услышала, как к кухне приближаются мужские голоса, и ее сердце бешено заколотилось в груди.

– Джейни, нет... умоляю! – Ее испуганный взгляд, как у загнанного животного в поисках спасительного выхода, заметался по кухне.

– На мой взгляд, это очень приличная цена, и ты должен посоветовать своей матери согласиться на их предложение, – сказал

Пол, входя в кухню.

С Ником.

Их взгляды сцепились. И оба заговорили практически одновременно.

– Господи, Пол! – яростно воскликнул Ник.

– Огромное спасибо, Джейни. Я ухожу. – Проходя мимо него, Тэмми опустила взгляд и впервые заметила, что Ник держит за руку девочку лет девяти-десяти.

– Итак, Ник? – сказал Пол. – Предоставишь мне право познакомиться дам или сам решишься?

– Тэмми, – смиренно вздохнув, сказал Ник, – это Клемми. Моя дочь.

– Извините, но мне пора уходить, до свидания. – С трудом пройдя мимо них, Тэмми направилась к выходу, от выплеска адреналина у нее закружилась голова. Выйдя из дома, она бросилась бежать подальше от того, чего не желала ни знать, ни слышать.

– Кто это, папа? Она очень красивая, – сказала Клемми.

– Ради бога, парень, беги же за ней! – воскликнул Пол, заметив, каким взглядом Ник смотрел вслед Тэмми. – Не думаешь ли ты, что она заслуживает хоть какого-то объяснения? – Пол буквально вытолкнул друга из кухни. – Мы тут присмотрим за Клемми. Давай, живо догоняй ее!

Выскочив на тротуар, Ник увидел, как Тэмми удирает по улице. Он помешкал немного, держа ее в поле зрения и набираясь решимости, и наконец побежал за ней, прибавляя скорость. Пол, естественно, прав. Тэмми заслуживает объяснения. Теперь, когда тайна открылась, Ник мог по крайней мере попытаться поговорить с ней.

Тэмми бежала без оглядки в сторону Кенсингтон-гарденз, на его аллеях хотя бы можно свободно вздохнуть и уединиться. Оказавшись в парке, она без сил опустилась на скамейку и взвыла от отчаяния, но спустя несколько мгновений рядом с ней появился Ник.

– Пожалуйста, уходи!

– Тэм, я понимаю, что глаза б твои меня не видели, и мне искренне жаль, что нас обоих так жестоко подставили. Клянусь, это не моя идея.

Тэмми склонила голову и видела только концы его туфель и джинсы. Но тут же зажмурилась, поскольку не желала видеть даже

этого.

– Послушай, я расскажу тебе, что произошло, а потом уйду, – сказал Ник. – Ладно, история такова: одиннадцать лет назад я взял на работу в свой саутволдский магазин девушку, Эви Ньюман. Старательную и готовую учиться. Мы отлично поладили, и, хотя я знал, что она давно дружит с одним парнем, я... все-таки влюбился, правда, она никогда не показывала мне, что разделяет мои чувства. Как-то нам пришлось поехать на закупки во Францию. Мы пошли в бар и изрядно напились, и в ту ночь уснули вместе. Тогда я даже думал, что мои сны стали явью. Я открыл ей свои чувства, признавшись, что люблю ее.

Продолжая рассказ, Ник начал вышагивать взад-вперед мимо скамейки.

– На следующий день мы вернулись домой, и я уже размышлялся, что у нас начался замечательный серьезный роман, однако следующие пару недель она всячески избегала меня. А еще через несколько недель сообщила, что беременна. Брайан, ее парень, получил новую работу преподавателя в Лестере, и они уехали из Саутволда.

Ник пнул носком ботинка какой-то камешек, сбросив его с дорожки.

– Трудно объяснить, какого рода любовь я испытывал к Эви. Задумавшись об этом недавно, я осознал, что не назвал бы ту любовь благотворной, скорее она была сродни одержимости или помешательству от страстного увлечения. После того как Эви сообщила мне, что уезжает, я понял, что не смогу жить там, где все вокруг будет напоминать мне о ней, поэтому продал магазин и улетел в Австралию. Можно я присяду?

Тэмми пожала плечами, и он сел на скамейку поодаль от нее.

– В следующий раз я увидел Эви пару месяцев назад, когда приехал в Саутволд навестить мать. В общем, Эви написала мне письмо. Я заехал к ней домой, и она объяснила мне, почему решила связаться со мной. Ты еще слушаешь?

– Ну да, – прошептала Тэмми.

– Суть в том, что она написала мне из-за Клемми. Эви поведала мне, что, когда они перебрались в Лестер, в ее отношениях с Брайаном сразу начались сложности, но она не могла понять причины. Вскоре после рождения Клемми Брайан признался, что пять лет назад сделал

вазектомию. Он был старше нее на пятнадцать лет, успел развестись, и два его ребенка остались жить с их матерью. Иными словами, он не мог быть отцом Клемми. Видимо, он надеялся, что переживет измену Эви и сможет полюбить Клемми как родную, но, очевидно, не смог. Поэтому вскоре после ее рождения он уехал, и Клемми росла, не зная, кто ее отец.

Ник пристально взглянул на выражение лица Тэмми. Оно оставалось бесстрастным, поэтому он продолжил:

– В тот вечер в Саутволде Эви спросила меня, готов ли я пройти тест на отцовство, чтобы точно убедиться, кто отец Клемми. В общем, я сделал этот тест... честно говоря, я молился, чтобы он оказался отрицательным. Ведь мы с тобой как раз начали встречаться... и уже строили планы на будущее, и мне так не... – Ник покачал головой и вздохнул. – Но, как бы то ни было, мои ДНК совпали с ДНК Клемми. Я действительно ее биологический отец.

Тэмми медленно вздохнула, пытаясь сохранить спокойствие.

– Неужели ты не рад? Ведь ты сам только что говорил, что любил Эви. Ведь теперь, видимо, все твои мечты сбылись?

– Давным-давно так могло бы быть, верно. Но, повторяю, то была одержимость, а не настоящая любовь. По-настоящему я люблю тебя. И кроме того...

– Что еще? – поторопила Тэмми, просто уже желая закончить весь этот мучительный кошмар.

– Эви умирает от лейкемии. Она попросила меня пройти тест на отцовство, чтобы у Клемми остался хотя бы один родной человек. И, возможно, новая большая семья, когда ее не станет. Именно поэтому Эви вернулась в Саутволд.

– Боже мой. – Тэмми потрясенно взглянула на Ника. – Какой... кошмар.

– Да, именно. Ей ведь всего тридцать один... столько же, сколько тебе.

Они помолчали.

– Ник, – мягко сказала Тэмми, – я, безусловно, прошу прощения за свои подозрения после всего, что ты только что рассказал мне, но вы с ней... опять вместе?

– Нет. Клянусь, между нами ничего нет. Я рассказал ей о тебе, о том, как люблю тебя и хочу связать с тобой свое будущее.

– Но... – Ей удалось немного успокоиться. – Если бы Эви была здорова, ты захотел бы остаться с ней?

– Поверь мне, Тэмми, я много думал об этом. И мой ответ – нет. Я люблю тебя, пусть даже Эви опять появилась в моей жизни. Именно тебе удалось вырвать меня из больной одержимости. Я еще никогда не был так счастлив, клянусь, а потом, как на грех, случилось все это, и я... я...

Ник обхватил голову руками, и Тэмми заметила, как задрожали его плечи. Помимо воли, она нежно коснулась его плеча и слегка сжала его руку.

– Мне так жаль, Тэмми, так жаль, что произошла вся эта жуткая путаница.

– Ник, но почему же ты не рассказал мне обо всем раньше?

– Потому что мне необходимо было ездить туда ради Эви, и нужно было успеть нормально познакомиться с Клемми, понять, удастся ли нам с ней наладить отношения, прежде чем пытаться объяснить что-то тебе. К тому же я полагал, ты не поверишь, что я не возобновил роман с ее матерью, как впоследствии и оказалось. И, честно говоря, я боялся, что ты бросишь меня, узнав правду. Мы же знакомы не так давно. Разве мог я просить тебя регулярно навещать со мной бывшую любовницу и мою дочь?

– Я видела около ее дома твою машину в тот вечер, когда мы с Эми проезжали мимо.

– Я знаю. Эми говорила мне. Да, я общался там с Эви и Клемми. Я проводил с ними большую часть выходных. Не знаю, как ты к этому отнесешься, но Эви сказала, что, когда все прояснится, она хотела бы познакомиться с тобой.

– Чего ради ей вообще знакомиться со мной?

– Наверное, – Ник вздохнул, – она поняла, что ты станешь когда-нибудь приемной матерью Клемми.

– Понятно. – От этой мысли к горлу Тэмми опять подступил комок. – Ладно, возможно, было бы легче, если бы ты сразу все рассказал мне вместо того, чтобы темнить, предоставляя массу возможностей для очевидных подозрений. Ты не доверял мне, Ник, или не верил в мою любовь, – прошептала она.

– Я понял, что все испортил, и мне очень, очень жаль.

– А где ты пропадал последние две недели? – спросила она. – Пол сказал, что ты уехал от них с Гордон-плейс.

– Да. Я отвез свои вещи в тот новый дом в Баттерси, потом забрал пораньше Клемми из интерната, и мы слетали на швейцарский курорт Вербье покататься на лыжах. Нам нужно было побыть наедине, не говоря уж о том, что Клемми давно нуждалась в каком-то веселом отдыхе. Ведь она только и видела, как постепенно угасает ее мать.

– Бедняжка, это, должно быть, разрывает ей сердце.

– Да, нелегко ей пришлось. У Эви обнаружили лейкемию пару лет назад. И Клемми изрядно помучилась, одна ухаживая за матерью, пока она проходила лечение. Ремиссия длилась около года, но в июне болезнь обострилась с удвоенной силой, и Эви дали окончательный прогноз.

– Значит, Клемми знает, что ее мама скоро умрет?

– Увы, знает. Она милая малышка, Тэмми, и такая невероятно храбрая... хотя, естественно, очень горюет из-за болезни мамы. Я не в силах изменить это, но по меньшей мере могу навещать ее по выходным и отвлекать, пока Эви... – Ник пожал плечами. – Вернувшись из Вербье, мы отправились выбирать мебель для ее спальни в доме на Баттерси. Для нее важно сейчас почувствовать, что у нее есть дом.

– Тот дом, в котором пару недель назад ты приглашал меня жить с тобой?

– Да.

– Какие потрясающие откровения. – Тэмми взглянула на него и вздохнула. – И когда же ты собирался рассказать мне?

– Я... не знаю. Учítывая, что прошлое буквально взорвало мое настоящее, я мог лишь справляться с ним день за днем. Я должен бывать там ради Клемми, но я даже не представлял, как смогу объяснить это тебе.

– Я понимаю тебя.

– Правда?

– Да.

Ник взглянул на нее мокрыми от слез глазами. Он накрыл ее руку своей и пожал ее.

– Спасибо, Тэмми.

Они просидели в парке довольно долго, Тэмми изо всех сил старалась осмыслить все сказанное им.

– Ник?

– Да?

– Прошу, скажи мне сейчас честно, испытываешь ли ты к Эви какие-то чувства?

– Я же... забочусь о ней, Тэмми, поэтому, естественно, она мне небезразлична. Она умирает, умирает такой молодой, жизнь чертовски жестока, но люблю ли я ее так же, как люблю тебя? Нет, не люблю.

– Честно? Прошу, Ник, ты должен ответить честно, – взмолилась она.

– Честно. – Он еще раз взглянул на нее и улыбнулся. – А сегодня вечером ты так восприняла мой рассказ, что я стал любить тебя еще больше. Ты прекрасна, милая, как внутри, так и снаружи. Поистине. Вопрос только в том, сможешь ли ты выдержать жизнь с мужчиной, который, сам того не ожидая, обзавелся девятилетней дочкой?

– Никогда особо не задумывалась о детях, – призналась она.

– По иронии судьбы, я тоже, до встречи с тобой. – Ник усмехнулся. – Но теперь, оказывается, у меня есть готовый, не твой по крови ребенок, и я полностью пойму, если ты почувствуешь, что не выдержишь этого. В ближайшие месяцы Клемми понадобится много любви. И я буду обязан ездить туда, Тэмми.

– Конечно.

– И, само собой разумеется, мне хотелось бы, чтобы и ты была рядом с ней.

– Я... о боже, Ник, даже не знаю... я сомневаюсь в своих материнских способностях, и, кроме того, Клемми, вероятно, возненавидит меня, ведь я никогда не смогу стать ее настоящей мамой.

– Не сомневаюсь, она полюбит тебя, Тэм. Поверь мне, она по натуре невероятно мягкая и покладистая. До того, как мы с тобой... разошлись, я рассказывал ей о тебе, надеясь, что мы когда-нибудь поженимся. И она сказала, что ей хочется познакомиться с тобой.

– Так и сказала?

– Слово в слово.

Тэмми взглянула на Ника и поняла, что верит ему. И еще вдруг осознала, что замерзла.

– Ник, полагаю, мне нужно время, чтобы серьезно обдумать все, что ты рассказал мне.

– Конечно, милая.

– Я имею в виду, что мне не хотелось бы войти в жизнь Клемми, а потом уйти, обнаружив, что я переоценила свои силы. Ты понимаешь?

– Вполне. – Ник слабо улыбнулся. – Пожалуйста, помни, что я люблю тебя, и больше всего на свете мне хочется, чтобы у тебя все получилось. Но я пойму, если ты почувствуешь, что не сможешь... что это слишком тяжело для тебя.

– Спасибо. – Тэмми встала и сунула руки в карманы своей кожаной куртки, чтобы согреть их. – Я свяжусь с тобой, как только разберусь в себе. Пока, Ник.

– Пока.

Ник смотрел, как она удаляется по аллее – ее золотистые волосы блеснули в раструбе света, когда она проходила под фонарным столбом. Ник послал в небеса горячую молитву, потом встал и направился обратно к дочери.

Глава 35

– Доброе утро, Сэм. Я принесла тортик для детей.

Поузи внимательно взглянула сына, на открывшего ей дверь. Он выглядел ужасно. Глаза воспалены, бледное лицо покрывала легкая испарина, несмотря на то, что в доме было совсем не жарко. Скорее, даже дико холодно. Сэм плюхнулся обратно на диван, примятые подушки свидетельствовали, что он провел ночь именно здесь. На кофейном столике валялись, как кегли, пивные бутылки, а рядом с ними стояла полупустая бутылка виски.

– Эми дома?

– Нет...

– Где она?

– Не спрашивай меня, мам.

– А дети? – вновь спросила Поузи.

– С Эми. Они ушли вчера вечером с тем твоим кавалером.

– С Фредди?

– Точно.

– Вряд ли, Сэм, его можно назвать моим кавалером, и с чего вдруг он пришел сюда?

– Понятия не имею.

– Ты хочешь сказать, что Эми ушла от тебя?

– Может, и ушла... сама посмотри на меня и на весь этот бардак. – Сэм обвел рукой комнату. – Ты захотела бы здесь жить?

– Эми любит тебя, Сэм. Она не могла уйти просто так. – Осознав, что все еще держит торт, Поузи убрала несколько бутылок и поставила коробку на стол. – Ты вчера пил? – спросила она, сама понимая бессмысленность вопроса.

– Скорее, топил свое горе в алкоголе.

– Я поставлю чайник и заварю тебе кофе. Тогда ты сможешь рассказать мне, что именно произошло.

Придя на кухню, Поузи увидела на полу кастрюлю с застывшими и вылезавшими из нее, как кишки, макаронами. Пол вокруг них был еще мокрым, и Поузи, взяв тряпку, вытерла его. Потом собрала макароны обратно в кастрюлю и выбросила их в мусорное ведро.

– Итак, что произошло? – спросила она, вернувшись в гостиную и поставив перед сыном кружку кофе. – Судя по состоянию кухни, вы, похоже, поссорились.

– Да, верно, и потом она ушла с детьми.

– Куда ушла?

– Спроси своего кавалера. Именно он увез куда-то ее и детей. Обвинил меня в нападении на нее! – Сэм взглянул на мать глазами, полными слез. – Ты же знаешь, мам, что я никогда не делал ничего подобного. Мы просто поссорились.

У Поузи голова пошла кругом. Похоже, Сэм вчера мало что понимал. Она глотнула кофе, пытаясь интерпретировать сказанное сыном.

– Фредди обвинил тебя в нападении на Эми?

– Ну да. – Сэм кивнул. – Какая-то нелепость, правда?

– Тогда почему ты не пошел за ними?

– Откуда ж мне знать, где он живет? – Слезы вновь заблестели в его воспаленных глазах. – Я люблю Эми, мам, ты же знаешь. И я никогда не причинил бы вреда ни ей, ни детям.

– Я думаю, Сэм, тебе пора привести себя в порядок. Допивай кофе, поднимайся вверх и прими холодный душ. Ты сам, да и комната пропитались запахом пивоварни. А пока ты тут будешь убираться, я попытаюсь найти твою жену и детей.

– Неужели ты не понимаешь, что она наболтает тебе кучу вранья? Да, я немного выпил и слегка погорячился, но...

– Довольно, Сэм. – Поузи встала. – Увидимся позже.

– Мам! Не уезжай! Вернись!

Поузи захлопнула за собой входную дверь, вдруг вспомнив, что точно так же Сэм умолял ее вернуться, когда она впервые оставила его в интернате. Тогда она сама жутко расстроилась и плакала всю дорогу до дома. Но Сэму уже тридцать восемь лет... он стал мужем и отцом.

Забравшись в свою машину, она невольно содрогнулась. Его неизменный эгоизм и извечная склонность жаловаться на судьбу, не говоря уже о зловонном сегодняшнем похмелье, не вызвали в ней обычного материнского сочувствия. И она с ужасом осознала, что собственный сын вызвал у нее отвращение.

Постукивая пальцами по рулевому колесу, она размышляла над возникшей дилеммой. Единственный человек, по словам Сэма,

знавший, где Эми и дети, а также и то, что произошло вчера вечером, оказался тем самым, с кем она не могла больше встречаться.

Может ли она сейчас просто отступить? Предоставить Эми и Сэму самим улаживать свои разногласия? В конце концов, она не вправе вмешиваться в их семейную жизнь.

«Но у тебя же есть внуки...»

Должно быть, случилось что-то очень плохое, если Эми решила уйти с детьми и Фредди. И что бы то ни было, Поузи поняла, что должна выяснить это, иначе не сможет успокоиться. Она включила зажигание и медленно поехала к центру города. Несомненно, Фредди ошибся, и Сэм вовсе не нападал на Эми. У Сэма много недостатков, но Поузи никогда не видела его жестоким. «А если он сейчас на грани нервного срыва, – подумала она, – то не наделает ли там, оставшись один, каких-то глупостей?»

– Нет, – уверенно произнесла она.

Как бы то ни было, Сэм умел преодолевать трудности, да и просто трусость не позволит ему причинить себе вред. Припарковавшись на Хай-стрит, она быстро прошла вперед и свернула на улочку, ведущую к дому Фредди. Не дав себе времени передумать, Поузи сразу нажала кнопку звонка. Спустя пару секунд Фредди открыл дверь.

– Привет, Поузи. – По его губам скользнула слабая улыбка. – Полагаю, ты пришла повидать Эми и детей?

– Да, именно, но сначала мне хотелось бы услышать от тебя, что именно ты увидел вчера вечером. – Осознав, что просьба прозвучала слишком грубо, Поузи виновато добавила: – Если тебе не трудно.

В конце концов, Фредди ни в чем не виноват.

– Конечно, но, предупреждаю, история далеко не приятная, – сказал он, проводив ее в гостиную.

– Они здесь?

– Нет, они напротив, в «Хмельном амбаре», в том домике, что я сдаю в аренду.

– И они все... здоровы?

– Дети чувствуют себя нормально. Утром они украшали здесь мою елку, чтобы дать Эми немного поспать. Они чудесные малыши, оба. – Фредди улыбнулся.

– А Эми?

– С ней тоже все будет в порядке. Вчера я сначала отвез ее в больницу, чтобы узнать о состоянии ожогов на ногах. К счастью, она была в джинсах, поэтому все оказалось не так плохо, как могло бы быть. Врачи забинтовали раны и дали ей болеутоляющее.

– Он швырнул в нее кастрюлю с кипящей водой?

– Очевидно, да. Но я пришел после того, как это случилось.

Валявшаяся на полу в кухне кастрюля всплыла перед мысленным взором Поузи, и она судорожно вздохнула.

– Итак, что же ты увидел?

– Поузи, я... может, хочешь глоток бренди?

– Нет, спасибо. Фредди, что ты увидел? Просто скажи мне.

– Я поднялся на крыльцо и услышал крики. Открыв дверь, я обнаружил Сэма в прихожей, его руки сомкнулись на горле Эми.

– О боже. – Поузи опустила в кресло.

– Поузи, прости, это ужасно скверно. Мне... мне не следовало описывать все с такой точностью. Давай я все-таки плесну тебе бренди.

– Не надо! Я справлюсь, ей-богу, Фредди, справлюсь. Я совершенно... потрясена, естественно. Неужели он пытался... – Поузи сглотнула. – Убить ее?

– Трудно сказать, – помедлив, ответил Фредди. – Он был сильно, очень сильно пьян.

– Боже упаси, Фредди, боже упаси. – Поузи прижала ладонь ко лбу. – У нее остались синяки на шее?

– К сожалению, остались. Врач в больнице хотел позвонить в полицию, но Эми решительно воспротивилась. И повторила сегодня утром, что не хочет выдвигать обвинения.

От потрясения Поузи даже не могла найти слов, поэтому сидела молча, сжав руки на коленях. Фредди нерешительно направился к ней.

– Прости, мне чертовски жаль. Только этого тебе и не хватало после того, что я наконец осмелился рассказать тебе. Умоляю, Поузи, любимая, скажи, чем я могу помочь тебе?

– Не извиняйся, Фредди. – Взглянув на него, она слегка качнула головой. – Ты ничуть не виноват ни в одной из жутких неприятностей... моей жизни. Ладно, ты можешь отвести меня к Эми?

– Естественно.

Поузи вышла вслед за ним из коттеджа и прошла через двор к «Хмельному амбару». Фредди постучал в дверь, и им открыл Джейк.

– Привет, дядя Фредди. – Мальчик широко улыбнулся. – Можно мы опять пойдем посмотреть рождественский канал по вашему спутниковому телику?

– Разумеется, можно. Мама спит? Бабушка пришла навестить ее.

– Привет, бабуля, мама уже проснулась. Я принес ей воды. Вчера вечером она обожглась об кастрюльку, а папа немного выпил, поэтому ему нельзя было садиться за руль, и мы с дядей Фредди отвезли ее в больницу.

Сара с испачканными шоколадом губами появилась в дверях за братом.

– Привет, бабуля, дядя Фредди свозил нас в игрушечный магазин и купил мне новую куклу, – сообщила она, раскинув ручки для объятий.

Изо всех сил стараясь не расплакаться, Поузи крепко обняла обоих внуков, вознося хвалу Господу за их детскую наивность. И за доброту Фредди.

– Пойдемте со мной, детки. Пора посмотреть телевизор. По моему, через десять минут начнется «Рождественская сказка» с Маппетами^[50]. Это мой любимый фильм, – добавил Фредди, протянув руки малышам.

Сбегав за своей новой куклой, Сара взяла Фредди за руку, и Поузи, оглянувшись, смотрела, как Фредди повел детей по двору к своему коттеджу. Потом она сама вошла в амбар. Эми сидела на диване, ее бедра покрывало крошечное одеяльце, едва ли больше фланелевой салфетки.

– Это одеяльце новой куклы Сары. Она решила, что меня нужно согреть, – пояснила Эми, сняв его, отчего стали видны три белые марлевые повязки, и положила обратно в плетеную кукольную колыбель, стоявшую на полу около ее ног. Подняв глаза, Эми взволнованно взглянула на Поузи.

– Ох, моя милая, прости, мне ужасно жаль. – Пройдя по гостиной, Поузи села на диван рядом с Эми и коснулась ее руки. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Врач говорит, шрамов, скорее всего, не останется, что уже хорошо, и мне дали какие-то на редкость сильные

обезболивающие. – Эми подавила зевок. – Одно плохо, от них меня постоянно клонит в сон. Извините, Поузи.

– Дорогуша моя, с чего ты еще вздумала извиняться? Фредди рассказал мне, что он увидел вчера вечером. – Склонившись к Эми, Поузи увидела багровые кровоподтеки на ее шее. И невольно вздрогнула.

– Я думаю... – Помедлив, Эми покачала головой и сильно прикусила нижнюю губу. – Вам не надо винить Сэма. У него сейчас ужасно трудное время, он просто слишком много выпил и...

– Нет, Эми, прошу, не пытайся оправдать его поведение. Оно совершенно недопустимо. Хоть он и мой сын, но надо же допиться до того, чтобы с такой жестокостью наброситься на жену, мне даже... – Поузи возмущенно покачала головой. – Какой позор, и позволь мне сказать, что, если ты захочешь выдвинуть обвинения, я пойду в полицию вместе с тобой. Эми, пожалуйста, скажи мне правду... это было впервые или уже случилось раньше?

– Прошлым вечером... он впервые так сильно разъярился, – вздохнув, призналась Эми.

– То есть и раньше распускал руки?

Эми долго молчала, потом кивнула, и сам кивок, очевидно, оказался болезненным, она поморщилась и коснулась рукой шеи.

– Ладно, я хочу извиниться перед тобой за то, что не видела того, что маячило у меня под носом.

– Это бывало не очень часто, Поузи, только когда он выпивал, хотя в последнее время...

– Эми, это вообще было недопустимо. Ты понимаешь? Нет никаких оправданий для избиения женщины! Ни малейших.

– Но я... – Глаза Эми наполнились слезами. – Поузи, я оказалась не самой хорошей женой. К тому же... я встретила одного человека.

– Себастиана?

– Да. – Эми потрясенно взглянула на свекровь. – Но как вы узнали?

– К сожалению, это было написано на ваших лицах. А Сэм знал?

– Нет, или, по крайней мере, я думаю, что не знал. Он так увлекся своим новым бизнесом, хотя... вы же понимаете? В общем, это не только его вина.

– Нет, Эми, он виноват во всем, не будем кривить душой, – резко возразила Поузи. – Ведь рукоприкладство началось задолго до того, как ты познакомилась с Себастианом, верно?

– Да.

– И ты не должна винить себя за то, что искала утешения у кого-то другого. Это же абсолютно естественно при такой жуткой жизни. Ведь ты человек, Эми, а после всего, что тебе пришлось вытерпеть, понятно, что...

– То есть вы не порицаете меня?

– Бог с тобой, разумеется, нет.

– Но... я полюбила, люблю его, Поузи. Себастиан был так добр ко мне, так нежен, что я, о боже...

Эми разрыдалась, и Поузи, осторожно обняв невестку, нежно поглаживала ее белокурые волосы. Когда она успокоилась, Поузи достала из кармана своих джинсов платочек и вручила его Эми. Высоркавшись, Эми села поудобнее.

– Простите, Поузи.

– Прекрати уже извиняться, милочка. Жизнь – суровая и запутанная штука. Но мы во всем разберемся, я обещаю.

– Поузи, в своей путанице мне надо разобраться самой. У вас и так хватает забот.

– Мои «заботы», как ты их назвала, это моя семья, то есть ты и мои любимые внуки. – Пока Эми плакала, Поузи успела многое обдумать. – Сэму необходима срочная помощь и, вероятно, уже давно...

– Что вы имеете в виду?

– Только то, что материнская любовь иногда бывает слепа. Может, ты предпочла бы поехать со мной и жить в Адмирал-хаусе?

– Если вы не против, Фредди сказал, что мы можем пока остаться здесь. Я буду чувствовать себя в большей безопасности, пока Сэм не знает, где мы скрываемся. Боюсь, сейчас я не в состоянии видеть его. Фредди так мил и заботлив, Поузи. Он был очень добр к нам, и дети уже полюбили его. Вам очень повезло.

– Да, он очень хороший человек.

– И очевидно, очень беспокоится о вас. Именно поэтому он заехал повидать меня вчера вечером, хотел узнать, как у вас дела. Он беспокоился так же, как я. Поузи, у вас все хорошо?

– Конечно, хорошо, Эми, только я волновалась, как вы тут устроились. И должна сказать, Фредди удалось сделать это жилье на редкость уютным.

– Мне здесь сразу понравилось. – Эми впервые искренне улыбнулась и добавила: – Дом похож на... надежное убежище.

– И как раз сейчас тебе оно необходимо. Итак, должна спросить тебя еще раз, ты совершенно уверена, что не хочешь выдвинуть обвинения против Сэма?

– Совершенно. Я хочу лишь забыть этот кошмар, а не заводить какой-то мучительно долгий процесс, ведь тогда нам с Сэмом придется предстать перед судом.

– Что ж, это тебе решать, Эми, но с ним надо что-то делать. Сейчас он опасен и для других женщин, которые могут попасться ему под горячую руку. Ты ведь не захочешь больше вернуться к нему, верно?

– Может быть, Поузи, если он бросит пить, я и смогу подумать об этом. В конце концов, он же отец наших детей.

– Точно, и как раз ради ваших детей ты должна держаться от него подальше. Раз он был жесток с тобой, то долго ли еще сумеет сдерживаться, не позволяя ярости выплеснуться на Сару и Джейка?

Эми нерешительно помолчала, устремив задумчивый взгляд в пространство, словно мысленно спорила сама с собой.

– Ужасно, но, говоря откровенно, я не люблю его больше, даже когда он трезв, – наконец посмотрев на Поузи, призналась она. – И из-за этого меня терзает чувство вины.

– Эми, тебе пора понять, – медленно возразила Поузи, – что после начальной вспышки страсти любви нужна взаимная поддержка, чтобы она выдержала испытание временем. Даже не зная того, что узнала сейчас, я видела, что Сэм палец о палец не ударил ради этого.

– Боже, Поузи, как вы можете говорить с такой откровенностью о родном сыне? Большинство матерей не решилось бы на такое.

– Знаешь, я выстрадала понимание того, что человек может выбирать друзей, коллег и даже любовников, но только не родственников. Я всегда буду любить Сэма и, разумеется, буду стараться всячески помочь ему... *если* он примет мою помощь, но это не означает, что сейчас он мне нравится. По правде говоря, мне страшно стыдно за него, уже давно стыдно. И я признаю, что отчасти

ответственна за то, каким он стал. Вот так. – Поузи вздохнула. – Ладно, довольно на сегодня признаний.

Женщины задумчиво смотрели, как бьется огонь в камине, но в итоге Поузи взглянула на Эми и с улыбкой заявила:

– Я обвиняю сценаристов «Идеальной семьи»^[51]: мы все чувствуем себя неудачниками, поскольку наши жизни, видимо, никогда не дотянутся до идеалов, показанных в этом фильме, или, что гораздо важнее, даже до того красивого фасада, который многие из нас показывают миру. Можно никогда не узнать, что скрывается за закрытыми парадными дверями, и я готова поручиться, что за ними большинство семей испытывает такие же трудности, как мы. Ладно, по-моему, нам обеим не помешает выпить по чашке хорошего чая.

Она встала с дивана и направилась в небольшую, но прекрасно оборудованную кухню.

– Поузи?

– Да?

– Спасибо вам. За все. По-моему, я еще не встречала в жизни такого замечательного человека, как вы, и я очень люблю вас.

– Спасибо, милочка, – поставив чайник, откликнулась Поузи и почувствовала, как на глаза навернулись жгучие слезы. – Я тоже люблю тебя.

* * *

Минут через пятнадцать Поузи вышла из «Хмельного амбара». Она еще шла по двору, когда Фредди открыл дверь коттеджа и направился к ней.

– Ну, как она?

– Успокоилась, – ответила Поузи. – Мы обсудили, где ей лучше жить.

– И?

– В итоге она призналась, что не хочет возвращаться к Сэму, даже если ему удастся победить свои пороки, хотя она и побоялась сказать ему об этом.

– Поузи, ей нельзя и близко подходить к нему. Извини, но я не пожелал бы тебе увидеть то, что сам лицезрел вчера вечером.

– Понятно. Она сказала, что ты предложил им пока пожить в «Хмельном амбаре». Я заверила ее, что буду рада, если она вернется со мной в Адмирал-хаус, но она предпочла пока остаться здесь. Сказала, что у тебя она чувствует себя в безопасности.

– Отлично. Это самое важное. Она и дети могут оставаться здесь, сколько пожелают.

– Спасибо тебе, Фредди, за твою щедрость и доброту. А сейчас, – Поузи вздохнула, – мне надо поехать, проверить Сэма и собрать одежду и игрушки для Эми и детей.

– Я поеду с тобой, Поузи, мне не хочется отпускать тебя одну.

– Я понимаю твои опасения, но, поверь мне, я знаю своего сына. Он сегодня на стадии «Горе мне» и совсем не опасен.

– Ну, позволь хотя бы подвезти тебя.

– По-моему, ты уже достаточно сделал для моей семьи.

– А для тебя, Поузи? Как ты себя чувствуешь?

– Справляюсь с тем, что подкидывает мне жизнь. Ладно, мне действительно пора ехать. – Она повернулась к выходу, но Фредди взял ее за руку.

– Нам необходимо поговорить.

– Я понимаю, Фредди, но, пожалуйста, не сейчас. Иначе я сломаюсь. Позже поговорим. – Она с тенью улыбки взглянула на него и направилась к подъездной дорожке.

Постучав в дверь дома Эми и Сэма и не дождавшись никакой реакции, Поузи открыла дверь запасным ключом. Зовя сына по имени, она проверила комнаты нижнего этажа, поднялась в спальни и поняла, что его, очевидно, нет дома. Взяв пару дорожных сумок, она сложила в них все найденные ею вещи Эми и детей. Потом, найдя коробку с игрушками, Поузи вынесла все из дома и загрузила в багажник своей машины. Едва закрыв его, она заметила Сэма, он шел по тротуару в ее сторону.

– Привет, мам, как там Эми и детишки? Где они?

Поузи порадовалось, что он, по крайней мере, не пьян.

– Может, поговорим в доме?

Поднявшись в дом первой, Поузи прошла в гостиную и села за стол, Сэм остался стоять.

– Ну? Где они? – опять спросил он.

– Не скажу.

– Не скажешь, где мои жена и дети?!

– Сэм, вчера вечером ты чуть не убил Эми. Тебе очень повезло, что она решила не выдвигать обвинения. Врач в больнице сказал ей, что она должна обратиться в полицию.

– В больнице? – Сэм выглядел пораженным. – Честно, мам, мы просто поссорились, и я, ну... наверное, слегка погорячился.

– У Эми серьезные ожоги на ногах и кровоподтеки на шее от твоих рук. Имеется и свидетель, он будет очень рад выступить в суде и рассказать, что видел. Не приходится сомневаться, что тебя могли бы обвинить в нападении и, по всей вероятности, посадить в тюрьму. Теперь, – Поузи показала на стул напротив нее, – я предлагаю тебе сесть и выслушать то, что я скажу.

Смертельно побледнев, Сэм послушно сел.

– Эми и дети переехали в другой дом. Их одежда и игрушки уже в моем багажнике.

– Они приехали к тебе?

– Нет, они в безопасном месте, и предупреждаю тебя, Сэм, если ты попытаешься приблизиться к Эми или к детям на работе или в школе, Эми пойдет в полицию, поэтому, я полагаю, тебе пока лучше держаться подальше.

– При чем тут дети? Я же имею полное право видеть их.

– Уверена, что со временем этот вопрос будет решен, но сначала я хочу серьезно поговорить о тебе.

– И сообщить мне в очередной раз, как ты разочарована?

– Сэм, ты же знаешь, я никогда не говорила этого. Я полностью поддерживала тебя, вплоть до того, что даже предоставила тебе право преимущественной покупки Адмирал-хауса, поэтому, пожалуйста, прекрати тут пороть мне свою эгоистичную чушь. То... что произошло вчера вечером... превзошло все твои грехи, и, честно признаюсь, тебе удалось шокировать меня, мне страшно стыдно за твое поведение. Тем не менее я остаюсь твоей матерью и люблю тебя. И я пришла сказать, что тебе необходима помощь. Очевидно, у тебя проблемы с алкоголем, и в пьяном состоянии ты становишься настолько агрессивным, что готов убить свою жену.

– Ну правда, мам, я никогда не хотел навредить Эми. Я же люблю ее.

Оставив без внимания его замечание, Поузи продолжила:

– И я готова оплатить твоё лечение в одном из реабилитационных центров, где тебе помогут избавиться от алкогольной зависимости и научат держать свой гнев под контролем. Но я точно не буду субсидировать твою нынешнюю жизнь. От меня ты больше не получишь ни пенни, а без зарплаты Эми, полагаю, тебе придется сесть на пособие по безработице, или как там это теперь называется. Итак, какой вариант ты выбираешь?

Сэм тарасился на нее так, словно думал, что она сошла с ума.

– Мам, пожалуйста, погоди! Ну да, я понимаю, что плохо вел себя вчера вечером, но меня вовсе не нужно посылать лечиться от алкоголизма в чертову психушку. Разве ты не видишь, что сегодня я ни грамма не выпил? Погляди на меня! Я же в полном порядке.

– Не сомневаюсь, Сэм, что сейчас ты в порядке, но стоит тебе выпить, как у тебя проявляется склонность к насилию. Вчера вечером, если бы Фредди не приехал, ты мог убить Эми. Ради всего святого, Сэм, ты же душил ее своими руками!

– Честно, мам, я ничего не помню.

– Тем более тебе необходима профессиональная помощь. В противном случае однажды ты действительно можешь убить кого-нибудь. Сэм, ты должен осознать, насколько серьезно твоё положение. Не только врачи в больнице видели результаты твоей вспыльчивости. Как сказал Фредди, тебя даже могут обвинить в попытке убийства.

– Да что он там знает?

– Сэм, он всю жизнь проработал адвокатом по уголовным делам. Боюсь, он знает более чем достаточно. В любом случае, – Поузи встала из-за стола, – я могу лишь дать тебе совет, предложить необходимую, на мой взгляд, помощь, но я не собираюсь ни к чему принуждать тебя. Ладно, я должна идти.

Она направилась к выходу.

– Мам! Далеко ты собралась?

– Отвезти вещи Эми и детям. Мне добавить к этому твои извинения? До сих пор я не услышала от тебя ни слова об этом.

– Мне... в общем, конечно, мне очень жаль, но...

– Никаких «но», Сэм! Пора уже брать ответственность за свои действия. Позвони мне, когда решишь, что будешь делать. Спокойной ночи.

Забравшись в машину, Поузи захлопнула за собой дверцу. Сидя за рулем, она вдруг осознала, что задыхается, и увидела, как трясутся руки. Сэм стоял на крыльце, глядя на нее. Не дав ему возможности запрыгнуть в свою машину и последовать за ней к Фредди, Поузи включила зажигание и уехала.

Глава 36

– Ты выглядишь изнуренной, милая моя, – заметил Фредди, открыв дверь Поузи.

– Так себя и чувствую. Извини, что опять беспокою тебя, но Эми и детей не оказалось в «Хмельном амбаре», и я оставила сумки с их одеждой и игрушками прямо возле двери.

– Ну да, они сейчас у меня. Мы только закончили ужинать.

– Понятно. Что ж, если бы ты мог передать Эми, что я привезла...

Поузи вдруг пошатнулась и во второй раз за этот день подумала, что может потерять сознание.

Фредди подхватил ее под руку и едва ли не отнес в гостиную.

– Отдыхай, – мягко сказал он, усадив ее в кресло. – Я принесу тебе бренди и передам Джейку и Саре, что приехали их игрушки. Тогда они поспешат обратно в «Хмельной амбар».

– Спасибо. Сейчас я просто не в состоянии видеть их.

Фредди прикрыл за собой дверь, и Поузи обвела взглядом эту чудесную уютную комнату, в камине ярко пылал огонь, и в окне отражались мерцающие огоньки гирлянд рождественской елки. Биение сердца начало замедляться, веки потяжелели, и, когда Фредди вернулся с бренди, Поузи едва не задремала.

– Путь свободен. Они умчались в свое убежище. Держи, – сказал он. – Выпей немного.

– Вообще-то лучше не надо, иначе сразу захмелею. После завтрака я ничего не ела.

– Тогда я принесу тебе тарелку моего бараньего жаркого... Эми и дети чуть языки не проглотили... и поменяю бренди на бокал белого вина. Вернусь через пару секунд.

Прошла, казалось, целая вечность с тех пор, как кто-то заботился о ней... приносил вино, готовил для нее ужин... и поэтому, ожидая возвращения Фредди, Поузи совсем расчувствовалась.

– Все готово, дорогая Поузи. – Фредди поставил ей на колени поднос, где, кроме ужина, лежала льняная салфетка и стояли маленькие солонка и перечница. Взяв с подноса бокал вина, Фредди вручил его Поузи и сказал: – Пойду, приберусь на кухне. Ничего не

может быть хуже наблюдения за человеком, пытающимся попробовать твою стряпню.

«Какой же он чуткий, – вновь подумала она, подхватив ложкой кусок тушеного мяса, – и какой добрый...»

Подкрепившись, она отнесла поднос на кухню.

– Ну как, тебе уже лучше? – спросил Фредди, вытирая кастрюлю.

– Намного, спасибо. У тебя получилось восхитительное жаркое.

– Благодарю. Но не слишком обольщайся. Моя жена обычно дразнила меня, говоря, что я знаю всего два рецепта – барбекю летом и такое вот жаркое зимой! Может, присядем за столик?

Поузи полагала, что ей уже следовало бы ехать домой, однако здесь было так тепло и уютно по сравнению с огромными и холодными комнатами Адмирал-хауса, что она согласилась. Фредди разжег огонь и, устроившись в кресле напротив, глотнул бренди.

– Как поговорила с Сэмом?

– Трудно сказать. Я предложила ему... предложила оплатить лечение от алкогольной зависимости в клинике... но он пока не признает этой зависимости.

– Как я убедился, драчуны обычно так себя и ведут. У них всегда виноват кто-то другой, а они лишь страдают, *et cetera et cetera*^[52].

– Да, интересное замечание. Сэм обычно звонил мне из школы, жалуясь на ссоры с друзьями. Не важно. – Она вздохнула. – Но, если ты не против, давай больше не будем говорить об этом? Сегодня вечером наконец Эми и дети благополучно спрятаны по соседству, и я сделала все, что могла. Еще раз спасибо тебе огромное, Фредди. Тебе следовало позвонить мне на мобильный вчера вечером. Я могла бы сама отвезти Эми в больницу.

Он насмешливо взглянул на нее.

– А ты ответила бы, увидев, что звоню я?

– Нет, вероятно, нет. – Она посмотрела на него, грустно улыбнувшись.

– Значит, ты все еще сердишься на меня за то, что я открыл тебе, что на самом деле произошло много лет назад?

– Нет, вовсе не сержусь. С чего бы? Мне просто нужно время, чтобы переварить тот кошмар. Отредактировать образ моего отца, более шестидесяти лет простоявшего на героическом пьедестале.

– Ох, если бы я не вернулся в твою жизнь, ты могла бы ничего не узнать.

– Но разве так было бы правильно? И на смертном одре пребывать в заблуждении? Нет, теперь я успокоилась и рада, что ты все рассказал мне.

– Ты понимаешь, почему тогда, в нашей юности, мне пришлось оставить тебя?

– Безусловно. Едва ли твоя мать одобрила бы выбор такой невесты. – Поузи вздохнула. – Дочь убийцы ее мужа.

– Мужа, долго изменявшего ей с твоей матерью, – грустно добавил Фредди. – А знаешь, когда я понял, кто ты на самом деле, то вспомнил, что мы с тобой встречались в детстве.

– Неужели?

– Точно. Мне тогда было около пяти, а тебе не больше трех. Твои родители приехали к нам и привезли тебя. Помню, я проснулся ночью, услышав какой-то ужасный шум из родительской спальни. Моя мать что-то истерично кричала, а отец пытался успокоить ее. В ретроспективе, я подозреваю, что она обнаружила какую-то связь между моим отцом и твоей матерью.

– И я помню, как дядя Ральф регулярно появлялся в Адмирал-хаусе, когда папы не было дома. Должно быть, их роман длился не один год. И помню, как Дейзи, наша служанка, когда мы паковали вещи, собираясь к бабушке, говорила, что маман нужно избавиться от нас к Рождеству. А твои родители еще жили вместе, когда... это случилось? – спросила я.

– В то время я жил в интернате, учился в подготовительной школе, но помню, что тогда они еще жили в одном доме, хотя не уверен, что в одной спальне, если вообще еще разговаривали друг с другом. Их семейная жизнь, очевидно, закончилась, но моя мать полностью зависела от отца в финансовом отношении, как большинство женщин в те дни. Вероятно, она просто смирилась с таким положением, не имея иного выбора. И к тому же, – Фредди вздохнул, – она любила его. Она жутко страдала, когда он... погиб. Так и не оправилась после этого, на всю жизнь осталась вдовой, одинокой страдальницей. Помнишь, я говорил тебе, как печально мы проводили Рождество. Особенно канун Нового года, как ты теперь можешь понять.

– Ох да, могу, – ответила Поузи. – А вот мне интересно, знал ли об этом мой отец до того... как застал их вместе?

– Мы, Поузи, обладаем невероятной способностью игнорировать вещи, которые не хотим видеть.

– Ты прав. И доказательство тому – я сама, проглядевшая сына. Папа боготворил мою мать. И если он не знал, что обнаружит их на месте преступления в своем любимом кабинете с бабочками, то... в принципе, я могу понять, почему он сделал то, что сделал, как бы ужасно это ни было.

– Тем более учитывая то, что пять лет он постоянно рисковал жизнью, летая на «Спитфайрах». Должно быть, эти страхи повлияли и на его душевное состояние. – Фредди вздрогнул. – Многим война нанесла непоправимые психологические раны.

– И все-таки это не оправдывает хладнокровного убийства.

– Нет, но это должны были учесть в суде. Я лично считал, что его не должны повесить, как и многих других.

– Фредди, а как ты узнал? Тебе сразу сообщили о случившемся?

– Нет, не сразу. Помню лишь стук в дверь и появление двух полицейских. Мне тогда велели уйти в свою комнату, а спустя пару минут я услышал истошный крик матери. После ухода полицейских мать пришла в мою спальню. Она билась в истерике, что неудивительно. Плача и крича, она бесконечно твердила, что он умер, пока наша служанка не вызвала местного доктора. Он буквально вытащил мать из моей спальни и, должно быть, дал ей какой-то седативный препарат, чтобы успокоить. А на следующий день я вернулся в школу. Впоследствии одноклассники в избытке насытили меня кровавыми подробностями из газет.

– Ох, Фредди, прости, как же я тебе сочувствую. Тебе же было всего десять лет. Должно быть, ты жутко переживал.

– По правде говоря, да, но тебе, дорогая Поузи, вовсе не за что извиняться. В сущности, это грехи наших отцов. – Он грустно улыбнулся. – И по крайней мере, я *узнал* правду, какой бы жестокой она ни была, и у меня не было выбора, кроме как постепенно свыкнуться и примириться с ней. Самым трагичным для меня стало осознание того, кем оказалась ты. И то, что ты ничего не знала. Я же слышал, как часто ты вспоминала отца, и с какой любовью... И я понял, что не смогу разбить твое сердце, открыв тебе правду.

– Лучше бы открыл.

– Ты действительно так думаешь, Поузи? Что ж, вероятно, оглядываясь назад, это легко сказать, однако я сомневаюсь, что, узнав правду, ты смогла бы выйти за меня замуж. Это было бы чересчур... Или я не прав?

– Наверное, прав. – Поузи глубоко вздохнула. – Но я едва не обезумела от горя, когда ты бросил меня. Я даже... ненавидела тебя.

– И я тебя понимаю, но разве у меня был иной выход?

– Нет, теперь я поняла тебя. А тогда сразу решила, что настоящая любовь бывает лишь в сказках и я буду жить одна, как старая дева. – Поузи с грустной улыбкой посмотрела на Фредди. – И мое предвидение почти сбылось. Я провела в одиночества большую часть своей зрелости, не считая двенадцати лет с милым Джонни.

– Как же ты вышла за него замуж, Поузи? Ведь ты успела сообщить ему обо мне и разорвать помолвку?

– Через несколько месяцев после того, как ты исчез, мы встретились на вечеринке у Андреа. Джонни дали отпуск, он закончил свои курсы... и как раз собирался отправиться за границу. Он спросил, как я живу, все ли в порядке у нас с тобой, и я призналась, что наши с тобой пути разошлись. Примерно через неделю он пригласил меня на ужин, и, за неимением более приятных идей, я согласилась. Понимаешь, Фредди, он общался со мной очень спокойно и доброжелательно. Сказал, что прощает мне измену... что, мол, она вполне понятна, учитывая, как долго он отсутствовал. Хотя на самом деле, по-моему, ничего тут понятного не было. – Поузи покраснела. – Он еще раз пригласил меня на свидание, и после долгих месяцев скорби по тебе я, по крайней мере, начала улыбаться, слушая одну из его армейских историй. С ним я, как обычно, успокоилась и вновь почувствовала себя любимой и желанной, что как раз было мне крайне необходимо, поэтому, когда он спросил опять, не хочу ли я выйти за него замуж, я согласилась. Мне хотелось избавиться от воспоминаний о тебе, поэтому я уволилась из Кью-Гарденз, быстро выскочила замуж и уехала с Джонни к месту его первого назначения, на Кипр.

– И ты была счастлива с ним?

– Да, была. Меня вполне устраивала такая жизнь. – Поузи углубилась в воспоминания. – Мне удалось побывать в интереснейших краях, включая Малайзию. И хотя я больше не работала, зато

наслаждалась потрясающей флорой и фауной джунглей. – Она улыбнулась. – И даже продолжала свои ботанические зарисовки.

– Ты любила его?

– Любила. Не так всепоглощающе и страстно, как тебя, однако, когда он умер, я была убита горем. Он был очень добрым человеком и замечательным отцом для Сэма. Ужасно, что он так и не увидел Ника, и ему не удалось насладиться гражданской жизнью в Адмирал-хаусе, но, как мы оба узнали, жизнь может быть дьявольски жестокой. И я усвоила, что жить надо здесь и сейчас, используя любые возможности.

– Верно, и кстати... – Фредди подался вперед и взял Поузи за руку. – Ты сможешь простить меня, Поузи?

– Господи, Фредди, тут нечего прощать.

– А тогда могла бы ты... может, мы попробуем начать сначала? То есть теперь ты все знаешь, и поэтому мне кажется, что впервые в наших отношениях ничто не мешает нам быть вместе.

– Верно, впервые... – признала Поузи.

– Итак?

– Я... согласна, мы, определенно, можем попробовать. Если ты хочешь, конечно. – Поузи смутилась и покраснела.

– Хочу отчаянно. Я люблю тебя, милая, и всегда любил. И мне не хочется больше зря терять время, его мы и так уже достаточно потеряли. Кто знает, много ли нам осталось? Разве мы не должны пожить в свое удовольствие?

– Ох, Фредди, ты ведь сам знаешь, какие сложности сейчас в моем семействе и...

– Сложности, Поузи, есть в любой семье, но это лучше, чем жить одинокой и пустой жизнью. И мы оба знаем, каково это, верно?

– Да, верно. – Поузи вдруг зевнула, начали сказываться треволения дня.

– Ты совсем устала, милая моя. Может, переночуешь сегодня у меня?

Она пристально посмотрела на него, и он усмехнулся.

– Господи, о чем ты подумала?

– Я слишком хорошо знаю вас, мистер Леннокс, – ответила она, ухмыльнувшись. – И даже помню, как вы мне нравились...

– Ладно, по крайней мере на сегодня к твоим услугам у меня есть идеально удобная комната для гостей, и я обещаю, что твоя честь не

будет скомпрометирована. – Он встал и галантно предложил ей руку. – Давай я покажу тебе, где находится твоя комната и все прочие удобства.

– Спасибо, дорогой. Я и правда слишком устала, чтобы ехать домой.

Поузи взяла предложенную Фредди руку, он помог ей подняться по ступенькам и привел на небольшую лестничную площадку второго этажа.

– Ну вот, это твоя спальня, – сообщил он, открыв дверь и включив свет.

– Какая милая комната, – заметила Поузи и, пока Фредди закрывал плотные шторы, успела оценить успокаивающие цвета, запах краски и новый ковер. – И здесь так тепло.

– Я рад, что тебе понравилось. А теперь могу я предложить тебе одну из моих футболок в качестве ночной рубашки?

– Это было бы очень мило, – признала Поузи.

– Скоро вернусь, – сказал Фредди, выходя из комнаты.

Поузи опустилась на кровать, заметив, как удобен матрас по сравнению со старым, набитым конским волосом тюфяком на ее домашней кровати, и как спокойно и уютно ей в доме Фредди.

– Неужели после всего случившегося у нас действительно может быть общее будущее? – прошептала она.

В общем, сейчас ничто не мешает им попытаться, да и разве ей есть что терять? Поузи ощутила легкую волну возбуждения, похожую на предчувствие счастья.

Тактично постучав в дверь, Фредди вошел с футболкой и кружкой.

– Дорогая, я приготовил какао. Оно поможет тебе уснуть, – сообщил он, поставив кружку на прикроватный столик.

– Какой ты заботливый, милый Фредди. Спасибо.

– Ну, ладно, спи спокойно, и приятных тебе снов. – Фредди склонился к Поузи, обнял ладонями ее лицо и коснулся легким поцелуем ее губ. Она не отстранилась, и он, заключив ее в объятия, поцеловал еще раз, более страстно, и Поузи почувствовала, как в ней просыпается пьянящее возбуждение.

– Да, лучше мне уйти, пока я не забыл о своем обещании. Доброй ночи.

– Доброй ночи, Фредди.

Поузи выключила свет, легла в удобную кровать, и множество мыслей сразу закружились в ее голове. Да, денек выдался на редкость трудный.

«Как однажды мудро сказала Скарлетт О'Хара, я подумаю об этом завтра», – мысленно сказала себе Поузи, погружаясь в сон.

Глава 37

– Привет, – робко сказала Тэмми, открыв дверь магазина Ника. – Решила заскочить к тебе по пути домой, посмотреть, как у тебя тут идут дела.

– Идут потихоньку. – Он улыбнулся, направляясь к стоявшему возле противоположной стены салона туалетному столику с зеркалом тридцатых годов прошлого века.

– Какая неземная красота, Ник. Хотелось бы мне иметь достаточно денег, чтобы купить его.

– Что ж, если я продам его с хорошей прибылью, то наверняка смогу найти для тебя нечто подобное.

– Ты уже решил, когда откроешься?

– С этим придется повременить, пока Клемми не вернется в школу после рождественских каникул. Сейчас ей нужна моя поддержка.

– Еще как нужна.

Оба задумчиво молчали. Наконец Ник подошел к ней и спросил:

– А ты как поживаешь?

– Нормально. Да, все нормально. В последнее время я успела о многом подумать.

– Ясно. И?..

Тэмми увидела надежду в глазах Ника.

– И... надумала, что мне надо поближе познакомиться с Клемми.

– Правда?

– Да. Но пока никаких обещаний, Ник, просто посмотрим, что у нас получится.

– Понятно. Ну, вообще-то мне давно пора повидаться с матерью, попытаться все объяснить и ей. Должна же она узнать, что у нее есть внучка, и о том, что случилось с Эви, пока не стало слишком поздно. Она нежно любила ее.

– Конечно, Ник, давно пора.

– Я думал поехать в эту среду. Ты сможешь присмотреть за Клемми?

– Даже не знаю, Ник. – Тэмми озабоченно нахмурилась. – Я же буду в магазине. Что я там буду делать с ней?

– Не сомневаюсь, Тэм, ты придумаешь, чем занять девочку. Но, если не сможешь, я оставлю ее у Пола и Джейн.

– Но раз ты поедешь в Саутволд, Клемми, наверное, захочет увидеться с матерью?

– Эви увезли в больницу в Ипсвич. Боюсь, что ей стало совсем плохо. У нее воспаление почек, врачи пытаются стабилизировать состояние. Я, разумеется, навещу ее, но она не хочет, чтобы Клемми видела ее сейчас.

– Да... понятно. Неужели она настолько плоха? Я имею в виду...

– Не конец ли это? – закончил за нее Ник. – Кто знает? Возможно, ей удастся выкарабкаться на этот раз, но, к сожалению, это лишь вопрос времени, когда ее организм уже не сумеет справиться с болезнью.

– Боже, Ник, какой кошмар. Даже не представляю, что она должна чувствовать. И естественно, я найду, чем отвлечь Клемми, – заключила Тэмми.

– Спасибо, Тэм. – Ник крепко обнял ее. – Ладно, тогда пойду, звякну маме и поеду, заберу Клемми от Джейн и Пола. Сегодня она ходила с Джейн на какую-то фотосессию. У нее потрясающие впечатления... снимали видео для последнего сингла какой-то мужской группы. Я даже не слышал о них, но она в восторге.

– Чтоб мне провалиться! – Тэмми закатила глаза. – Тогда у меня в бутике ее ждет сильное разочарование.

– Уверяю тебя, все будет отлично. Значит, увидимся в среду.

– Договорились. До скорого, Ник.

Поцеловав его, Тэмми вышла из магазина. Забравшись в свою машину, она тяжело вздохнула.

– Боже, во что я ввязалась? – спросила она себя, включив зажигание и направившись домой.

Одно дело – понравиться Нику, но сумеет ли она расположить к себе его ребенка? Она даже не знала, есть ли в ней материнская жилка.

– Что, если я не понравлюсь ей? – Остановившись на светофоре, Тэмми прикусила губу. – Что я тогда буду делать? И кроме того, у меня же свой бизнес, и я никогда не смогу заменить ей родную мать, а...

Доехав до своего дома, Тэмми припарковала машину и открыла входную дверь. Сразу налив себе большой бокал белого вина из холодильника, она залпом выпила половину. Нет смысла заранее

психовать. Нужно просто дождаться среды и посмотреть, что у них получится.

* * *

– Привет, Тэм, вот и мы.

Ник вошел в бутик, держа Клемми за руку.

– Доброе утро, Ник... привет, Клемми. – Тэмми с улыбкой взглянула на девочку и получила в ответ смущенную улыбку.

– Привет, Тэмми.

– Надеюсь, ты сможешь помочь мне сегодня?

– Постараюсь, – сказала Клемми. – Но я еще никогда не работала в магазине.

– Ладно, хорошего вам дня, я поехал. Позвоню, когда справлюсь с делами, но, видимо, вернусь часам к шести.

– Удачи, Ник. Передай от меня привет своей маме, – сказала Тэмми.

– Обязательно. Пока, Клемми. – Ник чмокнул шелковистую макушку дочери. – Веди себя хорошо.

– Ладно. Пока, папа, – ответила она, и Ник, махнув ей на прощание рукой, удалился.

– А кто это тут к нам пришел? – Из задней конторы появилась Мина и быстро направилась к ним.

– Меня зовут Клемми. Рада познакомиться с вами.

– А меня зовут Мина. Надо же, Клемми, какие у тебя прекрасные манеры. Послушай, не пойти ли нам с тобой в нашу сокровищницу, может, мы сумеем сделать твоей маме ожерелье к Рождеству? У меня много разноцветных бусинок, и ты сможешь выбрать те, которые ей понравятся.

– С удовольствием, спасибо.

С завистью глядя, как они спускаются в подвал, Тэмми вздохнула. Вырастив много своих детей, Мина так естественно находила с ними общий язык, а она сама даже не знала, с чего начать.

К счастью, в бутике было полно клиентов, и Тэмми все утро обслуживала покупателей. В свете приближения поры вечеринок, Тэмми продала сегодня на редкость много товаров.

К обеду наверху появились Мина и Клемми.

– Мы ходим в кулинарию. Тебе взять что-нибудь, Тэмми?

– Спасибо, будет здорово, если вы купите мой обычный салат. И кока-колу. Надо поддержать себя кофеинчиком, – сказала она, заметив, как Клемми бродит мимо стоек с платьями.

– Какие у тебя красивые наряды, Тэмми, – восторженно произнесла она.

– Я рада, Клемми, что они тебе нравятся. Мы... ладно, увидимся, когда вы вернетесь.

Развернувшись, Тэмми направилась в контору, ругая себя за приторную слащавость тона.

Она же взрослая женщина, но чувствовала себя совершенно косноязычной, и в голову не приходило ни единой мысли по поводу того, о чем можно поговорить с Клемми.

Минут через десять Мина и Клемми вернулись с покупками, и они все устроились в задней конторке обедать.

– Мне нравится кока-кола, но мама не разрешает мне пить ее. Говорит, от нее портятся зубы, – сказала Клемми, когда Тэмми глотнула кока-колу из своей банки.

– Так и есть, твоя мама права, – признала Тэмми.

– Ну, не знаю, Тэмми, у тебя ведь такие белые зубы, – заметила Клемми, поглядывая на банку.

– Хочешь глоточек? Если пить понемногу, то все будет в порядке, я уверена.

– Да, с удовольствием, только не говорите папе, иначе он может рассердиться.

– Не скажу, обещаю, – ответила Тэмми, налив девочке полстакана. Звякнул колокольчик, сообщая, что в салоне появился покупатель.

– Я разберусь, – бросила Мина. – А вы спокойно пообедайте.

– Мина такая милая, – сказала Клемми. – Она обещала приготовить мне карри, когда я приду к вам в следующий раз. Я обожаю карри, только мы всегда покупали его в закусных, а дома не готовили.

– Тогда приготовься всплакнуть. Индийские блюда Мины жутко острые, вышибают слезу. – Тэмми улыбнулась, а Клемми рассмеялась.

– Папа говорил, что до того, как открыть магазин, ты работала моделью.

– Да, верно.

– Тэмми, у тебя такие красивые волосы. Хотелось бы мне иметь такие же. А то мои какие-то скучные.

– Ничего подобного. Они у тебя замечательно прямые, густые и блестящие, мне всегда хотелось именно такие.

– Держу пари, что, пока ты была моделью, тебе частенько делали всякие прически.

– Увы, делали, и я терпеть их не могла.

– А вообще тебе нравилось быть моделью?

– Отчасти, да. Мне нравилось путешествовать, узнавать новые города и страны, а платья, которые я демонстрировала, были просто великолепны, хотя вообще-то это очень тяжелая работа.

– Я думала, что модели выходят замуж за принцев. – Клемми глотнула кока-колу и робко глянула на Тэмми. – Так почему же ты выбрала папу?

– Потому что я люблю его. – Тэмми пожала плечами.

– Я тоже люблю его. Я не знала, полюблю ли, когда мама рассказала мне о нем, но сейчас я очень рада, что у меня такой папа. А ты знаешь Поузи?

– Да, мы виделись однажды. И она мне очень понравилась. А ты?

– Еще бы. Она хоть и старушка, а кажется молодой. – Клемми откусила кончик багета. – А ты знаешь, что на самом деле она моя бабушка?

– Да, знаю.

– Сегодня папа поехал рассказывать ей обо мне. Интересно, что она скажет.

– Я абсолютно уверена, что она будет в восторге. Как говорил мне твой папа, Поузи и твоя мама когда-то дружили.

– Да, знаю. Папа еще говорил, что у меня есть двоюродные брат и сестра, и тетя с дядей. Раньше у меня вовсе не было родственников. Только я да мама.

Клемми глубоко вздохнула, и ее глаза наполнились грустью. Тэмми невольно коснулась ручки девочки.

– И все они, и папа всегда будут с тобой.

– Тэмми, я думаю, она совсем скоро умрет. Я слышала, как папа говорил по мобильнику с доктором. Надеюсь, что я еще увижу ее до

того... мне хочется, – в глазах Клемми заблестели слезы, и она прикусила губу, – мне хочется успеть проститься с ней.

– Естественно, ты успеешь. Иди ко мне. – Тэмми притянула к себе Клемми и усадила на колени. Поглаживая ее темные блестящие волосы, Тэмми почувствовала, как горлу подступил комок. – Знаешь что, Клемми? По-моему, я еще не встречала такого храброго человека, как ты.

– Нет, мама храбрее меня.

– Ну, я пока не знакома с ней, но, если бы мы познакомились, не сомневаюсь, что она сказала бы о тебе то же самое.

– Иногда так трудно быть храброй, но я стараюсь ради нее.

– Она, должно быть, очень гордится тобой, Клемми. Я гордилась бы, если бы ты была моей дочкой.

– Ну, я же буду твоей дочкой, правда, когда папа женится на тебе?

– Женится на мне?.. Да, и уверяю тебя, я всегда буду самой гордой приемной матерью, – глотая слезы, сказала Тэмми, и вдруг осознав, что именно она сказала, быстро прибавила: – Я понимаю, конечно, что никогда не смогу заменить твою родную маму, но очень надеюсь, что мы станем подругами.

– Да. – Клемми, перебирая пальцы Тэмми, разглядывала ее ногти. – Как же мне нравится, Тэмми, такой цвет. А можно покрасить мои ногти так же?

– Разумеется, можно. Вон в той сумочке, – Тэмми показала рукой, – как раз лежит лак для ногтей. Сможешь достать его? И я покрашу их тебе прямо сейчас.

– Но как же твои покупатели?

– О них позаботится Мина. Закрой к нам дверь, а я потом сообщу Мине, что у нас было совещание.

Она заговорщицки подмигнула Клемми, когда девочка спрыгнула с ее колен, чтобы сходить за сумочкой, а потом, озорно ухмыльнувшись, плотно закрыла дверь.

* * *

– Привет, мам, как ты тут? – спросил Ник, входя на кухню Адмирал-хауса.

– Ник, милый мой мальчик! Как ты? – спросила Поузи, опуская деревянную ложку, которой помешивала суп, и отходя от плиты, чтобы обнять сына.

– У меня все хорошо, мам, мне только... нужно поговорить с тобой, вот и приехал.

– Может, откроем бутылочку вина из холодильника? – предложила Поузи, заметив серьезное выражение на лице Ника.

– Я открою, хотя могу выпить только символически. Мне сегодня еще ехать обратно в Лондон.

– Уверен? Я надеялась, что ты сможешь остаться на ночь.

– К сожалению, не смогу, – ответил Ник, вытаскивая вино из холодильника.

– Тебя ждет Тэмми?

– Да. Мам, может, мы присядем? – Ник принес бутылку на накрытый к обеду стол и налил вино в два бокала.

– Ладно, давай, начинай первый, поскольку у меня тоже есть о чем рассказать тебе, – сказала Поузи. – Кстати, Ник, где ты пропадал последние две недели? Даже не отвечал по мобильному.

– Прости, мам. Мне следовало сказать, где я буду, но... к сожалению, голова была забита другими мыслями. У тебя-то все в порядке?

– Да, теперь в порядке, но я приберегу свои новости на закуску. Выкладывай, Ник, что там у тебя стряслось. – Поузи глотнула вина для храбрости.

Ей оставалось лишь надеяться, что он принес не очередные плохие новости, она уже не знала, много ли еще ударов судьбы сможет вынести.

– Ты помнишь Эви Ньюман?

– Естественно, Ник. Ты же знаешь, как я любила ее. Она вернулась сюда, и я однажды ездила на прогулку с ее дочкой... такая милая крошка... хотя Эви, видимо, не склонна поддерживать дружеские отношения.

– Ты ошибаешься, и, надеюсь, после моего рассказа, мам, ты все поймешь сама. – Ник глотнул вина и постарался по возможности спокойно объяснить, что произошло.

– Понятно, – машинально произнесла Поузи, еще пытаюсь осознать все сказанное Ником. – Господи! – Она изумленно взглянула

на Ника. – Ты хочешь сказать, что Клемми – твоя дочь?

– Точно, мам, моя.

– То есть она моя внучка?

– Да, твоя внучка.

– И... давно ты узнал?

– Только когда вернулся в Англию.

– Так ты поэтому вернулся?

– Нет, это чистое совпадение. Эви написала мне в Австралию... она нашла меня по сайту моей фирмы... но потом ты сообщила ей, что я вернулся, поэтому она занесла в галерею письмо для меня, просила связаться с ней.

– Да, пожалуй, теперь я поняла. Но почему только сейчас, Ник? – Поузи озадаченно нахмурилась. – Почему она запоздала с признанием на десять лет?

– Мам, боюсь, мы подошли к самому печальному моменту. Она связалась со мной, потому что тяжело заболела. У нее лейкемия, и велика вероятность, что она не доживет до Рождества. Мне очень жаль, мам, что пришлось огорчить тебя. Я знаю, как ты любишь ее. – Перегнувшись через стол, Ник мягко коснулся руки матери.

– Боже мой, боже мой, она ведь такая красивая девочка, и еще совсем молодая... – Достав из кармана носовой платок, Поузи прочистила нос. – А я дожила почти до семидесяти и еще довольно крепка и бодра... Жизнь бывает чертовски несправедлива! А ведь я могла бы догадаться... Она выглядела на редкость плохо, когда я заходила забрать Клемми на прогулку.

– Я понимаю, мам, это страшная трагедия.

Мать и сын помолчали, оба погружившись в свои невеселые мысли.

– Значит, Эви связалась с тобой из-за Клемми, – в итоге нарушила молчание Поузи. – Из-за того, что ты ее отец.

– Да.

– Да... ведь у Эви не осталось других родственников... она сама осиротела в юности. А как воспринимает все Клемми?

– Правильно воспринимает, но это заслуга Эви. Она вела себя очень мужественно. Они обе на редкость храбрые.

– Ну, ты с Клемми познакомился?

– Мы уже привязались друг к другу, мам. Я, конечно, ужасно нервничал перед знакомством, но с самого начала все пошло как-то само собой, словно мы давно знали друг друга. Понятно, что я никогда не заменю ей Эви, не стану и пытаться, однако постараюсь всячески оберегать ее.

– А что думает Тэмми? Как она восприняла эту новость?

– Боюсь, тут я сам напутал больше, чем следовало. – Ник пожал плечами. – Я так боялся потерять Тэмми, что не представлял, как рассказать ей о Клемми, поэтому просто сбежал. И только благодаря тому, что Джейн и Пол тайно подстроили нашу встречу, я в итоге рассказал ей всю правду. Но она восприняла все превосходно и, кстати, сейчас как раз присматривает за Клемми. Как странно распоряжается судьба, мам, ведь больше десяти лет я жил сам по себе... гораздо дольше, чем длился мой роман с Эви... и вдруг у меня появилась семья.

– И Клемми, и Тэмми совершенно замечательные, Ник. Надеюсь, ты понимаешь, как тебе повезло.

– О да. Тэмми страшно нервничала, не зная, сумеет ли сегодня поладить с Клемми. Надеюсь, что они понравятся друг другу.

– Я уверена, что понравятся. Это лишь показывает, Ник, как сильно она любит тебя.

– Я понимаю и обещаю, мам, что постараюсь всячески показать, как я безмерно благодарен ей.

– А ты сам-то любишь ее? Ведь после встречи с Эви у тебя, должно быть, всколыхнулись старые чувства.

– Да, всколыхнулись... любовь не умерла... но, мне кажется, я поставил ее на своего рода символический пьедестал. Мои чувства к Тэмми совершенно иные. Они... – Ник помедлил, подыскивая верное определение, – настоящие. И ее любовь тоже настоящая.

– И как сейчас живет Эви? Ник, кто же заботится о ней?

– Сейчас она в больнице в Ипсвиче. Но, когда ее выпишут, с ней круглосуточно будет сиделка.

– Жаль, что я не знала... могла бы помочь... однако она совершенно ясно дала понять, что не хочет видеть меня.

– Она испытывала неловкость, стыдилась того, что сделала, мам, но теперь, когда ты все узнала, она, безусловно, будет счастлива, что ты сможешь официально играть в жизни Клемми роль бабушки.

– И я счастлива, Ник. И пожалуйста, передай ей, что я постараюсь во всем помогать Клемми. Ладно, – Поузи откашлялась и встала, – по моему, нам пора подкрепиться. Хочешь супчика?

– С удовольствием, мам.

Поузи наполнила две тарелки и добавила к ним тарелку с подсушенным на плите хлебом.

– Ладно, а у вас здесь что происходило?

– Многое, и, к сожалению, события отчасти печальные.

– Сэм? – сделал Ник обоснованное предположение.

– Да, – вернувшись за стол, ответила она. – Давай сначала поедим, пока суп не остыл. Новости тебя не поражают.

Позднее, уже за кофе, Поузи поведала Нику о сорвавшейся продаже Адмирал-хауса.

– К сожалению, могу лишь сказать, что это чертовски типично для него. Так полиция собирается предъявить ему обвинение?

– Если он даст показания против Кена Ноакса, а я уверена, что даст, то, вероятно, отделается предупреждением. Но, боюсь, Ник, положение его значительно плачевнее.

С тяжелым сердцем Поузи рассказала Нику о жестоком обращении его брата с женой.

– К тому же он отказывается лечиться в клинику, чтобы разобраться со своей зависимостью. Сэм считает, что у него все в порядке.

Ник видел, как побледнело лицо матери.

– Мне очень жаль, мама. Ты, должно быть, ужасно расстроилась, услышав об этом, но тебе нужно знать, что случившееся с Эми далеко не единичный случай. Я помню, как он избивал других мальчиков в школе, но как-то всегда умудрялся избежать наказания.

– Ник, даже не знаю, что сказать. Он и тебя бил?

– Все братья дерутся, но ты же знаешь, что я был не склонен к агрессии, поэтому старался избегать драк. Во всяком случае, все это прекратилось к моим тринадцати годам, когда я стал выше и сильнее него. Боюсь, я нанес ему несколько ударов, которых он никогда не забудет. Зато после этого он оставил меня в покое.

– Мне следовало бы заметить... Ник, почему ты ничего не говорил мне?

– Слишком боялся отмщения. Именно поэтому хулиганы выходят сухими из воды. Эми следует выдвинуть обвинение. Сэм, несомненно, заслуживает наказания, это уж точно. Ты очень расстроилась, мам?

– Честно говоря, да. Могло ли быть иначе? Признаться, пока вы росли, меня порой беспокоило, что ранняя потеря отца привела Сэма к неуправляемой вспыльчивости, но я не могла и представить, что он способен на такую злобную жестокость. Если бы я знала, что твое детство прошло в страхе перед братом! Теперь я чувствую себя ужасной матерью. Мне следовало распознать эти зловещие признаки, Ник, и защитить тебя, но, увы, не удалось.

– Мам, серьезно, моя жизнь вовсе не подвергалась опасности, а ты была – и есть – замечательная мама и бабушка.

– Господи! – Поузи вновь достала платочек. – Как же многое изменилось за последние пару недель. Но, во всяком случае, я не буду тут сидеть сложа руки и жалеть себя... Положение Эви требует особого внимания, верно? И мне ужасно жаль, что я не понимала того, как Сэм вел себя с тобой.

– Послушай, мам, почему бы мне не разобраться с Сэмом? – предложил Ник. – По дороге в больницу я заеду к нему. Помогу убедить его в необходимости пройти реабилитацию.

Поузи оценивающе посмотрела на него.

– Звучит угрожающе. Ты ведь не причинишь ему вреда, надеюсь?

– Боже, мам, разумеется, нет! Скорее уж он побьет меня. Но с тебя точно довольно. Позволь мне разобраться с ним.

– Спасибо, Ник. Пожалуйста, объясни ему, что это ради его же пользы.

– Обязательно. Ладно, похоже, мне пора в дорогу. – Ник встал. – Я подумывал, если не возражаешь, ненадолго привезти Клемми в Адмирал-хаус. Чтобы мы были ближе к больнице, если состояние ухудшится.

– Конечно, Ник, буду рада. А как у тебя дела на работе?

– Все отложено до Нового года. На сей раз я правильно выстроил свои приоритеты. – Он улыбнулся.

– Отлично, я с удовольствием позабочусь о Клемми. И об Эви тоже. Пожалуйста, передай ей от меня сердечный привет, ладно?

– Непременно передам, мам. А когда все утрясется, мы обязательно вернемся к разговору об Адмирал-хаусе.

– Да, вернемся. Я-то определенно вернулась к началу, но на данный момент это наименьшая из наших забот. И кстати, давай просто закончим на позитивной новости, Ник. Мне... хочется познакомить тебя кое с кем, – сказала она, провожая его к задней двери.

– Неужели? А этот «кое-кто» мужчина? – Легкая улыбка скользнула по губам Ника, когда он увидел, как смущенно покраснела его мать.

– Да, его зовут Фредди, и он милейший человек.

– Звучит многообещающе, мам.

– Может, реальность даже лучше, – быстро подхватила Поузи. – Мы с ним познакомимся, когда я еще училась в Кембридже, а недавно, когда он переехал в Саутволд, встретились снова.

– И он может осчастливить тебя?

– Да. – Поузи кивнула. – Может.

– Тогда я в восторге, правда, я безмерно рад за тебя. Ты и так слишком долго прожила в одиночестве.

– Так же, как и ты. – Поузи сердечно поцеловала сына. – До скорого, Ник, и, пожалуйста, позвони мне после разговора с Сэмом.

– Обязательно. Пока, мам.

* * *

Три часа спустя, уже по пути в Лондон, Ник позвонил матери, как обещал. Она ответила после второго гудка.

– Привет, мам, ты в порядке?

– Да, а как у тебя успехи?

Ник услышал тревогу в ее голосе.

– У меня все нормально, и у Сэма тоже. Мы поболтали, и он согласился пройти реабилитацию. Мы уже подыскали одну клинику, позвонили им, и я собираюсь завтра приехать и отвезти его туда.

– Ах, какая хорошая новость! А как он... в общем, как он это воспринял?

– По-моему, после нескольких дней одиночества в этом ужасном съёмном доме, без денег на выпивку он образумился, – дипломатично ответил Ник, желая уберечь мать от рассказа о том, с какой яростью

Сэм сначала набросился на него и как именно ему удалось убедить его согласиться.

– И сколько будет стоить лечение? Я просматривала такие клиники в интернете, их услуги весьма дороги.

– Не волнуйся об этом, мам. Я заплачу.

– Спасибо тебе, дорогой мой мальчик. Я ужасно переживала за него. Однако еще больше меня волнует самочувствие Эви.

– Она очень слаба, к сожалению. Ей дают кучу лекарств, поэтому, пока я сидел у нее, она почти все время спала. Если это утешит тебя, я передал ей твой привет, но понял, что на следующей неделе мне обязательно надо будет привезти Клемми в Адмирал-хаус. Полагаю, нам лучше оставаться поближе к Ипсвичу. Эви сказала, что хочет познакомиться с Тэмми, поэтому она, вероятно, тоже приедет с нами.

– Чем больше нас будет, тем веселее, не взыщи, милый, это всего лишь поговорка. Ох, я с трудом могу представить, как вы все это выдержите.

– Успокойся. В общем, я сообщу тебе о времени нашего приезда, как только мы определимся.

– Ладно. Ник, спасибо тебе за все, и смотри, будь осторожен за рулем.

– Буду. И ты тоже береги себя, мам. До скорого.

Закончив звонок, Ник позволил себе улыбнуться. Даже когда он выйдет на пенсию, его мать, вероятно, все еще будет просить его быть осторожным за рулем. Он чувствовал себя ужасно из-за того, что рассказал ей о давней склонности Сэма к насилию – Ник ведь знал, как она расстроится, но, по крайней мере, теперь она поняла, почему между братьями не было близости.

Когда Ник подъехал к Челси, его мысли вернулись к Тэмми и Клемми. Он как раз выехал из больницы, когда Тэмми прислала ему сообщение, написав, что они с Клемми поехали к ней домой, заказав готовую пиццу, и тогда Нику подумалось, что это славное предзнаменование.

– Привет, солнышко, – сказал он, когда Клемми открыла ему дверь дома Тэмми.

– Привет, папуля, – ответил она, и он заметил сияющие глаза девочки. – Мы как раз ждем, когда привезут пиццу. Мы и на тебя заказали.

– Спасибо, – сказал он, зайдя в прихожую и увидев, что Тэмми уже расставляет тарелки на кухонном столе. – Как вы провели день?

– Чудесно! – воскликнула Клемми, выставляя руки, чтобы показать ему свои ногти. – Тэмми сделала мне маникюр. Тебе нравится?

Ник взглянул на яркий бирюзовый цвет маникюра и кивнул.

– Очаровательно, – оценил он.

– Папа, а ты видел когда-нибудь более чудесный и милый дом? – спросила Клемми. – Он похож на кукольный домик, только для взрослых. Может, мы лучше будем жить здесь, а не в Баттерси?

– По-моему, для нас троих он будет тесноват, но я согласен, здесь действительно чудесно. Привет, Тэмми. – Ник целомудренно чмокнул Тэмми в щеку. – Как ты?

– Прекрасно. – Тэмми улыбнулась. – Мы же славно провели денек, верно, Клемми?

– Да. Мы еще собирались во время ужина посмотреть старые мультики про Барби, но ты, наверное, не захочешь смотреть их?

– Я не против, Клемми, главное, что ты этого хочешь.

– Не волнуйся, ведь Тэмми уже сказала, что я могу остаться у нее на ночевку. Как здоровье мамули?

– Все нормально, она передала тебе большой привет, – добавил он и кивнул Тэмми, заметив, что она с вопросительным видом показала ему бокал вина. – Сегодня я виделся с Поузи, твоей бабушкой. Она спрашивала, не хотим ли мы пожить у нее какое-то время. Ее дом находится гораздо ближе к маме.

– А Тэмми сможет поехать с нами?

– Разумеется, сможет. Если ей удастся вырваться из своего бутика.

– Уверена, что на пару дней смогу доверить его заботам Мины, – сказала Тэмми, вручая Нику бокал вина.

В дверь позвонили, и Клемми побежала забирать пиццу.

– Ну, как прошел день? – шепотом спросил Ник у Тэмми.

– Твоя дочь, Ник, поистине очаровательное существо. Я уже полюбила ее.

От ее слов в глазах Ника невольно заблестели слезы, и он с трудом загнал их обратно.

– Правда?

– Естественно, правда. – Тэмми коснулась его руки.

Глава 38

– Знаешь, Эми, вчера Ник отвез Сэма в клинику. Как ты к этому относишься? – спросила Поузи, когда они сели выпить чаю в «Хмельном амбаре».

– Откровенно говоря, Поузи, с облегчением. По крайней мере, я смогу завтра спокойно вернуться на работу, зная, что он не будет искать меня там. Я боялась, что он может притащиться в отель.

– Еще хотела сообщить тебе, что видела Ника на этих выходных. Он признался, что Сэм сильно бил его в детстве. По-моему, тебе нужно знать, что Сэм проявлял жестокость не только к тебе, он с юных лет страдал неуправляемой вспыльчивостью. Можешь представить, как я огорчилась, узнав, что не видела того, что происходило у меня под носом... и с тобой, и с ним.

– Уверяю вас, Поузи, Сэм всегда очень ловко устраивал все так, чтобы никто ничего не заметил, – со вздохом, призналась Эми.

– Ты уже виделась с адвокатом по поводу развода?

– В конце концов, я подам на развод, но, может, лучше отложить это дело до окончания его лечения? В любом случае, развод не будет тяжелым. Нам ведь нечего делить, не считая детей.

– На самом деле, Эми, условия развода надо будет оговорить с особой тщательностью. Если не произойдет каких-то коренных изменений, будет небезопасно оставлять детей наедине с Сэмом.

– Я понимаю, но все же надеюсь, что после лечения он сможет стать другим человеком. Кстати, не знаете, долго ли он пробудет в клинике?

– Ник говорил, как минимум шесть недель, а потом врачи оценят его состояние. Ладно, мне пора убегать... через пару часов ко мне нагрянут Ник, Тэмми и Клемми.

– Клемми? Вы говорите о дочке Эви?

– Угадала. И так уж случилось, что Ник – ее отец. Так что у Сары и Джейка появилась кузина.

Эми изумленно взирала на Поузи.

– Клемми – дочь Ника?!

– Да. К сожалению, Эви смертельно больна. Она неожиданно связалась с Ником несколько недель назад, чтобы все рассказать ему.

– Так вот почему мы с Тэмми видели его машину около ее дома. Тэмми не сомневалась, что у них опять завязался роман. Она тогда уехала в ужасном настроении. Но раз сегодня они приезжают все вместе, то, очевидно, все уладилось.

– Да, уладилось, и я очень рада за всех них, хотя они и приезжают ко мне, чтобы быть поближе к больнице. У Эви осталось мало времени. Ладно, мне надо срочно бежать. Может, ты с детьми заедешь к нам на ужин в ближайшие дни?

– С удовольствием, Поузи, и спасибо, что вы у нас такая замечательная.

– Чепуха, если бы я была замечательная, то не допустила бы, чтобы Сэм дошел до такой мерзости. Как бы то ни было, мне пора бежать.

Выйдя из «Хмельного амбара», Поузи пересекала двор, когда вдруг открылась дверь коттеджа Фредди.

– Поузи, милая, зайдешь хоть на чашку чая?

– Извини, Фредди, спешу.

– Ну, может, хоть обнимемся?

– На это у меня всегда найдется время, – сказала Поузи, когда Фредди крепко обнял ее, и она первый раз за день вздохнула полной грудью.

– Я понимаю, что твои дни расписаны по часам, но, возможно, тебе удастся выкроить пару часов на этой неделе, чтобы выйти со мной на обед или на ужин?

– Разумеется, удастся, Фредди, ты же знаешь, как мне приятно встречаться с тобой. Но пока дел выше головы, ведь Ник привозит ко мне Клемми и Тэмми, и тебе тоже придется зайти и познакомиться с ними.

– Да, с удовольствием. Только, прошу, моя любимая девочка, не переутомляйся, ладно?

– Постараюсь, Фредди, обещаю.

– Вот и умница, – похвалил он, когда Поузи высвободилась из его объятий. – И постарайся не забывать, что ты уже давно перешагнула пенсионный возраст и имеешь полное право на заслуженный отдых.

– Постараюсь, – откликнулась она и чмокнула его в щеку. – Пока, Фредди, скоро наговоримся.

Подъехав к Адмирал-хаусу, Поузи позволила себе еще несколько мгновений помечтать, вспоминая Фредди и надежды на счастье, которые он привнес в ее жизнь. Она молилась лишь о том, чтобы в скором времени у нее появилась возможность насладиться этим счастьем. Поскольку пока все ее мысли занимали Эви и ее дочь.

Придя домой, Поузи подготовила спальни для гостей, потом испекла торт для Клемми, а на ужин – пирог с рыбой.

Когда сгустились сумерки, Поузи отправилась на быструю прогулку по саду, чтобы подышать свежим воздухом и успокоить душу. Проходя мимо «Башни», она глянула на ее верхний ярус, окна частично скрывались в зарослях плюща.

В задумчивости вернувшись в дом, Поузи достала из сумочки мобильный телефон и просмотрела список контактов. Немного поколебавшись, она глубоко вздохнула и позвонила по одному из номеров.

– Добрый день, Поузи, – ответил через пару гудков низкий мелодичный голос. – Чему обязан? У вас все в порядке?

– Все, как обычно, сложно, Себастиан, – призналась Поузи. – Но я еще жива. Как у вас дела?

– Ох, примерно так же. Иду на любые ухищрения, включая множество рождественских вечеринок, на которые не особенно люблю ходить, чтобы оправдать гулянками свою несостоятельность вернуться за письменный стол и закончить книгу, но в остальном, спасибо, у меня все нормально.

– Себастиан, я хотела спросить, не могли бы вы помочь мне в одном деле?

– С удовольствием, Поузи, вы же знаете.

– Фредди говорил мне, что рассказал вам о моем... отце.

– Да, верно. А впоследствии, очевидно, рассказал и вам.

– Да, угадали. Я, естественно, жутко расстроилась, как вы можете себе представить, но сейчас уже справилась с этим. Надо же как-то мириться с реальностью, верно?

– К сожалению, приходится. И если кто-то и мог справиться с ней, то это именно вы, Поузи. Мне еще не встречалась такая сильная

личность, как вы. То же я сказал и Фредди, когда он спросил мое мнение по поводу того, следует ли ему открыть вам правду. Он отчаянно переживал, что вы расстроитесь. Он поистине обожает вас, Поузи.

– И я обожаю его. Теперь у нас все хорошо.

– И я очень рад за вас! – воскликнул Себастиан. – После стольких лет разлуки вы оба заслужили счастье.

– Спасибо вам, дорогой Себастиан. Так или иначе, в последнее время жизнь подкинула много сложностей. И в отношении моего отца я попыталась придумать, как лучше положить конец случившемуся, чтобы самой успокоиться и чтобы он упокоился с миром.

– Вы имеете в виду, достойное завершение, как обычно говорят наши американские друзья.

– Именно так. И мне подумалось, что я нашла один способ.

– Отлично. Итак, скажите, чем я могу помочь.

Поузи поведала ему свой план.

– Понимаю, – помедлив, ответил Себастиан. – Пожалуй, я смогу связаться с одним знакомым из Министерства внутренних дел. Он помогал мне в поисках материалов для «Полей скорби» и, наверное, сможет подсказать, в какое ведомство лучше обратиться. Я понятия не имею, есть ли в таком деле какой-то типовой порядок действий.

– Возможно, Себастиан, они смогут, по крайней мере, сказать, где он находится. Это уже будет хорошо.

– Конечно. Я дам вам знать, если достигну каких-то успехов, и тогда мы решим, как действовать дальше.

– Спасибо вам, Себастиан, дорогой, я действительно вам очень благодарна. А теперь, пожалуй, мне пора бежать к плите, пока не подгорел мой рыбный пирог.

– Ах, я прямо чувствую, как соблазнительно он пахнет. Ваши кулинарные изыски разбаловали меня, Поузи. Теперь меня уже не устраивают обычные полуфабрикаты. Ладно, я свяжусь с вами, когда что-нибудь выясню. Всего доброго.

Закончив разговор, Поузи пошла взглянуть на рыбный пирог.

* * *

– Ник, дорогой. – Поузи сердечно поцеловала сына, вошедшего в кухню через боковую дверь.

– Привет, мам. У тебя тут, как всегда, витают соблазнительные ароматы, – с улыбкой заметил он и взглянул на Клемми, вцепившуюся в его руку. – Твоя бабушка печет лучший во вселенной шоколадный торт.

– Привет, Клемми, – сказала Поузи, взглянув на бледное лицо девочки, унаследовавшей красивые черты своей матери. – Можно я обниму тебя?

– Да, Поузи... то есть бабушка. – Клемми покраснела.

– Понимаю, ты в замешательстве, – заметила Поузи, заключив девочку в объятия и прижав ее к себе. – Но разве не забавно, что мы оказались родственниками?

– Наверное, забавно, – смущенно прошептала Клемми.

– Почему бы тебе не снять куртку, тогда ты сможешь попробовать кусочек упомянутого твоим папой шоколадного торта. Должно быть, в дороге ты успела проголодаться.

– Добрый день, Поузи, – сказала Тэмми, замыкая приехавшую компанию.

– Милочка моя, как приятно вновь видеть тебя. Поставлю-ка я чайник. – Поузи сняла с плиты чайник и наполнила его водой. – Хорошо доехали?

– Неплохо... по крайней мере, мы не попали в час пик, – сказал Ник и, поглядывая на Клемми, вооружился ножом, чтобы отрезать ей кусок торта.

– Когда ты перекусишь, Клемми, я покажу тебе твою комнату, там раньше, в молодости, спал твой папа, – сообщила Поузи.

– У тебя такой огромный дом, бабушка. – Взгляд Клемми блуждал по кухне. – Прямо как дворец.

– Да, огромный, и, чтобы заполнить его, нужно поселить здесь много людей. – Поузи улыбнулась, снимая с плиты вскипевший чайник.

– Папа, как же тебе повезло, что ты жил здесь в детстве, – заметила Клемми, разделив кусок торта на маленькие дольки и отправляя их по одной в рот.

– Конечно, еще как повезло.

– Послушайте, может, мы выпьем чай в малой столовой? – предложила Поузи. – Я разожгла там камин.

Спустя полчаса Тэмми повела Клемми наверх распаковывать вещи, а Поузи с сыном устроились в креслах у камина.

– Какие новости из больницы?

– Все по-прежнему, к сожалению. Завтра мы съездим туда с Тэмми. Эви хочет познакомиться с ней. Ты ведь сможешь приглядеться за Клемми, пока меня не будет?

– Безусловно. Она может побыть у меня в галерее. Как у нее настроение?

– Она знает, что ее мама все еще в больнице... Эви пока не хочет видеть ее, ждет выписки, но не уверен, что дождет. – Ник вздохнул. – Мне лишь хотелось бы, чтобы это не совпало с Рождеством... все воспринимается гораздо тяжелее, когда вокруг царит праздничное веселье.

– Ну, мы же постараемся, чтобы Клемми здесь не грустила. Завтра днем привезут елку, и она поможет мне украшать ее.

– Может, ты тоже наведишь Эви, если ее состояние позволит?

– Конечно, дорогой. А сейчас я, пожалуй, пойду, приготовлю овощной гарнир к рыбному пирогу.

После ужина Ник повел Клемми укладываться спать, а Тэмми и Поузи в четыре руки мыли посуду.

– Эми рассказала мне, как ты узнала, что Ник навещал Эви, – осторожно заметила Поузи.

– Да уж, удалось.

– Что ж, видимо, у тебя добрая душа, раз ты решила поддержать его и Клемми.

– Поузи, я же люблю его, – откровенно призналась Тэмми. – Честно говоря, до конца прошлой недели я сильно сомневалась, что из меня получится хорошая мать для Клемми... я боялась, что во мне вообще нет материнского начала, и беспокоилась, смогу ли поладить с Клемми. Но, знаете, Поузи, она оказалась на редкость замечательной девочкой. Похоже, она поняла, что я чертовски нервничаю, и вела себя так естественно, что я просто не могла не влюбиться в нее. Она совершенно очаровательна, и теперь меня даже пугает, не сочтет ли она мои заботы и внимание излишне назойливыми.

– Тогда, Тэмми, тебе надо бы поговорить об этом с Эви, вы ведь увидите с ней завтра.

– Боже, Поузи, я ужасно боюсь встречи с ней. – Тэмми вздохнула. – Неужели вы думаете, что ей будет приятно слышать такое? Не подумает ли она, что я хочу отнять ее ребенка или еще что-то в этом духе?

– По-моему, Тэмми, именно это ей и хочется услышать. Для нее сейчас главное узнать, что ее малышку будут любить и оберегать. По крайней мере, я понимаю, что мне хотелось бы именно этого, будь я на ее месте.

– Мне еще не приходилось бывать в таких ситуациях, и я не уверена, что сумею правильно вести себя, – призналась Тэмми. – Скорее всего, сразу сломаюсь и разревусь.

– Тэмми, ты ведь уже думала, что у тебя не получится быть хорошей мамой, но уже ясно, что получится. Не надо пытаться сразу преодолеть все сложности, лучше справляться с ними постепенно, сегодня – с одной, завтра – с другой и так далее. Лично я очень рада, что ты будешь жить вместе с моим сыном и внучкой, и я уверена, что Эви, познакомившись с тобой, испытает такие же чувства.

– Спасибо, Поузи, я так благодарна вам за поддержку. Ладно, – заключила Тэмми, вытерев руки посудным полотенцем, – пожалуй, сейчас мне лучше пойти и пожелать Клемми доброй ночи.

* * *

Тэмми подташнивало от страха, пока Ник вел ее к палате Эви. Она всегда плохо переносила больницы, они пугали ее, там постоянно пищали и жужжали какие-то бесконечные приборы, отражая жизнь подсоединенных к ним больных.

– Она лежит в этой палате. – Ник показал на ближайшую дверь.

– О боже мой. – Тэмми вцепилась в его руку. – Ник, я сомневаюсь, что у меня хватит сил...

– Все будет хорошо, солнышко, уверяю тебя. Теперь она почти постоянно спит, и я буду рядом, успокойся. Ладно? – Он приподнял ее подбородок, вынуждая взглянуть на него.

– Ладно, прости.

Ник открыл дверь, и они вошли в палату. В глаза Тэмми сразу бросилась худенькая фигурка, лежащая на кровати. Эви выглядела совсем миниатюрной в сравнении с окружавшей ее аппаратурой... и едва ли старше собственной дочери.

– Устраивайся здесь, – прошептал Ник, показав на стул.

Тэмми села рядом с Ником, ее взгляд сосредоточился на экране прибора, показывающего ровное сердцебиение Эви. Тэмми казалось просто невообразимым, что ее ровесница может в считанные дни исчезнуть с лица земли. Тэмми подавила слезы. Она просто не имела права плакать, ведь впереди ее ждала долгая жизнь с любимым мужчиной и любимой дочкой Эви.

Внезапно длинные ресницы Эви дрогнули и ее глаза открылись.

Ник сразу взял Эви за руку.

– Привет, милая. Это я. Хорошо спала?

На губах Эви появилась тень улыбки, и она едва заметно кивнула головой.

Сунув руку в карман пиджака, Ник достал нарисованную Клемми картинку с маленькими красными сердечками.

– Клемми прислала тебе рисунок. – Ник поднес листок поближе, чтобы Эви могла его увидеть. – Прочитать тебе, что она написала?

Очередной еле заметный кивок.

– «Дорогая мамочка, я очень скучаю и люблю тебя сильно-сильно. Скажи папе, когда мне можно будет навестить тебя. С любовью, Клемми».

Тэмми увидела, что в уголке глаза Эви блеснула слеза. Услышала ее вздох.

– Эви, как ты и просила, я привел Тэмми, чтобы вы познакомились. Она здесь.

Эви медленно повернула голову в сторону Тэмми и внимательно посмотрела на нее. Тэмми почувствовала, что смущенно краснеет.

– Привет, Эви, меня зовут Тэмми. Приятно познакомиться с тобой.

Эви улыбнулась, слегка провела кончиком языка по пересохшим губам.

– Мне тоже, – прошептала она.

Протянув в сторону Тэмми исхудавшую руку, Эви развернула ее ладонью вверх. Тэмми мягко накрыла ее своей рукой.

– Ты очень красива, как и говорил Ник.

– Похоже, на женщин у него хороший вкус. – Тэмми улыбнулась, слегка пожав руку Эви.

– Да. – Эви помолчала, словно накапливала силы для продолжения разговора. – Ты уже познакомилась с... Клемми?

– Да, мы провели вместе целый день. Она просто очаровательна, Эви. Откровенно говоря, ты потрясающе воспитала ее. Мне... – Тэмми зажмурилась, загоня назад подступившие слезы. – Ты, наверное, очень гордишься ею.

– Да, очень.

Тэмми видела, как веки Эви начали опускаться, а в палату заглянула медсестра.

– Привет всем, я только проверю результаты анализов и прием лекарств, – жизнерадостно пояснила она, взяв планшет с медкартой, висевший на спинке кровати.

Тэмми подумала, как эта сестра умудряется улыбаться, целыми днями общаясь с безнадежными больными.

– Все нормально, – заявила медсестра. – Не буду вам мешать.

Эви вновь уснула, как только сестра вышла из комнаты. Ник склонился к Тэмми.

– У тебя все отлично получилось, – заверил он ее. – Хочешь чая? Пока она спит, схожу, возьму пару стаканчиков в здешнем буфете.

Тэмми хотелось попросить его не уходить, она боялась остаться одна, однако она промолчала, позволив ему уйти. Она задумалась о том, как там справляется в магазине Мина, вспомнив, что ассортимент уже пора пополнять, потом взглянула на Эви и вдруг осознала, насколько это все не важно. Все важное находилось именно здесь, в этой палате; сейчас смысл ее жизни в том, чтобы как можно лучше заботиться о ребенке этой женщины.

– Тэмми?

Голос Эви вывел Тэмми из задумчивости.

– Да?

– Где Ник?

– Пошел за чаем... он скоро вернется.

– Нет, я рада, что мы сейчас одни. Я... хочу сказать, как я рада, что ты будешь с Клемми. Ник славный... – Эви подавила болезненный стон, – но он мужчина, понимаешь?

– Да, понимаю. – Тэмми улыбнулась.

– Клемми нужно женское, материнское внимание... ты... согласна с этим?

– Ох, Эви, полностью согласна. Вчера вечером я как раз говорила Поузи, что очень беспокоилась, есть ли у меня материнская жилка. Но, когда я познакомилась с Клемми и мы... в общем, я полюбила ее. Мне уже сейчас до абсурда хочется защитить ее от любых опасностей.

– Вот и хорошо, я рада. – Эви кивнула. – Я понимаю, что... мне недолго осталось. Хочется увидеть Клемми. Сказать... проститься. – Она сильно прикусила губу и кивнула.

– Когда ты хотела бы увидеть ее?

– Как... можно быстрее.

– Ладно, я передам Нику.

– Позаботься о ней за меня, ладно? Люби ее за меня...

– Обещаю, Эви...

– Спасибо.

Когда Ник принес чай, глаза Эви уже опять закрылись.

– Ты в порядке, милая? – тихо спросил Ник, сев рядом с Тэмми и передав ей чай в пластиковом стаканчике. Он мягко смахнул с ее щеки одну из скатившихся слезинок.

– Она только сказала, что хочет увидеть Клемми... хочет проститься. Как можно скорее.

– Понял. – Ник глотнул свой чай, и они продолжили сидеть в молчании, охраняя сон Эви. Прошло минут сорок, но она так и не проснулась, и тогда Ник показал знаками, что им пора уходить.

– По пути из буфета я встретил врача, – сообщил он, когда они уже проходили по коридору отделения. – Я отвезу тебя домой и сегодня же привезу сюда Клемми. Эви права... у нее осталось мало времени.

– Понятно, – откликнулась Тэмми.

– Я попрошу и маму навестить ее, тогда она заберет домой Клемми, а я смогу остаться с Эви, – добавил он, когда они вышли из больницы, и Тэмми с облегчением глотнула свежего воздуха. – Мне не хочется, чтобы она была в одиночестве, когда...

– Конечно, Ник. Мы с Поузи позаботимся о Клемми, а ты сможешь побыть с Эви, – сказала она, когда они сели в его машину.

– Ты уверена, что тебя это не обременит?

– Обременит? Господи, разумеется, нет.

– Многие женщины сочли бы это обременительным, – заметил Ник, включая зажигание. – Ведь я любил ее когда-то и вполне понимаю, что весь сценарий едва ли назовешь идеальным способом для начала наших отношений.

– Ник, пожалуйста, прекрати философствовать. Если бы я не хотела быть здесь с тобой и Клемми, то не поехала бы, понятно? Эви сейчас нуждается в тебе больше, чем я.

– Спасибо, Тэмми. – Вымученно улыбнувшись, он выехал с больничной стоянки. – Хорошо, что ты повидала ее сегодня. Она еще что-то говорила?

– Говорила... – Тэмми нервно сглотнула. – Попросила меня позаботиться о Клемми. Я сказала, что постараюсь...

– Ты уже прекрасно заботишься, любимая, и я даже не представляю, как мне отблагодарить тебя.

* * *

Проводив Ника, Клемми и Поузи в больницу, Тэмми как раз налила себе большой бокал вина, когда заметила горящие фары машины на подъездной аллее.

– Кого это еще бог принес? – прошептала она себе под нос, когда машина завернула к боковому входу.

Выглянув в окно кухни, Тэмми увидела, что к двери идет Эми.

– Есть кто дома? – крикнула она, заходя на кухню.

– Только я! – Тэмми дружески чмокнула Эми в щеку. – Как приятно видеть тебя. Я думала, Поузи говорила тебе, что сегодня вечером поедет в больницу с Ником и Клемми.

– Говорила, но мне как раз хотелось повидать тебя, а Фредди сказал, что потерпит детей пару часов. Он совершенно замечательный... ты знакома с ним?

– Нет, а кто он такой?

– Поузи называет его своим другом. И вдобавок он мой спаситель. Он и правда замечательный человек, я не шучу. Если Поузи ограничится дружбой, – Эми усмехнулась, – то я сама выйду за него замуж. Не выпить ли нам по этому поводу?

– Непременно, – согласилась Тэмми, наливая второй бокал. – Боже мой, Эми, – добавила она, вручив ей вино. – Ник рассказал мне, какой кошмар тебе пришлось пережить, но выглядишь ты вполне прилично.

– Сейчас, когда шок прошел, я начинаю осознавать его во всей полноте. Такое облегчение знать, что Сэм теперь не сможет добраться до меня и мне не придется вздрагивать от ужаса всякий раз, когда его ключ поворачивается в замке... Твое здоровье!

Они чокнулись бокалами.

– Знаешь, Эми, тебе следовало бы поделиться со мной... ведь я могла бы помочь.

– Понимаю, но я просто очень боялась его мести. И в любом случае Сэм отвертелся бы, заявив, что я на него наговариваю. Ты же видела его... поняла, что он за фрукт. Когда ему нужно, он способен петь соловьем, очаровывая всех и вся.

– Ну, меня ему решительно не удалось очаровать. – Тэмми передернулась от отвращения. – Мне попадались в жизни такие типы.

– Неужели? – Эми пристально посмотрела на нее, когда они сели за кухонный стол.

– К несчастью, да. Но, к счастью, я не обзавелась детьми, а благодаря хорошо оплачиваемой работе еще и каталась по всему миру. В общем, в отличие от тебя, я могла сбежать в любой момент. Так что лишь отчасти понимаю, что тебе пришлось пережить. После одной такой передряги мой психотерапевт объяснил, что все дело в большом самоутверждении. Слабаки по жизни чувствуют себя сильными, только самоутверждаясь на своих подругах, подчиняя их яростным насилием. Короче, давай выпьем за то, что он остался в прошлом.

– Ненадолго. В клинике его продержат всего шесть недель. – Эми поежилась. – Кстати, поэтому я и хотела поговорить с тобой. Поузи рассказала мне, что в детстве Сэм избивал Ника. Потом я еще обсудила это с Фредди, он всю жизнь проработал адвокатом по уголовным делам, и в итоге я... в общем, я решилась выдвинуть обвинение в нападении.

– Понятно. И тебе не страшно?

– Страшновато, конечно, и чувствую себя виноватой, даже предательницей... – Эми пожала плечами. – Но, как говорили мне и Фредди, и Поузи, если я этого не сделаю, то ярость Сэма может прикончить кого-то другого. И это уже отяготит мою совесть. А ты что думаешь?

– По-моему, Эми, чтобы пойти на такой шаг, нужна огромная смелость, и все-таки так будет правильно.

– А что, по-твоему, скажет Поузи? То есть она ведь была так добра ко мне и всячески поддерживала, но Сэм ее сын.

– Сын-то, он, конечно, сын, и я понимаю, что тебя беспокоит, но, знаешь, я уверена, Поузи согласится, что именно так ты и должна поступить.

– Фредди говорил, что вряд ли Сэму грозит большой срок; и то, что он уже лег в клинику лечиться от алкоголизма и приступов неконтролируемой агрессии, пойдет ему на пользу, покажет судье, что он взял на себя ответственность за содеянное. Он может даже отделаться условным наказанием, но это не главное. Я просто хочу официального признания того, что он делал со мной, ведь тогда, если он сделает очередную попытку, это будет уже записано черным по белому. Меня страшит, разумеется, сам процесс... мысль о том, что придется давать там показания против мужа... – Эми вздрогнула. – Но ведь он мог запросто убить меня в тот вечер, и я не хочу нести ответственность за то, что его агрессия выплеснется на других людей.

– Да, ты права, и все мы будем поддерживать тебя в суде, обещаю. Более того, Эми, я искренне горжусь тобой. Большинство женщин, естественно, слишком запуганы, чтобы привлечь к ответственности насильников, особенно если это их муж или партнер. Если бы больше нас, женщин, решалось пойти в суд, возможно, мужчины поняли бы, что и домашнее насилие наказуемо. – Тэмми подалась вперед и мягко пожала руку Эми. – Сделай это, Эми, ради всех нас, но главное, ради самой себя и твоих чудесных детей.

– В общем, я думаю заняться этим после Рождества... так или иначе, на семью Монтегю сейчас свалилось слишком много забот, но спасибо тебе, Тэмми, за поддержку. – В глазах Эми заблестели слезы, она сделала большой глоток вина. – Однако не пора ли сменить тему? Как там Эви?

– К сожалению, ничего утешительного. Я видела ее сегодня. Большую часть времени я старалась не разрыдаться в ее палате. Это так ужасно, Эми. Клемми повезли в больницу... проститься с Эви.

– Боже мой, ну что за чертова жизнь? Бедный Ник и бедная Клемми.

– Да уж. Ник всячески опекает ее, он оказался очень заботливым и добрым.

– Правда, Тэмми, Ник – хороший парень. И ты можешь совершенно не переживать, что у них с Эви...

– Ах, конечно, нет, об этом я больше не беспокоюсь, Эми. Я даже рада, что он будет там с Эви.

– Ну, вот как могли два брата вырасти такими разными? – Эми вздохнула. – В любом случае очевидно, что я ошиблась с выбором.

Тэмми, потягивая вино, пристально взглянула на Эми.

– А ты в последнее время общалась с Себастианом?

– Нет, чего ради?

– Ну, на вечеринке вы оба выглядели так... в общем, честно говоря, вы смотрелись так, словно встречаетесь.

– Мы... встречались, недолго. На самом деле я даже хотела уйти от Сэма до того, как его арестовали из-за мошенничества с продажей Адмирал-хауса. Но, когда его освободили под залог, я поняла, что не имею права его бросить. И отказалась от Себастиана, заявила, что больше не хочу видеть его.

– Понятно. Неужели все кончено? Даже сейчас, когда ты все-таки ушла от Сэма?

– Да, я упорно твержу себе, что все кончено, – глядя в окно, проворчала Эми. – Хотя сердце мое почему-то не желает смириться с этим. В любом случае, у меня был шанс, но я упустила его. И, кроме того, сейчас мне нужно думать только о детях. Из-за всего случившегося они ведь потеряли отца.

– То есть ты не собираешься сообщать Себастиану, что ушла от Сэма?

– Нет, – твердо ответила Эми. – В любом случае я уверена, что он уже обо всем забыл и прекрасно живет дальше. Вероятно, я была для него всего лишь легким развлечением, пока он жил и работал здесь.

– Судя по тому, что я видела, Эми, он относится к тебе гораздо серьезнее.

– Тэмми, прошу прощения за капризы, но не могли бы мы поговорить о чем-нибудь другом?

– Извини, дорогая, разумеется. Как поживают твои детки?

– Прекрасно, спасибо. – Лицо Эми посветлело. – Им очень нравится новый дом и их новая няня, то есть Фредди. Он избалует их донельзя. Кстати, а вы с Ником уже решили, где будете отмечать Рождество?

– Честно говоря, по-моему, все будет зависеть от состояния Эви. Мы пока не строили никаких планов.

– Ясно. Однако, Тэмми, я очень рада, что вы сумели во всем разобраться. И добро пожаловать в материнский клуб. – Подняв бокал, Эми улыбнулась, и они опять чокнулись.

– Да уж, и не говори... Все случилось несколько скорее, чем мне хотелось бы, но Клемми такая милая девочка, и, кроме того, с ней мне хотя бы удалось избежать мучительных родов.

– Повезло на сей раз, – усмехнулась Эми. – Хотя, я уверена, что у тебя еще все впереди. Вы с Ником уже живете вместе?

– Нет, не хочется пока торопить события из-за Клемми. Но, наверное, после Рождества я перееду к ним в новый дом Ника в Баттерси.

– Я так надеюсь, Тэмми, что у вас все прекрасно сложится и вы поженитесь. С нетерпением жду такого радостного праздника.

– Всему свое время, но мне тоже хотелось бы этого, наше объединение, вероятно, пойдет на пользу и Клемми. Но, если ты не против, я подожду, пока он сделает мне предложение. – Тэмми улыбнулась. – Не будем ставить телегу впереди лошади.

– То есть ты придерживаешься консервативных взглядов на семейную жизнь? Кстати, Поузи еще не решила, как поступит теперь с Адмирал-хаусом?

– Сегодня утром мы немного поговорили об этом... как я поняла, в январе она вновь собирается выставить его на продажу.

– Как это грустно... ведь ее семья владела этим поместьем более трех сотен лет. К тому же сам особняк удивительно красив. Себастиан просто влюбился в него, так же как и я. Я собираюсь написать его до продажи. По-моему, такая картина станет неплохим подарком к семидесятилетию Поузи.

– Поузи будет семьдесят? – Тэмми выглядела изумленной. – Боже мой, я не дала бы ей и шестидесяти.

– И не говори, она всех нас превзойдет своей живостью. Ладно, пожалуй, мне пора вернуться к детям и освободить Фредди от двенадцатого просмотра «Рождественской сказки» с Маппетами. Очень приятно было повидаться с тобой, Тэмми, и, если у тебя будет время, может, заглянешь ко мне в гости? Мы теперь живем рядом с Хай-стрит, но, если соберешься, просто позвони мне и я расскажу, как до нас дойти. И Клемми тоже привози, она сможет познакомиться со своими озорными кузенком и кузиной.

– С удовольствием, конечно, если будет время. И вообще, Эми, так чудесно, что мы с тобой повидались. – Тэмми встала вслед за Эми и поцеловала ее. – Береги себя, ладно?

– Теперь я могу сказать, что точно буду. До скорого, Тэмми.

Глава 39

На следующий день Тэмми с Клемми и Поузи гуляли по саду, когда у Тэмми в кармане зазвонил мобильник.

– Извините, я на минутку, – сказала она спутницам и прошептала Поузи, чтобы не заметила Клемми. – Это Ник.

Поузи кивнула и увлекла Клемми дальше по аллее, дав Тэмми возможность поговорить без помех.

– Алло?

– Тэмми, это я. Эви умерла двадцать минут назад.

Она услышала полнейшее опустошение в его голосе.

– Ник, держись, дорогой, искренне соболезную.

– Спасибо. Мне тут еще, к сожалению, надо заполнить какие-то документы, но приеду домой, как только закончу с ними. Не говори ничего Клемми, пока я не вернусь, ладно? Я сам должен сообщить ей.

– Конечно. Держись, мой милый. Я люблю тебя.

Тэмми глянула на затянутый туманом сад, вдохнула успокаивающий дымный запах костра. Поузи срезала ветки с высокого куста остролиста, а Клемми крепко поддерживала стремянку.

Тэмми направилась к ним, и, когда она подошла ближе, Поузи вопросительно взглянула на нее. Тэмми слегка качнула головой, и Поузи понимающе кивнула.

– Похоже, у меня в семье наконец появился человек, способный разделить мою страсть к садоводству, верно, Клемми? – с улыбкой спросила Поузи.

– Ах, верно, я обожаю цветы и всякие растения, – воскликнула девочка и, глянув на Тэмми, добавила: – Бабушка обещала научить меня выращивать их весной, когда появятся первые новые ростки.

– Да, с удовольствием. А теперь не пора ли нам пойти в дом и выпить по чашке вкусного горячего шоколада с тортиком? Здесь уже становится холодно и темновато.

Поузи направилась к дому, и, взглянув на небо, Тэмми увидела, что над их головами уже мерцают первые звезды.

«Храни тебя Бог, дорогая Эви... Я обещаю, что буду изо всех сил заботиться о твоей дочке...»

Ник приехал домой часом позже, бледный и осунувшийся. Он увел Клемми в малую столовую, где они с Поузи уже установили большую елку, и закрыл за собой дверь.

– Пожалуй, я сейчас выпила бы большой бокал вина, и ты, наверное, тоже, – мрачно произнесла Поузи, доставая бутылку из холодильника.

– Спасибо, Поузи.

Обе женщины молча сидели за столом, погруженные в свои мысли.

– Я была немногим младше Клемми, когда мне сообщили о смерти моего отца, – наконец нарушила молчание Поузи. – Разница только в том, что я этого совершенно не ожидала. И все же, несмотря на то что ее мать постаралась сделать все возможное, чтобы помочь пережить такую новость, легче Клемми от этого не будет. Она будет безутешна. До сих пор это относилось к сфере возможного, а теперь стало реальностью.

– А как умер ваш отец, Поузи?

– Видишь ли, Тэмми, это довольно долгая и темная история, – с печальной улыбкой ответила Поузи. – Недавно я узнала такие новости, что мне показалось, будто я потеряла его еще раз.

Женщины услышали, как открылась дверь малой столовой, и на кухне появился Ник с Клемми на руках. Она уткнулась головой в его плечо.

– Она сказала, что хочет к тебе, мам, – сказал он, передавая девочку Поузи.

Тэмми заметила залитое слезами лицо Клемми, и ее сердце сжалось от любви и сочувствия. Клемми устроилась на коленях бабушки, а Ник направился к Тэмми.

– У нас осталось вино? – спросил он.

Тэмми достала бутылку и еще один бокал, и они вдвоем вышли из комнаты.

– Как она восприняла известие?

– На редкость спокойно, учитывая обстоятельства. Она сообщила мне, что Эви попрощалась с ней еще вчера, – пояснил он, когда они сели у камина в малой столовой. – Хотя, конечно, все равно ужасно потрясена.

– Естественно.

– Я сказал ей, что мама просто мирно улетела на небеса, и она действительно отошла удивительно спокойно. Эви просто уснула и уже не проснулась. И это к лучшему, Тэмми, боль так измучила ее. Мне совершенно не...

И тут Ник расплакался. Тэмми мягко обняла его, и он тихо рыдал, уткнувшись в ее плечо.

– Какая огромная потеря, ужасное несчастье, – прошептала Тэмми.

Немного отстранившись, Ник вытер глаза рукавом.

– Прости, Тэмми, что расплакался, как мальчишка. Ради Клемми я сдерживался. Но впереди еще столько дел... в частности, похороны Эви... она хотела скромную службу в местной церкви. И потом еще ее дом в Саутволде... естественно, она завещала его Клемми. Думала, что его лучше продать и вложить эти деньги в ее обучение и высшее образование.

– Ник, со временем все это можно будет организовать. Сейчас для нас самое главное – позаботиться о самой Клемми.

– Верно. – Ник вяло улыбнулся. – Спасибо, ты такая чудесная. Прости, Тэмми, мне...

– Успокойся, Ник. Просто такова сущность любви, понимаешь? Держаться друг за друга в тяжелые времена.

– Что ж, будем надеяться, что впереди нас ждет и светлая полоса.

– Так и будет, Ник. Уверяю тебя, – искренне произнесла Тэмми.

* * *

Похороны Эви состоялись на следующей неделе, в промозглую серую среду. После погребения несколько близких родственников и друзей вернулись в Адмирал-хаус помянуть Эви бокалом глинтвейна со сладкими испеченными Поузи пирожками с изюмом и миндалем.

– Я так горжусь твоей девочкой, – заметила Поузи, когда они с Ником смотрели, как Клемми, сидя на полу в кухне, играла со своими новыми братом и сестрой. – Кажется, она отлично приспосабливается. Как ты решил с продолжением ее обучения?

– Мы говорили об этом, и Клемми захотела пока остаться в том же интернате, – ответил Ник. – Она обзавелась там друзьями, и они

помогут ей быстрее вернуться к нормальной жизни, а именно это ей сейчас и необходимо.

– Привет, Поузи, – сказала Мари, подходя к ним. – Привет, Ник.

– Привет, Мари, спасибо, что пришла, – вежливо ответил он.

– Не за что. Мы с Эви были лучшими подругами в школе. О чем мы только ни мечтали... – Мари покачала головой. – Кто бы мог подумать, что Эви ждет такое будущее.

– И не говори, это ужасно печально. – Поузи вздохнула.

– Я понимаю, что сейчас неподходящий момент, но вы уже думали о том, что будет дальше с Адмирал-хаусом? – спросила Мари.

– Пока нет, милая, но, когда решу, что делать, ты услышишь об этом первая, – раздраженно ответила Поузи.

– А я собираюсь после Рождества поговорить с тобой о продаже дома Эви, – вставил Ник.

– Отлично, ну, я не думаю, что с продажей ее дома возникнут сложности. Клемми, вероятно, станет богаче всех нас. В общем, звоните или заходите в любое время. – И, кивнув всем на прощание, Мари удалилась.

Ник взглянул на горестное выражение лица Поузи.

– Мамуля, жизнь продолжается, – попытался подбодрить он ее. – Так уж устроен мир.

– Я понимаю. Поняла это еще в детстве, когда потеряла отца.

Поузи оглянулась на Фредди, отметив, как он элегантен в темном костюме. Он о чем-то увлеченно беседовал с Тэмми.

– Он смотрится весьма импозантно, – с усмешкой бросил Ник.

– Да-да. Я чувствую себя необычайно счастливой.

– И пора уже, чтобы кто-то начал присматривать за тобой.

– Надеюсь, мы будем взаимно присматривать друг за другом. – Поузи улыбнулась. – Когда-нибудь я расскажу тебе о нем и о том, почему мы столько лет не могли быть вместе. Кстати, ты уже думал о праздновании Рождества, Ник?

– Вчера вечером мы обсуждали это с Тэмми и Клемми, и нам хотелось бы отметить его здесь с тобой, если ты не против.

– Разумеется, не против, Ник. Фредди и Эми с детьми тоже придут в гости. Для них это тоже трудное время... первое Рождество без отца. В любом случае, нам надо постараться провести праздник как можно веселее.

Поузи услышала, что в ее сумочке зазвонил мобильник.

– Извини, Ник, надо ответить на звонок.

– Конечно.

– Алло?

– Поузи, это Себастиан.

– Привет, Себастиан, дорогой.

– Не вовремя?

– Нет, вовсе нет. – Поузи вышла из кухни и закрыла за собой дверь, чтобы лучше слышать его. – Есть какие-то успехи?

– В целом, есть. Ваш отец похоронен в безымянной могиле на территории тюрьмы Пентовилль.

– В безымянной?

– Ну, у него там нет именного надгробия, есть только номер, показывающий, в каком именно месте он упокоился.

– Ясно. А могу я навестить его?

– В общем, это не стандартная процедура, но мой консультант связался с парой соответствующих департаментов, и вам разрешили прийти. В пятницу вас устроит?

– Конечно, я подъеду туда. И, Себастиан...

– Да?

– Вы сможете сходить со мной?

– Разумеется, смогу. Но разве вы не хотите прийти с кем-то из родственников?

– Нет, совершенно точно нет. Мои сыновья пока ничего не знают об этом.

– Все ясно, тогда... вот уж не думал, что когда-нибудь скажу вам такое, Поузи, однако я буду ждать вас в час дня у ворот тюрьмы.

– Прекрасно. Спасибо вам от всего сердца за то, что вы сумели все организовать.

– Не за что, Поузи. Увидимся в пятницу. До скорого.

Поузи немного помедлила в коридоре, чтобы успокоиться, осознав вдруг, что узнала, где похоронен ее отец, в тот самый день, когда они безвременно похоронили другого близкого ей человека. Глубоко вздохнув, она вернулась в кухню.

Глава 40

– Добрый день, Поузи. Готовы морально? – с улыбкой спросил Себастиан.

– Да, как обычно.

– Вы совершенно уверены, что хотите навестить его? Я имею в виду, что там несколько мрачновато. – Он показал на суровое здание за воротами.

– Безусловно, да.

– Тогда ладно. Идем. – Себастиан нажал кнопку переговорного устройства, назвал их имена, и тюремные ворота со щелчком открылись.

Спустя пятнадцать минут одна из тюремных служащих привела их в сад.

– Согласно схеме, вашего отца похоронили вон там, – сообщила она, когда они прошли по газону – и Поузи уже представила бесконечное множество безымянных могил – к ряду захоронений прямо под высокими тюремными стенами.

– Да, все верно, – продолжила тюремщица, еще раз сверившись с захваченной с собой распечаткой. Она показала на поросший травой холмик слева от них. – Вот его могила.

– Спасибо.

– Хотите, чтобы я подошел туда с вами? – спросил Себастиан.

– Нет, спасибо, я не задержусь.

Поузи взглянула на указанную служащей невысокую насыпь и с гулко бьющимся сердцем приблизилась к ней. Она стояла над могилой с мокрыми от слез глазами, ничто на поверхности не указывало на то, что здесь покоится ее отец.

– Привет, папа, – прошептала Поузи. – Как жаль, что тебя похоронили в таком жутком месте. Ты заслужил лучшего.

Пока Поузи стояла там, ей вдруг впервые пришло в голову, что у отца имелась лицензия на убийство, поскольку он летал на своем истребителе в эпицентры военных действий. За это его награждали, называли героем. А здесь он лежал среди множества других преступников, поскольку отнял жизнь у человека, так жестоко предавшего его.

– Папа, тебе не следовало бы лежать здесь, и я хочу, чтобы ты знал, что я прощаю тебя. И всегда буду помнить и любить...

Она открыла принесенную с собой матерчатую сумку и достала оттуда сделанный ею маленький букет – стебли белой черемицы с зелеными блестящими веточками остролиста, усыпанного яркими красными плодами.

Положив букетик на холм, Поузи закрыла глаза и прочитала молитву.

Себастиан и служащая стояли поодаль от нее на почтительном расстоянии.

– Она знает, что в этой могиле похоронены два тела?

– Нет и, надеюсь, не узнает, – прошептал Себастиан, заметив, как Поузи перекрестилась и направилась к ним.

– Все завершили? – спросил он.

– Да, спасибо вам.

Выйдя за тюремные ворота, Себастиан повернулся к Поузи.

– Итак, мы отдали дань прошлому, а как вы теперь смотрите в будущее? Предлагаю запрыгнуть в такси, отправиться в «Фортнум» и немного покутить!

– Да, Себастиан, именно покутить мне сейчас и хотелось бы больше всего. – Поузи улыбнулась. – Давайте поскорее уедем из этого мрачного места.

Спустя полчаса они уже сидели в праздничной атмосфере зала ресторана «Фаунтин» в комплексе «Фортнум и Мейсон». Себастиан заказал им по бокалу шампанского.

– Давайте, Поузи, выпьем за вашего отца. И за вас. – Они чокнулись бокалами и выпили. – И как вы теперь себя чувствуете, увидев, где он похоронен? Стало вам легче или тяжелее?

– Определенно, легче. – Поузи кивнула, подкрепляясь сэндвичем с огурцом. – Каким бы ужасным ни было то, что произошло, теперь оно осталось в прошлом. Я простила с ним.

– Это был очень смелый поступок, Поузи.

– Да, я рада, что у меня хватило смелости, и не могу выразить, как я благодарна вам за то, что вы сумели устроить это посещение. А теперь лучше расскажите мне, как продвигается ваша книга?

– В общем, уже втянулся в работу. Наверное, сдам ее в начале февраля.

– Есть ли у вас планы на Рождество?

– Никаких, – ответил Себастиан. – Воспользуюсь тем временем, когда все будут лакомиться сливовым пудингом, чтобы мирно поработать.

– Звучит довольно тоскливо, если позволите сказать.

– Наверное, но это гораздо предпочтительнее, чем провести время с моей матушкой и ее чертовски занудным муженьком, за которого она вышла замуж после смерти моего отца. Рождество ведь семейный праздник, а я одинок, поэтому такой вариант вполне оправдан.

– Допустим... а не хотели бы вы подумать о том, чтобы приехать и провести праздник с моей семьей в Адмирал-хаусе?

– Поузи, ваша доброта безгранична, но едва ли ваши родственники захотят видеть меня там.

– Почему?

– Ну, хотя бы потому, что я не принадлежу к вашей семье, – пробурчал он, намазывая булочку маслом.

– Бросьте, Себастиан, я думаю, что моя родня обрадуется вашему присутствию. Особенно одна особа.

– И кто же?

Поузи пристально посмотрела на него, взяла очередной сэндвич и сказала:

– Разумеется, Эми.

Она заметила, что Себастиан покраснел до корней волос.

– Только не говорите мне, Себастиан, что вы не понимаете, о чем я говорю, поскольку это будет ложью, а меня за мою долгую жизнь и так уже обманывали более чем достаточно.

– Ладно, не буду. – Он взял свой бокал и сделал большой глоток шампанского. – Но как вы узнали?

– У вас же с ней на лицах все было написано.

– Возможно, но все уже в прошлом, ведь Эми однозначно сказала мне, что никогда не бросит Сэма.

– И вы поэтому так внезапно покинули Адмирал-хаус?

– Да. Простите меня, Поузи, должно быть, вы рассердились на меня. Ведь Сэм ваш сын и...

– Эми ушла от него, Себастиан. Он жестоко избил ее, и только благодаря Фредди ему не удалось нанести ей большего вреда. Сейчас

Сэм лежит в клинике в Эссексе, пытается излечиться от вспышек неконтролируемой ярости и алкогольной зависимости.

– Боже, Поузи. – Себастиан покачал головой. – Мне... в общем, даже не знаю, честно говоря, как описать свои чувства... Полагаю, правильнее всего будет сказать, что я в ужасе.

– Вы подозревали, Себастиан, что Эми страдала от его насилия?

– Я... да, это приходило мне в голову. Из-за каких-то странных синяков...

– Вам нет нужды стесняться, Себастиан. Меня часто удивляло, почему молодое поколение предпочитает так осторожничать, говоря со старшими о сексе, хотя у нас на этом поприще гораздо больше опыта. Короче, обстоятельства таковы, что Эми не собирается возвращаться к Сэму, даже если он выйдет из клиники, укротив свой взрывной темперамент.

– Признаться, вы меня успокоили. Она ведь такой хороший человек и уже настрадалась в полной мере...

– Да, вы правы. Скажите, Себастиан, вы любите ее?

– Люблю, Поузи, и если, уезжая, я мог еще сомневаться в этом, то сейчас абсолютно уверен. И хотя она сказала мне, чтобы я не питал никаких надежд, последний месяц я не мог думать ни о чем другом. И, откровенно говоря, именно поэтому не мог работать. Я просто... в общем, – он вздохнул, – думал о ней постоянно.

– Так не хотите ли вы присоединиться к нам на Рождество? – повторила вопрос Поузи.

– Право, не знаю. – Себастиан пристально взглянул на нее через стол. – Если честно, то мне трудно понять, почему вам хочется способствовать возвращению жены вашего сына в объятия ее любовника.

– Потому что я реально смотрю на вещи, Себастиан. Не только Эми пережила трудные времена, но и вы тоже. Счастливые завершения отношений бывают слишком редко... в конце концов, я сама дожидалась этого более пятидесяти лет, и если в моей власти помочь кому-то достичь их, то я готова сделать все возможное. Вы нужны Эми и моим внукам.

– А что же будет с Сэмом?

– Ни одна мать не захочет признать, что родила подлеца, но, видимо, придется. Из-за того, что я не замечала его порочных

склонностей, Ник прожил ужасное детство... а Эми, которую я сердечно люблю, едва не рассталась с жизнью. Последние дни я все думала, не виноваты ли в этом гены. В конце концов, моего отца судили за убийство его лучшего друга.

– Поузи, это совершенно другой случай. Это преступление на почве страсти. Если бы оно случилось во Франции, то он, вероятно, получил бы почетное помилование. – Себастиан улыбнулся. – Гены генами, вы правы, но не забывайте, что у каждого из нас своя особая и уникальная ДНК. И как раз ее уникальность определяет все виды личностных качеств.

– Наверное, вы правы. Я никогда не задумывалась об этом в таком ключе. Безусловно, я чувствую огромную вину за поведение Сэма. Возможно, я что-то не так сделала или упустила, и после того, как он в детстве так трагически потерял отца, у него и проявилась эта склонность к насилию... хотя, разумеется, сейчас уже бесполезно кусать локти.

– Да, верно, Поузи, и все-таки теперь, по крайней мере, Эми и ваши внуки в безопасности.

– И я всем сердцем желаю им счастья. Так вы приедете, Себастиан? С нами будет Фредди, приедут Ник с Тэмми.

– Спасибо, Поузи, вы очень добры, но можно мне немного подумать над ответом?

– Конечно, дорогой. А сейчас позвольте поведать вам трогательную историю о том, как у меня появилась еще одна внучка...

* * *

– Наконец-то одни! – сказал Фредди, обнимая Поузи на крыльце. – Проходи скорей. У меня такое ощущение, будто мы с тобой не оставались наедине целую вечность, – добавил он, запустив ее в прихожую и проводив в гостиную, где на кофейном столике уже стоял поднос с бутылкой шампанского и двумя бокалами.

– Боже мой, что у нас за повод?

– Совершенно никакого, кроме приближения Рождества да того обстоятельства, что наши сердца еще бьются. Словом, Поузи, в нашем возрасте, по-моему, не нужен особый повод для питья шампанского.

- Вчера я тоже пила шампанское.
- Неужели? И где же? – спросил Фредди, открыв бутылку, налив шампанское в бокалы и передав ей один.
- В «Фортнуме». Я выпивала там с Себастианом.
- Ну и ну! Неужели у меня появился соперник?
- Если бы я была лет на тридцать моложе, то мог бы и появиться. – Поузи улыбнулась. – Будем здоровы.
- Будем, – поддержал тост Фредди. – И как он поживает?
- В порядке, Фредди, передавал тебе поклон. Насколько я поняла, он сыграл роль своего рода психотерапевта в нашей мелодраме.
- Да, действительно, и я благодарен ему за хороший совет. Однако чего ради ты встречалась с ним в «Фортнуме»?
- Я попросила его найти могилу моего отца, и вчера мы посетили ее.
- Понятно. И где же она?
- В садике тюрьмы Пентовиль. И, прежде чем ты еще что-нибудь скажешь, признаюсь, что более сурового захоронения и не придумаешь. Но оно выполнило свое предназначение, и теперь я чувствую, что действительно смогу спокойно жить дальше.
- Тогда я рад за тебя, Поузи, хотя, если бы ты пригласила меня, я с радостью составил бы тебе компанию.
- Мне нужно было сделать это одной, Фредди. Надеюсь, ты понимаешь меня.
- Да, понимаю.
- Кстати, я пригласила Себастиана к нам на Рождество.
- Правда? Что ж, тогда буду с нетерпением ждать встречи с ним. В твоей семье в последнее время явно не хватает мужчин.
- У них с Эми завязался роман, пока Себастиан жил у меня в Адмирал-хаусе.
- Неужели? И ты знала об этом?
- По меньшей мере, сильно подозревала. Причем оба они добровольно признались мне в своих чувствах. Фредди, он ведь такой славный человек. Именно такой и нужен Эми.
- Похоже, ты у нас неплохая сваха?
- После всего случившегося в последнее время, по-моему, мы оба с тобой согласимся, что жизнь чертовски коротка. Мы с тобой

упустили шанс на долгую счастливую жизнь, и я не хочу такого варианта для Эми и Себастиана.

– Ну и ну. – Фредди с улыбкой взглянул на нее. – Чертовски щедрый жест.

– Кстати, Сэм пару дней назад звонил мне из клиники и сообщил, что познакомился и сблизился там с одной женщиной. Я сомневаюсь, что он надолго останется в одиночестве. Ее зовут Хизер, и она там тоже лечится от алкогольной зависимости. Очевидно, ей известна его склонность и к насилию, и к выпивке, и она помогает ему справиться с пороками. В общем, учитывая обстоятельства, голос его звучал на редкость оптимистично. И разумеется, трезво.

– Что ж, хорошая новость.

– Верно, а что касается Эми и Себастиана, я лишь разослала приглашения. Остальное за ними...

– Гениально. Итак, ты готова перейти к трапезе? К сожалению, у меня опять лишь мое фирменное рагу.

Фредди зажег свечи на кухонном столе, и Поузи удобно устроилась в кресле, пока он накладывал еду.

– Поузи, моя дорогая, я должен кое в чем признаться.

– О боже, Фредди. – Сердце Поузи тревожно забилося. – Не уверена, что вынесу еще какие-то дурные вести. Ладно, о чем речь?

– В общем, речь пойдет об аресте Сэма. Не так давно я разговаривал с Себастианом. Мне показалось подозрительным поведение этого Кена Ноакса, и я спросил Себастиана, не может ли он связаться с кем-то из коллег из его прошлой журналистской жизни и попросить проверить прошлое этого спонсора. И ему удалось. Позже офицер из отдела по борьбе с мошенничеством связался с Себастианом, пытаясь выяснить, где находится мистер Ноакс. И впоследствии его арестовали вместе с твоим сыном.

– Ясно. Что ж... – помедлив, сказала она. – По крайней мере, не так страшно, как я ожидала. В целом я даже хочу поблагодарить тебя.

– Правда? – Фредди настороженно взглянул на нее.

– Полнейшая. Бог знает, что могло бы случиться, если бы Себастиан не вмешался. Сэм катился по наклонной плоскости к саморазрушению, а теперь ему хотя бы помогут вылечиться. Подумать только, ведь этот ужасный мошенник мог прибрать к рукам Адмирал-

хаус... Ваши с Себастианом действия обострили ситуацию до предела. Болезненно, но необходимо.

– Так ты прощаешь меня?

– Фредди, тебя не за что прощать. Честно.

– Хвала небесам. После всех лет, что я хранил ту ужасную тайну, мне не хотелось бы больше ничего скрывать от тебя. Ладно... а как там Клемми? – спросил он, принимаясь за еду.

– Все хорошо, с нетерпением ждет Рождества. Они уехали на несколько дней в Лондон и вернутся в Сочельник. Мне хотелось бы по возможности сделать этот праздник особенным ради нее.

– И ты сможешь, Поузи, я не сомневаюсь. А что будет с Адмирал-хаусом?

– Буду что-то решать только после Рождества, – твердо ответила Поузи.

– Разумеется. А теперь, пожалуйста, попробуй наконец мою стряпню.

После ужина они вернулись в гостиную и, устроившись в креслах у камина, потягивали бренди.

– Хочется надеяться, что в Новом году мы будем плавать в более спокойных водах, – мечтательно произнес Фредди.

– Да, и я лишь хотела еще раз поблагодарить тебя за поддержку не только меня, но и моей семьи. Ты так великодушен и щедр, Фредди. И все обожают тебя.

– Неужели все?

– Да. Когда я представляла тебя им, то чувствовала себя ребенком, ищущим одобрения от родителей. Ведь очень важно, чтобы семья одобряла тебя, верно?

– Да, верно, и я рад, что меня сочли приемлемым.

– Приемлемым? Нет, Фредди, по-моему, тебе удалось полностью завоевать их сердца. А теперь мне пора уходить. За последние дни я совершенно вымоталась.

– Поузи? – Фредди встал и приблизился к ней. Взяв ее за руку, он поднял Поузи с кресла. – Ты не хочешь остаться?

– Я...

– Пожалуйста, – добавил он, привлекая ее к себе.

Минут десять спустя, после пылких поцелуев, он повел ее наверх, и Поузи совсем не смущало, что ее тело прожило почти семьдесят лет,

ведь его прожило еще дольше.

Глава 41

– Эми, не могла бы ты съездить на станцию Хейлсуорт, встретить одного моего старого приятеля? Мы тут по уши заняты выпечкой рождественских пирожков, правда, Клемми?

– Правда, – подтвердила Клемми, раскладывая фруктово-ореховую начинку по формочкам с тестом.

– Да, конечно, могу. А кого мне там искать?

– Э-э, его зовут Джордж. Я ему напишу, чтобы искал красивую блондинку. – Поузи улыбнулась.

Сидевший за столом Фредди, блеснув глазами, изумленно глянул на нее.

– Ладно, тогда вы тут, надеюсь, приглядите за детьми? А то они там, в малой столовой, крутятся вокруг елки, гадая, что спрятано в подарочных обертках.

– Тогда пойду-ка я лучше пригляжу за тем, чтобы они их не вскрыли раньше времени, – заявила Клемми и, вытерев руки подолом фартука, выбежала из кухни.

– Гм-м, что это еще за Джордж? – поинтересовался Фредди, массируя ей плечи.

– Так зовут героя книги Себастиана. – Поузи пожала плечами. – Его имя первым пришло мне в голову.

– Понятно. Могу я чем-то помочь?

– Да, уже можно накрывать на стол. Тэмми с Ником наверху заворачивают последние подарки. Наши дети, похоже, решили разориться в честь нынешнего Рождества.

– Ну да, наверняка, – сказал Фредди, направившись к буфету и достав из ящика столовые приборы. – А я вот все думаю...

– О чем же, интересно? – спросила Поузи, открыв дверцу духовки и поставив в нее противень с формочками.

– Может, когда все это безумие закончится, мне удастся утащить тебя в отпуск на пару недель? Знаешь, Поузи, ты уж точно заслужила его.

– Звучит, разумеется, соблазнительно, но...

– Никаких «но», Поузи, не сомневаюсь, что все они смогут прожить пару недель без тебя. Мы заслужили немного личного

времени, любимая моя. – Набрав полные пригоршни ножей и вилок, он звонко чмокнул Поузи в щеку. – Я подумывал о Юго-Восточной Азии. Может, слетаем в Малайзию?

– Боже, Фредди, я бы с радостью еще разок побывала там.

– Вот и славно. Тогда побываем, пока мы еще достаточно бодры и здоровы для такого приключения.

– Да, ты прав, – согласилась Поузи. – Соблазнительная идея, мне нравится...

В этот момент в кухню вбежали трое детей, и внимание Поузи переключилось на них.

* * *

Эми стояла на платформе, похлопывая руками, чтобы согреться. Поезд задерживался на пятнадцать минут, а погода выдалась морозная. Наконец состав, пыхтя, подъехал к станции, и на перрон вывалилась толпа пассажиров, нагруженная пакетами с рождественскими подарками. Эми вглядывалась в спешивших мимо нее людей, надеясь, что Поузи не забыла отправить сообщение, иначе ей не узнать этого Джорджа. Платформа постепенно опустела, и Эми уже собралась вернуться к своей машине, взять мобильник и позвонить Поузи, когда вдруг в нескольких метрах от себя заметила высокую фигуру.

Ахнув от изумления, Эми сначала подумала, что это какое-то наваждение, но нет, глаза ее не обманывали. Она видела, как он медленно приближается к ней.

– Привет, Эми.

– Привет... к сожалению, я должна бежать к машине, поскольку мне поручили встретить какого-то Джорджа, друга Поузи, и...

– Да, это я. – Он улыбнулся.

– Но тебя же зовут не Джордж и Поузи ведь не приглашала тебя на Рождество?

– На самом деле как раз пригласила.

Эми молча взирала на него.

– Если не веришь, можешь позвонить ей.

– Но почему?

– Потому что я еще не встречал таких замечательных людей, как она, однако если ты не хочешь видеть меня, то я сяду на следующий поезд и уеду обратно в Лондон. Так ты хочешь видеть меня, Эми?

– Ты имеешь в виду, на Рождество?

– Ну, ты же знаешь, как пишут на приютах для бездомных собак... «Преданные собаки бывают нужны не только на Рождество», – улыбнувшись, заметил он. – Так что, возможно, и немного дольше.

– Мне... – Голова у Эми пошла кругом.

– Если тебе станет легче, то она рассказала мне все, и мне очень жаль, что тебе пришлось так страдать, живя с Сэмом. Честно говоря, я мог бы задушить его голыми руками, но сомневаюсь, что это поможет, поэтому постараюсь сдерживать себя. Так как ты думаешь, сможешь ты принять решение, прежде чем мы оба трагически умрем от обморожения?

Глаза Эми затуманились слезами. А сердце, запертое на замок с тех пор, как ушел Себастиан, казалось, вот-вот взорвется в груди.

– Что ж, – справившись с волнением, выдавила она. – Ты приехал в гости к Поузи, и она просила меня привезти тебя.

– И ты уверена, что хочешь выполнить ее просьбу?

– Да, уверена.

– Тогда вперед.

Себастиан протянул ей руку, и Эми взяла ее. И они вместе пошли по опустевшей станции к ее машине.

Шесть месяцев спустя

Чайная роза (Rosa odorata)

Глава 42

Поузи сидела перед зеркалом за туалетным столиком и подкрашивала тушью ресницы. Потом она нанесла новую помаду, купленную специально ради сегодняшнего вечера, но тут же стерла ее с губ.

– Слишком яркая для такой старушенции, как ты, Поузи, – напомнила она себе.

В открытое окно с террасы доносились нестройные звуки, небольшой оркестр настраивал свои инструменты. Три часа назад родственники запретили ей входить на кухню, там сутились поставщики продуктов питания.

Поднявшись со стула, Поузи подошла к окну и выглянула в сад. Этот великолепный и спокойный июньский вечер вдруг напомнил ей последнюю большую праздничную вечеринку, устроенную здесь по случаю ее семилетия. Тогда ей отчаянно не хотелось, чтобы ее заметили и отправили спать, поэтому она тихо сидела на ступеньках садового крыльца, и к ней присоединился отец, вышедший из дома выкурить сигарету.

«Обещай мне, Поузи, когда ты найдешь любовь, то крепко ухватишься за нее и ни за что никуда не отпустишь», – сказал он тогда.

Его слова звенели в ее ушах, и она лишь надеялась, что сегодня вечером он мог бы похвалить ее.

Вчера они с Фредди тихо поженились, оформив брак в загсе, в присутствии лишь членов семьи. А сегодня – в ее семидесятый день рождения – отпразднуют оба события.

Поузи села на край кровати и сунула ноги в туфли с каблучками – не слишком удобные, на низких шпильках, но едва ли она готова выйти в резиновых сапогах в такой знаменательный вечер, как заметила Клемми, когда они зашли в обувной отдел, чтобы выбрать пару туфель, подходящих к ее наряду.

Наряд для нее откопала Тэмми – винтажное платье тридцатых годов прошлого века из приглушенно мерцающего кремового шелка, покрывшегося в силу возраста легкими морщинками, благодаря чему она и не выглядела как наполненный ветром парусник.

В дверь ее спальни постучали.

– Кто там?

– Тэмми и Клемми, – ответила Клемми. – Мы принесли цветы для твоей прически.

– Заходите!

Они вошли – Тэмми выглядела потрясающе в изумрудно-зеленом, облегающем фигуру платье, а наряд Клемми из бронзовой тафты идеально сочетался с румянцем и карими глазами девочки.

– Боже мой, какие же вы красавицы, – улыбнулась Поузи.

– И ты, бабушка... хотя ты вовсе не похожа на бабушку, – рассмеявшись, добавила Клемми.

– Сегодня, милочка, я себя и не чувствую бабушкой, – призналась Поузи.

– Глотните шампанского, чтобы успокоиться, – предложила Тэмми, вручая ей бокал. – Можно, я приколю цветы к вашей прическе?

– Спасибо.

Поузи глотнула шампанского и, вернувшись к туалетному столику, опять присела на стул. По настоянию Фредди она отрастила волосы, и теперь они обрамляли ее лицо, ниспадая мягкими волнами.

– Вот так прекрасно, – оценила Тэмми, закрепив в ее прическе два кремовых розовых бутона, сорванных в саду.

– Как там дела у поставщиков? Нам уже доставили выпивку?

– Бабуля, перестань беспокоиться. Внизу уже обо всем позаботились.

– Уверяю вас, Поузи, это правда, – подтвердила Тэмми. – Вам нужно что-нибудь еще? Гости уже начали собираться, и наши мальчики встречают их на крыльце. Нам тоже пора бы присоединиться к ним.

– У меня все есть, спасибо. Идите сюда, мои красавицы, и позвольте мне поцеловать вас обеих. – Взяв за руку Клемми, Поузи привлекла ее к себе, но внучка, завладев ее левой рукой, протянула ее к Тэмми.

– Видишь, Тэмми, у Поузи теперь два кольца на пальце, а у тебя только одно.

– Ах ты, хитрюга! – укорила ее Тэмми. – Тебе, наверное, просто хочется принарядиться в очаровательное платье подружки невесты.

– Мне просто хочется, чтобы вы с папой скорее поженились и мы все стали жить одной семьей.

– Скоро, уверяю тебя, Клемми, должны же мы сначала позволить Поузи полностью насладиться своей свадьбой и юбилеем!

Тэмми, глянув на Поузи над головой Клемми, закатила глаза, и юбиляра чмокнула внучку в щечку.

– Ступайте вниз, мисс. Скоро я присоединюсь к вам.

– Фредди явится за вами минут через пятнадцать.

– Спасибо, Тэмми. Вы меня совсем забаловали.

– В общем, Поузи, вы того и заслуживаете. Вы так много сделали для всех нас, теперь уж наш черед...

После их ухода Поузи опять глотнула шампанского и, устроившись на подоконнике, понаблюдала за растущей компанией гостей внизу на террасе.

Очередной стук в дверь.

– Заходите.

На сей раз пришла Эми, она выглядела очаровательно в бирюзовом шелковом платье.

– Поузи, мне просто захотелось пожелать вам удачи в сегодняшний вечер.

– Спасибо, дорогая моя. Кстати, ты выглядишь прелестно. Поистине, это вечер счастливых начинаний!

– Да, именно так, но уверяю вас, Поузи, когда мы с Себастианом переедем в Адмирал-хаус, вы всегда будете здесь самой желанной гостьей.

– Я понимаю, милочка, спасибо тебе. Этот дом нуждается в ремонте и модернизации для счастливой семейной жизни. И я очень благодарна Себастиану за то, что он решился взвалить на себя такую обузу.

– Да, из-за модернизации наш переезд отложится как минимум на год, но я обещаю заботиться о нем, если вы пообещаете помогать нам в саду. Я ведь даже не знаю, с чего там надо начать.

– Тогда тебе придется подучиться, и, как только я вернусь из медового месяца, мы начнем наши занятия.

– Вы правда согласны?

– Естественно. Ведь Джейк и Сара мне не чужие. Они Монтегю, поэтому род, по существу, не прервался.

– А вы... вы что-нибудь слышали о Сэме? – робко спросила Эми.

– Да, он звонил мне сегодня, пожелал хорошего вечера.

– Ясно. – Эми озабоченно взглянула на Поузи. – Как у него настроение?

– Учитывая момент, вполне благодушное. По-прежнему живет с Хизер... он познакомился с этой дамой в клинике... Сообщил мне, что когда закончится суд, то, в зависимости от приговора, они подумывают уехать за границу. У Хизер, видимо, полно денег и, читая между строк, желания удержать Сэма на стезе добродетели. Он определенно не пьет, Хизер тоже после клиники придерживается трезвого образа жизни, и два раз в неделю таскает Сэма на встречи анонимных алкоголиков, – с печальной улыбкой заключила Поузи.

– Мне так жаль, что он не захотел приехать на свадьбу или на сегодняшнюю вечеринку. – Эми вздохнула. – Возможно, из-за Себастиана: не только потому, что он со мной, но и потому, что он помог офицерам из отдела по борьбе с мошенничеством выследить его и Кена Ноакса. Мне ужасно жаль, что Себастиану пришлось сыграть такую роль, но... Ох, Поузи, я бесконечно рада, что он поступил именно так. Сэм отчаянно нуждался в помощи.

– Да, это было только к лучшему. Ничто в нашей земной жизни, милая моя, не бывает идеальным. Ладно, – Поузи встала с подоконника, – давай-ка перейдем к более радостным темам. Сегодня я хочу наслаждаться жизнью.

– Отлично. Ах, кстати, я же принесла вам подарок на день рождения. От всех нас. Откройте его, когда будет время.

– С удовольствием, – сказала Поузи, когда Эми показала ей на большой квадратный пакет в коричневой бумаге, стоявший около стены. – Спасибо тебе, моя дорогая.

– На самом деле это сущий пустяк после всего того, что вы для меня сделали. – Приблизившись, Эми обняла Поузи. – Вы изумительны, поистине изумительны. Ладно, пойду к гостям. Желаю вам полностью насладиться сегодняшним вечером.

– Обещаю наслаждаться, насколько это в моих силах.

Проводив Эми взглядом, Поузи подошла к коричневому бумажному пакету. Она присела на кровать и, держа пакет на коленях, с грустью подумала об отсутствии Сэма. Она лишь надеялась, что он сумеет найти удовлетворение в своей новой жизни, хотя и сомневалась в этом. За свою долгую жизнь она отлично усвоила то, что натуру, в сущности, изменить невозможно.

– Довольно о грустном, Поузи, – прошептала она себе, с интересом взглянув на лежавший на коленях пакет. Разорвав бумагу, она увидела заднюю часть холста. Перевернув его, она ахнула, ее глазам предстало живописное изображение Адмирал-хауса.

Эми выбрала интересный ракурс, на переднем плане красовался созданный Поузи сад, приводивший к крыльцу террасы и самому особняку. Картина вместила и садик бабочек, и клумбы, и ивовую аллею в период их полного и великолепного цветения.

Слезы навернулись на глаза, и Поузи с трудом подавила их, не желая испортить макияж. Сад стал ее вкладом в родовое имение Адмирал-хаус, и она знала, что у нее есть наследники, способные позаботиться о нем в будущем. Она собиралась предложить Себастиану и Эми подыскать хорошего садовника... судя по этой чудесной картине, Эми слишком талантлива, чтобы проводить свои дни по колено в компосте.

После очередного стука в дверь на пороге появился Фредди, ослепительный в своем вечернем костюме.

– Привет, любимая, – сказал он, подходя к вставшей с кровати Поузи. – Не можешь взглянуть на свое творение?

Он раскинул руки, и она припала к его груди.

– Как самочувствие? – спросил он.

– Волнительное.

– Уж не грустишь ли ты, осознавая, что это твоя последняя вечеринка в Адмирал-хаусе?

– Нет, почти нет, – ответила она.

– Удивительно.

– Ну, за последние несколько месяцев я поумнела и кое-что поняла.

– И что же?

– Что семейное счастье заключается не в роскошном особняке. – Она улыбнулась, подняв к нему лицо. – Оно прямо здесь, в твоих объятиях.

– Бог ты мой, миссис Леннокс. – Фредди взглянул ей в глаза. – Похоже, вы настроены чертовски романтично.

– Должно быть, с годами я стала более снисходительной, но я не шучу. Правда.

Он поцеловал ее в лоб.

– Что ж, со своей стороны могу обещать, что тебе не удастся вырваться из этих объятий, а также, что ежели тебе захочется чего-то более просторного для жизни, включая участок для садоводства, то после нашего медового месяца мы подыщем местечко по твоему желанию.

– Никаких больше поисков, Фредди, твой коттедж, безусловно, идеален. Он обеспечит нам уютное убежище, когда мы будем возвращаться из всех задуманных нами путешествий.

– Поживем – увидим. Любой сигнал бедствия от наших детей или внуков – и ты тут же полетишь их спасать. – Он усмехнулся. – Но так и должно быть. Я люблю тебя, миссис Леннокс.

– И я тоже люблю тебя.

Их общение прервал очередной стук в дверь, Фредди и Поузи отскочили друг от друга, увидев вошедшего в комнату Ника.

– Откровенно говоря, – заметил он, удивленно приподняв брови, – вы похожи на пару школяров, которых застукали в спальне за чем-то предосудительным. Мам, ты готова к выходу? Все уже собрались в холле.

– Полагаю, вполне готова.

Она глянула на Фредди сияющими глазами.

– Знаешь, дорогой, похоже, в этот дом возвращается жизнь.

– Я понимаю, милая моя, – кивнул Фредди, – все понимаю.

И, предложив молодой жене руку, он осторожно вывел ее из дверей спальни.

Поузи стояла на верхней площадке лестницы, между мужем и сыном. Над ней сверкала старинная люстра, и ее взгляд устремился к заполненному гостями холлу. Глазам предстало море взволнованных, радостных лиц. Среди них ее любимая семья... новое поколение, которому она дала жизнь, и их родные глаза полны надежд на будущее.

Кто-то хлопнул в ладоши, остальные гости поддержали его, и в результате холл наполнился звонкими аплодисментами и ликующими приветствиями.

Опираясь на крепкие руки Фредди и Ника, Поузи начала спускаться к гостям по широким старинным ступеням парадной лестницы.

Примечания

1

Кофе с молоком (*фр.*).

2

Милая, папа (*фр.*).

3

Семейное убежище; такие бомбоубежища сооружались во время Второй мировой войны, названы по имени Джона Андерсона, занимавшего пост министра внутренних дел.

4

Эффект бабочки – термин в естественных науках, обозначающий свойство некоторых хаотичных систем, а именно то, что незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия, в том числе и совершенно в другом месте; автор выражения Эдвард Нортона Лоренц (1917–2008) – американский математик и метеоролог, один из основоположников теории хаоса.

5

Rosy Posy – розовый букетик (*англ.*).

6

«Голубая луна» («Blue Moon», *англ.*) – песня, написанная в 1934 году американским композитором Ричардом Роджерсом (1902–1979) на слова поэта-песенника Лоренца Харта (1895–1943), плодотворно работавших вместе четверть века.

Высадка в Нормандии, или Операция «Нептун», – морская десантная операция, проведенная 6 июня 1944 года в Нормандии во время Второй мировой войны силами США, Великобритании, Канады и их союзников против Германии.

8

Да, милая (*фр.*).

9

Буддлея Давида (*лат.*).

10

До сих пор популярная игра в каштаны зародилась в Англии в середине XIX века и заключается в том, что игроки нанизывают конские каштаны на веревочки и пытаются ударить по каштану соперника так, чтобы разбить его или сорвать с веревки.

11

Гвоздь программы (*фр.*).

12

Популярные фарфоровые изделия, украшавшие каминные полки Англии с конца XVIII века, когда в Стаффордшире начали производить декоративные статуэтки и посуду.

Джованни Антонио Каналь, известный также под именем Каналетто (1697–1768) – итальянский художник, глава венецианской школы ведутистов, мастер городских пейзажей в стиле академизма.

14

Корк-стрит – улица в фешенебельном районе Мейфэр на западе Лондона со множеством галерей современного искусства.

Английская пословица: «Однажды укушенный вдвойне пуглив»;
близка по смыслу к русской: «Пуганая ворона куста боится».

Эмма Гамильтон, леди Гамильтон (1765–1815) – любовница британского вице-адмирала Горацио Нельсона (1758–1805). Благодаря своим скандальным любовным интригам, красоте и художественному таланту леди Гамильтон стала в конце XVIII – начале XIX века настоящей европейской знаменитостью.

Рональд Дэвид (Ронни) Вуд (1947) – британский музыкант цыганского происхождения, в первую очередь известный как участник группы «Роллинг стоунз».

«Портобелло-роуд» – уличный рынок в Лондоне, известный своими антикварными лавками, расположенный на одноименной улице.

В данном случае имеются в виду формально не обозначенные барьеры, которые препятствуют карьерному росту женщин, а в общем случае – представителей дискриминируемых социальных групп.

Маргарет Урсула Ми (1909–1988) – британская художница, специализировавшаяся в изображении растений дождевых лесов Амазонии.

Сестры Бронте: Шарлотта (1816–1855), Эмили (1818–1848) и Энн (1820–1849) – английские писательницы, чьи романы произвели сенсацию и впоследствии были признаны классикой английской литературы.

Эммелин Панкхёрст (1858–1928) – британская общественная и политическая деятельница, борец за права женщин, лидер британского движения суфражисток, сыграла важную роль в борьбе за избирательные права женщин. В 1903 году, уже после смерти мужа, Панкхёрст основала Женский социально-политический союз (ЖСПС), активистскую организацию, ведущую борьбу за предоставление женщинам избирательных прав с девизом: «Не словом, а делом».

Маленькие каникулы, отпуск (*фр.*).

Очень большие каникулы, летние каникулы (*фр.*).

Марго Фонтейн, урожденная Маргарет Эвелин Хукем (1919–1991) – артистка балета, прима-балерина лондонского Королевского балета, постоянная партнерша Рудольфа Нуреева после его бегства из СССР, супруга панамского юриста и дипломата Тито де Ариаса.

По народной легенде, в Корнуолле, на юго-западе Англии, в болоте, известном как Бодмин-Мур, обитает таинственный зверь. Это болотное чудовище чаще всего описывают как существо, похожее на пантеру, и поскольку в Англии нет ландшафтов, необходимых для жизни больших кошек, то местные жители издавна верят в сверхъестественное происхождение этого болотного монстра.

27

Твердая земля, почва (*лат.*).

Мьюз-хаус (mews – конюшни (*англ.*)) – малоэтажные городские дома, переделанные из старых, в которых на первом этаже располагались конюшни.

Робби Уильямс (р. 1974) – английский певец, за характерный тембр голоса и манеру исполнения прозванный Фрэнком Синатрой XXI века.

Битва за Англию – воздушные сражения над территорией Великобритании в районе Лондона и южной Англии в 1940–1941 годах.

Аннелиз Мария (Анна) Франк (1929–1945) – еврейская девочка, уроженка Германии, после прихода Гитлера к власти скрывавшаяся с семьей от нацистского террора в Нидерландах. В итоге была схвачена и отправлена в Освенцим, а оттуда в Берген-Бельзен, где умерла в конце войны от тифа; автор переведенного на многие языки мира знаменитого «Дневника Анны Франк» – документа, обличающего нацизм.

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – ирландский англоязычный поэт и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года; Руперт Чоунер Брук (1887–1915) – английский поэт, известный своими идеалистическими военными сонетами, написанными в период Первой мировой войны.

Фрэнсис Крик (1916–2004) – британский молекулярный биолог, биофизик и нейробиолог; Джеймс Дьюи Уотсон (1928) – американский биолог, учившийся и работавший в Кембридже; лауреаты Нобелевской премии по физиологии и медицине 1962 года – совместно с Морисом Х. Ф. Уилкинсом – за открытие структуры молекулы ДНК.

Розалинд Франклин (1920–1958) – английский биофизик и ученый-рентгенограф, занималась изучением структуры ДНК; после завершения работы над своей частью исследования ДНК Франклин начала первую в своем роде работу по исследованию вирусов табачной мозаики и полиомиелита. Скончалась от рака в 1958 году, за четыре года до вручения Нобелевской премии за исследование нуклеиновых кислот.

Офицерская школа Монс в Олдершоте, основанная в 1926 году, принимала на шестимесячные курсы выпускников колледжей; закрыта в 1972 году.

Марианна Норт (1830–1890) – английская путешественница и художница, известная своими ботаническими иллюстрациями и пейзажами, а также открытиями новых видов растений.

Ботаническая исследовательская лаборатория, основанная в 1887 году, названа по имени финансировавшего ее правоведа Томаса Джодрелла (1807–1889).

Джеймс Пёрде (1784–1863) – британский производитель оружия, основал фирму в 1814 году, специализируясь на эксклюзивных спортивных ружьях и винтовках. Имя Джеймс носили четыре представителя легендарной оружейной династии, но лишь двое – Пёрде-отец (1784–1863) и Пёрде-сын (1828–1909) – навсегда останутся величайшими оружейниками. И тем не менее, когда произносят магическое слово «Пёрде», имеется в виду фирма, а не конкретный владелец, и эта фирма на протяжении двух веков выпускала и выпускает самое престижное в мире оружие.

Фрэнсис Альберт Синатра (1915–1998) – знаменитый американский киноактер, кинорежиссер, продюсер, шоумен и певец.

«Унеси меня на Луну» («Fly Me to the Moon», *англ.*) – знаменитая традиционная джаз-песня, написанная Бартом Ховардом (1915–2004) в 1954 году.

«Миндалевидный» мотив в орнаменте зародился в Персии и Иране во времена династии Сасанидов (III–VII века) и развился до многообразия форм уже к XVI–XVIII векам; основным центром производства дешевых тканей с таким орнаментом в Западной Европе стал шотландский город Пейсли (в честь которого орнамент и получил свое название на Западе).

Сэр Ноэл Пирс Кауард (1899–1973) – английский драматург, композитор, режиссер, актер и певец.

Лоренс Керр Оливье, барон Оливье Брайтонский (1907–1989) – британский актер театра и кино, режиссер театра и кино, сценарист и продюсер; один из известнейших актеров XX века, репертуар которого включал как античную драму и произведения Шекспира, так и современные американские и британские пьесы.

Королевские гуркхские стрелки – британский стрелковый полк, состоящий из гуркхов – этнических непальцев.

45

Милочка (*ит.*).

46

Любовь моя (*ит.*).

47

Да, конечно (*ит.*).

Уголовная прокуратура Великобритании.

Мисс Хэвишем – героиня одного из самых популярных романов английского писателя Чарльза Диккенса (1812–1870) «Большие надежды», потерявшая любовь в день свадьбы.

«Маппет-шоу» – англо-американская телевизионная юмористическая программа, созданная американским кукольником и режиссером Джимом Хенсоном (1936–1990); выходила в 1976–1981 годах. Основными действующими лицами были куклы-маппеты, с их участием было снято несколько полнометражных фильмов, в частности «Рождественская сказка».

«Идеальная семья» – фильм режиссера Энн Рентон, сценарий Паулы Голдберг и Клэр В. Райли (кинокартина снята в 2011 году, а в романе действие происходит в 2006).

И так далее, и тому подобное (*лат.*).

Table of Contents

[Люсинда Райли Комната бабочек](#)

[Поузи Адмирал-хаус, Саутволд, Саффолк](#)

[Июнь 1943](#)

[Осень 1944](#)

[Адмирал-хаус Сентябрь 2006 года](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Поузи Адмирал-хаус](#)

[Декабрь 1944](#)

[Август 1949](#)

[Ноябрь 1954](#)

[Адмирал-хаус Октябрь 2006 года](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Поузи Манор Бодмин-Мур, Корнуолл](#)

[Июнь 1955](#)

[Адмирал-хаус Ноябрь 2006 года](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Поузи Лондон](#)

[Лето 1958](#)

[Адмирал-хаус Декабрь](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Шесть месяцев спустя](#)

[Глава 42](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)

49

50

51

52

